

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

АРСЕН МЕЛИК-ШАХНАЗАРОВ

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ

ХРОНИКИ НЕНАВИСТИ

Минск
«Современная школа»

УДК 94(479.243)
ББК 63.3(5Азе)
М47

Мелик-Шахназаров, А.

М47 Нагорный Карабах. Хроники ненависти / Арсен Мелик-Шахназаров. – Минск : Современная школа, 2011. – 528 с.

ISBN 978-985-539-249-2.

В книге журналиста-международника и политолога Арсена Мелик-Шахназарова рассказывается об истоках и возникновении в 1918–1921 гг. нагорно-карабахского конфликта и о его развитии вплоть до распада СССР и выхода провозглашенной в сентябре 1991 г. Нагорно-Карабахской Республики из состава бывшей АзССР. Рассматриваются периоды военных действий 1991–1994 гг. и послевоенная ситуация в регионе, активность Турции и ее спецслужб на протяжении всего конфликта.

Особое внимание автор уделяет информационно-идеологическим аспектам азербайджано-карабахского конфликта, освещению происходивших событий средствами массовой информации Советского Союза, Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении, зарубежными СМИ.

Книга адресована как специалистам, – политикам, журналистам, историкам, дипломатам, – так и всем интересующимся историей и проблемами региона Южного Кавказа.

УДК 94(479.243)
ББК 63.3(5Азе)

ISBN 978-985-539-249-2

© Мелик-Шахназаров А., 2011
© Оформление. ООО «Современная школа», 2011

Предисловие

«Никто не обнимет необъятного!» – гласил афоризм Козьмы Пруtkова – мифическо-го персонажа, рожденного творческой фантазией группы талантливых русских поэтов и сатириков середины XIX в. Афоризм, на взгляд автора, абсолютно верный. Однако верно и то, что ничто не может запретить стремление обнять это необъятное.

Вот резюме, которое автор хотел бы предложить читателю перед прочтением предлагаемой его вниманию книги.

Автор не преследовал цели подробно осветить события, происходившие в рассматриваемый период в Армянской ССР – Республике Армения, ибо это увеличило бы объем книги как минимум раза в полтора и несколько отвлекло бы от главной темы.

Точно так же автор не ставил своей целью рассказать о тех или иных карабахских и армянских политических лидерах, лишь коротко упоминая некоторых из них по ходу повествования, там, где без этого не обойтись.

Меньше всего автору хотелось бы, чтобы кто-либо, прочитавший эту книгу, посчитал ее «антиазербайджанской». Она не такова. На мой взгляд, азербайджанский народ сам стал жертвой и заложником шовинистических амбиций своих руководителей. В том числе и алиевского клана, безраздельно правившего сначала АзССР, а затем Азербайджанской Республикой с конца 1960-х гг. и до наших дней лишь с десятилетним и во многом формальным перерывом.

Тем не менее приходится считаться с реальностью, с тем, что множество людей оказалось в плену ложных построений и расистских предрассудков. Сегодня в Азербайджанской Республике ненависти к соседнему армянскому народу учат уже с детского сада и школы, о чем свидетельствуют и опубликованные в Интернете выдержки из школьных учебников этой страны.

На протяжении столетий истории в Армении были десятки исконно армянских областей, ставших жертвами политики геноцида и империализма, оккупированных, потерявших свой этнический облик. В Западной (Турецкой) Армении и Киликии их более десятка – Муш, Сасун, Зейтун, Амшен, Карс и другие. В Восточной (Русской) Армении – Нахичеван, северная часть Нагорного Карабаха.

Нагорный Карабах – единственная армянская область, которая после многих десятилетий колониального гнета была освобождена, избавилась от перманентного геноцида. Понимая, что независимость Нагорного Карабаха может стать первым шагом на пути возрождения других оккупированных армянских земель, Турция, ее азербайджанский сателлит и их покровители делают все возможное и невозможное, чтобы не допустить само-го физического существования армян Карабаха.

Это было тем более необходимо, что в последние годы появилось значительное количество заведомо лживой информации и литературы по карабахской тематике. Заинтересованные силы пытаются задним числом переписать историю конфликта, исказить имевшие место события. В условиях незнания многими россиянами реалий региона и того периода, который рассматривается в настоящей книге, эта заведомая ложь без труда находит свои цели.

Как-то в руки мне попалась оренбургская газета «Южный Урал» за 21 марта 2007 г. В ней я обнаружил стихотворение Владимира Напольнова «Горячая точка»: своего рода воспоминание автора о мимолетном знакомстве с Нагорным Карабахом в годы прохождения срочной службы, вероятно, во внутренних войсках МВД СССР.

Описывая рутину небезопасной службы в «горячей точке», автор передал всю пропасть непонимания простым солдатом, «накрученным» политруками, реалий происходящего.

Инструктаж: мол, каная-то сволочь

Тут житья никому не дает.

И задать бы, как надо, жару,

Но со «сволочью» прямо игра:

Азера говорят о ней: «Ары!»

Ары скалятся: «Азера!»

(Черт поймет, начальство рассудит!)

Заканчивалось стихотворение прямо-таки замечательным пассажем – признанием в том, что понимания прошлых событий не прибавилось, сами они ускользают из памяти, и их хочется поскорее забыть.

И теперь о «горячей точке»

Нелегко вспоминать уже.

Оренбургские наши ночи

И спокойнее, и свежей.

Да и днем тут в рядах базаров

Знает спроста гранат гора.

И смеются беззлобно ары,

Улыбаются азера...

Может быть, эта книга каким-то образом попадет в руки автора процитированного стихотворения, и он, прочитав ее, наконец-то составит какое-никакое мнение о том, что приключилось с ним, с карабахцами и со всей страной два десятилетия назад...

Ежедневно из Баку раздаются угрозы стереть Карабах и всю Армению с лица земли, идет шантаж мирового сообщества. И заявляют подобное не маргиналы, а самые что ни на есть официальные лица. Президент АР Ильхам Алиев договорился до того, что армяне-де временные гости в Ереване.

Одна сотая часть подобных заявлений, прозвучи она в адрес Израиля со стороны иранского аятоллы или палестинского деятеля, неделями будет возмущенно обсуждаться мировой прессой. Однако для Армении современными империалистами придуманы другие правила игры. Вследствие искусственно нагнетаемой военной истерии сохраняется постоянная угроза миру в этом регионе. Все это усложняется тем, что свойство таких конфликтов – разрастаться и выходить далеко за рамки начальных регионов, так как всегда находятся внешние силы, использующие обе стороны для продвижения своих интересов.

Эта книга не направлена против какого-либо народа, она – антиимпериалистическая. Империализм остается империализмом, будь то имперские амбиции коммунистического СССР, мини-имперские Азербайджанской Республики или глобальные Соединенных Штатов Америки. И героическая борьба армянского народа Нагорного Карабаха была и есть не что иное, как борьба антиимпериалистическая на всех ее этапах.

Таковой она остается и сегодня, когда различные мировые центры силы, казалось бы, разной идеологической направленности пытаются политико-дипломатическим путем и методами шантажа втиснуть Нагорный Карабах в рамки мифической территориальной целостности бывшей Азербайджанской ССР.

За многие годы работы на «информационном фронте» у автора накопилось огромное количество материалов, информации. Наконец, пришло время систематизировать все это, чтобы создать более или менее цельную картину истоков конфликта и происшедшего в регионе.

Несколько слов о терминологии. Автор старался использовать те названия, которые были в ходу в тот или иной описываемый период.

Административные названия в целом приводятся так, как они именовались по-русски на 1988 г. Например, Шуша, а не Шуши, как официально именуется сегодня этот город в НКР и РА; Мардакерт, а не Мартакерт.

Исключение автор сделал для карабахского райцентра и одноименного района: Шаумян, Шаумянский, названных в свое время именем большевика Степана Шаумяна. В советское время райцентр, давший название району, именовался совершенно неграмотно с точки зрения русского языка: Шаумяновск. Однако там, где цитируются документы советского периода, сохраняется официальное правописание тех лет: Шаумяновск и Шаумяновский район.

Иногда указывается историческое армянское название того или иного населенного пункта, местности: например, Гандзак вместо Гянджи. Армянское название Нагорного Карабаха – Арцах – также иногда употребляется, в основном для того, чтобы разнообразить некоторое терминологическое однообразие.

Автор полагает, что некоторые иронические параллели, сравнения, равно как и фантастический сценарий из последней главы, ничуть не умаляют его более чем серьезного отношения как к предмету исследования, так и к читателю.

Конфликты на Кавказе – это давно уже не просто локальные противостояния. Это плацдарм, на котором происходит реализация интересов сил намного более глобальных, чем интересы Армении, Азербайджана и уж тем более Нагорного Карабаха.

Чтобы не быть пешкой в чужой игре, нужно постараться для начала хотя бы выяснить правду о том, что же реально происходило и происходит внутри и вокруг этого противостояния.

Учитывая сложность и многогранность темы, перед автором этой книги стояла весьма нелегкая задача.

Во-первых, требовалось дать достаточно подробную картину истоков и аспектов азербайджано-карабахского конфликта, его тления в советское время и развития в самый поздний советский период.

Во-вторых, рассмотреть идеологические и информационные аспекты политики сторон конфликта, в том числе в советский период, союзного Центра.

Наконец, показать изнанку многочисленных мифов и фальсификаций, в огромном количестве расплодившихся вокруг Нагорного Карабаха.

Насколько это удалось автору, судить читателю.

Благодарности от автора

На факультете международной журналистики МГИМО, который я имел честь окончить, наши преподаватели журналистики говорили студентам: «Журналист должен знать понемногу обо всем и все о чем-нибудь одном».

Таким «необъятным одним», которое автору довелось стремиться объять и обнять на протяжении последних двух десятилетий, стала тема Нагорного Карабаха.

Задолго до начала событий в «Нагорном Карабахе и вокруг него» – как окрестила карабахское национально-освободительное движение лживая советская пресса – мне было уже известно немало о родине моих предков по отцовской линии. Много мне рассказывал дед, Зарз Самсонович, родившийся в начале XX в. в Шуше, участвовавший с 14 лет добровольцем в первой Карабахской войне 1918–1920 гг., переживший разгром своего родного города 23 марта 1920 г. Знал я и о своем древнем роде, представители которого на протяжении двух столетий были меликами (князьями) крупнейшего из меликств (княжеств) Нагорного Карабаха, которое носило название Варанда.

Поэтому в 1989 г., не удовлетворяясь более ролью стороннего наблюдателя карабахской драмы, досрочно разорвал двухлетний контракт на работу переводчиком французского языка в одном из вузов столицы Алжира и поехал в Степанакерт. Где и приступил к работе в качестве корреспондента русской редакции областной газеты «Хорурдаин Карабах» – «Советский Карабах». Некоторые мои московские знакомые, узнав об этом, крутили пальцами у виска: «После международного отдела «Советского спорта», загранкомандировок переводчиком по линии Госкомспорта – в провинциальную газету в горячей точке?»

Однако ни тогда, ни позже мне не довелось жалеть о своем выборе. Более того, благодарен судьбе, что «бросила» меня на родину предков, в газету, работая в которой в довольно нелегкий период, приобрел разнообразный опыт и только после этого стал настоящим журналистом.

Кстати говоря, в 1992 г. из Москвы в Ереван навсегда переехал мой отец Ашот Мелик-Шахназаров, кадровый дипломат, проработавший 33 года в МИД СССР и 12 лет, до конца своих дней, в МИД Республики Армения. Он успел не только внести важный вклад в становление и развитие армянской дипломатии, но стал известен и как создатель и организатор спортивных Панармянских игр, которые уже стали традиционными...

Между тем, работа в редакции «Советского Карабаха» в качестве корреспондента, а затем московского корреспондента газеты научила многому. В том числе и ведению на практике информационной и контрпропагандистской работы, которую мы проходили в институте лишь в теории, умению решать вопросы, связанные с регистрацией издания, «выбиванием» газетной бумаги и т.п.

Немного о редакции и коллегах по газете «Советский Карабах», материалы которой так часто цитируются в этой книге.

Журналистский коллектив редакции был вполне хорошо подготовленным и творчески активным, что, кстати, не стало неожиданностью для автора этой книги. Зная московскую прессу, часто приходилось сталкиваться с особым снобизмом столичных

журналистов. Помнится, как-то в разговоре с одним из коллег позволил себе усомниться в его определении некоего московского журналиста как «лучшего в своем жанре» в СССР. На мое разъяснение, что в Союзе множество изданий, – так что всего не объять, да и далеко не все они на русском языке, а потому и само определение «первенства» не совсем корректно, – коллега глянул на меня как на неменяемого. Сработал стереотип: «самые лучшие – в столице», и никак иначе. Тогда же я определил для себя это явление как «столичный провинциализм».

Степанакерт, хотя и вырос уже в советское время на месте маленького поселка, во многом носил на себе отпечаток старой, дореволюционной Шуши. С ее старыми, по закавказским меркам, городскими традициями и значительной прослойкой интеллигенции. Многие представители которой и стали продолжателями старых традиций в новом административном центре НКАО. Они и их ученики были отнюдь не провинциалами.

Редактором «Хорурдаин Карабах» с февраля 1988 г. был один из видных представителей местной творческой интеллигенции, журналист и писатель Максим Ованесян. Он был одним из участников карабахского движения периода «оттепели» 1960-х гг., когда в НКАО стало «снизу» шириться движение за воссоединение с Арменией. Были подготовлены письма, петиции в Москву, собраны десятки тысяч подписей в пользу этого требования. Ряд представителей интеллигенции, в том числе и Максим Ованесян, после этих событий были отстранены от своих должностей. Это были настоящие запреты на профессию, о которых применительно к «миру капитала» так разорялись средства массовой информации СССР.

Редактором русского издания газеты был талантливый журналист Аркадий Гукасян – впоследствии министр иностранных дел (1993–1997) и президент (1997–2007) Нагорно-Карабахской Республики. Получивший образование на факультете русского языка и литературы Ереванского Госуниверситета, Гукасян обладал острым пером, быстрой реакцией и искрометным чувством юмора, что делало его публикации на самые разные темы особо привлекательными для читателя.

Отделом информации газеты руководил Вилен Бахшиян, который разделил свой рабочий кабинет с автором этой книги. Вилен являл собой пример настоящего репортера – информационных дел мастера, про которых говорят: волка ноги кормят.

Ряд сотрудников газеты были не только журналистами, но имели яркие публицистические и писательские наклонности, некоторые состояли и в местном отделении Союза писателей: Гегам Багдасарян, Нвард Авакян, Нвард Согомонян, Вардкес Овян.

В редакции был добротный секретариат и спянные отделы перевода: на армянский и на русский. Некоторые переводчики были к тому же пишущими. Общаясь преимущественно с соседями по этажу – «русскими» переводчиками, быстро отметил их эрудированность и начитанность. Один из них, Леонид Мартиросян, ныне редактор наследника «Советского Карабаха», республиканской газеты «Азат Арцах» («Свободный Арцах»), долгое время был корреспондентом российского информационного агентства «Интерфакс» по Нагорному Карабаху, почти десять лет возглавлял управление информации созданного в 1993 г. Министерства иностранных дел НКР.

Наконец, в здании редакции располагался и корпункт информагентства «Арменпресс» (армянский республиканский аналог ТАСС), чей степанакертский корреспондент

Александр Григорян перешел на эту должность с поста собкора «Азеринформа» (такое же азербайджанское республиканское агентство) по НКАО. Уроженец Баку, выпускник Ереванского института иностранных языков им. В. Брюсова А. Григорян много лет работал в Баку в прессе и информагентстве «Азеринформ», а после переезда в Степанакерт стал в 1980 г. первым редактором русского издания областной газеты «Советский Карабах».

Александр был наглядным опровержением снобизма «столичных провинциалов». В нем сочетались великолепный репортер, политический обозреватель и аналитик. К этому надо было добавить знание четырех языков: русского, армянского, английского и азербайджанского. И по меркам московской прессы свободное владение журналистом хотя бы двумя языками, включая родной, было и остается нечастым явлением. Рабочим языком Григоряна был русский, и его владению главным инструментом журналиста позавидовали бы в лучших центральных изданиях. Английским Александр также владел отменно. Не случайно, именно он переводил баронессе Кокс и ее окружению в их первые визиты в Арцах. Наконец, широкая эрудиция и развитое чувство юмора Саши Григоряна делали его незаменимым собеседником. К сожалению, Александр рано ушел из жизни: он скоропостижно скончался в 2007 г. в возрасте 55 лет.

Таким был главный рупор карабахской журналистики.

Конечно, не меньший вклад в дело информирования жителей края внесли областные радио и телевидение. Последнее было открыто как раз в 1988 г., после многолетнего саботирования создания этой структуры официальным Баку. Однако, в отличие от областной газеты поле их деятельности было ограничено пределами области.

А после введения чрезвычайного положения в НКАО само их функционирование было надолго парализовано. Радио возобновило работу лишь в конце 1990 г.

Работа телевидения была блокирована Оргкомитетом и военной комендатурой практически на весь период чрезвычайного положения. Местные телевизионные журналисты снимали сюжеты на будущее, переправляли материалы на армянское телевидение в Ереван. Телевещание возобновилось лишь в октябре 1991 г., но в конце ноября вновь прекратилось из-за перебоев, а потом и полного отключения в столице НКР электроэнергии вследствие начала военных действий. Вновь оно заработало уже после прорыва блокады НКР и восстановления подачи электроэнергии, в июне 1992 г. То есть уже в разгар войны, в ходе которой многие тележурналисты стали фронтовыми операторами.

С самого начала событий моим коллегам пришлось быть в самой их гуще, приняв на себя не только тяжесть потока клеветы и измышлений, исходивших из Баку и союзного Центра, но и испытыв производив военных властей, цензуру, запреты и все последующие «прелести» блокадного и военного времени.

Автор хотел бы с благодарностью упомянуть за ценные консультации по ряду затрагиваемых в этой книге событий и вопросов Олега Арутюнова, а также Гранта Бабабяна и также Юрия Айриянца, к глубокому нашему сожалению ушедших из жизни в сентябре 2010 и в декабре 2007 года.

Текст книги размещен на сайте: www.sumgait.info

Отзывы, уточнения и дополнения к книге Вы можете направить по адресу:

karafacts@mail.ru

Посвящается памяти коллег и товарищей, которых сегодня нет с нами:

Авета ГРИГОРЯНА (1948–1992)

Александра ГРИГОРЯНА (1951–2007)

Сергея АМБАРЦУМЯНА (1963–1992)

Славы МОСУНЦА (1938–2007)

Пролог

ВОЙНА И МИР ПО-ЗАКАВКАЗСКИ

После провала августовского путча 1991 года стало ясно, что Советский Союз доживает последние месяцы. В этих условиях многие республики СССР декларировали свою независимость.

30 августа Верховный Совет Азербайджанской Республики провозгласил восстановление независимости Азербайджанской Демократической республики 1918–1920 гг. Последняя, правда, никогда не признавалась Лигой Наций, и это было обусловлено именно неурегулированными территориальными спорами, в том числе и с Армянской Республикой из-за Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевани.

Нагорный Карабах в свою очередь объявил свою независимость от бывшей Азербайджанской ССР, кстати, в полном соответствии с законодательством Союза ССР. 2 сентября совместная сессия депутатов Облсовета НКАО и районного Совета Шаумянского района провозгласила Нагорно-Карабахскую Республику (НКР). 10 декабря 1991 года состоялся всенародный референдум, на котором подавляющее большинство населения НКР высказалось за независимость.

Это произошло до формального распада СССР, на основании статьи 3 Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 года.

Что последовало за этим?

Азербайджанские власти 26 ноября 1991 года приняли решение об упразднении НКАО – и перешли к прямой агрессии против Нагорно-Карабахской Республики. Приватизировав огромные запасы техники, вооружений и боеприпасов бывшей Советской Армии, Баку начал непосредственные боевые действия против армянского Нагорного Карабаха.

Война, начавшись осенью 1991 года, с переменным успехом продолжалась до начала мая 1994 года, когда при посредничестве Российской Федерации было заключено бессрочное прекращение огня. В ходе войны, потеряв часть своих территорий, Нагорно-Карабахская Республика в то же время установила контроль над значительными территориями Нагорного и равнинного Карабаха за пределами границ НКР.

Так началась война?

Она не началась, а лишь выплеснулась на всеобщее обозрение, стала предметом открытых обсуждений в СМИ и на международных форумах самого различного уровня.

Это породило множество мифов и пропагандистских клише, которые сознательно или просто для эпатажа как такового используются самыми различными силами для самых разных целей. В результате этой кампании решаются самые разные политические, экономические, криминальные и просто рекламные задачи.

Не решается только один вопрос: как армянам, проживающим на территории Нагорного Карабаха, осуществить мирным путем свое естественное право свободно жить на своей земле.

Стороны называют агрессорами друг друга, подкрепляя это самыми различными аргументами. Но большинству людей, непосредственно не касающихся этой проблемы, данный конфликт кажется затянувшейся межэтнической и межконфессиональной склокой вроде соседской ссоры с отсутствием правых и виноватых. Действительно, истоки конфликта имеют давнюю историю с продолжением в интересах сегодняшнего дня – если бы было иначе, противодействие давно сошло бы на нет. Поэтому настоящую причину следует искать и в дне сегодняшнем, ибо политики не борются за прошлое, и войны ведутся за вполне материальные, сегодняшние и завтрашние, интересы тех, кто раздувает этот кровавый конфликт.

Кто в нем прав и кто виноват? Политики не задаются этим вопросом. Они действуют по принципу продвижения своих интересов. Исторические же корни конфликта имеют значение как причина «восстановить справедливость». Причем эта справедливость, как правило, разная для каждой стороны.

Что произошло в 1991 году?

Не был использован шанс мирно восстановить эту справедливость и учесть интересы обеих сторон. Не было доброй воли политиков договориться об условиях мирного решения давно назревших вопросов. Вместо этого произошло то, что произошло.

Мы хотели бы рассказать, по возможности беспристрастно и аргументировано, КАК это произошло и ПОЧЕМУ.

Понять, ЧТО ЖЕ БУДЕТ ДАЛЬШЕ, можно, если определить силы и интересы, участвующие в этой драме. Люди, которые доведены до отчаяния и ослепленные гневом от потерь близких и разрушенного уклада жизни, конечно же, будут воевать, если политические силы не найдут способа примирить свои интересы.

Поэтому ответ на вопрос, КОГДА ЭТО ЗАКОНЧИТСЯ и ЧТО НУЖНО ДЛЯ ЭТОГО СДЕЛАТЬ, мы адресуем политикам, военным, юристам, так же, как и неприятные вопросы о том, В ЧЬИХ ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСАХ ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭТОЙ ВОЙНЫ.

Эта книга раскрывает механизм и описывает историю конфликта. Это история о том, как скрывались и извращались истинные причины его возникновения, старательно раздувались и обострялись противоречия между людьми, которые, собственно, не очень отличаются друг от друга и совсем не заинтересованы в том, чтобы бросать свои мирные занятия. Однако сегодня ведется война. Поскольку причины, породившие ее, до сих пор не устранены, примирение с каждым годом и поколением все более сложно.

Но все же оно возможно, и даже необходимо – для людей, потому что иначе их существование прекратится. Но не для политиков – их единственное жилище не разрушают, они вряд ли останутся без средств к существованию, их дети не погибают от голода и отсутствия медицинской помощи.

Так может, следует переключить внимание на те политические, экономические и внешние силы, которым выгодно именно продолжение войны в Нагорном Карабахе?

1991 год – это начало отрезвления от эйфории, вызванной первыми годами перестройки, ибо пришло понимание того, что свободу получили ВСЕ. Не только силы, которые могут оздоровить экономику и политику, но и те, которые захотят разыграть эту карту совсем по-другому, разжигая очаги борьбы за свое влияние.

Пришел первый шок – У НАС – ВОЙНА!

Проблема стала явной. С искренним удивлением многие узнали, что это не первый конфликт на Кавказе вообще и в Нагорном Карабахе в частности (помимо самого факта существования конфликта). И многие граждане уже бывшего Советского Союза впервые заинтересовались:

А КАРАБАХ – ЭТО ГДЕ?

ГДЕ ОН, ЭТОТ КАРАБАХ?

Античные источники констатируют, что во времена армянских царей Арташеса и Зареха (II в. до н.э.) и позднее – во время Страбона (I в. до н.э.)¹ население Армении было однородным по языку. Арцах (Карабах) был составной частью Армении, что подтверждается и другими древними авторами:

«Великая Армения ограничивается с севера частью Колхиды, Иверией и Албанией по вышеуказанной линии, проходящей через реку Кир (так именовалась Кура в древнегреческих и римских работах – прим. автора)»².

«Это племя (албанцев), расселившееся по кавказским горам, доходит, как сказано, до реки Кира, составляющей границу Армении и Иверии»³.

Византийский император Константин Порфирородный (913–959), направляя письмо на имя князя Хачена (одно из названий Арцаха, позже ставшее названием одного из княжеств-меликств Нагорного Карабаха), адресует его «в Армению»⁴.

Побывавший в начале XV в. в Карабахе немец Ганс Шильтбергер отмечал, что равнинный Карабах «лежит в Армении»⁵.

В VII в. Арцах (известный также по греческим источникам как «Орхистена») был не только этнически армянской провинцией, но и имел свой диалект армянского языка, о чем свидетельствует Стефан Сянеци⁶. Персидский анонимный географ начала XIII в. также отмечает, что население Хачена «есть армянское» – «армани анд»⁷. О том же говорят и грузинские источники⁸.

¹Страбон. XI. XIV. 5

²Клавдий Птолемей. География. V. XII. 1

³Плиний Старший. Естественная история. VI. 39

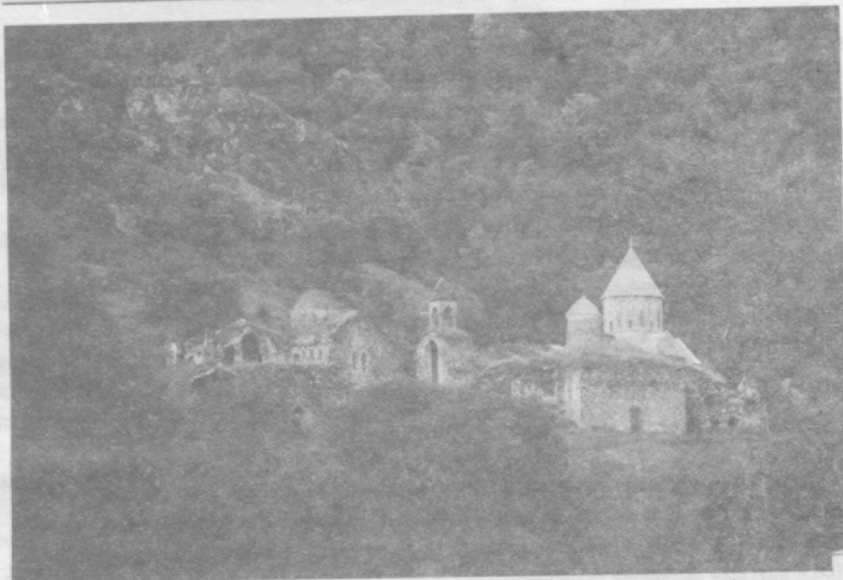
⁴К. Порфирородный. О церемониях Византийского двора. Кн. II. Гл. 48

⁵Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке. Перевод и примечания Ф. Бруна. Одесса 1866, С.110

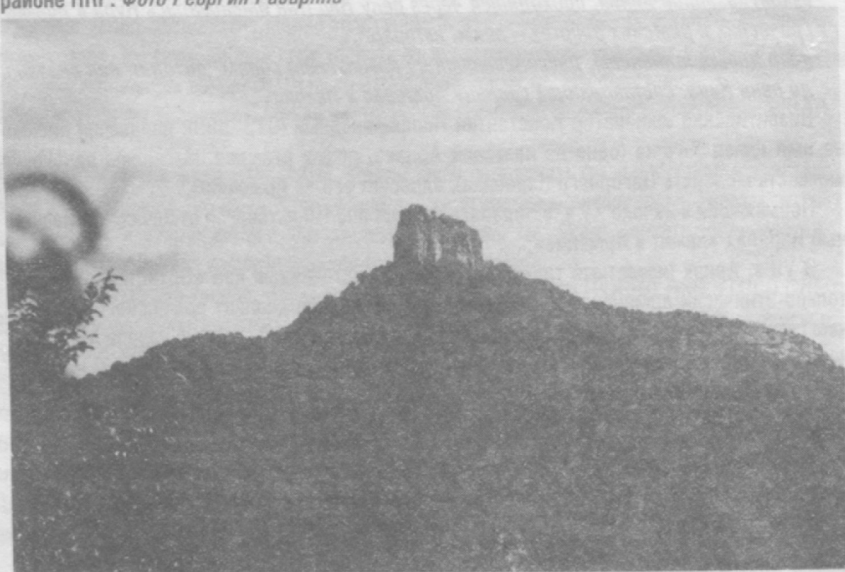
⁶Н. Адонц. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Петроград. 1915. С.187

⁷ЛО ИВ АН СССР. Рукопись А-253. Л. 2026

⁸См., например: Картлис Цховреба. На груз. языке. Т. II. С 60–67, 77.

Монастырский комплекс Дадиванк в Ново-Шаумянском (бывшем Кельбаджарском) районе НКР. Фото Георгия Газаряна

Развалины крепости Качагагаберд (Сорочья или Сорочинская крепость) на территории бывшего Хаченского меликства, ныне в Аскеранском районе Нагорно-Карабахской Республики. Фото Георгия Газаряна

Этнический состав населения Карабаха не претерпел каких-либо существенных изменений и в последующие века. Вот некоторые данные о населении армянского Арцаха в XVIII в. и его динамике, отразившей период войн и нашествий турок, персов и кочевых тюркских племен и многократное сокращение численности населения края вследствие его гибели в ходе войн и эпидемий, а также вынужденного переселения части карабахцев за пределы края.

Согласно посланию карабахских меликов (князей) Екатерине I от 1725 г., в каждом из 6 магалов (округов) Карабаха насчитывается 30, 40, 50 селений, в которых по 600, 500, 400, 200, 100, 50 дворов¹.

В записке грузинского царя Ираклия II от 1769 г. говорится: «Хамс (т.е. 5 меликств Арцаха) составляет владение... народ весь армянского закона, в том владении находится армянский патриарх»².

Возвращаясь к главному предмету разговора, следует отметить, что именно по причине многочисленного и практически однородного армянского населения края российские монархи рассматривали Нагорный Карабах как базу для восстановления на Кавказе армянского государства как вассала Российской империи.

В 1783 г. Г. А. Потемкин в своем рапорте Екатерине II сообщает:

*«Не имея еще повеления в. и. в., я дал резолюцию ген.-пор. Потемкину об Ибраим-хане Шушинском, сближающую его к повиновению. Тут предлежит рассмотрению, чтобы при удобном случае область его, которая составлена из народов армянских, дать в правление национальному и чрез то возобновить в Азии христианское государство, сходственное высочайшим в. и. в. обещаниям, данным чрез меня армянским меликам»*³.

В указе Павла I от 1797 г., там, где речь идет о численности армянского населения Нагорного Карабаха на тот момент, называется цифра в 11 тыс. семей⁴.

Здесь уместно напомнить, что до большевистского переворота 1917 г. край весьма успешно развивался. Основой его индустрии были несколько десятков шелкомотальных, шелкокрутильных и шелкоткацких фабрик, раскиданных по карабахским селам и дававших работу нескольким тысячам работников, среди которых было много женщин. Существовали также винокурни, заводы по производству кирпича, черепицы, иных стройматериалов, лесопильни и цеха по деревообработке, маслобойни и сыроварни.

Карабахский шелк традиционно ценился в России и за рубежом, а продукция карабахских производителей неоднократно занимала призовые места на различных престижных ярмарках. Широко известен тот факт, что в конце 1890-х гг. в ходе очередной Нижегородской ярмарки большая партия Гадрутского шелка была закуплена Францией; из этого шелка были сшиты занавеси для Елисейского Дворца в Париже.

Показателем заинтересованности правительства Российской империи в этом регионе Закавказья служит и тот факт, что в 1910-х гг. в короткое время была построена и фактически введена в строй узкоколейная железная дорога Евлах–Шуша, отмеченная

¹Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Ереван. 1967. Т. II. Ч. II., с. 249

²Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Под ред. А. А. Цагарели. СПб. 1891. Т. I. С 1768 по 1774 гг. Док. 198. С. 434

³ЦГВИА. Подлинник Ф. 52. Оп. 2. Д. 32, л.1, об.

⁴Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIV. С. 761. № 18189

практически на всех картах 1920-х гг. Она была проложена по весьма сложному предгорному рельефу, особенно на участке от нынешнего Степанакерта до предместий Шуши, где перепад высот составляет до 600 м на какие-то 6–7 км прямой дистанции. Дорога эта уже была реально построена к 1914 г., и по ней даже началось движение составов, но официально она еще не считалась вступившей в строй. Это ведь много позже Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль (БАМ) с помпой открыли, а потом «доделывали» на протяжении десятилетий, так что и до сих пор не доделали.

На протяжении более полутора тысячелетий судьба Нагорного Карабаха была порой драматична, ибо лежащий на дороге с востока на запад край часто становился ареной нашествий различных завоевателей. Персы, арабы, кочевые тюркские племена, монголы, турки-османы веками пытались покорить этот армянский край, который, однако, в течение многих столетий самоотверженно отстаивал свое право на жизнь и самобытность. Многочисленные памятники армянской культуры и сегодня являются немymi свидетелями этой длительной борьбы за выживание, которая и по сей день является уделом жителей Арцаха.

Культурное наследие Нагорного Карабаха – это прежде всего памятники христианства, которое распространилось в крае (как и в целом в Армении, ставшей, как считается, первой страной мира, принявшей христианство в качестве государственной религии) с IV в. от рождения Христа.

Однако никогда за всю свою историю памятники армянской истории и культуры, само духовное наследие прошлых поколений карабахских армян не подвергалось такому неприкрытому разграблению и уничтожению, как это было в период нахождения края в составе Азербайджанской ССР. Если первой задачей руководителей Советского Азербайджана было вытеснение армян из края, изменение в нем демографической ситуации за счет катастрофического оттока коренного населения, то одним из важнейших средств проведения этой политики в жизнь являлось отчуждение от этого населения памятников его истории и культуры. Прежде всего – христианских храмов. Сохранилось значительное количество историко-архитектурных памятников: крепостей, монастырских комплексов, церквей и часовен, мостов, дворцовых сооружений, хачкаров (надгробных крестов-камней; от армянского «хач» и «кар» крест и камень). Только на небольшой 4,4 тыс. км² территории Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО), составлявшей чуть более трети территории края в целом, до наших дней сохранилось по меньшей мере 1700 памятников такого рода, равно как и свыше 1000 единиц настенных и надгробных надписей на древнеармянском языке¹.

Среди этих памятников особое место занимают такие монастыри, как, например, сохранившийся до наших дней храм Амарас IV в., заложенный, по данным древнеармянских источников, Григорием Просветителем (креститель Армении, при котором в IV в. христианство стало государственной религией в стране). В середине V в. здесь, в Амарасе, создатель армянской письменности Месроп Маштоц открыл первую в Армении национальную школу.

Храм Гандзасар, построенный в XIII веке на вершине высокой горы близ села Ванк (ныне Мардакертский район Нагорно-Карабахской Республики), стал на несколько веков резиденцией карабахского католикосата.

¹Ш. Мкртчян. Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван. 1989. С. 5

Храм Гандзасар (Мардакертский район АОНК–НКАО), по определению А. Якобсона, – «энциклопедия армянской архитектуры». 1988 год, фото автора

Армянских надписей на стенах Гандзасара насчитывается до 180-и. По мнению бакинских «ученых», армяне сделали их в XIX веке, предварительно «сбив молоточками албанские надписи». Фото автора

В средние века в Армении было несколько католикосатов – центров религиозной жизни, возглавляемых высшими церковными иерархами – католикосами. А затем центром Карабахской епархии Армянской Апостольской церкви. Этот храм, равно как и многие другие монастырские и церковные комплексы, стал объектом паломничества и изучения со стороны многих ученых с мировым именем, таких, как Анатолий Якобсон, Шарль Диль и других.

С именами арцахских храмов связано немало легенд и преданий. Так, например, существует церковное предание, которое свидетельствует о том, что отрубленная по приказу Ирода Антипы голова Предтечи Иоанна Крестителя после долгих скитаний попала к брату правителя одного из пяти княжеств Арцаха – Хачена. Правитель Хачена Асан Джалал, из этого древнего рода вышло несколько католикосов Арцаха, привез голову в родовую усыпальницу Гандзасар («Гандзасар» в переводе на русский означает «гора со кровью»). Вот как рассказывает об этом известный армянский историк средневековья Мовсес Каланкатвази: «И поместил он ее (голову Иоанна Крестителя – прим. автора) там и над ней построил удивительную и восхитительную церковь католике во Славу Бога Христа и Крестителя Его святого Иоанна. А в день освящения церкви назвал ее именем святого Иоанна Гандзасара»¹.

В начале XIX в., после перехода Арцаха из-под власти Персии в состав Российской империи, в истории края начался период мирной жизни, который в целом продолжался до 1917 г. Эти годы стали благоприятным периодом не только для хозяйственного развития края, но и дали новый импульс развитию жизни духовной. По всему Нагорному Карабаху восстанавливаются древние, старые храмы, строятся новые. После столетия войн с османскими турками, персами и нашествий кочевых племен, интриг инородных и иноверных персидских ханов и шахов, XIX век стал временем возрождения карабахского архитектурного и, прежде всего, церковного зодчества.

Именно в этот период возведены десятки новых церквей и храмов, многие из которых отличались оригинальностью и весьма смелыми по тем временам, если не сказать модернистскими архитектурными решениями. В Шуше, ставшей центром культурной жизни края, возводятся сразу несколько церквей, в том числе и греко-православная.

Величественная церковь Христа Спасителя, или, как ее еще называют, «Казанчецоц» (от имени квартала, в котором она находилась – Казанчи), построенная в 1868–1887 гг., явила собой редкостный образец гармонического слияния монументального сооружения с окружающей средой. Эта церковь стала крупнейшей из всех ранее построенных армянских церквей не только в Закавказье, но и на всей территории Армянского нагорья.

К 1914 г. Карабахская (Арцахская) епархия Армянской Апостольской церкви имела 222 действующие церкви и 188 священнослужителей².

После распада Российской империи и вторжения в Закавказье турко-германских войск ими на обломках закавказских губерний было создано государственное образование, названное «Азербайджаном» по имени северной Персидской провинции, в целях последующей аннексии последней и прямого выхода в Среднюю Азию.

¹Мовсес Каланкатвази. История страны Алуанк. Перевод с древнеармянского. Ереван. 1984. С. 175

²Нагорный Карабах – историческая справка. Изд. Академии наук Армянской ССР. Ереван. 1988. С. 19; ссылка на журнал «Арагат». 1914 г. С. 637

Здесь мы должны напомнить, что территория Нагорного Карабаха, в целом намного больше той территории, на которой в 1923 г. была создана автономная область Нагорного Карабаха в ее куцых границах. В июле 1921 г., когда решением Кавбюро ЦК РКП(б) Нагорный Карабах был передан новообразованной Азербайджанской ССР, не существовало никаких границ, ни НКАО, ни границ между Советскими Арменией и Азербайджаном. В Российской империи границы губерний и уездов проводились в целях удобства управления, кроились, исходя лишь из определенной численности населения в административной единице. В короткий же период фактической независимости закавказских государств границы между ними так и не были определены и установлены из-за территориальных конфликтов.

В начале 1920-х гг., когда партийные инстанции российских большевиков решали дальнейшую судьбу Нагорного Карабаха, они оперировали такими понятиями, как «нагорные части» тех уездов Елизаветпольской губернии, территории которых в целом вмещали в себя Нагорный Карабах. То есть исходили из географического единства Нагорного Карабаха.

В записке карабахского армянского Национального совета об историко-географическом, политическом и социально-экономическом положении Карабаха, представленной им 5 мая 1919 г. командованию английских войск в Закавказье, говорилось: «Армянский, или Нагорный Карабах, обнимает собой всю горную область к востоку от озера Севан (Гокча), окаймленную с севера и юга Гянджинским хребтом, спускающимся к долине реки Аракса. Хотя с востока Нагорный Карабах примыкает к обширной степи, носящей название Карабахской, но она представляет собой совершенно обособленный в географическом отношении мир, поэтому и может быть легко выделена и присоединена к своей родной среде, т.е. к Кура-Араксинской равнине, продолжением которой и является она. Армянский Карабах в топографическом, орографическом и физическом отношении составляет одно неразрывное целое с горными массивами, тянущимися к западу от Гокчинского озера вплоть до Александропольской равнины. Это – природа высокогорья армянского плато, которое накладывает одинаковый отпечаток на жизнь всей этой обширной страны, создает одинаковые условия для экономической и культурной жизни»¹.

Точно так же в документах, в том числе и политических, относящихся к 1918–1920 гг., то есть когда карабахский вопрос вышел на мировую арену в качестве территориального спора между образовавшимися на территории бывшей Российской империи Арменией и Азербайджаном, использовались такие термины, как Армянский, или Нагорный, Карабах.

В 1923 г. была создана Автономная область Нагорного Карабаха из частей дореволюционных Джеванширского, Шушинского и Карягинского уездов, изначально площадью в 4,59 тыс. км². В более поздних изданиях площадь АОНК указывалась равной 4,2 тыс. км². В поздних же советских изданиях площадь НКАО традиционно указывалась – 4,4 тыс. км².

Автономную область не вошли не только большинство исконных историко-географических частей Нагорного Карабаха, но даже и почти половина населенных исключительно армянами территорий края. Фактически, при создании Автономной области Нагорного Карабаха АЗЦИ-Ком было в далеко идущих целях использовано прошлое, времен позднего персидского владычества в Закавказье административно-территориальное деление.

¹Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сборник документов и материалов. Изд. АН Армении. Ереван. 1992. С. 191

Известно, что в те времена Нагорный Карабах, географически представляющий собой горы и предгорья Малого Кавказа, был разделен между двумя административными единицами, ханствами шахской Персии.

Большая часть края входила в Карабахское ханство, образовавшееся в 1750-х гг. на основе пяти меликств (княжеств; название «меликство» происходит от арменизированного арабского слова «малик», т.е. царь) армянской провинции Арцах. Эти меликства, которые занимали территорию от Аракса на юге до притока Куры Кюррак-чая на севере, именовались поочередно с юга на север: Дизак, Варанда, Хачен, Джраберд и Гюлистан. Еще в XVII в. они образовали союз, наподобие конфедерации швейцарских кантонов, и были известны в исторической литературе под названием Хамса, то есть «пятерница», от арабского же слова «хамс» – пять.

Меньшая, северная, часть Нагорного Карабаха входила в состав Гянджинского ханства, в которой также существовало несколько небольших армянских княжеств-меликств, которые в отличие от меликств «Хамсы» подчинялись не напрямую Шахскому двору, а его наместнику – беглярбеку – в лице хана Гянджи (арм. Гандзак).

Получив от Закавказского крайкома право самолично устанавливать границы автономного Нагорного Карабаха, националисты из АЗЦИКа «автономизировали», по сути, сильно урезанные территории четырех «меликств Хамсы» – Дизака, Варанды, Хачена и Джраберда.

Территория пятого из меликств «Хамсы» Гюлистана вначале, как и большинство территорий севера Нагорного Карабаха, вошла в Гянджинский уезд, а впоследствии была выделена в отдельный (Шаумянский) район АЗССР.

По сути дела, ЦИК АЗССР, которому было поручено определить границы автономии, разрешил край на две части по Мравскому (Муровдагскому) хребту: армянские районы южнее хребта в урезанном виде вошли в состав АОНК, а все, что было севернее – просто включено в состав АЗССР.

Севернее же Мравского хребта вне пределов автономной области Нагорного Карабаха остались территории с почти 100-тысячным армянским населением, ранее составлявшие единое этнокультурное целое с остальными районами края и являвшиеся частью общей системы обороны горного армянского края в период противостояния турко-азербайджанской агрессии 1918–1920 гг.

Накануне Первой мировой войны именно Нагорный Карабах в его естественных этно-географических границах был территорией наиболее плотного сосредоточения армянского населения в Закавказье. Если сравнить соотношение территории Нагорного Карабаха, количество и плотность проживавшего на этой территории армянского населения с аналогичными данными, например, по Эриваньской губернии (территория которой стала основой для создания ССР Армении), то сравнение будет отнюдь не в пользу последней.

В уже упоминавшейся записке карабахского Армянского национального совета об историко-географическом, политическом и социально-экономическом положении Карабаха, представленной им 5 мая 1919 г. командованию английских войск в Закавказье, говорится: «По официальным статистическим данным русского правительства, опубликованным до начала общеевропейской войны, армян в Нагорном Карабахе насчитывается в круглых цифрах 280 000 человек, а татар и других народностей с мусульманским вероисповеданием – 75 000».

В изданном в Баку в 1914 г. справочнике «Весь Кавказ» приводится численность населения Елизаветпольской губернии по данным на 1 января 1913 г.: 1 240 874 человек, из коих армян – 452 294 человека¹. Известно, что примерно 100–110 тыс. армян проживали в Зангезуре и еще 60–70 тыс. – в других уездах губернии за пределами Нагорного Карабаха. Вычтя это число из 452 тыс. армянского населения Елизаветпольской губернии, как раз и получим ту же численность армянского населения Нагорного Карабаха, что и в вышеупомянутой записке Национального совета края.

Известно также, что в ходе войны 1918–1920 гг. погибло примерно 20 % населения Нагорного Карабаха, а сам край находился в состоянии разрухи. Эта оценка встречается в различных источниках, но более точных цифр потерь, похоже, не было установлено.

Тем, кто будет читать эту книгу, некоторые взаимные претензии, возможно, покажутся не совсем существенными и слишком многословными. Однако есть несколько серьезных причин, которые объясняют это. Во-первых, это поиск действительно ПРАВОГО и справедливого решения конфликта, который невозможен без такого анализа. И во-вторых – в ходе этого анализа становится понятной ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА НЕПРИМИРИМОСТИ. Она заключается в страшной правде: на сегодняшней стадии конфликта оспариваются не только территории.

Фактически происходит ЗАЧИСТКА АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ОТ НАСЕЛЕНИЯ. Так что возможно, что через какое-то время при молчаливом попустительстве всех, кто может и должен помочь погасить этот очаг войны – уже не останется тех, кому сегодня еще нужна помощь. Если, конечно, именно такой итог не запланирован.

КАК ЖЕ ЭТО ПРОИЗОШЛО?

Для того чтобы это понять, нужно заглянуть в годы, когда были прочерчены границы области, и проследить, как это происходило.

¹Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. М. Шапович. Баку. С. 351–352

Глава 1 ПРОБУЖДЕНИЕ

«Создатели Азербайджанской Демократической Республики дали согласие на передачу Армении части азербайджанских земель, в том числе Еревана... Отданные земли когда-нибудь должны быть возвращены. Должны быть возвращены исторические земли Азербайджана. Если мы не сможем добиться этого, то это сделают будущие поколения».

*Гейдар Алиев, президент АР,
из выступления на заседании Конституционной комиссии,
14 января 1998 г.*

«Я вас очень прошу, когда вы говорите со мной, вы на меня и ссылаетесь. Официальный Баку – это президент Алиев. Если он где-то что-то сказал, то это и есть наша политика».

*Вафа Гулузаде, советник президента АР по внешнеполитическим вопросам,
из интервью информагентству СНАРК,
19 января 1999 г.*

До начала событий, о которых рассказывает эта книга, очень немногие из советских людей имели представление о Нагорном Карабахе вообще и об НКАО в частности. Большинство из них вообще не знали, где находится НКАО, некоторые полагали, что область населяет некий народ «карабахцы». Это было неумудрено, ибо Нагорно-Карабахская автономная область была одной из немногих автономий бывшего СССР, не содержавших в своем названии никакого упоминания о жившем в автономии этносе.

20 февраля 1988 г. внеочередная сессия Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области XX созыва обратилась в Верховные Советы Азербайджанской ССР, Армянской ССР и СССР с ходатайством о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР.

Тем самым, впервые за всю историю Советского Союза региональная «власть Советов» приняла судьбоносное решение, действительно опираясь на волю подавляющего большинства представляемого ею населения, а не выполняя «спущенное сверху» указание партии и правительства.

Реакция Кремля была запоздалой и невнятной, в коридорах власти царили растерянность и злость: «Как посмели?!»

В решении сессии областного Совета народных депутатов НКАО говорилось: «Идя навстречу пожеланиям трудящихся НКАО, просить Верховный Совет Азербайджанской ССР и Верховный Совет Армянской ССР проявить чувство глубокого понимания чаяний

армянского населения Нагорного Карабаха и решить вопрос о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, одновременно ходатайствовать перед Верховным Советом Союза ССР о положительном решении вопроса передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР»¹.

Решение сессии стало своего рода юридическим оформлением массовых обращений жителей НКАО по этому вопросу к руководству СССР, – ранее были собраны многие десятки тысяч подписей граждан на этот счет. А равно и следствием многотысячного митинга на центральной площади областного центра, продолжавшегося практически непрерывно на протяжении целой недели, начиная с 13 февраля. Участники митинга требовали от народных депутатов Облсовета созвать сессию и принять соответствующее решение.

Первой поведала советским читателям о событиях в Нагорном Карабахе газета «Известия». В вечернем выпуске от 23 февраля 1988 г. была помещена корреспонденция из Баку под двусмысленным названием «Что имеем – сохраним!».

Так кто же и что хотел сохранить на самом деле? Сохранить захваченные и вычищенные от населения территории или сохранить историческое наследие, культурные достижения, в конце концов – просто цивилизованные пространства?

В этом смысле благое желание СОХРАНИТЬ несколько опоздало, ибо то, что происходило по отношению к армянской культуре, подвергалось ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТОЛЬКО РАЗРУШЕНИЮ и происходило это довольно длительное время.

АНОНИМНЫЕ АВТОНОМИИ

Невозможно понять самой природы застарелой и тлевшей все советские годы карабахской проблемы, не сделав небольшой «экскурс» во времена советизации Закавказья и становления Союза ССР.

Названных исключительно по географическим, а не «этническим» или «этно-географическим» названиям автономных республик и областей в Советском Союзе в разное время было образовано лишь шесть (сразу оговоримся, что Горно-Алтайская АО в составе Алтайского края не в счет, ибо она была создана в качестве этнической автономии народа – алтайцев).

Это были, во-первых, разноплеменные Крымская АССР (в поздние годы искусственно навязывалось мнение о том, что она была будто бы автономией крымских татар, что неверно) и Дагестанская АССР (от турко-персидского «страна гор») с ее десятками больших и малых народов и этносов. Затем в Средней Азии – Горно-Бадахшанская АО в Таджикистане, объединявшая труднодоступные долины и урочища горных таджиков-исмаилитов, созданная как региональная этно-конфессиональная автономия. Наконец три подобного рода автономии были созданы в Закавказье: Аджарская АССР с преобладанием в ней грузин-мусульман в составе Грузинской ССР; Нахичеванская АССР и Нагорно-Карабахская АО в составе Азербайджанской ССР.

¹«Советский Карабах», 21.02.1988 г.

Совершенно не случайно, что именно в АзССР входило наибольшее число «закамуфлированных» автономий. Поди пойми, кто живет в Нахичевани, – нахичеванцы? а в Нагорном Карабахе – карабахцы? Подмена этнических понятий географическими была отнюдь не чьим-то капризом, а объяснялась весьма просто: необходимостью навести тень на факт передачи большевистской Москвой исконных армянских территорий новообразованному советскому Азербайджану – «светочу пролетарской революции на мусульманском Востоке».

Действительно, факт передачи этих территорий от Армении к Азербайджану был оформлен весьма своеобразно. В случае Нахичевани – межгосударственным договором между большевистской Советской Россией и кемалистской (от имени руководителя пост-османской Турции Мустафы Кемалю, впоследствии прозванного Ататюрком, т.е. «отцом турок») Турцией, заключенным без какого-либо участия оккупированной Армении – Московским договором от 16 марта 1921 г. Между прочим, автономия для грузин-мусульман была создана также под давлением Анкары.

В случае с Нагорным Карабахом передача была оформлена волонтаристским и юридически ничемным решением российского партийного органа – пленума Кавказского бюро ЦК Российской коммунистической партии большевиков – РКП(б).

В первом случае это был самый натуральный раздел оккупированного государства странами-агрессорами – большевистской Россией и рядившейся в революционную тогу кемалистской Турцией. Раздел, по сути и даже по форме своей схожий с разделом Польши между СССР и гитлеровской Германией в 1939 г. При этом территория бывшей Армянской республики была примерно поровну поделена между союзниками.

Турции отошли Карсская область, входившая в состав Российской империи в 1878–1917 гг., а также Сурмалинский уезд Эриванской губернии вместе с горой Большой Арабат, которые отошли к России от Персии по Туркманчайскому договору 1828 г. Советская Россия «прибрала к рукам» остатки так называемой Восточной Армении в виде большей части Эриванской губернии и частей Елизаветпольской и Тифлисской губерний, входивших в состав независимой Армении в 1918–1920 гг.

Одновременно по настоянию Турции и с согласия Советской России Нахичеванский уезд и ряд других территорий бывшей Эриванской губернии общей площадью 5,4 тыс. км² были отторгнуты от советизированной Армении и переданы в виде автономной территории «под покровительство» Советского Азербайджана, «при условии, что Азербайджан не уступит сею протектората никакому третьему государству»¹.

Если территория Нахичевани была совместно оккупирована турецкой и Красной Армией, то территория Нагорного Карабаха была занята частями XI Красной Армии якобы временно и официально рассматривалась большевистскими властями как спорная территория, чья судьба должна быть решена позже путем переговоров и волеизъявления населения.

Более того, после советизации Армянской республики Советский Азербайджан декларировал отказ от каких-либо претензий на Карабах, Зангезур и Нахичеван. Однако через год после занятия края красными войсками судьба Нагорного Карабаха решалась партийной инстанцией большевистской России. Причем решения эти, принятые за какой-то месяц, были крайне противоречивыми.

¹Ст. 3 Московского договора

Так, 3 июня 1921 г. пленум Кавбюро ЦК РКП(б) постановил «Указать в декларации Армянского правительства о принадлежности Нагорного Карабаха Армении»¹. Что и было сделано правительством последней 12 июня 1921 г.: в Декрете Совнаркома Армении провозглашалось, что «отныне Нагорный Карабах является неотъемлемой частью Социалистической Советской Республики Армении»².

В годовом отчете НКВД (Народный комиссариат иностранных дел) РСФСР к IX съезду Советов, в разделе «Кавказ» говорилось: «В июле (1921 г. – прим. автора) заключается соглашение с Азербайджаном (так в тексте – прим. автора) о Нагорном Карабахе, который включается в состав Советской Армении»³.

Отметим, что летом 1921 г. решался вопрос и о другом регионе Армении – Зангезуре, который турко-татарские националисты также жаждали видеть в составе новосозданного Азербайджана, будь то протурецкого буферного образования или части большевистской России. В Зангезур стянулись остатки армянской армии, которые не без успеха сопротивлялись превосходящим силам XI Красной Армии. К тому времени уже весь Южный Кавказ был советизирован, и большевики не торопились с окончательным определением судьбы армянского Карабаха, чтобы не подливать масла в огонь антибольшевистского восстания, разгоравшегося как лесной пожар.

Руководители АзССР телеграфировали в Москву, что если Нагорный Карабах станет частью Армении, это обернется потерей у азербайджанских мусульман веры в большевиков. Последствием этого может быть реставрация власти прежних руководителей республики – турецких ставленников мусаватистов (от названия правящей в АДР партии «Мусават»).

Председатель Совнаркома АзССР Нариман Нариманов, декларировавший «предоставление Нагорному Карабаху права свободного самоопределения», одновременно с этим демагогически заявлял, что «наши товарищи армяне исключительно думают о территории, но не о благополучии беднейшего населения армян и мусульман и укреплении революции»⁴. Так политбюро и оргбюро ЦК АзКП постановили, что Нагорный Карабах должен стать частью АзССР «ввиду безусловного экономического тяготения Нагорного Карабаха к Азербайджану, в каком смысле и должен быть разрешен вопрос»⁵.

Опять собрали пленум Кавбюро ЦК РКП(б) в Тифлисе. В течение двух дней – 4 и 5 июля 1921 г. – пленум, играючи, сначала постановил «Нагорный Карабах включить в состав ССР Армении, плебисцит провести только в Нагорном Карабахе»⁶, а на следующий день принял противоположное решение: «Нагорный Карабах оставить в пределах АзССР, предоставить ему широкую областную автономию с административным центром в городе Шуше»⁷.

Таким образом, никаких переговоров или плебисцитов не было. Равно как и иных спорных территориальных проблем между Советской Арменией и Советским Азербайджаном.

¹ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 1, д. 1, л. 77; цит. по: Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сборник документов и материалов. Изд. АН Армении. Ереван. 1992. С. 633

²Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. С. 636

³Годовой отчет Н.К.И.Д. к IX съезду Советов (1920–1921). Москва, 1921. С. 118

⁴Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Стр. 646–647

⁵Там же, стр. 645

⁶Там же, стр. 649

⁷Там же, стр. 650

Официальный Баку и сегодня ссылается на формулировку, по которой Нагорный Карабах был приговорен большевистской шайкой: «оставить в пределах АзССР», видимо полагая, что эта формулировка как бы подтверждает факт более раннего нахождения края в составе Азербайджанской Демократической республики. Так, в частности, азербайджанский политолог Вугар Сеидов в интервью информационному агентству «Day.Az» от 10 октября 2007 г. говорил: «В архивном документе черным по белому написано об «оставлении» Карабаха в пределах Азербайджана. Об этом я писал в статье «Еще раз о так называемой «передаче» большевиками Карабаха Азербайджану» (кстати, бакинский политолог произвольно заменяет в ссылке на архивный документ слово «АзССР» на «Азербайджан»).

Однако, продвигаясь в Закавказье с Востока на Запад, большевики сначала советизировали так называемую Азербайджанскую Демократическую республику, а потом заняли «спорные» армянские местности, на которые претендовала АДР. Не имея возможности с ходу аннексировать остальную территорию Армении, большевики использовали фактор Нахичевани, Зангезура и Карабаха как средство давления на формально все еще независимую Армению, с которой Советы вынуждены были вступить в официальные переговоры. Естественно, что занятыми «спорными территориями» красные управляли из Баку, создали в них ревкомы и крайкомы.

Сразу после советизации АДР деятели прежнего режима поспешили заявить о своей поддержке новой власти и в большинстве своем сохранили прежние посты, в том числе в армии. Так, направленный властями АДР годом ранее в Шушу «генерал-губернатором Карабаха» доктор Хосров-бек Султанов, ставший организатором резни в городе и его окрестностях, после советизации Баку объявил себя председателем Карабахского ревкома. 22 мая 1920 г. он даже направил в Совнарком Советского Азербайджана телеграмму, в которой от имени «демократии Карабаха» выразил «глубокое убеждение в раскрепощении трудового народа Востока от ига Англии и других империалистических государств Запада силой союза Советского Азербайджана, Советской России и Турции»¹.

То есть де-факто с апреля 1920 г. по июль 1921 г. не только Нагорный Карабах, но занятая Красной Армией совместно с турками Нахичевань, а некоторое время и Зангезур, входили в систему управления советизированной АДР. Откуда и понятная формулировка большевистского пленума об «оставлении Нагорного Карабаха в пределах АзССР».

Между прочим, в том же постановлении пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г. говорилось: «Исходя... из экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном». На основании чего можно сделать вполне логичный вывод о том, что Карабах и Азербайджан – суть разные вещи.

Но, по большому счету, сами «изыскания» некоего особого смысла в формулировках большевистских документов бессмысленны, ибо его в них нет, да и не могло быть. Равно как и не могло быть никакой юридической силы в границах, прочерченных в Закавказье рукой Ленина, Сталина и иже с ними.

Ведь в соответствии с нормами международного права, границы между государствами устанавливаются соглашениями самих разграничивающихся государств, которые порождают права и обязательства между государствами, чьи территории разграничиваются.

¹ЦГИА Армении, ф. 200, оп. 1, д. 581, л. 57

Третьи государства не могут представлять одной из сторон территориальные права, которыми сами не располагают. Обычно в тех случаях, когда вопросы межгосударственных границ затрагивали интересы международного сообщества, созывались международные конференции с участием третьих стран. После Первой мировой войны таким форумом стала Парижская мирная конференция, которая и должна была решить в том числе и вопросы разграничения в Закавказье.

Однако большевистская Россия, а затем и Советский Союз не были правовыми государствами.

«Национально-территориальное «размежевание» в неправовом советском государстве не имело никакой юридической основы. «Буржуазное» международное право до Второй мировой войны в СССР не признавалось, а международно-правовое содержание имевших место территориальных споров и конфликтов игнорировалось. Единственной неизменной основой национально-территориального урегулирования были решения РКП(б) КПСС, зафиксированные в конституциях», – писал известный советский и российский юрист-международник профессор Юрий Барсегов, в 1960–1970 гг. почти полтора десятилетия проработавший в Секретариате ООН и позже избранный Генассамблеей ООН в состав Комиссии международного права, в своей работе «Культ аннексий»¹.

В то же время профессор Юрий Барсегов отмечал: «С конституционным принципом самоопределения народов не считались. От практики проведения плебисцитов отказались. Передачи территории, осуществлявшиеся без согласия или вопреки воле населения, представляли как выражающие волю народов. Под видом борьбы с буржуазным национализмом коммуно-националистическое руководство привилегированных республик, опираясь на репрессивный аппарат советского государства, проводило политику вытеснения нетитульных народностей, политику белого геноцида. Можно указать на «картелизацию» Абхазии, где в результате планомерного массового заселения грузинами, осуществлявшегося под руководством Л. Берии, абхазы стали составлять менее четверти населения. Другой известный пример – «азербайджанизация» Нахичевана и Нагорного Карабаха»².

«Анонимность» же автономий, созданных на части отторгнутых от Армении и переданных в управление азербайджанским национал-большевикам территорий, была призвана лишь сильнее закамуфлировать политику этнических чисток, проводимых на этих территориях в отношении их автохтонного большинства.

Азербайджанская пропаганда, правда, изредка пыталась объяснить «анонимность» НКАО. Так, в книге Ильгара Маммадова и Тофика Мусаева «Армяно-азербайджанский конфликт. История. Право. Посредничество», говорилось: «Автономии в СССР создавались по этническому признаку и, как правило, назывались по названию этносов. Поскольку армяне уже самоопределились в Армении, то создание автономии для армян в Азербайджане было необоснованным. Поэтому автономный регион получил не этническое, а географическое название»³.

¹Ю. Барсегов. Культ аннексий. Москва. Готика. 1997. С. 87

²Там же

³И. Маммадов, Т. Мусаев, «Армяно-азербайджанский конфликт. История. Право. Посредничество», Тула, ЗАО «Гриф и К°», 2-е изд., 2007. С. 36

При этом авторов вышеназванной книги ничуть не смущает тот факт, что в СССР, например, наряду с Бурятской АССР существовало аж целых два бурятских автономных округа: Усть-Ордынский Бурятский в составе Иркутской области и Агинский Бурятский в составе Читинской области; причем бурятское население этих округов по переписи 1979 г. составляло всего 45 и 36 тысяч человек соответственно¹. А наряду с Коми АССР в Пермской области существовал Коми-Пермяцкий автономный округ, в котором жило 106 тыс. народа коми².

Или, что наряду с Ненецким автономным округом с 6 тыс. человек³ в составе Архангельской области в Тюменской области преспокойно существовал Ямало-Ненецкий автономный округ с 17,5 тыс. ненцев⁴, а в Красноярском крае – Долгано-Ненецкий (он же Таймырский) автономный округ с 4,4 тыс. долган и 2,3 тыс. ненцев⁵. Перечисленные автономные единицы, дважды и трижды названные по имени одного и того же этноса, располагались достаточно далеко друг от друга, в отличие от Нагорного Карабаха, отнюдь не отделенного от АрмССР ни тайгой, ни тундрами, ни степями.

О том, что сам факт создания автономии на части территории Нагорного Карабаха противоречил планам азербайджанских руководителей, впоследствии неоднократно признавался первый секретарь ЦК КП Азербайджана и президент (1993–2003) Азербайджанской Республики Гейдар Алиев. «Предоставление в 1923 г. автономии Нагорному Карабаху стало бедой Азербайджана, знайте это. Правда, в те времена ее хотели отдать Армении. Руководители Азербайджана постарались и, наконец добились, чтобы она осталась в Азербайджане. Должна была остаться: но не в виде автономии!», – говорил Г. Алиев на встрече с группой азербайджанских писателей и поэтов⁶.

Между тем, в «анонимных» автономиях АзССР происходили нелепые с точки зрения политики «советского интернационализма» процессы. Пример Нахичевана может объяснить очень многое в карабахском вопросе.

АРМЯНСКОЕ КОСОВО

Находившаяся в самом сердце Восточной Армении Нахичеванская область (уезд) после вхождения в 1828 г. в состав России была частью Армянской области, а затем – Эриванской губернии. Нахичевань не граничила с Турцией, ибо западнее нее находился Игдырский уезд, расположенный у подножья Большого Арарата. Уезд вместе с горой вошел в состав Российской империи вместе с другими районами Восточной Армении, которые

¹Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Москва, Финансы и статистика. 1985. С. 86, 84

²Там же, стр. 84

³Там же, стр. 86

⁴Там же, стр. 88

⁵Там же, стр. 86

⁶«Бакинский рабочий», 12.11.1999 г.

отошли от Персии к России по Туркманчайскому договору 1828 г. А северо-западнее Игдыря была Карская область, отвоеванная Россией у османских турок в 1878 г., а в 1919–1920 гг. бывшая частью первой Армянской республики.

Когда-то исключительно армянская по населению к началу XX века Нахичевань была примерно поровну населена армянами и представителями разных мусульманских народов. В 1917 г. на ее территории проживало 53,9 тыс. армян¹, что составляло чуть более 40 % от общей численности населения края. Остальные чуть менее 60 % населения (в крае было также небольшое количество русских жителей), «мусульмане», были представлены отнюдь не только «кавказскими татарами» – как тогда называли азербайджанских тюрок, но в очень значительной степени курдами, а также исповедующими ислам другими этническими группами – персами, цыганами. То есть накануне краха Российской империи армяне все еще составляли относительное большинство в Нахичеванском крае.

В ходе турко-германской интервенции в Закавказье в 1918 г. Нахичевань подверглась страшной этнической чистке. Десятки тысяч армян были уничтожены османской армией и местными турецкими националистами, десятки тысяч бежали за пределы области, в которой верховная власть независимой Армянской республики то падала, то восстанавливалась, поддерживаемая военными экспедициями властей. Таким образом, еще в начале XX века Нахичевань стала своеобразным «армянским Косово», где верховная власть центрального правительства была временной и весьма номинальной.

После советизации Армении в результате совместного нападения на нее турецкой армии с запада и Красной Армии с востока Нахичевань была отторгнута от Армении сначала фактически, а затем и формально по Московскому договору от 16 марта 1921 г., заключенному кемалистами и большевиками и решавшему судьбу Армении за спиной самих армян. Таким образом Нахичевань образовывала особую область «под покровительством» Советского Азербайджана (который, естественно, вовсе не граничил с ней), при условии, что последний не имел права передать этот протекторат над древним армянским краем «третьей стороне».

В середине 1920-х гг. кемалистская Турция с далеко идущими намерениями произвела территориальный обмен с Ираном. Отдав последнему обширные территории в районе общей границы с Ираком, Анкара взамен получила от Тегерана гору Малый Арарат с прилегающим районом. Учитывая предыдущее приобретение Турцией по Московскому договору 1921 г. Игдырского уезда Армении, территориальный обмен с Ираном позволил Анкаре занять 8-километровый участок границы с Нахичеванской АССР, то есть формально с Азербайджанской ССР. Геополитическая значимость этого шага, расценивавшегося турецкими националистами как важное звено на пути продвижения к закавказским соплеменникам, в полной мере стала вполне очевидной лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Об этом весьма недвусмысленно заявил многолетний властитель советского и третий президент постсоветского Азербайджана Гейдар Али Рза оглы Алиев в речи на заседании конституционной комиссии Азербайджанской Республики 14 января 1998 г. В своем заключительном выступлении под названием «Автономия Нахичевана – историческое достижение, и мы должны защищать и сохранять его» Гейдар Алиев, в частности, сказал:

¹Кавказский календарь на 1917 г. Отдел статистический. С. 216–221

«Автономия Нахичевана – это историческое событие с точки зрения создания границы Нахичевана, Азербайджана с Турцией. Это историческое событие и потому, что в то время в составе Азербайджана в Нахичеване была создана автономия, и потому, что эти границы, регулируемые теми договорами, создали между Азербайджаном и Турцией хоть и небольшую, но границу»¹.

После образования Нахичеванской АССР в составе АзССР новоиспеченные власти советско-турецкой автономии официально наложили запрет на возвращение в край беженцев армянами ЦИКов Азербайджана и Нахичевана. В 1922–1926 гг. армянские беженцы из Нахичевана направляли многочисленные заявления правительствам Азербайджанской ССР и Нахичеванской АССР, однако еще 24 июня 1922 г. председатель Совнаркома Азербайджана Мусабеков в телеграмме Совнаркому ССР Армении сообщал, что «по решению ЦИК Азербайджана запрещается массовое переселение населения в границы Азербайджана»².

Эти односторонние дискриминационные ограничения, принятые в первые годы существования СССР, резко снизили численность армянского населения края. По данным переписи населения СССР 1926 г., армян в НахАССР было лишь 14,9 % населения, в то время как «азербайджанские тюрки», в число которых были произвольно включены и иные «мусульманские» этносы, составили уже 81,4 %.

В советский период «мирное» выдавливание армян успешно продолжалось.

По данным Малой Советской энциклопедии второго издания, на 1.01.1935 г. из 124 тыс. жителей НахАССР 84,5 % составляли «азерб. тюрки», 10,8 % – армяне³. Это означает, что армян в крае на тот момент оставалось лишь 13,4 тыс. человек. Напомним, что по данным «Кавказского календаря», в 1917 г. в Нахичевани проживало 53,9 тыс. армян, что составляло 40 % от 135-тысячного населения края.

Дальнейший процесс «азербайджанизации» Нахичевани шел по нарастающей. По данным переписей населения СССР 1959, 1970 и 1979 гг., азербайджанцы составляли соответственно 90,2 %, 93,7 % и 95,7 %, а армяне – 6,7 %, 2,9 %, 1,4 % от общей численности населения Нахичеванской АССР⁴.

В абсолютном значении численность армянского населения снизилась за эти 20 лет следующим образом: 1959 г. – 9,5 тыс., 1970 г. – 5,8 тыс., 1979 г. – 3,4 тыс. человек. Весь этот процесс напоминал скорее эвакуацию, бегство. Тем более, что дело происходило в самом центре, по определению Иосифа Сталина – «колодце Армении», в юго-восточной части Араратской долины – сердца современной Армении.

Выдавливание остатков армянского населения из Нахичевано во многом способствовало искусственному включению всей территории АССР в закрытую пограничную зону,

¹«Бакинский рабочий», 23.01.1998 г.

²ЦГАОРСС АрмССР, фонд 123, опись 42, дело 8, лист 13. См. также: Нагорный Карабах. Историческая справка. Под редакцией Галояна Г. А. и Худавердяна К.С. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР. 1988. С. 55.

³ОГИЗ РСФСР, М.: 1937 г., том 7. С. 334

⁴Численность и состав населения СССР по данным переписи населения 1979 г. М. Финансы и статистика. 1985 г.; Народное хозяйство СССР 1922–1972, юбилейный стат. Ежегодник. М. 1972. ИВПН 1970 г. Том 4. Национальный состав населения СССР

куда въезд из других регионов, и, прежде всего, из соседней Армянской ССР, допускался лишь по специально выдаваемым местной администрацией пропускам, хотя из Еревана до столицы автономии, города Нахичевань (вплоть до начала 1940-х гг. он назывался Нахичевань-на-Араксе), было ехать всего-то пару часов на автобусе.

Информация о затруднениях, которые испытывали жители Армянской ССР при посещении Нахичеванской АССР, в перестроечные годы иногда просачивалась и на страницы центральной прессы. Так, в апреле 1987 г. «Известия» опубликовали письмо «Сквозь лес шлагбаумов», в котором гражданин Р. Шиканян возмущался: «В Нахичеванской АССР мне приходится бывать часто. Приезжают и ко мне родные из тех краев. Но каждая поездка по трассе Ереван–Нахичевань вызывает обиду, недоумение. Встречает и провожает пассажиров частокол шлагбаумов, сурово-настороженные взгляды работников милиции»¹.

На заседании Политбюро ЦК КПСС от 29 февраля 1988 г., на котором был рассмотрен вопрос «О дополнительных мерах в связи с событиями в Азербайджанской и Армянской ССР»², этот вопрос, кстати, также был упомянут. Советский Генсек Михаил Горбачев, в частности, произнес в ходе заседания следующие слова:

«Я Виктора Михайловича (В. Чебрикова, в то время председателя КГБ СССР – *прим. автора*) спрашиваю: что ты там сделал с пограничной полосой? Он мне сказал, что в Нахичевани, где проходит граница, у пограничников есть своя полоса, где расположены заставы и т.д. А всю глубину пограничной зоны определяют местные органы, в данном случае республиканские. И какое решение было ими принято? Вся Нахичевань была отнесена к пограничной зоне, свободный въезд туда был запрещен. А ведь там жертвы геноцида были захоронены, там находятся все могилы. Там было 90 памятников армянской культуры, из которых один остался. И все. Никого не пускают под тем предлогом, что это пограничная зона...»

Между тем, в приграничных районах АрмССР полоса отчуждения под погранзону составляла всего несколько сот метров. В той же советской части Араратской долины, что на левом берегу пограничного Аракса, сразу за выездом из «запретной» Нахичеванской автономии на территорию Армянской ССР можно было наблюдать, как колхозники работали в каких-то 200 метрах от пограничных вышек. А иностранные туристы, в том числе из западных стран, свободно посещали памятники истории, расположенные в зоне прямой видимости советско-турецкой границы. Например, монастырь Хор-Вирап, построенный над сохранившейся по сию пору подземной темницей, в которой провел долгих 13 лет заточения креститель Армении Григор Лусаворич (Григорий Просветитель).

...Последние нахичеванские армяне, все еще населявшие накануне 1988 г. два-три старинных села, были силой депортированы из НахАССР летом-осенью 1988 г., вскоре после начала «событий в НКАО».

Таким образом, за какие-то 60 лет пребывания в АзССР «армянское Косово» полностью лишилось своего исконного населения.

¹«Известия», 14.04.1987 г.

²Стенограмма заседания была полностью опубликована в журнале «Родина», № 4, 1994 г., с. 82–90

Еще в советское время азербайджанские власти принялись за методичное разрушение многочисленных армянских церквей и кладбищ, которые, начиная с 1960-х гг. официально именовались в АзССР «албанскими». Не по производному от европейской Албании, конечно, а по принятому в советской исторической науке русифицированному названию древней закавказской страны «Алуанк» или «Агванк». Так называемая Кавказская Албания исчезла с политической арены и частично была ассимилирована соседними народами более тысячи лет назад, то есть задолго до появления в Закавказье кочевых тюркских племен – предков современных азербайджанцев. Азербайджанская же советская наука пыталась доказать, что АзССР является наследницей Кавказской Албании, и голословно объявила все армянские памятники в АзССР «албанскими».

Парадоксальным образом, объявляя армянские памятники Нахичевана «албанскими», т.е. якобы азербайджанскими, одновременно власти АзССР и НахАССР делали все, чтобы эти самые памятники уничтожить. Возникал вполне закономерный вопрос: если это культурное наследие Азербайджана, почему оно так варварски разрушается и уничтожается?

Так, летом 1975 г. в городе Нахичевани под предлогом нового строительства была разрушена церковь Святой Троицы, возведенная в VII веке. По свидетельству историков, именно в этой церкви в 705 г. арабские завоеватели уничтожили армянских князей (нахараров), пригласив их на встречу, а затем, заперев в церкви, подожгли ее. В октябре 1987 г. было уничтожено главное армянское кладбище Агулиса, некогда цветущего города, полностью разоренного турками в 1918–1920 гг. Было разрушено около 400 средневековых надгробных плит с более чем 100 эпитафиями, представляющими большую историко-этнографическую ценность. Потихоньку разрушались величественная церковь Святого Иоанна Крестителя (Сурб Карапет) X века в Абракунисе, Святой Богородицы (Сурб Аствацацин) XII века в Мецоне (ныне Бадамлу) и другие.

Уже в наше время, в начале 2000-х в два приема было уничтожено крупнейшее в Закавказье старинное армянское кладбище Джульфы (Джуги), с его тысячами хачкаров (крест-каменей), а на месте сровненных с землей надгробий было сооружено стрельбище местной воинской части. По свидетельствам иностранных исследователей и путешественников, побывавших в Нахичеванской Автономной Республике в последние годы, практически все значимые памятники армянской истории и архитектуры в крае были окончательно разрушены, а следы варварских действий неуклюже, но усердно заматывались¹.

При Советах отсутствие реакции в стране на разрушение старых храмов еще можно было списать на всеобщую атеистическую политику Кремля. Но последние вот уже 15 лет уничтожение церквей и кладбищ ускоренными темпами происходило при полном молчании международных организаций, которые были призваны заниматься охраной памятников истории или урегулированием конфликтов в регионе. Речь идет, прежде всего, о ЮНЕСКО, а также об ОБСЕ, Совете Европы и других.

¹См., например, отчет шотландца Стивена Симма о поездке в Нахичеван: «Голос Армении», 04.02.2006

Такое попустительство варварству является лишним свидетельством истинного отношения правительств «ведущих» мировых и европейских держав к гуманитарным ценностям, которые становятся объектом их пристального внимания только в случае, если это отвечает их политико-экономическим интересам в данном месте и в данное время.

Таким образом, памятники истории и культуры древнего армянского края разделили участь коренных жителей Нахичевани.

Как уже упоминалось выше, столица Нахичеванской АССР город Нахичевань в Российской империи и в Советском Союзе вплоть до Второй мировой войны назывался Нахичевань-на-Араксе. Это было связано с тем, что в России и СССР был еще и город Нахичевань-на-Дону, основанный в Екатерининские времена армянскими переселенцами из Крыма и названный так в память об их прежней родине – Нахичевани в Армении. Армянский город Нахичевань-на-Дону впоследствии вошел в состав города Ростов-на-Дону, будучи переименован в Пролетарский (!) район, и таким образом утратил свое историческое название. Вследствие чего отуреченная закавказская Нахичевань осталась единственным городом с таким названием.

Однако действовавшая на территории РСФСР, а потом и Российской Федерации епархия Армянской Апостольской Церкви по-прежнему именовалась «Ново-Нахичеванская и Московская». Это почему-то вызывает раздражение в Баку. Так, по сообщению бакинского агентства «Day.Az» от 22 февраля 2008 г., председатель Верховного меджлиса НАР Васиф Талыбов направил мэру Москвы Юрию Лужкову письмо протеста в связи со строительством в российской столице здания «Ново-Нахичеванской армянской церкви». Как говорилось в том же сообщении, «кроме того, 422 телеграммы протеста и 204 факса в российскую столицу направили ученые, представители интеллигенции и русской общины Нахичеванской АР».

Остается неясным, однако, почему те, кто собирал подписи, адресовали эти протесты по адресу, а именно – духовному руководству в лице Патриарха, например, – с просьбой переименовать епархию и привести тому весомые аргументы.

Надо отдать должное администрации. Если верить тому же сообщению «Day.Az», «как передает АПА со ссылкой на нахичеванскую прессу» (отсылка уже к третьему источнику!), заместителем мэра Москвы Валерием Виноградовым на имя председателя Верховного меджлиса НАР В. Талыбова было направлено письмо. В нем говорилось, что название епархии Армянской Апостольской Церкви никак не связано с именем Нахичеванской Автономной Республики.

Не случайно, еще в 1940-х гг. с герба Нахичеванской АССР были убраны и надписи на армянском языке, которые имелись на нем по Конституционному описанию 1937 г.¹

Таким образом, в результате почти 70-летнего беспредела Нахичевань полностью лишилась своего автохтонного населения.

Автономия формально осталась, но мрачная история ее создания и скрытые десятилетия «чистки» древнего армянского края, находящегося буквально в сердце Армении, остались вне поля зрения советских людей.

¹Владимир Поцелуев. Гербы Союза ССР. – М.: Издательство политической литературы, 1987. С. 138

КТО НА НОВЕНЬКОГО?

Нахичевань была отделена от остальной части АзССР территорией армянского Зангезура – относительно узким клином, выходящим на границу Ирана. К востоку от Зангезурского клина шла сплошная территория АзССР – это и были как раз территории Нагорного Карабаха.

Стороннему наблюдателю эти границы могли показаться неестественными, да так, собственно говоря, и было на самом деле. Ведь Нахичевань формально азербайджанская территория и армян там практически не было. В советском же обществе было запрещено говорить о незаконности ее передачи турко-большевиками из самого центра Армении в АзССР, фактической аннексии. Человек непосвященный, лишенный информации, явно затруднился бы с выводом о природе столь нелогичной конфигурации границ между двумя соседними республиками Союза ССР.

В Баку посчитали вполне логичным вывернуть вопрос наизнанку: это не Нахичевань большевики передали Азербайджанской ССР, а Зангезур – Армянской. Что даже выглядело внешне весьма убедительно: длинный и узкий, 40–50-километровой ширины армянский клин, разделяющий две азербайджанские территории.

К тому же в Баку не прекращали повторять, что до прихода в регион России Зангезур входил в будто бы «азербайджанские ханства». На деле, конечно, это были административно-территориальные единицы шахской Персии, к тому же весьма недолговечные; но постоянное муссирование этой темы в Баку было настойчивым. На издаваемых в АзССР картах и даже в экспозиции Этнографического музея в Ленинграде и Зангезур, и Нахичевань, и Карабах были обозначены как составные части «Азербайджана» накануне его вхождения в Россию. Это при том, что о существовании севернее пограничного с Персией Аракса территории под названием «Азербайджан» не было известно ровным счетом ничего еще каких-то сто лет назад! Наверное, московскому руководству это казалось несущественным по сути, и это была уступка из тех, которые ничего не стоят, но помогают решать некие существенные вопросы. Зато каким существенным это оказалось после распада СССР!

Эта политика властей Советского Азербайджана была, по сути своей, мягким озвучиванием территориальных претензий к соседней республике. В годы правления президента Гейдара Алиева территориальные претензии Азербайджанской Республики практически на всю территорию Республики Армения были озвучены уже вполне официально. Вот что говорил Гейдар Алиев в уже упоминавшемся выше выступлении на заседании конституционной комиссии АР 14 января 1998 г.:

«Земли вокруг Нахичевана тоже были азербайджанскими землями, но, несмотря на это, там жили и армяне... Так же, как они захватывали другие земли, – например, некоторые земли на нынешней территории Турции или же азербайджанские земли, где ныне расположена Армянская республика, – так они старались захватить и Нахичеван... Если бы в свое время Армении не были бы переданы

азербайджанские земли – Зангезурский край, отделяющий Нахичеван от Азербайджана, то, быть может, Нахичевану и не нужна была бы автономия... В то время создатели Азербайджанской Демократической Республики дали согласие на передачу Армении части азербайджанских земель, в том числе Еревана... Отданные земли когда-нибудь должны быть возвращены. Должны быть возвращены исторические земли Азербайджана. Автономия Нахичевана – очень серьезный фактор, могущий помочь возвращению других потерянных земель...»¹

Председатель Верховного Меджлиса Нахичеванской Автономной республики заявил, выступая на открытии в городе Нахичеване новой мечети: «Армения всегда была плохим соседом, стремившимся захватить чужое добро, отторгнуть не принадлежащую ей землю. Так было в 1929 г., когда 657 км² территории автономной республики, цветущие села Шарурского, Нахчыванского, Ордубадского уездов, были присоединены к Армении. В следующем году с благословления Москвы был отхвачен еще больший помост, на котором был образован Мегринский район².

В этих словах нет ни слова правды (чтобы убедиться в этом, можно заглянуть в любые энциклопедии или атласы СССР 1920–1930-х гг.), зато наличествует горячее желание проглотить «этот проклятый армянский клин» – Зангезур.

Рамиз Мехтиев, руководитель Исполнительного аппарата президента Азербайджанской Республики, в своей статье «Должны ответить перед народом, перед судом справедливости» в азербайджанском офицозе «Бакинский рабочий» писал: «До мая 1920 г. территория Северного Азербайджана составляла более 114 тыс. км². Однако в результате передачи части его территории Армении и России она сузилась до 86,6 тыс. км², т.е. урезалась на 28 тыс. км² (площадь Республики Армения – 29,8 тыс. км²)»³.

Отнимая от 29,8 тыс. 28 тыс., получим, что современные азербайджанские лидеры, вероятно, были готовы признать за Арменией 1,8 тыс. км² земель – две территории города Москвы в пределах МКАД. Правда, наше предположение носит лишь общий характер, ибо, если г-н Мехтиев и не признал какой-то кусочек Закавказья азербайджанским, то он ничего не говорил о том, что именно там должна располагаться Армения... Эта тема не сходит с уст самых известных и высокопоставленных азербайджанских деятелей. Вот, например, выдержка из интервью бывшего советника Гейдара Алиева по внешнеполитическим вопросам, ныне политолога Вафа Гулузаде (Гулиева) бакинскому агентству «1news.az» от 7 июля 2007 г.:

«Первая мировая война стала тем самым катализатором, который, в частности, и позволил армянам выудить у России земли для создания своего государства. Уже в первые годы Советской республики, когда Азербайджан силой был включен в состав «старой-новой» империи, нашу страну почти нацело (кроме 10-километровой пограничной полосы между Нахичеванью и Турцией) отсекали от близкой к нам Турции, плюс аннексия Зангезура позволила полностью заблокировать сообщение между Азербайджаном, Нахичеванью и Турцией. Тогда же было решено передать армянам и Нагорный Карабах, но этот план тогда не удался».

¹«Бакинский рабочий», 23.01.1998 г.

²«Бакинский рабочий», 12.10.1999 г.

³«Бакинский рабочий», 24–25.02.2000 г.

Словом, то, что в 1970–1980-х гг. говорилось в азербайджанских верхах вполголоса, по мере нарастания конфликта выходило наружу все громче и отчетливее, став особенно яростным после военного поражения Баку в войне 1991–1994 гг.

Таким образом становится вполне очевидным, что если бы армяне «тихой сапой» вытеснили из Нагорного Карабаха, – подобно тому, как это было в Нахичевани, – следующей целью становился формально армянский Зангезур. Тем более что в отличие от АзССР, где армяне с большим или меньшим успехом выдавливались и из Нахичевани, и из Нагорного Карабаха, в Армянской ССР в целом и в Зангезуре в частности все послевоенные годы наблюдался устойчивый рост азербайджанского населения.

Стратегически важный Зангезур, чужеродной преградой лежавший на оси прямой связи Турция – Нахичевань – Азербайджанская ССР, становился главным претендентом на превращение в очередное армянское «Косово».

НЕСМИРИВШИЕСЯ

На протяжении всего времени навязанного Нагорному Карабаху колониального господства Баку народ горного края вовсе не смирился со своей судьбой. Карабахский вопрос вновь и вновь выходил на повестку дня.

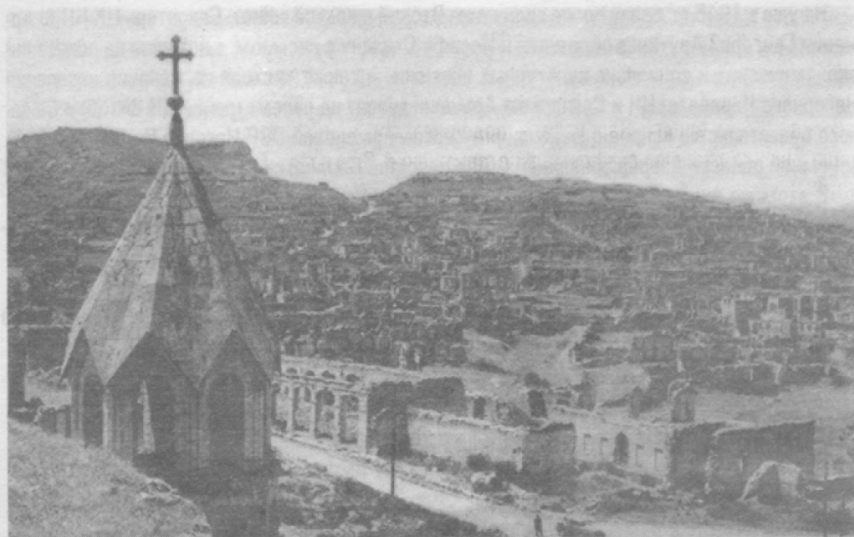
Уже во второй половине 1921 г., когда стало окончательно ясно, что большевики уготовили Нагорному Карабаху участь Нахичевани, карабахцы подняли восстание против Советов и Азербайджана. Восстание возглавила группа военных, принимавших активное участие в обороне армянского Нагорного Карабаха от турко-мусаватистов в 1918–1920 гг. Ими руководил офицер царской службы Теван Чикнаверян, который командовал кавалерийской частью вооруженных сил Национального совета края.

Карабахское крестьянство практически полностью поддержало восстание: не было ни одного армянского села, где отряды повстанцев не встретили бы радушного приема. Красной Армии потребовался почти год, чтобы погасить этот очаг сопротивления; группы повстанцев, как это было и в Зангезуре, были вынуждены уйти за Аракс, на территорию Ирана.

После бурных протестов начала 1920-х, вылившихся в Нагорном Карабахе в массовое восстание населения и вооруженную борьбу против большевистско-азербайджанской оккупации, последовал некоторый спад движения сопротивления. Тем более что последовали меры по созданию автономии на части территории края; был создан Совнарком АОНК, областные Наркоматы. Кроме того, в 1920-х гг. еще сильна была роль ЦИК ЗСФСР, объединившей три республики Закавказья, в управлении на местах. Это несколько смягчало национальный гнет Баку и, вероятно, породило у части населения армянского Нагорного Карабаха надежду на последующее исчезновение национальных границ в регионе.

Надежды эти не оправдались. История оставила свидетельства вполне легальных выступлений – на различного рода областных заседаниях, съездах и сходах – с требованием возвращения края в лоно Армении. Такие выступления имели место в 1930–1932 и 1936–1937 гг.¹ А в конце 1930-х волна репрессий накрыла и Нагорный Карабах.

¹В. Акопян. «Требуется решение». «Советский Карабах», 11.08.1989 г.

Развалины армянской части Шуши. Сорок тысяч мертвых окон. Снимок сделан в 1946 году

Шуша сегодня: вид на вновь отреставрированную церковь Сурб Аменапркич (Св. Всеспасителя). Фото Георгия Газаряна

Но уже в 1945 г., сразу после окончания Второй мировой войны, Секретарь ЦК КП(б) Армении Григорий Арутинов обратился к Иосифу Сталину с письмом, в котором на основании экономических и социально-культурных аспектов, а также «исходя из желания населения Нагорного Карабаха, ЦК и Совнарком Армении вносят на рассмотрение ЦК ВКП(б) и Союзного правительства вопрос о включении в состав Армянской ССР Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в качестве Карабахской области».

В этом же письме говорилось, что «при положительном решении этого вопроса ЦК и Совнарком Армении войдут в правительство с предложением о восстановлении бывшего центра Карабаха города Шуши, разрушенного перед установлением Советской власти».

Напомним, что письмо Г. Арутинова И. Сталину было написано в период, когда Советский Союз предъявил Турции официальные территориальные претензии на территории Армении, входившие в Российскую империю до 1917 г. – Карскую область, Сурмалинский (Игдырский) и Артвинский уезды. Даже тогда, в условиях, когда были все основания полагать, что этот вопрос найдет свое решение, поднятие вопроса о Нагорном Карабахе было весьма смелым шагом со стороны руководства Армянской ССР. Однако обращение армянского партийного руководителя не имело каких-либо последствий в плане судьбы Нагорного Карабаха.

Новые попытки поднять карабахский вопрос были предприняты в 1960-е годы, то есть в период уже после хрущевской оттепели.

В изданной в 2007 г. книге Николая Зеньковича «Гейдар Алиев. Зигзаги судьбы»², очередной апологетике правления Гейдара Алиева, содержится любопытная ссылка на документ из недр ЦК КПСС. А именно на «Справку о массовых беспорядках, имевших место в стране с 1957 г.», составленную в КГБ СССР и направленную Генсеку М. Горбачеву 4 марта 1988 г. Очевидно, что справка была написана по требованию советского лидера сразу после армянских погромов и резни в Сумгаите 27–29 февраля 1988 г.

Перечисляя упоминаемые в справке различные выступления против власти, беспорядки, в том числе и на межнациональной почве, имевшие место в 1957–1987-х гг., автор пишет: «В справке фигурировали Россия, союзные республики. Даже идеальная Белоруссия, оказывается, бунтовала. Тихо было только в Азербайджане. Кто будет отрицать в этом спокойствии роль республиканского КГБ и его председателя?»³

Мы не склонны думать, что г-н Н. Зенькович самолично «убрал» что-либо из архивной справки. Но тогда это означает нечто очень важное. А именно, что составители справки, – а она была направлена Горбачеву лично главой КГБ Виктором Чебриковым, – просто-напросто утаили от Генсека случаи массовых беспорядков, имевших место в АзССР в 1960-х гг., в том числе и на национальной почве.

А ведь именно «в самом урожайном на массовые беспорядки» (по Н. Зеньковичу) 1967 г. в областном центре НКАО г. Степанакерте имели место наиболее ожесточенные после событий 1962 г. в Новочеркасске беспорядки, столкновения с милицией, повлекшие за собой как человеческие жертвы, так и сотни арестованных и десятки осужденных.

¹Партархив Армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 25, д. 41, л. 1. Цит. по: Х. Барсегян. Истина дороже. Ереван, изд. АН АрмССР, 1989. С. 120

²Н. Зенькович. Гейдар Алиев. Зигзаги судьбы. Москва. «Яуза», «ЭКМО». 2007

³Там же, с. 340

Допустим с натяжкой, что об этих событиях странным образом не ведал столь осведомленный автор, как Н. Зенькович. Но что, если упоминание о них, – как и о беспорядках в Сумгаите 7 ноября 1963 г.¹, беспорядках после футбольных матчей в Кировабаде в 1970-х, – и в самом деле отсутствовало в справке КГБ СССР от 4 марта 1988 г.? Тогда это означает лишь то, что руководство АзССР или стоящие за ним в Москве силы и в марте 1988-го имели такие мощные рычаги влияния в КГБ СССР, которые позволяли им дезинформировать первое лицо государства!

Впрочем, обо всем по порядку.

В середине 1960-х гг. под влиянием хрущевской «оттепели» вновь встал вопрос о Нагорном Карабахе. В июле 1965 г. группой коммунистов – ответственных работников и представителей интеллигенции НКАО – было написано и передано в Москву, в приемную Л. Брежнева, письмо на имя самого Генерального секретаря, председателя Совета министров СССР Н. Косыгина, председателя Верховного Совета СССР А. Микояна. В письме были приведены многочисленные факты, которые свидетельствовали о национальной и социально-экономической дискриминации населения НКАО со стороны руководства Азербайджанской ССР.

Вслед за этим письмом в автономной области был начат сбор подписей в пользу перехода НКАО в административное подчинение Армянской ССР; были собраны более 45 тыс. подписей.

30 сентября 1966 г. Секретарь ЦК КП Армении Антон Кочинян и Председатель Совмина Армянской ССР Б. Мурадян направили в адрес ЦК КПСС, Совета министров СССР и лично Леонида Брежнева обращение, в котором говорилось:

«Передача Нагорного Карабаха Армении устранит ненормальность создавшегося положения: всегда малочисленный армянский народ в условиях Советского Союза имеет две государственности – одну союзную Армянскую Республику и одну прилежащую к ней же автономную национальную область, но в составе другой союзной республики... На основе вышеизложенного... считаем крайне необходимым рассмотреть вопросы, связанные с возвращением Нахичевани и Нагорного Карабаха Армянской ССР»².

В 1967 г. лидер армянских коммунистов Кочинян обратился к первому секретарю Азербайджанской ССР Ахундову с просьбой провести встречу по карабахскому вопросу. Данное обращение вытекало из специального постановления секретариата ЦК КПСС о создании армянской и азербайджанской республиканских комиссий для совместной подготовки проекта решения проблемы НКАО.

Ахундов вынужденно принял предложение Кочиняна, однако попросил продлить сроки предполагаемой встречи, ссылаясь на отпуск, который намеревался провести в Румынии. Такой ответ являлся частью заранее продуманного плана: в Румынии, в Констанце Ахундов провел встречу с послом Турции в этой стране и проинформировал о последних событиях.

Вскоре пошли слухи о том, что будто бы первый секретарь партийного обкома Татарской АССР обратился в Москву с предложением объединить Татаррию и Башкирию и создать

¹См. в главе «Резня в Сумгаите» – «Почему именно Сумгаит?»

²Нац. архив РА. фонд 1, оп. 46, д. 65-а, лл. 1–9. Цитируется по: Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий. Т. 1., Москва, Кругъ. 2008. С. 657–658

Татаро-Башкирскую советскую социалистическую республику в составе СССР, мотивируя это тем, что тюркские народы желают объединиться так же, как армяне Нагорного Карабаха с Арменией.

Таким образом, Кремль подвергся достаточно примитивному, но эффективному шантажу. Ведь и два десятилетия спустя уже М. Горбачев пугал свое окружение и общественность страны тем, что в стране имеются «десятки» аналогичных карабахской проблем: дескать, если позволим Карабаху, то и другие захотят!

В ноябре 1999 г., на встрече с группой писателей и поэтов, Президент АР Гейдар Алиев так рассказывал о продолжении этих событий:

«Помню, это было то ли в 1966, или же в 1967 году, из Москвы поступило одно постановление. Тогда меня вызвал Вели Ахундов. Это было постановление ЦК КПСС, писали, что «поручить ЦК КП Азербайджана – Ахундову, ЦК КП Армении – Кочиняну обсудить этот вопрос и доложить». Что это означало? А означало это то, что вопрос Азербайджана поручается решить Армении. И таким образом они решали, – то есть «вы идите, решайте этот вопрос с ними». Армения скажет, что Карабах должен быть моим, а мы скажем, что нет. Сели, посоветались. Я сказал ему, знаете, вы должны поехать в Москву и встретиться с Брежневым. Он поехал и объяснил Брежневу. Брежнев понял и отменил то постановление. Было это в 1967 году»¹.

Одновременно в том же 1967 г., как и много лет позже, в конце 1980-х, власти АзССР пошли на тщательно спланированную провокацию. В связи с поднятием вопроса о Нагорном Карабахе летом 1967 г. был спровоцирован межнациональный конфликт.

Накануне его в НКАО была арестована группа лиц азербайджанской национальности во главе с директором сельской школы села Куропаткино Мартунинского района НКАО Аршадом Мамедовым. Возглавленная им банда, куда вошли и его родственники А. Х. Мамедов и З. С. Мамедов, совершила в лесу зверское и садистски изощренное убийство 8-летнего мальчика Нельсона Мовсесяна, в голову которого вбили гвозди и затем буквально распяли на дереве. По окончании следствия было назначено открытое судебное заседание в Степанакерте.

В ходе судебного заседания родственники убийц и эмиссары из Баку вели себя вызывающее по отношению к потерпевшим, кричали, что «выкупают» обвиняемых. Приговор был недостаточно жестким, встречен шумным ликованием родственников убийц и мрачным ожесточением потерпевших. По окончании заседания при конвоировании преступников завязалась перебранка, а затем и потасовка между милицией и возмущенными гражданами. Последние, прорвав оцепление, опрокинули и подожгли автомобиль «воронок», в котором все трое преступников живо сгорели (похороны Мамедова прошли в Баку при участии председателя Совета Министров АзССР Э. Н. Алиханова; на надгробном памятнике учителю-убийце была изображена... раскрытая книга, символ знаний).

В Степанакерт же были введены загодя собранные и лишь ждавшие соответствующего приказа силы республиканского МВД. В ходе разгона бунтующих и столкновений с милицией имелись жертвы, сотни карабахцев были ранены, избиты и арестованы. Впоследствии несколько человек были приговорены к смертной казни, десятки получили разные сроки, более десяти арестованных умерли в застенках.

¹«Бакинский рабочий». 12.11.1999 г.

Этот спланированный спецслужбами АзССР инцидент стал началом кампании террора и репрессий против карабахских армян. Активистов движения за воссоединение с Армянской ССР, представителей интеллигенции НКАО стали преследовать, выгонять с работы, исключать из КПСС, путем шантажа и угроз заставляли навсегда покинуть автономную область.

Цивилизованное обсуждение карабахской проблемы, таким образом, было искусственно превращено в «разборки на межнациональной почве», «борьбу с национализмом» и т.п.

О событиях лета 1967 г., которые, если верить Н. Зеньковичу, непонятным образом «выпали» из справки шефа КГБ СССР В.М. Чебрикова от 4 марта 1988 г., вспоминали иногда и в Баку. Правда, в весьма далеком от реальности изложении их сути.

Так, в мае 1999 г., в статье, восхвалявшей роль Г. А. Алиева в азербайджанизации Нагорного Карабаха, министр внутренних дел АР Рамиль Усубов писал: «...Дашнакствующие элементы не стеснялись прибегать и к открытым насильственным акциям. В памяти и поныне свежа трагедия, происшедшая в Ханкенди (так в Баку именуют Степанакерт – прим. автора) летом 1967 г., когда среди бела дня буквально в двух шагах от областного отдела КГБ и УВД были заживо сожжены трое азербайджанцев. Эта зверская расправа, которую можно назвать кульминацией преступных действий армянских националистов против азербайджанского населения Нагорного Карабаха, должна была послужить отправной точкой для очередного этапа дашнакских планов в отношении этого региона»¹.

Слухи о том, что в АзССР в 1960-х гг. было «все спокойненько», весьма преувеличены.

В апреле 1969 г. председатель КГБ Азербайджанской ССР Г. Алиев писал в записке в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС: «Проявления националистического характера имеют место в Нагорно-Карабахской автономной области. В последние годы националистические элементы, проживающие в этой области, а также некоторые жители Армянской ССР предпринимают попытки к разжиганию среди населения тенденции к выходу области из Азербайджана и присоединению ее к Армении. Под влияние националистических элементов попадает определенная часть молодежи, в том числе и комсомольцы... Националистические проявления молодежи в НКАО имели место и в 1968 году»².

Напомним, что через два года после массовых беспорядков и столкновений с милицией в Степанакерте, 12 июля 1969 г. на пленуме ЦК КП Азербайджана первым секретарем был избран Гейдар Алиев. Его кандидатуру в Москве лоббировали Председатель КГБ СССР Юрий Андропов и его заместитель, свояк Леонида Брежнева, Семен Цвигун – председатель Алиева на посту председателя КГБ АзССР.

Во второй половине 1970-х при подготовке новой «брежневской» Конституции СССР вопрос Нагорного Карабаха и Нахичевани вновь многократно поднимался в письмах и обращениях граждан в ЦК КПСС и Совмин СССР, о чем последний отмечал в своих официальных документах³. Однако на дворе был уже совсем другой период – глубокого застоя, и на этот раз вопрос просто замолчали.

«Перестройка» породила у карабахцев новые надежды.

¹«Бакинский рабочий», 15.05.1999 г.

²Журнал «Воскресенье», октябрь 1991 г. Цит. по: Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий. Т.1., Москва, Круг, 2008. С. 658

³Протокол заседания Президиума Совмина СССР от 23.11.1977 г. № 61,11–4133

ТАК ГДЕ ЖЕ ОН, ЭТОТ КАРАБАХ?

Как уже говорилось выше, «переваривание» азербайджанскими властями армянской провинции Нахичевань облегчалось ее условно-географическим названием. Ведь «нахичеванцем» может быть и армянин, и азербайджанец, так что процесс полной азербайджанизации Нахичевани прошел в целом незаметно для советских людей.

То же самое медленно, но верно происходило и с Нагорным Карабахом. Безликая НКАО не давала ответа на вопрос о том, кто живет в крае. И если бы Карабах постигла участь Нахичевана, — а к этому и вели процессы в нем на протяжении всех лет азербайджанской колониальной оккупации, — то никто в «братской семье советских народов» даже не забил бы тревогу.

Так, например, в Законе АзССР об НКАО путем редакторских ухищрений азербайджанские власти умудрились не допустить ни единого упоминания об армянском языке. Ни как об основном языке автономии, ни как о языке большинства ее населения. В этом может убедиться любой, кто возьмет в руки брошюру «Закон Азербайджанской Советской Социалистической Республики «О Нагорно-Карабахской автономной области» от 16 июня 1981 г.»¹, многократно издававшийся в советское время.

Между тем, даже этот, казалось бы, легко устанавливаемый факт с необыкновенной легкостью фальсифицируется современной азербайджанской пропагандой. Так, в вышеупомянутой книге Ильгара Маммадова и Тофика Мусаева «Армяно-азербайджанский конфликт. История. Право. Посредничество», читаем: «В НКАО... армянский язык был определен в качестве официального языка в управлении и повседневной жизни»². Вполне очевидно, что это сознательная ложь, ибо на той же странице, говоря о правовом статусе НКАО в советское время, авторы ссылаются на указанный закон, и, следовательно, знакомы с его текстом.

Более того, в законе АзССР «О Нагорно-Карабахской автономной области» не просто не было ссылок на армянский язык; эпитет «армянский» в нем вообще отсутствовал напрочь. То есть, если бы в Нагорном Карабахе вообще не осталось бы армян, то не потребовалось бы даже изменять законодательство об НКАО, чтобы «подогнать» его под новые реалии!

Да и Центр никак не реагировал на подобные ухищрения. В Кремле легко проглотили азербайджанскую «пилюлю» при издании итогов переписи населения СССР 1979 г. Тогда власти АзССР пошли на прямое нарушение законодательных норм. В соответствии с которыми в данных переписи по той или иной союзной республике или автономии первым упоминался «титულный» ее народ, вне зависимости от его численности в процентном отношении ко всему населению автономии.

В материалах же переписи 1979 г. в таблице по НКАО первой строкой было выведено азербайджанское нацменьшинство автономии. Учитывая анклавность НКАО, вполне резонно было предположить, что эта автономия была создана в 1923 г. в Азербайджанской

¹Издание Верховного Совета АзССР, Азербайджанское государственное издательство. Баку, 1981 г.
²И. Маммадов, Т. Мусаев. Указ. соч. С. 37

ССР... для семи-восьми тысяч азербайджанских тюрок и курдов, дисперсно проживавших в районах компактного проживания 120–130 тысяч армянского населения (примерно таким было соотношение армян и «мусульман» в АОНК при создании области).

Наконец, «в лучших традициях» госбезопасности власти АзССР объявили НКАО и прилегающие к ней районы зоной, закрытой для посещения иностранцами, чтобы как можно меньше людей в мире могли узнать о странной автономии, искусственно отделенной от материнской страны 6-километровым Лачинским коридором.

Решение, как и в случае с Нахичеванью, было вполне логичным. Ведь редкие зарубежные визитеры, которым позволялось посетить Карабах, могли задавать ненужные вопросы. Такие случаи изредка имели место, после чего в зарубежных изданиях появлялись статьи с осуждением имевшего место искусственного разделения армянского народа.

В таких случаях в НКАО специально «запускали» более подготовленных представителей «братских партий», — в рекламных, так сказать, целях.

Так, после очередной «неудобной» публикации в одной из сирийских газет, в № 6 за 1977 г. журнала «Проблемы мира и социализма» была опубликована статья «Мы видели братство наций». Ее авторы — член национального совета Компартии Индии Сарада Митра и член ЦК Иракской компартии Адель Хаба побывали в АзССР по приглашению ЦК КПСС, чтобы познакомиться «с развитием национальных отношений».

В НКАО они встретились с первым секретарем Нагорно-Карабахского обкома партии Борисом Кеворковым и задали ему вопрос: «Почему область не в составе Армянской ССР, от которой она отделена лишь узкой полоской земли?» Ответ поражал своей демагогичностью: «...От Армении, хотя она и близка географически, область отделена высокими горами, которые в прошлом служили непреодолимым препятствием для широкого общения»¹.

Буквально абзацем выше вопроса Кеворкову об НКАО представители зарубежных компартий писали об «азербайджанской компактной группе» в Нахичевани, «отделенной от основной территории республики, но тесно связанной с ней экономически».

Получалось, что в случае с Нагорным Карабахом «высокие горы» стали «непреодолимым препятствием» для вхождения края в непосредственно прилегающую к нему Армянскую ССР, а в случае с Нахичеванью те же самые горы плюс еще один, более высокий Зангезурский хребет способствовали экономическим связям последней с Азербайджаном. Воистину международно-коммунистическая демагогия!

Более того, железная дорога, связывающая Нахичевань с Баку, — через армянский Зангезур и далее, по левому берегу пограничной с Ираном реки Аракс, — была построена лишь в советское время, в 1936–1941 гг. До этого единственная железнодорожная линия связывала автономию с другими районами Закавказья исключительно через Зривань (Ереван). Ясное дело, что все автомобильные дороги из Нахичевани во внешний мир также пролегли по территории АрмССР.

8-километровый аппендикс — граница с членом НАТО Турцией вдоль Аракса в советское время полностью «была на замке»: советско-турецкие торговые контакты осуществлялись по железной дороге Ленинанкан-Карс, построенной во времена Российской империи, частью

¹«Проблемы мира и социализма», № 6, 1977. С. 12

которой Карсская область была в 1878–1917 гг. С Ираном у СССР был также весьма строгий пограничный режим, хотя в отличие от турецкого участка границы в этом районе существовала железнодорожная переправа через Аракс из Джульфы (Джуги) Нахичеванской в Джульфу Иранскую.

Таким образом, особенно учитывая закрытый характер границ СССР с Турцией и Ираном, Нахичеванская АССР представляла собой естественный (а не искусственно созданный, как в НКАО) анклав, со всеми вытекающими отсюда экономическими составляющими. Тем не менее отнюдь не только в «Проблемах мира и социализма» можно было прочитать про ее «тесную экономическую связь» с Азербайджаном.

В Советском Союзе информации, особенно этнокультурного характера, по Нагорному Карабаху добыть было практически невозможно (кроме отдельных публикаций в Армянской и Азербайджанской ССР, разумеется). Тем более на русском языке – языке межнационального общения в СССР.

Известный армянский публицист карабахского происхождения бывший народный депутат СССР Зорий Балаян приводит забавный эпизод в своей книге «Между адом и раем»:

«Знал ли кто-нибудь, чего нам стоило раньше одно только упоминание о Карабахе в советской печати? Где бы я ни писал о моей родине, тотчас же редакция получала письма из Азербайджана. Дело доходило до абсурда. Мол, я пишу, скажем, о своем деде, чтобы заодно упомянуть о Карабахе, и чтобы, пользуясь случаем, дать понять, что Арцах – это Армения. С далекой Камчатки я отправил рукопись документальной повести «Это – Камчатка» в «Наш Современник». Было начало семидесятых. Редактор, будучи уверенным, что Степанакерт – это, конечно, Армения, в скобках для непосвященного писателя добавил: «Армянская ССР». Бог мой, что тут было!»

Бывший секретарь Нагорно-Карабахского обкома партии, член Союза журналистов СССР Егише Саркисян в открытом письме заведующему идеологическим отделом ЦК Компартии Азербайджана Афранду Дашдамирову, опубликованном в областной газете в январе 1990 г., вспоминал весьма любопытный эпизод.

«В 1983 г. в связи с приближающимся 60-летием НКАО я вместе с другим журналистом получил из Бакы задание написать сценарий для документального фильма. На киностудии «Азербайджанфильм» он был принят без замечаний, съемки также прошли нормально. Ужасное произошло потом. Выяснилось, что уже готовая кинокартина не понравилась руководству республики. Кинооператоры вновь были посланы на места, но с определенной целью: новые кадры заснять в Шуше и в других азербайджанских населенных пунктах области и за ее пределами.

В результате всего этого кинокартина вышла на экраны не только спустя несколько месяцев после юбилея, и несведущий зритель мог понять только одно – Нагорный Карабах – это азербайджанская земля, где почти нет армян и армянских памятников. Я, как автор, и другие товарищи решительно протестовали против этого. В результате в области картина не демонстрировалась... По дошедшим до меня сведениям, одним из тех, кто дал указание переснять фильм, были вы, Афранд Фридуно оглы, а также тогдашний заместитель председателя Совета министров республики Фикрет Ахмедов»¹.

¹«Советский Карабах», 24.01.1990 г.

Иногда, в очередной юбилей создания НКАО или награждения ее каким-нибудь советским орденом «За трудовые достижения и дружбу народов», в одной из центральных газет появлялась безликая заметка на пару абзацев, сопровождаемая парой же фотографий передовиков производства или безликим (чаще всего Шушинским) пейзажем¹. При этом даже фамилии и имена передовиков чаще всего подбирали «непонятные»: о чем, например, могли сказать советскому читателю фамилия директора совхоза Мамунц или непонятный гибрид имени и фамилии передовой ткачихи Саиды Орбелян?

То же можно было сказать и в отношении партийно-советского руководства области: в 1950–1980 гг. все высшие областные руководители, прежде всего главы обкома и исполкома, в обязательном порядке носили русифицированные фамилии, заканчивающиеся исключительно на «ов». Для затруднения, так сказать, их национальной идентификации посторонними. Существовала даже следующая, вполне правдивая история о посещении НКАО маршалом Советского Союза Иваном (Ованнесом) Баграмяном.

Известно, что сам Баграмян был уроженцем северной части Нагорного Карабаха, в начале 1920-х гг. отторгнутой от остальной части края. Его родное село Чардахлу Шамхорского района бывшей АзССР было уникальным в СССР. Оно являлось родиной еще одного советского маршала – танкиста Амазаспа Бабаджаняна, а также нескольких генералов и многих сотен боевых офицеров и солдат Великой Отечественной. Будучи в отставке и уже много лет проживая в Москве, маршал Баграмян был своего рода неофициальным заступником своих односельчан, за что в руководстве АзССР его, мягко говоря, недолюбливали и считали ярким «армянским националистом».

В дни своего 80-летия, в 1977 г. маршал решил посетить не только свою малую родину, но и столицу НКАО город Степанакерт. Естественно, что в Баку, исходя из принципа «как бы чего не случилось», поручили руководству области встретить маршала с полагающимися почестями. На административной границе НКАО с соседним Агдамским районом АзССР его встречают областные руководители и четко представляются: Кеворков, Асланов, Осипов и так далее. «А что, мы еще не в Карабахе?», – с иронией спросил маршал.

Не случайно, сообщая об отставке в феврале 1988-го многолетнего «хозяина» области, первого секретаря Обкома и бакинского «прокуратора» Бориса Саркисовича Кеворкова (русифицированный вариант армянской фамилии Геворкян), некоторые зарубежные СМИ ошибочно величали его «Говорковым», видимо полагая, что это этнический русский.

После того, как Нагорный Карабах «стал звучать» не только на весь Союз, но и в целом мире, выяснилось, что представители братских советских народов и понятия не имели об этническом характере НКАО. Так, например, побывавшая весной 1988-го в Ереване группа эстонских товарищей на полном серьезе уверяла: ранее им казалось, что в Карабахе проживают... карабахцы. В Ереване в те дни ходила следующая расхожая байка. Приехал человек из России в Ереван и, наслышанный о событиях «в Карабахе и вокруг него», спрашивает у местного жителя: «Что бы вам, армянам, не объединиться с азербайджанцами и не всыпать этим карабахцам как следует?»

Специальный корреспондент газеты «Семья» Алексей Сергеев в своей статье «Особое положение» писал: «Вот и мальчики из армейского патруля, остановившего меня на

¹См., например: «Горный край», «Известия», 06.07.1983 г.

Нагорно-Карабахской автономной области — 60 лет

ГОРНЫЙ КРАЙ

Азербайджанская ССР. 7 июля 1923 года Центральный исполнительный комитет Азербайджанской ССР провозгласил создание Нагорно-Карабахской автономной области.

В семье народов СССР идет Нагорный Карабах путем радости и трудовых свершений, черпая силы и энергию из такого неиссякаемого источника творческого созидания, каковым является братская дружба и взаимопомощь народов нашей страны.

Представители многих национальностей участвовали в строительстве гидротехнического комплекса на реке Тертер и поросащении Карабахского шелкового комбината.

Виноградарство, животноводство, ковроткачество, шелководство — вот отрасли хозяйства, которым издревле занимались карабахцы. За годы существования автономной области уровень промышленного про-

изводства возрос в 600 раз, и ныне за один день производится в два раза больше продукции, чем за весь 1923 год. С кладезев Карабахского шелкового комбината ежегодно сходит 17 миллионов метров добротных шелковых тканей.

95 процентов продукции — разнообразные светильники — маркирует государственным знаком качества коллектив Степанакертского электротехнического завода.

Большие изменения произошли в сельском хозяйстве. Создана широкая сеть совхозов и колхозов. Одной из ведущих отраслей стало виноградарство.

Славится область целебными источниками. На базе минеральных вод Турш-су (созвездие вода) в городе Шуше создан курорт, построены пансионаты, где ежегодно отдыхают до 20 тысяч трудящихся.

В дорожно-коммунальном Карабахе десять десятых процента населения было неграмотным. Се-

годня каждый третий в области учится. В учебных заведениях — а педагогическом вузе, техникумах, училищах, школах преподавание ведется на русском, азербайджанском и армянском языках. В области более 200 клубов, домов и дворцов культуры.

Нагорно-Карабахская область награждена орденом Ленина и орденом Дружбы народов.

НА СНИМКАХ:

Город Шуша. Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Самвел Мамунц — директор передового в области виноградарского совхоза имени XXII партсъезда Мардакертского района. Ткачиха Карабахского шелкового комбината имени 28 Бакинских комиссаров Самга Орбелян (на снимке) уже завершила задание четырех лет планирования. За свой труд она награждена орденом Ленина. С. Орбелян — депутат Верховного Совета СССР, член ЦК Компартии Азербайджана.

Фото О. Литвина. [Фотохроника ТАСС].

Митинг в Ереване в связи с карабахскими событиями. Лето 1988 года

Армянский беженец из Баку. Январь 1990 года. Фото Арменпресс

Одна из немногих публикаций о Нагорном Карабахе в центральной советской прессе, посвященная 60-летию образования АОНК-НКАО. «Известия», 6 июля 1983 года

степанакертской улице для проверки документов, говорили: «Непонятный какой-то народ – ни с Азербайджаном не хотят жить, ни с Арменией. В Россию к нам просятся...» Уж и не знаю, что им говорят на политзанятиях, но мы, журналисты, сильно руку приложили, чтобы все запутать. Сотни писем идут в Степанакерт со всех концов страны с просьбой объяснить суть происходящего»¹.

Все изменилось после 20 февраля 1988 г. Вот как описывает неожиданную перемену Зорий Балаян в упомянутой книге «Между адом и раем»:

«17 февраля 1988 (за три дня до сессии Областного совета НКАО) я выступил в ООН на встрече с представителями более тридцати государств. Я обратил их внимание на то, что почти никто не знает, что за государство такое Карабах и где оно находится. В тот раз я оказался в США в составе большой делегации, возглавляемой Генрихом Боровином. Во всех городах, где мы бывали, на всех встречах я говорил о своем Арцахе. И везде, увы, одно и то же: «Первый раз слышу». 21 февраля я вылетел из Нью-Йорка. В аэропорту встретил прилетевшего «Аэрофлотом» академика Аганбегяна, который на традиционный вопрос: «Ну, как там, в Союзе?», ответил совсем нетрадиционно: «Знаешь, у всех на устах Карабах». 22 февраля, рано утром, в Москве, пока ждал багаж, впервые и я услышал несколько раз: «Карабах»².

Словом, «закамуфлированное» этническое начало Нагорного Карабаха должно было облегчить те же процессы азербайджанизации, что имели место и в другой переданной большевиками Азербайджанской ССР армянской провинции – Нахичеване. Но самим фактом поднятия вопроса о дальнейшем статусе НКАО карабахские армяне разорвали заговор молчания вокруг их ранее прозябавшей в информационно-политическом забвении родины.

Уже сам факт привлечения внимания советской и мировой общественности к существованию Нагорного Карабаха как армянского края сделал невозможным прежнее игнорирование карабахской проблемы со стороны властей Азербайджанской ССР и руководства СССР.

Между тем, ни общественность, ни руководство страны толком и не знали, что такое есть Нагорный Карабах, и чем именно порождены столь мощно полыхнувшие вокруг проблемы страсти. Не представляли, что важнейшей задачей руководства АзССР в отношении Арцаха, – как по-армянски именуется край, – всегда было выдавливание коренного армянского населения со своей родины и его «замещение» прибывающими извне азербайджанскими переселенцами. Этот процесс, имевший место еще в начале XX века, когда он принял форму массовой резни и погромов, и продолжавшийся в «мягкой форме» на протяжении всего советского периода, мы подробно рассмотрим в следующей главе.

Глава 2

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА ЗАКАВКАЗЬЯ

«Работайте день и ночь. Постарайтесь, чтобы все видные и нужные армяне были арестованы... Оставьте человеколюбие. Этим нельзя создавать государство, завоевать страны, жить в мире... Не оставляйте ни порядочного человека, ни богатства, чтобы это проклятое племя не могло подняться более на ноги»

*Асад Караев, Председатель карабахского ревкома,
21 июля 1920 года*

«Забота о Нагорном Карабахе и его азербайджанском населении Гейдара Алиева, справедливо именуемого зодчим Азербайджана, навек вписана в славные страницы отечественной истории... Развитие автономной области в период, когда Азербайджаном руководил Гейдар Алиев, было направлено на максимальную интеграцию края в структуру республики».

*Рамиль Усубов, министр внутренних дел Азербайджанской Республики,
15 мая 1999 года*

В различных работах, статьях и выступлениях представителей Азербайджана дело всегда преподносилось и преподносится так, будто бы понятие «Нагорный Карабах» аналогично НКАО и будто бы в Карабахе всегда жило какое-то мизерное, несущественное количество армян. В уже упоминавшемся интервью бывшего советника Гейдара Алиева по внешнеполитическим вопросам, ныне политолога Вафы Гулузаде (Гулиева) бакинскому агентству «1news.az» от 7 июля 2007 г., в частности, говорилось: «...Небольшой горстке карабахских армян пришлось довольствоваться автономией в рамках Азербайджана».

Между тем, и до большевистского переворота 1917 года, и даже после вооруженной агрессии турецких войск и созданного на турко-германских штыках марионеточного Азербайджана в 1918–1920 гг., население Нагорного Карабаха отнюдь не представлялось «горсткой». И после советизации Закавказья и включения Нагорного Карабаха в состав АзССР карабахские армяне не были «небольшой горсткой» даже на фоне всего азербайджано-тюркского населения республики. Что и будет показано ниже на конкретных цифрах.

Другое дело, что стремление сначала националистов из числа «кавказских татар», а потом и властей новоявленного Азербайджана низвести количество армян Карабаха (и не только его, как мы увидим далее) до ничтожного меньшинства методами массового террора, резни и репрессий действительно имело место на протяжении последнего века. Часто это стремление исподволь проявлялось, озвучивалось официальными лицами АзССР и современной Азербайджанской Республики как нечто глубоко желаемое.

¹ «Семья», № 43, «Советский Карабах», 01.11.1988

² З. Балаян. «Между адом и раем», С. 62

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПОДМЕНА

Прежде чем мы поведем речь о целенаправленном процессе выдавливания армян из Нагорного Карабаха, разными темпами осуществлявшегося в течение всего советского периода, необходимо представить себе, что являл собою этот край до 1918 года. Именно этот год стал временем возникновения карабахского конфликта вследствие распада Российской империи, вторжения в Закавказье турко-германских войск и создания ими на обломках закавказских губерний марионеточного государственного образования, названного «Азербайджаном» по имени северной Персидской провинции, в целях последующей аннексии последней и прямого выхода в Среднюю Азию.

Здесь мы должны напомнить, что территория Нагорного Карабаха в целом намного больше той территории, на которой в 1923 г. была создана автономная область Нагорного Карабаха в ее куцых границах. Ведь последние было поручено определить АзЦИКУ, то есть прямому наследнику правительства АДР, всего за какие-то пару лет до того принимавшего все вообразимые и невообразимые усилия для закабаления армянского Нагорного Карабаха и физического уничтожения его населения.

В июле 1921 г., когда решением Кавбюро ЦК РКП(б) Нагорный Карабах был передан новосозданной Азербайджанской ССР, не существовало никаких границ ни НКАО, ни границ между Советскими Арменией и Азербайджаном. В Российской империи границы губерний и уездов проводились в целях удобства управления, кроились, исходя лишь из определенной численности населения в административной единице. В короткий же период фактической независимости закавказских государств границы между ними так и не были определены и установлены из-за территориальных конфликтов. И прежде всего из-за претензий турецкого сателлита «Азербайджанской Демократической Республики» на значительные территории, населенные армянами.

В начале 1920-х гг., когда партийные инстанции российских большевиков решали дальнейшую судьбу Нагорного Карабаха, они оперировали такими понятиями, как «нагорные части» тех уездов Елизаветпольской губернии, территории которых в целом вмещали в себя Нагорный Карабах. То есть исходили из географического единства Нагорного Карабаха.

Точно также в документах, в том числе и политических, относящихся к 1918–1920 гг., то есть когда карабахский вопрос вышел на мировую арену в качестве территориального спора между образовавшимися на территории бывшей Российской империи Арменией и Азербайджаном, использовались такие термины, как Армянский или Нагорный Карабах.

Так, в записке карабахского армянского Национального совета об историко-географическом, политическом и социально-экономическом положении Карабаха, представленной им 5 мая 1919 г. командованию английских войск в Закавказье, говорилось: «Армянский, или Нагорный, Карабах обнимает собой всю горную область к востоку от озера Севан (Гокча), окаймленную с севера и юга Гянджинским хребтом, спускающимся к долине реки Аракса. Хотя с востока Нагорный Карабах примыкает к обширной степи,

носящей название Карабахской, но она представляет собой совершенно обособленный в географическом отношении мир, поэтому и может быть легко выделена и присоединена к своей родной среде, т.е. к Кура-Араксинской равнине, продолжением которой и является она. Армянский Карабах в топографическом, орографическом и физическом отношении составляет одно неразрывное целое с горными массивами, тянущимися к западу от Гокчинского озера вплоть до Александропольской равнины. Это – природа высокогорного армянского плато, которое накладывает одинаковый отпечаток на жизнь всей этой обширной страны, создает одинаковые условия для экономической и культурной жизни»¹.

5 июля 1921 г. Нагорный Карабах полностью в своих историко-географических границах был передан Азербайджанской ССР волюнтаристским решением Кавбюро ЦК РКП(б) с предоставлением ему «широкой областной автономии с административным центром в городе Шуше».

Однако потребовалось два года переписки, дрызг и скандалов, прежде чем под сильным давлением Закрайкома и ЗакЦИКа – руководящих органов ЗСФСР или Закфедерации, объединившей в 1922–1936 гг. три союзные республики Закавказья, – власти АзССР предприняли хоть какие-то реальные шаги по созданию автономии в Нагорном Карабахе.

Выглядело это так. 4 ноября 1921 г., 20 марта и 18 сентября 1922 г. Закрайком обращал внимание руководителей АзССР на необходимость претворения в жизнь постановления о создании автономии Нагорного Карабаха. 14 декабря 1922 г. Закрайком принял новое специальное постановление о претворении в жизнь решения об автономии Нагорного Карабаха. С этой целью был избран специальный комитет по делам Нагорного Карабаха при СНК АзССР в составе Кирова, Мирзабекяна и Каракозова. 22 декабря 1922 г. Союзный Совет Закфедерации принял соответствующее постановление об ускорении оформления автономии Нагорного Карабаха. Однако руководство АзССР и на этот раз проигнорировало решение².

10 марта Закрайком еще раз потребовал от руководства АзССР незамедлительно решить вопрос об автономии Нагорного Карабаха с центром в Шуше. В ответ на что Нариман Нариманов и иные руководители АзССР из числа местных национал-большевиков состряпали версию об «опасности угнетения азербайджанских тюрок армянами в Азербайджане». Они распространили ее на XII съезде РКП(б) через Карла Радека, известного своими протурецкими и антиармянскими взглядами. Именно Радек работал в Германии с младотурками, а после их бегства из Стамбула организовал переезд в Советскую Россию фактического главы триумvirата младотурок и бывшего военного министра Османской Турции «революционера» Энвера-паши. Версию Нариманова Радек преподнес на одном из заседаний съезда 24 апреля 1923 г., однако поддержки не получил. Более того, «нарвался» на ответ Иосифа Сталина, который, касаясь заявлений Радека, сказал: «...чтобы в чужом государстве меньшинство угнетало людей большинства, таких неестественных вещей никогда не бывало»³.

¹Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сборник документов и материалов. Изд. АН Армении. Ереван. 1992. С. 191

²Арабат Армян, «О двух «забытых» страницах проблемы Нагорного Карабаха». «Советский Карабах», 03.11.1990 г.

³Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 660

Вид на гору Большой Кирс (2724 м) с вершины наиболее высокой точки южной оконечности Карабахского хребта – горы Дизапайт (2478 м). Фото Манвела Саркисяна

Вид на горный хребет Мрав, делящий Нагорный Карабах на центральную и северную части. На переднем плане – урочище и крепость Гюлистан. Здесь в 1813 году был подписан русско-персидский Гюлистанский договор, по которому Нагорный Карабах «на веки вечные» переходил в состав России. Фото Сергея Абовьяна

Однако дело с автономией с места не двигалось. Представитель Закрайкома в Нагорном Карабахе Сурен Шадунц многократно обращался к руководству Закфедерации по поводу саботирования АзЦИКом вопроса автономизации Нагорного Карабаха. Так, в своем письме от 13 июня 1923 г. он писал: «Приведенные факты... достаточно наглядно говорят, что оставить эту страну в пределах Азербайджана при том отношении, какое было до сих пор, нельзя, поэтому я полагаю, что эта автономная область должна быть связана непосредственно с Заксовнаркомом»¹.

При этом характерно, что сам Шадунц, будучи армянином по национальности, прежде всего был ярким «интернационалистом-ленинцем», ранее выступавшим против включения Нагорного Карабаха в состав ССР Армении. Более того, он был противником включения в состав советизированной Армении и Зангезура.

Обо всем этом он вновь писал и в вышеупомянутом письме от 18 июня 1923 г.:

«Я нахожу, что Зангезур совершенно оторван от Армении и никакой связи с ней не имеет... Я нахожу, что для правильного разрешения национального вопроса как в Карабахе, так и в Зангезуре и для экономического возрождения этой страны (Карабаха и Зангезура) необходимо выделить Нагорную часть Карабаха вместе с Зангезуром в одну автономную единицу»².

Мнение Шадунца о непосредственном подчинении Нагорного Карабаха руководству Закфедерации, естественно, было проигнорировано. Под давлением Закфедерации 7 июля 1923 г. АзЦИК своим Декретом провозгласил автономию на «Армянской части Нагорного Карабаха». Для претворения декрета в жизнь была образована комиссия. Но дальше издания Декрета и образования комиссии в АзССР идти не спешили.

Пришлось Закрайкому ВКП(б) снова телеграфно запросить Баку: а где же «продекретированная» автономия? 17 апреля 1924 г. Президиум ЦК АКП(б) собрался на очередное заседание, «смело» признал работу комиссии по разрешению вопросов, связанных с выделением Нагорного Карабаха в автономную область, неудавшейся и постановил образовать новую комиссию по данному вопросу. Лишь по ее предложению 26 ноября 1924 г. в Баку было декретировано «Положение об Автономной области Нагорного Карабаха».

Однако и тут партийцы из Закрайкома проявили непоследовательность и пошли на уступки националистам. «Дожав» власти АзССР до создания автономии Нагорного Карабаха, Закрайком поручил провести границы автономии АзЦИКу. То есть фактически пустил лису в курятник, предоставив националистической верхушке азербайджанских тюрок возможность кромсать территорию Нагорного Карабаха в соответствии с их аппетитами и фантазией, столь кроваво проявившимися в 1918–1920 гг.

Таким образом, в ходе создания в 1923 г. автономии в аннексированном Нагорном Карабахе значительная часть НК не была включена в автономию и осталась за ее пределами. В юридических документах и этот факт получил свое наглядное отражение. Известно, что в 1923–1936 гг. область официально называлась не НКАО (Нагорно-Карабахская

¹ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 24, дело 307, л. 1; цит. по: Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сборник документов и материалов. Изд. АН Армении. Ереван. 1992. С. 668

²Там же, с. 667

автономная область), а АОНК, что расшифровывалось как «Автономная область Нагорного Карабаха». Об этом свидетельствует и само название декрета АзЦИКа от 7 июля 1923 г. «Об образовании Автономной области Нагорного Карабаха». Тем самым смысл первоначального названия, АОНК, в том, что автономная область создана на части территории Нагорного Карабаха. Последующее же название – НКАО, или Нагорно-Карабахская автономная область – низводило территорию всего Нагорного Карабаха до административных границ этой самой автономии.

В 1923 г. была создана Автономная область Нагорного Карабаха из частей дореволюционных Джеванширского, Шушинского и Карягинского уездов, изначально площадью в 4,59 тыс. км². В более поздних изданиях площадь АОНК указывалась равной 4,2 тыс. км². В поздних же советских изданиях площадь НКАО традиционно указывалась – 4,4 тыс. км².

В автономную область не вошли не только большинство исконных историко-географических частей Нагорного Карабаха, но даже и почти половина населенных исключительно армянами территорий края. Фактически, при создании Автономной области Нагорного Карабаха АзЦИКом было в далеко идущих целях использовано прошлое, времен позднего персидского владычества в Закавказье административно-территориальное деление.

Известно, что в те времена Нагорный Карабах, географически представляющий собой горы и предгорья Малого Кавказа, был разделен между двумя административными единицами, ханствами шахской Персии.

Большая часть края входила в Карабахское ханство, образовавшееся в 1750-х гг. на основе пяти меликств (княжеств) армянской провинции Арцах. Эти меликства, которые занимали территорию от Аракса на юге до притока Куры Кюрюк-чая на севере, именовались поочередно с юга на север: Дизак, Варанда, Хачен, Джраберд и Гюлистан. Еще в XVII в. они образовали союз наподобие конфедерации швейцарских кантонов, и были известны в исторической литературе под названием Хамса, то есть «пятерка», от арабского слова «хамс» – пять.

Меньшая, северная, часть Нагорного Карабаха входила в состав Гянджинского ханства, в которой также существовало несколько небольших армянских княжеств-меликств, которые в отличие от меликств «Хамсы» подчинялись не напрямую Шахскому двору, а его наместнику – беглярбеку в лице хана Гянджи (арм. Гандзак).

Получив от Закавказского крайкома право устанавливать границы автономного Нагорного Карабаха, националисты из АзЦИКа «автономизировали», по сути, сильно урезанные территории четырех «меликств Хамсы» Дизака, Варанды, Хачена и Джраберда.

Территория пятого из меликств «Хамсы» Гюлистана вначале, как и большинство территорий севера Нагорного Карабаха, вошла в Гянджинский уезд, а впоследствии была выделена в отдельный (Шаумянский) район АзССР.

По сути дела, ЦИК АзССР, которому было поручено определить границы автономии, разрезал край на две части по Мравскому (Муровдагскому) хребту: армянские районы южнее хребта в урезанном виде вошли в состав АОНК, а все, что было севернее – просто включено в состав АзССР.

Типы карабахских армян. Сестры Софья (сидит), Анна (справа) и Мариам, урожденные Мелик Шахназарянц. Шуша, начало XX века. Фото из архива автора

Генерал-лейтенант Никита (Мкртич) Григорьевич Мелик-Шахназаров, родной брат прапрадеда автора, конец XIX века.

Фото из архива автора

Надворный советник Александр Карпетович Мелик-Шахназарянц, родной племянник генерала Ивана (Ованеса) Лазарева. Шуша, конец XIX века.

Фото из архива автора

Отец и сыновья – жители села Гиши Варандского (позднее Мартунинского) района АОНК. Фото из архива Лидии Камалян

Гишинцы. Фото из архива Лидии Камалян

В связи с этим изначально абсурдны утверждения о том, что «границы области были определены таким образом, чтобы обеспечить большинство армянского населения»¹. Ведь армяне так и так составляли подавляющее большинство в Нагорном Карабахе, поэтому непонятно, как насильственное отрезание от края его северных районов с практически однородным армянским населением могло «обеспечить большинство армянского населения»? Тем более после уничтожения армянского большинства столицы края Шуши, которая после 1920 г. стала практически исключительно тюркской, и район которой продолжал стремительно тюркизироваться при большевиках...

Севернее же Мравского хребта вне пределов автономной области Нагорного Карабаха остались территории с почти 100-тысячным армянским населением, ранее составлявшие единое этнокультурное целое с остальными районами края и являвшиеся частью общей системы обороны горного армянского края в период противостояния турко-азербайджанской агрессии 1918–1920 гг.

В зависимости от политической конъюнктуры официальная пропаганда Баку и союзнические ей силы в разные периоды карабахского кризиса то «расширяли», то «сужали» границы Нагорного Карабаха. То есть от утверждений, что Нагорный Карабах равнозначен НКАО, переходили к рассуждениям о том, что последняя лишь часть края, который де нельзя разделить.

В этом плане представляет интерес статья кандидата технических наук Александра Скибицкого «Карабахский кризис: чтобы выйти из тупика, нужно знать прошлое», которая была опубликована в феврале 1991 г. в еженедельнике «Союз», приложении к газете «Известия»². В ней автор, отражая точку зрения руководства АзССР, утверждал, что будто бы в начале 1920-х гг. Нагорный Карабах был поделен между Арменией и Азербайджаном, так что ни о какой односторонней «несправедливой» передаче края Азербайджану речи идти не могло.

А. Скибицкий, между тем, делал важное уточнение относительно того, что же есть Нагорный Карабах, полностью совпадающее с приведенным выше, хотя и делал это совершенно с противоположными целями: «...Достаточно было вроде бы «невинной» трансформации на картах и географических атласах, а возможно, и в печати (уже с начала 1930-х годов) первоначального наименования «Автономная область Нагорного Карабаха» в несколько иное – «Нагорно-Карабахская автономная область», что, по сути, не одно и то же. Если в первом варианте наименования перед нами явным образом лишь часть Нагорного Карабаха, лишь его Автономная область, то в преобразованном наименовании перед нами область, именуемая Нагорным Карабахом», т.е. Нагорный Карабах в целом».

Публикация в еженедельнике «Союз» случилась в период, когда власти АзССР с помощью союзных сил МВД и Советской Армии, казалось, были близки к тому, чтобы навсегда сломить сопротивление карабахских армян и окончательно вытеснить их из края. В то время и в тех условиях использование вполне справедливого тезиса о том, что «НКАО не есть весь Нагорный Карабах», было вполне оправданно с точки зрения

¹И. Маммадов, Т. Мусаев. «Армяно-азербайджанский конфликт. История. Право, Посредничество». Тула. ЗАО «Гриф и К°». 2007. С. 36

²«Союз», № 7, 13–20.02.1991. С. 12–13

политических интересов официального Баку. Более того, автор явно не случайно «включил» в состав Нагорного Карабаха и соседний с ним Зангезур, что вполне в духе времени отражало претензии и надежды официального Баку на захват силами союзных войск этой территории АрмССР, в прямом смысле ставшей клином на пути пантюркистских амбиций руководителей позднесоветского Азербайджана.

Однако времена, как говорится, меняются, и в последующем к теме границ Нагорного Карабаха в Баку перестали обращаться. Ведь в апреле 1993 г. Армия обороны Нагорного Карабаха установила контроль над Лачинским, Кельбаджарским районами, а в августе того же года над Кубатлинским районом бывшей АзССР, которые географически являются частью Нагорного Карабаха. Теперь уже карабахская сторона стала обращаться к аргументу о территориальном единстве Нагорного Карабаха, чьи границы после последовавшего еще в советское время, в ноябре 1991 г., решения Верховного Совета Азербайджанской Республики о ликвидации НКАО стали уже совершенно неопределенными!

Характерным с этой точки зрения является название и подзаголовок статьи, опубликованной в «Независимой газете» экспертами делегации НКР на переговорах по урегулированию Рубеном Заргаряном и Арсеном Мелик-Шахназаровым: «Горы, ждущие воссоединения. Лачино-Кельбаджарский регион был и остается неотъемлемой частью Нагорного Карабаха, полагают в Степанакерте»¹. Посему и азербайджанская пропаганда более не возвращалась к этой теме, предпочитая говорить лишь о «неразрывной связи Верхнего и Нижнего Карабаха как единой и неотъемлемой части Азербайджана»...

Любопытна и история с так называемым «Красным Курдистаном», просуществовавшей лишь несколько лет «тайнственной» автономией курдов в Лачино-Кельбаджарском регионе, расположенном между АОНК–НКАО и Советской Арменией.

При создании на территории Нагорного Карабаха Автономной области Нагорного Карабаха в тот же день с декларацией об образовании АОНК, 7 июля 1923 г., в Азербайджане было объявлено о создании самостоятельного Курдского уезда («Красного Курдистана»). При этом сообщалось, что его границы будут определены после установления границ автономного Нагорного Карабаха. Между тем, вплоть до 1929 г., когда «Красный Курдистан» был упразднен, его границы так и не были зафиксированы ни на одной из изданных карт, равно как и ни в одном решении ЦИК АзССР.

Как писал А. Букшпан в изданной в 1932 г. в Баку книге «Азербайджанские курды», «постановление, должно быть, вследствие неутверждения вышестоящими органами не было реализовано немедленно». Автор книги писал также, что, рассматривая разрозненные материалы, относящиеся к районированию Азербайджана 1923 г., он не смог, несмотря на все свои попытки, разыскать «всего дела районирования»².

Несмотря на то, что формальным центром уезда была деревенька Абдалляр, переименованная в 1923 г. в Лачин, практически все учреждения «Красного Курдистана» за исключением в уезде сколько-нибудь пригодных городских зданий и помещений находились в Шуше. Там же издавалась и газета «Красный Курдистан».

¹ «Независимая газета», 25.10.2000 г.

² Ашот Мелик-Шахназаров, «Кто и когда аннексировал сухопутный коридор между Нагорным Карабахом и Арменией», «Республика Армения», 05.06.1992 г.

Наконец, одновременно с упразднением Курдского уезда было объявлено, что составлявшие его территории (в последующем в 1930–1980-е гг. Кельбаджарский, Лачинский, и частично Кубатлинский районы АзССР) стали отдельными административными единицами АзССР.

При этом часть территории АОНК, которая граничила с Арменией, была «под шумок» выведена из состава автономии и включена в состав образованного позднее Лачинского района АзССР. Именно так автономная область Нагорного Карабаха стала анклавом. Таким образом, в результате манипуляций Баку с Курдским уездом или «Красным Курдистаном» курды лишились своей недолго существовавшей автономии, а нагорно-карабахская армянская автономия – общей границы с советской Арменией. А после Второй мировой войны райцентр Лачин (построенный на шоссеной дороге близ курдской деревни Абдалляр и вскоре поглотивший ее) стал стремительно расти за счет переселения сюда азербайджанцев с низин.

Сами курды были достаточно быстро, всего за какие-то два поколения, практически полностью ассимилированы. Этому способствовала не только религиозная общность курдов с азербайджанскими тюрками, но и сознательное противодействие властей АзССР робким попыткам отдельных энтузиастов большевиков привить курдам грамоту на родном языке.

На странице 79 вышеупомянутой книги «Азербайджанские курды» А. Букшпана содержится весьма примечательный пассаж:

«Первый курдский букварь нами был составлен в 1924 г. и представлен в Наркомпрос АзССР, но... там же и погиб. Бывший профессор Аз. Гос. Университета Жузе в своем контрреволюционном выступлении, сделанном им в декабре 1930 г. в связи с обсуждением курдского вопроса отделением Ближнего Востока АзГосНИИ, заявил, что англичане многое сделали для курдов в Иране (что привлекает туда курдов из Турции), но наряду с этой гнусной ложью и клеветой, которой обливал гражданин Жузе национальную политику советской власти, обнаглевший классовый враг говорил классовую правду, отмечая среди своей гнусной клеветы отсутствие в то время в Азербайджане курдской школы на родном языке».

МОГУЧАЯ «ГОРСТКА»

Накануне Первой мировой войны именно Нагорный Карабах в его естественных этно-географических границах был территорией наиболее плотного сосредоточения армянского населения в Закавказье. Если сравнить соотношение территории Нагорного Карабаха, количество и плотность проживавшего на этой территории армянского населения с аналогичными данными, например, по Зриваньской губернии (территория которой стала основой для создания ССР Армении), то сравнение будет отнюдь не в пользу последней.

В уже упоминавшейся записке карабахского Армянского национального совета об историко-географическом, политическом и социально-экономическом положении Карабаха, представленной им 5 мая 1919 г. командованию английских войск в Закавказье,

говорится: «По официальным статистическим данным русского правительства, опубликованным до начала общеевропейской войны, армян в Нагорном Карабахе насчитывается в круглых цифрах 280 000 человек, а татар и других народностей с мусульманским вероисповеданием – 75 000»¹.

В изданном в Баку в 1914 г. справочнике «Весь Кавказ» приводится численность населения Елизаветпольской губернии по данным на 1 января 1913 г.: 1 240 874 человек, из коих армян – 452 294 человек². Известно, что примерно 100–110 тыс. армян проживали в Зангезуре и еще 60–70 тыс. – в других уездах губернии за пределами Нагорного Карабаха. Вычтя это число из 452 тыс. армянского населения Елизаветпольской губернии, как раз и получим ту же численность армянского населения Нагорного Карабаха, что и в вышеупомянутой записке Национального совета края.

Известно также, что в ходе войны 1918–1920 гг. погибло примерно 20 % населения Нагорного Карабаха, а сам край находился в состоянии разрухи. Эта оценка встречается в различных источниках, но более точных цифр потерь, похоже, не было установлено.

Однако отдельные источники могут дать некоторое представление о численности населения отдельных районов Нагорного Карабаха в начале XX в. и сразу после советизации, то есть по окончании войны и погромов. Так, в статье В. Худадова «Современный Азербайджан» в разделе «Армяно-татарские отношения» автор, в частности, упоминает эпидемию оспы, в результате которой «в районе Варанда к северо-востоку от Шуши армянское население, насчитывавшее тогда 80 000 душ, потеряло за зиму 1906–1907 гг. 1300 детей, умерших от оспы»³. Согласно же сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1921 г., в Варандском районе АОНК, одном из четырех районов автономной области, проживало 30,4 тыс. армянского населения.

Учитывая, что район Шуши всегда входил в состав Варанды, одного из 5 исторических меликств (княжеств) Арцаха, то в названную В. Худадовым цифру в 80 тыс. армянского населения этого района в 1906–1907 гг. скорее всего были включены и почти 25 тыс. тогдашних армян – жителей Шуши, которые позднее погибли в ходе резни и пожара в городе или рассеялись после его разорения по другим регионам. Однако и при таком раскладе налицо фактическое уменьшение в 1921 г. численности армянского населения Варанды на 25 тыс. человек!

Согласно той же сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1921 г., 94,4 % населения, проживавшего на территориях, вошедших позже, в 1923 г., в состав новообразованной Автономной области Нагорного Карабаха, составляли армяне и 5,6 % азербайджанские тюрки и другие национальности⁴. Численность населения АОНК на тот период

¹Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сборник документов и материалов. Изд. АН Армении. Ереван, 1992. С. 195

²Весь Кавказ. Промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья. М. Шапсович. Баку. С. 351–352

³Журнал «Новый Восток», № 3, 1926 г. С. 181

⁴Нагорный Карабах за годы советской власти. Краткий статистический сборник. Степанакерт. 1969 г. С. 7

незначительно отличалась в различных источниках (что стало следствием некоторых противоречий и неточностей при изначальном проведении и окончательном утверждении границ автономии) и составляла, по разным источникам от 129,2 тыс. до 131,5 тыс. человек. Армян, следовательно, в АОНК было никак не меньше 123 тыс. человек.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в АОНК проживали 125 тыс. 300 человек, в том числе армян – 111 тыс. 694 человека, или 89,1 %, азербайджанских тюрков 12 тыс. 592 человека, или 9 %, русских – 596 человек, или 0,5 %¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что уже за первые пять лет после передачи Нагорного Карабаха АзССР и через 3 года после создания АОНК численность населения последней сократилась на 4–6 тыс. человек, при этом численность армянского населения уменьшилась, как минимум, на 11–12 тыс. человек.

Этот факт можно объяснить массовым выездом за пределы Нагорного Карабаха армянских беженцев из Шуши и ряда разоренных сел вскоре после официального включения края в состав АзССР. По данным, приведенным в «Кавказском календаре» на 1915 год (Тифлис, 1914 г.), в 1914 году в Шуше проживали 42,1 тыс. человек, из коих армян было 22 тыс. (более 52 %). А накануне 1917 г. в Шуше проживали 43 869 человек, из них 23 396 составляли армяне (53 %) и 19 121 татары (44 %)².

После пожара и резни марта 1920 г. в Шуше проживали 9,2 тыс. человек, из них армян – 289 человек³.

В различных армянских источниках, когда речь заходит о трагических событиях 22–23 марта 1920 г., называются самые разные цифры погибших, вплоть до 30 тыс., чего не могло быть просто потому, что в городе никогда не было столько армянского населения. Наконец, известно, что тысячи шушинцев впоследствии осели в других населенных пунктах АОНК, самых разных уголках Закавказья, России и Туркестана, поэтому очевидно, что значительной, даже большей части горожан-армян все же удалось спастись. Вероятно, наиболее близки к реальности оценки от 6 до 10 тыс. погибших 22–23 марта 1920 г. в огне пожаров, от пуль и ножей погромщиков армянских жителей Шуши. Вышедшие из огненной ловушки разместились по карабахским селам, кто у родственников, а кто просто, как беженцы. Да и бежать дальше пределов осажденного Карабаха им было некуда, по крайней мере, до лета 1920 г., когда красные войска при помощи армянских частей обороны края подавили последние вспышки майского мятежа турко-мусаватистов (известного как «мятеж Нури-паши»).

26 мая 1920 г. армянская газета «Жоговурд» («Народ») сообщила:

«...В результате имевших место в Карабахе боев разрушены и разграблены город Шуша и свыше 30 сел, в результате чего появилось 25 000 беженцев. Согласно записи, проведенной 28 апреля, 12 335 человек разместились в Варанде и Дизане, причем 5975 человек из них городские жители, совершенно голодные, раздетые и разутые. Беженцы разбросаны также в Хаченском и Джеванширском уездах, в которых

¹Всесоюзная перепись населения Закавказской Социалистической Федеративной Республики 1926 г. Москва. 1929. Издательство Центрального статистического управления Союза ССР. Т. 14. С. 53

²«Кавказский календарь» на 1917 год. Тифлис, 1916. С. 190–196

³«Известия Аз. ЦСУ, 1922, № 2 (4). С. 100

из-за нарушения сообщений не было точной записи. Приблизительно можно насчитать в этих районах 25 500 беженцев, для размещения которых заняты пригодные государственные и частные здания. В Варанде и Дизане чувствуются продовольственные затруднения»¹.

Беженцы-шушинцы оказались наиболее обездоленной частью населения края после окончания войны. Бакинская газета «Коммунист» в номере от 19 октября 1921 г. писала об этих людях:

«Раньше всех устает и разочаровывается интеллигентская прослойка. Для нее с гибелью Шуши создано более тяжелое положение. Она дает многочисленные человеческие жертвы, теряет родной очаг и культурно-образовательные учреждения, лишается многих прежних возможностей использования своего научного потенциала, терпит от судьбы... и, усталая и измотанная, оставляет все и бежит с родной земли»².

Автор знает об этом не только из архивных материалов, но и из рассказов своего деда Зарз Самсоновича. После смерти прадеда Самсона Осиповича за неделю до разгрома Шуши (накануне в бою с турко-мусаватистами он был тяжело ранен несколькими пулеметными пулями), 23 марта, семья потеряла младшего сына и тетку, погибших от прицельных выстрелов напавших на армянские кварталы аскеров. Дед, доброволец частей обороны Нагорного Карабаха, сумел вывести родных из гибнувшей Шуши. Он отправил мать, сестру и трех младших братьев, за какую-то неделю потерявших самых близких людей и свой большой дом, в село Тагасер Дизакского района (нынешний Гадрутский район НКР). После советизации Карабаха и его включения в состав АзССР семья деда вынужденно переехала в промышленный Баку в поисках работы. Воспитанный в состоятельной семье, Зарз Самсонович вынужден был работать в каменоломнях, чтобы прокормить близких и заработать «статус пролетария»...

Возвращаясь к 1921 году, констатируем, что на территориях Нагорного Карабаха, вошедших в АОНК, проживали 120–125 тыс. армянского населения.

Согласно «Сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1921 года», в Гянджинском и Шамхорском уездах АзССР, в состав которых сначала были включены районы Нагорного Карабаха, не вошедшие в АОНК, численность армянского населения составляла в первом – 35,4 %, а во втором – 10,6 %. На территориях Нагорного Карабаха, являвших собою горные и предгорные части этих уездов, армяне проживали компактно и составляли подавляющее большинство населения.

Лишь по неполному списку армянских сел Гянджинского и Шамхорского уездов в 38 населенных пунктах числилось 45 тыс. армянского населения. Это не считая еще полутора десятков сел северной части Нагорного Карабаха и города Гянджи (Елизаветполя до революции). Напомним также, что перепись проводилась всего лишь через год после окончания двухлетнего кровопролитного противостояния карабахских армян с так называемой Азербайджанской Демократической Республикой.

¹Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сборник документов и материалов. Изд. АН Армении. Ереван. 1992. С. 472

²Там же, с. 657–658

Вид г. Шуши № 3.

Летнее помѣщеніе общественаго собранія.

Здание летнего помещения общественного собрания Шуши

Центральная площадь Шуши. На среднем плане – здание городской управы

По данным переписи населения СССР 1926 г., в Гянджинском уезде АзССР жили 206,7 тыс. человек¹ т.е. численность армянского населения лишь этого уезда (не учитывая возможных изменений за 1921–1926 гг.) составляла где-то 70 тыс. человек.

Таким образом, если сопоставить и сложить все вышеприведенные данные, получится, что в 1921 г. в Нагорном Карабахе в целом жило никак не менее 200 тыс. армян. Прибавив к этой цифре численность убитых и погибших от ран, болезней, голода в годы войны 1918–1920 гг., оцениваемую разными источниками в 20 % от общей численности довоенного (1914 г.) населения края, то есть четвертую часть от оставшихся 200 тыс., получим примерно 250 тыс. Учтем еще и какое-то количество потерявших кров и средства к жизни, беженцев, покинувших край в 1920–1921 г., то есть после прекращения первой азербайджано-карабахской войны, но до включения Нагорного Карабаха в состав АзССР. И убедимся, что полученная в итоге цифра приближается к цифре в 280 тыс. армянского населения Нагорного Карабаха, приводимой в вышеупомянутой записке карабахского армянского Национального совета, представленной им 5 мая 1919 г. командованию английских войск в Закавказье и основанной на «официальных статистических данных русского правительства, опубликованных до начала общеевропейской войны».

На территориях, вошедших в состав АзССР, армянское население значительно сократилось вследствие массовой резни, погромов, осуществленных турко-мусаватистами в 1918–1920 гг. Особенно это коснулось Баку и районов расселения армян вне Нагорного Карабаха, в предгорьях Большого Кавказа. Так, если в 1914 г. армяне составляли 12,6 % общего числа населения Геокчайского уезда, то в 1921 г.² – уже 4,9 %. В Шемахинском уезде соответственно 13,4 и 7,3 %, в Агдашском уезде – 19,5 и 0,7 %, в Нухинском – 20,2 и 2,4 %.

Если в 1914 г. в Шемахинском, Геокчайском, Арешском и Нухинском уездах (предгорья Большого Кавказа) армян проживало 73,5 тыс. человек, то в 1921 – лишь 12,7 тыс.!

Советский этнограф И. Г. Волкова по этому поводу писала:

«В Азербайджане, там, где ранее жили армяне, оставались пустые земли или были поселены азербайджанцы и курды. В Шемахинском уезде было разрушено 24 селения с 17 тысячами жителей, в Нухинском уезде – 20 селений с 20 тысячами. То же наблюдалось в городах Агдаме, Гандже, Нухе, Шемахе. Армянское население уцелело лишь в тех местах, куда не проникли мусаватисты: нагорье Елизаветольской губернии (Казахский, Елизаветольский, Джеванширский уезды)»³.

Именно поэтому по переписи 1926 года, в АзССР армянское население составило 12,2 % от общей численности населения (2,31 млн чел.), или 282 тыс. человек⁴. То есть примерно столько же или чуть больше, чем числилось армян накануне Первой мировой войны в одном лишь Нагорном Карабахе.

¹МСЭ. Москва. ОГИЗ РСФСР. Т. 1. 1932. С. 148

²По данным сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1921 г.

³И. Г. Волкова. Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX вв. «Кавказский этнографический сборник». IV. М., 1969. С. 10

⁴МСЭ. Москва. ОГИЗ РСФСР. Т. 1. 1932. С. 148

В 1917–1920 гг. от турецкой оккупации и последующих репрессий марионеточной АДР сильно пострадало и русское население, прежде всего Мугани, которую русские поселенцы за какие-то 40–50 лет превратили из бесплодной степи в богатую провинцию.

Как пишет в «Воспоминаниях о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) Б. Байков, «в конце декабря 1917 г., точно по приказу, начался разгром татарскими вооруженными бандами цветущей верхней Мугани. Было разгромлено до 30-ти богатейших селений; разгром этот начался так неожиданно, что русское население не оказало почти никакого сопротивления. Но уже Средняя и Нижняя Мугань не только подготовились к защите, но и сами в свою очередь истребили все те татарские поселения, которые находились или в ближайшем их соседстве, или вклинившись в полосу русского поселения. Мугань стала вооруженным станом в особенности после возвращения с фронта солдат, уроженцев Мугани»¹. По мнению Байкова, «целью Азербайджанского правительства было разорение Мугани, что заставило бы русское население уйти оттуда, и Мугань стала бы свободной для заселения на ней татар и их тюркских сородичей»².

Не желая признавать над собой национальную власть новосозданного Азербайджана, население Мугани провозгласило Муганскую Республику, независимую от засевших в Баку мусаватистов. В союз с Муганью вступили населявшие Ленкорань персоязычные талыши, также не желавшие над собой власти протурецкого Азербайджана. Однако в 1919 г. при поддержке англичан экспедиционный корпус мусаватистских войск вторгся в Мугань и разорил большинство русских сел. Поэтому в Сальянском и Ленкоранском уездах из 41 тыс. русского населения 1914 г. в 1921 г. осталось лишь 14,3 тыс.³ Сильно пострадало и русское население Шемахинского и Кубинского уездов.

Наконец, еще несколько цифр. На 1926 г. в Автономной области Нагорного Карабаха и 6 уездах АзССР, вместе охватывавших территорию вошедшего в состав АзССР Куро-Араксинского междуречья, проживали более 700 тыс. человек⁴. Из них, как было сказано выше, не менее 200 тыс. армян.

А также: до 50 тыс. курдов «Красного Курдистана» и других районов; более 30 тыс. русских и иных славян; до 10 тыс. немцев (колонии последних располагались в Ханларском и Шамхорском районах; прошлое название Ханлара – Еленендорф).

По самым приблизительным подсчетам, на вышеупомянутой части Куро-Араксинского междуречья площадью примерно в 30 тыс. км² проживало несколько более 400 тыс. разнородных «азербайджанских тюрков», от достаточно давно оседлых жителей Гянджи до полукочевых айрумов и сотни тысяч кочевников Куро-Араксинских степей. А также более 200 тыс. армян и около 100 тыс. курдов, русских, немцев и представителей других этнических групп.

Все это отнюдь не свидетельствовало о подавляющем численном превосходстве первого из перечисленных этносов, еще не успевшего сложиться хотя бы в какое-то подобие нации и идентифицировавшего себя лишь в рамках единого для всех вообще мусульман региона понятия – «мусульманлы».

¹Архив Русской революции. TERRA-Политиздат. Т. 9–10. Москва. 1991. С. 115

²Там же, с. 139

³«Известия» АзЦСУ. 1923. № 1 (7). С. 47

⁴МСЭ. Том 1. Москва. ОГИЗ РСФСР. 1932. С. 148

При этом территория собственно Нагорного Карабаха составляла не более 12 тыс. из вышеупомянутых 30 с лишним тыс. км² вошедшего в АзССР междуречья Куры и Аракса. Эта территория включала АОНК, северную часть армянского Нагорного Карабаха, не вошедшую в пределы автономии, и «Красный Курдистан», выделенный в отдельную административную единицу, территориально разделявшую АОНК и ССР Армении.

На этой территории, включая сюда непосредственно примыкающий к ней город Гянджа (до 1918 г. — Елизаветполь), в 1921—1926 гг. проживали в общей сложности примерно 280—300 тыс. населения, из коих никак не менее 200 тыс. армян.

Исходя из этих расчетов, читатель сможет сам оценить степень правдоподобности звучащих из Баку утверждений о «небольшой горстке карабахских армян», наподобие процитированного в начале главы высказывания экс-советника азербайджанского президента Вафа Гулузаде.

Напомним также, что компактное армянское большинство Нагорного Карабаха «образца» 1917 г. насчитывало 280 тыс. человек и, таким образом, значительно превышало численность бурят автономной Бурятии (207 тыс.) и было сравнимо с численностью титульного населения Коми АССР (281 тыс.) «образцов» 1979 г.

ПЕРЕКРОЙКИ ДО ПЕРЕСТРОЙКИ

При взгляде на карты АОНК, а затем и НКАО, содержащиеся в разного рода справочниках и энциклопедиях, изданных в советский период, можно без труда заметить, что территория и границы автономной области постоянно менялись. От нее то в одном месте отрезались какие-то территории, то добавлялись новые совершенно в другом районе, и так происходило на протяжении десятилетий.

Выше мы уже говорили о манипуляциях с «Красным Курдистаном», которые позволили властям АзССР отрезать от АОНК часть территории, которая непосредственно граничила с ССР Армении южнее поселка Абдалляр, с последующим превращением его в город Лачин, населенный переселенцами с равнин.

В свое время власти АзССР полностью саботировали требование постановления Пленума Закрайкома от 27—28 июня 1923 г. об обязательном наделении водой и землей крестьян, выделяемых в автономию районов. Границы армянских районов, выделенных в Автономную область Нагорного Карабаха, были проведены так, что карабахские крестьяне остались почти без пахотных земель.

Известный армянский правозащитник украинского происхождения, ныне покойный Виталий Алексеевич Данилов в своей, к сожалению, так и не изданной рукописи «Нагорный Карабах в 1920—1980-е годы» писал, что в одном из архивов Москвы ему удалось отыскать очень любопытный документ: «Это справка о проверке органами ГПУ положения дел в Автономной Области Нагорного Карабаха, которая в ноябре 1925 г. была направлена члену Политбюро ЦК ВКП(б) В. Молотову (где благополучно и легла «под сукно»). Может, потому ее и запрятали подальше, что проверявшие не только указали на конкретные недостатки, но и позволили себе сделать определенные выводы.

По их мнению, при проведении границ армянской автономии земли карабахских армян урезали настолько, что они оказались самыми малоземельными в АзССР: на душу приходилось всего 0,45—0,9 десятины. В то же время в соседних Агдамском и Джебраильском уездах у азербайджанских беков (так в тексте) было на душу до 4 тыс. десятин. Представляете разницу полдесятины на душу и 4 тыс. десятин! Но и этого мало. «Земли эти сдаются безземельным карабахским крестьянам с половины. По декрету налог взимается с арендатора, в данном случае с безземельных крестьян». Как отмечалось в справке, заявления карабахских армян в Комиссии Наркомзема Азербайджана лежали годами. «В результате, когда крестьян извещают о решении земорганов, бывают случаи, когда их не находят в селе (они выехали в города)».

При этом армянским хозяйствам области, от которой были отрезаны лучшие пахотные земли в нижнем течении рек Хачен, Каркар, Варанда (на картах НКАО хорошо видны эти заходящие внутрь территории автономии клинья), впоследствии, уже в послевоенные годы в виде «компенсации» были переданы пустынные равнинные земли на юго-востоке. Эти территории были присоединены к Мартунинскому району автономной области. Поскольку получившие там участки земли армянские хозяйства располагались за десятки километров от своих полевых станов, эти хозяйства вынуждены были нанимать на местах сменных сторожей из соседних районов. Со временем эти люди с семьями переселялись на территорию области. Так что за какие-то 20 лет в северо-восточной части Мартунинского района, в бывших степях, ставших угольями предгорных армянских хозяйств, появились три новых азербайджанских поселения с растущим населением.

В последующие годы на территории самой АОНК—НКАО возникло значительное количество крошечных анклавов, выведенных из областного подчинения и переданных в подчинение соседних с автономной областью районов. Как правило, это были новые азербайджанские села, возникавшие на карте области, как грибы после дождя, особенно в послевоенные годы. Села-анклавы чаще всего располагались на дорогах или в местах, где планировалось их проведение. А административное переподчинение этих населенных пунктов соседним азербайджанским районам преследовало цель их форсированного роста за счет вливаний через бюджеты соответствующих районов, минуя областной.

И наоборот — выведенное в 1938 г. из состава Гадрутского района НКАО и присоединенное к соседнему Физулинскому (бывш. Карягино) району АзССР вместе со своими землями армянское село Хогер с населением почти в 300 человек было благополучно «тюркизировано». К 1988 г. в нем оставались 4 армянские семьи, состоявшие из пожилых людей. Любопытно, что в 1938 г. за выделение из области сельчанам было обещано существенно снизить налоги на хозяйства, и колхозники проголосовали за переподчинение. Как говорится, за что боролись...

Мнения областной власти во всех этих случаях, естественно, никто не спрашивал. Да это было вовсе и не обязательно, ибо партийно-советские органы власти НКАО всегда были готовы послушно проштамповать любое решение сверху.

Другая роль анклавов была связана с территориями сельскохозяйственного назначения. Часто плодородные земли изымали у армянских хозяйств НКАО и передавали вновь созданным близ ее административных границ азербайджанским селам.

В 1920–1960-х гг. на не включенных в АОНК территориях Нагорного Карабаха создавались и ликвидировались новые уезды, районы. Большинство этих административных единиц на протяжении последующего периода неоднократно перекраивалось; к ним, в частности, присоединялись равнинные части с азербайджанским населением в целях искусственного создания в новых административных образованиях азербайджанского большинства.

Для создания азербайджанского большинства населения к Ханларскому району с его подавляющим армянским большинством населения были присоединены низменные территории к северо-востоку от города Кировабад, так, что район «вытянулся» змеей на десятки километров, достигнув... границы с Грузинской ССР.

В итоге к 1980 г. северная часть Нагорного Карабаха была частями включена в состав следующих административных единиц: Шаумянский район, расположенный сразу за Мравским хребтом, служившим северной границей АОНК (официально район именовался «Шаумяновский»). Севернее остальные территории Нагорного Карабаха были раздроблены между Дашкесанским, Шамхорским, Ханларским и Кедабекским районами АзССР, являя собой предгорные и горные части этих административно-территориальных единиц. На территории Ханларского района располагался и город Кировабад (Гандзак, Гянджа, Елизаветполь), чья правобережная армянская часть издревле формировалась из жителей прилегающих горных армянских сел этой части Арцаха.

Несмотря на миграцию армян этой части Нагорного Карабаха за пределы АзССР, в Баку, а также из армянских сел в Кировабад, вплоть до 1988 г. армяне по-прежнему составляли большинство населения в зоне компактного проживания в Северном Нагорном Карабахе, который административно входил в вышеуказанные районы бывшей АзССР.

Так, в 1988 г. почти 80 % 21-тысячного населения Шаумянского района составляли армяне. Поскольку район оставался отдельной административной единицей с компактным армянским большинством, в нем даже наблюдался некоторый, хотя и небольшой прирост армянского населения: 12,8 тыс. в 1959 г., 14,6 тыс. – в 1979 г.¹

На севере Нагорного Карабаха в 1988 г. армян проживало: в Ханларском р-не – 14,6 тыс., в Дашкесанском 7,3 тыс., в Шамхорском 12,4 тыс., в г. Кировабаде – 48,1 тыс. человек².

Для сравнения: в 1959 г. армян проживало в Ханларском районе – 17,3 тыс., в Дашкесанском – 16,6 тыс., в Шамхорском – 17,2 тыс. человек³.

Несмотря на десятилетия вынужденной миграции, к 1988 г. в северной части Нагорного Карабаха (севернее Шаумянского района) проживала треть всего армянского населения края – более 83 тыс. человек, то есть более чем вдвое больше, чем азербайджанцев в НКАО (в одном только городе Кировабаде жило армян на 7 тыс. больше, чем азербайджанцев в бывшей НКАО в целом, и в четыре раз больше, чем азербайджанцев в городе Шуше).

¹ «Динамика численности армянского населения в сельских административных районах АзССР», газета «Республика Армения», 26.05.1999 г.; см. также Итоги всесоюзной переписи населения 1979 г. по АзССР. Т. 2, Баку, 1981

² По данным справки Госуправления статистики НКР от 12.07.1997 г.

³ «Динамика численности армянского населения в сельских административных районах АзССР», газета «Республика Армения», 26.05.1999 г.

ТЮРКИЗАЦИЯ ШУШИ И РАЙОНА

Как уже отмечалось выше, автономная область Нагорного Карабаха была создана всего лишь на урезанных территориях четырех княжеств-меликств центральной и южной части армянского края. Административное деление и названия районов АОНК изначально в целом отразили и этот факт: в автономной области были Дизакский, Варандский, Джрабердский и Хаченский районы.

Однако руководство АзССР отнюдь не ограничилось этим и творчески развило идею удушения армянского Нагорного Карабаха в объятиях интернационализма.

Для начала от самого крупного по территории и населению района армянского Нагорного Карабаха – Варанды был отрезан стратегически важный район Шуши. Этот район включил в себя как сам город, расположенный на высоком плато, которое позволяет контролировать всю округу, так и местность к востоку и юго-востоку от шушинского плато, по-над дорогой Шуша–Горис (в старину – Кеорис, тюрк. Герюсы). Так на карте АОНК появился Шушинский район, ставший самым маленьким по территории сельским административным районом в АзССР: его площадь составила всего лишь 300 км². Это была маленькая территория для сельского района, даже для относительно небольших по советским масштабам закавказских республик. Для сравнения: такой же была территория города Еревана конца 1980-х.

До революции 1917 г. обширный Шушинский уезд имел армянское большинство, даже в его тогдашних границах, простиравшихся далеко за пределы Нагорного Карабаха, на Куро-Араксинскую низменность, с ее многотысячным полукочевым тюркским населением.

Как свидетельствует «Кавказский календарь» за 1896 г. (отд. V, стр. 54055), в Шушинском уезде проживало 126 269 человек, из коих армян 73 081 или 57,9 %, мусульман (татар и курдов) – 52 887, или около 42 %¹.

Однако, говоря непосредственно о Нагорном Карабахе, следовало вычесть из числа мусульман жителей, расположенных вне Нагорного Карабаха, на равнине Агдамского и Агдамбединского участков уезда, соответственно 17 663 и 14 230, то есть в общем 31 893 человек. Тем самым мусульманское население нагорной части Шушинского уезда составляло 20 994 человека татар и курдов, или 24,8 % общего населения уезда. Более 90 % от этого количества мусульман компактно проживали в мусульманской («татарской») части Шуши.

Характерно, что современные азербайджанские фальсификаторы, жонглируя статистическими данными об этническом составе населения региона, всегда «скромно умалчивали», что дореволюционные уезды, в которые входил собственно Нагорный Карабах, были вытянуты с запада на восток и включали низинные степные районы с исключительно мусульманским населением. Так, например, в упомянутой книге И. Маммадова и Т. Мусаева «Армяно-азербайджанский конфликт» ложно утверждается, что территории Джераванширского, Шушинского и Карягинского уездов (на горных и предгорных частях которых была образована в 1923 г. АОНК) «чуть превышали» территорию АОНК.

¹ «За что ратует Хаджибейли?», «Голос Армении», 07.12.1990 г.

То, что дело обстоит совсем иначе, показано выше на примере Шушинского уезда. А в том, что аналогичная картина существовала в целом по Нагорному Карабаху, может легко убедиться любой, у кого под рукой окажется карта административно-территориального деления дореволюционных Закавказских губерний на уезды.

После того, как в 1919–1920 гг. татаро-курдские банды поголовно уничтожили население и разорили целый ряд окружающих Шушу армянских сел, а в марте 1920 г. была полностью уничтожена армянская часть Шуши с ее почти 25-тысячным населением, прежний баланс сильно изменился. С выделением же Шуши с окрестностями и территориями вдоль дороги Шуша–Горис в отдельный маленький район преобладание азербайджанских тюрок в этой административной единице стало решающим.

Но то был лишь первый шаг. Далее власти АзССР игнорировали решение вышестоящих партийных и иных инстанций о Шуше как об областном центре. Что, как очевидно, предусматривало хотя бы частичное восстановление разрушенной армянской части города, размещение в нем областных учреждений, а следовательно, возврат если и не всех выживших после резни, то значительной части прежнего армянского населения.

Областным центром АзЦИК объявил местечко Ханкенд (тюрк. – «ханское село»). Это был небольшой поселок, по-армянски когда-то именовавшийся Вараракн, своего рода дачное место с садами и лугами, близ которого был расквартирован гарнизон русских войск.

...Последний из трех ханов просуществовавшего около 70 лет Карабахского ханства Мехти-кули оказался счастливым. По злой иронии судьбы, именно русские власти дали ему право распоряжаться землями в Нагорном Карабахе – право, которого его дед и отец Панах и Ибрагим не имели вовсе. Так Вараракн стал ханским селом Ханкендом.

«Известно, что шушинские ханы до присоединения к России не обладали никакими правами на земли меликов. Однако после установления российского контроля последний из ханов Мехти-кули, поступив на русскую службу, приобрел право на распределение земель Карабахской провинции. За несколько лет все земли были розданы приближенным хана и простым жителям мусульманского вероисповедания, они приобрели право беков. Что касается армян, то часть земель сохранилась за потомками бывших меликов», писал армянский политолог и историк архитектуры, карабахский уроженец Манвел Саркисян в своей монографии «Из истории градостроительства Шуши»¹.

Таким же образом многие села и земли края были розданы многочисленным родственникам и приближенным Мехти-кули-хана. Розданы одним росчерком пера, часто в состоянии сильного опьянения: как свидетельствовали современники, обласканный царскими наместниками на Кавказе Мехти-кули был подвержен алкоголизму. Накачавшись рому, он иной раз подмахивал дарственную на недруга, вовремя поднесенную подкупленным писарем.

После бегства Мехти-кули в Персию и окончательного упразднения в 1822 г. Карабахского ханства наследственные права новоиспеченных за короткий период беков и помещиков тем не менее были в целом сохранены. Количество новых владельцев «господ» впечатляло:

¹Армянский Центр стратегических и национальных исследований. Ереван. 1996. С. 8

«Уже в начале двадцатых годов XIX столетия царские военнослужащие при описании города Шуши выделяли три квартала... В первых двух имелось 208 армянских «дымов», а в последнем 202 «дыма мусульман (интересно отметить, что 40 из них являлись домами мусульманских помещиков и членов ханской фамилии)», говорится в вышеупомянутой работе Манвела Саркисяна¹.

А по данным «Кавказского календаря» к 1851 г. в Шуше проживало 12 724 постоянных жителей (из них армян 6357 человек), из коих 1560 человек составляли «беки, чиновники и члены бывшей ханской фамилии»².

Исходя из вышесказанного, нетрудно также понять, что же на самом деле имел в виду русский писатель и дипломат Александр Грибоедов, слова которого так любит цитировать азербайджанская пропаганда в отрыве от контекста и исторических реалий того времени: «Армяне большей частью поселены на землях помещичьих мусульманских»³. Речь у А. Грибоедова идет о переселенцах-армянах из Персии в 1828 г. Тогда, после заключения Туриманчайского мирного договора, многие армяне, ранее насильно угнанные из Армении в Персию, получили право вернуться на свои прежние земли, под власть России. Переселенцы, прибывшие в Россию, в том числе в очень незначительном количестве и в Карабах, обнаружили, что на прежних землях армянских владельцев появились новые хозяева – турки.

Это подтверждают и многие другие российские источники:

«Татары, как бывшие победители, заняли лучшие места: им принадлежат почти все исключительно поливные земли в обоих уездах (Шушинском и Джебраильском прим. автора). Хлебопашество у кочевников появилось недавно и составляет второстепенную отрасль хозяйства; оно трудно прививается к кочевникам и ведется ими крайне неудовлетворительно... Уборка и обмолот хлеба совершаются в большинстве наемным трудом, вследствие неумения и непривычки кочевников к полевым работам... Армянское население, составляя исключительно земледельческий класс описываемых районов, во многом отличается от татар...»⁴.

Нетрудно понять, какие имущественные споры и тяжбы сотрясали Карабах в последующие десятилетия. Дети и потомки старых хозяев края – армянских меликов – годами судились с новоявленными мусульманскими ханами, беками и приватизировавшими чужие поместья и уголья гражданскими и военными чиновниками. Эти тяжбы подчас приобретали характер межконфессионального, а позже и межнационального противостояния.

Например, вышеупомянутое имение Ханкенд после упразднения ханства и бегства в Персию Мехти-кули-хана отошло дочери последнего Хуршуд Бану Бегум Уцмиевой (бывшей замужем за кумыкским князем Хасай Уцмиевым). В 1896 г. это имение, как и ряд других поместий и угодий, было выкуплено шушинцами, кадровым советником Исааком Каграмановичем и титулярным советником Яковым Каграмановичем Мелик-Шахназаровыми, потомками наследственных владельцев Варанды.

¹Армянский Центр стратегических и национальных исследований. Ереван. 1996. С. 8

²«Кавказский календарь на 1852 год». Тифлис. 185. С. 433–435

³А. Грибоедов. Горе от ума. Письма и записки. Бану. 1989. С. 387

⁴А. Деконский, Экономический быт государственных крестьян Шушинского и Джебраильского уездов Елизаветпольской губернии // Материалы для исследования экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Т. IV. ч. I. Тифлис. 1886 г. С. 233

Предгорные местности вдоль ведущей к столице Нагорного Карабаха Шуше по долине реки Наркар шоссе на дороге Евлах–Шуша являли собой стратегически важный для обладания всем краем район. А сама дорога в Шушу после Агдама проходила по территории, населенной исключительно армянами и, как показали события 1904–1905 гг., полностью контролировавшейся армянами, которые в случае конфликта перекрывали турецким кочевьям с их стадами овец проход на горные летние пастбища. Посему и лидеры «кавказских татар» предпринимали усилия установить приобретенный сразу же по установлении русской власти в регионе, а затем утерянный контроль над этими важными местностями.

Так, в записке «О распространении идей панисламизма на Кавказе» из материалов «Особого Отдела канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе» говорилось, что на состоявшемся весной 1907 г. в г. Елизаветполе мусульманском съезде было, в частности, постановлено:

«2) Выставить весной 1907 года в Карабахе «Дифаи» (отряды одноименной партии закавказских мусульман – прим. автора) в противовес армянским «Хумбам» (боевым группам – прим. автора)... 4) При помощи бакинских капиталистов Тагиевых, Амдулиевых выкупить у армян имение князей Уцмиевых близ Агдама и скупить у армян все земли от Агдама до станции Ханджанлы для заселения исключительно мусульманами и 5) Принудить шушинцев жить обязательно в Шуше и вообще сделать Карабах мусульманской провинцией»¹.

Как следует из вышеприведенного отрывка, аннексионистские поползновения турецких националистов в отношении армянского Нагорного Карабаха были не просто пожеланиями, но и имели вполне определенную программу действий. Равно как и то, что Нагорный Карабах воспринимался лидерами закавказских татар как армянский край, который следует «сделать мусульманской провинцией».

Заметим также, что упоминаемая в пересказе постановления мусульманского съезда «станция Ханджанлы» не что иное, как некогда армянское село, известное под именем Ходжалу. В 1970-х оно стало уже полностью азербайджанским, а в ходе карабахских событий 1988–1992 гг. было одним из важнейших азербайджанских опорных пунктов в НКАО, контролировавших шоссе Степанакерт–Аскеран–Агдам и расположенный вблизи степанакертский аэропорт. В феврале 1992-го с целью подавления огневых точек азербайджанской армии и разблокирования аэропорта, село было взято штурмом карабахскими силами самообороны. Последовавшее за этим загадочное убийство близ Агдама группы отступавших жителей села стало началом кампании азербайджанских «народнофронтовцев» против президента Муталибова и последующих обвинений в адрес армянской стороны в преднамеренном массовом убийстве. Но к этому мы еще вернемся в других главах...

Действия пантюркистов в ходе так называемой «армяно-татарской резни» в 1904–1906 гг., усилия властей АДР по уничтожению армян Карабаха, разгром Шуши в 1918–1920 гг. и последующее использование властями АзССР большевистских войск для аннексии Нагорного Карабаха являлись звеньями все той же цепи. Менялись лишь формы власти и методы ее действий, но не суть самой политики.

¹Арапов Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир. Москва. Наталис. 2006. С. 408

В марте 1920 г. начались столкновения между направленными в Нагорный Карабах с целью разоружения и уничтожения карабахских армян турко-азербайджанскими войсками АДР и силами самообороны Национального совета Нагорного Карабаха. Наступавшие были отбиты на большинстве направлений, а кое-где карабахские части даже упрочили свои позиции. Но в ряде случаев нападавшим удалось прорвать оборону и устроить расправы над населением.

Самые трагические события произошли в столице края Шуше, что стало неожиданностью для армян: мало кто предполагал, что противник развернет войну в столице края, где в конечном итоге пострадают обе части города. Однако ненависть к армянам, желание полностью их уничтожить у лидеров АДР оказались сильнее иных соображений.

В этих боях в середине марта был тяжело ранен и вскоре скончался прадед автора этой книги Самсон Осипович Мелик-Шахназарянц. Мой дед Зарз Самсонович, которому было тогда 16 лет (с 14 лет он служил добровольцем в частях обороны края), был срочно отозван из своей воинской части домой в связи с тяжелым ранением отца и еще успел застать его живым. Седьмой день после смерти прадеда поминки по армянской традиции выпал как раз на 23 марта. Дед с оружием в руках вместе со своими товарищами вышел на защиту гибнувшего города и стал очевидцем агонии Шуши, что он изложил в главе «Гибель Шуши» своих мемуаров «Записки карабахского солдата»¹, опубликованных через три года после его кончины.

В ночь с 22 на 23 марта верхняя, армянская часть города была обстреляна из орудий и подожжена. Под предлогом наступавшего мусульманского праздника Новруз-Байрама назначенный властями АДР губернатор Карабаха, власть которого армяне не признавали, а потому она фактически распространялась лишь на «татарскую» часть Шуши и отдельные занятые войсками АДР местности, Хосров-бек Султанов приказал раздать жителям керосин. Этот керосин был пущен в ход в ночь с 22 на 23 марта. Затем регулярные формирования правительства АДР, вооруженные банды местных жителей-мусульман и прибывшие им на подмогу курды начали резню.

Эта технология погромов использовалась еще в 1905–1906 гг., когда по Закавказью прокатилась спровоцированная местной администрацией и верхушкой «кавказских татар» волна армянских погромов, «политкорректно» названных тогда «армяно-татарскими столкновениями». Вот что писала газета «Тифлисский листок» от 8 сентября 1905 г. о нападениях татар на армянскую часть Шуши:

«В городе вслед за пожаром лазарета воцарилась полнейшая анархия... Так, татары, вооруженные насосами, обливали дома армян керосином и поджигали их. Благодаря сильному ветру огонь быстро переходил от одного здания к другому... повсюду около пожаров стояли вооруженные татары и производили стрельбу. Делали они это, видимо, для того, чтобы не допустить армян к защите своего имущества. Таким образом огонь уничтожил более 200 домов, большинство армянских лавок, аптеку Григорьева, театр Хандамирова и мировой отдел... установлен факт о намерении поджечь армянскую церковь...»².

¹Зарз Мелик-Шахназаров. Записки карабахского солдата. Москва, Шварц. 1995

²Павел Шехтман. Пламя давних пожаров. <http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs.ru/shushi.html>

Поскольку в марте 1920 г. большинство армянских формирований сражались с противником на границах края, сил в городе было недостаточно для успешного сопротивления. Пожар и первоначальная паника еще более осложнили задачу обороны Шуши. В ходе резни и пожара, по разным данным, погибло от 6 до 10 тыс. армянского населения, остальным с трудом удалось спастись из пылающего города, бросив все имущество.

В докладе начальника штаба командующему войсками (министру обороны) Республики Армения о захватнической политике правительства Азербайджана в отношении Нагорного Карабаха от 20 апреля 1920 г. говорилось:

«В средних числах марта Азербайджан, согласно ультиматуму, приступил к обезоруживанию Карабаха и, сконцентрировав силы, повел общее наступление на Карабах и Зангезур... Татары, перебросившие из Баку в Джебраил, вырезали около 8000 человек армян в Шуше»¹.

В выше цитированной книге Манвела Саркисяна «Из истории градостроительства Шуши» приводятся другие данные:

«Есть сведения, что удалось спастись бегством 6 тысячам армян. Еще 3 тысячи попали в плен, но все были вырезаны (здесь содержится ссылка на книгу М. Согомоняна «Из истории Арцаха-Карабаха», изданной в 1969 г. в Ереване на армянском языке – прим. автора). Судьба остальных нам неизвестна, но многие были убиты или заживо сгорели в домах»².

В ходе резни азербайджанскими аскерами и местными бандами были совершены чудовищные преступления против человечности. Одним из них стало убийство почти 400 человек, не успевших уйти из своего квартала и искавших спасения во дворе дома одного из состоятельных граждан города. Находившийся там же бывший городской голова Шуши имел хорошие отношения с лидерами шушинских мусульман и уверял соотечественников, что сумеет защитить их. Однако аскеры и погромщики, ворвавшись во двор, учинили массовое убийство, носившее явно ритуальный характер. Дед автора в своих мемуарах рассказал об этом жутком акте со слов свидетельницы, сумевшей вырваться из сущего ада:

«Спустя четыре дня после пожара и гибели города среди беженцев мы встретили женщину по имени Татевик. Она была среди этих людей и каким-то чудом спаслась. Вот что она рассказала нам о том, что произошло во дворе дома, когда туда пришли турки: когда турки ворвались во двор, они стали хватать всех подряд. Женщин и девушек насиловали, самых красивых брали себе, а остальных убивали. Мальчиков тоже насиловали и убивали. Потом стали расправляться с пленниками-мужчинами и юношами, которых предварительно связали. Их по очереди подводили к палачу, который сидел на табуретке в кожаном переднике, с острым ножом в правой руке. Первым к нему подвели священника Тер-Арутюна, статного и красивого мужчину с длинной бородой. Его руки были связаны за спиной, на ногах были цепи. Палач повалил его на спину, голову положил на колено, затем взял священника за бороду и с видимым усилием отрезал тому острым ножом голову. Потом голову священника турки накололи на пику и носили напоказ по всем улицам татарской части города.

¹Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сборник документов и материалов. Изд. АН Армении. Ереван. 1992. С. 427–432

²М. Саркисян. Указ. соч., с. 30

Потом, рассказывала Татевик, к палачу стали подводить одного за другим связанных юношей 15–20 лет. Когда подводили очередную жертву, палач брал обессиленного уже человека левой рукой за подбородок, сваливал на спину, голову клал затылком на свое колено, хватал двумя пальцами за ноздри, а правой рукой проводил ножом по горлу. Затем он отталкивал агонизирующее тело ногой, отбрасывая в сторону. Публика же, стоящая из толк, стояла и со звериным интересом наблюдала за происходящим. Таким образом, на глазах татарской толпы было зарезано 60 юношей.

Татевик рассказывала нам дальше: «Когда к палачу привели моего 14-летнего мальчика с изуродованным лицом и телом, я вся задрожала, а когда палач положил его на спину, схватил за ноздри и полоснул по горлу ножом, я закричала и упала в обморок». Рассказывая это нам, она неожиданно упала на землю и долго дрожала, как су-дорожная...»¹.

Представитель карабахского армянского Национального Совета сообщал парламенту Армении в телеграмме от 10 апреля 1920 г.: «23 марта совершенно уничтожена и сожжена вся армянская часть города Шуши с населением». Один из участников разрушения города, офицер азербайджанской армии Алимарданбеков писал в те дни своему брату: «Эрмени Шуша, который ты видел, полностью сожжен. Оставили только 5–10 домов. Более 1000 армян взяты в плен. Всех мужчин истребили, даже халифа (епископа – прим. автора), всех известных и зажиточных людей. Мусульмане ограбили несметные богатства армян и так обогатились, что обнаглели»².

С. Орджоникидзе 21 января 1936 г. во время приема в Кремле делегации Азербайджанской ССР сказал:

«Я с ужасом вспоминаю и сегодня ту картину, которую мы увидели в Шуше в мае 1920 года. Красивейший армянский город был разрушен, разгромлен до основания, а в колодцах мы увидели трупы женщин и детей.

Писательница Мариэтта Шагинян, посетившая Шушу через несколько лет после гибели города, писала в книге «Нагорный Карабах», изданной в 1927 г.:

«Я увидела остов Шуши. Два холма стояли передо мною, уставленные скелетами домов. Не осталось ничего, похожего на мясо: ни крыш, ни дверей, ни оконных рам, ни полов, ни железа, ни дерева, ни доски, ни стропила, ни гвоздя: только камни, камни и камни, как вычищенные, обглоданные, высушенные кости анатомического скелета. Зияющие дыры вместо полов, расковырянные подвалы, стоймя торчащие стены, столбы, столбы, прямоугольники, коробки из камней. Все это заострено, оскалено, вытарашено, поставлено стоймя, лезет в глаза колючей щетиной. Все носит мертвенно-бледный цвет обглоданного известняка. Церковь прекрасной архитектуры возникает карточным призраком с кое-где по воздуху висящим карнизом – вот-вот рассыплется. Стекла, крыша, орнамент, роспись – все снято, соскоблено, выпотрошено; остался зыбкий остов, да и он плывет, как умирающий, перед глазами, исколотыми этим видением.»

¹Зарз Мелик-Шахназаров. Записки карабахского солдата. Москва, Шварц. 1995. С. 48–49; <http://sumgait.info/caucasus-conflicts/karabakh-soldier-notes/karabakh-soldier-notes-8.htm>

²«Воскрешение Шуши», «Новь ковчег», № 5, май 2001

Русский поэт Осип Мандельштам, побывавший в Шуше в 1930 г., был потрясен видом истерзанных развалин большей части города – немых свидетелей трагедии. Впечатления об увиденном Мандельштам изложил в стихотворении «Фазтонщик», где есть такие строки:

*Так, в Нагорном Карабахе
В хищном городе Шуше
Я изведал эти страхи,
Соприродные душе.
Сорок тысяч мертвых окон
Там видны со всех сторон
И труда бездушный кокон
На горах похоронен.
И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
А над ними неба мреет
Темно-синяя чума.*

Жена поэта Надежда позже писала в своих воспоминаниях, что у Мандельштама сложилось впечатление, «будто мусульмане на рынке – это остатки тех убийц, которые с десятков лет назад разгромили город, только впрок им это не пошло: восточная нищета, чудищные отрешья, гнойные болячки на лицах».

Советизация Нагорного Карабаха, а затем и его передача АзССР окончательно похорила надежды армян Шуши на возвращение в родной город. Уже было отмечено, что, как и в случае с Нахичеванью, беженцам-армянам фактически был закрыт путь к возвращению в Шушу. На протяжении последующих лет беженцам-армянам отказывалось в праве вернуться в Шушу, не принималось никаких мер по восстановлению города, руины которого почти 50 лет, вплоть до конца 1960-х годов, простояли немymi свидетелями событий марта 1920 г.

В ходе разгрома армянской Шуши местные закавказские тюрки («татары») также понесли потери. Рассказывая в своих мемуарах о гибели Шуши, дед автора книги описывает эпизод обороны, в котором участвовал лично:

«Когда я вернулся к товарищам, они все еще находились у нашего дома. Мы решили устроить ловушку. С этой целью открыли ворота нашего дома, которые были широко настолько, что через них мог свободно пройти навьюченный тремя харарами (вьюнами – прим. автора) шелковичных коконов верблюд, а сами зашли во двор противоположного дома. Закрыв накрепко ворота соседского двора, мы спрятались за метровым забором из камня и приготовились к встрече «гостей». Было ясно, что они придут грабить, тем более что наш дом был из богатых. Мы договорились не стрелять, пока они будут спускаться к нашему дому по Топчинской улице и когда завернут на Давидовскую. Иначе они поняли бы, что их ждут, тем более, увидев трупы своих. Мы ждали, когда турки спустятся к нашему дому и зайдут через его открытые ворота во двор, так, чтобы с улицы их не было бы видно. Они-то нас не видели, а мы могли стрелять из-за забора противоположного дома через открытые ворота нашего двора, так что трупы турок оставались лежать во дворе отцовского дома и были не видны с улицы.

Так мы и поступали. Группа из 3–4 грабителей заходила через открытые ворота и направлялась к нашим лестницам; тут-то мы и снимали всех их дружным залпом из пяти винтовок. Ни один турок не ушел; мы убивали их во дворе и под лестницей и принимались ждать следующую группу «гостей».

...Мы так увлеклись уничтожением врага, задержавшись почти на шесть часов у нашего дома, что совсем забыли об опасности окружения. Из забывчивости нас вывел грохот: громадная крыша нашего дома, охваченная пламенем, рухнула вниз на лестницу, а потом во двор, прямо на трупы убитых нами турок. Вскоре нам стало тошно находиться в укрытии, запах жареного человеческого мяса был непереносим. Кроме того, дом Аракела, со двора которого мы стреляли, начал гореть со стороны Топчинской улицы. Боясь окружения, мы отступили в соседний дом. У нас хватало боеприпасов, предварительно мы забрали много патронов у убитых нами турок, делая время от времени вылазки, чтобы собрать боеприпасы»¹.

Таким образом видно, что турки не просто завоевывали город для того чтобы жить в нем – они действовали как банальные мародеры: не организованной армией, а группками бандитов. Именно поэтому эта победа не принесла никакой пользы захватчикам.

Лишившись урбанизированной армянской части города с ее торговыми, культурными, учебно-просветительскими и медицинскими заведениями, оставшаяся мусульманская часть Шуши была обречена на жалкое существование и постепенную стагнацию. Тем более что ее жизнь во многом зависела от поставок и закупок сельхозпродукции из соседних армянских сел, которые, как и армянская часть города, опустели в ходе резни 1919–1920 гг.

В 1921 г., как уже говорилось выше, в Шуше осталось всего 9223 человека. В 1923 г. – 6976 человек, в 1925 году – 5000 человек².

К концу 1920-х годов некогда цветущий 45-тысячный город, в начале XX века один из крупнейших в Закавказье, по существу превратился в грязную и нищую деревню, а его население уменьшилось до 3000 человек, практически исключительно мусульманочевников: азербайджанских тюрков и курдов, которым, собственно говоря, городская культура была не нужна. Прироста населения не было. Лишь в послевоенный период его население стало понемногу расти.

Получив власть кроить границы армянского Нагорного Карабаха, власти АзССР сразу же после создания автономии развернули, причем вполне открыто и официально, планы тюркизации Нагорного Карабаха и, прежде всего, его стратегического центра – Шуши. Как уже было сказано, вопрос облегчался искоренением армян Шуши и переносом столицы АОНК в поселок Ханкенд, вскоре получивший статус города и название Степанакерт в честь «закавказского Ленина», лидера Бакинской коммуны в 1918 г. Степана Шаумяна.

Виталий Данилов в своей вышеупомянутой рукописи отмечал, что в своей политике в отношении АОНК Баку уделял Шуше и Шушинскому району особое внимание.

¹Зарз Мелик-Шахназаров. Записки карабахского солдата. Москва. Шварц. 1995. С. 45–47

²Газета «Хорурдаин Айастан» («Советская Армения»), 03.10.1925, № 224

«Самое невероятное состояло в том, что политика «тюркизации» в условиях советского государства с его идеологическими лозунгами интернационализма, братства народов, всеобщего единения была в Азербайджане официальной государственной политикой: о ней, не таясь, упоминали в декретах и постановлениях, со ссылками на нее ставились задачи «усилить работу», под нее открыто перестраивали не только пропагандистскую политику, но и политику экономическую, финансовую, образовательную, воспитательную.

Главное внимание было обращено на Шушинский уезд – ключевой уезд в Нагорном Карабахе.

17 апреля 1924 г. Президиум ЦК АКП(б) постановил «перевести из Шуши тт. Шаина и Авагимова для работы в других районах Карабаха», а на их место выдвинуть тюркские кадры. Это стало началом.

По поручению ЦК АКП(б), 12 июня 1925 г. на заседании малого Совнаркома АОНК был специально рассмотрен вопрос о Шушинском уезде. На нем была поставлена задача «ускорить проведение в жизнь тюркизации». Кадры подлежали замене не только в партийных, советских, административных и хозяйственных органах, но и в производственной сфере, в торговле, здравоохранении и т.д. Характерен в этом плане пункт «з» принятого на заседании малого СНК постановления, касающийся Шушинской больницы: «завхоза, сиделок больницы, секретаря профсоюза и др. сотрудников снять по тюркизации как не тюрков».

В октябре 1925 г. по настоянию Баку Заксовнаркомом было принято подготовленное ЦК АКП(б) и АзЦИК постановление по развитию Шушинского уезда. В нем было предусмотрено «всю доходную часть бюджета Шуши обращать на собственные нужды», снизить по всему Шушинскому уезду размер налогов, отменить рентное обложение, развивать ткацкое и ковровое дело, создать новые кредитные товарищества, больше средств отпускать на развитие образования.

Политика «тюркизации» в Шушинском уезде, как видим, разворачивалась последовательно и очень энергично. Результаты не замедлили сказаться. Уже в 1926 г. расходы по местному бюджету на душу армянского населения составляли 4 руб. 22 коп., а тюркского – 8 руб. 23 коп., т.е. в два раза выше... Уже к концу 1920-х гг. в Баку уверенно заговорили о тюркском Шушинском уезде.

Политика «тюркизации» затронула прежде всего этот центральный район АОНК. Но с не меньшей настойчивостью, а очень часто и с особой восточной изощренностью она проводилась по всему Нагорному Карабаху».

В середине 1960-х годов в Баку было принято решение снести развалины армянской части Шуши в целях расширения «жизненного пространства» для азербайджанских переселенцев и окончательной ликвидации следов армянского характера города. В этот период снесли остовы трех армянских и одной русской церквей, сровняли с землей несколько расположенных в городской черте армянских кладбищ с прекрасными надгробьями и памятниками.

Эти кладбища (в том числе и то, где был похоронен прадед автора этой книги) были снесены, а надгробья использованы как стройматериал для новых домов и дач партийных функционеров.

Одновременно в Азербайджане фальсифицировалась история Шуши, создавалась новая «летопись» истории города как «центра азербайджанской культуры», «жемчужины Азербайджана». Все сведения об армянском большинстве города, известных армянах-шушинцах замалчивались. Оставшиеся же после сноса руин армянской части города армянские памятники культуры не реставрировались или были превращены в объекты бытового назначения.

Так, огромная церковь Казанчеоц, или Сурб-Аменапркич (Христа Спасителя), которая до марта 1920 г. была высотной доминантой города (40 м высотой), все годы стояла заброшенной и без купола. Вокруг храма на холмах выше него были построены новые пяти- и шестизэтажные дома. Церковь Канач жам была превращена в галерею для питья минеральной воды местного санатория; разобранный практически до фундамента церковь Мегрецоц была превращена в летний кинотеатр. На фундаменте православного храма в конце 1960-х гг. было построено здание Шушинского райкома партии...

Одновременно с тюркизацией Шуши власти АзССР продолжали «деятельность» своих предшественников (а часто и предшествовавшую собственную) по АДР по вытеснению армянского населения из стратегически важного региона Шуши и шоссе Агдам–Шуша–Горис.

В 1918–1920 гг. войсками мусаватистов и бандитскими шайками местных курдов были уничтожены крупные армянские села Хак (Минкенд), Алгули и Харар, располагавшиеся неподалеку от шоссе, в районе, ставшем потом частью Красного Курдистана, а после его роспуска – частью Лачинского района АзССР. Атаки на эти села предпринимались и в ходе столкновений 1905–1906 гг., но, несмотря на потери, армяне их тогда отстояли или позже вновь вернулись в свои очаги. После советизации вернуться снова они уже не смогли.

И если, например, в 1918 г. в Минкенде армянское население составляло 811 человек, то в 1926 г. в селе жили 751 человек, из них армян было всего 5 человек, остальные были курдами. Но и курды вскоре «исчезли», и по данным на начало 1980-х, население Минкенда составляло 2306 человек азербайджанской национальности. На закате советской власти это бывшее армянское село было самым крупным сельским азербайджанским населенным пунктом в Лачинском районе бывшей АзССР¹.

Между прочим, минкендские курды в массе своей были представителями феодального рода Султановых – племенных вождей полукочевого курдского племени Колани; их усадьба располагалась неподалеку. Наиболее известным из них был палач Шуши Хосров-бен Султанов, назначенный мусаватистами (при поддержке британцев) в 1919 г. губернатором Карабаха. Подданные и родичи Султанова отличались особой жестокостью к армянам не только в 1904–1906 и 1918–1920 гг., когда при разорении армянских деревень они не щадили ни женщин, ни младенцев. Их необузданный нрав проявился и в 1988–1993 гг., когда они «специализировались» на рейдах в приграничье Горисского и Сисианского районов АрмССР, что сопровождалось убийствами и захватом в заложники пастухов и угоном скота. Спокойствие в тех краях установилось лишь после марта 1993 г., когда весь Лачинско-Нельбаджарский регион окончательно перешел под контроль карабахских армян...

¹Самвел Карапетян. Памятники армянской архитектуры в зоне Нагорного Карабаха. Ереван. Гитутюн, 2000. С. 128

В другом селе этой же местности, Алгули, в 1918 г. проживали 1012 армяны; в переписи 1926 г. о нем уже нет упоминаний, а в 1961 г. оно вновь значится, но уже как азербайджанское¹. Третье село – Харар – в 1918 г. имело армянское население в 1078 человек, в 1921 г. – 55 человек. В переписи 1926 г. оно вовсе не упоминалось, а в конце 1970-х гг. в селе, получившем название Ашагы Фараджан, проживало 268 азербайджанцев².

Расчистив, в буквальном смысле слова, окрестности дороги Шуша–Горис от армянских сел, власти АзССР облегчили решение вопроса о создании «санитарного кордона» между ССР Армении и АОНК. Поскольку очевидно, что трудно было бы обосновать отрыв от автономии приграничной с Советской Арменией территории, населенной армянами.

В Шушинском районе АОНК–НКАО костью в горле руководства АзССР были еще сохранившиеся семь армянских сел и деревень. Причем шесть из них располагались непосредственно на стратегически важной шоссейной дороге Шуша–Лачин–Горис или подле нее, местами в буквальном смысле слова нависая над ней. Эти села, называвшиеся по-армянски Бердадзор, а по-тюркски «Карагишлак», стали объектом нападения азербайджанских войск и тюркско-курдских иррегулярных формирований в 1918 г., их жители вынуждены были эвакуироваться, но впоследствии, уже при власти Советов, они вернулись и восстановили свои жилища.

Еще одно крупное армянское село располагалось прямо под скалой-плато, на которой находится Шуша. Это село так и называлось – Подскальное, или Подкаменное и по-армянски, и по-тюркски: Каринтак или Дашалты.

В 1960–1970 гг. начался стремительный отток населения из армянских сел района, вызванный политикой АзССР. Ситуация усугублялась тем, что давление на них шло также непосредственно и со стороны районных властей Шушинского района...

«В этих селах вместе взятых в недалеком прошлом проживали почти 4 тысячи жителей, – писала в письме в областную газету НКАО группа жителей Бердадзора. – Каждое село имело свое хозяйство, школу, объекты обслуживания. После объединения в одно хозяйство (совхоз имени Кирова) еще более возрос отток населения, ускорился процесс разрушения сел. В Мещенской школе, где 15 лет назад обучались почти 200 учеников, теперь всего 2 ученика. Каначалинская школа, имевшая 90 учеников, сейчас закрыта. Это армянское село опустело. В домах бывших жителей живут ныне пришлые люди, преимущественно из Лачинского района»³.

Следует заметить, что хотя азербайджанских и курдских поселений в районе было больше, чем армянских, но вплоть до конца 1960-х все их население не превышало даже половины численности населения армянских сел района. Строго говоря, эти деревни, за исключением одной или двух, были временными поселениями, кочевьями, куда на летний сезон прибывали скотоводы со своими семьями, а зимой оставались лишь отдельные семьи или сторожа.

Об этом говорят хотя бы данные переписи 1989 г: в 20 «мусульманских» деревнях Шушинского района проживало 2,3 тыс. человек.

¹Самвел Карапетян. Памятники армянской архитектуры в зоне Нагорного Карабаха. Ереван. Гитутюн, 2000. С. 170

²Там же, с. 177

³«Советский Карабах», 23.08.1988

Собственно, деревнями можно было назвать лишь два-три расположенных на дороге Шуша–Лачин населенных пункта, остальные так и оставались хуторами-кочевьями. Так, например, в населенном пункте Мамишляр проживало 33 человека, Джамилляр – 28 человек, Мирзалар – 31 человек, Лачиллар – 24 человека, Заманпаяси – 12 человек и т.д.

С целью формального увеличения сельского азербайджанского населения района власти АзССР шли на разного рода уловки. Так, в 1980-х годах в Шушинский район были административно включены три довольно прилично разросшихся за счет переселенцев азербайджанских сел, расположенных в Аскеранском районе НКАО, к северо-западу от Степанакерта, у дороги Степанакерт–Аскеран: Малыбейли, Ашагы и Юхары (Нижняя и Верхняя) Гушчулары. Уже в 1988–1989 гг. рядом с последними были построены «финские дома», куда спешно заселены азербайджанские переселенцы и создана еще одна деревня – Орта (Средняя) Гушчулар, которая также «воссоединилась» с Шушинским районом НКАО.

Таким образом, в ходе переписи 1989 г. эти четыре деревни, лишь на бумаге относившиеся к Шушинскому району, позволили «увеличить» численность сельского азербайджанского населения Шушинского района практически вдвое: с 2,3 до 4,5 тыс. человек. Одновременно этот хитрый трюк формально повысил процентную численность сельского азербайджанского населения этого района с 67 до 91 %.

После начала карабахских событий 1988 г. власти АзССР предприняли меры и к заселению бывших армянских сел, разоренных еще мусавистами. Так, в деревне Гайбалу, насчитывавшей в мае 1919 г., до поголовного истребления ее жителей курдско-татарскими бандами Султановых, свыше 700 человек армянского населения, оставалось лишь несколько полуразрушенных домов и развалины церкви. Однако, учитывая ее важное положение на строящейся дороге, туда были поселены семьи турок-месхетинцев, бежавших в АзССР после погромов в Фергане: как говорится – из огня да в полымя.

После изгнания в мае-сентябре 1988 г. остатков армянского населения Шуши этническая чистка района продолжилась. В 1989–1990 гг. армянские села Бердадзора подвергались блокаде и нападениям при попустительстве внутренних войск МВД СССР; одно из них было сожжено. В мае 1991 г. население оставшихся 4-х армянских сел Бердадзора было депортировано силами МВД АзССР при поддержке внутренних войск МВД СССР и подразделений Советской Армии в ходе репрессивной операции «Кольцо»¹.

Единственное оставшееся в районе армянское село Каринтак, расположенное у подножия Шуши и чудом избежавшее депортации в ходе вышеназванной операции, на протяжении 1990–1991 гг. подвергалось обстрелам из огнестрельного оружия, поджогам (с высоты шушинского плато село многократно забрасывали облитыми бензином и затем подожженными автопокрышками), бомбардировкам из минометов, но все-таки выстояло. 26 января 1992 г. защитники села несколько часов сдерживали штурм специального отряда КГБ и МВД ставшей независимой Азербайджанской Республики. Вместе с подошедшими на помощь отрядами самообороны соседних карабахских сел жители Каринтака отразили нападение противника, который отступил, оставив на поле боя более сотни убитых. Это стало первым столь «провальным» и крупным по количеству потерь поражением азербайджанских формирований в Карабахе.

¹Этой операции посвящена отдельная глава книги

9 мая 1992 г., после взятия силами самообороны Нагорно-Карабахской Республики былой столицы края Шуши и последующей операции по разблокированию дороги Шуша–Лачин–Степанкерт ситуация в районе Шуши коренным образом изменилась. Азербайджанцы покинули Шушинский район, а армянские беженцы вернулись в села Бердадзора, откуда они были депортированы с помощью советских войск. А в последующие годы вновь стали армянскими опустевшие в 1918–1920 гг., а потом заселенные местными курдами села Хар, Алгули и Харар, расположенные вдоль дороги Шуша–Лачин–Горис.

В Шушу вернулись изгнанные оттуда в 1988 г. армяне, там поселились армянские беженцы из Баку и Сумгаита. Шуша, таким образом, вновь кардинально изменила свой этнический облик, вернувшись в прошлое, когда этот облик был преимущественно армянским.

В ходе последующих переговоров по урегулированию нагорно-карабахского конфликта руководство Азербайджанской Республики настаивало на «освобождении» района, мотивируя это его «почти исключительно азербайджанским населением». Об этом говорится и в официальных документах МИД АР¹. Об имущественных и иных правах потомков жертв и пострадавших в ходе разгрома армянской части Шуши в марте 1920 г., политики насильственной «тюркизации» Шуши, депортациях армянского населения Шуши и района вспоминать в Баку не желают.

Виток истории будто сорвался со спирали времени и вернулся на столетие назад. По-рой кажется, что души десятков тысяч жертв страшных событий вековой давности довлеют над творцами шушинской реконкисты конца XX в.

МОБИЛИЗАЦИИ И ПУСТУЮЩИЕ СЕЛА

Некоторые сторонние наблюдатели поверхностно полагают, что неблагоприятные для армян Карабаха в советское время демографические процессы были будто бы связаны с более низким по сравнению с азербайджанцами уровнем рождаемости. Так, некогда промелькнувший на поприще освещения «событий в Нагорном Карабахе и вокруг него» Александр Чекалин писал не так давно в статье под претенциозным названием «Побег из первобытности»: «Хотя в возникновении карабахской проблемы сами (армяне – прим. автора) виноваты: рожали детей вдвое-втрое меньше, чем азербайджанцы. Тот же самый Косовский синдром, который сегодня навис над некоторыми регионами России»².

Однако это расхожее мнение ошибочно, так как строится всего лишь на досужих бытвательских домыслах, никак не подкрепленных знаниями реалий.

Известно, что в 1960-х начале 1970-х гг. Армения по уровню рождаемости шла сразу за «мусульманскими» республиками СССР (а в 1940 г. даже занимала по рождаемости первое место среди союзных республик СССР!) с большим отрывом, например, от своей закавказской и также христианской соседки – Грузии³.

¹См., например, справку МИД Азербайджана о Шушинском районе, представленную на переговорах по урегулированию в рамках Минской группы ОБСЕ в 1996 г.

²«Экономическая газета», 13.09.2007 г.

³Александр Арсеньев, «Политическая статистика», «Голос Армении», 02.11.2000

Высоким все десятилетия с 1959 по 1989 гг. был и естественный прирост населения: так, он составил по АрмССР на 1000 человек населения 22,9 в 1965 г., 17,0 в 1970 и 17,8 – в 1983 г.¹ По данным переписи населения СССР 1979 г., на 1000 женщин, состоявших в браке, в среднем приходилось: в АзССР 3794 ребенка, а в Армянской 3165². Как видим, разница по республикам в целом была не столь уж и большой.

А из таблицы «Распределение женщин отдельных национальностей союзных республик по числу рожденных детей» следует, что в том же 1979 г. на 1000 женщин в возрасте 15 лет и старше азербайджанской национальности приходилось в среднем 2784 рожденных ребенка, а армянской – 2277³. Разница и здесь не столь значительна.

Кроме того, следует учесть, что среди армян в АзССР процент горожан был много выше, чем у «титულიной» нации, а, как известно, в городских семьях детей всегда меньше. Рождаемость же у армян Карабаха была традиционно выше не только, чем у армян-горожан в АзССР, но и выше средней рождаемости по Армянской ССР.

Известно также, что рождаемость у армян Карабаха традиционно была выше, чем у населения прилегающих азербайджанских районов; продолжительность жизни – также выше, а смертность – ниже. Что видно, кстати, и из уже упоминавшейся сельскохозяйственной переписи АзССР 1921 г.: даже после войны 1918–1920 гг. средний размер семьи у армян АОНК (4,9 человек) был выше, чем во всех соседних уездах, кроме Агдэмского (5,0 человек), где проживало много полукочевых и кочевых азербайджанских тюрок с их еще феодальным семейным укладом.

Естественный прирост населения НКАО в 1955 составлял 25,1, в 1956 – 28,8, в 1961 – 32 на 1000 жителей⁴.

«По АзССР в 1970–1979 гг. рождаемость составляла 28 человек на тысячу населения. При этом следует учесть, что значительный процент населения АзССР в те годы примерно 25 % составляли русские, армяне, евреи, татары и др., в основной своей массе горожане, рождаемость у которых была ниже, чем у преимущественно сельских азербайджанцев. То есть уровень рождаемости у собственно азербайджанцев должен быть несколько более высоким, однако именно несколько, а не на порядок выше, писал автор ряда работ по демографии и миграциям в республиках Закавказья Александр Арсеньев. Между тем, если верить официальным советским данным, то с 1959 по 1989 гг. среди всех «титульных» наций СССР наивысший прирост численности наблюдался именно у азербайджанцев: их численность к 1989 г. увеличилась по сравнению с 1959 г. на 332,3 %. Заметим, что даже у таджиков, имевших наивысший уровень рождаемости среди «титульных» наций СССР, аналогичный показатель прироста общей численности в 1959–1989 гг. составил лишь 301,7 %. Такая парадоксальная ситуация во многом объяснялась приписками в связи с «переходом в азербайджанцы» представителей других народов и этнических групп.

¹Сто наций и народностей. Москва. Мысль. 1985. С. 98

²Численность и состав населения СССР. Москва. Финансы и статистика, 1985. С. 356

³Там же. С. 358

⁴Достижения советского Нагорного Карабаха за 40 лет в цифрах. Статистический сборник. Степанкерт. 1963. С. 39

Однако уже в десятилетие 1979–1989 гг. по сравнению с 1970–1979 гг. средние показатели рождаемости по АзССР снижаются примерно до 23 на 1000 человек. И это несмотря на то, что доля русских, армян и других народов с меньшей, чем у азербайджанских торок рождаемостью в населении республики продолжала неуклонно снижаться вследствие выезда за пределы АзССР»¹.

В речи президента АР Гейдара Алиева на втором форуме молодежи республики в 1999 году говорилось следующее: «Ежегодно на каждую тысячу человек в Азербайджане рождаются 17 детей и на каждую тысячу умирают 6 человек. Таким образом, естественный прирост на каждую тысячу составляет 11 человек»².

Понятно, что занижать уровень рождаемости Г. Алиеву смысла не было. А вот смертность, по нему, была в АР даже ниже, чем в советские времена, что выглядело нонсенсом. Об этом свидетельствуют и данные ЦРУ США (CIA World Factbook 2006), в соответствии с которыми смертность в Азербайджанской Республике в 2006 г. составляла 9,86 на 1000 человек³, выше, чем в Узбекистане и Туркменистане.

Как видим, слухи о крайне высокой рождаемости у азербайджанцев в АзССР не отражали и не отражают реального состояния дел.

Но, главное, даже значительное превышение уровня рождаемости азербайджанцев над карабахцами и за сотню лет не привело бы к той катастрофической демографической ситуации, которая реально сложилась в Нагорном Карабахе уже к началу 1970-х гг. и стремительно прогрессировала в худшую для армян сторону.

Проблема заключалась в том, что армянский Нагорный Карабах, даже несмотря на весьма высокий естественный прирост, перманентно терял население. И не только вследствие вынужденной миграции в города и за пределы АзССР, но и в ходе коллективизации, репрессий, значительных потерь в годы Великой Отечественной войны, послевоенных трудовых мобилизаций, выселений и вынужденных миграций...

Потери вследствие «раскулачивания» и репрессий в Нагорном Карабахе нам неизвестны, но, судя лишь по масштабам репрессий против священнослужителей, которых к середине 1930-х в Карабахе не осталось вовсе, можно представить, что они были существенными.

Как уже упоминалось выше, по переписи 1926 г. в АОНК проживало 125,3 тыс. человек. В соответствии с данными впоследствии засекреченной руководством СССР переписи 1937 г., в Нагорно-Карабахской автономной области проживало 147,2 тыс. человек, что составило 117,5 % по отношению к 1926 г.⁴ В целом по АзССР это соотношение составило 132,8 %⁵. То есть даже при таком усредненном приросте численность населения АОНК–НКАО в 1937 г. должна была составить не менее 166 тыс. человек.

¹А. Арсеньев, «Парадоксы азербайджанской статистики», «Независимая газета», 01.12.1999; журнал «Армянский вестник», № 1–2, 2000 г. С. 41

²«Бакинский рабочий», 06.03.1999

³По тем же данным, смертность в Туркменистане составляла 8,78, а в Узбекистане 7,95 на тысячу населения. Об этом см. В. Медведь, «Проект ЕвразСЗ – все в наших руках», газета «Дуэль», №7, 13.02.2007

⁴Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги. Сборник документов и материалов. Москва. Росспэн. 2007. С. 46–47

⁵Там же

Приняв же во внимание, что в 1920–1930-х гг. рождаемость у карабахских армян была выше, чем в среднем по АзССР, можно прийти к однозначному выводу: указанные цифры и проценты показывают, что коллективизация нанесла тяжелый удар по Нагорному Карабаху.

По данным всесоюзной переписи 1939 г., население НКАО составляло 150,8 тыс. человек, из коих армян было почти 90 %.

Во время Великой Отечественной войны из НКАО были мобилизованы и ушли на фронт добровольцами около 45 000 тыс. человек, или 32 % населения. В среднем по СССР эти цифры были много ниже. Процент мобилизации населения в армию в НКАО был в два раза больше, чем даже в фашистской Германии во время Второй мировой войны. Гитлеровцы, которые проводили несколько тотальных мобилизаций, до таких высот не дошли – мобилизовали 16 % населения. «Сталин такой высокий процент германской мобилизации считал авантюризмом, который подорвал жизнеспособность страны и был одной из причин краха», писал в своих мемуарах генерал армии Сергей Штеменко¹.

Ясное дело, что и процент призванных в армию в годы войны из Азербайджанской ССР армян значительно превышал аналогичный показатель по «титულიной» нации этой республики.

В годы войны выходцы из Нагорного Карабаха проявили себя как храбрые солдаты, что соответствовало их многовековым воинским традициям. Сегодня в России стало модным принижать значение вклада «инородцев» в победу во Второй мировой войне. Как это, например, делается в книге А. Безугольного «Народы Кавказа и Красная армия», где, на наш взгляд, тенденциозно подобраны материалы, освещающие участие в Великой Отечественной войне так называемых национальных дивизий и т.п.² Автор, к примеру, вряд ли не знаком с тем фактом, что в штурме Берлина, кстати, единственная из национальных формирований участвовала 89-я армянская Таманская дивизия.

Впрочем, в случае с карабахцами факты говорят сами за себя, назовем лишь некоторые из них.

Во время войны с Финляндией и в годы Великой Отечественной войны Героями Советского Союза стали 21 выходец из НКАО, не считая других районов Нагорного Карабаха. А уроженец Шуши летчик-штурмовик Нельсон Степанян стал единственным в Закавказье дважды Героем СССР, удостоенным этого звания во время войны (вторую звезду ему присвоили посмертно).

Любопытно, что первым советским солдатом, награжденным орденом Славы, стал в 1943 г. также карабахец, уроженец села Неркин Сзек НКАО Геворг Исраелян (Г. Исраелян стал полным кавалером ордена Славы в марте 1945 г.). Всего же в годы войны кавалерами ордена Славы всех трех степеней стали 7 выходцев из Нагорного Карабаха.

Единственным советским командующим фронтом неславянского происхождения стал в годы войны карабахский армянин Иван (Ованнес) Баграмян, впоследствии Маршал Советского Союза.

Наряду с Баграмяном маршалами стали еще трое выходцев из Арцаха. Это главный маршал бронетанковых войск Амазасп Бабаджанян, маршал авиации Сергей Худяков

¹Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. Москва. 1974. С. 506–507

²А. Безугольный «Народы Кавказа и Красная армия». Москва. «Вече», 2007

(менее известный под настоящими именем и фамилией Арменак Ханферянц), Адмирал Флота Советского Союза (что равнозначно маршальскому званию) Иван Исаков.

Любопытно, что два первые маршала – И. Баграмян и А. Бабаджян были к тому же односельчанами. Из их родного села Чардахлу, входившего в Шамхорский район бывшей АзССР, на фронт ушли 1250 жителей. Из них 452 погибли на полях сражений, а 853 были награждены орденами и медалями.

Из числа ушедших на фронт из НКАО карабахских армян погибли, по разным данным, от 18 до 22 тыс. человек, что составило от 12 до 15 % от общей численности населения. Таким образом, в маленькой армянской автономной области, находившейся в годы войны в глубоком тылу, на войне погиб каждый седьмой-восьмой ее житель, что намного превышало среднесоюзный уровень потерь и сравнимо скорее с потерями Белоруссии, где, как известно, в условиях ожесточенных боевых операций и многолетней фашистской оккупации погиб каждый четвертый житель.

Закончилась Вторая мировая война, но армян Нагорного Карабаха ждали новые мобилизации. На этот раз – принудительный рекрутский набор от каждой деревни в ФЗУ – фабрично-заводские училища в промышленные города АзССР. Наборы проводились по отдельным разрядам на каждое село, иной раз силой, при участии войск НКВД. Выступления против принудительного набора расценивались как антигосударственные, во всем вытекающими отсюда последствиями.

Власти АзССР опять «убивали двух зайцев одним выстрелом»: обеспечивая свои города рабочими и строителями и одновременно способствуя опустошению армянских сел и поселков Нагорного Карабаха. Многие тысячи карабахцев оседали в Баку, Сумгаите, Мингечауре. Невест, как было заведено, они выбирали из родных мест и привозили в город, так что дети их уже вырастали бакинцами, сумгайтцами и т.п.

Одновременно с этим процессом в 1948–1949 гг. несколько тысяч граждан и целых армянских семей были высланы из Нагорного Карабаха на Алтай и в Казахстан в ходе очередной репрессивной кампании в Закавказье. Наконец, в 1950-х гг. карабахские армяне были брошены на возделывание «азербайджанской целины» – степей близ Аракса, в созданном тогда Ждановском (позднее – Бейлаганском) районе АзССР. Они успешно освоили степь и основали на новых землях полтора десятка новых колхозов и совхозов, но за какие-то пару десятков лет были вытеснены и из этих мест в города республики и за пределы АзССР. А в созданных карабахцами хозяйствах с готовыми домами, детсадами и школами обосновались азербайджанские переселенцы.

Трудовые мобилизации наряду с экономическим удушением способствовали оттоку армян из Карабаха и запустению, исчезновению многих армянских сел и деревень. Ибо в то время как карабахцы были вынуждены строить дороги, дома и иные объекты в Азербайджане, для Нагорного Карабаха средств на эти объекты не выделялось вовсе.

«Гадрутский район – наиболее отдаленный от центра. Однако только этим объяснить равнодушие и безразличие, что проявлялось к нему, нельзя. В 1939–1940 гг. в районе проживали 28 тыс. жителей, а по данным последней переписи (перепись населения СССР 1979 г. – прим. автора), число это составляет 14 тыс. Подобная тенденция к снижению, в первую очередь, связана с запустением сел. А опустели они потому, что разрушены дороги, говорил в интервью областной газете НКАО «Советский

Карабах» первый секретарь Гадрутского райкома Григор Багиян. Начавшееся у нас в 1950-х гг. укрупнение хозяйств также ускорило этот процесс. Население силой изгоняли с насиженных мест. Всего за несколько лет жители сел Петросашен, Арпагядук, Тесгарав, Спитакашен в основном съехали и перебрались в города. Решение социальных вопросов в селах было предано забвению. Во многих из них не имелось и не строилось библиотек, клубов, медпунктов, детских садов и т.д. Резко упал уровень жизни сельского жителя. Из-за напряженных, завышенных планов сельский труженик не имел времени заняться своим собственным хозяйством. А если житель отдаленного села не получает пользы от земельного участка, он, естественно, бросит его»¹.

Известный в Рязани общественный деятель и публицист, уроженец села Чардахлу профессор Гюлаб Мартиросян в своей книге «Горбачев и трагедия Нагорного Карабаха» приводит следующий случай: «Летом 1946 г. в селе Чардахлу Шамхорского района состоялась встреча представителей армянского населения района с Багировым (Мир-Джафар Багиров, первый секретарь ЦК АКП(б) – прим. автора). Многие выступающие, особенно ветераны колхозного движения и фронтовики, высказали ему некоторые критические замечания, в первую очередь относительно системы налогообложения. Налоги с армянских населенных пунктов были значительно выше, чем с азербайджанских сел (!). К тому же чиновники, собиравшие налогов, действовали чересчур постоянно. В своем выступлении Багиров предложил армянам района переселиться на постоянное место жительства в район города Грозного в пустующие дома чеченцев и ингушей»².

Таким образом, власти АзССР использовали любую возможность для опустошения карабахских сел, будь то рекрутские наборы в ФЗУ, освоение степных целинных земель, или добровольно-принудительное «переселение» в Грозненскую область, созданную на большей части Чечено-Ингушской АССР после сталинской депортации чеченцев и ингушей и ликвидации этой автономной республики.

Между прочим, подавляющее большинство почти 15-тысячного армянского населения ЧИАССР (конца 1980-х) составляли именно выходцы из Нагорного Карабаха и их дети. Многие из них как раз и были направлены в Грозный из Баку в 1950–1960 гг. по «комсомольским путевкам», в том числе на нефтепромыслы, другие промышленные объекты.

В те же годы многие армянские села северной части Нагорного Карабаха опустели или стали полностью азербайджанскими. Методы административного и экономического удушения здесь облегчались отсутствием у местных армян какого-либо самоуправления и системой районирования, которая превратила их из большинства населения в бесправное меньшинство на собственной земле. Напротив, районные власти способствовали покупке пустующих домов в армянских селах и притоку в них азербайджанских переселенцев.

Известный защитник прав армянского народа Нагорного Карабаха, уроженец села Бананц (Баян) Северного Нагорного Карабаха профессор Московского Университета Грант Епископосов приводил подобные примеры в справке, представленной им в 1986 г. Председателю Госагропрома СССР Мураховскому³:

¹ «Советский Карабах», 18.09.1988 г.

² Г. Мартиросян. Горбачев и трагедия Нагорного Карабаха. Рязань. Аракс. 2000, стр. 189

³ Копия справки из личного архива автора книги

«Первый секретарь Дашкесанского райкома партии... в июне 1985 г. привез в село Шаумян в сопровождении своего «Виллиса» целый грузовик азербайджанцев и предложил занять пустующие дома. Когда некоторые из представителей общественности села стали выражать свое возмущение незаконными действиями секретаря райкома, то он в угрожающем тоне заявил: «Видно, у вас старая, отравленная ядовитая кровь, надо очистить»».

В первые дни его избрания к нему приехали представители общественности села Баян (Бананц) с просьбами: отделить от их совхоза азербайджанский хутор, назначить директора совхоза из местных армянских товарищей, а также врача, уполномоченного милиции. Обещал все сделать. Но потом не выполнил.

...В справке ЦК КП Азербайджана отрицается факт перевода переписки с армянскими деревнями на азербайджанский язык, несмотря на возражения общественности, хотя очень легко установить этот факт на месте. В армянских деревнях трудно найти хотя бы один лозунг или призыв на армянском языке.

...Показательно также, что при таком проценте армянского населения в Дашкесанском районе (18 %) 90 % ветеранов Отечественной войны и погибших составляют армяне. А как это объяснить?

Поселения азербайджанцев в Дашкесанском районе возникли относительно недавно на месте пастбищ, которые им предоставлялись на добрососедских началах армянским населением. Поэтому в этом районе ни один вопрос сейчас нельзя решать из факта искусственного азербайджанского большинства. А за систематические уменьшение коренного армянского населения и разрушение армянских деревень и их хозяйств надо отвечать, тем более что все делается умышленно.

...Еще в 1959 г. была рекомендация Отдела парторганов ЦК КПСС первым секретарем Дашкесанского райкома партии избрать из армянских товарищей, учитывая особенности данного района. Она не была выполнена. В республике еще больше усилили темпы азербайджанизации района... весь районный аппарат подобрали почти из одних азербайджанцев».

Но даже и в Нагорно-Карабахской автономной области демографическая политика Баку подчас вовсе не камуфлировалась. Так произошло, например, с армянской деревней Джамиллу, расположенной близ Степанакерта. Карабахский политолог и историк Давид Бабалян рассказывает об этом случае: «В начале 1960-х гг. население села составляло около 150 человек, и оно было полностью армянским. В 1963–1964 гг. под предлогом строительства водопровода из реки Тракет в Степанакерт прямо у села Джамиллу и нецелесообразности нахождения в непосредственной близости от водопровода населенного пункта, население села были спешно предоставлены паспорта (хотя в то время жителям деревень не предоставлялись паспорта) и земельные участки в размере 600 м² в городе Степанакерте, после чего появилась улица Зорге, где до сих пор живут выходцы из Джамиллу. Однако нецелесообразность существования населенного пункта в непосредственной близости от представляющего стратегическую важность водопровода относилась лишь к представителям армянской национальности. Поэтому сразу после ухода отсюда армян в Джамиллу переселили азербайджанцев. По данным переписи населения 1989 г., население села составило 549 человек»¹.

¹ Д. Бабалян, «Проблема водной безопасности Республики Армения и Арцаха в контексте урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта». «Освобожденная территория Армении и урегулирование карабахского конфликта», сборник статей и материалов, Ереван, 2006. С. 173

Вследствие политики выдавливания армян из Нагорного Карабаха в крае «за период 1926–1976 гг. стало на 85 армянских населенных пунктов меньше. За период 1921–1988 гг. на территории бывшей Нагорно-Карабахской автономной области появилось 36 новых азербайджанских сел»¹.

Процесс старения населения в Нагорном Карабахе принял угрожающий характер. Вследствие вынужденной массовой миграции за пределы края студенческой молодежи, трудовых кадров молодого и среднего возрастов по характеру возрастного состава населения НКАО в середине 1970-х гг. была сравнима с наиболее депрессивными регионами российского Нечерноземья. Так что, несмотря на традиционно большое число людей почтенных лет, свою известность края долгожителей Нагорный Карабах в советский период приобрел в значительной степени благодаря негативному процессу старения населения.

«Число учащихся общеобразовательных школ в Азербайджанской ССР составляет четверть населения республики, а в Нагорном Карабахе – менее одной шестой. По сравнению с 1970 г. число школьников области сократилось на 13 тыс. В Гадрутском районе общее количество учащихся девятых и десятых классов не превышает 300. Куда ведет этот процесс? Конечно, к старению сельского населения области... Из года в год снижая удельный вес молодого поколения, мы добились звания «чемпионов мира по долголетию»².

В результате, если в 1939–1940 учебном году на территории НКАО существовало 198 школ с 41,8 тыс. учеников, из коих 3000 были азербайджанцами, то в 1988–1989 году в 196 школах области обучались 32,7 учеников, из них – 8000 азербайджанцев в 44 школах»³.

АПАРТЕИД ПО-БАКИНСКИ

Слово «апартеид» в переводе с «африкаанс», языка африканеров или буров – потомков голландских колонистов в Южной Африке, означает «раздельное развитие». Политическая суть этой формулы заключалась в Южно-Африканской Республике в раздельном и качественно разном развитии белой и черной рас. Первым, меньшинству, предназначалась львиная доля доходов от экспорта золота, алмазов, руды цветных металлов. Вторым, подавляющему большинству, – ограниченное развитие в «суверенных» квазигосударствах, так называемых «бантустанах».

В Азербайджанской ССР при демагогическом и беспрестанном декларировании «интернационализма» и дружбы народов на деле осуществлялась именно политика апартеида. И направлена она была прежде всего против армянского большинства Нагорного Карабаха.

Эпиграфом к данной главе мы избрали подобострастную цитату из статьи министра внутренних дел Азербайджанской Республики Рамиля Усубова в официозе Азербайджанской Республики, органе администрации президента АР (на русском языке), газете «Бакинский рабочий» от 15 мая 1999 года. Статья называлась «Нагорный Карабах: Гейдар

¹ Д. Бабалян, «Проблема водной безопасности Республики Армения и Арцаха в контексте урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта». «Освобожденная территория Армении и урегулирование карабахского конфликта», сборник статей и материалов, Ереван, 2006. С. 173

² Ш. Абрамян, «Ошиблись – исправим», «Советский Карабах», 07.07.1988 г.

³ С. Ханян, С. Дадаян, «Истина превыше всего», «Советский Карабах», 23.05.1989 г.

Алиев отставив его еще в 1970-е годы», и в ней министр всячески превозносил успехи своего президента в деле азербайджанизации Нагорного Карабаха в бытность Гейдара Алиева первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана.

Усубов знает, о чем пишет: как сказано в предисловии к статье, «он родился и вырос в Нагорном Карабахе, там же прошел первый этап работы в правоохранительных органах от рядового милиционера до заместителя начальника Управления внутренних дел НКАО. Ситуация в Карабахе тех лет, подспудные и явные тенденции к перемене обстановки, реальное положение дел, конкретные факты известны ему не понаслышке».

Надо сказать, что г-н Усубов весьма откровенно обрисовал ситуацию:

«Необходимо отметить, что еще в 70-е годы наши соотечественники в нагорной части Карабаха бывшей НКАО... нашли своего спасителя в лице Гейдара Алиева, пришедшего к власти в Азербайджане в 1969 г.

...Избранный 12 июля 1969 года на пленуме ЦК КП Азербайджана первым секретарем Гейдар Алиев стал демонстрировать принципиальный, основанный на национальных ценностях стиль работы в отношении событий в Нагорном Карабахе, доказав, что Азербайджан получил руководителя, значительно отличающегося от своих предшественников.

Своей непримиримой позицией и последовательной политикой в Нагорном Карабахе он преградил путь армянскому национализму в крае... Автономная область была очищена от дашнакских элементов. Дашнакские недобитки... были привлечены к уголовной ответственности, проведены коренные перестановки в партийных, советских, правоохранительных органах, органах госбезопасности автономной области, а идеологи сепаратизма выдворены за пределы региона.

...Пребывание Гейдара Алиева в 70-е годы в руководстве Азербайджана стало для азербайджанского населения Нагорного Карабаха началом новой эры... После прихода Гейдара Алиева карабахские азербайджанцы почувствовали себя подлинными хозяевами родного края... Все это было проявлением особой заботы Гейдара Алиева об азербайджанцах Нагорного Карабаха.

...В 70-е годы проводилась большая работа по благоустройству дорог области, что облегчило доступ в самые отдаленные селения. Улучшилось снабжение азербайджанских сел газом и электроэнергией. Все это вызвало приток в Нагорный Карабах азербайджанского населения из окружающих районов Лачинского, Агдамского, Джебраильского, Физулинского, Агджабединского и других. Нашла, наконец, решение проблема прописки для азербайджанцев, переселившихся в пределы автономной области. С первых же дней своего прихода к власти Гейдар Алиев уделял особое внимание развитию в крае высшего и среднего образования. Его беспокоило положение азербайджанского населения Нагорного Карабаха в этой сфере... После прихода Гейдара Алиева к руководству Азербайджаном в области просвещения азербайджанского населения Нагорного Карабаха стала проводиться целенаправленная работа.

...В 1973 году в Ханкенди (Степанакерте – прим. автора) был открыт педагогический институт, сыгравший важнейшую роль в подготовке высококвалифицированных педагогических кадров для азербайджанских школ области. Открытие вуза также привело к значительному росту численности азербайджанского населения области. Сюда

начался приток национальной интеллигенции... В эти годы азербайджанский язык стал преподаваться как предмет в армяно- и русскоязычных школах края. Именно на 70-е годы приходится появление на зданиях партийных, советских и других административных зданий вывесок на азербайджанском языке.

...Развитие сети здравоохранения благоприятствовало азербайджанскому населению края. Этот процесс привел к притоку в область азербайджанских медицинских кадров; в результате целенаправленной политики Гейдара Алиева десятки выпускников Азербайджанского мединститута получили направление в автономную область. Все это благоприятно отразилось на охране здоровья азербайджанцев Нагорного Карабаха.

Именно по инициативе Гейдара Алиева в областных, городских и районных партийно-советских органах НКАО были открыты новые должности, на которые направлялись выпускники Бакинской высшей партийной школы и другие специалисты азербайджанской национальности.

...Все эти меры, осуществленные благодаря дальновидности первого секретаря ЦК КП Азербайджана Гейдара Алиева, способствовали усилению связей автономной области с другими регионами Азербайджана, благоприятствуя притоку азербайджанцев»¹.

Если вышеприведенные пассажи не отражают факта проведения руководством АзССР и лично товарищем Гейдаром Алиевым политики апартеида в Нагорном Карабахе, тогда вообще непонятно, на каком основании в те же годы Кремль обвинял в апартеиде власти ЮАР?

Прочитав эту цитату, трудно не понять, что имели в виду руководители АзССР, когда в 1988–1989 гг. громогласно говорили о «социально-экономическом развитии» НКАО в свете решений ЦК КПСС и Совмина СССР. Ведь министр Усубов выражался весьма недвусмысленно на этот счет, когда, например, говорил, что «в 1970-е годы проводилась большая работа по благоустройству дорог области, что облегчило доступ в самые отдаленные селения», имея в виду только и только азербайджанские населенные пункты.

Что творилось в то же время с дорогами, ведущими к армянским селам, и к чему привел такой подход, уже было сказано выше и еще будет сказано в других главах.

Словом, факт искусственного и форсированного процесса изменения демографической ситуации в области в период руководства Г. Алиевым АзССР не только признается официальным лицом, но и преподносится как его, Гейдара Алиева, большая заслуга. Это не случайно, ибо в период пребывания Гейдара Алиевича в Москве и Нахичевани его политические противники многократно и совершенно несправедливо пытались задним числом обвинить его в ослаблении политики тюркизации армянского Нагорного Карабаха.

А вот еще одно свидетельство, что называется, из первых рук.

24–25 июня 1997 г. официальный орган президента АР газета «Бакинский рабочий» публикует стенограмму встречи президента Гейдара Алиева с группой беженцев-азербайджанцев из Нагорного Карабаха. Вот некоторые весьма характерные фрагменты из прозвучавших на этой встрече выступлений.

Вагиф Сарыкишиев, беженец из Мардакертского района («Агдере» по-азербайджански):

¹«Бакинский рабочий», 15.05.1999 г.

«...У нас семь сел Агдере, большие территории (оккупированная Азербайджаном в 1992 г. часть низменной зоны Мардакертского района НКР, официально присоединенная властями АР к соседнему Тертерскому, бывшему Мир-Баширскому району АзССР, – прим. автора). Вы очень хорошо знаете потенциальные возможности Агдере, неоднократно бывали там. В настоящее время эта территория входит в Тертерский район.

Гейдар Алиев: Так что же, та часть Агдере находится в составе Тертерского района?

Сарыкишиев: Да. Мы знаем, что когда будет подписано мирное соглашение, эта территория не будет оставаться в Тертере, а будет возвращена Агдере (т.е. в Мардакертский район НКР, – прим. автора)... Меня как интеллигента и гражданина интересует вопрос защиты агдеринцев от ассимиляции. В бытность Советского Союза я принимал участие в составлении списка жителей Нагорного Карабаха... Если сравнить цифры увеличения роста населения в то время, то становится ясно, что в этом регионе естественный прирост азербайджанцев превышал прирост армян, а механический прирост был выше в 4,4 раза. Кроме Вас, этой стороной дела не интересовался ни один руководитель. Только в Ваше время в исторически короткий срок были получены такие результаты. Приведу факты.

В 1977–1978 учебном году из 110 домов в селе Газанчи в первый класс восьмилетней школы пришел всего один ребенок.

Гейдар Алиев: Из армянского села?

Сарыкишиев: Да. Во всей школе учился 31 ученик. Но из 62 домов сел Хатынбейли и Орта Гюнепая (соседние азербайджанские села – прим. автора) в первый класс Хатынбейлинской средней школы пришло 26 человек, а во всей школе училось 147 детей. С 1980–1983 годы я работал секретарем партийного комитета интернационального совхоза. Два армянских села, входивших в этот совхоз, были в четыре раза больше двух азербайджанских сел.

Гейдар Алиев: Два армянских села были больше двух азербайджанских сел?

Сарыкишиев: Они были очень большими. Однако около 80 % инженерно-технических работников и рабочих этого совхоза составляли азербайджанцы. Значит, этот вопрос решался. Не было никакого давления, просто под контролем находилась динамика демографии... На протяжении веков армяне претендовали на наши земли. Мы уверены, что Ваша гениальная политика поставит армян в безвыходную ситуацию. Также и крупные страны, Россию. Но претензии армян на наши земли не прекратятся. Поэтому как интеллигент понимаю, что в дальнейшем нам будет необходимо держать под контролем динамику демографии, стимулировать ее.

Из выступления беженца из Ходжалу Шукурова Баширова:

«...События в Нагорном Карабахе могли бы произойти в 1974 году. Но такая гениальная личность, как Вы, смогла за одну ночь предотвратить это. Я был свидетелем этого. Хочу рассказать об одном факте. В 1980 году в городе Мартуни ночью двоих забили. Потом сказали, что те люди выступали против государства, одному присудили 9 лет, а другому пожизненное выселение из Азербайджана. Но, когда в 1982 году Вы были приглашены в Москву и избраны на высокую должность, этот человек вновь возвратился в Азербайджан.

Гейдар Алиев: Возвратился?

Баширов: Да, он был моим соседом, я его очень хорошо знаю. Он играл одну из главных ролей в событиях, происходивших в Нагорном Карабахе, был преподавателем английского языка. Когда такие личности, как Вы, находились во главе государства, такие люди выселялись».

Из выступления беженца из Мардакертского района Газанфара Рустамова:

«...Вагиф-муаллим сказал, что в то время (при президенте Азербайджана, «народно-фронтовце» Абульфазе Эльчибее (Алиеве) – прим. автора) в прессе писали о том, что Вы якобы создали для армян, проживающих в Нагорном Карабахе, очень хорошие условия: провели дорогу, открыли институт. Я закончил этот институт в Степанакерте. Видел, как после Вашего прихода к власти жили в Степанакерте азербайджанцы. После Вашего прихода к власти все вопросы нашли свое разрешение. Армяне, сеявшие смуту, покидали Нагорный Карабах.

В первый год Вашего руководства большинство армянских сел в полном смысле слова было в разрухе, у нас есть факты, которые мы храним. В селе из 150–170 домов проживало 40–50 человек, и все старики. Все уезжали, Нагорный Карабах остался без армян. В период Вашего правления число азербайджанцев стало увеличиваться, они обеспечивались работой»¹.

Это все, конечно, говорилось на уровне республики. Для внешнего потребления еще в советские годы была создана благостная картина процветания социалистических наций в интернациональном Азербайджане. Сам Гейдар Алиев уже после 1988 г. лукаво недоумевал относительно карабахских событий. Так, в интервью, записанном 29 ноября 1989 г. и опубликованном давним и ярким поклонником Гейдара Алиевича критиком Андреем Карауловым в журнале «Театральная жизнь» № 4 за 1990 г., недавний генерал КГБ и советский партийный босс говорил:

«...Я всегда проявлял самые дружеские чувства к армянскому народу... У меня были теплые отношения с Мариэттой Шагинян. В 1975 г. она приехала в Азербайджан в составе делегации Москвы... Находясь в Азербайджане, она интересовалась положением армян и дословно сказала мне следующее: «Армяне у вас как сыр в масле катаются». За период моей работы обстановка в Нагорном Карабахе была стабильной, никаких писем или устных заявлений от жителей НКАО в ЦК КП о выходе из Азербайджана не поступало. Никогда. И никаких конфликтов ни внутри, ни между республиками не было. Я не знаю ни одного случая»².

По возвращении же к власти в Азербайджане сам Гейдар Алиев говорил для внутреннего употребления уже совершенно иные вещи. Он периодически не забывал лично упомянуть о своих заслугах в деле «деарменизации» НКАО. Чтобы оппонентам, так сказать, нечем крыть было.

Так, на встрече с группой азербайджанских писателей и поэтов в ноябре 1999 г. он говорил: «Когда я стал работать, то изменил положение в результате принятия ряда мер. Например, я провел туда (в НКАО – прим. автора) железную дорогу. Затем, когда меня

¹«Бакинский рабочий», 24–25.06.1997 г.

²«Театральная жизнь», № 4, 1990. С. 32

здесь не было, некоторые меня обвиняли, почему, мол, Гейдар Алиев провел железную дорогу. Железная дорога доходила до Агдама, оттуда ее не прокладывали на расстояние протяженностью 11 километров. О чем это говорило? Значит, им надо было дать основание. Мы построили несколько фабрик. Говорили, что надо открыть институт, открыли, но открыли с таким условием, чтобы там наряду с русским, армянским факультетами был и азербайджанский. Подобными вещами я обеспечивал в определенной степени их связь с Азербайджаном, мое влияние в этом было очень велико. Однако после того как я уехал из Азербайджана, к сожалению, после событий 1988 года они потихоньку зашевелились. Контроль над Нагорным Карабахом был ослаблен, и они сделали это»¹.

Бакинская газета «Зеркало» от 23 июля 2002 г. цитировала президента Азербайджанской Республики: «Я говорю о периоде, когда был первым секретарем, много помогал в то время развитию Нагорного Карабаха. В то же время старался изменить там демографию. Нагорный Карабах поднимал вопрос об открытии там института, вуза. У нас все возражали против этого. Я подумал, решил открыть. Но с тем условием, чтобы было три сектора – азербайджанский, русский и армянский. Открыли. Азербайджанцев из прилегающих районов мы направляли не в Баку, а туда. Открыли там большую обувную фабрику. Направляли туда азербайджанцев из окружающих областей мест. Этими и другими мерами я старался, чтобы в Нагорном Карабахе было больше азербайджанцев, а число армян сократилось. Те, кто работал в то время в Нагорном Карабахе, знают об этом»².

В свете вышеприведенных цитат «из первых рук» лживость официальной азербайджанской пропаганды, пытающейся убедить, что в составе АзССР Нагорный Карабах успешно развивался и даже процветал, становится еще более очевидной.

Равно как очевиден и тот факт, что, начиная с 1918 г., армянский народ Нагорного Карабаха подвергался самому настоящему геноциду. Сначала со стороны турецких агрессоров и их ставленников в лице руководства так называемой АДР. А после волюнтаристского и юридически ничтожного решения кучки авантюристов-большевиков о включении края в состав АзССР со стороны властей последней, в течение всего периода существования этой советской республики.

¹«Бакинский рабочий», 12.11.1999 г.

²«Зеркало», 23.07.2002 г.

Глава 3

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАРАЛИЧ

«Экономика должна быть экономной»

Леонид Ильич Брежнев

«Ослы ему славу по нотам поют,

Козлы бороδοу дорогу метут,

Бараны, бараны

Стучат в барабаны»

Корней Чуковский, «Тараканище»

Практически с самого начала нового этапа карабахского кризиса союзный Центр предпринял попытку подменить понятие и суть карабахской проблемы. Вопрос воссоединения одной из отторгнутых большевиками и турками армянских территорий с Советской Арменией, то есть вопрос воссоединения двух частей насильственно разделенного в рамках одной и той же страны народа, искусственно подменялся вопросами социально-экономического развития НКАО. Проблема Нагорного Карабаха по воле партийных идеологов преподносилась советской и мировой общественности как проблемы, – читай, недостатки, – сугубо хозяйственного развития. Эти недостатки по той же логике были вполне устранимы и решаемы в рамках существовавшего административно-территориального деления, то есть в рамках неизменности границ Азербайджанской ССР. В соответствии с лозунгом «перестройка – не перекройка!»

Именно поэтому 24 марта 1988 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988–1995 гг.». Это постановление фактически проигнорировало конституционное требование карабахских армян, трансформировав политическую проблему в сугубо экономическую.

Между тем, несмотря на подобную идеологическую подмену понятий, социально-экономические проблемы Нагорного Карабаха действительно были вопиющими. Попробуем разобраться, что являла собой экономика края в советский период.

МИРАЖИ И РЕАЛИИ КАРАБАХСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Реальная картина экономических взаимоотношений между АзССР и армянской автономией Нагорного Карабаха напоминала скорее эксплуатацию ненасытной метрополитой

бесправной колонии, нежели отношения между советской социалистической республикой и входящей в ее состав советской же автономией, предусмотренной Конституцией СССР.

Весьма кратко, но вполне наглядно характеристика такого рода отношений содержалась в выступлении новоизбранного (естественно, не без согласия Москвы) первого секретаря Нагорно-Карабахского обкома компартии Генриха Погосяна на заседании Президиума Верховного Совета ССР 18 июля 1988 г. Это мероприятие в записи затем практически полностью было показано по Центральному советскому телевидению. То есть, советские люди впервые с начала «событий в НКАО и вокруг нее» получили возможность из первых рук услышать о тех самых проблемах, которые в соответствии с официальной точкой зрения будто бы и стали причиной массовых выступлений карабахцев.

В выступлении Генриха Погосяна, в частности, говорилось:

«...Никаких экономических связей между Нагорным и низменным Карабахом не существует. Есть очень сильно выраженная, очень четкая зависимость Нагорного Карабаха от всего Азербайджана в целом. Нагорно-Карабахская автономная область на сегодня не имеет своего мукомольного завода, не имеет своего комбикормового завода, не имеет своего завода железобетонных изделий, не имеет своего домостроительного комбината...

Мы же... как высшую милость принимали мелочные подачки в виде архаичных фабрик, отрезка рельсовых путей или попутно доставшегося нам от магистрали «Евлах-Нахичевань» газа. Между тем ежегодные отчисления области в бюджеты всех инстанций составили в среднем на год 91 млн рублей. Бюджет же самой области – 42 млн, или 46 % от отчислений, так что мы подарков не получали. Кстати, как утверждают иные, и на хлебники никогда не являлись. Область производит на душу населения: мяса 67 кг против 27 кг по республике, молока – 320 кг против 155 кг. Дотациями мы не пользуемся, наоборот, поставляем в республиканский фонд эти важнейшие виды продукции»¹.

Азербайджанская пропаганда с февраля 1988 г. и по сей день утверждала обратное: дескать, НКАО в составе АзССР развивалась даже лучше, чем другие районы этой советской социалистической республики. Эти голословные утверждения мало чем подтверждались, либо основывались на лживой статистике. Ведь в советское время, особенно в период пребывания у руля власти в АзССР генерала КГБ, первого секретаря ЦК КП Азербайджана Гейдара Алиева, в Баку собаку съели на разного рода приписках и фальшивых рапортах о новых экономических успехах.

В соответствии с укореившейся в Баку практикой возвеличивания мифических успехов республики – в духе известной фразы Леонида Брежнева «Широко шагает Азербайджан!» – колоссальные приписки и извращение реальной ситуации распространились и на Нагорный Карабах. Тем более что словесная шелуха в данном случае была призвана замаскировать политику экономического удушения, проводимую Баку в отношении армянской автономии.

Известный в Карабахе краевед, историк Шаген Мкртчян, автор ряда книг по истории и культуре Арцаха, в свое время написал работу «Нагорный Карабах. Анатомия совершенного

¹ «Советский Карабах», 24.07.1988

Азербайджаном геноцида», которая в 2003 г. была переиздана в Степанакерте в переводе на русский язык. Книга посвящена дискриминационной политике властей АзССР в отношении Нагорного Карабаха на протяжении 65 лет нахождения края в составе этой созданной большевиками советской республики. Ш. Мкртчян лично стал свидетелем насаждавшейся в АзССР лжи относительно реального экономического развития НКАО в советский период.

«Сделанного в НКАО за советские годы, особенно на фоне других краев и областей советской страны, было так мало, что руководителям автономной области и их патронам оставалось только во весь голос кричать о запланированных с пропагандистскими целями, но так и не выполненных делах...

Для того чтобы скрыть абсолютную отсталость области, представить ситуацию в приукрашенных тонах, приводились сравнения с показателями 1923 г., которые фактически равнялись нулю. Почему для сравнения надо было приводить именно 1923 г., а не принятый повсеместно самый благополучный дореволюционный – 1913 г.? В конце концов, критерием экономического развития Закавказья, в том числе и Азербайджана, является именно 1913 г.

В конце 1969 г. по поручению обкома партии я написал и сдал в издательство «Азербайджан» рукопись путеводаителя «Нагорно-Карабахская автономная область». Для сравнения промышленного роста я также привел показатели 1913 г. К 1969 г. рост получился так себе – в 3,8 раза. Это примерно в 15–20 раз ниже показателей в целом по СССР, АзССР и АрмССР. Редактора-издателя, по указке сверху, вычеркнули из рукописи множество данных, в том числе и показатель об экономическом росте в 3,8 раза. Они также потребовали, чтобы все сравнения я проводил с 1923 г. Я, по понятным причинам, отказался. Они тут же «выяснили», что «в 1969 г. валовой внутренний продукт области по сравнению с 1923 г вырос в 215 раз, а по сравнению с 1940 г. – в 4,5 раза». Хотя, судя по ситуации, господствовавшей тогда в индустрии области, вряд ли можно было поверить в реальность этих цифр. Безусловно, 215 – это внешне очень хороший результат, но он не содержит в себе ничего путного, ибо получен он в сравнении с однозначным числом 1,4. А если провести параллель с показателем 1913 г., получатся те самые жалкие 3,8. Обнародовать эту цифру сочли неудобным и категорически воспретили ее где-либо использовать, ибо она никак не вклинивалась в лживые официальные данные»¹.

Здесь уместно напомнить, что до большевистского переворота 1917 г. край весьма успешно развивался. Основой его индустрии были несколько десятков шелкомотальных, шелкокрутильных и шелкоткацких фабрик, раскиданных по карабахским селам и дававших работу нескольким тысячам работников, среди которых было много женщин. Существовали также винокурни, заводы по производству кирпича, черепицы, иных стройматериалов, лесопильни и цеха по деревообработке, маслобойни и сыроварни.

Карабахский шелк традиционно ценился в России и за рубежом, а продукция карабахских производителей неоднократно занимала призовые места на различных престижных

¹ Ш. Мкртчян. Нагорный Карабах. Анатомия совершенного Азербайджаном геноцида. Степанакерт. Азат Арцах, 2003. С. 148–149

ярмарках. Широко известен тот факт, что в конце 1890 гг. в ходе очередной Нижегородской ярмарки большая партия Гадрутского шелка была закуплена Францией; из этого шелка были пошиты занавеси для Елисейского Дворца в Париже.

Показателем заинтересованности правительства Российской империи в этом регионе Закавказья служит и тот факт, что в 1910 гг. в короткое время была построена и фактически введена в строй узкоколейная железная дорога Евлах–Шуша, отмеченная практически на всех картах 1920 гг. Она была проложена по весьма сложному предгорному рельефу, особенно на участке от нынешнего Степанакерта до предместий Шуши, где перепад высот составляет до 600 м на какие-то 6–7 км прямой дистанции. Дорога эта уже была реально построена к 1914 г., и по ней даже началось движение составов, но официально она еще не считалась вступившей в строй. Это ведь много позже Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль (БАМ) с помпой открыли, а потом «додельвали» на протяжении десятилетий, так что и до сих пор не доделали.

Прадед автора этой книги, уроженец Шуши Самсон Осипович (Овсепович) Мелик-Шахназарянц по окончании Шушинского реального училища без экзаменов поступил в Политехнический университет в Лозанне, где учился на инженера-конструктора железнодорожных сооружений. Тогда Швейцария по праву считалась мировым лидером в строительстве железных дорог в горных условиях и первой страной, построившей высокогорную разветвленную железнодорожную сеть. Потому и многие россияне проходили обучение в альпийской республике в преддверии реализации планов прокладки новых путей сообщения в горных регионах Российской империи.

Прадед участвовал в проектировании и строительстве узкоколейки Евлах–Шуша. Со слов моего деда, Зарз Самсоновича Мелик-Шахназарова, Самсон Осипович говорил, что в течение нескольких лет после сдачи участка Евлах–Шуша, с 1914 г. должно было начаться осуществление проекта строительства узкоколейки по маршруту Шуша–Горис. Сегодня это кажется фантастикой: настолько сложен этот гористый рельеф, со множеством подъемов и спусков, перевалов, перепадами высот и узкими проходами. Сегодня достаточно проехать по одной из лучших в Закавказье шоссейной автодороге Горис–Степанакерт протяженностью в 60 км, построенной в конце 1990–2000 гг., в основном на средства зарубежной армянской диаспоры, чтобы оценить всю смелость замысла начала XX в. Нет никаких сомнений в том, что в тех условиях проект был бы осуществлен. Помешала разразившаяся летом 1914 г. Первая мировая, а потом все потонуло в хаосе большевистского переворота, распада Империи и турецко-германского вторжения в Закавказье после развала Кавказского фронта и успешного ухода русской армии.

В годы турецкой интервенции, смуты и первой азербайджано-карабахской войны в 1918–1920 гг. Карабах пережил страшное время, а экономика края была практически полностью уничтожена. Страшным ударом стала и гибель столицы края города Шуши, где была сосредоточена практически вся деловая и культурная жизнь края. Этот город с населением почти в 45 тыс. человек, из которых свыше 53 % были армяне, а остальные – кавказские татары (ныне ставшие основой азербайджанцев), персы, курды и русские, по количеству населения уступал в Закавказье лишь Тифлису, Баку и Елизаветполю, опережая тогдашние Эривань (Ереван), Александрополь (Ленинканан, Гюмри в Армении), Карс, Батум, Кутаис, Шемаху, Нуху и прочие города и городки.

В ночь на 23 марта 1920 г. город, точнее его большая, верхняя армянская часть была подожжена, обстреляна из артиллерийских орудий и атакована силами туркомусаватистов (от «Мусавата» – националистической партии закавказских турок, правившей в так называемой Азербайджанской Демократической Республике, – буферном образовании, созданном на турецких штыках в 1918 г., в ходе турко-германской интервенции в Закавказье). Многие тысячи армянских жителей были убиты или заживо сгорели в своих домах, большинство населения покинуло пылающие развалины, отбиваясь от наступавших аскеров и татаро-курдских погромщиков.

В. Худадов в статье «Армяно-татарские отношения» пишет, что в сношенной армянской части Шуши «из 1700 армянских строений остались неразрушенными только 25»¹. В огне пожаров сгорели 5 церквей и монастырь, тысячи домов, десятки магазинов, театр, два кинотеатра, одна из первых в Закавказье больница, гимназия, школы и женское училище, великолепные здания Общественного собрания, почта, телеграф, вокзал, огромные торговые ряды, гостиница.

С тех пор Шуша окончательно утратила статус регионального центра.

Сразу после гибели Шуши последовали ожесточенные бои частей Национального совета Нагорного Карабаха с войсками туркомусаватистов, прорыв армянских войск через турко-курдские заслоны в Лачине и Кубатлах, частичное освобождение разоренного края от турко-мусаватистов, приход большевистской XI Красной Армии, турецкий мятеж Нури-Паши, советизация края, репрессии против местных армянских национальных руководителей и интеллигенции. Наконец, насильственное включение всего Нагорного Карабаха и прилегающих к нему районов в состав новообразованной Азербайджанской ССР, два года неопределенной ситуации, сопровождавшейся постоянными набегами со стороны «татарско-го» приграничья и вспышками антибольшевистских выступлений армянского населения.

В июле 1923 г., во исполнение 2-летней давности решения Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г. о предоставлении Нагорному Карабаху «широкой автономии» и под длительным и сильным нажимом на Баку со стороны Закавказского ЦИК на части территории Нагорного Карабаха была образована Автономная область Нагорного Карабаха (АОНК).

С этой «радужной» даты ЦК КП Азербайджана и лично товарищ Гейдар Алиев и предлагали в 1960–1980 гг. вести отсчет «славных достижений» НКАО в составе «интернациональной» Азербайджанской ССР.

Излишне говорить, что в 1923 г. не только промышленность, но и сельское хозяйство Нагорного Карабаха лежало в руинах; каждый пятый житель края погиб или умер от голода и болезней в ходе войны. АОНК лишилась своей столицы и практически единственного городского поселения – Шуши. Вся северная часть Нагорного Карабаха, – с сотней армянских сел и городков, чье население составляло более трети от общей численности армянского населения края, – которая традиционно более тяготела к Гандзаку – Елизаветполю, была искусственно отделена от остальной части НК и не вошла в состав автономии.

«В 1923 г. в Нагорном Карабахе из 42 дореволюционных предприятий действовали лишь два. Вместо произведенного в 1913 году шелка на 9,8 млн рублей было выпущено продукции на 320 тысяч рублей. Из 3750 рабочих дореволюционного Карабаха в 1923 г.

¹ «Современный Азербайджан», Новый Восток, 1926, № 3, С. 187

работой было обеспечено 93 человека. Фактически, в 1923 г. число рабочих в сравнении с 1913 г. сократилось в 40 раз, а объем продукции – в 30 раз», – пишет Ш. Мкртчян в своей уже цитированной выше книге¹.

Но вернемся к нашим бакинским пропагандистам успехов НКАО в «братской семье народов Азербайджана». И вновь обратимся к книге Шагана Мкртчяна.

«О темпах промышленного роста в НКАО в 1970–1980 гг. писалось, будто область достигла в промышленном плане самых высоких показателей в СССР. Однако тот, кто хоть раз побывал в Карабахе, поездил по его населенным пунктам, ознакомился с действовавшими промышленными предприятиями, поговорил с местными крестьянами, прекрасно понимал, что все это «благоденствие» носит сугубо пропагандистский характер.

Дело дошло до того, что кто-то написал, будто «в НКАО уже давно построили коммунизм». А в доказательство приводили раздутые до умопомрачения цифры. Так, если в упомянутом выше путеводителе «Нагорно-Карабахская автономная область» (Баку, 1970, стр. 11) говорится о промышленном росте в сравнении с 1923 г. в 215 раз, то спустя всего три года этот показатель разросся до 369 (см. «Достижения Нагорного Карабаха в 9-й пятилетке», на русск. яз., Степанакерт, 1976 г., с. 21). Прошло еще два года, и первый секретарь обкома партии Б. Кеворков устанавливает новый рекорд и доводит промышленный рост области до 565 раз (см. «В единой семье», Баку, 1978, с. 73).

Но и этого было мало. Опять же через два года газета «Бакинский рабочий» (4.05.1980 г.) сообщила своим читателям, что произошел прирост промышленности НКАО – ни больше, ни меньше – в 800 раз. Но и этот «рекорд» долго не удержался. Изданная в Баку в 1983 г. брошюра «Советский Нагорный Карабах» (с. 83) уже приводила цифру 912.

Спустя четыре года в органе ЦК КП Азербайджана газете «Коммунист» выходит в свет статья заместителя председателя исполкома областного Совета народных депутатов, председателя плановой комиссии В. Тоняна «В единой семье», в которой черным по белому написано: «Достаточно привести следующий красноречивый факт: «По сравнению с годом своего образования Нагорно-Карабахская автономная область зафиксировала рост объемов производства в 103,1 раза» («Коммунист», 29.09.1987 г., № 226). Ну, что тут скажешь. Даже эта цифра в 103,1 раза не внушает особого доверия, ибо сам Гейдар Алиев, перечисляя в своей речи в Степанакерте на областной партийной конференции «выдающиеся достижения НКАО», подчеркнул, что «в сравнении с 1923 г. объемы производства выросли в 215 раз» («Советский Карабах», 27 января 1971 г.).

...За этот период в области не было построено ни одного достойного внимания производственного предприятия, не были даже расширены и модернизированы старые. Число рабочих на этих предприятиях тоже выросло в очень незначительном количестве².

Таким образом, данные о благополучном развитии НКАО в составе АзССР просто-напросто брались «с потолка». Что вполне вписывалось в общую концепцию политики приписок и бахвальства. Интересны и некоторые частные манипуляции, которыми пользовались власти АзССР для удушения хозяйства области с одной стороны и пускания пыли в глаза с другой. Вновь обратимся к Шагану Мкртчяну.

¹Ш. Мкртчян. Указ. соч. С. 152

²Там же, с. 151

«На самом деле промышленность НКАО к 1983 г. выросла по сравнению с 1913 г. примерно в 11 раз... А если еще вычесть из этих 11 раз показатели многочисленных колхозов, которые в 1970 гг. были в одночасье трансформированы в совхозы, а произведенная ими сельскохозяйственная продукция механически включена в промышленные показатели, то ситуация станет еще более абсурдной, а цифры – более скромными. Сугубо промышленная продукция выросла по сравнению с 1913 г. всего лишь в 8,6 раза. А число рабочих (не считая вчерашних колхозников, работавших уже на совхозных полях) выросло всего вдвое.

...Таким образом, промышленность НКАО развивалась несравнимо медленными темпами, вследствие чего область покидали тысячи рабочих и потенциальных специалистов.

...В сравнении с СССР, АзССР и АрмССР промышленное развитие в НКАО отставало соответственно в 20,7, 8,3 и 26,6 раза¹.

К этому следует добавить, что в 1950–1970 гг. в НКАО и районах Северного Нагорного Карабаха были закрыты многие десятки небольших, но вполне рентабельных шелковых и иных фабрик, цехов по деревообработке, производству пиломатериалов, спичек, мела, черепицы, винно-водочных изделий, сыра. Это делалось под предлогом того, что они морально устарели в условиях современного социалистического производства.

Пострадали и некоторые вполне современные предприятия. Тот же Ш. Мкртчян в своей книге пишет, что в Степанакерте «был разрушен сооруженный в течение 8 лет комбинат по производству продуктов питания, а демонтированное оборудование было почему-то преподнесено в подарок Нахиджеванской АССР. Та же судьба постигла Степанакертскую ковроткацкую и кирпичную фабрики².

А часть громогласно разрекламированных в прессе и на партийных мероприятиях предприятий, якобы подлежащих строительству в НКАО, были на деле построены в соседних с автономной областью районах АзССР. Так, за счет выделенных области по линии капстроительства средств в начале 1970 гг. был построен инструментальный завод в соседнем Агдаме. А планировавшийся к строительству в Степанакерте авторемонтный завод сначала превратился, – естественно на газетной бумаге, – в «завод сельскохозяйственных машин», а потом и вовсе «перекочевал» в Кировабад.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО В ЗАГОНЕ

Вообще, все хозяйственные проблемы в Нагорном Карабахе решались исключительно с учетом тех политических целей, которые преследовало руководство АзССР. В итоге такой политики отраслевая и межотраслевая структура народного хозяйства НКАО, размещение производительных сил, экономическая нагрузка на единицу территории не соответствовали ни естественноэкономическим условиям, ни потенциалу края.

Так, например, основной отраслью экономики НКАО в период после Второй мировой войны стало виноградарство. По производству винограда только в государственном секторе

¹Ш. Мкртчян. Указ. соч. С. 152–153

²Там же, с. 155

в начале 1980 гг. НКАО занимала первое место в мире: на душу населения края приходилась практически тонна собранного винограда. Однако для производства готовой продукции использовалось лишь 20–22 % урожая; все остальное поставлялось в Азербайджанскую ССР в качестве сырья.

Имея благоприятные климатические возможности для овощеводства в своей низменной зоне, автономная область вполне могла бы обеспечивать свое население овощами и картофелем. Тем более, – об этом будет сказано ниже, – руководство АзССР в рамках «отеческой заботы» об НКАО будто бы вложило огромные средства в строительство водохранилищ и, тем самым, развитие поливного земледелия. Но самостоятельное обеспечение областью своего населения противоречило стратегии Баку, в соответствии с которой НКАО должна была во всем зависеть от АзССР. Не говоря уже о том, что овощеводство на поливных землях было способно обогатить как многие хозяйства области, так и их жителей, занятых в совхозах и колхозах в основном разведением определенных монокультур (виноград, табак) для выполнения поставок АзССР в общегосударственный фонд СССР.

Именно поэтому, при ежегодной потребности населения НКАО в 32 тыс. тонн овощей и 12 тыс. тонн картофеля фактически в НКАО в 1980-е годы в среднем производилось 7 тыс. тонн овощей и 2,4 тыс. тонн картофеля или менее четверти от потребности¹.

Между тем, имеющий аналогичные природно-климатические условия, расположенный к северу от НКАО, в центральной части Нагорного Карабаха, Шаумянский район с его 80 % армянского населения производил огромное количество картофеля, который поставлялся в республиканский фонд. В 1989 г., когда блокада Нагорного Карабаха со стороны Азербайджана приняла тотальный характер, картофель из Шаумяна приходилось доставлять в Степанакерт и районы НКАО колоннами грузовиков под охраной БТРов внутренних войск МВД СССР.

Практически все хозяйства НКАО не имели хранилищ, а имевшиеся на уровне области мощности межрайонной заготовительно-сбытовой базы были недостаточны. Не было в НКАО и элеваторов для хранения урожая зерна: все предписывалось вывозить в элеваторы и хранилища, расположенные за пределами автономии. А урожаем, оставленный в колхозах или совхозах на хранение, не засчитывался им в план. Так что осмелившихся поставить под сомнение «мудрую политику» Баку ждали суровые организационные и партийные меры наказания.

К тому же мощности области по переработке сельхозпродукции были крайне слабы, а в совхозах и колхозах их не было вовсе. Поэтому в сезон автомашины с быстро портящимися овощами сновали туда-сюда и порой возвращались за сотню километров в хозяйство, так и не сдав продукцию. Ежегодно лишь на этом сельское хозяйство области терпело значительные убытки.

А на рынках НКАО овощами и фруктами торговали в основном частные производители и перекупщики из соседних азербайджанских районов. Их уход с рынка вскоре после начала событий «в НКАО и вокруг нее» вкупе со вскоре начавшейся блокадой резко взвинтил цены на эту продукцию массового и каждодневного спроса.

¹«Советский Карабах», 11.02.1989 г.

Таким был весьма действенный метод сохранения за Баку контроля над продовольственной безопасностью НКАО, проявивший себя с самого начала блокады. Поэтому, кстати, в 1989 г. областной Агропром начал пересмотр структуры посевных площадей НКАО, отдавая приоритет не техническим культурам (которые, как уже отмечалось, ранее шли в республиканский фонд АзССР), а овощным культурам, картофелю и фруктовым садам, то есть нуждам населения автономии. Впрочем, это не могло изменить годами искусственно конструируемой извне экономической ситуации, тем более в условиях блокады и разного рода эксцессов.

...В июле 1965 г. в приемную Л. Брежнева поступило письмо на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Л. Брежнева, председателя Совета министров СССР Н. Косыгина, председателя Верховного Совета СССР А. Микояна. Письмо было подписано группой коммунистов – ответственных работников и представителей интеллигенции НКАО. В письме, в частности, говорилось:

«...Карабахская земля испокон веков считалась плодороднейшей. Карабахские садоводы и хлеборобы, овощеводы и животноводы, каменотесы и мебельщики считались искусными мастерами своего дела. Нагорный Карабах, являющийся продолжением Кафанских и Зангезурских гор, богат крупными залежами меди, молибдена, олова и др. драгоценными металлами, исландского шпата, а также десятками источников целебной минеральной воды. Почему они не используются?

Почему в Нагорном Карабахе, считающемся преимущественно сельскохозяйственной областью, за сорок пять лет советской власти не было проведено какого-нибудь водохозяйственного мероприятия?.. Почему в этой сельскохозяйственной области до сих пор не было построено ни одного крупного промышленного предприятия, обрабатывающего продукцию сельского хозяйства? Почему единственное предприятие такого рода – Степанакертский пищекомбинат, строительство которого затягивалось ровно 8 лет, по завершении строительства был закрыт, оборудование было демонтировано и передано соседним азербайджанским районам?..

Руководители Азербайджанской ССР на каждую просьбу трудящихся НКАО и областных организаций – о создании в области хозяйственных и культурных объектов – отвечают отказом... в их отношении к нашей области невозможно не заметить худшее: они делают все возможное для того чтобы расшатать экономику области, приостановить всякий культурный сдвиг... Какая же это часть Азербайджана, если сами руководители Азербайджана на Нагорный Карабах смотрят, как на край, населенный чужеземцами?»

Но и до, и после «оттепели» 1960-х гг. в автономной области совершенно не вводились трудоемкие и наукоемкие производственные мощности, несмотря на наличие значительных запасов и условий для развития горно-металлургической промышленности. Издревле было известно, что Нагорный Карабах богат рудами цветных и драгоценных металлов, в частности, меди и золота. Это подтвердили и результаты геологических исследований, проведенных в крае в советское время. Однако открытия месторождения не разрабатывались, а консервировались для будущих поколений населения края, которые, по замыслам азербайджанских руководителей, должны были быть отнюдь не армянскими.

Лишь через годы после окончания азербайджано-карабахской войны 1991–1994 гг., уже в начале XXI в. заработал золотомедный рудник и перерабатывающий комбинат близ села Дрмбон в Мардакертском районе. Кстати, он стал крупнейшим промышленным предприятием Нагорно-Карабахской Республики, давшим работу почти полутора тысячам горняков, инженеров и прочих специалистов.

Искусственно чинимые Баку препятствия в развитии новых наукоемких производств преследовали цель не только сохранить область как зависимую экономически, отсталую и аграрную зону, но и вызвать ускоренный отток населения с высоким образовательным и интеллектуальным уровнем. Ведь карабахские молодые кадры традиционно имели политехнический уклон и, не имея возможностей приложения сил на родине, выпускники многих высших учебных заведений были заведомо обречены на выезд из края в поисках работы и лучшей доли.

Между тем, в северных районах Нагорного Карабаха, которые не вошли в состав автономной области и руководство которых постепенно стало почти исключительно тюрко-азербайджанским, активно разрабатывались как старые, так и новые месторождения. Так, еще до революции добывалась медь на Кедабекских (от армянского – Гетабек) и Дашкесанских (арм. – Карат) рудниках. На месте последнего уже в послевоенные годы был построен комбинат по переработке медной руды, к которому была проведена отдельная железнодорожная ветка.

В Северном Нагорном Карабахе еще в 1930 гг. велась разработка серного колчедана на Чирагидзорских (арм. – Джрагедзор) рудниках; эксплуатировались Човдарские баритовые рудники, работал Заглинский квасцовый завод¹. Именно на основе заглинских апунитов впоследствии в Гяндже – Кировабаде – было построено крупное алюминиевое производство – Кировабадский алюминиевый завод. В Шаумянском районе разрабатывалось крупное месторождение гипса.

А в Нагорно-Карабахской автономной области среднегодовые темпы капитального строительства были почти в 2,5 раза ниже, чем в среднем по АзССР. При этом еще в 1950–1960 гг. в НКАО были обнаружены 9 месторождений исландского шпата, 5 – серного колчедана, 7 – асбеста, 13 – известняка, а также несколько богатых месторождений копала, ценных пород мрамора.

При наличии такого количества природных ресурсов свыше 90 % стройматериалов возилось в НКАО из Азербайджана, что ставило строительную отрасль армянской автономии практически в полную зависимость от капризов Баку. В вышеупомянутом выступлении первого секретаря нагорно-карабахского обкома Генриха Погосяна на заседании Президиума Верховного Совета ССР 18 июля 1988 г. также упоминалось, что НКАО не имела ни своего завода железобетонных изделий, ни домостроительного комбината.

К этому следует также добавить, что ряд крупных проектов, не только разрезамированных, но и на деле реализованных в НКАО, служили не столько Карабаху, сколько прилегающим районам АзССР, примеры чего будут приведены чуть ниже. При этом на бумаге на союзном уровне реализация таких проектов выдавалась за отеческую заботу Баку об армянской автономии в АзССР.

¹МСЭ. М. ОГИЗ РСФСР. Второе издание. 1933. Т. 1. С. 175

Капиталовложения на душу населения в НКАО значительно отставали от республиканских. Так, по официальным данным, обнаруженным в феврале 1989 г. Комитетом особого управления (КОУ) НКАО, государственные капиталовложения на душу населения составляли в 1987 г. по НКАО 207 рублей, в Нахичеванской АССР – 325, в Азербайджанской ССР – 423, в Армянской ССР – 455 рублей¹.

За период 1968–1979 гг. капиталовложения в НКАО остались почти на одном и том же уровне (24–26 млн рублей в год), тогда как в целом по АзССР, – как свидетельствовал изданный в 1980 г. в Баку сборник «Народное хозяйство Азербайджана за 60 лет», – за тот же период они выросли в два раза и достигли 1820 млн рублей.

Но даже при таком соотношении значительная часть капиталовложений в НКАО преследовала отнюдь не цель экономического развития области. Ибо около половины от вышеназванных капиталовложений в указанный период составили средства, направленные на строительство горного Сарсангского водохранилища, построенного в конце 1960 – начале 1970 гг. в Мардакертском районе НКАО. На протяжении десятка лет почти 10 млн рублей, ежегодно направляемых на строительство и оборудование водохранилища и его гидроузла, числились как капиталовложения в НКАО. Что же в результате получилось в реальности?

Водохранилище объемом в 660 млн кубометров воды в последующие годы орошало около 130 тыс. га земель. Из них на долю НКАО приходилось лишь 13 %, остальные располагались на территориях прилегающих к НКАО и населенных азербайджанцами равнинных районов: Агдамского, Мир-Баширского, Бардинского и ряда других. Через систему каналов вода подавалась в эти азербайджанские районы; самой же НКАО, ее низменной зоне, идеально пригодной для овощеводства и садоводства, доставалась лишь мизерная часть воды из построенного крупного водохранилища. Более того, некогда богатые хозяйства низменной зоны Мардакертского района НКАО – этой житницы всего Нагорного Карабаха – лишь пострадали после создания горного водохранилища и сети его каналов.

«Знаете ли вы, сколько у нас зарабатывают рабочие – жалкую сумму в 70–100 рублей... Между тем, в селе можно открыть филиал какого-либо промышленного предприятия для создания новых рабочих мест, наконец, решить вопрос поливной воды. Десять лет на поля и в сады не поступает ни капли воды из 6 наших больших и малых рек. Вся вода полностью уходит в Сарсангский канал. Не секрет, что именно нехватка воды стала причиной упадка некогда передового хозяйства», – говорилось в письме рабочего совхоза им. Ленина села Марага Мардакертского района НКАО В. Арутюняна в областную газету².

Аналогичная картина с поливным земледелием, вообще с мелиорацией наблюдалась в НКАО повсеместно.

«Помню, как контролеры из Агдамского района не разрешали поливать огороды, расположенные на правом и левом берегах Хаченагета. Им вода нужна была для полива своих хлопковых плантаций. Река находилась на территории Арачадзора, но влагой ее пользовался Агдамский район», – писал ветеран войны и труда Г. Шекян³.

¹«Комитет информирует», «Советский Карабах», 12.02.1989 г.

²«Советский Карабах», 09.05.1988

³«Советский Карабах», 26.12.1989

«Годами в районе не проводилось никакой мелиоративной работы, хотя он богат водными ресурсами, – говорил в интервью «Советскому Карабаху» партийный руководитель Гадрутского района НКАО Григор Багиян. – Реки Ишханагет, Тохагет, Ынкузагет мелеют лишь жарким летом, но в районе нет ни единого поливного гектара, поскольку руководство Азербайджана, проводившее дальновидную политику, не давало нам возможности пользоваться своими природными богатствами»¹.

На Сарсангском водохранилище были сооружены гидроузел и достаточно мощная гидроэлектростанция – СарсангГЭС. Однако до того в крае были ликвидированы несколько ранее построенных небольших и средних ГЭС, а также свернуты проекты по созданию новых гидроэлектростанций.

Одновременно, в ходе строительства Сарсангского водохранилища была полностью затоплена водой часть долины реки Тертер, где находилось несколько крупных сел. Вместе с ними остались под водой ряд успешно действовавших и перспективных предприятий, строительство которых велось еще в 1930–1940 гг.

Но и в этом случае не обошлось без шумной рекламы. При фиктивном вводе в эксплуатацию гидроузла присутствовал лично товарищ Гейдар Алиев. Вот как описывал происходившее житель села Атерк Гурген Нариманян в письме в газету «Советский Карабах»:

«Проходящую по плотине дорогу спешно заасфальтировали, ибо по ней должен был проехать «дорогой гость». На следующий день дорогу разрушили, так как на этом участке предстояло провести еще немало работ... Построили навес стоимостью 20 тыс. рублей, чтобы укрыть гостей от дождя... Тысячи рублей ушли на то, чтобы провести торжества «на уровне». Лозунги, транспаранты, виденные-перевиденные портреты, громкие речи о наших достижениях... После торжественной сдачи гидроузла в эксплуатацию строители еще целый год работали... для сдачи его в эксплуатацию»².

Между прочим, не следует думать, что подобного рода примеры были характерны лишь в отношении Нагорного Карабаха. Отнюдь нет, они и сегодня являются повседневной реальностью в Азербайджанской Республике в отношении районов проживания «неблагоприятных» национальностей, не являющихся азербайджанскими тюрками.

29 октября 2007 г. собкор дагестанского информагентства «Кабал» в Закатальском районе АР (населенного преимущественно аварцами) Шамиль Гьолодинский сообщил следующее: *«Жители Закатальского района с тревогой ждут наступления зимнего сезона, поскольку электроэнергия, которая и летом непостоянное удовольствие, зимой почти половину времени отсутствует. В трёх районах Закатальского округа, нет ни одной электростанции, а существующие сети и прочее оборудование подчинено Шекинскому району. Это – организация ООО «Шекинское региональное энергообеспечение». Она обслуживает территории Шекинского, Закатальского, Кахского, Белоканского и Варташенского (Огузского) районов (во всех этих районах, кроме Шекинского, преобладают аварцы и родственные им народности – прим автора). Необходимость строительства новой электростанции была очевидна, однако и её Баку начинает строить в Шекинском районе. Строительство Шекинской модульной электростанции, мощность которой составит около 90 МВт, уже начато.*

¹«Советский Карабах», 16.12.1989

²«Советский Карабах», 09.09.1988

Таким образом руководство Азербайджана стремится поставить Закатальский округ в полную (100 %) энергозависимость от остальной части Азербайджана, чтобы предупредить заявления об автономии («У вас электричества нет!» – будет ответ). Во-вторых, в случае любых действий местного населения, не понравившихся Баку, регион будет полностью обесточен»¹.

...Вследствие политики деструктуризации и удушения экономики края, тысячи людей лишились работы и вынужденно покинули родные места, подавшись со своими семьями в поисках работы в крупные промышленные города и на стройки – в Баку, Сумгаит, Мингечаур. Тем самым власти АзССР сразу убивали двух зайцев: во-первых, опустошались села армянского Карабаха; во-вторых, стройки и заводы городов АзССР получали новых строителей и рабочих. Оторвана от родных мест, часть этих людей впоследствии вовсе покидали пределы республики, оставшиеся оседали в промышленных городах, став в конце 1980 гг. жертвами организованных на государственном уровне погромов и депортаций.

Как следствие вынужденной миграции карабахцев за пределы края, кстати, и появился один из показателей, по которому НКАО реально превосходила средний уровень по АзССР. Речь шла о количестве квадратных метров жилья на душу населения. Однако на деле расшифровка такого «достижения» была очень проста: карабахские деревни в 1960–1970 гг. пустыли; молодежь и люди средних лет покидали край в поисках работы и жизни без национальной и социальной дискриминации. Во многих сельских домах от некогда больших семей оставались лишь пожилые родители или престарелые бабушки с дедушками, – отсюда и «избытки» квадратуры на душу населения. Наоборот, в областном центре Степанакерте люди десятилетиями безуспешно ждали своей очереди на жилье, теснясь в общежитиях, съемных комнатах и квартирах-«хрущевках».

ОВЦЫ В ЗАКОНЕ

Такие же показательные «успехи» переживало в годы колониального господства Азербайджана и карабахское сельское хозяйство. Традиционные на протяжении веков для Нагорного Карабаха формы и методы ведения хозяйства в 1940–1980 гг. были грубо попораны. Сверху спускались все новые указания, порой противоречащие друг другу, не говоря уже о здравом смысле. За стеной лозунгов о процветающем «передовом сельском хозяйстве социалистического Нагорного Карабаха в единой семье Азербайджана» скрывался глубокий системный кризис агропромышленного комплекса края.

Монокультуры, навязанные Баку карабахским крестьянам, разорвали некогда кормившие край перспективные хозяйства, нацелив их на решение задач, не только не способствовавших развитию сельского хозяйства, но и прямо подрывавших не только его, но и весь уклад жизни местного населения.

Речь, прежде всего, идет о давно ставшем традиционным в этом регионе противоречии между оседлым, преимущественно земледельческим укладом, свойственным коренным жителям региона – в данном случае армянам, и полукочевым скотоводством – занятием

¹http://www.khabal.info/?l=rus&act=inf_view&id=17363069460%55972%5532307

вчерашних кочевников-тюрок, относительно недавно осевших на прилегающих к Карабаху равнинах и в степных зонах.

«Кочевничество, кочевое скотоводство на Кавказе было присуще только пришлому населению», – справедливо отмечал исследователь В. М. Шамиладзе в своей работе «О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа»¹.

«Татарин-кочевник прежде всего искал зимних пастбищ, где жизнь по местным физико-географическим условиям совершенно становилась невозможной из-за летних жар и малярии в течение четырех-пяти месяцев в году, и летних пастбищ, расположенных в полосе альпийских лугов, где жизнь совершенно замирала зимой»².

«Однако условия скотоводства на прикаспийских степях, не обеспечивающих скот достаточным кормом в летние засушливые месяцы, все повелительнее толкали скотоводческое тюркоязычное население низменности на укрепление своих позиций на путях, ведущих к тучным альпийским пастбищам Карабахского вулканического плоскогорья, простиравшегося за Карабахским хребтом до террас, спускающихся к Горису», –

писал исследователь Степан Лисициан в этнографическом очерке «Армяне Нагорного Карабаха»³. Эта работа была написана им в середине 1920 гг., но в силу понятных обстоятельств положена «на полку» в Институте истории АН Азербайджана и увидела свет лишь в 1992 г. в Ереване.

Малая Советская энциклопедия первого издания гласила: «Сельское хозяйство Аз. республики имеет скотоводческий уклон: так, здесь на 100 сельских жителей приходится 277 голов скота, при 223 – по РСФСР и 195 – по СССР. Это значение скотоводства, сохраняющего в значительной степени кочевой характер, определяется обилием горных лугов, дающих корм скоту летом, и наличием не орошенных сухих степей, служащих зимним пастбищем для скота...»⁴.

В 1926 г. в АзССР было 2,65 млн голов овец и коз⁵; а к концу второго пятилетия, т.е. к 1937–1938 гг. их поголовье должно было достичь, по данным той же МСЭ 3,6 млн голов⁶.

Между тем, практически все летние, т.е. горные и высокогорные пастбища – зйлаги – в АзССР находились за пределами обитания кавказских татар, в 1920 гг. именовавшихся азербайджанскими тюрками, а еще позже названных азербайджанцами. Равно как и большинство доставшихся АзССР горных лесных зон, летние пастбища находились в горах и предгорьях Малого Кавказа (т.е. Нагорного Карабаха), Большого Кавказа и в Ленкорани. В первой из зон преобладали армяне, во второй – горские народы Кавказа (лезгины, аварцы, цахуры, удины) и ираноязычные таты, в третьей – ираноязычные талыши.

Тем самым, формы скотоводства живших на равнинах азербайджанских тюрок вступали в противоречие с укладом жизни подавляющего большинства населения указанных регионов. Исключение составлял лишь зажатый между автономной областью Нагорного

¹ «Советская этнография», 1982 г., № 3. С. 71

² В. Худатов, «Современный Азербайджан», «Новый Восток», 1926, № 3. С. 177

³ С. Лисициан. Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. Изд. АН Армении. Ереван. 1992. С. 41

⁴ МСЭ. Москва. ОГИЗ РСФСР. Т. 1. 1932. С. 149

⁵ Там же

⁶ МСЭ. Второе издание. Москва. ОГИЗ РСФСР. Т. 1. 1933. С. 170

Карабаха и ССР Армении «Красный Курдистан» (Лачинский и Кельбаджарский районы бывшей АзССР). Некогда населенный армянами, «выдавленными» из него набегами лезгин и переселенными извне племенами курдов, уже ко времени вхождения в состав России этот регион был населен преимущественно недавно начавшими переходить к оседлому образу жизни курдами, основным занятием которых также являлось полукочевое овцеводство.

В 1936 г., после распада Закавказской Федерации и усиления местных республиканских властей, кавказских татар или тюрок в АзССР окончательно объявили «азербайджанцами». Тем самым нетюрское большинство населения указанных горных регионов АзССР в одночасье стало считаться «ненкоренным» на своей же родине! Сами же эти регионы еще до того стали объектом экономической колониальной экспансии со стороны национального тюркского руководства формально интернациональной Азербайджанской ССР.

Нагорному Карабаху в грубой директивной форме десятилетиями навязывалось ускоренное расширение овцеводства, а традиционные виды деятельности, такие, как разведение крупного рогатого скота, коз, свиноводство, пчеловодство, садоводство и овощеводство, отодвигались на второй план или просто низводились.

Вновь обратимся к работе Ш. Мкртчяна:

«Пастбищ области (28,471 га) и складированных хозяйствами кормовых запасов едва хватало на содержание 100 тыс. голов скота. Даже в 1930 гг., когда поголовье скота в области достигло 104,7 тыс., из коих 50,7 тыс. крупного и 39,4 тыс. мелкого рогатого скота¹, руководители хозяйств, специалисты по сельскому хозяйству, партийные и государственные работники не раз жаловались на неудовлетворительное состояние пастбищ.

Между тем, сразу после упразднения Закавказской Федерации азербайджанские власти в обход справедливых протестов карабахцев разом повысили план по поголовью скота в 4,5 раза, в том числе овец. При этом кормовая база оставалась такой же, что и в начале 1930 гг.

Вместе с тем было сокращено поголовье овец в ряде азербайджанонаселенных районов, а в некоторых районах вообще прекратили заниматься овцеводством, хотя там эта отрасль считалась традиционной и прибыльной»².

К 1938 г., как следует из других источников, поголовье овец и коз в НКАО уже превысило поголовье крупного рогатого скота и составило 124,8 тыс. голов.

Далее Ш. Мкртчян приводит следующие данные: «В 1975 г. в АзССР по сравнению с 1934 г. поголовье мелкого рогатого скота выросло вдвое, при том, что в республике было 2 056 233 га пастбищ. В Нахиджеванской автономной области при наличии 102,971 га пастбищ поголовье овец с 158 556 сократилось на 20,2 тыс. голов, а в НКАО при наличии 28,471 га пастбищ (из коих лишь 1300 га были зимними) планировалось содержать 270 000 голов. Таким образом, если в среднем по АзССР на каждый гектар пастбищ приходилось по 1,7 овцы, в Нахичеванской АССР – 1, а в НКАО – более 10»³.

¹ Малая Советская энциклопедия второго издания (Москва. ОГИЗ РСФСР. Т. 7. 1938. С. 240) называет цифры в 82,6 тыс. голов крупного и 63,1 тыс. мелкого рогатого скота в НКАО на 1935 г.

² Ш. Мкртчян. Указ. соч. С. 168–169

³ Там же, стр. 168–169

Дискриминационными были и планы по шерсти. Так, например, «согласно постановлению № 170 ЦК КП Азербайджана и Правительства АзССР от 17 апреля 1969 г., для НКАО было запланировано заготовок шерсти 2,2 кг с каждой овцы, а для НахАССР – 1,5 кг. Дополнительные обязательства по заготовке шерсти составили соответственно 116,6 и 38 т»¹.

В северных районах Нагорного Карабаха, отторгнутых от него в 1923 г., дело обстоит еще хуже. Ибо многочисленные армянские села отдельными хозяйствами входили в состав районов с исключительно азербайджанской по национальному составу партийно-хозяйственной верхушкой.

Фактически, Нагорный Карабах в годы советской власти стал колониальным пастбищем-выпасом овец, объектом грабительского потребления традиционной скотоводческой культуры еще недавно полукочевых кавказских татар.

И это было не просто хозяйственное, но и политическое ярмо. Не случайно, именно вопросом «экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном» обосновывали в 1919–1920 гг. правители АДР, а в 1921 г. большевики и местные тюркские националисты необходимость инкорпорации Нагорного Карабаха в состав новосозданного Азербайджана.

Любопытно, что тема «неразрывной связи» равнинного и Нагорного Карабаха с точки зрения интересов овцеводства всплывала и в советской прессе, уже в ходе пресловутых «событий в НКАО и вокруг нее». К третьей годовщине февральской 1988 г. сессии Облсовета НКАО, в приложении к газете «Известия» – еженедельнике «Союз» – была опубликована уже упоминавшаяся в предыдущей главе статья кандидата технических наук Александра Скибицкого «Карабахский кризис: чтобы выйти из тупика, нужно знать прошлое».

Этот материал, полный искажений исторических фактов и подтасовок, одновременно претендовал на «анализ карабахского кризиса». Автор пытался объяснить и оправдать нахождение Нагорного Карабаха в составе советского Азербайджана все тем же пастбищным вопросом, ссылаясь при этом на своего отца, посвятившего «пять лет своей работы исследованию пастбищного хозяйства Нагорного Карабаха». При этом мимоходом он весьма неуклюже отрицал и общеизвестные аспекты передачи Нагорного Карабаха АзССР волонтеристским решением Кавбюро ЦК РКП(б): «Ни о каком «давлении националистически настроенных лиц», а тем более вмешательстве Сталина в разрешение карабахского вопроса от отца я не слышал»².

А. Скибицкий, в частности, писал:

«Карабах в целом, в его нагорной и низменной частях, выступает как область развитого скотоводства, ежегодно выкочевывавшего со степей Восточного (т. е. низменной – прим. автора) Карабаха на летние пастбища (эйлагги), расположенного на западе области Карабахского нагорья и соответственно дважды в год пересекавшего на путях кочевья территорию сегодняшней Автономной области, отделявшей эйлагги Карабахского нагорья от мест оседлости использовавшего их азербайджанского скотоводческого населения (численностью около 100 тыс. чел.). Как видим, в годы ее образования – в годы развитого кочевого и полукочевого скотоводства – Автономная область Нагорного Карабаха была также и областью скотоводческого транзита,

¹Малая Советская энциклопедия второго издания (Москва. ОГИЗ РСФСР. Т.7. 1938. С. 240) называет цифры в 82,6 тыс. голов крупного и 63,1 тыс. мелкого рогатого скота в НКАО на 1935 г. 169–170

²«Союз», № 7, 13–20.02, 1991 г. С. 12–13

причем, согласно статистическим данным, площадь использовавшихся азербайджанцами в Карабахском нагорье летних пастбищ составляла около 50 % всего эйлагжного фонда Азербайджана. Причем именно из города Шуши как из центра осуществлялось обслуживание в границах АзССР пастбищного хозяйства и кочевочных дорог Карабаха. А города Шуша и Тертер являлись центрами сбыта молочной продукции и шерсти для азербайджанцев – пользователей эйлагами нагорья».

Как говорится, не в бровь, а в глаз. Приведенный пассаж цинично, но прямо разъярял: Нагорный Карабах с его 250-тысячным армянским населением и самобытным экономическим укладом был принесен большевиками-интернационалистами в жертву сиюминутным интересам 100 тыс. полукочевого населения степей Куро-Араксинского междуречья. О временности и призрачности подобных «тесных экономических связей», на деле представлявших собой не что иное, как хищническую колониальную эксплуатацию полукочевого скотоводческим населением ареала проживания оседлых земледельцев, свидетельствует и следующая, явно неслучайная ремарка А. Скибицкого, завершающая вышеприведенный пассаж: «Таким образом, хозяйственное единство Автономной области Нагорного Карабаха с АзССР в целом в 1920 гг. было достаточно ощутимым и бесспорным»¹. «В целом... в 1920-е гг. достаточно ощутимым». Словом, «если кто-то кое-где у нас порой»...

Тем самым «передовая власть рабочих и крестьян» сыграла на поле давних феодальных противоречий между интересами оседлого и кочевого населения, в сиюминутных интересах подыграв одной из спорящих сторон.

Точно так же за сто лет до того поступили имперские царские власти, наделив третьего и последнего карабахского хана – тюрка – правом распоряжаться землями, которого у этих персидских администраторов ранее никогда не было. Результат этого был таков: «Татары как бывшие победители заняли лучшие места: им принадлежат почти все исключительно поливные земли в обоих уездах (Шушинском и Джебраильском – прим. автора). Хлебопашество у кочевников появилось недавно и составляет второстепенную отрасль хозяйства; оно трудно прививается к кочевникам и ведется ими крайне неудовлетворительно...»².

Вернемся, впрочем, как говорят французы, к нашим баранам. В подтверждение всего вышесказанного относительно искусственно навязанного Нагорному Карабаху овцеводства приведем мнения непосредственно причастных к аграрному комплексу края людей. Вот некоторые выдержки из материалов, опубликованных в областной газете «Советский Карабах» в первые годы карабахского кризиса.

«Исходя из создавшейся ситуации, руководство области в 1960-х годах подняло перед руководством республики вопрос о сокращении поголовья овец за счет увеличения поголовья свиней. Вначале с таким предложением согласились, но затем решительно отказали. Думается, причина и цели ясны. В застойные годы положение колхозов и совхозов еще более усугубилось»³.

¹«Союз», № 7, 13–20.02, 1991 г. С. 12–13

²А. Деконский, Экономический быт гос. крестьян Шушинского и Джебраильского уездов Елисаветпольской губернии //Материалы для исследования экономического быта государственных крестьян Занавказского края. Том IV, ч. I. Тифлис. 1886 г. С. 233

³«Сельское хозяйство Арцаха и пути его развития», «Советский Карабах», 03.01.1990 г.

Размик Балаян, председатель правления колхоза им. К. Маркса Мартунинского района: «В коконоводстве мы тратим 12 рублей, чтобы получить четыре, ежегодно от овцеводства несем убытки в 20–50 тыс. рублей... Теперь подсчитаем, сколько можно выиграть, вложим мы предназначенные для 3500 голов овец средства в скотоводство, свиноводство. Ежегодно против 380–400 т получали бы 800–1000 т мяса»¹.

Кстати, упоминаемое здесь и далее как убыточное коконоводство дает повод вспомнить и о том, что крупнейшее в области промышленное предприятие – Карабахский шелковый комбинат не имел своего красильного цеха, а значит и права выпуска готовой продукции. Маркировка конечной продукции принадлежала «смежникам» из азербайджанского города Шеки, которые десятилетиями и получали за карабахцев премии...

«Хозяйство овцеводством занимается вот уже на протяжении десятков лет и все это время несет убытки... Нынешнее и прежнее руководство колхоза в свое время обращались в соответствующие инстанции, доказывали, что хозяйство не располагает возможностями для развития отрасли, но все было напрасно... Шерсть, конечно, ценное сырье, но если она дается с такими потерями, то при современных формах хозяйствования отрасль невольно окажется в тупике.

В этом году в связи с обстановкой, сложившейся в области, овцеводы хозяйства отказались поднять стадо на летние пастбища (речь идет о горных пастбищах, расположенных между НКАО и Армянской ССР Лачинского и Кельбаджарского районов АзССР. По распоряжению Баку и местного руководства курдо-азербайджанское население этих районов проявляло открытую враждебность к армянам НКАО после февраля 1988-го – прим. автора). Отметим заодно, что колхоз не имеет своих летних пастбищ. Они всегда приобретаются, так сказать, по договору о «взаимопомощи». Выделенный участок абсолютной не при оден для организации летнего содержания стада... Зимние же пастбища находятся в ста километрах от села, а, следовательно, сильно затруднена доставка фуража для стада, сложно поддерживать и каждодневную связь с чабанами. Кроме того, у нас нет своих местных чабанов, мы приглашаем их из других районов»².

К последней реплике насчет «приглашения чабанов из других районов» мы еще вернемся.

«Простой подсчет показывает, что в личных и государственных хозяйствах вместо 10 овец целесообразнее содержать одну корову (заметим, что коровы в отличие от овец срывают траву языком и даже при желании не смогут выкорчевать ее)... Есть страны, где овцеводство развивается на высоком уровне. Однако в этих странах существуют законы, согласно которым стадо не разрешается выгонять на пастбища, где высота травы ниже 12–15 см. Помимо этого, у них существуют заграждения, принята посменность в пастбе, в то время как наши общественные и личные стада круглый год пасутся на одних и тех же полях, на одних и тех же горных склонах... Карабахской земле бесплодие еще не угрожает. Однако не сомневаюсь, что рано или поздно ее постигнет та же участь, если своевременно не сократить поголовье скота»³.

¹«Советский Карабах», 20.05.1988 г.

²«Как помочь ханабадцам?», Ким Габриелян, «Советский Карабах», 13.08.1988 г.

³«Растительность – щит земли», Арам Ованесян, «Советский Карабах», 01.09.1988 г.

«Неоднократно поднимался вопрос о том, что летних и зимних пастбищ в районе недостаточно... но наши требования оставались без внимания. За счет приобретения кормов на стороне (к тому же по недоступным ценам) нельзя добиться желаемых результатов... В последние годы по указанию Минсельхоза республики на указанных участках сокращено почти 1200 гектаров пастбищ, которые предоставлены рыболовецкому хозяйству Сарусу Имшилинского района. Хозяйства несут из-за этого немалые убытки. Только для закупки соломы на стороне на каждый килограмм расходуется 15–20 копеек. Добавим к этому, что корма доставляются на зимние пастбища за 200 км... Годами не решается проблема обеспечения стада водой. В 1980 г. были проложены трубы, вода пришла на пастбища, но по чьей-то указке не достигла конечного пункта. В Сабирбадском районе направление воды без всяких объяснений изменили. В результате приходится воду цистернами доставлять на пастбища... Почему бы овцеводством не заниматься тем хозяйствам, которые располагают соответствующими пастбищами?»¹

«Для сельского хозяйства района (речь шла о Гадрутском районе НКАО – прим. автора) убыточны коконоводство и овцеводство. У нас 28 тыс. голов овец, однако наши пастбища в состоянии прокормить лишь 18 тыс. Между тем, если подойти к делу с современных позиций ведения производства, то не должно быть и этого. Взамен мы можем поголовье свиней с 8 тыс. довести до 12 тыс., а крупного рогатого скота с 7500 до 10 000»².

Приведенные пассажи взяты из материалов, опубликованных в областной газете НКАО за весьма небольшой период времени. Думается, их вполне достаточно, чтобы даже не специалист понял, сколь простые и одновременно изощренные методы применяло на протяжении десятилетий руководство АзССР для медленного, но верного удушения сельского хозяйства края.

Насильно навязывая овцеводство в качестве ведущей отрасли не только скотоводства, но и в целом аграрного комплекса Нагорного Карабаха, руководители АзССР добивались сразу нескольких целей.

Во-первых, вследствие очевидных убытков и необходимости преодоления искусственно создаваемых хозяйствам трудностей ослаблялись и разорялись хозяйства армянских колхозов и совхозов, а значит, и сами села, что способствовало исходу карабахских армян за пределы края.

«Так, если до 1956 г. на овцеводческих фермах области работали местные жители, получавшие от 100 овцематок 85–115 ягнят, изготовлявшие большое количество высококачественного сыра, то в последние десятилетия пришедшие со стороны азербайджанские чабаны получали от 100 овцематок вдвое меньше – 40–50 ягнят. Колхозы перестали производить сыр», – писала областная газета НКАО в статье, посвященной проблемам сельского хозяйства края³.

Во-вторых, овцеводство, будучи традиционным занятием азербайджанских тюрко-мусульман, способствовало притоку в села области переселенцев-азербайджанцев из

¹«Овцеводство... без пастбищ», Рубен Арутюнян, Советский Карабах», 06.09.1988 г.

²«Советский Карабах», 18.09.1988 г.

³«Сельское хозяйство Арцаха и пути его развития», «Советский Карабах», 03.01.1990 г.

низменных районов АзССР, где располагались зимние пастбища, и из населенного курдскими и азербайджанцами Лачино-Кельбаджарского региона, где располагались летние пастбища (эйлаги). Не случайна ранее приведенная реплика заведующего фермой армянского села: «Кроме того, у нас нет своих местных чабанов, мы приглашаем их из других районов».

Навязывание армянским хозяйствам нетрадиционного для них и не выгодного экономически овцеводства одним из главных следствий имело также добровольно-принудительное приглашение чабанов-азербайджанцев. Последние, с вынужденного разрешения местных колхозно-совхозных руководителей, занимали пустующие дома, привозили свои семьи, затем – родственников и односельчан. В короткий промежуток времени многие села становились «интернациональными»; со временем по мере усиления на бумаге «отеческой заботы о социально-экономическом развитии НКАО» и выдвигания из края аборигенов-армян они превращались в преобладающе, а затем и полностью в азербайджанские.

Излишне говорить, что редкие протесты сельских руководителей-армян безжалостно подавлялись по республиканской административно-партийной линии как вредительские и даже (о, ужас!) националистические.

В-третьих, практически постоянное нахождение формально колхозно-совхозных стад вдали от центральных усадеб армянских хозяйств наравне с широким использованием в навязанном республиканском центре овцеводстве чабанов и сторожей из числа неместных жителей позволяло фактически содержать за счет средств армянских колхозов и совхозов «теневые» стада. «...Пришельцы держали на колхозных фермах собственные 50–100 голов овец, большое количество крупного рогатого скота. По этой причине животноводческие фермы стали нерентабельными».

Многочисленные чабаны-азербайджанцы, прибывшие из окружающих Нагорный Карабах районов, пасли под видом колхозных не только личных овец, но и многочисленные «левые» стада – отары азербайджанских «беев». Первых секретарей райкомов, председателей райисполкомов, районных прокуроров и милицейских начальников, председателей многочисленных комиссий, комитетов, отделов и иных расплодившихся районных партийных и советских учреждений.

Наконец, как уже отмечалось выше, многие азербайджанские хозяйства равнинных районов освобождались от тяжелой работы по содержанию и многократным перегонам отар скота туда и обратно, на летние и зимние пастбища. Что позволяло районным руководителям «перенацеливать» хозяйства на более прибыльные и менее трудоемкие (в том числе и за счет приписок) виды деятельности и иные сельскохозяйственные культуры.

ДИСПРОПОРЦИИ БЫТИЯ И ЗАБЫТЫЕ ДОРОГИ

В одном из «бородатых» анекдотов застойных времен речь шла о споре в зоопарке двух пьяных субъектов. Нешуточные разногласия между ними возникли при определении длины крокодила. Дескать, как мерить: от головы до хвоста или в обратном направлении? Эта же история была адаптирована для детей в одной из серий чудесного мультфильма «38 попугаев».

Между тем, в сфере экономических отношений между Баку и Нагорным Карабахом подобного рода консенсы были обычной практикой.

«Обеспечение населения публичными библиотеками, книгами, клубами в отношении к нормативным показателям составляло 27–29 %... И в то же время план на подписку на газеты и журналы в расчете на душу населения в 6 раз превышал союзные и в 22 раза – азербайджанские показатели.... План по бытовому обслуживанию в расчете на душу населения составлял 17 рублей в год, а в азербайджанских районах – 3,7 рублей»¹.

Эти и многочисленные подобные факты были скрыты за пеленой здравниц и дутых отчетов об успехах. Но в 1988 г. факты, гласное обсуждение которых в СМИ и на разного рода собраниях ранее было под запретом, стали достоянием общественности, в том числе и союзной, во многом благодаря тем же газетам НКАО и АрмССР.

Например, в статье Г. Нариманяна «Проблемы остаются» в газете «Советский Карабах» приводился следующий пример спущенного сверху и весьма своеобразного планирования. «Задание на 1987 г. Атеркское потреббщество выполнило лишь на 94,8 %. А в 1988 году, вместо того чтобы выяснить причины отставания и предпринять соответствующие меры, сверху им увеличили план еще на 341 тыс. рублей. За минувшие восемь месяцев потреббщество продало товаров на 1 млн 889 тыс. рублей вместо предусмотренных 4 млн 292 тысячи... Мы обслуживаем 9700 человек. В соответствии с действующим законом планирование производится по количеству населения и проценту полученного дохода. Однако этот порядок не применяется к нам. На многочисленные жалобы неизменно слышали один и тот же ответ: так запланировал «Азериттифаг» («Азпотребсоюз» – *прим. автора*)².

Аналогичная ситуация была в целом по области. Вот что сообщил директор другого комбината бытового обслуживания – Арачадзорского, того же района НКАО, – А. Саркисян корреспонденту областной газеты Ваграму Атанесяну: «Мы обслуживаем едва 6 тысяч жителей, а годовой план бытовых услуг составляет 300 тысяч рублей, т.е. на душу населения приходится 50 рублей. Такого показателя по всему Союзу не сыскать. А в соседних азербайджанских районах этот показатель составляет едва 4–5 рублей, то есть в 10 раз меньше. Баку считает: я хозяин – как хочу, так и верчу. Сколько раз мы жаловались, но ничего не изменилось. Знаете, они прекрасно понимают, что это нереальный план, но гнут свое. Что мы могли сделать?»³

При этом финансирование самих комбинатов было ущербным; располагались они преимущественно в старых зданиях, совершенно не отвечавших «планов громадьё». «Более 40 лет (с 1946 г.) я работаю на комбинате и должен сказать, что за столь долгий период очень мало перемен в лучшую сторону произошло на нашем предприятии. Состояние административного здания комбината, например, может вогнать в краску кого угодно, – писал в областную газету зав. кузнечным цехом Гадрутского комбината бытового обслуживания М. Айриян. – Мы, жестянщики, к примеру, работаем в строении (если это можно, конечно, назвать строением), которое представляет самую настоящую развалину. В таком же состоянии многие другие объекты комбината...

¹Ш. Мкртчян. Указ. соч. С. 165

²«Советский Карабах», 06.10.1988 г.

³«Советский Карабах», 28.12.1989 г.

Печально, что эти трудные условия создаются искусственно, они – результат безразличия, а вовсе не носят, как пытаются представить нам, естественный характер. Неудовлетворительно и снабжение комбината»¹.

Не удивительно, что при всем этом, как правило, существенно отличались и заработные платы, и оплата отдельных работ в НКАО и соседних с ней районах АзССР.

В интервью газете «Социалистическая индустрия» в апреле 1989 г. председатель Комитета особого управления НКАО Аркадий Вольский приводил следующие данные.

«Не лучше обстоят дела с потреблением населением современных промышленных товаров, продуктов питания – оно гораздо ниже, чем по республике и по стране в целом. Можно было привести много конкретных цифр, остановимся на главных. Если взять государственную продажу (без комиссионной, колхозной и частной торговли) мяса и птицы, то в 1987 г. приходилось всего по 7,6 кг на душу населения, колбасных изделий – по 1,2 кг, а это ниже всякого минимального предела, сыра – по 2,6 кг, мясных консервов – по одной банке на душу (!), яиц – всего по 29 штук в год! Я не хотел бы нагнетать обстановку, но сравните все это со средними показателями по стране.

Самое страшное, что НКАО практически вообще не развивалась в течение многих лет. Нет оптовых торговых баз, хранилищ, холодильников, складские помещения составляют одну десятую от потребности. Товарооборот находится на самом низком уровне, который можно только себе представить!»²

В другом своем интервью Аркадий Вольский откровенно признался: «В повздохх по стране я нигде не сталкивался с такой запущенностью, пренебрежением к судьбам людей, как в Нагорном Карабахе»³.

Диспропорции выражались и во многих других вопросах, в частности в вопросах землеотвода и размещения производственных инфраструктур. Как это было, например, в ходе учреждения республиканской научно-экспериментальной базы (НЭБ) Института генетики и селекции АН АзССР.

«Никого, казалось, не интересует, почему республиканская научно-экспериментальная база была учреждена именно здесь, в Ленинаване. Без учета мнения руководства области и Мардакертского района, а также интересов экономики края 1800 га поливных земель, которые принадлежали ликвидированному научному совхозу, отдали в распоряжение НЭБ.

Неужели на всей территории республики не нашлось более удобного места? – писал в статье в областной газете пенсионер Сурен Аванесян, бывший научный сотрудник той самой научно-экспериментальной базы. – Урон, нанесенный ею, дает о себе знать по сей день во многих отраслях экономики области. Известно, как нуждается область в поливных землях. Выделяя в основном их под виноградники и другие культуры, колхозы и совхозы фактически лишились необходимой базы для развития овощеводства. А земли в Ленинаване могли бы стать прочной базой для развития отрасли, удовлетворить потребности населения области»⁴.

¹«Советский Карабах», 05.08.1988 г.

²«Район особого управления», «Социалистическая индустрия», 30.04.1989 г.

³«Мир земле Карабаха», «Правда», 15.01.1989 г.

⁴«Советский Карабах», 21.08.1988 г.

Как следовало из той же статьи, пресловутая база не только отняла у преимущественно горной области 1800 га пригодной для овощеводства земли в небольшой ее равнинной зоне. Многолетний директор НЭБ в прошлом – один из секретарей ЦК КП Азербайджана И. Мустафав, окруживший себя родственниками, к тому же фактически перекрыл доступ в науку работникам областного агрокомплеса.

За 38 лет существования НЭБ научные опыты там ставили более 200 работников, получивших ученые степени, из них местными кадрами были... лишь четверо! Уже после февраля 1988 г. станция стала объектом скандальной истории, связанной с ее директором А. Шейхзамановым, чья деятельность, по свидетельству С. Аванесяна, «была не столько связана с наукой, сколько с куплей-продажей».

В отклике на статью С. Аванесяна, опубликованном в областной газете полтора месяца спустя за подписями трех специалистов Агпропрома, эта тема развивалась далее.

«Хозяйство должно служить примером для находящихся в зоне колхозов и совхозов в культурном ведении земледелия и животноводства», – читаем в четвертом пункте Устава подсобного хозяйства.

Анализируя (по статистическим данным) деятельность хозяйства в 1979–1987 гг., приходим к выводу, что планирование производства здесь осуществлялось стихийно. Иначе чем объяснить тот факт, что площади, занятые под основными культурами (озимыми), колебались в течение девяти лет между 458 и 704 га. За тот же период средняя урожайность озимых составила 22,4 ц. Урожайность зеленой массы кукурузы на силос колебалась в пределах 34–113 ц, овощей – 48–193, винограда – 18–66 ц. Цифры эти, несомненно, ниже средних показателей по Мардакертскому району. На фоне же передовых хозяйств района показатели подсобного хозяйства выглядят просто жалкими. Необходимо отметить, что зерноводство в указанных хозяйствах – отрасль второстепенная, а в подсобном хозяйстве – ведущая. Если учесть, что на орошаемых землях 40 ц урожая с гектара озимых считается минимальным показателем, то можно сказать, что только за последние девять лет подсобное хозяйство произвело зерна на 1100–1200 т меньше. Подобные примеры можно привести и по остальным культурам.

...Подсобное хозяйство, находясь в привилегированном положении (в подчинении республиканского института, вне контроля областных и районных организаций), самостоятельно решает вопросы продажи государству сельскохозяйственной продукции. Так, в 1983–1988 гг. государству сдано соответственно 12, 13, 9,9 и 8,8 ц шерсти, настриг от каждой овцы составил чуть более 0,5 кг. В 1985 г. государству продано 56 ц мяса, в 1987 – 104 ц. Молока же не сдавалось государству совсем, хотя за год его производилось 36–66 т. Как видите, нет ни одного показателя, который мог бы подтвердить участие базы в развитии сельского хозяйства области... По непонятным причинам объем производства всех видов продукции в 1979–1984 гг. был выше, чем в последующие годы»¹.

Здесь уместно будет напомнить, что еще в 1969 г. постановлением ЦК КП Азербайджана и Правительства АзССР для НКАО было запланировано заготовок шерсти 2,2 кг с каждой овцы. А «передовое» подсобное хозяйство научно-экспериментальной

¹«Исходя из интересов сельского хозяйства области», «Советский Карабах», 06.10.1988 г.

базы республиканского академического института, самостоятельно решая вопросы продажи государству продукции, сдавало аж в середине 1980 гг. государству лишь 0,5 кг овец. В то же время в цитируемой статье говорилось, что «в подсобном хозяйстве поголовье овец колеблется в пределах 1000–1500 голов, настриг шерсти от каждой овцы – между 1,2–1,8 кг». То есть количество произведенной шерсти должно было варьироваться от 12 до 27 ц ежегодно, в зависимости от годовой численности стада и настрига; сдавалось же государству в 1983–1988 гг. в среднем по 10 ц ежегодно.

Куда испарялась разница между настриженной в НЗБ и сданной ею же государству шерстью, догадаться, видимо, нетрудно, особенно учитывая высокопоставленный статус «станционного смотрителя»... В материале также сообщалось, что «директор базы (за исключением первого, который работал до 1957 г.) всегда назначался из Баку... База ни разу не находилась в ведении сельскохозяйственных органов области, даже после создания Агрпрома НКАО».

Таким образом, на значительной территории наиболее благоприятной для ведения сельского хозяйства равнинной части НКАО образовалась своего рода «черная дыра». Учреждение не подчинялось никаким областным структурам и, судя по приведенным пассажирам, лишь создавало видимость научной деятельности, на деле действуя вопреки интересам развития сельского хозяйства области. Столь подробное же цитирование материалов, казалось бы, о не столь существенном объекте дает наглядный пример того социально-экономического колониального беспредела, который безнаказанно творило руководство АзССР в отношении армянской автономной области.

...Скандальная база вновь всплыла в прессе годом позже в качестве объекта уже информационно-идеологической войны. После того как коллектив НЗБ на своем общем собрании сместил директора-варяга с байскими замашками, руководство республиканского института генетики и селекции развернуло бурную деятельность по возвращению «государственной» собственности АзССР. Как сообщала областная газета «Советский Карабах от 9 сентября 1989 г., «750 голов племенных овец, находящихся на балансе базы, «исчезли» с пастбищ... Согласно сведениям административных органов по распоряжению Бакинского института селекции и генетики АН АзССР, отару угнали в неизвестном направлении».

«Вот уже несколько месяцев, как коллектив базы не получает зарплаты... Руководство института забросало телеграммами Академию наук СССР, в которых говорится о том, что в Мардакерте якобы конфискована научно-экспериментальная база, уничтожен весь фонд ценных зерновых культур... И на этот раз в АН СССР поверили. В адрес Комитета особого управления НКАО поступила телеграмма от директора главного ботанического сада АН ССР академика Андреева, московского академика Татаринцева и второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана Поляничко, в которой гневно осуждается вандализм...»¹

В НКАО был специально откомандирован спецпредставитель Академии наук СССР, который, разобравшись на месте, сообщил в Москву о лживости сообщений из Баку. Как сообщала областная газета, «работники базы осудили подстрекательскую деятельность института генетики и селекции АН Азербайджана и потребовали привлечь к ответственности авторов провокационных телеграмм, которые, не гнушаясь ничем, пытаются еще больше обострить ситуацию, ввести в заблуждение общественность страны»².

¹ «По хачинтапскому сценарию», «Советский Карабах», 23.09.1989 г.

² Там же

Ясное дело, никаких «оргвыводов» не последовало; заведомо ложные и провокационные дезинформации из Баку были и по-прежнему оставались главным оружием азербайджанского руководства в нагнетании межнациональной напряженности в регионе...

Но вернемся к социально-экономическим реалиям НКАО советского периода.

Отдельной строкой следовало бы упомянуть царившее в Нагорном Карабахе ужасающее бездорожье. Все основные дороги между райцентрами проходили по территории соседних азербайджанских районов, а внутренние – находились в заброшенном состоянии. Достаточно сказать, например, что в самом южном и некогда одном из самых населенных районов Нагорного Карабаха – Гадрутском за все годы советской власти вообще не было построено ни одной асфальтированной дороги. Если не считать полуторакилометрового участка от райцентра Гадрут, находящегося на границе с Физулинским районом АзССР, до проходившей опять-таки вне пределов области шоссейной дороги Физули–Джебраил.

«Удивительно то, что в высоких инстанциях наши дороги в основном выдаются за асфальтированные, – возмущался на страницах областной газеты Г. Атамян. – Недавно по республиканскому телевидению был организован «круглый стол». И во время беседы партийные, советские работники, ученые пытались представить нашу область райским уголком. Кому же нам верить? Себе, своим глазам или тому, что говорят где-то за сотни километров от нас? Огромный ущерб, наносимый машинам и людям неблагоустроенными дорогами... Одна из основных причин оттока молодежи из села – плохие дороги»¹.

Многие горные села были практически недоступны для транспорта, особенно в осенне-весенние месяцы, когда дожди размывали горные грунтовые полудороги-полупропы. Особенно тяжелым было положение сел западной части Гадрутского района, своего рода карабахской «камчатки».

«Единственным средством передвижения здесь является «такси», которое доставляет людей в райцентр по «сказочным» ценам, – писал корреспондент областной газеты из деревень, входящих в колхоз им. Калинина. – По приблизительным подсчетам, месячной зарплаты труженников хозяйства хватит лишь на то, чтобы один раз съездить в райцентр и вернуться обратно... Можно ли считать нормальным то, что люди на дорогу Ереван–Гадрут тратят 7–8 рублей, а оттуда в село – 50 рублей. Именно такое бездушное отношение к жителям села привело к тому, что последние покинули родные края»².

Связуемость самого областного центра, райцентров с селами области маршрутными автобусами была мизерной, на уровне 10 %³. Зато спускаемый сверху план для водителя рейсового автобуса по маршруту Степанакерт–Кировабад–Степанакерт, осуществлявшегося карабахским автотранспортным объединением, был значительно выше плана по обратному маршруту Кировабад–Степанакерт–Кировабад, осуществлявшемуся уже Кировабадским ПАТО. В полном соответствии с выше упомянутой историей из «38 полугаев».

Таким образом, в общем и целом вся социально-экономическая жизнедеятельность Нагорного Карабаха, переданного российскими большевиками в колониальную эксплуатацию АзССР, полностью регулировалась из Баку и была направлена на постепенное экономическое удушение армянского края.

¹ «Забывшие дороги», «Советский Карабах», 09.07.1988 г.

² «Родной земли всеильный зов», «Советский Карабах», 28.06.1989 г.

³ Ш. Мкртчян. Указ. соч. С. 165

Глава 4

ВОЙНА С ХРАМАМИ

«Если же кто дерзнет и подожжет церковь или же путем взяток вызовет насильственное вмешательство правителей местности и разрушит церковь, то таковые являются богоборцами и приравниваются к распявшим Христа».

Армянский Судебник Мхитара Гоша, XII в.

«Но они не много успеют, ибо их безумие обнаружится пред всеми, как и с теми случилось».

Второе послание к Тимофею, гл. 3, 9

На протяжении более полутора тысячелетий судьба Нагорного Карабаха была порой драматична, ибо лежачий на дороге с востока на запад край часто становился ареной нашествий различных завоевателей. Персы, арабы, кочевые тюркские племена, монголы, турки-османы веками пытались покорить этот армянский край, который, однако, в течение многих столетий самоотверженно отстаивал свое право на жизнь и самобытность. Многочисленные памятники армянской культуры и сегодня являются немymi свидетелями этой длительной борьбы за выживание, которая и по сей день является уделом жителей Арцаха.

Культурное наследие Нагорного Карабаха – это прежде всего памятники христианства, которое распространилось в крае (как и в целом в Армении, ставшей, как считается, первой страной мира, принявшей христианство в качестве государственной религии) с IV в. от Рождества Христова.

Однако никогда за всю свою историю памятники армянской истории и культуры, само духовное наследие прошлых поколений карабахских армян не подвергалось такому неприкрытому разграблению и уничтожению, как это было в период нахождения края в составе Азербайджанской ССР. Если первейшей задачей руководителей Советского Азербайджана было вытеснение армян из края, изменение в нем демографической ситуации за счет катастрофического оттока коренного населения, то одним из важнейших средств проведения этой политики в жизнь являлось отчуждение от этого населения памятников его истории и культуры. Прежде всего – христианских храмов.

ОБЛАСТЬ РАЗВИТОГО АТЕИЗМА

На территории края сохранилось значительное количество историко-архитектурных памятников: крепостей, монастырских комплексов, церквей и часовен, мостов, дворцовых сооружений, хачкаров (надгробных крестов-каменей; от армянского «хач» и «кар» – крест и камень). Только на небольшой – 4,4 тыс. км² – территории Нагорно-Карабахской

автономной области (НКАО), составлявшей чуть более трети территории края в целом, до наших дней сохранилось по меньшей мере 1700 памятников такого рода, равно как и свыше 1000 единиц настенных и надгробных надписей на древнеармянском языке¹.

Особое место занимают такие монастыри, как, например, сохранившийся до наших дней храм Амарас IV в., заложенный, по данным древнеармянских источников, Григорием Просветителем (креститель Армении, при котором в IV в. христианство стало государственной религией в стране). В середине V в. здесь, в Амарасе, создатель армянской письменности Месроп Маштоц открыл первую в Армении национальную школу.

Храм Гандзасар, построенный в XIII в. на вершине высокой горы близ села Ван (ныне Мардакертский район Нагорно-Карабахской Республики), стал на несколько веков резиденцией карабахского католикосата. В средние века в Армении было несколько католикосатов – центров религиозной жизни, возглавляемых высшими церковными иерархами – католикосами. А затем – центром Карабахской епархии Армянской Апостольской церкви. Этот храм, равно как и многие другие монастырские и церковные комплексы, стал объектом паломничества и изучения со стороны многих ученых с мировыми именами – таких, как Анатолий Якобсон, Шарль Диль и других.

В начале XIX в., после перехода Арцаха из-под власти Персии в состав Российской империи, в истории края начался период мирной жизни, который продолжался до 1917 г. Эти годы стали благоприятным периодом не только для хозяйственного развития края, но и дали новый импульс развитию жизни духовной. По всему Нагорному Карабаху восстанавливаются древние, старые храмы, строятся новые. XIX в. стал временем возрождения карабахского архитектурного и, прежде всего, церковного зодчества.

Именно в этот период возведены десятки новых церквей и храмов, многие из которых отличались оригинальностью и весьма смелыми по тем временам, если не сказать модернистскими, архитектурными решениями. В Шуше, ставшей центром культурной жизни края, возводятся сразу несколько церквей, в том числе и греко-православная.

Величественная церковь Христа Спасителя или, как ее еще называют, «Казанчеоц» (от имени квартала, в котором она находилась – Казанчи), построенная в 1868–1887 гг., явила собой редкостный образец гармонического слияния монументального сооружения с окружающей средой. Эта церковь стала крупнейшей из всех ранее построенных армянских церквей не только в Закавказье, но и на всей территории Армянского нагорья.

К 1914 г. Карабахская (Арцахская) епархия Армянской Апостольской церкви имела 222 действующие церкви и 188 священнослужителей².

В том же году началась Первая мировая война; вскоре последовал большевистский переворот 1917 г. С этого времени для Нагорного Карабаха наступил тяжелый период, который трагически сказался и на судьбе всей духовной жизни края.

После включения Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР духовная жизнь армян Карабаха фактически попала под двойной гнет большевиков-атеистов и националистов из руководства АзССР.

¹Ш. Миртчан. Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван. 1989. С. 5

²Нагорный Карабах – историческая справка. Изд. Академии наук Армянской ССР. Ереван. 1988. С. 19; ссылка на журнал «Арагат», 1914 г. С. 637

Церкви закрывались одна за другой, намеренно разрушались, священники подвергались репрессиям. Сохранилось письмо последнего предводителя Арцахской епархии епископа Вртанеса, адресованное католику всех армян Хорену Мурадбекяну. В нем епископ пишет о сокращающемся из дня в день числе действующих церквей в Арцахе, уменьшении количества церковнослужителей, сообщая, что, по данным 1931 г., в крае оставалось 112 действующих церквей и 18 монастырей, а священнослужителей и монахов – 276. Вскоре после этого письма епископ был арестован и сослан, как и многие другие служители культа¹.

После 1932 г. в крае были закрыты абсолютно все армянские церкви и монастыри. С тех пор и до 1989 г. в Нагорном Карабахе не было ни одного действующего храма. Нагорно-Карабахскую автономную область, оставшуюся на протяжении лет советской власти единственной территориальной единицей армян Арцаха с формальными чертами автономии, в бывшем СССР иногда называли «атеистической областью». Это, конечно, по сути, было неверно, ибо атеизм был навязан сверху, в условиях, когда любое недовольство людей гонениями на духовную жизнь жестоко преследовалось как союзными властями, то есть Москвой, так и руководством Азербайджанской ССР.

Положение не изменилось ни после Второй мировой войны, когда советский лидер Иосиф Сталин «заморозил» антицерковные репрессии и сделал некоторые послабления для верующих граждан, ни после относительной либерализации советского режима в период постсталинской «оттепели» 1960 гг. Католикос всех армян Вазген I, занимавший этот пост с 1955 по 1994 гг., неоднократно обращался к правительству Азербайджанской ССР с просьбой открыть в Нагорном Карабахе хотя бы один храм, но неизменно получал отказ².

Тем самым национальная дискриминация, которой подвергалось коренное армянское население Нагорного Карабаха на протяжении всех лет советско-азербайджанского владычества, сопровождалась и грубой дискриминацией в области духовной жизни.

Памятники армянской архитектуры края, и, прежде всего, архитектуры церковной, в те годы делили судьбу карабахских армян, чьи предки воздвигали храмы на протяжении почти полутора тысячелетий, но которые сами вынуждены были многие десятилетия покидать родные земли под давлением политики дискриминации и вытеснения, проводимой официальным Баку.

На территории бывшей АзССР именно памятники армянской культуры составляли абсолютное большинство среди памятников всех культур как исчезнувших, так и здравствующих народов республики. А именно около 11 тысяч³.

Тем не менее в списке охраняемых памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране, который был утвержден Постановлением 140 от 2 апреля 1968 г. Советом Министров АзССР, в число 591 памятника вошли всего лишь... 25 армянских. Только из НКАО и без указания этнической принадлежности!⁴

¹«Нолокола Арцаха», беседа с епископом Арцахским Паргевом Мартиросяном, «Коммунист», 30.03.1990 г.

²Там же

³Л. Барсегян, А. Григорян «Отношение к прошлому – залог будущего», «Коммунист», 07.10.1989 г. «Армянский вестник», № 3 (17), февраль 1991 г.

⁴«Армянский вестник», № 3 (17), февраль 1991 г.

На деле же, на территориях Нагорного Карабаха (в его полном, а не усеченном до куцых границ НКАО понимании) и Нахичевани находились практически лишь одни армянские исторические памятники. «Мусульманские» памятники прошлых веков можно было буквально пересчитать по пальцам. Поэтому в числе охраняемых памятников, которые хотя и с натяжкой, но все же можно было отнести к тюрко-мусульманскому («азербайджанскому») наследству, в основном были немногочисленные мечети, жилые дома и иные постройки XIX в.

Так, в списке азербайджанских памятников Шуши, опубликованном в бакинской газете «Зеркало» в 2001 г., перечислены 19 памятников: жилые дома, мечети и два каравансарая. Из них практически все второй половины XIX в. И лишь один из домов заявлен памятником XVIII в.¹ При этом из 7 названных в списке мечетей реально в советское время существовали 3, остальные, вероятно, числились лишь на бумаге: скорее всего, это были деревянные строения XIX в., впоследствии, после строительства каменных мечетей, разобранные за ветхостью (такой же путь – из деревянных в каменные – прошли в XIX в. и 5 армянских храмов Шуши). Отметим также, что в списке «Зеркала» в качестве «азербайджанского памятника» числился и дом известных армянских купцов и меценатов Джамгаровых.

Почему все эти сооружения лишь с натяжкой можно отнести к тюрко-мусульманскому наследству? Да потому, что, по мнению маститых исследователей, большинство «мусульманских» памятников, в том числе и культовых сооружений, было делом рук армянских зодчих и мастеров. Так, А. Якобсон, говоря о нахичеванских мавзолеях, «напоминающих как бы поставленные на землю барабаны куполов армянских храмов», писал, что «композиция такого рода мавзолеев была создана под несомненным армянским влиянием, а может быть, и в содружестве с зодчими Армении»². Он также отмечал, что «аналогичные мавзолеи известны в сельджукской Малой Азии – в Ахлате, Эрзеруме, Востане»³, – то есть в Западной (Турецкой) Армении, в районах, где тогда преобладало армянское население и, соответственно, армянские архитектурные памятники.

Целенаправленная политика властей АзССР в отношении памятников христианской армянской культуры осуществлялась по следующим основным направлениям:

- умалчивание о них в официальных изданиях, справочниках и путеводителях;
- фальсификация этнокультурной и религиозной принадлежности;
- сознательное их разрушение и надругательство над ними;
- поощрение и попустительство кладоискательству (в том числе с применением динамита) и другим актам вандализма (использование храмов в качестве хлева для скота; разборка памятников на камни для нужд индивидуального и колхозного строительства и т.п.);
- переделка армянских храмов под мусульманские сооружения;
- препятствование проведению восстановительных работ;
- препятствование посещению и изучению памятников советскими и иностранными исследователями.

¹Ф. Фатулла, «Наследство тюрков в услужении у армян», «Зеркало», 07.09.2001 г.

²А. Л. Якобсон. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Ленинград. Наука. 1987. С. 208

³Там же

Укрытие многих тысяч памятников армянской истории способствовало их сознательному разрушению. За годы советской власти сотни церквей, часовен, кладбищ были уничтожены прежде всего в районах Лачина–Кельбаджара и Северного Нагорного Карабаха. Как правило, памятники сознательно разрушались, а их обломки или целые плиты, надгробья использовались в качестве строительных материалов для нужд жителей азербайджанских и курдских деревень.

Известный исследователь памятников армянской архитектуры Самвел Карапетян много лет занимался полевыми исследованиями в Нагорном Карабахе, Азербайджанской ССР и Республике Грузия. За последнее десятилетие он выпустил целую серию ценных изданий о замалчиваемых и подвергающихся разрушению армянских памятниках старины в Закавказье. Еще в 1970–1980 гг. С. Карапетян пешком обошел практически всю бывшую Азербайджанскую ССР в поисках заброшенных армянских памятников. Основным предметом его интереса был Нагорный Карабах, где он многократно становился свидетелем варварского разрушения памятников армянского архитектурного наследия.

Британский журналист и штатный «мировотворец» Томас де Ваал в своей книге «Черный сад», к которой мы еще вернемся отдельно, записал один из рассказов С. Карапетяна о его изысканиях советского периода:

«В Азербайджане нет ни одного районного центра, где бы я хоть раз не попал в милицию или местное отделение КГБ», – вспоминает он. Очень скоро причина стала ему ясна. По его словам, он стал препятствием в целенаправленной кампании по «азербайджанизации» культурной истории республики путем уничтожения всех армянских артефактов. Возвращаясь сюда каждый год, вспоминает Самвел, он обнаруживал уничтоженные памятники, которые еще совсем недавно стояли целыми и невредимыми, к.х., например, церковь девятого века в Кедабекском районе. «Я приехал туда во второй раз в 1982 г., а первый раз побывал там в 1980-м, и она была наполовину разрушена. Я увидел лопату и топор на земле, словно кто-то оставил их там, а сам ушел обещать. Единственное, что мне оставалось, – выбросить инструменты в ущелье»¹.

Массовый характер приняло разграбление, разрушение и осквернение храмов в ходе поисков действительных и мнимых (чаще последних) кладов. Подчас при этом использовалась и взрывчатка: так было в Амарасе, Каланкатуйке, пещерах Азоха и Мец Тагларя, где искали церковные ценности, спрятанные после большевизации. Под некоторыми монастырями, в том числе и под известным в крае монастырем Дадиванк, под видом геологических работ были прорыты многочисленные тели, что способствовало разрушению храмов. На деле копатели преследовали цель кладоискательства.

Один из наиболее ярких примеров надругательства над христианскими культовыми сооружениями имел место в прилегающем к НКАО Физулинском районе Азербайджанской ССР в начале 1970-х гг. Близ азербайджанского райцентра Физули в ходе земляных работ была обнаружена армянская церковь, которая вначале была разграблена, а затем закопана. Над ней был насыпан искусственный холм, на вершине которого водрузили надпись «Слава КПСС!»²

¹Томас де Ваал. Черный сад. Москва. Текст. 2005 С. 205

²Роберт Атаян, «Хоронили... церковь», газета «Советакан Айастан», Ереван, 14.06.1988 г.

Наглядным примером изменения внешнего вида храма в ходе его «реставрации» азербайджанскими специалистами стала армянская церковь Сурб Саркис в древнем городе Гандзаке (Елизаветполь, Кировабад, Гянджа). В 1970-х гг. она была отреставрирована таким образом – к ней сделали пристройки в «восточном» стиле, стерли со стен армянские надписи и убрали кресты, чтобы внешне она стала походить на мусульманскую мечеть.

«АЛБАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО»

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в азербайджанской Академии наук появилась и стала широко разрабатываться псевдонаучная теория, которая гласила, что памятники христианской культуры Нагорного Карабаха вовсе не принадлежат христианам-армянам. А будто бы это памятники материальной культуры мусульман-азербайджанцев, предками которых-де были жители исчезнувшего с карты мира еще в IX в. государства Кавказская Албания (Алуани, Агванк), чье население исповедовало христианство.

Антинаучность данной «научной теории» стала в свое время предметом разбирательства со стороны тогдашней Академии наук СССР. Однако это не помешало появлению в Баку все новых фальсификаций, ибо эта политика направлялась со стороны партийно-правительственного руководства АзССР при молчаливом попустительстве Кремля.

Последнему была вполне выгодна якобы «полная неразбериха» в научных спорах и изысканиях армянских и азербайджанских ученых. Не случайно после февраля 1988 г., то есть после начала современного этапа карабахской проблемы, советский Генсек Михаил Горбачев и иные партийные боссы неоднократно говорили, что, дескать, невозможно разобраться в национальной принадлежности Нагорного Карабаха, ибо армянские ученые говорят одно, а азербайджанские – другое. Несомненно, что эта демагогия была частью общей линии поведения Кремля в отношении многочисленных национальных проблем Советского Союза.

Албанская теория гласила и о «пришлом характере» армян в регионе, хотя это легко опровергалось всеми имеющимися историческими источниками прошлого: как собственно армянскими, так и греческими, арабскими, персидскими, европейскими, русскими и т.д.

Характерно, что все эти псевдонаучные изыскания на деле носили сугубо прикладной характер: они были призваны воспрепятствовать не только открытию армянских храмов, но и их изучению армянскими и шире советскими учеными-исследователями. Сами составители исторических баек и местные чиновники на деле прекрасно осознавали армянское происхождение христианских памятников Арцаха, поэтому под завесой околонуточных рассуждений об «албанском» происхождении храмов края на деле происходило их сознательное уничтожение.

Любопытное тому свидетельство привел азербайджанский журналист Искандер Гаджиев в своей статье «Лек-кала – такая близкая и такая недосыгаемая крепость», опубликованной в бакинской газете «Вышка» в марте 2000 г.

В материале, в частности, говорилось о монастыре Дадиванк – известном армянском монастырском комплексе IV–XIII вв., который при создании АОНК был отрезан от нее к соседнему Кельбаджарскому району АзССР. До большевистского переворота 1917 г. монастырь был действующим, и в конце XIX в. ему принадлежали значительные (до половины территории этого района бывшей АзССР) земли, а полукочевые курды платили монастырю немалые суммы за пользование расположенными на его землях пастбищами.

Азербайджанский журналист, видимо, искренне веривший в «албанское» происхождение храмов Нагорного Карабаха, писал:

«Но с этим памятником уже в наше время связана и печальная история. Дело в том, что местное мусульманское население, незнакомое с историей своего края, усматривало в нем остатки армянской христианской религии и как могло разрушило монастырь, в котором автор этих строк еще застал фрагменты настенной росписи XII–XIII вв. Возмущенный таким отношением к историческим памятникам, расположенным на территории Кельбаджарского района, я обратился тогда, а дело было в середине 1980-х гг., к первому секретарю райкома с просьбой пресечь разрушение памятников, к тому же включенных в список памятников, подлежащих охране государством. Но, к своему удивлению, в ответ услышал такое, от чего до сих пор не могу успокоиться. «Какое отношение к нам имеет этот армянский монастырь?»¹

Уже упоминавшийся выше армянский исследователь Самвел Карапетян вполне логично говорил на этот счет в интервью газете «Республика Армения»:

«Я бы также очень обрадовался, если бы азербайджанцы, сочинившие для себя сказку о том, что они якобы потомки христиан-албанов, что эти хачкары и церкви являются албанским наследием, сами бы поверили в нее. Вы говорите – албанское наследие? Так храните его, зачем уничтожаете? Читайте хоть албанским, хоть китайским, только храните!»²

Первым камнем в фундамент «албанской теории» стала монография известного азербайджанского фальсификатора от науки Зия Буниятова «Азербайджан в VII–IX вв.». Уже само название этого труда свидетельствовало о его антинаучности, ибо любому специалисту-историку было очевидно, что никакого Азербайджана севернее Аракса не было ни тогда, ни тысячелетием позже. А именно – вплоть до 1918 г., когда турецкие интервенты создали в экспансионистских целях марионеточное образование, «одолжив» для него название северной провинции Ирана.

Зия Буниятов был известен не только своими антинаучными методами, но и профессиональной непорядочностью. Он, например, мог переиздавать ранее издававшиеся работы авторов прошлых столетий, выкидывая из них негодные отрывки.

Так, при переиздании в Баку книги «Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке», изданной в переводе и с примечаниями Ф. Бруна в Одессе в 1866 г., Буниятов изъясил из текста оригинала абзац из повествования Ганса Шильтбергера, побывавшего в начале XV в. в Армении, где он, в частности, говорит о Карабахе, что эта область «лежит в Армении». Точно так же Буниятов поступил и с рядом других пассажей из записок немецкого путешественника, касающихся Армении.

¹«Республика Армения», 17.12.2007 г., № 7, Российский выпуск

²Вестник общественных наук Академии Наук АрмССР, Ереван, 1977. Т. 12. С. 76

Буниятов мог также позволить себе опубликовать под своей фамилией переводы чужих научных статей, произвольно сокращая их и не указывая настоящего авторства. Так он поступил, например, с работой известного на Западе кавказоведа Роберта Хьюсона, посвященной хронологии древнего армянского историка Мовсеса Каланкатваца (известного в советской историографии также как Моисей Каланнатуйский).

Вообще, стиль работы и научная непорядочность «албановедов» были столь вопиющими, что порой просто шокировали некоторых «непосвященных» ученых из московских и ленинградских академических учреждений; они даже и не понимали, как можно всерьез полемизировать с творцами столь очевидного бреда.

Известный советский историк архитектуры академик Анатолий Якобсон как нельзя лучше охарактеризовал в одной из своих критических статей попытки присвоения «албановедом» Р. Геюшевым наиболее выдающегося армянского архитектурного памятника Нагорного Карабаха храма Гандзасар:

«Рассуждения Р. Геюшева нелепы, беспочвенны и тенденциозны, а потому антинаучны. Они ни в малейшей степени не способны изменить существующие представления – ни об Албании, ни о Хачене, ни о Гандзасарском монастыре, который вопреки незадачливому автору был и остается выдающимся памятником армянской культуры, и им вправе гордиться армянский народ. А заметка Р. Геюшева только засоряет историческую науку»¹.

Одной из старейших и наиболее известных представительниц азербайджанской «албанистики», автором многочисленных изданий на этот счет с середины 1970-х гг. и по наши дни является бакинский профессор Фарида Мамедова. В своей статье «Причинно-следственная связь карабахской проблемы», несколько лет назад размещенной на одном из азербайджанских интернет-сайтов, она подчеркивала, что дает «историческую справку албанского христианского населения Карабаха-Арцаха с IV в. до н.э. по XIX в.». То есть по Мамедовой получалось, что христиане появились в крае задолго до рождения Иисуса Христа!²

Иные азербайджанские ученые одновременно с тезисом об албанском характере памятников Арцаха и Нахичевани утверждали, что албаны суть древние тюрки, противореча таким корифеям «албанистики», как вышеупомянутая Фарида Мамедова.

Так, автор изданной в конце 1980-х гг. в Азербайджане книги «Искусство Кавказской Албании: IV век до н.э. – VII в н.э.» Н. Рзаев рассуждал о надгробиях в карабахском селе Чанахчи, вначале называя их «албанскими», а далее, путем ряда голословных утверждений, причисляя их к «наследию культуры древнегузских племен». Между тем, Чанахчи – по-армянски Аветараноц – являлось резиденцией правителей Варанды Мелик-Шахназарянов, и бакинский горе-ученый, явно никогда не бывавший в этом селе, просто не знал, что надгробия, которые он росчерком пера сделал «древнегузскими», расположены на территории монастырской церкви, где находились фамильные захоронения правителей Варанды. А сама церковь и упоминаемые надгробия имели содержательные надписи на армянском языке и четкие даты, указывавшие, кто и когда был погребен в этом месте³.

¹«Арменистика». Пятигорск. № 1 (32) 2005. Материалы 3-й региональной научно-практической конференции по арменистике. С. 22

²Г. Петросян. «О памятниках из Аветараноца (Чанахчи) или как создавались исторические Вымыслы», «Коммунист», 17.10.1989 г.

³Там же

Самое любопытное, что «ученый» Рзаев в своих изысканиях основывался на более ранней работе С. А. Ашурбейли «Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья», в которой также утверждалось, что чанахчинские надгробья принадлежат «албанам-христианам» и «относятся к памятникам материальной культуры Азербайджана», без указания хотя бы приблизительно их даты.

«Вероятно, этих плит не видела и сама Ашурбейли. В противном случае ее насторожило бы то обстоятельство, что стелы находятся на армянском кладбище армянской деревни и снабжены они армянскими надписями... С уникальной фантазией, достойной лучшего применения, опираясь на описание этих рельефов коллеги по фотографиям, на которых едва различаются детали, Рзаев строит целую теорию об этнокультурной принадлежности стел»¹.

Советский академик Юлиан Бромлей писал о такого рода «исследователях»:

«В Азербайджане за последние десятилетия получила развитие особая теория о янбы издревле оседлом образе жизни тюрков, которые будто бы являются исконными жителями Восточного Закавказья. Все археологические ценности при этом рассматриваются как реликты древнетюркской национальной культуры. Между тем, о кочевниках Азербайджана существует значительная литература, в том числе и местных авторов»².

А вот как просто в исполнении «албановеда» Давуда Ахундова объяснялось происхождение закавказских тюрков и карабахских армян:

«Большая часть албан, исповедовавшая ислам, впоследствии стала называться азербайджанцами, а исповедовавшие христианство после присоединения их церквей в 1836 г. к русской церкви путем объединения с армянской (присоединенной к русской церкви в 1828 г.) постепенно стали называться армянами»³.

На логичный вопрос, откуда же взялись многочисленные и порой весьма древние (в том числе и датируемые V в.) надписи на армянском языке на практически всех христианских храмах и надгробиях Нагорного Карабаха, азербайджанская наука тоже нашла столь же простой ответ. Оказывается, после присоединения края к России «постепенно ставшие называться армянами» албаны и «пришлые» армяне по заданию Эчмиадзинского Католикосата с молоточками в руках стали сбивать и уничтожать все старые «албанские» надписи, заменив их новыми, армянскими.

Таким же образом, по распространенному в научных кругах Азербайджана поверью, армяне поступили и с албанской литературой: все рукописи и книги сожгли, предварительно переведя на армянский, чтобы впоследствии выдавать их за свои.

На международный уровень весь этот бред азербайджанские ученые, естественно, не выносили, оставляя его для внутреннего потребления. Благо, как уже говорилось выше, Москва смотрела на все эти шалости сквозь пальцы.

К слову говоря, «албанская теория» была относительно молода, и еще в начале 1960-х гг. в Баку о ней практически не говорили. Так, в 1960 г. Академиями наук Армении и Азербайджана было решено собирать и публиковать древнейшие надписи, находящиеся на

¹Г. Петросян. «О памятниках из Аветаранца (Чанахчи) или как создавались исторические вымыслы», «Коммунист», 17.10.1989 г.

²Октябрь и развитие национальных отношений в СССР. Москва. Знание. 1987. С. 56

³Ахундов Д. А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Азербайджанское государственное издательство. Баку. 1986. С. 225

территории обеих республик и имеющие важное значение для истории и культуры обоих народов. По взаимному согласию Института археологии и этнографии АН Армении и Института истории АН Азербайджана была создана совместная экспедиция исследователей двух республик. Изучение надписей в Арцахе длилось 4 года, а по итогам экспедиции никакой речи об «албанских» памятниках не было. Как не было об этом речи и в вышеупомянутом Постановлении № 140 от 2 апреля 1968 г. Совета Министров АзССР, утверждавшем список памятников, подлежащих государственной охране¹.

Практическое применение «албанская» теория получила с началом в 1988 г. движения за присоединение НКАО к Армянской ССР. В известном Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР о социально-экономическом развитии НКАО, принятом 24 марта 1988 г., содержался пункт, касающийся культурного наследия Арцаха.

В Постановлении, в частности, говорилось:

«Разработать и осуществить комплекс мероприятий по дальнейшему проведению работ по реставрации и восстановлению памятников истории и культуры, находящихся на территории Нагорно-Карабахской автономной области, имея в виду привлечь к этим работам армянских мастеров-специалистов по реставрации».

На основании этого пункта Постановления в Главном управлении по охране и использованию памятников истории и культуры при Совмине АрмССР была развернута работа по уточнению списков памятников армянской архитектуры в Нагорном Карабахе и Нахичевани. Планировалось в 1988–1995 гг. провести реставрацию, восстановление и консервацию около 100 историко-культурных памятников Арцаха.

Понятно, что такое решение вопроса означало официальное признание того непреложного факта, что христианские храмы на территории Нагорного Карабаха имеют армянское происхождение. Это не только противоречило официальной политике Баку, заявлявшей в далеко идущих целях о «пришлости» армян в регионе, но и открывало реальную перспективу возрождения духовной жизни карабахских армян, что было абсолютно неприемлемо для руководства Азербайджанской ССР. Поэтому эти предложения встретили категорический отказ со стороны Министерства культуры АзССР. В официальном ответе министерства на предложения армянских специалистов говорилось:

«Предложение о создании комплексной экспедиции для изучения памятников истории и культуры, находящихся на территории НКАО АзССР, на наш взгляд, противоречит положению о принадлежности союзной республике всех находящихся на ее территории памятников независимо от их национальной принадлежности, и в условиях сложившихся межнациональных отношений в регионе в настоящее время не будет способствовать стабилизации обстановки»².

Сразу же после принятия Постановления от 24 марта 1988 г. в недрах Министерства культуры АзССР закипела работа по фальсификации принадлежности памятников Арцаха.

27 апреля 1988 г. Совмин АзССР утвердил Постановлением № 145 список памятников истории и культуры, находящихся в НКАО, подготовленный Минкультком АзССР, Академией наук республики и азербайджанским Добровольным обществом охраны памятников истории и культуры.

¹«Безымянные памятники», «Советский Карабах», 08.07.1988 г.

²«Отношение к прошлому – залог будущего», «Коммунист», 07.10.1988 г.

Естественно, в этом списке не было ни одного памятника армянского зодчества. Все они были объявлены «албанскими», а отсюда – азербайджанскими. Абсурдность ситуации подчеркивалась тем, что в уже упоминавшемся постановлении Совета Министров АзССР № 140 от 2 апреля 1968 г., утверждавшем список памятников, подлежащих государственной охране, ни о каком «албанском зодчестве» вообще ничего не говорилось.

Однако подобные «мелочи» никогда не смущали власти Азербайджанской ССР. Главным для них в 1988 г. было пресечь на корню процесс возвращения карабахским армянам отчужденного от них исторического и духовного наследия.

РАССТРЕЛЯННЫЕ СВЯТЫНИ

В 1988–1989 гг. верующие Нагорного Карабаха стали своими силами восстанавливать пустовавшие до того церкви. В период существования в НКАО Комитета особого управления (КОУ) во главе с крупным советским руководителем-промышленником Аркадием Вольским, назначенным Кремлем фактическим наместником Москвы в Карабахе, вопрос об официальной передаче верующим ряда закрытых в 1920–1930-х гг. храмов, казалось, получил поддержку на государственном уровне.

В начале 1990 г. Совет по делам религий при Совете Министров СССР (советско-партийная инстанция, призванная контролировать религиозные конфессии и общины бывшего СССР) санкционировал передачу верующим Карабаха шести храмов, в том числе и уже упоминавшихся выше храмов Амарас и Гандзасар.

Однако с роспуском в начале 1990 г. комитета Вольского и введением в Карабахе чрезвычайного, а фактически военного, положения руководство Азербайджана развязало настоящую кампанию террора против армян Карабаха. Нападения на села и автотранспорт, угоны скота, поджоги, наконец, захваты людей в заложники и их убийства стали повседневной действительностью жизни горного края. Акты вандализма были направлены и против духовных и культурных ценностей карабахских армян.

Вот что писала, например, в постоянной рубрике «Противостояние продолжается» областная газета «Советский Карабах» в номере от 20 мая 1990 г.:

«Азербайджанские вооруженные бандформирования не прекращают зверства в долине Амараса. После разгрома и разграбления расположенных здесь хозяйственных построек... 18–19 мая объектом их злодейства стал монастырь Амарас. Приведя с собой всю необходимую для разрушения технику, вплоть до автокрана, преступники среди бела дня разбили двери и окна монастыря, украли мебель, похитили монастырскую казну».

Следует отметить, что ранее были осквернены и подожжены армянские церкви в Кировабаде, в ходе погромов в ноябре-декабре 1988 г., и в Баку, в январе 1990 г. А в декабре 1989-го большая толпа азербайджанцев осквернила церковь Казанчецоц (Храм Христа Спасителя) в Шуше. Был снесен главный купол, частично восстановленный в ходе начавшейся во второй половине 1980-х реставрации храма, разбиты, украдены фигуры ангелов и крест с церковной колокольни...

Газета «Советский Карабах», чей корреспондент, как и многие тысячи жителей соседних армянских сел, мог воочию наблюдать происходившее с противоположной стороны ущелья, свидетельствовала:

«21 декабря 1989 г. в 18 часов в городе Шуше, перед зданием райкома партии, по инициативе местного отделения народного фронта Азербайджана состоялся несанкционированный митинг. В этом антиармянском митинге приняло участие более 5 тысяч человек... По окончании митинга толпа численностью в 2–3 тысячи человек двинулась в сторону армянской церкви Казанчецоц. Варвары, поднявшись на купол церкви, подожгли деревянные конструкции каркаса»¹.

Между прочим, в том же материале газета задавалась вполне логичным вопросом: «Интересно, чем заняты районные правоохранительные органы и дислоцированные в районе подразделения внутренних войск?». Таким образом, очевидно, что введенные еще весной 1988 г. в НКАО части и подразделения внутренних войск МВД СССР фактически бездействовали, когда речь шла о защите прав, имущества и культурного наследия армянского большинства автономной области.

В то же время советские внутренние войска, направленные Кремлем в Карабах, выполняли функции оккупационной армии, призванной не защитить безопасность граждан, а силой подчинить народ края репрессивной власти Баку. Террор со стороны войск, направленный против гражданского населения, вскоре распространился и на духовную жизнь карабахских христиан. Вот лишь один из примеров действий советских войск МВД и азербайджанской милиции того периода, рассказанный главным редактором московского журнала «Столица» Андреем Мальгиным:

«8 сентября жители сел Сос и Мачкалашен торжественно открыли храм – Амараскую церковь. А на следующий день около 8 часов вечера в храм ворвались военнослужащие, учинили в нем разгром, осквернили его, угрожая священнику. Мне тут же об этом сообщили, я связался с военным комендантом района Фоменко и попросил немедленно обеспечить охрану храма. Он отказался это сделать!»²

Католикос всех армян Вазген Первый направил 14 сентября 1990 года телеграмму Президенту СССР Михаилу Горбачеву, в которой, в частности, говорилось:

«...В воскресенье, девятого сентября, армянский монастырь Амарас, основанный в четвертом веке после совершения торжественной литургии, дважды подвергся нападению со стороны группы людей, одетых в военную форму, открывших огонь по стенам монастыря, повергая в ужас духовнослужителей и безоружных сторожей. В опасности опять наши вновь открытые монастыри и церкви, а также жизни духовнослужителей. Мы обращаем к Вам с нашими тяжелыми переживаниями, надеясь еще, что Ваш высокий авторитет, сила закона, право наций на самоопределение и взятие Нагорного Карабаха под президентскую власть положат конец трагедии армян этой автономной области. Чаша терпения бесправных армян давно переполнена, и они готовы умереть свободными, нежели жить в рабстве, как герои Фермопил, Валми и Куликова...»³

¹ «Антиармянская истерия в Шуше», «Советский Карабах», 24.12.1989 г.

² «Что делает наша армия в Карабахе», «Столица», № 1 (7), январь 1991 г. С. 20

³ «Голос Армении», 15.09.1990 г.

Тем временем, по указанию из ЦК КПСС, 21 ноября 1990 года Совет по делам религий при Совмине СССР отменил свое предыдущее решение о передаче двух наиболее известных храмов Карабаха Гандзасар и Амарас христианам Арцаха¹.

Это было сделано по требованию Совмина АзССР, который ранее обратился в Совет по делам религий при Совмине СССР с требованием отменить «принятые в нарушение суверенитета республики решения Совета» по вопросу «передачи памятников истории и культуры Азербайджана» и усиленно лоббировал в Москве вопрос отмены решения о передаче храмов карабахским верующим.

Напомним читателю, что это произошло в то время, когда в СССР так много говорилось о правах верующих, а в других регионах страны массово передавали церкви ранее закрытые, недействующие храмы. Однако в Нагорном Карабахе, подвергавшемся блокаде и тотальному террору со стороны Азербайджана и Кремля, разговоры о правах человека, в том числе о свободе совести, были просто пустым звуком.

По иронии судьбы, фамилия партийного чиновника, руководившего Советом по делам религий и выполнявшего волю Баку и ЦК КПСС о лишении верующих Карабаха храмов, была... Христораднов!

«Как я оцениваю позицию Совета по делам религий? Христораднов, который является председателем этого совета – партийный функционер, назначенный на это место, – сказал в интервью московской газете «Армянский вестник» народный депутат СССР от НКАО Борис Дадамян. – Партийный функционер подписывает документы не сообразно исторической справедливости, а поддерживая линию партии в конкретный политический момент. Вы же не будете отрицать, что дискриминация армянского народа осуществляется не только Советом по делам религий, но и ЦК КПСС. Сам Президент занимается этой неблагодарной деятельностью»².

А вот некоторые цитаты из откликов ряда деятелей религии и культуры бывшего СССР на отчуждение карабахских армян от их наиболее известных духовных святынь.

Отец Иозеф Гунчага, помощник настоятеля костела св. Людовика в Москве:

«Мне кажется, что идет психологическая война против христианства в этих краях, чтобы сделать их жизнь более трудной, а в духовном смысле, может быть, и невозможной... Я слышал, что в Карабахе долгое время не было христианских храмов, но были мечети, и я боюсь, что если эти храмы попадут в руки врагов христианства, то могут быть уничтожены»³.

Клара Халлик, народный депутат СССР, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права Академии наук Эстонии, бывший член Комиссии ВС СССР по Нагорному Карабаху:

«Решение Совета по делам религий – это попытка прибавить к уже существующему в регионе противостоянию новый конфликт, уже на конфессиональном уровне, что крайне безответственно, просто провокационно в политическом отношении. Это – посягательство на самые святые права людей, попытка унижить армянское население

Нагорного Карабаха. Похоже, что те, кто принял столь провокационное решение, уверены, что нынешнее – фактически военное положение в Нагорном Карабахе – будет продолжаться до бесконечности... Это грубое оскорбление религиозных чувств армянского, то есть христианского населения. Попытка лишить армян Нагорного Карабаха их святынь настолько вопиюща и беспрецедентна, что и не нуждается в особых комментариях»¹.

Александр Огородников, председатель Христианско-Демократического Союза (ХДС) России:

«Беспрецедентное решение, которое, кроме как возбуждения религиозной розни, ненависти, ничего иного не принесет... Отдали на растерзание армянскую национальную святыню в ситуации, когда армянский народ Карабаха борется за право жить на своей скромной территории... Это удар, посягающий на веру, это духовный геноцид армян, как продолжение геноцида»².

Однако этот геноцид продолжался. Пользуясь Советской армией как собственным карательным корпусом с молчаливого согласия Москвы, власти АзССР в апреле-августе 1991 г. начали силами союзных войск и республиканского МВД операцию по депортации армян из Карабаха. В ходе операции, получившей название «Кольцо», было изгнано население 24 сел Ханларского, Шаумянского, Шушинского и Гадрутского районов Нагорного Карабаха. Сотни людей были убиты и ранены, тысячи ограблены и изгнаны из своих домов, а их села были разграблены, опустошены и отданы переселенцам-азербайджанцам для последующего заселения³.

В ходе военных акций против мирных жителей судьбу последних разделили и их храмы.

1 мая 1991 г. в ходе погрома и депортации Советской армией, внутренними войсками и отрядами ОМОН МВД АзССР армянских сел Геташен и Мартунашен Ханларского района выстрелами прямой наводкой из танковых орудий уничтожена расположенная близ села Геташен церковь монастыря Егникасар (Оленья гора) VIII в.

В Гадрутском районе Карабаха в депортированных армянских селах были разрушены и осквернены церкви: в селе Доланлар – церковь Сурб Аствацацин XIX в.; в селе Хандзозор – церковь Сурб Ованес 1698 г. постройки; в селе Баназур – церковь Сурб Аствацацин; в селе Цамдзор – церковь XVII в.; в селе Аракел (Аракюль) – церковь Мариам Аствацацин, построенная в 1902–1907 гг. (один из наиболее известных в Арцахе памятников поздней, современной церковной архитектуры).

В указанных селах, а также в населенных пунктах Цор, Джраберд, Караглух, Арпагядук, Бинятлу, Джилан, Спитакашен, Петросашен осквернены кладбища, хачкары (крестами) и ряд других памятников.

В июле-сентябре 1991 г. в занятых частями светской армии и МВД Азербайджанской ССР селах Манашид, Эрнеч и Бузлух Шаумянского района были осквернены и разрушены расположенные в этих селах средневековые церкви, отреставрированные на средства местных жителей в 1990–1991 гг.

¹ «Армянский вестник», № 3 (17), февраль 1991 г., экстренный выпуск

² Там же

³ Там же

¹ «Армянский вестник», № 3 (17), февраль 1991 г., экстренный выпуск

² Там же

³ Операции «Кольцо» посвящена отдельная глава книги

После провала в августе 1991 г. коммунистического путча в СССР ситуация в Нагорном Карабахе стала меняться. Советская армия и внутренние войска постепенно прекратили свое вмешательство в конфликт между Нагорным Карабахом и Азербайджаном на стороне последнего. В Карабахе были воссозданы органы власти, легализованы вооруженные отряды самообороны, провозглашена Нагорно-Карабахская Республика (НКР). В декабре 1991 г. на основании действовавшего тогда законодательства бывшего СССР в НКР был проведен всенародный референдум, в ходе которого подавляющая часть населения края высказалась за независимость от Азербайджана. Последний, сформировав собственные войска на базе дислоцированной в АзССР 4-й армии вооруженных сил СССР, начал войну против Карабаха. Эта война, как известно, продолжалась с осени 1991 г. до мая 1994 г. с переменным успехом.

9 мая 1992 г. карабахские силы самообороны взяли город Шушу. Сразу после освобождения города началось восстановление храма Христа Спасителя (известного также как церковь Казанчецоц), в котором азербайджанские солдаты, обстреливавшие из Шуши Степанакерт, складировали боеприпасы для реактивных систем залпового огня (РСЗО) БМ-21 «Град».

Летом 1992 г. азербайджанские войска оккупировали весь Шаумянский и почти две трети Мардакертского района НКР, подвергнув разрушению многочисленные населенные пункты, в том числе десятки церквей и кладбищ. И сегодня Шаумянский район остается под оккупацией; по имеющимся сведениям, в районе практически завершено разрушение армянских церквей и историко-культурных памятников.

Сильно пострадали храмы и иные памятники архитектуры в приграничных населенных пунктах Аскеранского, Гадрутского и Мартунинского районов НКР, подвергавшихся обстрелам азербайджанской артиллерии, авианалетам. Некоторые из этих сел оказались в зоне боев, временно находились под азербайджанской оккупацией, сопровождавшейся погальным разрушением зданий, культурных сооружений, осквернением кладбищ.

В ходе боевых действий азербайджанские войска регулярно подвергали ракетно-бомбовым и артиллерийским ударам города и села края; удары целенаправленно наносились и по храмам. Например, летом 1992 г. бомбардировке 500-килограммовыми бомбами с боевых самолетов подвергся храм Гандзасар – был разрушен ряд строений храмового комплекса, лишь по воле Божьей сам храм не пострадал.

Невозможно точно подсчитать размер ущерба, который понесли материальные памятники христианской армянской культуры Карабаха в ходе войны. Шаумянский район НКР полностью, а Мардакертский и Мартунинский – частично все еще оккупированы войсками Азербайджана. Ясно одно – потери эти огромны и во многом невозможны. Мало сведений об армянских храмах и иных памятниках материальной культуры в Северном Арцахе, откуда армянское население было изгнано еще в 1988–1990 гг.

По данным исследователя армянской архитектуры Самвела Карапетяна, в 2006 г. в селе Чирагидзор Дашкесанского района была разрушена церковь Святой Богоматери, а в 2007 г. в селах Мирзик и Восканатат Ханларского района были полностью разрушены армянские церкви XVII в.¹

Ведь на протяжении всех последних лет властями Азербайджанской Республики уничтожались все следы материальной культуры исконных хозяев этих территорий – армян. Не

¹ www.karabakh-open.ru, 29.08.2007 г.

кто иной, как сам президент АР Ильхам Алиев, выступая с речью по случаю 60-летия азербайджанской Академии наук, заявил: «Армяне, являясь гостями, появившимися в Карабахе в 70-х гг. XIX в., не имеют исторических прав на территории Нагорного Карабаха».

А поскольку сами древние армянские храмы являются доказательством абсурдности подобных заявлений, они подлежат варварскому уничтожению.

При этом поражает цинизм и бездействие европейских структур в связи с варварскими актами азербайджанской стороны. Так с 1998 г. началось уничтожение крупного средневекового армянского кладбища в нахичеванской Джульфе (Джуге), где к тому времени еще насчитывалось около 3000 хачкаров и несколько часовен. Вандализм возобновился в 2003 г., а вопрос необходимости сохранения старинного кладбища неоднократно поднимался неправительственными организациями перед ЮНЕСКО и Советом Европы.

В декабре 2005 г. это армянское кладбище было окончательно разрушено силами местного гарнизона, а на его месте построено стрельбище. По требованию Республики Армения подкомитет Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) по вопросам культуры принял решение о направлении в регион миссии по оценке состояния памятников культуры. В распоряжение ПАСЕ были предоставлены фото и видеоматериалы о разрушении всемирно известного своими хачкарами кладбища Джульфы, сделанные с сопредельной территории Ирана.

Первоначально визит докладчика подкомитета Эдварда О'Хара был запланирован на май 2006 г., однако затем сроки визита миссии переносились на осень 2006 г., весну и лето 2007 г.¹ К июлю 2008 г., когда работа над этой книгой завершилась, «культуртрегеры» из ПАСЕ так и не добрались до региона. Они увязли в дипломатической переписке с официальным Баку, чьи капризы и ответные требования каждый раз являются поводом для очередного откладывания в долгий ящик визита миссии.

Наконец, еще один яркий, совсем свежий пример попытки отчуждения азербайджанскими «учеными» армянских храмов от их создателей, на этот раз уже в третьей стране.

В июле 2008 г., по представлению властей Исламской Республики Иран, Комитет по всемирному наследию ЮНЕСКО включил в список объектов этого наследия три армянских монастыря на северо-востоке Ирана². Факт этот, кстати, наглядно демонстрирует, что уважение к культурному наследию соседей является категорией нравственной и вовсе не зависит от конфессиональных различий.

Вскоре после известия о включении армянских монастырей в Иране в список всемирного наследия азербайджанские и армянские СМИ сообщили, что азербайджанские ученые и МИД этой страны готовят... протест в ЮНЕСКО, пытаюсь «объяснить» миру, что монастыри, дескать, вовсе не армянские. Так, вопреки общеизвестным фактам известная своими фальсификациями вышеупомянутая Фаридата Мамедова заявила: «Сами эти три монастырских ансамбля не могут, строго говоря, считаться армянскими. Эти ансамбли в свое время были возведены сирийцами, высланными из Малой Азии». А кандидат наук Лятифа Мамедова и вовсе выдала: «Конечно же, все это полная ерунда. Я считаю, что в данном случае мы имеем дело с очередными происками международного армянского лобби, не более того»³.

¹ Сообщение информационного агентства «Regnum» от 29.08.2007 г. (www.regnum.ru)

² Журнал «Коммерсант-Власть», № 27, 14.07.2008 г. С. 46

³ «Голос Армении», 15.07.2008 г.

СПАСЕНЫ И ВОЗРОЖДАЮТСЯ

В 1993 г. Армия обороны Нагорного Карабаха переломила ход войны и освободила большинство территорий НКР, заняв в ходе последующих боевых действий ряд прилегающих к ней районов Нагорного и равнинного Карабаха, входивших непосредственно в бывшую АзССР.

Сегодня Армия обороны Нагорного Карабаха контролирует 8 % территории Азербайджанской Республики, в то время как последняя продолжает занимать 15 % территории НКР (образованной в 1991 г. путем объединения бывшей НКАО и примыкающего к ней Шаумянского района Нагорного Карабаха).

Обнадёживает тот факт, что на территории края, контролируемой властями Нагорно-Карабахской Республики, духовная жизнь возрождается повсеместно. Силами населения, при поддержке властей НКР, помощи благотворительных организаций Республики Армения, армянской диаспоры и некоторых международных организаций восстанавливаются и открываются ранее отобранные и заброшенные храмы.

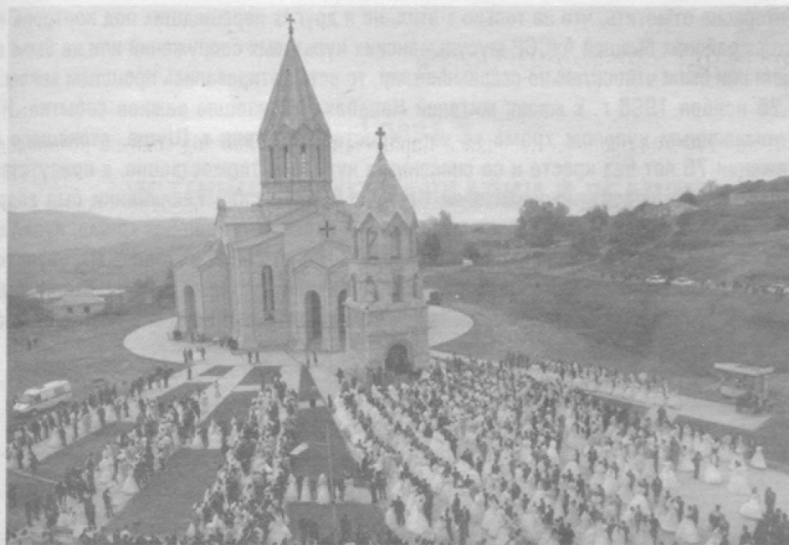
В НКР действует возглавляемая архиепископом Паркевом Мартиросяном Арцахская епархия Армянской Апостольской церкви (ААЦ). В Шуше при епархиальном центре открыты специальные учебные заведения для детей. В открывающиеся церкви направляются священнослужители, хотя их еще не хватает. Рядом с монастырским комплексом храма Гандзасар закончено строительство семинарии.

Немалая заслуга в этом и зарубежных религиозных организаций и объединений, в том числе организации «Международная христианская солидарность» («Christian Solidarity International»). В храмах и церквях можно видеть все больше людей, особенно в дни Праздников.

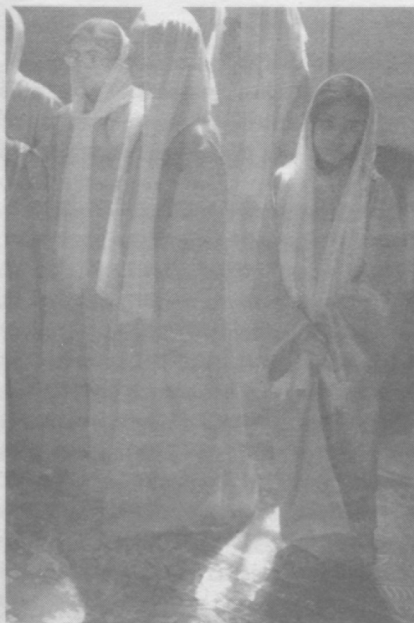
Важно и то, что на занятых в ходе военных действий исторических территориях Арцаха, ранее практически недоступных для армянских исследователей, — прежде всего в Лачино-Кельбаджарском регионе — выявлены, взяты на учет сотни памятников армянской христианской культуры. Исследователь Самвел Карапетян в ходе многолетних полевых исследований в этом и других регионах Нагорного Карабаха провел обмеры, описи и фотографирование этих памятников. В результате этой кропотливой работы на средства Международной организации по изучению армянской архитектуры был издан специальный труд на английском, армянском и русском языках¹.

Некоторые из вновь открытых и спасенных памятников были успешно отреставрированы, как, например, храм Цицернаванк (Ласточкина церковь) V–VII вв. в Лачинском, ныне Кашатагском, районе Нагорного Карабаха. Кстати, этот выдающийся памятник армянского зодчества числится в уже упоминавшемся списке «азербайджанских» памятников Карабаха, опубликованном в бакинской газете «Зеркало» от 7 сентября 2001 г. Между прочим, он указан в качестве единственного «азербайджанского» памятника Лачинского района бывшей АзССР. Как говорится, комментарии излишни.

¹С. Карапетян. Памятники армянской культуры в зоне Нагорного Карабаха. Гитутюн. Ереван, 2000

16 октября 2008 г. сразу 687 пар обвенчались в храмах Шуши и села Ванк. Массовое венчание в шушинском храме Сурб Аменапркич (Христа Спасителя). Фото Георгия Газаряна

Во время службы в главном храме Шуши; церковный хор. Фото Даниила Горюнова (Москва)

Интересно отметить, что не только в этих, но и других перешедших под контроль карабахцев районах бывшей АзССР мусульманских культовых сооружений или не было вообще, или они были относительно современными, то есть датировались прошлым веком.

...25 ноября 1996 г. в жизни жителей Карабаха произошло важное событие. Над восстановленным куполом храма во имя Христа Спасителя в Шуше, стоявшего на протяжении 76 лет без креста и со снесенным куполом, торжественно, в присутствии большого числа людей, руководителей Нагорно-Карабахской Республики был водружен 5-метровый крест. Крест словно вознесся над огромным зданием храма, купол которого сегодня – как и в начале прошлого века – являет собой наиболее высокую точку городской застройки. Это укрепило надежду карабахцев на то, что духовная жизнь христиан армянского Нагорного Карабаха отныне не будет нарушена злой волей, откуда бы она ни исходила.

Глава 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ И РЕАЛИИ

«...Термин «Азербайджан» избран потому, что, когда устанавливалась Азербайджанская республика, предполагалось, что персидский и этот Азербайджан составят одно целое... На этом основании было принято название «Азербайджан», но, конечно, теперь, когда слово «Азербайджан» употребляется в двух смыслах – в качестве персидского Азербайджана и особой республики, приходится путаться и спрашивать, какой Азербайджан имеется в виду, Азербайджан персидский или этот Азербайджан...»

Василий Бартольд, академик, востоковед

«И в дальнейшем надо создавать такие произведения, чтобы они постоянно в последовательной форме доказывали принадлежность Азербайджану земель, где ныне расположена Армения. Мы должны сделать это. Мы должны открыть дорогу будущим поколениям.»

Гейдар Алиев, президент АР,
«Бакинский рабочий» 11 февраля 1999 г.

Мифы о якобы имеющих место спорах об историческом первенстве армян или азербайджанцев в Закавказье лишены какой-либо не только научной, но и логической базы. Ибо в принципе невозможно ставить на одну доску исторические реалии и высосанные из пальца псевдоисторические доктрины, пусть и освященные на «самом верху» в период коммунистического беспредела в исторической науке. Нижеследующий случай из реальной жизни как нельзя лучше характеризует суть этих «исторических споров».

Очередное заседание Минской группы СБСЕ по Нагорному Карабаху проходило летом 1992 г. в Риме. Заместитель руководителя карабахской делегации Аркадий Гукасян – в последующем министр иностранных дел и президент Нагорно-Карабахской Республики, отличаясь остроумием и быстротой реакции, часто ставил оппонентов в неловкое положение. Пресекая рассуждения одного из членов азербайджанской делегации, заявившего, что Карабах-де всегда был частью Азербайджана, Гукасян резонно заметил, что нельзя говорить о Карабахе как составной части Азербайджана, коли Арцах или Карабах известен всему миру более тысячи лет, а Азербайджану всего-то чуть более 70.

В перерыве к Аркадию подходит Низами Бахманов, представлявший в бакинской делегации азербайджанцев Карабаха. Уже тогда взрослый дядька, бывший прораб Бахманов пробыл мэром Шуши всего две недели до взятия города карабахскими силами обороны. Этот человек сильно уставал в зале переговоров, ибо мало понимал, что происходит вокруг, и вообще плохо говорил по-русски.

Бахманов говорит Гукасяну, которого знал еще по прошлой, мирной жизни: «Слушай, Аркадий, зачем ты такое говоришь? Мой дед жил в Шуше, прадед 150 лет назад жил в Шуше, а ты говоришь, что Азербайджану 70 лет, да?!»

Вечером Аркадий Гукасян идет на прогулку по Риму и натывается на мост, на котором барельефно изображена карта Древнего мира, включая Римскую империю и Великую Армению. Гукасян возвращается в гостиницу, находит Низами Бахманова и говорит тому: «Низами, я был неправ: только что я видел в городе древнюю карту мира, и на ней есть Азербайджан!» Он объясняет Бахманову, как пройти до искомого места.

Бахманов собирает азербайджанскую делегацию, и они направляются к указанному Гукасяном мосту. Приближаются к нему и... застывают в немой сцене!

АЗЕРБАЙДЖАН КАК ОН ЕСТЬ

В советское время, особенно после Второй мировой войны, история Закавказья была извращена самым бессовестным образом. Средний советский человек, даже студент-историк, обучавшийся по препарированным коммунистами учебным пособиям, был уверен, что все три закавказские советские республики – Грузия, Армения и Азербайджан – были древними государствами, существовавшими под своими названиями не одно тысячелетие. Если бы тот же советский человек заглянул в зарубежные учебники (что было по понятным причинам практически невозможно), дореволюционные или первого десятилетия советской власти справочники и энциклопедии, он бы страшно удивился. Ибо он не нашел бы в них никакого Азербайджана севернее Аракса, то есть на той территории Российской империи, а затем Советской России, на которой была создана Азербайджанская ССР.

Вот пример реакции на столь ошеломляющее открытие, взятый из статьи Андрея Сербы «Уральское казачество хочет быть в составе России», опубликованной в приложении «Содружество» к «Независимой газете» в апреле 1999 г. Автор, рассуждая о судьбах народов, отрезанных ленинско-сталинским волюнтаризмом от своих стран и народов и сильно присоединенных к совершенно чуждым национально-территориальным образованиям, рассматривает в качестве примера и Нагорный Карабах.

«Заглянув в русский Энциклопедический словарь издания 1901 г., об Армении мы не узнаем ничего нового: страна существует с древнейших времен... Гумбольдт называл ее центром тяжести античного мира. Относительно Карабаха история свидетельствует, что он был заселен армянами как минимум за полтора тысячелетия до того, как в Закавказье появились первые кочевники-тюрки.

А вот об Азербайджане из словаря можно приобрести прежде неизвестную информацию: «Азербейджан, или Адербейджан (степная страна), в древности Атропатена, провинция Персии; 104 000 км² с 1,5 млн жителей, преимущественно туркмен и курдов...» Вот он, дореволюционный Азербайджан – персидская провинция, не имеющая к России никакого отношения! Но кто же тогда обитал на территории, которую несколько последних десятилетий называли «Советским Азербайджаном», как и почему возникло это словосочетание?»¹

¹«НГ-Содружество», № 4, апрель 1999. С. 5

Да и в первые десятилетия советской власти, по крайней мере, в период существования Закавказской Федерации (ЗСФСР), в советских справочных изданиях не скрывали, что Советский Азербайджан есть не что иное, как искусственное производное от провинции «Азербайджан» в соседнем с СССР Иране.

Посмотрим, что говорится об Азербайджане в I-м томе (1932 г.) Малой Советской энциклопедии. «Азербайджан, 1) крупная сев. провинция Персии, площадь – ок. 104 тыс. км². Ок. 1500 тыс. человек. Главные города – Тавриз, соединен жел. дор. с СССР (через Джульфу), Урмия, Хой, Соудж-Булак, Ардебиль, судоходное озеро Урмия, реки Аракс и Кизил-Узен. А. связан шос. дорогой Эрзерум–Трапезунд с Черным морем. Богатый фруктами район, хлопководство. Оживленные торговые отношения с СССР. Импорт – около 20 млн р., экспорт – около 12 млн р. 2) А. – см. *Азербайджанская ССР*»¹.

Итак, Азербайджан – провинция на севере Ирана. Азербайджан – трансформировавшееся сначала в арабской, а затем в тюркской транскрипции иранское название этой земли – «Атрпатакан». Последнее же происходит от греческого «Атропатена», то есть страна Атропата, сатрапа Александра Македонского, создавшего на развалинах былой империи государство, которое сатрап назвал собственным именем.

Отметим, что ни в МСЭ, ни в дореволюционных изданиях, Азербайджан никогда не называется ни страной, ни государством. И это правильно, ведь Азербайджан – всего лишь историческая провинция государства Персия.

Обратим внимание в той же МСЭ на статью, посвященную Армении: «Армения, горная страна между Малой Азией и Каспийским морем. Состоит из высоких горных хребтов. Много потухших вулканов (Арарат, Алагез и др.). Между горными хребтами лежат высокие котловины или нагорные плато. Реки принадлежат к бассейнам Черного моря, Каспийского моря (Аракс) и Персидского залива (Евфрат). Имеются большие озера: Ван, Урмия, и сточные Гокча (Севан – *прим. автора*) и друг. Климат континентальный с суровыми зимами. Растительность по б.ч. степная. Местами распространены леса. Население – армяне, курды, азербайджанские тюрки и турки-османы. В политическом отношении А. разделена на три части: Армянскую ССР, Турецкую А. и Персидскую А.»². И лишь на стр. 422 в статье «Армянская ССР» прочитаем об Армении советской.

Как говорится, почувствуйте разницу! Армения – «страна между Малой Азией и Каспийским морем»; Азербайджан – «северная провинция Персии».

Оказывается, Армянская ССР являет собой лишь небольшую часть страны Армении. Оказывается, реки Аракс и Евфрат (а также Тигр и Кура) берут свое начало в стране Армении, и там же расположены озера Ван и Урмия, которые на политической карте относятся соответственно к Турции и Ирану. Что не кажется чем-то удивительным: ведь страна Армения «в политическом отношении разделена на три части: Армянскую ССР, Турецкую Армению и Персидскую Армению».

Весь этот набор школьной информации является откровением лишь для людей, воспитанных в советское время и лишь по советским же учебникам. По крайней мере, до середины 1930-х гг. все эти сведения умещались в багаже любого более или менее образованного человека. О дореволюционном (до 1917 г.) периоде и говорить не приходится.

¹МСЭ. «Советская энциклопедия». Москва. ОГИЗ РСФСР. Том I. 1932 г. С. 146

²Там же, с. 414

Представьте, что прошедшему гимназический и, тем паче, училищный курс истории до-революционному россиянину кто-либо сказал, что Азербайджан расположен в российском Закавказье. Да он просто посчитал бы своего визави выжившим из ума! Ибо заявить такое было аналогично тому, чтобы сказать, что Афганистан находится в Туркестане...

Вернемся вновь к Азербайджану и его населению, прочитав в том же томе МСЭ статью «Азербайджанские тюрки»: «азербайджанские татары, азербайджанцы, народ, населяющий юго-восточный угол Закавказья, а также Персидский Азербайджан». А.т. – народ сравнительно недавнего происхождения, созданный в результате слияния покоренных туземцев Вост. Закавказья и сев.-зап. Персии с завоевателями-тюрками. Тюркская колонизация указанных областей началась вместе с завоеваниями турок-сельджуков во II в. Чрезвычайное усиление этой колонизации имело место в XIII–XIV вв. после монгольских завоеваний, нашествия Тамерлана и туркменских орд. Именно тогда тюрки массами оседают в Вост. Закавказье и сев.-зап. Персии. Постепенная тюркизация населения Вост. Закавказья наблюдается еще и ныне»¹.

Итак, как же случилось, что «юго-восточный угол Закавказья» в 1918 г. получил название «Азербайджан», коим до того называлась исключительно северная провинция Персии?

Ведь ни в одном историческом источнике, ни на каком языке вплоть до начала XX в. в рамках Закавказья (т. е. севернее Аракса) не упоминается о существовании Азербайджана. Возьмем, например, изданный в 1936 г. сборник документов «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60 гг. XIX в.», посвященный территориям, вошедшим после советизации Закавказья в АЗССР. К удивлению человека непосвященного, в 460-страничном сборнике, в который включены архивные документы русской администрации Закавказья, слово «Азербайджан» («Азербиджан») упоминается лишь единожды. И, разумеется, в отношении персидского Азербайджана².

Не правда ли странно: ни слова «Азербайджан» применительно к территориям, сведенным воедино в советском сборнике, посвященном политике царизма в Азербайджане? Впрочем, таковы были парадоксы коммунистической историографии.

Между тем прекрасно известно, что название «Азербайджан» применительно к территориям, вошедшим в 1920-е гг. в АЗССР, стало применяться лишь после 1918 г. А именно после установления на части этих территорий турецкого оккупационного режима в последний год Первой мировой войны и провозглашения так называемой «Азербайджанской Демократической Республики».

Искусственность и политическая ангажированность этого были очевидны современникам. Вот что писал о создании марионеточного образования русский патриот, лидер Белого движения генерал Антон Деникин в своих «Очерках русской смуты»: «Все в Азербайджанской республике было искусственным, «не настоящим», начиная с названия, взятого заимобразно у одной из провинций Персии. Искусственная территория, обнимавшая лезгинские Закаталы, армяно-татарские Бакинскую и Елизаветпольскую губернии и русскую Мугань и объединенная турецкой политикой в качестве форпоста пантюркизма и панисламизма на Кавказе. Искусственная государственность, так как на этих

¹МСЭ. «Советская энциклопедия». Москва. ОГИЗ РСФСР. Том I. 1932 г. с. 152

²«Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в.». Часть I, АН СССР, М.-Л., 1936 г. С. 300

землях, лежавших на пути великого переселения народов и подвергавшихся воздействию разнообразных культур сменявшихся завоевателей, жили всегда разрозненные мелкие племена, враждовавшие друг с другом и донные еще сохранившие черты кочевого быта. Наконец, искусственно держалось и азербайджанское правительство: первоначально – волею Нури-паши, потом – генерала Томсона и в дальнейшем – просто по инерции»¹.

После захвата бакинских нефтепромыслов в середине сентября 1918 г. у туркогерманских союзников на короткое время появилась иллюзия, что война еще не проиграна, и на волне этой эйфории турецкие османские войска попытались предпринять «последний бросок на Восток» – к вожденному мифическому Турану и вполне реальным землям Туркестана. А для этого нужно было владеть как российским Закавказьем, так и Азербайджаном, то есть северной провинцией Персии, что позволило бы занять коммуникации для переброски войск в Закаспийский край и Туркестан.

В Азербайджане турки завязли основательно, встретив ожесточенное сопротивление отступавших армянских частей, отдельных отрядов русских войск и вооруженных ополченцев из числа беженцев-армян и ассирийцев. В Закавказье успели больше. Оставив в тылу обескровленную крошечную Армянскую Республику, с которой турки вынуждены были заключить мирный договор «до лучших времен», и непокоренный Нагорный Карабах, османские войска бросились на Северный Кавказ, к Дербенту, в надежде поднять на джихад против «неверных» мюридов Дагестана и Чечни.

Но было уже поздно: союзники сломали сопротивление турок в Палестине, фронт стремительно обрушился, и Османская империя капитулировала. Однако, проиграв войну на Западе и вынужденно уходя из Закавказья, турки возложили свои надежды на буферную «Азербайджанскую Демократическую Республику».

Тысячи турецких офицеров, инструкторов и просто аскеров с начала оккупации Закавказья влились в ряды так называемой Кавказской мусульманской армии, ставшей прообразом армии АДР. Турецкие советники и получившие добрый заряд пантюркизма в Стамбуле, Казани и Бахчисарае лидеры закавказских татар встали у руля никем не признанной АДР, которую вскоре заняли англичане.

Последние имели собственные интересы в регионе, – прежде всего нефтяные, – и действовали по принципу «разделяй и властвуй». К тому же вчерашние союзники России по Антанте в войне с Тройственным союзом были лишь рады падению Российской империи и торопились погреть не совсем чистые руки у ее погребального костра. В интересах Лондона было поддерживать на окраинах империи антироссийские силы, к которым армянам отнести было, ну, никак нельзя. Потому-то английское военное командование и предложило армянам Карабаха и Зангезура признать над собой власть мусаватистского Азербайджана. Что, в свою очередь, породило у последнего иллюзию возможности безнаказанного геноцида населения этих исконно армянских областей.

Не прошло и года после ухода англичан, как в Баку вошли большевики. Аппетиты последних распространялись далеко за границы бывшей Российской империи. То есть не только на настоящая Азербайджан, но и на территорию Персии в целом.

¹А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. Воспоминания. Мемуары. Минск. Харвест. 2002. С. 297–298

Туда уже направлялись (десант в Энзели и т.п.) военные экспедиции с целью «экспорта мировой коммунистической революции». Сохранялась и надежда на советизацию постосманской Турции. В этих условиях «Азербайджанская Демократическая Республика» оказалась, как нельзя кстати, в качестве плацдарма для распространения коммунистической экспансии на юг и восток.

Тот же прием использовался Советами и впоследствии. И не только в том же северном Иране, где после Второй мировой войны уходящие из Ирана оккупационные советские войска создали и вооружили провозгласившие себя независимыми от Тегерана буферные Азербайджанскую и Мехабадскую республики. Другой яркий пример, – создание Сталиным накануне войны с Финляндией 16-й союзной республики – Карело-Финской ССР.

Готовясь же к возврату в лоно СССР Бессарабии, Сталин не только образовал, но и всячески укрепил в составе советской Украины, на левом берегу пограничного Днестра Молдавскую АССР – плацдарм для броска в Бессарабию (будущую правобережную Молдавскую ССР). Поэтому в первые десятилетия существования Молдавской ССР практически все руководящие ее кадры были выходцами из Приднестровья и ряда соседних регионов Украины...

Исключительность Советского же Азербайджана заключалась в том, что он был искусственно создан на землях, никакого отношения к настоящему Азербайджану и вовсе никогда не имевших.

Известный историк академик В. В. Бартольд уже в советское время писал в связи с этим: *«...термин «Азербайджан» избран потому, что когда устанавливалась Азербайджанская республика, предполагалось, что персидский и этот Азербайджан составят одно целое... На этом основании было принято название «Азербайджан», но, конечно, теперь, когда слово «Азербайджан» употребляется в двух смыслах – в качестве персидского Азербайджана и особой республики, приходится путаться и спрашивать, какой Азербайджан имеется в виду, Азербайджан персидский или этот Азербайджан...»¹*

Тот факт, что никакого Азербайджана в Закавказье не было вплоть до 1918 г., настолько очевиден, что даже самые маститые бакинские фальсификаторы и идеологи не могут что-либо возразить против него.

Даже наиболее, на наш взгляд, подготовленный и опытный деятель азербайджанского агитпропа, руководитель департамента конфликтологии бакинского Института мира и демократии Ариф Юнусов явно дает в этом вопросе задний ход. Так, 17 декабря 2007 г. А. Юнусов дал интервью информагентству «Day.Az», которое было посвящено «разбору» интервью директора Фонда «Возрождение Шуши» Григора Ованесяна, данному последним накануне тому же бакинскому информагентству.

Г-н Юнусов, владеющий предметом, наряду с пропагандистским выбросом очередных мифов, пару раз действительно «ловит» Ованесяна на распространенных в Ереване пропагандистских штампах и преувеличениях на карабахскую тематику. Вроде того, что относительно событий 23 марта 1920 г. в Шуше «говорить о гибели 30 тысяч армян в Шуше – это явная подтасовка, ибо, как показано выше, даже по российским статистическим данным видно, что тогда в Шуше вообще проживало 23 тысячи армян, и не все погибли в ходе тех трагических и кровавых событий».

¹«Сочинения». Т. II. Ч. I. С. 703

Однако когда речь заходит об интересующем нас вопросе, Юнусов ретируется под дымовую завесу демагогии: «Я уже устал читать «статьи» и «книги», а точнее пропагандистские описи о том, что вообще не было до XX века такого народа, как азербайджанцы, а были мусульмане – всякие там персы, курды, татары и т.д.»

Но если г-н Юнусов «устал читать пропагандистские описи», может он представит хоть один реальный источник, подтверждающий существование в Закавказье такой страны, как «Азербайджан», и такого народа, как «азербайджанцы», хотя бы в начале XX в?

Естественно, ни Ариф Юнусов, ни кто другой сделать этого не могут по той простой причине, что таких источников нет, и не могло быть в свете всего вышесказанного.

ПОДМЕНА, ОПРОКИНУТАЯ В ПРОШЛОЕ

Уникальность Советского Азербайджана заключалась также в том, что это образование, будучи искусственным, скроенным из разных земель и народов, в период вроде бы советских консолидации и «коренизации» новых социалистических наций, проводило вполне конкретную политику тюркизации. То есть ту же политику, которая велась в Кемалистской Турции – государстве, сумевшем сохранить большую часть своих малоазиатских территорий благодаря военной и финансовой помощи большевистской России, но очень скоро отошедшей от прокоммунистической риторики и установившей фактически антисоветский курс.

В идеологических лабораториях бакинского тюркизма уже в конце 1930-х гг. остро стала ощущаться потребность создания новой истории региона, известного еще какие-то 20 лет назад в качестве сборной солянки разноплеменных регионов и народов, но объединенного волей Кремля в «Советский Азербайджан».

Какими методами пытались экстраполировать на прошлое подмену географической идентификации «юго-восточного угла» Закавказья? Да самым простым. Все государственные и полунезависимые образования, когда-либо существовавшие в этом регионе Закавказья, произвольно объявлялись «азербайджанскими». Все государственные деятели, так или иначе связанные с современной территорией АзССР, в большинстве своем также объявлялись «азербайджанскими». Равным образом объявлялось «азербайджанским» и все культурное наследие, когда-либо существовавшее на этой территории.

Это был беспрецедентный пример фальсификации, которому трудно найти аналог. Абстрагируясь от действительности, это примерно то же, как если бы власти СССР, заполучив по итогам Второй мировой войны Восточную Пруссию, объявили бы ее родиной русского народа. Хотя оснований на то у Москвы было бы куда как больше: ведь общеизвестно, что Пруссия была когда-то славянской землей. Однако, даже имея такие, казалось бы, весомые аргументы, никто в руководстве СССР все же не додумался объявить Кенигсберг «древним русским городом Царьгорском», а философа Иммануила Канта – «великим русским мыслителем»!

Вот что писали известные российские ученые – доктор исторических наук Георгий Трапезников, канд. ист. наук Алла Тер-Саркисянц (ныне доктор ист. наук) и канд. ист.

наук Михаил Мельтюхов – в работе «Исторические фальсификации с политической подоплекой», которая посвящена азербайджанским фальсификациям истории Закавказья.

«Таким образом, налицо метод действия по принципу известной турецкой поговорки, гласящей: «город наш – и халва наша». То есть, что захвачено путем истребления и геноцида местного населения, то мое, включая историю и культуру. Этот принцип активно применялся и применяется в Турции в отношении земель и исторических памятников культуры армян, греков, ассирийцев, а сегодня и курдов. В советское время так же пытались присвоить в Азербайджане памятники истории и культуры армян, персов, лезгин и др. народов.

Именно так фарсиязычный поэт Низами, одинаково почитаемый и в Иране, и в Таджикистане, был объявлен «азербайджанским», а труды его спешно переведены на азербайджанский язык, не имевший до начала 1920-х гг. своей письменности. Поэт Физули, живший... в Северном Ираке, также объявлен «азербайджанским», и в честь него в конце 1950-х гг. был переименован основанный русскими в прошлом веке карабахский райцентр Карягино...

Не более чем смехотворны и попытки увязать принятые в Персии названия административно-территориальных образований «ханства» с никогда не существовавшим до 1918 г. «азербайджанским государством». Исходя из этого постулата, можно столь же смело утверждать, что значительные территории Средней Азии (например, Хивинское ханство и др.) были также «азербайджанскими землями».

Исторические источники свидетельствуют, что закавказские ханства были разнородными по национальному составу: наряду с теми, где преобладали представители одного народа (как армяне в Карабахском ханстве), существовали ханства со смешанным населением, где наряду с автохтонными народами – армянами, лезгинами, удинами, талышами и др. – жили кочевые тюрки и курды, а некоторые их племена постоянно перемещались в поисках пастбищ по всей территории Закавказья и Северной части Ирана, то есть Азербайджана настоящего, а не мнимого. Среди ханов были люди самого разного этнического происхождения, в т.ч. армяне и грузины, принявшие ислам.

Аналогичным образом тюркские топонимы, широко распространившиеся в Малой Азии и Закавказье после нашествия огузов, османов, племен ак-коюнлу и кара-коюнлу («белого и черного баранов»), а позже взятые на вооружение русскими военными и картографами для унификации трудных для русского уха местных названий, отнюдь не являются свидетельством исторической принадлежности указанных территорий кочевникам-тюркам. Исходя из этого, можно считать «азербайджанскими», «турецкими» и Дагестан, и весь Северный Кавказ, где имелись и сегодня имеются множество тюркских топонимов, и многие народы именовались русскими чиновниками собирательным термином «татары», хотя ни по происхождению, ни даже по языку они часто не имели никакого отношения к тюркам»¹.

Дальше – больше. Советские и постсоветские азербайджанские ученые задались целью «доказать», что азербайджанские тюрки были автохтонным населением региона, а армяне же были переселены в Закавказье, то есть якобы в «Азербайджан», на территории которого царизм и создал Армению, попутно осуществляя геноцид «азербайджанцев».

¹М. Мельтюхов, А. Тер-Саркисянц, Г. Трапезников. Исторические фальсификации с политической подоплекой. В Азербайджанской Республике на государственном уровне фальсифицируется история Закавказья. Москва. 1999. С. 10–12

При этом с завидной легкостью были отвергнуты очевидные факты. А именно, что Армения существовала на своем месте с незапамятных времен, что и нашло отражение в известных исторических источниках древности: греческих, иранских, римских, арабских, грузинских, армянских и т.д. Что тюрки – османы, огузы и проч. – впервые небольшими группами появились на территории Закавказья и Малой Азии в X–XI вв. н.э. Что термин «азербайджанцы» в отношении кочевавших в Закавказье и ставших частично оседлыми сотню-другую лет назад тюркских и курдских племен появился лишь в советское время. И так далее.

Естественно, фальсификация стала основным, если не единственным средством подобных «доказательств». Причем фальсификации подверглись даже ранее известные источники. В вышеупомянутой работе трех российских ученых читаем:

«В 1959 г. в Баку в издательстве Академии наук АзССР Институтом истории этой республики была издана рукопись Мирзы Джамала Джеваншира Карабагского «История Карабаха» на трех языках – фарси, русском и азербайджанском.

Само произведение было написано в середине прошлого века на фарси. Русский перевод (сокращенный и вольный, как сказано в предисловии к изданию) был осуществлен А.Берже и напечатан в 1855 г. в издававшейся в Тифлисе газете «Кавказ» (№№ 61, 62, 65, 67, 68, 69). На азербайджанском языке произведение публиковалось впервые. Отметим, что современные азербайджанские ученые также сделали вольный перевод как на русский, так и на азербайджанский языки, поэтому в тексте появилось немало слов и географических терминов («Азербайджан», «азербайджанский»), которые, как это понятно любому историку, отсутствовали в фарсидском оригинале»¹.

То есть спустя сотню лет в оригинальный текст задним числом произвольно «вбивались» названия и эпитеты, призванные доказать современному читателю, будто бы изложенные в рукописи события имели какое-то отношение к Азербайджану, бывшему-де территориально предшественником современной Азербайджанской ССР!

Это примерно то же самое, как если бы современные учебники вкладывали бы в уста Александра Невского призыв «отразить вторжение Тевтонского ордена в Калининградскую область Российской Федерации», а Золотую Орду именовали бы Татарской или Башкирской республикой. Хотя и это сравнение еще слишком слабое: тевтонцы действительно вторглись когда-то в славянскую Пруссию, а разнородные тюркско-курдские племена кочевали по Азербайджану и другим территориям Персии, – включая и все Закавказье, вовсе не задумываясь о том, где же в действительности их родина...

Таким же образом задним числом стали корректировать старые карты и учебники. Эти фальсификации настолько прижились, что сегодня мало кто задастся вопросом, увидев в пособии или учебнике по истории, скажем, XIX в. надпись «Азербайджан» на территории Закавказья, то есть севернее реки Аракс. Это и есть наследие «совка». Ведь, кажется, чему удивляться, если советские школьники начинали изучение курса «История СССР», – государства, возникшего в 1922 г. на основе Советской России, с Урарту и других древнейших государств, многие из которых находились вне территорий, вошедших в XX в. в Советский Союз?

В независимой Азербайджанской Республике пошли куда дальше, чем в АзССР. Ниже приведем всего лишь два примера «научных изысканий», которые не оставляют никаких сомнений в их полном соответствии «генеральной линии».

¹М. Мельтюхов, А. Тер-Саркисянц, Г. Трапезников. Указ. соч., с. 5

В январе 1999 г. азербайджанский официоз – информационное агентство «АзерТадж» сообщило о выходе первых двух томов «фундаментального 7-томного издания «История Азербайджана», подготовленных коллективом ученых Института истории АН республики». «Наши ученые, – сообщало «АзерТадж», – неопровержимыми документами, основанными на новых археологических находках, доказали, что Азербайджан является одним из самых древних мест поселения человека и культурным центром, возраст нашей истории – более полутора миллионов лет»¹.

В 1999 г. во многих странах Среднего Востока отмечался 1300-летний юбилей эпоса «Китаби-деде Горгуд», написанного на фарси и почитаемого в качестве национально-го в Иране, в Средней Азии. В Баку прошло торжественное заседание госкомиссии АР под председательством Г. А. Алиева, посвященное этому событию. Вот некоторые фрагменты из выступления на этом заседании ректора Нахичеванского университета И. Габибейли.

«Присутствие в Нахичевани названий мест, упоминаемых в «Деде Горгуде», говорит о том, что наш Горгуд-баба поставил свою печать, торжественно-азербайджанскую печать на эту землю. А это может послужить хорошим ответом тем, кто и сегодня претендует на наши земли, лживым, живущим грезами, армянским историкам и шовинистам... Для того, чтобы доказать, что территория надуманного армянского государства, объявившегося в конце XIX и реализованного в XX в., является древней землей Азербайджана, одним из важных факторов является изучение топонимов из «Деде Горгуда» в Армении... Азербайджанский вариант этого (эпоса – прим. автора) является более древним, и он даже повлиял на созданную до нашей эры «Одиссею» Гомера...

А это дает возможность обосновать, что история азербайджанского народа, создавшего дастан, простирается еще глубже»².

Возникает вопрос: не хочет ли автор, демонстрируя очевидную абсурдность подобных псевдоисторических изысканий, сказать, что современное государство Азербайджанская Республика не имеет права на существование?

Конечно же, нет. Вопрос совсем в другом.

Во-первых, искусственные границы этого прежде административного образования в составе СССР не могли при развале СССР и не могут ныне считаться «незыблемыми». Ибо проведены они были вопреки воле насильственно включенных в АзССР народов: армян, лезгин, аварцев, талышей и других автохтонов региона, исконно проживавших на своих исторических землях. Проведены не договорами и соглашениями с этими народами и соседними республиками, а волюнтаристскими решениями партийных инстанций третьей страны – Советской России.

И, во-вторых: исходя из вышеприведенных фактов, какие-либо звучащие из Баку утверждения о том, что та или иная спорная или самоопределившаяся территория бывшей АзССР является «исконной территорией Азербайджана», являются априори ложными и не могут рассматриваться в качестве аргумента о принадлежности Азербайджанской Республике как самих этих территорий, так и культурного наследия населяющих их народов.

¹ «Бакинский рабочий», 14.01.1999 г.

² «Бакинский рабочий», 20.02.1999 г.

КТО КУДА И ОТКУДА ПЕРЕСЕЛЯЛСЯ?

Факт опрокинутой в прошлое территориальной подмены персидского Азербайджана новой советской Азербайджанской Республикой столь показателен, что, опираясь только лишь на один этот факт, можно с легкостью развенчать все современные пропагандистские домыслы официального Баку и стоящей за ним Анкары.

Однако обратимся и к конкретным фактам.

Известно, что азербайджанская пропаганда голословно развивала и развивает две взаимоисключающие версии. Во-первых, что армяне переселились в Нагорный Карабах после 1828 г. Во-вторых, что армяне, жившие до того периода в Карабахе, были не армянами, а «албанцами»-христианами и представляли меньшинство.

Посмотрим, что говорят на это исторические источники.

Античные источники констатируют, что во времена армянских царей Арташеса и Зареха (II в. до н.э.) и позднее – во время Страбона (I в. до н.э.)¹ население Армении было однородным по языку. Арцах (Карабах) был составной частью Армении, что подтверждается и другими древними авторами: «Великая Армения ограничивается с севера частью Колхиды, Иверией и Албанией по вышеуказанной линии, проходящей через реку Кир (так именовалась Кура в древнегреческих и римских работах – прим. автора)»². «Это племя (албанцев), расселившееся по кавказским горам, доходит, как сказано, до реки Кира, составляющей границу Армении и Иверии»³.

Византийский император Константин Порфирородный (913–959 гг.), направляя письмо на имя князя Хачена (одно из названий Арцаха, позже ставшее названием одного из княжеств-меликств Нагорного Карабаха), адресует его «в Армению»⁴.

Побывавший в начале XV в. в Карабахе немец Ганс Шильтбергер отмечал, что равнинный Карабах «лежит в Армении»⁵.

В VII в. Арцах (известный также по греческим источникам как «Орхистена») был не только этнически армянской провинцией, но и имел свой диалект армянского языка, о чем свидетельствует Стефан Сюнеци⁶. Персидский анонимный географ начала XIII в. также отмечает, что население Хачена «есть армянское» – «армани анд»⁷. О том же говорят и грузинские источники⁸.

Этнический состав населения Карабаха не претерпел каких-либо существенных изменений и в последующие века. Вот некоторые данные о населении армянского Арцаха

¹ Страбон. XI. XIV. 5

² Клавдий Птолемей. География. V. XII. 1

³ Плиний Старший. Естественная история. VI. 39

⁴ К. Порфирородный. О церемониях Византийского двора. кн. II. Гл. 48

⁵ Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке». Перевод и примечания Ф. Бруна. Одесса 1866. С.110

⁶ Н. Адонц. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Петроград. 1915. С.187

⁷ ЛО ИВ АН СССР. Рукопись А-253. Л. 202 б

⁸ См., например: «Картлис Цховреба». Т. II. С. 60–67, 77. На груз. языке

в XVIII в. и его динамике, отразившей период войн и нашествий турок, персов и кочевых тюркских племен и многократное сокращение численности населения края вследствие его гибели в ходе войн, эпидемий и вынужденного переселения за пределы края.

Согласно посланию карабахских меликов (князей) Екатерине I от 1725 г., в каждом из 6 магалов (округов) Карабаха насчитывается 30, 40, 50 селений, в которых по 600, 500, 400, 200, 100, 50 дворов¹.

В записке грузинского царя Ираклия II от 1769 г. говорится: «Хамс (т.е. 5 меликств Арцаха) составляет владение... народ весь армянского закона, в том владении находится армянский патриарх»².

Сами названия многочисленных документов из Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА), Архива внешней политики России (АВПР), других архивов бывшего СССР (ныне российских и ряда стран СНГ), содержащихся в Актах Кавказской археографической комиссии (АКАК), однозначно свидетельствуют об армянском характере Нагорного Карабаха на протяжении всего XVIII в. То есть в период, когда, по мнению фальсификаторов, в крае то ли вообще не было армян, то ли это были не армяне, а какой-то другой народ.

Приведем лишь названия некоторых из этих документов, которые говорят сами за себя.

«Донесение Минаса Вардапета о результатах поездки в Персию по поручению Петра I и, в частности, о численности армянского населения Карабаха» от 14 марта 1717 г.

«Грамота Петра I армянскому народу о готовности России принять под свое покровительство армян Карабаха» от 3 июня 1723 г.

«Обращение карабахских меликов к Петру I о готовности армянского населения силой оружия поддержать приход русских войск» от 5 марта 1724 г.

«Свидетельство британского путешественника и купца Джонаса Ханвея об армянских укрепленных районах – сигналах», зима 1727 г.

«Заявление юзбаша Тархана в коллегии иностранных дел России о борьбе армян с турецкими завоевателями и о желании оставаться на своей родине – Карабахе», 21 октября 1729 г.

«Фирман турецкого султана управляющему шекинской провинцией о наступлении на армянские укрепленные поселения – сигналах с целью их уничтожения», март–апрель 1731 г.

«Донесение барона Петра Шарифова императрице Анне Иоанновне о возможности при помощи армян завладеть малой Арменией, именуемой «армянскими сигналами», 14 сентября 1733 г.

Эти и многие сотни других архивных документов собраны в вышедшем недавно в свет сборнике документов «Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике»³. Составитель и ответственный редактор сборника – известный российский юрист-международник, профессор Юрий Георгиевич Барсегов⁴.

¹«Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века». Т. II. Ч. II. Ереван. 1967. С. 249

²«Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии». Т. I. С. 1768 по 1774 гг. Под ред. А. А. Цагарели. СПб. 1891. Док. 198. С. 434

³Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий. Том I. Москва, Круг, 2008 г.

⁴К глубочайшему сожалению автора, когда книга готовилась к печати, проф. Ю. Г. Барсегов скончался на 84-м году жизни

Любопытная деталь открылась в ходе подготовки данного сборника, при работе с документами в общем зале Российской Государственной исторической библиотеки. Оказалось, что в некоторых томах АКАК – а это толстенные и впечатляющие своим форматом фолианты – многие посвященные Нагорному Карабаху документы были варварски вырваны неизвестной рукой. О чем пришлось ставить в известность руководство библиотеки и обращаться в зал, недоступный для студентов и аспирантов. А как считают составители сборника, именно студенты и аспиранты из Азербайджанской Республики направляются на темные дела по хищению документов из библиотек.

Опять-таки, эта тактика не нова: именно так действовали в 1960–1970-х гг. турецкие студенты и исследователи в архивах ФРГ, «изымая» из них документы, посвященные геноциду армян в Турции в 1915–1923 гг. Изымали до тех пор, пока немецкие власти не исполошились и не ужесточили контроль в научных библиотеках и архивах...

Возвращаясь к главному предмету разговора, следует отметить, что именно по причине многочисленного и практически однородного армянского населения края российские монархи рассматривали Нагорный Карабах как базу для восстановления на Кавказе армянского государства как вассала Российской империи.

В 1783 г. Г. А. Потемкин в своем рапорте Екатерине II сообщает:

«Не имея еще повеления в. и. в., я дал резолюцию ген.-пор. Потемкину об Ибраимхане Шушинском, сближающую его к повиновению. Тут предлежит рассмотрению, чтобы при удобном случае область его, которая составлена из народов армянских, дать в правление национальному и чрез то возобновить в Азии христианское государство, сходственное высочайшим в. и. в. обещаниям, данным чрез меня армянским меликам»¹.

В указе Павла I от 1797 г., там, где речь идет о численности армянского населения Нагорного Карабаха на тот момент, называется цифра в 11 тысяч семей².

В начале XIX в., вследствие пережитых войн, нашествий, междоусобиц, эпидемий и неурожаев, а также вынужденного переселения части карабахцев и их меликов в Грузию и Ширван³, количество армянских семей Арцаха сократилось. Так, в 1823 г. на территории бывшего Карабахского ханства армян насчитывалось до 5107 дворов⁴.

Здесь следует напомнить, что собственно карабахская провинция охватывала не весь горный армянский край, а лишь те его территории, которые входили во второй половине XVIII в. в Карабахское ханство. Таким образом, в «Описании» не учитывается население северной части Арцаха – предгорий и гор Малою Кавказа, входивших до прихода России в Закавказье в состав другого персидского ханства – Гянджинского.

Учитывая традиционно большой размер армянских патриархальных семей (в среднем не менее 10 человек), в которых совместно проживали представители трех-четырёх поколений, а также принимая во внимание, вероятно, несколько преувеличенные данные о числе домов в Карабахе, приводимые в письме меликов Екатерине I, можно получить,

¹ЦГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 32. Л. 1. Об. Подлинник

²Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIV. С. 761. № 18189

³«Кавказская старина». Тифлис. 1872 г. № 2. С. 34–35, др. документы.

⁴Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. д.с.с. Могилевским и полк. Ермоловым 2-м. Тифлис. 1866. без пагинации

хотя и весьма приблизительную, динамику численности населения края в XVIII – начале XIX вв., свидетельствующую о том, что за какие-то сто лет его армянское население уменьшилось с нескольких сот тысяч до 50–60 тыс. человек.

Об этом говорят и статистические данные времен русского господства. Так, по данным на 1823 г., население нагорной части территории Карабахской провинции, примерно соответствовавшей территории НКАО, составляло всего лишь 36 490 человек. Из этого числа армяне составляли 84,6 %, или 30 850 человек; татары – 14,7 %, или 5370 человек¹.

Как видно из приведенных данных, даже после столетия перманентного сокращения числа армян в Нагорном Карабахе вследствие войн, эпидемий и вынужденных миграций, коренное армянское население по-прежнему составляло подавляющее большинство его жителей.

Но что же тогда насчет «великого переселения» армян в Закавказье в XIX в.? Ведь, по логике руководителей современной Азербайджанской Республики, армяне якобы «были переселены из Персии и Турции в Азербайджан, в том числе и в Карабах»².

*«После подписанных между Россией и Ираном Гюлистанского и Туркманчайского мирных договоров на исторических азербайджанских землях началось массовое заселение армян, на юге Кавказа проводился курс на создание армянского государства. В то же время был осуществлен процесс изгнания, депортации азербайджанцев со своих исконных земель», – заявил Гейдар Алиев в своем «Обращении к азербайджанскому народу» в марте 2000 г.*³

Председатель Милли меджлиса АР М. Алескеров 1 апреля 2001 г. в ходе презентации в Милли меджлисе книги «Трагические страницы нашей истории: геноцид» заявил, что «геноцид азербайджанцев совершается с начала XIX в. – с периода подписания между Россией и Ираном Гюлистанского и Туркманчайского договоров, со времени переселения армян из Ирана и других стран Ближнего Востока в Азербайджан, в частности, в Карабах, Иреван (так в Баку называют Ереван – *прим. автора*) и Нахчыван».

Исторической науке хорошо известно, что на протяжении XVI и XVII вв. сотни тысяч армян были насильственно выселены персидскими властями из Закавказья в Иран, главным образом для развития ремесел, земледелия, строительства и торговли. Особенно широкие масштабы этот процесс приобрел в начале XVII в. при Шахе Аббасе Великом. В шахской Персии появились целые города и множество поселений армян. После вхождения Закавказья в состав России в 1813–1828 гг. потомки части этих людей вернулись обратно в Армению в конце 1820-х – начале 1830-х гг. XIX в.

В Туркманчайском мирном договоре между Россией и Персией, который закрепил переход к России части Закавказской Армении, ранее административно разделенной на два персидских ханства – Эриванское и Нахичеванское, была особая статья 15. Этой статьей всем жителям и чиновникам «Аддербиджанской области» был предоставлен годичный срок для свободного перехода со своими семьями из персидских областей в российские и для вывоза и продажи движимого имущества; касательно же недвижимого положен был срок пятилетний.

¹Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г.

²См. «Бакинский рабочий», 23.12.1997 г., 23.01.1998 г., 31.03.1998 г. и т.д.

³«Бакинский рабочий», 30.03.2000 г.

Переселению из персидского Азербайджана в Российское Закавказье активно способствовал российский посол в Персии Александр Грибоедов, который в результате этого и пал жертвой разъяренной тегеранской черни.

В 1831 г. в Москве была издана книга известного тогда русского писателя-публициста Сергея Глинки «Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России с кратким предварительным изложением исторических времен Армении». Отпечатанная в типографии Лазаревского института восточных языков, книга была призвана не только способствовать выводу христиан из-под власти магометанской Персии, который автор расценивает как «доселе единственное в своем роде событие в летописях всемирных», – но и ознакомить русского читателя с историей Армении.

Одним из организаторов переселения армян из Персии в Россию был полковник Лазарь Екимович Лазарев (Газарян), происходивший из известной дворянской армянской фамилии, обосновавшейся в Москве при Екатерине Великой. Лазаревы известны во многом благодаря созданному ими Лазаревскому институту восточных языков (ЛИВЯ) – кузнице дипломатических кадров России на Востоке.

В своем отчете командиру Отдельного Кавказского корпуса, генералу от инфантерии, генерал-адъютанту и кавалеру графу Паскевичу Эриванскому полковник Лазарь Лазарев сообщал, что с 26 февраля по 11 июня 1828 г. было переселено 8249 семейств¹.

Общепринятой в исторической науке считается цифра в 40 тыс. армян, переселенных из Азербайджана и в целом из Персии в ставшее российским Закавказье. Подавляющее большинство из них поселено было в центре Восточной Армении – в Эриванском и Нахичеванском ханствах, где армянское население значительно уменьшилось в предыдущие два столетия вследствие войн и выселений в глубь Персии. Эти бывшие персидские ханства стали основой для создания так называемой Армянской области, представлявшей тогда началом реализации проекта по возрождению армянской государственности под сенью Российской империи. Впрочем, очень скоро область была превращена в обычную губернию, получившую название Эриванской.

Сам факт переселения армян из Персии, а также из Османской Турции в Закавказье, таким образом, действительно имел место, однако суть этого процесса представлялась и представляется совсем иначе, нежели сегодня пытаются его представить современные фальсификаторы истории из Баку.

Последние полностью сфальсифицировали вектор переселения. Армяне никогда не переселялись в никогда не существовавший в Закавказье «Азербайджан». Они возвращались на свою родину, в Восточную Армению из Азербайджана, то есть из Персии! Или переселялись в ставшую российской Восточную Армению, в Закавказье с армянских же территорий Западной Армении, оставшейся под властью Османской империи.

То есть из персидской провинции (!) Азербайджан христиане-армяне переселялись на отошедшие к России вчерашние закавказские территории Персии, никакого отношения к Азербайджану не имевшие. Подчеркнем еще раз: переселялись из Азербайджана в Восточную Армению и в целом Закавказье, ставшее полностью российским.

¹Сергей Глинка. Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России. Москва. 1831. С. 131

Сегодняшние же бакинские фальсификаторы, полностью подменив реальный исторический вектор, утверждают обратное: армяне-де в 1830-х гг. из Персии переселялись... в Азербайджан. Спрашивается, а в какой: уж не в советский ли, созданный сто лет спустя, в 1920 г.?!¹

Кстати говоря, число же переселенцев в Нагорный Карабах было вообще ничтожным. *«Из 700 семей армянских переселенцев в Карабахе в 1828 г. 300 семей вернулось обратно, а значительная часть оставшихся погибла в результате эпидемии чумы («Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20–60-х гг. XIX в.», Часть I, с. 201, 204). Поселены эти люди были в основном в низменной зоне Карабаха: «Кн. Абхазов... сих людей поселил на развалинах древнего столичного града Армении, известного по летописи под именем Барда» (там же, стр. 204).*

Отметим, что Барда, ныне одноименный райцентр Азербайджанской Республики близ Нагорного Карабаха, называется «древним столичным градом Армении»... Многие другие документы содержат также массу примеров ограбления возвращающихся армянских жителей как российскими чиновниками, так и новоявленными турецкими беками, захватившими земли армян»¹.

Наконец, еще один крайне важный момент.

На протяжении всего XIX в. имел место куда как более масштабный процесс переселения в российское Закавказье тюркских и курдских племен, представителей других мусульманских народностей из Персии. Вектор этого переселенческого процесса был также направлен из реального Азербайджана на те самые территории, которые после 1918 г. сначала были объявлены Азербайджаном «номер два», а потом – Азербайджанской ССР.

Эти миграции имели место в XVII–XIX вв., в том числе и в междуречье Куры и Аракса. Многие из них зафиксированы в исторических источниках, как, например, миграция курдских племен Колани в Нагорный Карабах (Лачин-Кельбаджар) или племени Джеваншир в Низменный Карабах.

В уже упоминавшейся рукописи Мирзы Джамала Джеваншира Карабагского «История Карабаха», хоть и «отредактированной» при переиздании в 1959 г. в Баку, в издательстве Академии наук АзССР, вполне однозначно говорится о том, кто и откуда переселился в Карабах буквально на глазах если не самого Мирзы Джамала, то его родителей.

Вновь обратимся к брошюре «Исторические фальсификации с политической подоплекой», в которой широко цитируется этот «замечательный памятник истории Азербайджана».

«Первый город, который был построен в Карабагском вилайете, это город и крепость Барда, что находится у реки Тертер, в трех фарсах от Куры. Жители того города в древние времена были то ли армяне, то ли какой-то другой народ. В те времена, когда бывшие халифы Бени-Аббаси {Аббасиды} благоустроили город Багдад, превратив его в Дар-уль-хулаф, и жили там, население того города в 306-м мусульманском году (919 г. н.э. – прим. наше) приняло ислам» (с. 64).

О происхождении и роде занятий вождя кочевых тюрков Панаха (которого современные азербайджанские ученые объявляют хозяином и чуть ли не единственным жителем армянского Карабаха) Мирза Джамал сообщает следующее: «Род покойного Панах хан

¹М. Мельтюхов, А. Тер-Саркисянц, Г. Трапезников. Указ. соч. С. 6–7

происходит от Дизакского Джеваншира из оймака Сарыджаллы, одного из ветвей племени Бахманлы, прибывшего в древние времена из Туркестана» (с. 66); «Панах хан, объединив вокруг себя многих удалых юношей из своих родственников и илатов, занялся грабежом в Ширванском, Шекинском, Ганджинском и Карабагском вилайетах» (с. 67).

И лишь затем Панах хан «задумал подчинить себе армянские магалы Хамсе» (с. 68; «хамса» по-арабски означает «пять», так называли пять армянских меликств (княжеств) Арцаха – Нагорного Карабаха; в исторической литературе Арцах часто называли «Хамсе» по-персидски, или «Хамсаи меликутьюн» – «пять меликств», по-армянски).

Далее на многих страницах рукописи следуют описания кровавых войн Панаха и его кочевников с армянами Карабаха и междоусобиц армянских карабахских меликов.

Хотя повествование Мирзы Джамала заканчивается началом 1830-х гг., о «переселении армян из Персии и Турции» в Карабах в нем ничего не говорится. О переселении же кочевых племен тюрков из Ирана на часть территории армянского Арцаха свидетельствуют, кроме Мирзы Джамала, и другие персидские и тюркские авторы, которых современная азербайджанская наука скопом причисляет к «азербайджанским».

Так, о кочевых тюркских племенах, кочевавших из района Мильской равнины в Иран и обратно, а затем вторгшихся в предгорные и горные районы Карабаха, писали также Мирза-Адигезал-Бек (Карабах-намэ. Баку. 1950 г., с. 53–60), А. Бакиханов (Гюлистан-Иран. Баку. 1926 г., с. 127–128) и др. Об этом также говорится в «Актах Кавказской археографической комиссии» (АКАК. Т. I. Тифлис. 1866 г., с. 120–124), генеалогической таблице карабахских ханов из племени Джеваншир (АКАК, Т. I, с. 695) и т.п.¹

Наиболее же сильный поток миграции тюрко- и персоязычного мусульманского населения в Закавказье приходится на конец XIX в. В этой связи уместно привести некоторые данные из советских азербайджанских, – по выражению В. Бартольда, «этого Азербайджана», – источников. В 3-х томной «Истории Азербайджана», изданной в АзССР в 1960-х гг., читаем, что, по далеко неполным данным, с 1880 г. число отходников лишь с северо-западных районов персидского Азербайджана

«составляло 30–35 тыс. человек в год. В действительности их было значительно больше: многие отходники не брали консульских приходных свидетельств и паспортов, переходили границу нелегально. Только районы Велькидж и Ардебиль выделяли почти по 20 тыс. отходников в год, т.е. в среднем по одному человеку от каждого крестьянского двора. Большинство отходников оседало на предприятиях в Баку»².

В оригинальном тексте упоминается не персидский, а «Южный Азербайджан», то есть используется термин, придуманный в Баку уже в советское время. Суть имевшего место процесса, однако, от этого не меняется.

Таким образом, из миллиона с лишним «кавказских татар», проживавших в Бакинской и Елизаветопольской губерниях в начале XX в., по крайней мере 600 тыс., или почти 50 %, прибыли в Закавказье с территории Персии, начиная с 1880 г.! И это по далеко не полным данным. На самом же деле численность переселенцев, как это и подтверждается самими советскими азербайджанскими академиками, была намного больше.

¹История Азербайджана (в 3-х томах) под редакцией академиков И. А. Гусейнова, А. С. Сумбатзаде и др. Издательство Академии наук Азерб. ССР. Баку. 1960 г. Т. 2. С. 253, 261, 262

²<http://www.karabagh.am/6DokiSvid/Perepis21.htm>

Кстати говоря, большинство мусульман Бакинского уезда даже в ходе сельскохозяйственной переписи АзССР 1921 г. идентифицировали себя не с «татарами», а с «татами», то есть не с тюрками, а с персоязычными татами-мусульманами – недавними выходцами из Ирана¹.

Таким образом, реально в Закавказье на протяжении XIX века имел место следующий процесс.

В 1813–1828 гг. разнородные и разноплеменные персидские Закавказские ханства переходят под власть России. Заинтересованная в заселении этих значительно опустошенных и обезлюженных в ходе десятилетий смут и разрухи земель, русская власть приглашает на эти земли переселенцев из Османской империи и Ирана – как христиан, так и мусульман.

Вследствие массового переселения мусульман из Персии (Азербайджана), в «юго-восточном углу» Закавказья создается относительное тюрко-мусульманское большинство, получившее собирательное название «кавказских татар». Под воздействием Османской Турции в массы кавказских татар (азербайджанских тюрков) проникают идеи пантюркизма и ирредентизма. При оккупации в 1918 г. большей части Закавказья туркогерманцами на турецких штыках объявляется «Азербайджанская Демократическая Республика», претендующая не только на настоящий, персидский Азербайджан, но и практически на весь Южный Кавказ (за исключением большей части Грузии), то есть практически на все армянские области бывшей Российской империи.

Тем самым массовое переселение тюркского населения из Азербайджана в Закавказье и последующие события привели к созданию в Закавказье протурецкого государства, получившего название по имени соседней иранской провинции. Следующий шаг – геноцид и поглощение армян и Армении, присоединение вновь объявленного Азербайджана к Османской империи и дальнейшая ее экспансия на Восток с поглощением Персии и выходом в Туркестан.

Мустафа Кемаль, названный впоследствии Атаюрком (отцом турок), ставший вдохновителем нового турецкого нашествия на Армению, так и писал накануне начала войны своему соратнику Али Фуад Джебесою в письме от 14 сентября 1920 г.: «С армянами начать благоприятную войну с тем, чтобы присоединить Азербайджан к Турции».

Последний пункт плана не был выполнен по ряду субъективных и объективных обстоятельств. Однако российские большевики способствовали сохранению и упрочению «азербайджанской химеры» в Закавказье, чем заложили мину замедленного действия под весь регион.

Годы советского абсолютизма были отмечены потаканием шовинистическим режимам в закавказских мини-империях, и прежде всего режиму в Баку. За это время местные идеологи-фальсификаторы умудрились в буквальном смысле перевернуть всю недавнюю историю с ног на голову, написать горы псевдонаучной и публицистической литературы, оболванить миллионы людей. Тем самым была подготовлена почва для оправдания как имевшей место в прошлом, так и последующей пантюркистской экспансии, которая вышла из подполья в конце 1980-х гг.

¹<http://www.karabagh.am/6DokiSvid/Perepis21.htm>

ТУРЕЦКИЙ СЛЕД: УКАЗУЮЩАЯ РУКА АНКАРЫ

Выше мы неоднократно обращались к теме искусственности и несамостоятельности государственного образования под названием Азербайджан, о чем писал еще Антон Деникин в «Очерках русской смуты». Ту же несамостоятельность и управляемость можно видеть и в идеолого-пропагандистской политике АзССР в последние годы существования СССР и в период независимости современной Азербайджанской Республики.

В самом деле практически все пропагандистские и исторические мифы, штампы и клише, раскрываемые в последние полтора десятилетия соответствующими идеологическими структурами Азербайджанской Республики, являются ни чем иным, как повторением штампов официальной турецкой пропаганды.

Так, например, известно, что все без исключения режимы современной Турции отрицали очевидный факт геноцида армян в 1915–1923 гг. в Османской и Кемалистской Турции. Ту же позицию, даже более радикальную, занимают сегодня «научные» и пропагандистские структуры Азербайджанской Республики. Весьма любопытно, что такую же позицию занимала наука в АзССР. Занимала негласно, так как «в дружной семье народов» открыто отрицать трагический факт истории, хоть нехотя, но все же признаваемый Кремлем, по понятным причинам, было не с руки. Однако на индивидуальном уровне глубокое убеждение о лживости «армянских претензий» укоренилось в среде интеллигенции титульной нации АзССР.

Интересный пример такого рода приводила еще в 1990 г. публицист и один из первых в СССР политологов Виктория Чаликова. В своей статье в приложении к «Литературной газете» «Досье» она рассказала, как в разгар брежневского застоя оказалась в одной из южных столиц на научной конференции, где «утренние доклады вечером щедро заливались вином».

«Мой соседом по застолью был молодой, красивый и хорошо образованный историк из Азербайджана. Между нами возникла та стремительно вспыхивающая и столь же стремительно уходящая дружба, какая бывает во время научных сборов. Когда за столом начались тосты за братские народы и дело дошло до Армении, был помянут тамадой мало кому известный в СССР, но вошедший в хрестоматию всего мира исторический факт: геноцид армян в Османской империи – истребление полутора миллионов мирных жителей – от грудных детей до парализованных стариков – в 1915 г.

В этот момент я услышала хрип и одновременно почувствовала, что мое платье намочило. Мой сосед вскочил, опрокинув бокал, и забился в истерику, повторяя: «Этого не было, этого не было. Ложь, ложь». Мы дали ему воды, это помогло, но ненадолго. Я хотела было напомнить ему о документах геноцида, но вспомнила, что ведь он историк и сам все знает. Но он никогда не примет этого знания, поскольку живет в ложном, абсурдном убеждении, что никакого отношения не имеющий к тем событиям в Османской империи Советский Азербайджан, а значит, и он лично, виновны во всех грехах против армянского народа, что так думает весь мир и сами армяне, которые раньше или позже за это отомстят!»

¹Виктория Чаликова, «Люди с содранной кожей», «Литературная газета-досье», март 1990 г. С. 12

Похоже, что подмеченное В. Чаликовой ложное убеждение было свойственно не только историкам, но и многим представителям азербайджанской интеллигенции, в том числе и непосредственно не связанным с правящими кругами этой республики. Так, писатель Чингиз Гусейнов, не отрицая прямо факт геноцида армян в 1915–1923 гг. в Турции, излагал канву событий тех лет следующим образом.

В своем интервью «Литературной газете» в сентябре 1992 г. он утверждал, что в годы Первой мировой войны России «удалось подвинуть армян на всевозможные авантюры – бунты («Ванское восстание»), мятежи («измена» национальных армянских частей турецкой армии в 1915 г.), явившиеся для османских властей желанным и долгожданным поводом к расправе над армянами («геноцид» 1915 г.)»¹.

В этом пассаже содержится полный набор штампов современной официальной турецкой пропаганды, которая базируется всего лишь на голословных утверждениях и передержках. Так, прекрасно известно, что восстание армян в г. Ван, административном центре одноименного вилайета, как раз и вспыхнуло после массовой резни в селах этой провинции. Точно так же известно, что армянские части не только не поднимали «восстания», но в большинстве своем были разоружены и истреблены как раз накануне санкционированных высшими властями Османской Турции массовых убийств и депортации армян. А на Дарданельском фронте армянские части и вовсе сражались с англо-австралийскими войсками вплоть до осени 1915 г., ничего не события в тылу.

Показателен сам факт, что советские азербайджанские историки и романисты дружно и убежденно судили о минувших событиях в регионе, исходя из постулатов официальной Анкары.

То, что молча принималось в среде советской азербайджанской интеллигенции на веру, хотя и скрывалось на официальном уровне, открыто вышло наружу после февраля 1988 г. И тут вдруг стало очевидным, что тезисы и идеологемы, используемые ЦК КП Азербайджана и республиканской наукой, печатью, широко звучащие на митингах, – суть не что иное, как повторение официальных построений турецкой пропаганды в отношении армянского вопроса и проблем истории региона в целом.

В этом плане интересно обратиться к некоторым публикациям в турецкой прессе, которые имели место в период после февраля 1988 г.

Во-первых, представляет интерес тот факт, что с самого начала карабахского кризиса конца 1980-х турецкая пропаганда напрямую связывала карабахскую проблему с армянским вопросом в целом и с геноцидом 1915 г. в частности. То есть признавала как раз то, что всячески отрицалось как в Москве, так и в Баку.

При этом позиция Баку была двойственной. С одной стороны, бакинские идеологи отрицали какую-либо параллель между событиями 1918–1920 гг. в Баку, Карабахе и 1988–1994 гг. в Сумгаите, Баку; между убийствами и депортацией армян из Карабаха, с одной стороны, и геноцидом 1915–1923 гг. в Османской империи и Кемалистской Турции – с другой. Ведь как уже говорилось выше, даже в застойные времена азербайджанские ученые и идеологи склонны были неофициально отрицать геноцид армян в Турции, а в годы после распада СССР в этом вопросе официальный Азербайджан был на голову впереди Анкары.

¹Чингиз Гусейнов, «Правд много, истина одна», «Литературная газета», 16.09.1992 г.

По мере приближения развала СССР азербайджанская пропаганда все чаще стала повторять турецкие тезисы об «экспансии армян» против турок Турции и Азербайджана, их намерении мстить за «надуманный геноцид» и проч. Известный турецкий журналист Али Мехмед Биранд, обозреватель ведущей турецкой газеты «Миллиет», утверждал, что отношения между армянами и азербайджанцами стали ухудшаться с середины 1970-х гг. параллельно с усилением антитурецкой кампании в связи с утверждениями о «так называемом геноциде армян»¹.

Профессор Хасан Кени и обозреватель Сами Коев в той же газете заявляли, что воодушевленные принятием в 1987 г. Европарламентом резолюции «О политическом решении армянского вопроса» (в которой официально признавался геноцид армян 1915 г.), армяне «при поддержке церкви, зарубежных партий, экстремистских и террористических организаций» решили поднять вопрос о присоединении Нагорного Карабаха к Армении².

7 марта 1988 г. газета «Миллиет» поместила информацию турецкого агентства «Анадолу Амансы». В ней со ссылкой на явно мифического азербайджанца, с которым будто бы беседовал корреспондент, говорилось, что «зачинщиками событий, имевших трагический исход, явились армяне и их партия «Дашнакцутюн». И что-де «в Карабах на грузовиках завозят капушту, под которой спрятаны оружие и боеприпасы, которые посылает «Дашнакцутюн»³.

Любопытно, что нечто подобное в первой половине 1988 г. декларировала и советская пресса, склонная видеть за событиями в Нагорном Карабахе руку «подстрекателей с Запада».

Газета «Тюркие» писала 27 июня 1989 г.: «Силы, использующие как средство для создания «Великой Армении» требования о «воссоединении с Арменией» составляющего неотъемлемую часть Азербайджана Нагорного Карабаха, с целью разрушения турецкого государства, установления барьера между турками Анатолии и Азии и их разделения, начиная с 1970-х гг., снова поставили на повестку дня армянский вопрос»⁴.

Раздавались и вполне беспочвенные обиды и обвинения в адрес коммунистического Кремля. Так, газета «Тюрджеман» писала 18 апреля 1988 г., что «карабахский вопрос спровоцирован Москвой и является началом крестового похода Советов против турецкой нации». Там же утверждалось об антиазербайджанских настроениях в «среде Академии наук СССР»⁵.

Как утверждала газета «Джумхуриет» от 18 июля 1988 г., если Нагорный Карабах будет присоединен к Армянской ССР, то «в качестве следующего шага армяне выдвинут территориальные требования к Турции»⁶.

После резни в Сумгаите многие турецкие обозреватели выражали явную озабоченность проводимыми в Ереване и Степанакерте параллелями между сумгаитской резней и событиями 1915–1923 гг. в Турции. Тот же Али Мехмед Биранд писал, что «армяне всячески пытаются втянуть Турцию в армяно-азербайджанский конфликт, постоянно сравнивая Сумгаит с «так называемым геноцидом армян»⁷.

¹«НКАО в зеркале турецкой пропаганды», газета «Коммунист» (Ереван), 08.07.1989 г.

²Там же

³Там же

⁴Там же

⁵Там же

⁶Там же

⁷Там же

Заслуживает внимания и тот факт, что в публикациях турецкой прессы всегда содержались те же псевдоисторические тезисы, что и в официальной бакинской пропаганде. Речь идет прежде всего о стандартных утверждениях, что Закавказье-де было «исконно азербайджанским», читай, турецким, а армяне-де были туда переселены царизмом.

Так, например, в статье в газете «Тюркие» от 27 июня 1988 г., в частности, говорилось: «С незапамятных времен и из поколения в поколение местопребывание азербайджанских турок было в этих зонах, и после захвата Россией там поселилось 90 тыс. армян из Анатолии и 30 тыс. из Ирана... Коммунистическая Россия истребила турок... Если сегодня армяне составляют в Карабахе большинство, то причина в том, что турецкое население подвергалось резне и насильственному изгнанию»¹.

Газета «Хьюрриет» утверждала, что после советизации Закавказья границы Армении были расширены в ущерб Азербайджану, а Нагорному Карабаху «в пользу армян была дана автономия»².

Характерны часто встречавшиеся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в турецкой прессе откровения-признания о том, кто в конечном счете оказывает не формальное, а реальное, определяющее влияние на идеологию азербайджанского общества.

В газете «Миллиет» от 20 ноября 1990 г. в статье Чошкуну Кэрча, посвященной роли Турции в закавказских делах и армяно-турецким отношениям, говорилось:

«И пусть никто не связывает надежды с тем, что 80 % людей в Азербайджане голодают за коммунистическую партию. Ведь все, включая эту партию, – в руках турецкой нации... Если вы, армяне, возьметесь за ум, то будете удостоены нашего прощения, и мы (и только мы!) сможем повелеть нашим братьям-азерам, чтобы они забыли свои проказы. Давно прошли те времена, когда азеры ловили каждое слово Кремля... Азеры хорошо знают, что надеяться им можно только на Анкару»³.

Турецкие фальсификации истории региона также сознательно поддерживаются на мировой арене теми силами, которые делали и делают ставку в регионе на усиление «отеческой» роли Турции в отношении стран постсоветского пространства. Это характерно прежде всего для США и Великобритании, которые однозначно, хотя и не столь прямолинейно, оказывают поддержку в регионе Южного Кавказа турецкому сателлиту – Азербайджану.

Речь в данном случае, конечно, не идет о каких-то политических симпатиях, а о том, что Азербайджанская Республика имеет ценность в качестве не столько полигона для добычи нефти, но как транзитная территория для перекачки действительно значительных нефтегазовых запасов Средней (Центральной) Азии.

Армен Айвазян, современный армянский историк, известный своими научными выступлениями, разоблачающими проводимую официальными научными кругами США официальную политику фальсификации истории региона Малой Азии и Закавказья, писал в одной из своих статей:

«Процесс восстановления армянской государственности протекал на фоне национального стремления восстановить историческую справедливость и именно по этой

¹«НКАО в зеркале турецкой пропаганды», газета «Коммунист» (Ереван), 08.07.1989 г.

²Там же

³«Миллиет», 20.11.1990 г.; перевод статьи был опубликован в армянской газете «Арач» (Париж) 22.11.1990 г.

причине неразрывно был связан с вопросами истории. Следует особо подчеркнуть, что заинтересованные в распаде Советского государства в целом и в переделе Закавказского региона в частности международные силы – в первую очередь официальные Вашингтон и Анкара прекрасно понимали «армянскую особенность» перспективного суверенитета и десятилетиями подготавливали весьма солидный контингент «интеллектуальных агрессоров». Главным предназначением последних являлось переименование базовых принципов и этапных событий армянской истории. Свидетельством изощренности подобной разработки представляется активная вовлеченность в сам процесс специалистов армянского происхождения».

В своих работах, посвященных состоянию арменистики на Западе, А. Айвазян приводит многочисленные примеры соответствующих искажений и фальсификаций¹.

Так, один из ведущих представителей американской арменистики, армянин по происхождению Рональд Сюни написал в 1993 г. монографию «Взгляд на Арарат. Армения в новой истории», в которой использованные первоисточники часто не указаны, причем вместо исторического названия страны Армения пишется Анатолия или Восточная Анатолия. Кстати, термин «Анатолия» в переводе с греческого означает «восточная», так что само сочетание Восточная Анатолия является нонсенсом. Это нечто вроде масла масляного или рыбы рыбы.

В монографии Р. Сюни утверждал, что современные армяне генетически не связаны с древними армянами, что является прямым повторением «теории» турецкого фальсификатора Кямуран Гюруна. Сюни утверждал также, что кавказские армяне до «русской аннексии» не имели школ, причем еще в XVIII столетии армянский язык представлял собой собрание взаимонепонятных диалектов.

Известно, что турецкая официальная историография традиционно искажала древнеармянскую историю и литературу, и в первую очередь ее классиков, авторов V в. – Мовсеса Хоренаци, Егише, Фавстоса Бузанда. В этой связи симптоматично, что именно с начала 1950 гг. американская «арменистика» в полном соответствии с принципами турецкой историографии приступила к извращению основополагающих вопросов армянской истории. Симпатично потому, что Турция именно в 1952 г. стала членом НАТО, а за три года до того, в 1949 г., между Анкарой и Вашингтоном было подписано базовое соглашение о военно-стратегическом партнерстве.

В 1978 г. профессор арменистики Гарвардского и Оксфордского университетов Роберт Томсон издал собственный перевод на английский язык знаменитого труда «отца армянской истории» Мовсеса Хоренаци «История Армении», переименовав его название как «История армян». Искажение названия сочинения Хоренаци явно свидетельствовало о приверженности автора перевода к принципам турецкой историографии, рассматривающей понятие «Армения» как сугубо географическое.

Более того, в предисловии к своему переводу Томсон назвал Хоренаци «обманщиком», «фальсификатором», который якобы «сознательно искажает источники и сочиняет эпизоды». Тенденциозен и подход Томсона по отношению к другому историку V в. – Егише.

¹Далее приведены факты, почерпнутые из различных статей в Интернете и работ А. Айвазяна в изложении автора книги, но с конкретными цитатами западных арменоведов

Он заявил:

«Егише лжет, когда говорит о своем участии в Аварайрском сражении. Он мог жить только в конце VI в., а может, и позднее... Для исследователей военной и политической истории армян очаровательное литературное повествование Егише не содержит сколь-нибудь достоверной информации. Свидетельства и утверждения Егише нельзя принимать за чистую монету, ибо написаны они не современником этих событий».

Им вторил доктор Роберт Бедроян: «Из списка первоисточников мы обязаны выкинуть две книги, традиционно воспринимаемые как продукция V в.: это сочинение Егише «О Вардане и армянской войне» и приписываемая Мовсесу Хоренаци «История Армении».

«Можно привести не один десяток примеров столь циничного и пренебрежительного отношения современных западных арменоведов по отношению к истории Армении, – писал Армен Айвазян. – Прошлое одного из древнейших народов мира ныне «редактируется» по-новому и в искаженной форме выносятся на мировой интеллектуальный рынок. Совершенно очевидно, что «интеллектуальная оккупация» армянской ретроспективы ориентирована на армянскую перспективу и координируется Госдепартаментом США».

Наконец, важным является то обстоятельство, что американские арменоведы, порождение времен «холодной войны», призванные служить ее идейным требованиям, естественно, не хотели бы говорить о возникшем именно в Нагорном Карабахе в 20-е гг. XVIII в. армяно-русском военно-политическом сотрудничестве. Ибо исторически этот союз был направлен против Турции – современного союзника США по НАТО. Более того, исключительная стабильность этого сотрудничества укрепляла дружбу между армянами и русскими – двумя народами Советского Союза, а после его распада – независимых Армении, включая де-факто и Нагорный Карабах, и России.

«С 1991 г., с обретением Арменией независимости, традиционное армяно-русское военно-политическое сотрудничество переросло в межгосударственный стратегический военно-политический союз, что явилось уже серьезным препятствием к расширению сфер влияния НАТО, – напоминает Армен Айвазян. – Можно не сомневаться, что именно недовольство военно-политическим сотрудничеством между Арменией и Россией стало причиной «критики» Сюни советских армянских историков»¹.

«Пытаясь оправдать современные связи между Россией и Арменией, советские историки слишком муштровали тему прорусской ориентации карабахских меликов XVIII в... В действительности же прорусская ориентация никогда не была стабильным и всеохватывающим состоянием ни для кавказских армян, ни для большинства армян вообще», – писал все тот же Р. Сюни².

¹Армен Айвазян. Освещение истории Армении в американской историографии. Критический обзор. Ереван. Артагерс. 1998 г., на армянском языке. Авторский перевод с армянского оригинала на русский был любезно предоставлен автору Арменом Айвазяном

²Ronald Suny. Looking toward Ararat.: Armenia in Modern History. Bloomington: Indiana University Press. 1993. Pp. XI. P. 34

Явно не случайно, что в конце 1990-х гг. Рональд Сюни, Ричард Ованнисян и некоторые другие американские арменоведы армянского происхождения явились ключевыми фигурами в разработанной в Вашингтоне программе армяно-турецких контактов. Одним из главных пунктов которой призвана была стать так называемая «Армяно-турецкая комиссия по примирению» (АТКП). Этот неофициальный форум из представителей научных кругов, с одной стороны, Турции, а с другой – преимущественно армянской диаспоры был призван давать некие идеологические «установки» сторонам диалога. На деле же целью его были прежде всего власти и общественное мнение Республики Армения. Через несколько лет работы форум прекратил свою деятельность, прежде всего в силу неприятия его целей и методов со стороны представителей науки и политиков собственно Республики Армения.

КАЖДОЙ СЕСТРЕ ПО СЕРЬГЕ

Как уже отмечалось, в советский период, особенно после Второй мировой войны, история Закавказья была кардинальным образом извращена и заново переписана. И заслуга эта принадлежала не только фальсификаторам республиканского уровня.

Подобно западным союзникам Анкары, и сам Кремль был заинтересован в том, чтобы новые поколения советских людей, в том числе и посвятивших себя изучению истории, не утруждали себя поисками ответов на ненужные вопросы. На какие вопросы? Да все на те же.

Как получилось, что о появившемся впервые на карте Закавказья в 1918 г. государственном образовании по имени Азербайджан в учебниках и научных трудах упоминают, говоря о событиях средних веков? Почему на изданных в советское время исторических картах это самое образование начала XX в. таинственным образом фигурирует за несколько веков до своего появления?

Как получилось, что Армения, бывшая одной из крупнейших стран региона, превратилась в самую маленькую по территории республику Советского Союза? И почему находящаяся в самом центре этой небольшой республики Нахичевань стала частью территории соседней АзССР, даже не имея с ней общей границы? И почему Нагорный Карабах, населенный армянами и непосредственно примыкающий к границам Армении, так же стал частью АзССР?

Таких вопросов могло быть очень много, поэтому и изучение истории Армении как составной и неотъемлемой части не только древнего, античного мира, но более поздних периодов за пределами АрмССР, мягко говоря, не приветствовалось.

Действительно, зачем советскому студенту-историку было знать о какой-то там Киликии – армянском царстве, четыре века просуществовавшем вне территории Армянского нагорья, на южном побережье Малой Азии? Государстве, провозглашенном армянами-переселенцами из коренной Армении, из павшего под ударами турок-сельджуков царства Багратидов. Переселенцами, которые перенесли национальную идентичность если не за море, как много веков позже это сделали бежавшие в Америку ирландцы, то, во всяком случае, по своим временам чуть ли не на край земли.

Ведь как и большая часть собственно Армении, Киликия стала частью территории Турецкой республики, с которой, за исключением двадцатилетнего периода 1940–1950-х гг., большевики-коммунисты имели весьма добрососедские и даже дружеские отношения.

И зачем нужно было знать, что знаменитый английский королевский пират Кидд был вздернут на виселицу за противоречащее правилам каперства разграбление армянского торгового судна «Недахский купец»? Вышедшая к тому времени на мировые просторы вновьявленная хищница Великобритании всеми правдами и неправдами громила конкурентов на поприще мировой торговли. А армянские купцы со своим торговым флотом представляли серьезную конкуренцию английским торговым компаниям, вот и получали каперские шайки негласные приказы разорять торговые суда не только врагов, но и конкурентов Англии. И если бы не вмешательство правителя Индии – Великого Могола, пригрозившего Лондону выкинуть торговые фактории англичан прочь из своих владений, то неудачник Кидд вряд ли был обвинен и повешен¹.

«Но позвольте, – задался бы вопросом советский студент, если бы он прочитал об этом классическом инциденте в советском учебнике по международному праву. – Какой такой морской торговый флот армянских купцов, если Армения – маленькая сухопутная страна в Закавказье?»

Эти и подобные им многочисленные вопросы потребовали бы объяснения как минимум на научно-просветительском уровне. Но как можно было объяснить даже советским ученым, что большевистская Россия в 1920 г. вела себя по отношению к независимой тогда Армении хуже, чем любая империалистическая держава Антанты. Последние хотя и не предприняли практически ничего для спасения обессиленной геноцидом и войной вчерашней союзницы, но ведь и не совершали против нее вооруженной агрессии в союзе со вчерашним врагом – Турцией. И не занимались разделом территории Армении между Турцией и марионеточным Азербайджаном...

Искажение исторических реалий Закавказья со стороны турко-азербайджанского тандема было возможным в советские времена и является возможным сегодня во многом именно благодаря табу, наложенному коммунистами на реальную историю региона. Ведь даже профессиональные советские историки общего профиля имели весьма отдаленное представление об истории Армении или Советского Азербайджана.

Великолепный пример такого рода привел в своей книге «История Руси и русского слова» известный критик и публицист Вадим Кожин. В главе, посвященной Куликовской битве и ее истинному значению как борьбе русских княжеств под руководством князя Дмитрия против мятежника Мамая, вознамерившегося занять Золотоордынский трон, В. Кожин, в частности, писал:

«Автор ряда ценных трудов о Золотой Орде В. Л. Егоров не раз затрагивал проблемы, связанные с Мамаем и, в частности, вопрос об осуществленном им перед походом на Куликово поле «найме» разноплеменных военных отрядов, в том числе «Бесермен (то есть мусульман) и Армен». И историк утверждал, что-де это «летописное указание может относиться к мусульманским отрядам, наемным в Азербайджане. Такой же отряд наемников был приглашен из Армении».

¹Ю. Г. Барсегов. «Дело королевского пирата Кидда». Журнал «Ани», № 3–4, 2006 г.

Не буду касаться «азербайджанской» темы (ибо и сам В. Л. Егоров явно не уверен, что «бесермен» вербовали именно в Азербайджане), но поистине печальна неосведомленность историка в том, что в самом Крыму, откуда Мамай начал свой поход на Куликово поле, имелось тогда многочисленное армянское население, сложившееся главным образом в результате изгнания или бегства армян в XI в. и позже с их исторической родины, завоеванной тюркской империей Сельджукидов; Крым даже называли тогда «Приморской Арменией». Между тем, квалифицированный историк В. Л. Егоров полагает, что Мамай мог привести наемных армянских воинов на Куликово поле только с их далекой (даже по прямой линии – 1700 км!) и отдаленной Кавказским хребтом исконной земли¹.

На фоне всеобщего, – даже профессиональными историками, как о том приводит впечатляющий пример В. Кожин, – незнания элементарных вопросов истории региона и стала возможной его огульная фальсификация со стороны идеологических кругов сначала Азербайджанской ССР, а затем и получившей независимость Азербайджанской Республики.

В Советском Союзе армянская история если и не была полностью под запретом, то во всяком случае изучение ее было ограничено весьма определенными рамками. Что распространялось и на, казалось бы, не имеющий отношения к современной политике период древности и средневековья. История же азербайджанская, реально ведущая свой отсчет с 1918 г., напротив, нуждалась в создании и убедительном изложении.

Отсюда и многие парадоксы. Вроде того, например, как были оформлены еще в советское время карты Армении и Азербайджана в соответствующих залах Российского государственного этнографического музея в Санкт-Петербурге. Там Азербайджан изображен «накануне вхождения в Российскую империю». На деле, конечно, он реально не существовал тогда иначе чем в качестве персидской провинции южнее Аракса и, следовательно, вовсе никогда и не входил в состав России. Тем не менее на созданной в советское время карте этот мифический Азербайджан охватывал весь север Ирана, все восточное Закавказье и армянские Нагорный Карабах, Зангезур и Нахичевань.

Армения же накануне того же вхождения была изображена в границах... Армянской ССР. При этом эта вполне современная советская территория раскрашена в четыре цвета, обозначающие части территории губерний и областей, на базе которых были очерчены границы этой советской республики. И совершенно непонятным нонсенсом мог представиться неосведомленному зрителю синеватый мазок на северо-западе республики, обозначающий былую принадлежность этого кусочка АрмССР Карсской области Российской империи. Ведь сама Карская область, как и другие территории Западной (Турецкой) Армении, не была изображена на карте. Чтобы не «обижать» Турцию, у которой эта часть Армении была отобрана Александром II – Освободителем, а через 42 года по-дружески возвращена «дедушкой Лениным».

Зато Баку было вполне дозволено в извращение истории не только «обижать» на соотряпанной карте соседний Иран, но и оттяпать и у без того раскромсанной «братской» советской республики часть ее официальной советской территории.

¹Вадим Кожин. Правда против кривды (История Руси и русского слова). Москва. «Алгоритм» – «Эксмо». 2006. С. 385

Современная фальсификация истории региона сегодня уже не имеет под собой какой-либо идеологической основы, как это было во времена СССР. Представляется, что в нынешней России эти перекосы, – если речь не идет о заказных публикациях извне, скорее являются инерционным последствием прежних времен.

Однако в ряде случаев они являются прямым продолжением турко-азербайджанских фальсификаций. Правда, попадают они в Россию окружным путем; при этом об их происхождении весьма нетрудно догадаться, ибо «уши торчат» весьма наглядно.

В 2003 г. в Москве вышла книга Виктора Шнирельмана «Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье»¹, посвященная обзору исследований ученых Закавказья как «политизированных версий прошлого», которые «становятся важной стороной современных националистических идеологий». Книгу автор писал на некие зарубежные гранты, а работал над ней в США. Г-н Шнирельман, касаясь нагорно-карабахского конфликта, проводит в своей книге мысль о том, что и та, и эта сторона-де грешат фальсификациями. Однако не найдя у армянских исследователей-историков сколько-нибудь эффектных искажений и откровенных фальсификаций, он с целью создания некоего паритета цеплялся «по мелочам».

Так, например, он упрекнул армянских ученых в том, что они «везде, где возможно, использовали армянские термины – Арцах, а не Карабах; Мовсес Каланкатуази, а не Моисей Каланкатуйский и т.д.»². Между тем, в первом случае речь шла об исконном названии одной из армянских провинций (термин «Карабах» появился тысячелетием позже), а в другом – лишь о разных правописаниях одного и тех же имени и фамилии (ср. Фракия и Тракия, Феодор и Теодор). Более того, прекрасно известно, что перевод национальных имен на русский язык, – из той же серии, например, Моисей Хоренский вместо Мовсеса Хоренаци, – был принят в советской историографии лишь в 1950–1960 гг., а затем от него отказались.

Наконец, г-н Шнирельман, столь доскональный в случае полемики с лицами, заподозренными в распространении антисемитских убеждений, рассматривая армяно-азербайджанскую «историческую полемику», применяет просто крайне некрасивый прием. Так, не найдя достойного примера исторических фальсификаций в армянском учебном сообществе, он обращается к «творчеству» историка-любителя Сурена Айвазяна (не путать с вышеупомянутым однофамильцем Арменом Айвазяном).

Геолог по образованию и некогда участник археологических раскопок Сурен Айвазян является настоящей головной болью для армянских ученых-историков. Этот человек – личность весьма скандальная и известная далеко за пределами Армении. Своего рода армянский аналог российского «историка» Анатолия Фоменко, утверждающего в своих многочисленных опусах, что вся история была заново переписана адептами неких королевских династий, и что на самом деле Петр Первый жил в одну эпоху с египетскими фараонами.

Армянский Владимир Щербаков, который утверждал, что этруски суть древние русские, и даже пытался прочитать этрусские надписи по-русски. Так, он «переводил» некую надпись из этрусского кургана: «Мене випене малю винеци авила» как «Меня нарисовал художник (малюванец) Авила». Автор этих строк столь же успешно «перевел» искомую надпись по иному: «Мы с Авиллой выпили немного (малю) вина».

¹В. Шнирельман. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва. ИКЦ «Академкнига». 2003

²В. Шнирельман. Указ. соч. С. 232

Виктор Шнирельман в отношении армянской исторической науки приводит в качестве примера идеологически препарированные факты и «труды» чудака-одиночки Сурена Айвазяна, видимо, за неимением других.

При этом «вброс» оригинального творчества С. Айвазяна в информационное поле противостояния истории реальной и фальшивой – шаг явно продуманный и подготовленный. Об этом свидетельствует и то, что упоминание опусов С. Айвазяна в качестве примера фальсификации истории в зарубежной стране на академическом уровне было использовано отнюдь не только В. Шнирельманом, который, напомним, писал свои «Войны памяти» в США.

В том же 2003 г., в одном из июльских номеров «Литературной газеты»¹ была опубликована статья известного советского и российского историка Владлена Сироткина (ныне покойного) «Горькие плоды непросвещения», в рубрике «Политграмота».

В этой статье, посвященной искажениям истории в странах СНГ и, в частности, Закавказья в угоду политическим нуждам, В. Сироткин писал:

«А в трактате С. М. Айвазяна «История России: армянский след» граф (Лев Толстой – прим. автора) вычитал бы, что «колыбелью русских» будто бы является гора Арарат, а «Киев основали армянские князья Куар, Шен и Хореан». Что... сами турки – психически ненормальный народ и их следует немедленно переселить в Среднюю Азию, передав освобождающуюся территорию «Великой Армении». А еще... бывший член Политбюро ЦК КПСС Гейдар Алиев издал собственный президентский указ «О геноциде азербайджанцев», в котором заклеил все войны России на Кавказе и в Закавказье в XVIII–XIX вв., а заодно всех русских и собственных писателей, которые о них писали «не так».

Далее речь в статье шла об исторических «фокусах» Шеварднадзе, школьных учебниках и прочем. Словом, всем национальным окраинам по сережкам. Разве что, где фантаст-одиночка Айвазян, а где президенты Азербайджана и Грузии Гейдар Алиев и Эдуард Шеварднадзе, соревновавшиеся в прозападной риторике! Кстати, именно лидеры этих двух советских республик отличались наибольшим славословием в адрес Л. И. Брежнева. А г-н Шеварднадзе, первый введший в оборот понятие «вождь» в отношении престарелого Генсека СССР, был также автором высказывания о том, что «солнце для Грузии восходит не на востоке, а на севере».

Совершенно очевидно, что проказы С. Айвазяна на полном серьезе выдавались, – по крайней мере, двумя вышеназванными российскими авторами, – за некую «политическую линию» руководства Республики Армения. Что являлось абсолютным абсурдом, но позволяло на обывательском, газетном уровне провести мысль о том, что стороны нагорно-карабахского конфликта «одним миром мазаны».

Наконец, совершенно очаровательной представляется попытка ряда современных российских изданий обойти якобы спорные вопросы относительно реальной исторической принадлежности Нагорного Карабаха.

В 2007 г. вышла в свет книга «Кавказ. История, народы, культура, религии»². Это работа авторского коллектива во главе с редколлегией из трех авторов, под председательством Р. Г. Абдулатипова. В разделе «Южный Кавказ» этой книги содержатся историко-

¹«Литературная газета», № 29, 16–22. 07.2003 г.

²Кавказ. История, народы, культура, религии. Москва, изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2007

этнографические очерки трех современных государств Закавказья. В каждом из очерков история региона представлена с позиций соответствующей страны. Так, в очерке по Азербайджану представлена «азербайджанская версия»:

«Российско-иранская война 1804–1813 гг. поставила точку в вопросе присоединения Северного Азербайджана к Российской империи. По Гюлистанскому миру (1813 г.) Иран отказался от притязаний на Гянджинское, Карабахское, Шекинское, Ширванское, Кубинское, Бакинское и Талышское ханства... Туркменчайский мирный договор (1828 г.) окончательно подтвердил присоединение Северного Азербайджана (включая и Нахичеванское ханство) к России. Эти процессы охватили весь Кавказ»¹.

Как видно из приведенного абзаца, в нем присутствует и мифический «Северный Азербайджан», и Нахичеванское ханство как составная часть этой придуманной в советское время химеры. А в очерке по Армении приводится некая усредненная версия:

«Новым этапом в истории армянского народа явилось присоединение к России Восточной Армении. В 1801 г. ее северные районы (Лори, Казах, Шамшадин) вместе с Грузией стали частью Российской империи. В ходе русско-персидской войны 1804–1813 гг. к России был присоединен не только Азербайджан, но и Ширак, а вместе с Карабахом также и Зангезур, Кафан, Мегри, как и весь Южный Кавказ. В результате русско-персидской войны 1826–1828 гг. значительная часть Восточной Армении с г. Эривань (Ереваном) вошла в состав России»².

Не правда ли, как дипломатично и осторожно сказано: в этом пассаже Карабах уже и не Азербайджан, но и не Армения, а вместе с Зангезуром представляет «весь Южный Кавказ».

То есть и здесь исторические реалии подменены неким зрзацем в духе «каждой сестре по серьге» или «не нашим и не вашим». Что, на наш взгляд, является продолжением коммунистического «совка» в современной российской историографии.

Сравните приведенные выше манипуляции со словами Генсека М. С. Горбачева, сказанными им на заседании Политбюро ЦК КПСС 29 февраля 1988 г., которое было посвящено «дополнительным мерам в связи с событиями в Азербайджанской и Армянской ССР»:

«Мы должны тоже осваивать другие методы работы, особенно необходимые в этом тонком вопросе. Когда они начинают там, я допущу грубое слово, «собачиться» друг с другом, их надо останавливать, убеждать думать о главном, о том, что они – соседи, о том, что они века живут вместе. Когда вступишь в какую-то идею, то улавливаешь все тонкости. Один азербайджанский композитор говорит: моя Шуша. Он родился там, в Карабахе, и говорит, что это центр восточного искусства и т.д., это их общая колыбель. Как ты ешь от нее оторвешь? А Армения говорит одно – «наш». Не разорвешь это, векамишло все вместе»³.

Переиначивая известную фразу из крыловской басни, можно смело сказать: «А Горбачев и ныне здесь». Диалектика, понимаете ли!

Вопреки реальным историческим фактам и документам история Южного Кавказа была на протяжении последнего столетия и продолжает оставаться объектом фальсификаций, политических инсинуаций и дешевой «исторической политкорректности».

¹Кавказ. История, народы, культура, религии. Москва, изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2007., с. 115

²Там же, с. 121

³ЦХСД, коллекция рассекреченных документов. Журнал «Родина», № 4, 1994 г., С. 82–90

Глава 6

ПЕРВАЯ КРОВЬ

«В десятых числах августа Арешский, Джеванширский и другие уезды взбудоражил страшный слух: армяне у села Ванк напали на мирных кочевников и вырезали множество женщин и детей. 300 вооруженных всадников из Агдама двинулись на место происшествия и там удостоверились, что вышла перестрелка из-за 7 украденных баранов, убито 2 татарина, ранено несколько армян. Подобные ссоры случались ежегодно, и гораздо более кровопролитные. Но повод был найден».

Газета «Тифлисский листок», 21 августа 1905 г.

Так уж повелось, что советское общественное мнение, – а точнее будет сказать, зомбированное на протяжении десятилетий массовое сознание, нуждалось в официальном разжевывании и разъяснении, «что такое хорошо, и что такое плохо». В полном соответствии с этим социальным инстинктом и действовали верховные власти СССР после исторической карабахской сессии 20 февраля 1988 г.

Советским людям в первых же сообщениях ТАСС объявили, что за переподчинение Нагорно-Карабахской автономной области выступают «экстремисты». Позже, с легкой руки партийных писак в многочисленных статьях вошла крылатая фраза о том, что «перестройка – не перекройка».

В Азербайджане нашли более понятную формулу для масс: «Азербайджан – не пирог, от которого можно отрезать лакомый кусок», впервые всплывшую в телеграмме, посланной за подписью 250(!) сотрудников АН АзССР в Ереван, в Президиум АН АрмССР 29 февраля 1988 г.

Дело оставалось за малым: необходим был удобный кровавый инцидент, чтобы ярлык «экстремизма» стал более убедительным. При этом таковой инцидент вовсе не обязан был стать хронологически первым: отлаженная пропагандистская машина просто раскрутила бы о нем, замолчав все предыдущие. Так оно впоследствии и произошло.

Между тем, даже осознавая всю нелогичность и пагубность поисков того, кто «первый начал», следует отметить, что эксцессы в связи с очередным поднятием нагорно-карабахской проблемы имели место задолго до февраля 1988 г. Предшествовавшие ему события в последние годы усиленно искажались официальной пропагандой Азербайджанской республики и ее союзников, поддерживались старые и создавались новые пропагандистские мифы и штампы.

ДЕЛА МИНУВШИХ ДНЕЙ?

«Армяно-татарские» отношения в Закавказье на протяжении первых двадцати лет XX в. не отличались мирным характером. Они изобиловали погромами и кровавыми стычками, которые в царской России официально лживо именовали «армяно-татарскими столкновениями».

Лживо, потому что, как свидетельствуют практически все без исключения источники тех лет, погромы и резня начинались исключительно как направленные против армян, и лишь последующее противодействие армянской стороны приводило уже действительно к столкновениям. Примером служит выдержка из газетной заметки, приведенная в начале главы. Надо понимать так, что хозяева стали преследовать воров и натолкнулись на вооруженное сопротивление «мирных кочевников».

На рубеже XIX–XX в. царская администрация считала армян наиболее неполяным элементом на Кавказе. Самодержавие рассматривало их в качестве наиболее либерально-прогрессивного, революционного и, следовательно, наиболее опасного элемента среди «туземных» народов Кавказа. Армянские рабочий класс и особенно буржуазия были наиболее многочисленными и «продвинутыми» в своем роде в сравнении не только с другими «туземцами» Кавказа, но и даже с местными русскими.

Словом, армяне представляли из себя нечто вроде кавказских поляков: более половины народа живут за пределами России и бузят там чего-то, свободы хотят.

Ослабление армянского фактора было на руку самодержавию. Наконец, натравливание темной мусульманской массы на армян надежно отвлекало эту самую массу от борьбы за собственные гражданские права, понятие о которых у нее тогда отсутствовало напрочь.

Вражда всегда начиналась с того, что в фанатичную и отсталую мусульманскую массу властями исподволь вбрасывался лозунг о желательности «наказать» неполяных бунтовщиков-армян. За этим следовало вооружение «татар», зажигательные речи муллы о кровожадности и преступной сущности армян, наживающихся-де за счет мусульман, с призывами начать резню неверных, какая-либо провокация, а затем начинались погромы. Именно так все начиналось в 1905–1906 гг.

Тогда одна за другой следовали волны армянских погромов; но потерпевшая сторона вскоре организовывалась и начинала давать отпор, который становился все сильнее от случая к случаю. Теперь уже «татары» стали нести угрожающие человеческие потери. Затем в дело вступали до того сторонне наблюдавшие за всем войска, следовали призывы к миру, попытки разоружения сторон и так далее. До новой провокации.

И слухи, слухи, которые непременно сопровождали погромы и резню, особенно на первом их этапе или тогда, когда требовалось возобновить организованное кровопролитие.

Наиболее, на наш взгляд, объемное и полноценное современное исследование событий 1905–1906 гг. в Закавказье было осуществлено публицистом Павлом Шехтманом в его материале «Пламя давних пожаров», опубликованном в 1992–1993 гг. в московском

журнале «Pro-Armenia»¹. Основываясь на корреспонденциях и материалах российских периодических изданий тех лет, — прежде всего издававшихся в Закавказье русскоязычных газет и журналов, — Павлу Шехтману удалось не только отобразить факты, но и передать настроения, ощущения свидетелей и участников тех драматических событий.

Удивительным образом, читая публикации современников о событиях 1905–1906 гг., ловишь себя на мысли, что в 1988–1991 гг. в Советском Союзе происходило продолжение тех же самых событий, как будто и не было между ними перерыва лет этак в восемьдесят с лишком.

Но во времена самодержавия пресса была официальная или оппозиционная, партийная, бульварная, национально-конфессиональная либо даже «черносотенная», — но все же более или менее свободная. Так что, при желании читатель практически в любой точке империи мог составить свое собственное мнение о происходившем в Закавказье, выбирая тот или иной внушавший ему доверие источник информации.

В годы перестройки и гласности такого выбора не было, ибо все СМИ были официозными и партийными и вешали, писали только то, что было просеяно сквозь сито цензуры или рождено в недрах ЦК КПСС.

Потому-то советские люди имели очень мало возможностей создать собственное представление о событиях «в Нагорном Карабахе и вокруг него». Если бы в те годы гражданам получили возможность посредством СМИ знакомиться с репортажами и свидетельствами очевидцев событий начала XX в., они вновь открыли бы для себя немаловажную истину о том, что все новое — это хорошо забытое старое.

Особенно удивительным было то, что возникавшие и широко распространявшиеся накануне резни и столкновений слухи и имевшие место реальные провокации начала века были практически идентичными тем, что возникали и имели место в 1988–1991 гг. в период советской перестройки.

Приведем некоторые выдержки из материала П. Шехтмана «Пламя давних пожаров», раскрывающие давешнюю технологию подготовки погромов на стадии создания и раздувания ложных слухов².

«Но как же объясняли происходящее татары? Разумеется, они утверждали, будто являются невинными жертвами армянских зверств. «Прежде всего, на сцену выступают «фидай». Оказывается, эти фидай всегда притесняли мусульман. Кроме того, они смущают татар, убеждая их «итти против Царя», и т.д. Кровопролитие начали армяне, убив мусульманина 6 мая... затем армяне разгромили несколько татарских сел» («Санкт-Петербургские ведомости», 01.07.1905 г.).

От Борчалу до Тавриза среди татар распространялись красочные истории о том, как армяне под зvon колоколов резали беззащитных мусульман; как убили, якобы, зриванского шейх-уль-ислама; как в Нахичевани «армянские звери» будто бы ворвались в мусульманскую баню и перебили женщин и детей.

Появились... телеграммы, искажающие факты и исходящие от татарско-исламистской партии, группирующейся вокруг газеты «Каспий». Видные представители этой партии...

¹ «Pro-Armenia», №№ 9–10, 1992, 1–2, 1993 гг.

² Доступно также на: <http://www.armenianhouse.org/shekhtman/docs-ru/contents.html>

продолжали в течение весны и лета агитировать против несчастных армян, измышляя события вроде, будто бы сожжения в бане армянами татарских женщин, нападения на мулл, ограбления мечетей. Измышления эти были опровергнуты... уважаемым на Кавказе мусульманским писателем Султановым. О них ни слова так же не говорилось ни в донесении... генерала Алиханова (мусульманина), ни сменившего его принца Людовика-Наполеона... «Сторонники «Каспия» – это «группа, которой единственно только на руку все эти ужасы, тогда как несчастный мусульманский народ оплачивает их своей кровью и потом» («Сын Отечества» 23. 08.1905 г.).

...Однако татарские идеологи не оставили своих усилий и распустили слух, будто в Шуше армяне ворвались в мусульманскую школу, перерезали 20 мальчиков-персов и отрезали им уши и носы. Эту историю специальная делегация рассказала персидскому шаху, проезжавшему тогда через Закавказье; однако генерал Шириникин опроверг ее официально («Сын Отечества», 02.10.1905 г., 2-й вып.).

...В Джаграх (под Нахичеванью) татары сожгли 100 армянских домов, убили 51 армянина и ранили 13. В Тумбуле убили 20 человек и сожгли село. «У многих были метлы, облитые керосином, – рассказывал очевидец, – они подкладывали их под дома и зажигали их. Толпа кричала: «Иа Али!», а главари призывали: «Бейте неверных, все эти земли должны принадлежать нам: они не русские, а персидские земли!» («Санкт-Петербургские Ведомости», 11.08.1905 г.).

В десятых числах августа Арешский, Джеванширский и другие уезды взбудоражил страшный слух: армяне у села Ванк напали на мирных кочевников и вырезали множество женщин и детей. 300 вооруженных всадников из Агдама двинулись на место происшествия и там удостоверились, что вышла перестрелка из-за 7 украденных баранов, убито 2 татарина, ранено несколько армян. Подобные ссоры случались ежегодно, и гораздо более кровопролитные. Но повод был найден. Вооруженные шайки стали останавливать дилижансы; таким образом «взяли в плен», предварительно ограбив, 100 пассажиров-армян» («Тифлисский листок», 21.08.1905 г.). 15 августа Агдам был окружен полчищами вооруженных татар».

Как мы увидим ниже, слухи, последовавшие за принятием сессией Облсовета НКАО решения от 20 февраля и предшествовавшие резне в Сумгаите, равно как и последующие действия с азербайджанской стороны, были будто бы скальмированы с приведенных выше газетных сообщений 100-летней давности...

ЭКССЕСЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

С установлением в Закавказье советской власти резня, погромы и межнациональные столкновения постепенно сошли на нет. В начале 1920-х еще нередки были случаи нападения на армянские села, угоны скота, кровавые споры из-за воды и земли, от которых многие армянские села были просто отчуждены вследствие дискриминации при проведении границ Автономной области Нагорного Карабаха. Но во всяком случае со второй половины 1920 г. ни о чем подобном прежним распрям нам не известно.

Тем не менее и в советское время в Нагорном Карабахе происходили эксцессы на межнациональной почве, иногда они выливались в прямые столкновения. Как, например, летом 1967 г. в Степанакерте, когда возмущенные нарочито мягким приговором главе банды Мамедову и его родственникам, совершившим убийство 8-летнего армянского мальчика, потерпевшие совершили самосуд над осужденными. Как известно, это событие стало предлогом для ввода в НКАО сил МВД и массовых арестов, что позволило тогда властям АзССР перевести всенародное требование карабахцев в разряд «межнациональной склоки»¹.

Вскоре после этих событий в Степанакерте неизвестный бросил с крыши здания боевую осколочную гранату на группу стоявших близ него азербайджанцев, среди которых в результате были убитые и раненые.

В середине 1970 гг. столкновение на межнациональной почве имело место в Северном Карабахе между группой жителей армянского села Геташен Ханларского района АзССР и расположенного неподалеку азербайджанского села Аджикенд того же района. Поводом послужило изнасилование 12-летнего мальчика из Геташена двумя жителями азербайджанского села; последние пытались откупиться от суда, что вылилось в кровопролитную стычку.

В 1977 г. в Шуше произошло убийство, вновь взбудоражившее всю область. Председатель колхоза и агроном из армянского села Ехцаог приехали в райцентр. Неожиданно к ним подошел молодой человек и, улыбаясь, сказал по-азербайджански, что «сегодня-де должен убить армянина, так что решайте, кому из вас быть убитым». Пока сельчане поняли, о чем идет речь, убийца нанес смертельный удар ножом в сердце агроному. Показателен тот факт, что убийца (курд по национальности) был родным братом заместителя председателя Исполкома областного Совета народных депутатов НКАО Сурхая Беглярва.

Летом 1983 г. обстановка в области опять чуть не взорвалась, после того как пятеро молодых азербайджанцев изнасиловали 17-летнюю жительницу Степанакерта, изрезали ее ножами и бросили тело убитой к монументу погибшим в Великой Отечественной войне.

Излишне говорить, что в условиях негласно узаконенного апартеида в Нагорном Карабахе каждое такое преступление рассматривалось местными жителями не просто как преступление против конкретных лиц, но против карабахских армян в целом. Некоторые эксцессы не были связаны с жертвами, но носили не менее подстрекательский характер и, оставаясь безнаказанными, обостряли межнациональные отношения в регионе.

Так, в июле 1969 г. в крупном армянском селе Бананц, что в северной части Нагорного Карабаха (Дашкесанский район АзССР), ночью, за два дня до открытия был варварски разрушен памятник погибшим на полях Второй мировой (Великой Отечественной) войны сельчанам. Это было сделано по приказу секретаря райкома партии Сулейманова, который на месте лично отдавал распоряжения бульдозеристам о сносе памятника, построенного с элементами армянских народных мотивов. «Это Азербайджан, – заявил прибывший с милицией Сулейманов, – и здесь ничего армянского не может быть». После многочисленных обращений граждан в Москву начался был скандал, но его успешно замяли, а самого секретаря райкома перевели на другую должность с повышением.

¹Подробнее об этом было рассказано в главе «Пробуждение»

ЧАРДАХЛУ: ПРЕВЕНТИВНЫЙ ПОГРОМ

С началом перестройки и объявлением политики гласности борьба за воссоединение Нагорного Карабаха с Армянской ССР просто не могла не возобновиться. Это логически вытекало из событий всех предыдущих десятилетий, в том числе середины 1960-х гг.

С середины 1987 г. в НКАО вновь началось некое брожение. Направлялись в центр письма и петиции, начался, как и в 1965 г., сбор подписей под требованием о воссоединении. Все эти обстоятельства, естественно, были прекрасно известны в ЦК КП Азербайджана, руководстве республики. Областное и республиканское КГБ своевременно докладывали соответствующую информацию «на самый верх» в Баку.

Ясно было и то, что времена изменились, и одними провокациями, как в 1967 г., волну не сбить, по тюрьмам активистов не пересажать: перестройка-таки!

Поэтому нет сомнения в том, что еще в 1987 г. действительные, а не формальные руководители АзССР, – а их надо было искать в республиканском КГБ и среди близких к клану Гейдара Алиева людей, – рассматривали различные варианты умирения непокорных карабахских армян. Несомненно, вопросы возможных погромов тоже рассматривались в тиши неких бакинских кабинетов. Нужен был полигон, опытный участок, на примере которого можно было отработать возможные варианты последствий.

Такой повод вскоре представился в Северном Нагорном Карабахе, в селе Чардахлу Шамхорского района – родине советских маршалов Ивана Баграмяна и Амазаспа Бабаджаняна. К тому времени оба маршала уже скончались, и село было лишено их высокого покровительства в Москве.

К осени 1987 г. в Чардахлу назрел конфликт, связанный с попыткой районной азербайджанской администрации убрать директора совхоза, противившегося дальнейшему разорению богатого хозяйства испытанными методами властей республики. Здесь было и укрупнение хозяйства путем присоединения к мощному чардахлинскому совхозу убыточных хозяйств удаленных азербайджанских сел, и отрезание от армянского села земель и т.п.

Противодействовавший всему этому директор Чардахлинского совхоза им. маршала И. Х. Баграмяна был орденоносцем-ветераном войны, да еще вернувшимся в родное село после многих лет жизни в Ереване. Последнее было прямым вызовом, оскорблением для районных властей! Ведь любимым предупреждением первых секретарей районов, куда были включены раздробленные земли северной части Нагорного Карабаха, в адрес «неподдающихся» руководителей армянских сел было: «Не пора ли и тебе переехать в Ереван?» (или как вариант – «убираться в Армению»).

Почти полгода, с июля по ноябрь 1987 г., первый секретарь Шамхорского райкома компартии М. Асадов, пользуясь безусловной поддержкой партийного руководства республики, проводил политику выживания армянского населения из села Чардахлу. Отчаявшиеся жители села направили в Москву делегацию из 18 человек. Делегация была принята во многих союзных инстанциях, но вмешательство Москвы ограничилось увещательными звонками в Азербайджан.

Возмущенные сельчане сообщали Генеральному прокурору СССР А. Рекункову: «За продажу 20 тонн ненужной совхозу соломы соседнему хозяйству Асадов отобрал партийный билет и освободил от занимаемой должности директора нашего совхоза Егияна С. А., предложив ему уехать в Ереван... Народ не согласился с противозаконными действиями Асадова. Стал он угрожать высылкой чардахлинцев в течение 24 часов, оскорблять женщин нецензурными словами. За три месяца прислал из района семь комиссий, чтобы найти компрометирующие материалы против Егияна. Однако, несмотря на тенденциозность проверки, улики не обнаружили. Не установили нарушений и две комиссии из Баку. Но Асадов не унимался. Посланный в Чардахлу секретарь райкома комсомола направил машину на возмущенных женщин, отстаивающих свои права, и нанес им увечья...»¹

1 и 2 декабря 1987 г. первый секретарь Шамхорского района Асадов лично в сопровождении более полусотни сотрудников районной милиции и пожарных машин наведывался в Чардахлу. То, что там происходило в эти два дня, можно было сравнить с набегом разбойничьей шайки.

Из письма группы чардахлинцев Генпрокурору СССР от 3 декабря:

«Асадов 2 декабря с еще большим отрядом милиции организовал очередной погром на родине маршала Баграмяна в день 90-летия со дня его рождения. На этот раз избili и арестовали 30 человек. Такому садизму и незаконно может позавидовать любой расист из колониальных стран. Теперь стало ясно, что Асадов свои действия вынашивал давно, ему нужен был предлог, такого противодействия народа он не ожидал, так как опустошение других армянских и русских сел шло гладко»².

«Трудно представить, что такое возможно в наше время, в условиях перестройки, демократизации нашего общества, – писали сельчане министру внутренних дел СССР А. Власову 16 декабря. – 1 декабря сего года в 20.00 в село прибыл Асадов с отрядом милиции в 100 человек, чтобы провести партийное собрание по решению вопроса о назначении нового директора совхоза. Когда им это не удалось, они стали избивать жителей села, а затем арестовали и вывезли на заранее пригнанном автобусе 15 человек»³.

А вот выдержка из письма А. Власову работницы совхоза, матери 6-х детей Нвард Капапетян:

«Меня побил сам секретарь райкома Асадов – ударил ногой в спину, кулаком в грудь. Милиционеры меня избili и выкинули на балкон. Ко мне подбежали три работника милиции в милицейской форме и пытались бить. Я стала просить, чтобы меня не трогали, потому что я себя плохо чувствую. Но один из них сказал, что «ничего, я должна сдохнуть», добавив нецензурную брань. Тут они схватили меня, избili, потом втроем схватили меня за руки и выбросили с балкона на землю. Ударившись об землю головой, я потеряла сознание. В бессознательном положении я находилась более двух часов. Меня забрали односельчане»⁴.

¹<http://sumgait.info/caucasus-conflicts/chardakhlu-letters.htm>

²Там же

³Там же

⁴Там же

«Убедительно просим Вас лично вмешаться и помочь нормализовать обстановку в нашей деревне и в целом районе, дать коллективу совхоза самому в соответствии с законом о государственном предприятии, решить вопрос о его директоре, – обращались к министру внутренних дел СССР участники и инвалиды Отечественной войны Г. Мартиросян, Д. Петросян, Р. Минасян, Г. Оганесян. – Мы надеемся также, что нарушители социалистической законности, организаторы избиений и погромов в селе Чардахлу понесут заслуженное наказание».

Корреспондент «Известий» Александр Беккер по заданию редакции был направлен из Москвы в Чардахлу исследовать причины и суть конфликта между дирекцией совхоза им. Баграмяна и руководством Шамхорского района Азербайджанской ССР.

Однако по возвращении А. Беккера в редакцию главный редактор «Известий» Николай Ефимов отказался печатать подготовленный корреспондентом правдивый материал. Это было не удивительно, ибо сам редактор был в свое время избран депутатом Верховного Совета СССР... от соседнего с Шамхорским Казахского района АзССР.

Александр Беккер был вынужден уволиться из «Известий», но его материал «У прошлого в плену» все-таки увидел свет: 24 декабря 1987 г. он вышел в газете «Сельская жизнь». Этот материал стал единственным в советской прессе свидетельством превентивной расправы над жителями карабахского села.

«Чардахлу – село известное. Второго такого в стране нет. Отсюда вышли два маршала – И. Баграмян и А. Бабаджанян, три Героя Советского Союза, село дало Родине пять генералов и 199 офицеров, послало воевать 1254 сыновей и дочерей – каждого шестого жителя, 341 чардахлинец сложил голову за свою землю. Отсюда незадолго до войны ушел служить и Сурен Егиян», –

начинал рассказ А. Беккер, плавно переходя к конфликту между председателем колхоза и главой района¹. Очевидно, что даже в декабре 1987 г. прямым текстом невозможно было изложить истинную суть конфликта между районной и сельской властью. Но между строк об изъятии у директора Егияна партбилета «самодуром» Асадовым (формально за продажу за 8 тыс. руб. 80 тонн соломы хозяйству соседнего Кедабекского района; покупатели успели вывезти лишь 20 тонн) прослеживались истинные причины страстного желания районных властей убраться не в меру самостоятельного руководителя совхоза.

«В село стали возвращаться блудные дети Чардахлу. Из Еревана, Сумгаита, Кировакана, Пятигорска. Инженеры и рабочие, молодые и в возрасте, поодиночке и семьями. Ехали, кто в глаза не видел Егияна. За полтора «его» года на родину вернулись 38 семей – 122 человека! Вернулись вопреки циничному: «Где хорошо, там и родина». Вернулись, потому что родина там, где ты родился и живешь в согласии с собой и людьми...

За два года совхоз им. Баграмяна отдал шамхорским хозяйствам сотни тонн пшеницы, сена, соломы, сотни племенных овец и баранов. Именно отдал – 171,6 тысячи рублей никто не перечислил. Тут первый секретарь пальцем не повел.

Если читатель усомнится, что от соломы вспыхивает такой «пожар», то окажется прав. Переполнил Егиян чашу терпения райкома. Через меру оказался своевольным»².

¹«Сельская жизнь», 24.12.1987 г.

²Там же

Очевидно было, что конфликт в Чардахлу имел под собой хорошо видную на месте национальную подоплеку, что следует хотя бы из отрывков писем чардахлинцев к большим московским начальникам. Но даже смелый по тем временам журналист, потерявший работу в престижной газете из-за своей принципиальности, не мог назвать белое «белым»: ведь в Советском Союзе начисто отрицали наличие национальных противоречий.

От превентивного погрома в Чардахлу до резни в Сумгаите оставалось всего лишь около 4 месяцев.

«КАФАНСКИЙ МИФ»

Уже на следующий день после сессии Областного совета НКАО принятое ею решение от 20 февраля 1988 г. ни для кого не было секретом ни в Азербайджане, ни в Армении. Азербайджанские высокопоставленные партийные лидеры, вплоть до второго секретаря ЦК КПА Коновалова и заведующего административным отделом ЦК КПА М. Асадова (того самого руководителя Шамхорского района, ушедшего на повышение в Баку после погрома в Чардахлу), еще накануне сессии наезжали в Степанакерт, где прямым текстом угрожали местным депутатам и руководству Облисполкома. Из этих угроз следовало, что «100 тысяч азербайджанцев готовы устроить бойню в Карабахе», что «Карабах превратится в одно большое кладбище» и т.п.

Сразу же после сессии в АзССР наметилось некое очевидное брожение: партийные лидеры неоднократно посещали прилегающие к НКАО населенные азербайджанцами районы, в легальных и подпольных мечетях муллы вели зажигающие антиармянские проповеди, усиленно раздувались слухи.

Один из особенно упорных слухов был связан с якобы имевшим место насильственным выселением армянами азербайджанцев из сел Кафанского района АрмССР, что в Зангезуре. «Кафанский миф» так и остался мифом, но предшествовавшая слухам провокация была реальной: сразу после 20 февраля азербайджанские эмиссары навевались в этот район Армении, и в результате их агитации несколько сотен крестьян действительно снялись с места и временно выехали в ряд районов АзССР.

Константин Воеводский, ленинградский математик и публицист, один из создателей «Санкт-Петербургского Комитета гуманитарной помощи Арцаху», опубликовал немало материалов по карабахской и региональной тематике. К «кафанскому эпизоду» он обращался в своем материале «Перестройка в карабахском зеркале», опубликованном в 1992–1993 гг. в нескольких номерах издававшегося в Москве журнала «Pro-Armenia».

«Еще до сессии Нагорно-Карабахского Облсовета в граничащий с Азербайджаном Кафанский район Армении нагрянула воинская часть для предотвращения резни азербайджанцев, назначенной согласно «поступившим в Москву сигналам» на 20 февраля. 26 числа в Кафан прибыл генерал Альберт Макашов с полномочиями мобилизовать войска из Нахичеванской АССР. Проверяющие из ЦК КПСС, КГБ и МВД СССР, штаба ЗакаВО никаких признаков готовящихся беспорядков не обнаружили... Вдумчивые эксперты в лампах провели даже анализ миграции азербайджанцев из

района. Он не дал ничего примечательного, если не считать внезапного отъезда примерно 200 азербайджанцев в Баку 27 февраля одним поездом. По словам этих людей, причиной их отъезда были угрозы родственников из Азербайджана.

Маневры этого поезда и вокруг него весьма загадочны. Примерно на полпути он был задержан в райцентре Имишли, куда для бесед с пассажирами прибыли зампредседателя АзССР А. Расизаде, руководители Имишлинского и Зангеланского районов Азербайджана и вызванные телефонограммой руководители Кафанского района. Пассажиры заявили об отсутствии у них претензий к армянам, после чего поезд продолжал путь. Недостаток фактических данных оставляет слишком много свободы для различных версий этой железнодорожной одиссеи. Вот как суммирует свои впечатления тогдашний первый секретарь Кафанского райкома: «При возвращении назад (из Имишли. – К. В.) на машинах руководящих работников соседней республики мы были остановлены агрессивно настроенной толпой, которая забросала автомашины камнями. Здесь мы, втянутые в провокацию вместе с азербайджанскими руководителями, наивно подтверждали факты о стабильном положении в Кафане, не зная, что в Сумгаите уже идут погромы (Р. Гогян, «Что было в Кафане», «Коммунист» (Ереван), 09.01.1990 г.)¹.

Несколько позже информация об итогах проверок, подтвердившая отсутствие какого-либо притеснения азербайджанцев в Кафанском районе, была передана по АзТВ, попала она и в центральную прессу»².

Тем временем, выступавшие на митингах в АзССР ораторы говорили о прибывших из Кафанского района АрмССР как об «изгнанных из Армении», которых якобы били, унижали и т.п. Агитаторы распускали слухи о якобы замученных азербайджанцах, изнасилованных женщинах, детях с отрубленными пальчиками... Все это, естественно, было полной чушью от начала до конца, однако наэлектризованные националистически настроенные толпы воспринимали все за чистую монету. Чем дальше от места вымышленного события происходил митинг, тем больше небывлицы накручивалось на стержень провокационного вымысла.

...По истечении времени небывлицы вокруг «Кафанских событий» стали раскручиваться официальной азербайджанской пропагандой и ее союзниками. Одна из последних по времени серьезных попыток «протолкнуть» мифическую версию о якобы имевшем место до резни в Сумгаите изгнании азербайджанцев из Армянской ССР была предпринята в посвященной карабахскому конфликту книге британского публициста Томаса де Ваала «Черный сад».

Англичанин голландского происхождения Томас де Ваал возглавляет отдел Кавказа в британском Институте по освещению войны и мира (Institute for war and peace reporting) – организации, тесно связанной со спецслужбами и призванной формировать общественное мнение о тех или иных событиях и процессах в мире в соответствии с запросами британского Форин офиса. Де Ваал многократно бывал в закавказском регионе, собирая материал об азербайджано-карабахском конфликте, встречался с участниками событий: простыми людьми и высокопоставленными военными и чиновниками, экспертами и журналистами, карабахскими, азербайджанскими и армянскими руководителями, международными посредниками в процессе урегулирования.

¹ «Исход азербайджанцев из Армении: миф и реальность», «Pro-Armenia», № 1, 1993 г.

² О. Кулиш, Д. Меликов, «Черным семенам не прорасти», «Социалистическая индустрия», 27.03.1988 г.

В 2003 г. он издал на английском языке книгу «Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной»¹, ставшую апологетикой англо-американского подхода к нагорно-карабахскому конфликту.

Этот подход можно охарактеризовать как «чуть завуалированный проазербайджанский», в силу естественных политико-экономических интересов тандема в регионе Закавказья и всей Передней Азии.

В 2005 г. в Москве тиражом в 3000 экземпляров вышел перевод книги на русский язык². Позже вышло еще одно издание книги де Ваала на английском.

Несмотря на содержащиеся в книге многочисленные передержки, общий подход автор весьма талантливо изобразил как «нейтральный». Это было достигнуто внесением в текст ряда объективных свидетельств и деталей, равно как и некоторым отступлением от традиционной для ведущих англо-американских СМИ солидаризации с турко-азербайджанскими измышлениями на тему конфликта.

Посмотрим, как бесхитростно, можно сказать, играючи де Ваал раскручивает «Кафанский миф».

Вначале он голословно утверждает, что после вполне реальных событий в Чардахлу «вскоре разыгралась трагедия на юге Армении, в Мегрийском и Кафанском районах, где во многих деревнях компактно проживали азербайджанцы. В ноябре 1987 г. на железнодорожный вокзал Баку прибыли два товарных вагона с азербайджанцами, вынужденными бежать из Кафана из-за межэтнических столкновений. Сведений об этом инциденте сохранилось очень мало, в прессе его совсем не освещали»³.

Никаких ссылок на источники, естественно, автор «Черного сада» и не мог привести ввиду их полного отсутствия как в советских официальных СМИ тех лет, так и в «самиздатовских» оппозиционных изданиях, равно как и в зарубежной, западной прессе. Ибо «кафанский инцидент» был от начала до конца вымышленным. Он стал раскручиваться бакинкой пропагандой уже после января 1990 г., когда потребовался дополнительный «контраргумент» против обвинений в армянских погромах в Баку, движущей силой которых будто бы стали азербайджанцы-беженцы из Армении.

По мнению де Ваала, «никто еще подробно не рассказывал об этих самых первых беженцах, главным образом потому, что азербайджанские власти постарались скрыть информацию о них»⁴.

Почему вплоть до 2000 г., когда де Ваал брал интервью у своих очевидцев, никто не рассказывал «об этих самых первых беженцах», и в чем был интерес азербайджанских властей, – от коммунистов Кямрана Багирова, Абдурахмана Везирова, Аяза Муталибова, «народнофронтовца» Абульфазы Эльчибея до Гейдара Алиева, – «скрыть информацию о них», автор «Черного сада» благоразумно умолчал.

Но – пишет де Ваал – «остались очевидцы тех событий». И далее приводит «свидетельства» двух бакинцев. Первое из них принадлежит некой Свете Пашаевой – «овдовевшей

¹ «Black garden. Armenia and Azerbaijan through peace and war». New York University press. 2003

² Москва, «Текст». 2005

³ Томас де Ваал. Указ. соч., с. 40

⁴ Там же, с. 41

бакинской армянке», которая «рассказала, как она увидела прибывших в Баку беженцев и как носила им одежду и еду». Тут же, в сноске автор говорит про «свидетельницу»: «Это не настоящее имя женщины, которая попросила цитировать ее под псевдонимом»¹.

Итак: к некоей анонимной «овдовевшей бакинской армянке» (национальность избрана явно не случайно, для пущей убедительности) «пришли люди и сказали, что из Кафана прибыли два вагона с голыми, раздетыми детьми, и мы пошли туда посмотреть... Это были азербайджанцы из Кафана». Непонятно, почему пришли за помощью («принести, что можно, беженцам») именно к армянке, а не к властям, и почему никто из более официальных источников никогда и нигде не свидетельствовал о столь вопиющем для ноября 1987 г. (как раз период конфликта в армяно-карабахском селе Чардахлу) инциденте.

Что же далее свидетельствует человек, скрывающийся под именем «Света Пашаева»? *«Я была на вокзале. И сама видела два товарных вагона. Двери были раскрыты, а к стене были прибиты две длинные доски, чтобы люди не вывалились... Я сама их видела. Там были мужчины, такие деревенские, грязные, с длинными волосами и бородами, старики и дети...»*²

Перед глазами сразу возникает картинка «теплушки» с грязными и заросшими бородами времен «гражданской войны и интервенции 1918–1922 гг. в Советской России». Спрашивается, почему же беженцев не могли привезти в электричке? Или в автобусах, как о том чуть ниже вещает у де Ваала другой «свидетель».

Наконец, каждый, кто видел сельчан-азербайджанцев или просто бывал южнее Кавказского хребта, сразу заметит элемент «развесистой клюквы», которая может «прйти» разве что на Западе или в России, но никак не в Закавказье. Речь идет о «мужчинах, деревенских, с длинными волосами и бородами». Мужчины-азербайджанцы, тем более сельские жители, никогда не носили «длинных бород» (за исключением бород немногих истинно верующих мусульман), а тем более «длинных волос»: они коротко стриглись и в массе своей носили усы. Последние всегда считались у них символом мужественности, и то время как длинные волосы – чем-то неприличным, постыдным для мужчины.

Здесь мы видим попытку воскресить в памяти читателя фильмы про войну. В противном случае придется предположить, что «длинные волосы и бороды» выросли у несчастных «кафанских беженцев» за те часы, максимум полусуток, что их «теплушки» должны были следовать из Кафана в Баку (от Кафана до Баку 380 километров рельсового пути)!

Следующее приводимое де Ваалом «свидетельство» не менее оригинально. Хотя бы потому, что принадлежит Арифу Юнусову, уже упоминавшемуся бакинскому ученому, знатному пропагандисту и фальсификатору на службе официального Баку. К тому же давно и активно сотрудничавшему с азербайджанскими спецслужбами.

Тот будто бы видел 25 января 1988 г., идя на работу, в Академию наук, как в центре Баку «четыре красных «Икаруса» стояли перед зданием Верховного Совета. Юнусов вспоминает пассажиров тех автобусов: «Все они были в ужасном состоянии. В основном там были женщины, дети и старики. Молодых было мало. Многие сильно избиты. Они кричали...»³.

¹Томас де Ваал. Указ. соч., с. 391

²Там же, с. 40

³Там же, с. 40

⁴Там же, с. 41

Как и в первом случае («голые раздетые дети»), и здесь имеются вызывающие жалость и гнев «женщины, дети и старики. Молодых было мало». К тому же избитые и кричащие. И опять-таки, это первое и единственное за многие годы свидетельство столь вопиющего для Советского Союза в январе 1988 г. зрелища. Как будто подобное событие в самом центре миллионного города могло пройти незамеченным никем, кроме А. Юнусова, не стало бы предметом обострения страстей задолго до февральской сессии Облсовета НКАО.

Чтобы сохранить видимость объективности, далее де Ваал ссылается и на противоположную сторону, а именно на бывшего второго секретаря Кафанского райкома партии Арамаиса Бабаяна, который сказал, что «не может припомнить ни одного случая, чтобы азербайджанцы покидали территорию района до февраля». Впрочем, «он подтвердил, что как-то ночью в феврале 1988 г. две тысячи азербайджанцев действительно покинули район, но считает, что причиной этого массового исхода стали слухи и «провокации»¹.

Как уже отмечалось выше, в армянской и центральной прессе сообщалось, что накануне резни в Сумгаите несколько сот (по А. Бабаяну в изложении Т. Де Ваала – «две тысячи») азербайджанцев под влиянием приезжих провокаторов снялись с мест, и что именно этих людей на митингах в АзССР представляли как «беженцев из Армении». Об этом сообщалось и в отчете военной комиссии, побывавшей в Кафанском районе уже после резни в Сумгаите.

При этом практически все выехавшие в АзССР вскоре после своего неожиданного отъезда вернулись в места постоянного проживания в АрмССР, которую они вынуждены были покинуть лишь поздней осенью 1988 г., когда в обеих республиках начались депортации и межнациональные столкновения, вызвавшие массовый исход армян и азербайджанцев.

Но де Ваал и здесь лукавит: он подверстал логически правильное по отношению к периоду после декабря 1988 г. утверждение: «ни один кафанский азербайджанец так и не вернулся в Армению»², – в качестве послесловия к рассказу А. Бабаяна о событиях февраля 1988 г...

Между прочим, в конце 1988 г. в Баку точно так же распространялись невероятные слухи. В начале декабря, когда после массовой депортации армян из Азербайджанской ССР начался встречный поток азербайджанцев из Армянской ССР, газета «Красная звезда» сообщала:

*«Вчера во второй половине дня нам позвонила женщина, назвавшаяся Ольгой Ивановой Ивановой, и срывающимся голосом сообщила: беженцы, тысячами устремившиеся в Баку из Армении, прибывают со следами зверских издевательств, даже с отрезанными ушами... Представитель УВД Баку заявил: глупости все это. Вчера прибыло 300 человек, все, как говорится, целы. Видимо отдельные группы людей специально распространяют слухи. Почему так считают? Слишком быстро эти слухи разлетаются»*³.

Характерно, что и здесь, явно для пущей убедительности, лжесвидетельница представилась вовсе не азербайджанскими, а русскими именем и фамилией.

¹Томас де Ваал. Указ. соч., с. 41

²«Красная звезда», 03.12.1988 г.

Однако вернемся к «Кафанскому мифу» в изложении автора «Черного сада». Томас де Ваал вполне серьезно пытается убедить читателя, что как минимум дважды, – в ноябре 1987 г. и в январе 1988 г., – в Баку прибыли несчастные «избитые», «голые», «кричащие», «волосатые и бородатые» азербайджанские беженцы из Кафана. И что якобы эти инциденты:

- прошли незамеченными ни официальной советской, ни полуподпольной самиздатской, ни «падкой на сенсации» западной антисоветской прессой и «радиоголосами»;
- не стали не только поводом для всеобщего взрыва, но даже для гласных обсуждений в Азербайджанской ССР соответственно еще за три месяца и за месяц до событий февраля 1988 г.;

- что азербайджанские власти не воспользовались таким прекрасным предложением, что бы если не предпринять превентивные меры, то хотя бы поднять перед Москвой голос против наметившегося в НКАО и вполне ожидаемого в Баку нового витка борьбы за выход автономии из состава АзССР.

Впрочем, с Томасом де Ваалом все очевидно: он просто повторяет современные мифы азербайджанской пропаганды, облекая их в форму бесед-интервью, на основании которых, в общем-то, и основывается вся его книга. А что говорят сами интервьюируемые, это уже как бы и не на совести автора «Черного сада». Как пелось в популярной когда-то песне: «Я его слепила из того, что было!»

Наконец, еще любопытное свидетельство о новых попытках г-на де Ваала подвести «документальную» базу под 20-летней давности «Кафанский миф». На этот раз с использованием родственных «контуре» де Ваала международных структур, щедро финансирующих свои филиалы в ряде стран СНГ, в том числе и в Республике Армения. Ниже речь идет о Международной кризисной группе, чьим рупором в Ереване является Левон Зурабян, бывший пресс-секретарь первого президента РА Левона Тер-Петросяна. Возглавляемая последним неконструктивная оппозиция «отличилась» после президентских выборов 19 февраля 2008 г., устроив несанкционированные митинги и акции, вылившиеся 1 марта в вооруженный мятеж в центре Еревана, вследствие чего 10 человек погибли и около двухсот получили ранения.

В газете «Голос Армении» от 24 ноября 2007 г. была опубликована статья Марины Григорян «Первый исход. К 20-летию событий в Чардахлу». Автор, в частности, пишет: *«Ровно год назад в Ереване проходила одна из многочисленных презентаций книги Т. де Ваала «Черный сад». В ходе мероприятия выступил представитель Международной кризисной группы в Армении Л. Зурабян (последний пресс-секретарь экс-президента). Он рассказал о том, что по поручению МКГ побывал в Кафане, где искал следы тех самых «погромов» конца 1987 г., когда якобы первые азербайджанцы были изгнаны из Армении. Но ничего не нашел. Реакция де Ваала была примерно следующей: «Давайте дальше исследовать кафанские события. Деньги попробуем достать».*

На интернет-форуме одного из азербайджанских новостных сайтов появилось воззвание руководителя бакинского офиса Британского института войны и мира (того самого, Кавказский отдел которого возглавляет де Ваал) с просьбой помочь выяснить правду об «азербайджанских беженцах из Кафана в ноябре 1987 г.». Участники «прений» на этом

форуме договорились уже до «200 тысяч азербайджанцев-беженцев к январю 1988 г.». Думается, подобное начало дает полное впечатление о степени правдивости и объективности «истории», создаваемой британским институтом с помощью бакинских коллег¹.

От себя добавим, что бакинский офис Британского института войны и мира возглавляет Лейла Юнусова, по «странному совпадению» – жена уже упоминавшегося Ариф Юнусова. А в годы пребывания у власти НФА – начальник информационно-аналитического центра Министерства обороны АР.

Впрочем, есть вполне объемлющее объяснение того, почему тема «беженцев из Кафана», раскручиваемая на митингах в Азербайджане в конце февраля 1988 г., обросла подробностями, деталями и стала «Кафанским мифом» лишь спустя годы и даже десятилетия.

Все очень просто: провокационные слухи об изгнании из Кафана и насилиях над таможными азербайджанцами могли лишь возбудить толпу, но им не хватало ни достоверности, ни реальных жертв. Нужен был реальный инцидент, жертвы которого могли быть предъявлены митингующим и объявлены ждущей отмщения «первой кровью».

22 февраля 1988 г. последовали события, которые стали вполне приемлемым и удобным предложением для «ответного шага» азербайджанской стороны в ответ на решение сессии Областного совета НКАО от 20 февраля. Тем более что центральные советские власти полностью подыграли официальному Баку в широком озвучивании и раскручивании инцидента, вырванного из общего контекста событий на границе НКАО с соседним Агдамским районом АзССР.

АСКЕРАНСКИЙ ИНЦИДЕНТ

22 февраля началось. После митинга в приграничном с НКАО азербайджанском городе Агдаме (родина знаменитого на весь Союз одноименного пошла-портвейна) забурлило.

Как помним, в августе 1905 г. «Тифлисский листок» сообщал, что «300 вооруженных всадников из Агдама двинулись на место происшествия», чтобы удостовериться, в чем дело. В соответствии со старым сценарием, но со скидкой на перестроечное советское время, многотысячная толпа (пешая) двинулась из Агдама по направлению к расположенному километрах в пяти-шести по шоссе на территории НКАО армянскому райцентру Аскеран. По разным данным, толпа насчитывала от 2 до 3 тысяч азербайджанцев, преимущественно молодых мужчин.

На пути эта толпа громила объекты хозяйственного назначения, торговые павильоны, автотранспорт и сельхозтехнику близлежащих армянских сел.

Одновременно в самом Агдаме был остановлен и подвергся нападению рейсовый автобус, следовавший из карабахского райцентра Мартуни в Ереван; пассажирам были нанесены телесные повреждения; сам автобус был изрядно разбит.

Вновь кстати пришлось бы сообщение «Тифлисского листка» от августа 1905 г: «Вооруженные шайки стали останавливать дилижансы; таким образом «взяли в плен», предварительно ограбив, 100 пассажиров-армян».

¹«Голос Армении», 24.11.2007 г.

Вот как описывает увиденное вскоре после нападения на рейсовый автобус бывший председатель Комитета народного контроля НКАО Владимир Товмасын в своей книге «Карабахская мозаика»:

«Рано утром 22 февраля я в сопровождении инструктора ЦК КПСС Яшина выехал в Мартунинский район. Площадь перед зданием райкома была заполнена людьми, находящимися там днем и ночью, начиная с 12 февраля. К 10 часам зал в здании райкома был переполнен людьми. Первый секретарь райкома предоставил мне слово для оглашения текста постановления ЦК КПСС. На глазах у всех распечатал конверт, я стал читать вложенный в него текст. Но успел прочитать только первое предложение. Зал загудел, раздались громкие возгласы со всех сторон. Это была реакция на слова «экстремисты», «националисты», «коррупцированные элементы», которыми в обращении характеризовалось волеизъявление народа... Происходящее можно было понять, но то, что случилось в следующее мгновение, не только мы, но и присутствующие в зале не могли понять. Под натиском сотен людей были выбиты двери зала, и в него с криком хлынула толпа. Невозможно было что-либо разобрать.

Секретарь райкома партии предложил мне с представителем Москвы через заднюю дверь срочно пройти в его кабинет, что мы и сделали. В следующую минуту толпа ворвалась в кабинет первого секретаря райкома. Картина была ужасной. Люди были окровавлены, в руках некоторые высоко держали топоры, металлические прутья, огромные камни. В первых рядах я заметил знакомого мне директора комбината бытового обслуживания Эдика Сагяна, который пытался успокоить людей... Он указал на площадь перед зданием райкома. Мы подошли к окну. Окруженный сотнями людей, в центре площади стоял автобус с выбитыми стеклами, со множеством вмятин на кузове. Для меня все стало ясно, а вот Виктор Михайлович, изрядно напуганный всем происходящим, пока не понимал, в чем дело.

Когда по нашей настоятельной просьбе люди несколько успокоились, водитель автобуса, следовавшего из Мартуни в Ереван, стал рассказывать, как на них в Агдаме напала разъяренная толпа и стала громить автобус, забрасывая пассажиров топорами, металлическими прутьями, камнями. Он весь дрожал и все время вытирал лицо, по которому стекали слезы и сочилась кровь из многочисленных ран. Это были слезы радости от того, что он сумел в такой обстановке развернуть машину и поехать обратно, чем спас десятки людей от верной смерти»¹.

Приведенный отрывок из книги В. Товмасына, кстати говоря, характеризует и истинное отношение Кремля к происходившему в регионе, так явно проявившееся впоследствии: мирное народное волеизъявление названо «экстремистским». Вооруженные же разбойные нападения в ответ на это волеизъявление расценивались как «хулиганские», а то и просто замалчивались. Именно так было в случае нападения на рейсовый автобус Мартуни–Ереван; советские СМИ замолчали этот акт бандитизма, лишь в армянских прошли сообщения о нем. Характерным было и оружие нападавших: топоры, металлические прутья, камни. Очень скоро те же предметы стали орудиями убийства в азербайджанском городе Сумгаит.

¹В. Товмасын, «Карабахская мозаика», Москва, 2003. ЗАО «Издательский дом ЭКО». С. 71–72

Между тем, двигаясь к райцентру, поселку городского типа Аскеран, толпа из Агдама крушила все на своем пути, останавливала встречные автомобили, громила их, избивала водителей и пассажиров. Около полусотни раненных в результате этого жителей НКАО были доставлены в больницы. Лишь на окраине Аскерана агдамская толпа была остановлена силами двадцати (!) отрядов милиции, в том числе и собственно агдамской, т.е. азербайджанской.

Сотни молодых жителей Степанакерта, прибывшие на подмогу аскеранцам, стояли в ожидании, готовые отразить натиск толпы, если бы ее не сдержали милиционеры. Водители КАМазов и КраЗов местного автотранспортного объединения уже заводили моторы своих грузовиков и были готовы таранить толпу, если она прорвется сквозь милициские кордоны.

В этой сумятице и прозвучали выстрелы, оборвавшие жизнь двух молодых азербайджанцев. Кажется удивительным, что последовавшие официальные расследования так и не установили, кто стрелял, хотя данные об этом были.

Публицист Александр Василевский, побывавший позже в НКАО, писал в своем очерке «Туча в горах» в № 10 за 1988 г. ленинградского журнала «Аврора» об этом странном двойном убийстве.

«Несомненно, по крайней мере, что к убийству одного из них, двадцатидвухлетнего Али Гаджиева, фрезеровщика агдамского станкостроительного завода, армяне Нагорного Карабаха отношения не имеют. Вот что рассказал мне об обстоятельствах гибели Али его родной брат, двадцатидевятилетний инженер-строитель Ариф Гаджиев:

«В Али стрелял милиционер-азербайджанец. Брат умер мгновенно: выстрел был в упор, пуля прошла насквозь, попала в сердце. Между ним и офицером произошел спор. Потом Али схватился за Ульви Вахрамова, своего приятеля, и сказал: «Держи меня, в меня стреляли». И упал. Ульви видел милиционера, который стрелял. Он его не знает, но он хорошо знает другого офицера – агдамского, который сразу посадил стрелявшего в машину и уехал. Недавно подполковник из Москвы Николаев сказал, что сейчас началось новое следствие. Дано объявление в газете с просьбой свидетелей убийства прийти в милицию...»

О смерти второго азербайджанского молодого человека вообще было мало что известно. По ходу следствия были временно задержаны некоторые жители Аскерана, имевшие официально зарегистрированное охотничье оружие, но причастность кого-либо из них к загадочному убийству так и не была установлена. Наконец, в советских СМИ так и не прозвучала информация о том, что, по крайней мере, один из двух застреленных близ Аскерана азербайджанцев был убит пулей из пистолета в упор.

...Зато вскоре после этого инцидента в советской прессе с подачи республиканских средств массовой информации АзССР появились какие-то байки о председательнице колхоза, депутате советского Верховного Совета АзССР Хурраман Аббасовой, которая-де остановила толпу агдамцев, бросив на землю свой платок. Один воспрянувший в перестроечное время известный поэт-шестидесятник даже рьяно откликнулся на эту пиар-акцию и поспешил написать соответствующее стихотворение. Думается, история с платком была изначально призвана органично вписаться в выстраиваемую тогда партийно-гзбистской пропагандой картину «победы дружбы народов над экстремизмом и национализмом»...

Далее события развивались следующим образом: в последующие дни азербайджанское телеграфное агентство «Азеринформ», а вслед за ним – ТАСС, всеозвонное радио и телевизионные передачи информационное сообщение об убийстве двух азербайджанцев в результате столкновения между жителями Агдама и Аскерана. В Азербайджане вновь на митингах зазвучали возгласы об «убийстве армянами азербайджанцев». К тому же на этот раз в отличие от мифических «кафанских событий» наличествовали два трупа.

Совершенно очевидно, что 22 февраля 1988 г. у Аскерана была разыграна заранее и тщательно спланированная спецоперация КГБ АзССР, в составе которой с 1970-х гг. полугласно существовал целый отдел по борьбе с «армянским национализмом». Вряд ли стрелявший в агдамского фрезеровщика «милиционер» на деле являлся таковым: вероятнее всего это был переодетый в милиционерскую форму оперативный сотрудник КГБ АзССР. Вероятнее всего также и то, что второго агдамца также убили бакинские спецслужбы. Безрезультатность всех последующих расследований, полное отсутствие какой-либо информации о них лишь свидетельствуют о справедливости подобного вывода.

Подтверждает уверенность в этом и быстро соотряпанная в «нужном ключе» информация «Азеринформа», ставшая основой и для сообщений всесоюзных СМИ.

Информацию о гибели двух молодых азербайджанцев близ Аскерана, – без упоминания обстоятельств, при которых это случилось, и в отсутствие хотя бы подозреваемых в убийстве, – озвучил и заместитель Генерального прокурора СССР Александр Катусев. И это также прозвучало на всю страну – по Всесоюзным радио и телевидению.

Как пишет в вышеупомянутой статье «Туча в горах» Александр Василевский, «представитель прокуратуры СССР Валерий Василенко, временно исполняющий обязанности прокурора НКАО, согласился со мной, что информация в прессе об убийстве двух азербайджанцев... без дополнительных пояснений была в той взрывоопасной ситуации неуместной».

На фоне провокационных сообщений «Азеринформа» и ТАСС в тени остались другие события в регионе. Прежде всего нападение националистически настроенной толпы из Агдама на Аскеран, избияния граждан армянской национальности на дорогах близ и в самой НКАО. Многотысячные демонстрации и митинги протеста против оскорбительного для армян постановления ЦК КПСС в Ереване, охватившая республику забастовка также остались за бортом скупых и весьма однообразных сообщений телеграфного агентства Советского Союза, которое обычно было прекрасно осведомлено о мельчайших событиях в различных уголках мира. Между тем, забастовки и митинги на несколько дней парализовали экономическую жизнь в Армянской ССР!

27 февраля «Известия» сообщили об обращении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева «К трудящимся, к народам Азербайджана и Армении» в связи с событиями в Нагорном Карабахе.

В своем обращении Генсек Горбачев, в частности, говорил, что поднятому вопросу о переходе НКАО из АзССР в АрмССР «придана острота и драматичность, которые привели к напряженности и даже к действиям, выходящим за рамки закона... ЦК КПСС обеспокоен таким развитием событий, оно чревато самыми серьезными последствиями». Горбачев призвал также «отстоять и в этом испытании наш советский интернационализм», «проявить гражданскую зрелость и выдержку, вернуться к нормальной жизни и работе, соблюдать общественный порядок».

Сам текст обращения не был опубликован центральной печатью ни тогда, ни впоследствии. Были даны лишь некоторые тезисы из этого документа, полностью опубликованного лишь в республиканской армянской и азербайджанской прессе и так и оставшегося неизвестным подавляющему большинству советских читателей. Хотя дело представлялось так, что именно это обращение сыграло решающую роль в «стабилизации обстановки» в регионе.

«Наступил час разума и трезвых решений», – таким заклинанием заканчивалось обращение М. Горбачева.

Действительно, в Армянской ССР и НКАО население ответило на обращение советского лидера прекращением митингов и забастовок, массовым выходом на работу. Совершенно иной была реакция в Азербайджанской ССР: как раз в день публикации в местной прессе обращения Генсека начались массовые погромы и убийства армян в Сумгаите.

Глава 7

РЕЗНЯ В СУМГАИТЕ: ФАКТЫ И ИХ ИСКАЖЕНИЕ

*«Опять Восток дымится свежей кровью.
Опять резня. Повсюду вой и плач.
И снова прав пирующий палач.
А жертва предана злословью»*

Федор Тютчев

«Мы смогли выйти на принятие платформы партии по национальному вопросу, которая представляет новое слово в вопросах национальной политики и оплодотворяет политику перестройки на таком жизненно важном участке, каким являются межнациональные отношения»

Михаил Горбачев,
из выступления на Пленуме ЦК КПСС 20 сентября 1989 г.

1 марта 1988 г. на внутренней полосе «Известий» под одним из очередных стандартных материалов появилось небольшое сообщение ТАСС, в котором говорилось, что «28 февраля в Сумгаите (Азербайджанская ССР) группа хулиганствующих элементов спровоцировала беспорядки. Имели место случаи бесчинства и насилия...»

Что же на самом деле случилось в «городе интернациональной дружбы», «Комсомольске-на-Каспии», как с легкой руки ныне неизвестного ревнителя дружбы народов модно было называть этот промышленный город, третий по численности населения в Азербайджанской ССР?

27–29 февраля (был високосный год) 1988 г. в Сумгаите произошли массовые убийства и погромы горожан армянской национальности. Это был первый за все время существования СССР акт массовых расправ над «инородным» населением на территории, контролируемой вполне официальной советской властью. Сравнимые по жестокости и целенаправленности избиения по национальному признаку в годы Великой Отечественной войны имели место лишь на оккупированных противником территориях. Даже сталинские депортации в отношении репрессированных народов Кавказа и Крыма, хотя и сопровождалась кровавыми эксцессами, все же не были погромами с участием в качестве погромщиков масс гражданского населения, громившего и убивавшего «предателей-инородцев».

То, что произошло в Сумгаите, и то, каким образом была организована и претворена в реальность бойня и последующее изгнание армянского населения этого крупного промышленного города (около 250 тыс. населения, из коих армян, по разным данным, было около 17 тыс.), не имело аналога в советской истории. Сумгаитскую резню можно сравнить лишь с кровавыми избиениями армян, айсоров, греков и иных христиан в Османской

империи, периодически вспыхивавшими и продолжавшимися начиная со второй половины XIX в. и вплоть до 1923 г., когда практически все христианское население нынешней Турции в ее современных границах было подвергнуто жесточайшему геноциду. Во всяком случае картина погромов и убийств в Сумгаите была точной калькой много лет стыдливо замалчиваемого советской историографией Стамбульского погрома греков и армян 1955 г., которым турецкие националисты «отпраздновали» 3-ю годовщину вступления Турции в НАТО.

КАРТИНА РЕЗНИ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

Как известно, накануне сумгаитской резни, а именно 26 февраля 1988 г. советский Генсек Михаил Горбачев обратился к народам Армении и Азербайджана с призывом соблюдать спокойствие и выдержку. Результатом этого обращения на следующий день стало прекращение митингов в Ереване и в целом по Армянской ССР. Спокойствие наблюдалось и в Нагорном Карабахе. В этот же день в Сумгаите начались митинги с лозунгами, направленными против армян.

27 же февраля в Сумгаите тысячные толпы вновь вышли на антиармянские митинги и шествия, которые практически сразу же переросли в нападения на квартиры армян, убийства их обитателей, массовые погромы домов, объектов торговли, поджоги автомобилей. 28 и 29 февраля погромы продолжались, даже несмотря на то, что 28-го числа в город были введены внутренние войска МВД СССР.

В ходе погромов, по официальным данным, было убито 26 граждан армянской национальности, несколько человек пропали без вести. По неофициальным же сведениям, полученным путем опроса беженцев и переселенцев из Сумгаита по прибытии их в Армянскую ССР, число жертв было значительно больше. Позднее более точно, по фамильно и поименно было установлено 29. Часть беженцев, сразу выехавших в Россию, не была опрошена. Установлению точного числа жертв мешало и то обстоятельство, что трупы погибших увозили в разные морги, в том числе в Баку и другие населенные пункты.

Так, отец зверски убитой 29 февраля Лолы Авакян Манвелян Павел был в трех моргах: в Сумгаите, Баку и Мардакянах, в 20 км от Баку. Тело дочери, изуродованное настолько, что опознать его удалось по характерному дефекту ногтя на пальце ноги, он обнаружил в последнем из моргов, под номером 71 среди неопознанных трупов. По его показаниям, в трех моргах он видел всего более 100 трупов; не исключено, что среди них были и другие жертвы сумгаитской резни. Павел Манвелян был инженером химкомбината, одним из тех, кто строил Сумгаит, а его жена – опытным педагогом, преподававшим в одной из городских школ. Позже выяснилось, что среди нападавших на квартиру его дочери и зятя были учащиеся и выпускники той самой школы, где преподавала мать убитой Лолы Авакян...

Все без исключения убийства сумгаитских армян были совершены с особой жестокостью и извращенностью, в присутствии многих десятков, а иногда и сотен горожан-азербайджанцев, которые если и не принимали непосредственного участия в истязаниях, то часто выступали в качестве ободрявшей и морально поддерживавшей погромщиков силы.

В ряде случаев были совершены беспрецедентные садизм и варварство. Так, была полностью уничтожена семья Мелкумянов: Согомон Маркарович, 57 лет, Раиса Арсеновна 54 лет, Эдуард, 28 лет, Игорь, 31 год, Ирина, 27 лет. После избиений, насилия, нанесения тяжких повреждений, их трупы были подожжены.

Из заключения судебно-медицинской экспертизы:

«Труп Мелкумян И. С. в момент исследования подвергся резкому обугливанню, на фоне которого обнаружены следующие повреждения: 3 (три) рубленые раны затылочно-теменной области головы с переломами костей свода черепа, сопровождавшиеся кровоизлиянием под оболочку, в вещество и желудочки головного мозга... На трупе С. Мелкумяна в теменно-затылочной и правой височной части головы имелись 13 ран, труп подожжен...»

С самого начала не было сомнений в том, что сумгаитская резня – ответ на принятые в Степанакерте решения, касающиеся административно-территориальной принадлежности НКАО. Как и подавляющее большинство армянского населения городов АзССР, практически все сумгаитские армяне имели карабахские корни. Почти во всех свидетельствах о смерти жертв погромов местом рождения убитых значился тот или иной населенный пункт Нагорного Карабаха. В первые недели после резни в Сумгаите можно было услышать самые разнообразные сведения о числе погибших и обстоятельствах их гибели. Очевидно, что многое из рассказанного и переданного затем по цепочке, от одних людей к другим, третьим, дошло в искаженном виде. В частности, сразу после погромов распространился слух об убийствах младенцев в родильном доме, который, как оказалось позже, не соответствовал действительности. Однако реальная картина происшедшего, зафиксированная строгими протоколами допросов потерпевших, свидетельскими показаниями, высветила такие страшные детали, перед которыми померкли бы любые выдуманные истории.

Единственным судебным процессом по сумгаитской резне, получившим хоть какую-то огласку в СМИ СССР, стал суд над тремя погромщиками – Ахмедовым Ахмедом, Исмаиловым Ильхамом, Джафаровым Яваром, который проходил с 18 октября по 18 ноября 1988 г. в Москве в Верховном Суде СССР. Его материалы, выдержки из них, естественно, никогда не были опубликованы в центральной советской прессе.

Однако в ряде газет Армянской ССР публиковались репортажи из зала суда; позднее, опять-таки в Армении, были изданы материалы об этом и ряде других процессов. Материалы обвинительных заключений и процессов были также частично обнародованы адвокатами потерпевших и родственниками жертв Сумгаита – Рубеном Рштуни, Полиной Шапошниковой, Рубеном Саакяном.

В 1998 г. в Степанакерте, столице Нагорно-Карабахской Республики, была издана брошюра под названием «Дневник судебного процесса по уголовному делу о преступлениях, совершенных против армянского населения в Сумгаите»¹. Ее автор, уроженец Степанакерта и в то время аспирант мехмата МГУ Павел Геворкян в течение месяца выполнял роль переводчика (что являлось скорее необходимой формальностью) на процессе в Верховном Суде СССР. У автора была возможность не просто ознакомиться с обвинительным заключением, но и копировать целые фрагменты из него.

¹Степанакерт. Фонд общественно-политической информации. 1998

Приведем некоторые выдержки из обвинительного заключения по делу Ахмедова–Исмаилова–Джафарова, цитируя их по вышеназванной книге с целью дать читателю хотя бы отдаленное наглядное представление о том, что творилось 27–29 февраля 1988 г. в азербайджанском «Номсомольске-на-Каспии».

«В районе дома 26 на глазах многих жителей квартала организованная Ахмедовым группа хулиганствующих лиц, объединенных единым умыслом, вооруженных топорами, ножами, металлическими трубами, прутьями и другими предметами, сознавая особо жестокий характер своих действий и причинение особых страданий потерпевшим, начала избивать этими предметами членов семьи Мелкумянов и Амбарцумяна М. А., нанося им по голове и другим жизненно важным участкам тела многочисленные удары...»

...Свидетель Алиметов К. Г. показал, что 29 февраля... видел, как в расположенном рядом доме совершали погромы квартир... Около трансформаторной будки на какого-то мужчину набросили всякие вещи и подожгли их. Рядом с его домом горел еще один костер. На улице была большая толпа подростков. В мегафон кто-то кричал: «Да здравствует Азербайджан!»...

Свидетель Алиев И. Г.: *«Ахмедов кричал в мегафон, что в Армении убили много азербайджанцев, поэтому мы тоже должны убивать армян... Я понял так, что все молодые ребята, вообще все, кто громит квартиры, слушаются Ахмедова, так как после его слов все начали бросать камни в окна домов...»*

Свидетель Зарбалиев Д. С. показал, что, когда 29 февраля 1988 г. толпа подошла к дому 5а, группа парней сразу зашла в первый подъезд... Минут через десять они вытащили из подъезда мужчину лет пятидесяти. Его окружили человек 15–20 и стали бить топором, ножами, деревянными палками. Потом один из парней вытащил горевший матрац и накрыл им мужчину, сверху набросили разные вещи...

Свидетель Мамедов показал:

«...Парня и девушку вывели из подъезда. Они держались друг за друга, но их развели... Больше внимания я обращал на девушку, которую били... рядом с сапожной будкой. Я видел как какой-то парень бил девушку лопаткой... еще ее били дубинками... Рядом с тем местом, где били девушку, лежали ящики. Девушку раздели и бросили в ящики и сверху на нее навалили их... Тогда к ней подошел парень примерно 20–22 лет... Этот парень принес с собой чайник белого цвета с мелкими цветками. В этом чайнике был бензин. Парень из чайника облил девушку бензином и сам же поджег ее».

Мамедов Гасан, привлекающийся к уголовной ответственности по другому делу, связанному с беспорядками, показал:

«...Возле женщины столпилась примерно человек десять и избивали ее палками и ногами. Верхней одежды на женщине не было. Женщина от ударов упала возле подъезда и прислонилась к ступенькам. В то время как ее били, женщина пыталась на четвереньках доползти до подъезда. Но ее кто-то ударил ногой, и она скатилась по ступенькам на асфальт. Затем он увидел, как из первого или второго подъезда дома 26 вывели мужчину средних лет и стали избивать... Мужчину избивали металлическими прутьями, топором. Затем мужчину, которого били, упал. К нему подошли двое, подняли его за ноги и бросили в костер. При этом туловище его оказалось в костре,

а ноги вне костра, он еще подавал признаки жизни, пытался выползти из костра, но какой-то парень придерживал его куском арматурного прута и не давал это сделать».

Свидетель Еникеев С. И. показал, что... увидел, что со стороны третьего подъезда вывели девушку, одетую в домашний халат, и подвели к подстанции, расположенной неподалеку. Там ее сбили с ног и стали избивать. Чем били, он не видел. Затем толпа отошла от нее, и он увидел, что девушка уже голая. После второго нападения девушка осталась лежать на земле, ее чем-то накрыли, но вскоре она снова попыталась встать. Тут к ней со спины подошел какой-то мужчина высокого роста в темном матерчатом плаще, в меховой зимней шапке, и ударил девушку палкой или трубой по голове. Затем девушку подожгли. Примерно в это же время он увидел парня, лежавшего между первым и вторым подъездами дома 26. Двое мужчин потащили лежащего парня к костру, который горел возле торца дома 5в, и бросили в огонь. Потом подходили подростки и палками подтапывали тело этого парня в костер.

Свидетель Рыжков Ю. П.:

«... Между трансформаторной будной и домом 5в лежала обнаженная женщина, и возле нее стояла толпа подростков, примерно 30 человек. Я увидел, что несколько человек подняли ноги этой женщины и какой-то парень... штыковой лопатой тыкал в промежность женщины. Тыкал именно острием штыковой лопаты».

Свидетель Атлуханов М. А. ... рассказывает, что по дороге на автовокзал он и Ахмедов видели в камышах обнаженную убитую девушку, а на земле возле светофора лежал окровавленный мужчина... По городу ходили бронетранспортеры, но и они не вмешались.

Свидетель Козубенко В. В.:

«Я видела, как вытащили из нашей квартиры Аракелян Асию, а следом ее мужа Аракеляна Арташа... Бандиты, которые вошли в нашу квартиру, были вооружены прутьями, арматурами, большими ножами. Металлические прутья были одинаковой длины, как будто специально обрезанные. Кто-то из азербайджанцев-бандитов хотел ударить меня, но рядом стоящий не дал это сделать, сказав: «Мы русских не трогаем». Эти бандиты, все абсолютно, были одеты в черное и почти все молодые... С 28-го числа наши телефоны были отключены».

Свидетель Мурадов Джамал Исмаил-оглы:

«Я видел, как возле сгоревшей машины горел человек, мне стало страшно. Варвары только такое могут натворить. Там была женщина, которую страшно избивали. Она хотела войти в стоящую машину, но шофер оттолкнул ее и не пустил. Бандиты продолжали избивать ее, куда увели – не знаю. Далее я видел на улице мертвых людей. Чуть дальше лежала голая женщина, вся в крови. Было страшно, в жизни я такого не видел. Потом я видел, как парень топтал голову живого человека. Ночью я не спал. Все это было 28 февраля. 29 февраля мы с женой вышли купить хлеба. Там громили дома. А милиция наша стояла и смотрела... Бандиты действовали оперативно. Они быстро находили квартиры армян, каким образом – не знаю. Парень с микрофоном руководил толпой, его слушали все. Банда была вооружена. В толпе были люди разных возрастов, даже были 3- и 4-летние дети... Я видел очень много милиционеров, которые наблюдали и ничего не делали, как будто это их не касалось... В центре было очень много больших камней. Откуда они – не знаю. У нас раньше таких камней не было».

Свидетель Селимханов А.С. показывает:

«Во время митинга на автовокзале Исмаилов спросил одну женщину: «Где живут армяне?», она ответила: «Если бы я знала, сама бы высосала из них всю кровь...». «В 36 квартале я видел также, как один солдат был тяжело ранен, умирал, ему оказывали помощь».

Свидетель Мамедов М. Я.:

«... Когда я и мой друг Керимов пришли на автовокзал, там было много солдат. Солдаты отступали, среди них было много раненых, их лица были в крови... Потом толпа направилась в 41а квартал. Там начали громить квартиры армян».

Свидетель Тахмазов Т. Т., управдом:

«... Было распоряжение представителя ЦК КП Азербайджана Ганифаева смечь и засыпать землей все разгромленные вещи. Так и сделали, причем очень оперативно. На следующее утро из горисполкома в 41а квартал прислали ремонтно-строительные части, и те убрали трупы и все разрушенное...»

Свидетель Зарбалиев Д. С., чей отец работает в милиции Сумгаита, отвечая на вопрос адвоката Шапошниковой:

«Почему вы не позвонили отцу, который в это время был на службе, и не рассказали о том, что творится в вашем квартале?», отвечает: «А зачем мне надо было звонить? Милиция об этом все знала, все об этом знали, это же был не первый день погромов».

Свидетель Гукасян А. М.:

«... Выйдя на балкон, я поразился обстановке в квартале. Все стояли на балконах и чего-то ждали. Как перед представлением... Потом к нам зашел знакомый и сказал, чтобы мы быстрее ушли, куда уже идут. Тогда я вынужден был вновь обратиться к соседям, у которых мы ночевали. С большим трудом и предосторожностями нам удалось перебраться в их квартиру (это в соседнем подъезде) прямо перед приходом толпы к квартал... Начались погромы... В конце концов, добрались до нашей квартиры. Мы через стену слышали, как ее громили... После ужасных погромов толпа ушла из квартала... На меня особо подействовала жестокость этих людей. Эти молодчики подходили к трупам, рассматривая их, ногами переворачивали тела...»

Свидетель Добжанская В. Б.:

«В толпе парень с флагом кричал: «Убивайте армян... Горбачев за нас...».

Думается, приведенные выдержки из показаний свидетелей, – точнее лишь малой части их, – дают весьма ясную картину того, что происходило 27–29 февраля 1988 г. в азербайджанском городе Сумгаит.

ПОГРОМЫ БЫЛИ ПОДГОТОВЛЕНЫ И ХОРОШО ОРГАНИЗОВАНЫ

Об организованном характере погромов в Сумгаите имелось немало свидетельств. Выше уже приводились показания свидетелей о наличии у погромщиков заточенной арматуры стандартной длины и топориков; о подготовке накануне погромов нарезанной и заточенной арматуры, доставке в центр города и вдоль некоторых трасс груд камней для

забрасывания автотранспорта и сил наведения правопорядка. Оперативно, сразу после погромов, были устранены следы преступлений: смывалась кровь и следы погромов во дворах, на улицах; уничтожались (сжигались и засыпались на свалке землей) разбитая мебель и иные выброшенные из квартир вещи, ремонтировались разгромленные квартиры.

Даже в местных газетах проходила информация подобного рода. Так, в газете «Коммунист Сумгаита» от 13 мая 1988 г., в заметке «В сумгайтском Горкоме Компартии Азербайджана» говорилось о предшествующих резне днях: «В дни сложной ситуации в цехе завода (трубопрокатного – авт.) имело место изготовление топоров, ножей и других предметов, которые могли быть использованы хулиганствующими элементами».

В приговоре Коллегии Верховного Суда АзССР по уголовным делам первой инстанции от 5 июня 1988 г. по обвинению Керимова говорилось, что «обвиняемый Ш. М. Керимов, вместе с группой участников массовых беспорядков на автомобиле... поехал на заводы «Стальконструкция» и «Железобетонные конструкции», загрузил автомашину обрезками металлической арматуры и привез в 41а квартал для раздачи участникам массовых беспорядков». По свидетельству Б. Бекназаряна, проживавшего во 2 микрорайоне города, в доме 5, кв.37, «за 2–3 дня привезли машины камней и разгрузили в район автовокзала. Арматуру привезли, разгрузили, на государственной машине из трубопрокатного завода вывозили».

Свидетель Ильясов М. В. показывал на процессе:

«Я считаю, что они заранее знали адреса армян. Этот вывод я сделал потому, что погромщики безошибочно входили в подъезды, где жили армяне... 28 утром на улицах города я заметил груды камней, которыми были перегорожены дороги, чтобы никто не уехал. Среди камней, кроме битого кирпича и шлака, которые валяются на свалках, были также кубики, которые нигде не валяются, их надо привезти». На вопрос: откуда у толпы арматурные прутья, свидетель отвечает: «В первую очередь, их могли бы приобрести на нашем заводе, а также на других заводах, например, на заводе железобетонных изделий. Таких прутьев раньше я ни у кого не видел».

Того же свидетеля прокурор спросил:

«Тогда объясните, если им были известны адреса армян, то почему же по мегафону они просили показать, где живут армяне?»

На что Ильясов уверенно ответил:

«Это было давление на психику людей, это была демонстрация. Когда толпа пришла в наш квартал, погромщики сразу ворвались в подъезды, где жили армяне. А то, что они спрашивали по мегафону адреса армян, я повторяю, это было демонстрацией, давлением на психику людей. На самом деле все адреса армян они знали, действовали безошибочно».

Свидетель Теюбова:

«Мегафончик обратился через мегафон к жителям, чтобы они сказали, где живут армяне. Никто не сказал. Все ответили, что здесь армяне не живут. Но они все-таки нашли квартиры армян. Может быть, они знали адреса армян». Далее Теюбова показала, что толпа была вооружена арматурами примерно 50–70 см. На вопрос адвоката Рштуни она уточняет: «Можно сказать, что все эти арматуры были одинакового размера».

Свидетель Гулиев С. М.:

«Были отрезаны линии телефонов... Специально были привезены булыжники... Эти погромы были подготовлены не в один день».

Факт сожжения большинства жертв погромов, многократно отмеченный в материалах сумгайтских дел, а также многочисленные поджоги автотранспорта неопровержимо свидетельствовали о наличии у шедших на убийство погромщиков заранее приготовленного горючего. Некоторые из пострадавших в своих показаниях говорили о том, что в ряде случаев бензин погромщикам разливали в принесенные ими бутылки непосредственно из курсировавшего по городу и заезжавшего во дворы бензовоза.

Сотни беженцев показали, что в дни погромов телефоны у них были отключены, причем отключались они именно после того, как люди звонили в милицию, горком партии и просили о помощи. Обычно отвечали: «Сидите дома и ждите, никуда не уходите, помощь придет» и т.п., и часто вскоре после звонков следовало нападение на квартиру, откуда звонили.

В дни погромов все дороги, въезды в Сумгаит и выезды из города были перекрыты группами вооруженных погромщиков, которые останавливали транспорт и выискивали в нем армян. Так был убит Г. Мартиросов, который 29 февраля отправился из Баку в Сумгаит за семьей на микроавтобусе, который был остановлен погромщиками, а сам Мартиросов Г. А. был выведен группой лиц, избит, а затем сожжен.

По свидетельствам пострадавших, многие местные жители-азербайджанцы знали о готовящихся погромах, и некоторые даже так или иначе пытались предупредить об этом. Так, ныне живущий в Степанакерте бывший житель Сумгаита Карен Матевосян рассказал в интервью агентству «Регнум» 28 февраля 2006 г.:

«Мы жили в пятиэтажном доме, расположенном почти в центре города... Ночью 25 февраля к нам во двор заехала белая «Волга». Из нее вышли несколько молодых мужчин. Из обрывков доносившегося до меня разговора и по жестам я понял, что они обсуждают план предстоящего дела и уточняют кое-какие моменты. Потом они разошлись по подъездам и, вернувшись спустя некоторое время, сели в машину и уехали. Днем 26 февраля в дверь к нам позвонили. Это был монтер-азербайджанец, пришедший по вызову. Между делом он посоветовал матери не сразу открывать на звонок. На вопрос «Почему?» – ничего определенного не ответил. Уже после всего случившегося, в первой декаде марта, монтер явился снова. Мать стала упрекать его в том, что он знал что-то, но не сказал. «Я что, враг себе? Я же предупредил вас», – ответил он»¹.

Показания свидетелей и пострадавших говорили о том, что местная милиция в дни погромов не просто бездействовала, а во многих случаях выступала заодно с погромщиками.

В ходе судебных процессов по «сумгайтским делам» часто звучали свидетельские показания о заведомом бездействии местной милиции. Так, 12 октября 1988 г. в городском народном суде Сумгаита началось выездное заседание Воронежского областного суда по делу в отношении Мехдиева А., Рзаева З., Турабиева А., о котором в интервью армянской республиканской газете «Коммунист»² рассказал адвокат потерпевшей стороны, член коллегии адвокатов Армянской ССР Рубен Саакян.

¹www.regnum.ru/news/597328.html09:53 28.02.2006

²«Коммунист», 30.10.1988 г.

Он привел корреспонденту газеты выдержки из показаний одного из свидетелей, азербайджанца по национальности:

«Рядом со мной находились четверо сотрудников милиции – все сержанты, и двое пожарников, которые никаких мер не предпринимали... Около десяти человек окружили Валерия и стали избивать. Он упал, его продолжали бить. Это продолжалось минут пять, пока он перестал шевелиться и подавать признаки жизни. Никто из сотрудников милиции ему помощь не оказал. Даже пожарная машина, выехав со двора, чуть не наехала на Валерия. Один из милиционеров сказал, что помощь ему оказывать бесполезно, так как он все равно содохнет. Я был сильно удивлен, что на глазах у 4-х сотрудников в форме, имеющих огнестрельное оружие, происходит такое, и они не оказывают помощь человеку, которого убивали».

Осужденный Турабиев показал, что *«28 февраля, вечером, где собралась толпа, было примерно 20 сотрудников милиции с дубинками в руках. Один из них, по званию майор, был очень активным... Он подходил к таким молодым людям, как я, и напоминал о том, что мы мужчины и подстрекал нас к резне. Его слова придали мне силу и смелость...»*

Впрочем, следствие так и не удосужилось установить личность этого майора, чтобы предъявить его на опознание и проч.

В том же интервью адвокат Р. Саакян привел показания потерпевшего Хачатура Бабаева, который с риском для жизни спустился с третьего этажа по водосточной трубе и направился во 2-е отделение милиции Сумгаита, находящееся напротив дома, и сообщил о происходящем. К дому был направлен наряд милиции. Однако последние не зашли в подъезд, а скрылись в неизвестном направлении. А в это время погромщики пытались выбросить из окон 3-го этажа его жену... Установлено, что в это же время во дворе Бабаевых находилась группа сотрудников милиции во главе с ответственным должностным лицом, полковником МВД АзССР, которому «ценою огромных усилий» удалось уговорить Мехдиева повлиять на толпу и прекратить погром в квартире Бабаевых.

Некоторые свидетели показали, что среди погромщиков были своего рода руководители, которые давали распоряжения, пояснения, и с ними периодически советовались активисты отдельных групп погромщиков. Так на предварительном следствии по делу по обвинению А. Ахмедова свидетельница Добжанская В. Б. пояснила (Т. 6. Л. Д. 21–24), что примерно в полночь с 28 на 29 февраля 1988 г. в 3-м микрорайоне г. Сумгаита она видела парня... лицо которого она может опознать. Его карманы были полны наворованными вещами, плащ и руки были в крови. Платок, которым он вытер руки, также был в крови. В руках у этого парня был большой нож. Он подошел к стоявшему рядом мужчине лет 35–38, одетому в дубленку, которого она также может опознать, и сказал, что они ничего не могут поделать с армянами, которые захватили заложников. Мужчина в дубленке ответил, что этого нельзя так оставить.

Свидетель Ильясов М. В.:

«...Из моей квартиры я видел, как к нашему кварталу подъехала машина марки «ГАЗ-24» черного цвета. К этой машине подошли двое из толпы. В машине, по моему, тоже было двое людей. Не выходя из машины, сидящие в ней люди что-то сказали подошедшим, и те сразу же вернулись в толпу. После этого погромы начались с новой яростью...»

По сути дела, одних показаний свидетелей и пострадавших в ходе предварительного следствия вкупе с некоторыми газетными свидетельствами было вполне достаточно, чтобы на официальном уровне признать очевидный факт организованности и подготовленности сумгаитской резни. Но, ясное дело, в задачу Кремля входило как раз обратное: то есть доказать стихийность погромов и отсутствие в них целенаправленной этнической чистки.

Однако опровергнуть реальные события и факты, свидетелями которых стали многие тысячи людей, было просто невозможно. По этой причине советское руководство отказалось от ранее широко разрекламированной им же «гласности» и повело себя точь-в-точь, как было в прежние, не столь далекие времена. Партия приказывала в черном видеть белое, и советский народ видел, не веря своим глазам...

Обращал на себя внимание и тот факт, что накануне погромов в Сумгаите побывали высшие руководители республики. Как и в канун нападения 22 февраля 1988 г. толпы агдамцев на Аскеран, когда первый секретарь ЦК КП Азербайджана Кямран Багиров посетил Агдам, 26 февраля Багиров объявился в Сумгаите. Позже разъяснялось, что Багиров был «на пуске» завода ЭП-300, хотя на самом деле, о чем сообщалось в прессе, официальный пуск завода состоялся еще 27 декабря 1987 г. ...

27 февраля, по свидетельству многих очевидцев, в том числе и бывшего заместителя заведующего Отделом ЦК КПСС Харченко, Багиров собрал в городе партийно-полкостный актив. По свидетельству полковника милиции Ф. Гусейнова, командира полка УВО при МВД АзССР, 27 февраля в ГОВД Сумгаита находились секретарь ЦК КП Азербайджана Гасанов Г. и заведующий отделом административных органов ЦК КП Азербайджана Асадов М. (последний ранее, 14 февраля, заявил на заседании партактива НКАО, что «сто тысяч азербайджанцев» готовы ворваться в Карабах и устроить бойню). Чем же занимались руководители «интернациональной» АзССР разных уровней в Сумгаите накануне и в дни погромов?

Вот что писал в письме в следственную группу Прокуратуры СССР по сумгаитским погромам от 29 марта 1988 г. председатель Сумгаитского горсовета Р. Зминбейли:

«Сообщаем, что 27.02.88 г. ... на площади перед горкомом партии... работниками горкома партии, горисполкома, РОВД, КГБ проводилась разъяснительная беседа... 28 февраля около 12 часов дня люди вновь собрались на площади. Был проведен митинг, который продолжался до 18 часов. На митинге вели разъяснительную работу работники ЦК КП Азербайджана, горкома партии, горисполкома, актива города. После 18 часов в разных местах города, в основном на территории автовокзала, были организованы нападения на отдельные квартиры граждан армянской национальности, совершались убийства и ограбления квартир...»

А вот свидетельство генерал-майора Р. С. Арутюнова:

«3 марта в 3.30 я заехал на машине в Сумгаит из Агдама... Приехал, чтобы найти моих родных: сестру, братьев. Никого дома не оказалось, все ограблено, все горит. Я поехал в горком ... Через 10 минут мне передают, что меня вызывают на 3-й этаж. Я поднялся... там сидят Багиров, Сеидов и там же сидит зам. зав. отделом ЦК КПСС Харченко. «Кто вы такой, как вы сюда попали, кто вам разрешил... Это все произошло по вине И. Мурадяна и В. Саруханяна (лидеры ереванского комитета «Карабах» – прим. автора)».

Далее генерал Арутюнов поехал в Баку, где с ним захотел встретиться 2-й секретарь ЦК КП Азербайджана В. Н. Коновалов. Вторыми секретарями Компартий и обкомов в союзных республиках и автономных образованиях, как известно, традиционно назначались русские по национальности, что символизировало как бы контрольное око Москвы. Между тем, в АзССР эти назначения, желая сохранить кресло в условиях националистической вакханалии, внешне проявляли себя более рьяными националистами, чем их азербайджанские коллеги (в полном соответствии с известной поговоркой про желавшего показать себя большим католиком, чем Папа Римский).

«Зашел к Коновалову... Началось: «Что вы хотите, что вы там лезете, что у вас в Армени, кроме коньяка и камня? А если мы вам перекроем подачу нефти, газа, что вы будете делать?» Я сделал вывод: все, что произошло в Сумгаите, было заранее подготовлено под руководством хорошо подготовленных людей. Эта акция была осуществлена под руководством ЦК КП Азербайджана»¹.

Между тем, именно Коновалов вскоре возглавил комиссию, созданную ЦК КП Азербайджана «для рассмотрения и глубокого изучения причин и обстоятельств, обусловивших беспорядки в Сумгаите»².

Как справедливо отмечал далее автор статьи в «Коммунисте», угрозы, высказанные в ЦК КП Азербайджана, в будущем были осуществлены: ноябрьско-декабрьские погромы армян по всей АзССР в 1988 г., резня армян в Баку с 13 по 20 января 1990 г., блокада НКАО и Армянской ССР.

10 ноября 1988 г., в ходе судебного заседания в Верховном суде СССР адвокат потерпевших Рштуни выступил с дополнением к своему предыдущему ходатайству от 3 ноября. В этом дополнении адвокат просил приобщить к делу телеграмму в адрес Председателя Верховного Суда СССР В. И. Теребилова и председательствующего по делу Ахмедова–Исмаилова–Джафарова, члена Верховного Суда Р. К. Бризе за подписью Первого секретаря Нагорно-Карабахского обкома компартии Г. А. Погосяна и первых секретарей пяти райкомов автономной области. В телеграмме, в частности, говорилось:

«На Пленуме ЦК КП Азербайджана от 21 мая 1988 г. бывший первый секретарь Сумгаитского горкома КП Азербайджана Муслим-заде Д. М. обвинил в трагических событиях в Сумгаите также и руководителей республики. Об этом более подробно он высказывался на бюро ЦК КП Азербайджана накануне при рассмотрении его персональной ответственности, с чем можно ознакомиться в стенографических отчетах. Мы, принявшие участие в этом Пленуме, обращаем Ваше внимание на высказывания Муслим-заде. Просим в процессе судебного разбирательства разобраться и в этом вопросе».

Следы сумгаитских погромов в буквальном смысле слова заметались тоже на самом высоком республиканском уровне. Газета «Коммунист Сумгаита» 4 марта 1988 г. сообщала: «Создана правительственная комиссия во главе с председателем Совета Министров Азербайджанской ССР Г. Н. Сеидовым. Решаются все вопросы, связанные с... ремонтом жилых и общественных зданий...»

¹«Коммунист», 15 июня 1990, Г. Улубабян, «Сумгаит» – на суд истории»

²«Молодежь Азербайджана», 22.03.1988 г.

Хотелось бы обратить внимание на еще одну сторону сумгаитской резни, которая отчего-то практически не отмечалась в выступлениях адвокатов потерпевших и редких правдивых публикациях как очевидное свидетельство подготовленности погромов. И не только подготовленности, но даже наличия определенной «обрядности» страшного действия.

Во многих свидетельских показаниях отмечается, что якобы «стихийные», – по официальной версии, – погромщики часто были одинаково одеты, абсолютно во все черное. Согласитесь, что такое совпадение, когда речь идет о сотнях людей, одновременно вышедших на улицы, просто нереально.

Объяснение этому легко может найти человек, имеющий представление о нравах и традициях мусульманского Среднего Востока, иранского религиозно-культурного ареала влияния, в зону которого долгое время входил, несмотря на культурное «перемальвание» в составе СССР, азербайджанский социум. Если в России, в Европе в целом, черный цвет исконно считался траурным, то на Среднем Востоке черный цвет – цвет также праздничный, торжественный. Человек, одетый с ног до головы во все черное, – это человек, нарядившийся на какую-то праздничную, торжественную или ритуальную церемонию. С этой точки зрения облачение целых групп молодых погромщиков в черные одежды и обувь являлось частью своеобразного ритуала: они заранее готовили не только оружие убийства, но и приводили свой внешний вид в соответствие с предстоящим действием погромов и убийств ненавистных им инородцев.

Изощренний садизм погромщиков, массовые изнасилования, выбранные способы убийств, крайне циничные публичные действия в отношении жертв и последующее осквернение тел погибших (их рубили топорами, сжигали) также говорят о многом. А именно о том, что совершенные открыто, в присутствии сотен и тысяч «зрителей», эти действия были своего рода предупреждением армянам о том, что ждет их всех в АзССР в случае продолжения попыток «качать свои права».

Под стать тому было и поведение многих погромщиков в квартирах жертв Сумгаита: всем своим видом они показывали, что громить квартиры и убивать армян – это настоящий спектакль, действие.

Об этом имеются характерные свидетельства пострадавших, собранные армянским журналистом Самвелом Шахмурадяном¹, посвятившим несколько лет расследованию сумгаитских событий, в книге «Сумгаитская трагедия: свидетельства очевидцев»². Ниже приведенный отрывок цитируется по статье Глеба Павловского «Три дня в феврале», опубликованной в журнале «Век XX и мир»³.

Надо особо отметить, что эта публикация в малотиражном по советским временам (100 тысяч экземпляров на начало 1991 г.) журнале-приложении была единственной публикацией в московских СМИ, где более или менее развернуто были приведены отдельные свидетельства переживших «сумгаит».

«Петросян Владимир, 1956 г., работал в сумгаитской парикмахерской, и его жена Марина, домохозяйка, свидетельствуют:

¹С. Шахмурадян погиб в ходе военных действий в Нагорном Карабахе летом 1992 г.

²«Сумгаитская трагедия: свидетельства очевидцев» Ереван. 1989. Т. 1

³«Век XX и мир», № 12, 1989 г.

Владимир: Вы не думайте, что этих подонков интересовали только убийства, поборы и изнасилования.

Марина: Габрили и веселились. Играли на пианино. Ну музыканты просто, так хорошо играли. Играют и ломают все вокруг.

Владимир: «Джип, джип, джуджлярым» (детская песенка «Цып-цып, мои цыплятки», – прим. автора) играли, всю дорогу играли.

Марина: И плясали тоже. Вытворяли все, что только в голову взбредет, только шум стоит.

Владимир: Сволочи! Вспоминать тошно... Вот у нас парень есть в пансионате, он говорит, что видел с балкона, как в четвертом микрорайоне девушку вели голую... Голую ее вели, били, а вся толпа... Там столб был фонарный: около столба ее остановили, сделали круг и начали хлопать, чтобы она танцевала. Они хлопают, она танцует, а они смеются».

Бедян Карлен Акопович, 1935 года рождения: «Они зашли во двор, эта черная масса. Вот, значит, наш пятый дом стоит и напротив стоит шестой дом, между ними где-то 30–35 метров, и вот в этом промежутке свободного места не было, все было черно... И вот, когда первый камень залетел, я думаю: уже все, и нам тоже воровались. И смотрю – камень за камнем, камень за камнем. И поломали все окна... С трех сторон они стали врываться к нам... Открыли пианино, и, как я понял, кое у кого из них было музыкальное образование, потому что играли они на пианино хорошо, свои мелодии, песни. Один играет, другой говорит – отойди, я тоже буду играть; играет тот – следующая говорит – отойди, я тоже... Пошли в мою комнату, увидели меня... Молодые, здоровые парни от 18 до 25 лет. И не оборванцы были, не в рабочей одежде; они были хорошо одеты; у кого куртка, у кого плащ кожаный... Ломики где-то сантиметров 40 или 50 выптащили, у каждого в руке блестят... Я же говорю, у них были специально приготовленные ломики, на токарном станке, мне кажется, выточены были. Это не одного дня работа».

Людмила М.: «Это был праздник зверей. Они в этот день делали то, что делали бы каждый день, если бы не страх перед властями».

Ленинградский журналист Александр Василевский в своей статье «Туча в горах» в литературном журнале «Аврора» (перепечатанной в газете «Советский Карабах» 11 ноября 1988 г.) также приводит свидетельства на этот счет 15-летнего Виталика Даниеляна, чьи родители были убиты в Сумгаите:

«Они ворвались в квартиру, стали кричать, что пришли пить кровь армян. Кричали, что пришли освобождать Азербайджан от армян, что следующая очередь Карабаха. На улице, куда нас вывели, кричали то же самое. Было много людей: сто, может быть, двести. И каждый подошел и ударил... Возраст разный от 16 до 35. Одеты по-разному. Некоторые даже в галстуках. Один был даже в белой рубашке и галстуке. Когда нас вывели, он на пианино играл... Многие смотрели с балконов, из окон. Это я заметил, когда нас выводили».

О существовавшем у погромщиков определенном характере и правилах осуществления погромов свидетельствует и еще одна немаловажная деталь. На пресс-конференции в Ереване 23 сентября 1988 г. журналист Самвел Шахмурадян привел интересные данные,

отвечая на вопрос о том, чем объяснить, что не было жертв среди детей. С его же слов известно, что 26 февраля в Сумгаите от медикаментозного отравления препаратом психотропного действия скончался Христофор Нерсисян, 3 лет, которому специально дали таблетки. Однако это случилось накануне, а не в ходе погромов. Вот что, в частности, сказал Самвел Шахмурадян:

«Беседы с сотнями сумгаитцев привели меня к убеждению, что банды состояли из «отрядов» с четко разграниченными функциями: кто-то убивал, кто-то крушил и выбрасывал домашнее имущество в окно, другие поджидали его внизу и поджигали. В нескольких свидетельствах говорится, что бандиты, ворвавшись в квартиру, «заверяли»: «Мы детей не трогаем». Действительно, в лапы к ним попало немало детей, были и малолетние. Но ни один ребенок, насколько нам известно, убит не был. Хотя попытки были. Останавливали бандитов не только мольбы родителей, но и напоминания других членов банды, что детей мы не убиваем.

Или уже недавние свидетельства по Мингечауру, где добивали армян (речь идет о преследованиях армян в городах АзССР, которые летом-осенью 1988 г. то носили вялотекущий по отношению к отдельным гражданам характер, то «взрывались» массовыми погромами, – прим. автора). Я беседовал с тяжело раненой женщиной. Что стало с мужем – она не знает. В последний раз она видела его лежащим в крови. Но когда она молила бандитов не трогать детей, ей сказали: «Детей мы не трогаем. Разве мы армяне? Мы не армяне».

Эти свидетельства крайне важны не только в плане еще одного подтверждения организованности сумгаитских погромщиков, но и для понимания последующих кровавых, трагических событий, произошедших в ходе азербайджано-карабахского конфликта. Очевидно, замечание погромщиков в Сумгаите и Мингечауре о том, что детей они не трогают, так как «они – не армяне», означает, в соответствии с логикой организаторов и идеологов сумгаитской резни, что «армяне убивают азербайджанских детей». Мы еще вернемся к этому умопостроению, когда будем говорить о трагической гибели группы азербайджанских жителей карабахской деревни Ходжалу близ азербайджанского города Агдам в феврале 1992 г. ...

ПОЧЕМУ ИМЕННО СУМГАИТ?

Два обстоятельства свидетельствовали и о не случайном выборе именно Сумгаита как места массовой расправы над армянским населением с целью устрашения карабахцев.

Во-первых, Сумгаит как нельзя лучше подходил для показательного погрома. Из крупных городов АзССР единственно в нем армяне жили совершенно дисперсно и почти исключительно в многоквартирных домах. Это был молодой город, город-новостройка, где люди получали квартиры в коробках-микрорайонах, где не было никакого намека на «национальные» улицы или кварталы.

Совсем по иному обстояло дело во втором по величине городе АзССР – Кировабаде. Исторически правобережная, – город стоит на реке Гянджа, притоке Куры, – часть города являла собой большой армянский квартал. Когда-то совершенно однородно армянский,

в годы советской власти и тюркизации АзССР, этот квартал, конечно, был сильно подорван эмиграцией и отчасти разбавлен азербайджанским населением, но в целом сохранил свой армянский характер.

События осени 1988 г. лишь подтвердили, что армянские погромы удались лишь в «мусульманской» части Кировабада, куда власти много лет старались переселять армян с правобережья и селить новоприбывших на работу из карабахских сел (получение мест в общежитиях, временного и нового жилья в новостройках). Погромщики, сунувшиеся в правобережные армянские кварталы, были сильно биты и отступили. Лишь длительная осада армянской части Кировабада с отключением, по указанию городских и республиканских властей, электричества, воды, газа; блокирование ведущих в армянскую часть города дорог, иные меры такого рода заставили армянское население покинуть свою родину и эвакуироваться под охраной советских войск в Армянскую ССР.

Так же обстояло дело и в Баку, где армяне составляли около 230 тысяч из примерно миллиона двухсот тысяч жителей города (иногда писали о «2-миллионном Баку» тех лет, однако это не соответствует действительности). При этом значительные массивы армянского населения Баку достаточно компактно проживали в центре и ряде близких к нему районов города, один из которых даже так и назывался – Арменикенд, то есть «армянский поселок».

Последующие события осени 1988 г. также показали, что попытки массовых погромов в Баку были обречены на провал из-за значительной концентрации многочисленного армянского населения города. Азербайджанские погромщики не могли осуществить свои замыслы без многократного численного перевеса, какой они имели в Сумгаите в феврале 1988 г. или городах Мингечаур или Шамхор осенью того же года. В 1988–1989 гг. создать подобный подавляющий численный перевес в Баку при прорыве на территорию достаточно компактного проживания многочисленного «инородческого» населения было просто нереально.

Потенциальным погромщикам пришлось ждать почти два года. За это время оказывались непрерывные психологическое и политико-административное давление на бакинских армян, запугивание их путем преследований и физических расправ над отдельными гражданами, пока непрерывный и массовый выезд армянских семей из города фактически не прекратил существование общины. К началу 1990 г. в городе оставалось около 30 тыс. от бывшего армянского населения; это были в основном социально незащищенные или пожилые люди, многие – одиночки, инвалиды, не сумевшие или не пожелавшие покинуть родной город; уже не было речи и о каком-либо компактном, поквартальном проживании граждан армянской национальности.

Лишь тогда, в январе 1990 г., погромщики развязали в Баку форсированную этническую чистку, которая, не уступая «сумгаиту» в жестокости и варварстве, много превзошла его по продолжительности и количеству жертв.

Кроме того, не следует забывать, что Баку все же был столицей АзССР, а власти республики в 1988 г. позиционировали Азербайджан на внешний мир как «оплот интернационализма и дружбы народов», а сам Баку как «самый интернациональный город» Советского Союза. Естественно, что в феврале 1988 г. погромная заваруха в Баку не только была не на руку азербайджанским властям, но, сложись дело неудачно для погромщиков, могла бы сорвать все тайные планы высокопоставленных организаторов «показательной резни».

И, во-вторых. После резни в Сумгаите власти «оправдывали» произошедшее плохой криминальной и экологической обстановкой в «Комсомольске-на-Каспии». Этот мотив был подхвачен и Центром, списавшим резню на «хулиганов и уголовных элементов», не поддающихся-де интернациональному воспитанию; хотя, как будет сказано далее, город Сумгаит буквально накануне погромов ходил в передовиках по этому самому воспитанию.

Тем более что случаи беспорядков на национальной почве, – хотя и близко не сравнимые с резней армян в феврале 1988 г., – имели место в Сумгаите и ранее. Вот что, например, писал в газете «Голос Армении» за 29 февраля 2000 г. известный в Армении журналист и правозащитник Виталий Данилов:

«Среди «секретных» материалов в архивах Москвы мне удалось найти документ, относящийся к ноябрю 1963 г. Это – докладная записка «В Центральный Комитет КПСС». Цитирую: «15 ноября сего года посол Республики Куба в СССР г. Карлос Оливарес Санчес по его просьбе был принят в Отделе ЦК КПСС. Тов. Оливарес рассказал, что на днях в посольство Кубы приехал руководитель группы кубинцев (4 человека), обучающихся на теплоэлектростанции в г. Сумгаите Азербайджанской ССР. Этот кубинский учащийся сообщил послу, что в г. Сумгаите имеют место националистические проявления со стороны коренного населения по отношению к русским и иностранцам. Поскольку единственными иностранцами в Сумгаите являются кубинцы, эти настроения оказались направленными и против них... 7 ноября в г. Сумгаите состоялась, как выразился кубинский учащийся, «сталинистская демонстрация», в ходе которой «были разгромлены некоторые отделения милиции, убит начальник милиции и русский солдат. Много людей было ранено». Кубинцы сфотографировали эту «демонстрацию», за что были «обвинены» ее участниками в «доносительстве» местным органам власти. А вскоре, 12 ноября, один из кубинцев был жестоко избит группой хулиганов, которые, по словам кубинца, говорили при этом, что они «обучат кубинцев закону Кавказа». Представитель кубинских учащихся заявил послу Оливаресу, что они хотели бы выехать из Сумгаита и вообще с Кавказа в любой другой район СССР для продолжения учебы... Тов. Оливарес сказал, что он решил проинформировать об этом случае Отдел ЦК КПСС, так как понимает его политическое значение. Он отметил, что по его наблюдениям кубинские учащиеся в г. Сумгаите являются честными и трудолюбивыми товарищами, горячими поборниками советско-кубинской дружбы. Сами учащиеся, продолжал посол, говорили, что им неприятно ставить вопрос об их переводе из г. Сумгаита, однако они опасаются новых осложнений в отношениях с местным населением и не хотели бы быть даже их косвенной причиной. Отдел ЦК КПСС связался с ЦК КП Азербайджана (г. Ахундовым) и предложил выяснить все обстоятельства дела. Тов. Ахундов сообщил в Отдел ЦК КПСС, что он лично выезжал в г. Сумгаит в связи с проходившей там партконференцией и беседовал о случившемся как с представителями местных органов, так и с кубинцами. В ходе беседы кубинские товарищи заявили, что они считают ошибочными свои предыдущие заявления о нежелании продолжать учебу в г. Сумгаите и просят считать конфликт исчерпанным. Избиение же одного из них, Дельфина Гранта, произошло на почве ревности, так как Грант начал ухаживать за невестой одного местного жителя. Тов. Ахундов считает

нецелесообразным переводить кубинцев из г. Сумгаита. Отдел ЦК КПСС поддерживает мнение т. Ахундова и просит разрешения проинформировать в этом духе посла Кубы тов. Оливареса...»¹.

Как видно из приведенного текста, руководство АзССР спустило дело на тормозах, а погромы и убийства были сведены к «разборкам на почве ревности». Естественно, что замечать дело было и в интересах Кремля, ибо никаких погромов, тем паче на национальной почве, в СССР быть не могло.

В 1988 г., в период «развитой перестройки», реакция советского руководства оказалась в целом аналогичной.

БЕЗДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ

В ходе сумгаитской резни поразительным образом проявилось практически полное бездействие центральных советских властей. Имея от КГБ, МВД, армии полную информацию о происходящем с самого первого дня погромов, они не предприняли никаких реальных шагов для их предотвращения. Они не сделали ничего для спасения своих сограждан, — а их можно было спасти, если бы войска были введены в город сразу с началом погромов и получили приказ решительно действовать против погромщиков.

В дни сумгаитской резни в Баку находились и специально направленные в регион высокие партийные руководители из Москвы. По свидетельству академика Р. А. Срапиняца, в начале 1988 г. направленного в составе группы научных работников в НКАО, Армянскую и Азербайджанскую ССР, о происходящем в Сумгаите прекрасно знали находившиеся тогда в Баку Г. Разумовский и П. Демичев, но никаких мер ими принято не было².

Что же делали в Баку посланцы Кремля? Рассказывает живущая в Москве Эльмира Арзуманова, в прошлом жительница Баку, которая в 1977–1988 гг. работала экскурсоводом в Музее азербайджанского ковра и народно-прикладного искусства (был расположен в Старом городе, рядом с Девичьей башней):

«28 февраля 1988 г., в воскресенье, нам сообщили о предстоящем визите в музей Петра Демичева. Около 3 часов дня прибыл сам Демичев. Его сопровождал сотрудник ЦК КП Азербайджана, по-моему Фархад, или Фикрет, сейчас не помню, Алиев. Директор, экскурсоводы, заведующий экспозицией, как это было принято при визите высоких гостей, встречали его со свитой у входа в музей. Нам сказали, что «товарищ Демичев ограничен по времени и обзорно пройдет по залам музея». После того как Демичев бегло осмотрел все пять залов нашего музея, сопровождающий из ЦК позвонил куда-то из музея, сказал, что все в порядке, они в музее, сейчас выходят. Закончив разговор, сопровождающий сказал Демичеву: «Петр Нилович, вот вы сейчас посетили наш уникальный музей ковра, а теперь будьте добры, пойдете в караван-сарай, где накрыт стол, и вы ознакомитесь с национальными азербайджанскими блюдами».

¹«Голос Армении», 29.02.2000 г.

²Г. Улубабян, «Сумгаит» — на суд истории», «Коммунист» (Ереван), 15 июня 1990

Вот так вот товарищ Демичев приехал в Баку «мирить азербайджанцев с армянами». Напомним, что днем 28 февраля в Сумгаите происходили наиболее кровавые за все дни погромов события. А в 40 минутах езды от места резни высокий кремлевский посланец посещал музеи и вкушал различные блюда и горячительные напитки...

Известно, что в Сумгаит с опозданием были введены войска. Вначале это были части МВД СССР — отряды практически безоружных курсантов. М. Горбачев произнес впоследствии, что «войска опоздали на три часа», и эта фраза затем вошла в обиход. На деле, — и это затем также неоднократно подчеркивали многочисленные свидетели, — войска вошли в город лишь через двое суток после начала погромов, то есть на третий день беспорядков.

Однако даже после ввода войск в город они, по многочисленным свидетельствам очевидцев, большей частью бездействовали или охраняли центральные учреждения и самих себя. Разгон толп погромщиков начался лишь после того, как понесшие потери в полторы сотни раненых (негласно сообщалось и о нескольких убитых) практически безоружные курсанты и милиционеры были усилены подразделениями прибывшей из Каспийска хорошо вооруженной и подготовленной морской пехоты. Это дало погромщикам явный сигнал о том, что безнаказанных убийств и грабежей больше не будет, и они достаточно быстро разошлись. Однако целых два дня погромы совершались практически на глазах бездействовавших войск.

Свидетель Гулиев Сабир М.:

«...Я видел, как курсировали БТРы. Какие-то люди подбежали к солдатам и попросили помощи. Однако солдаты не пришли на помощь, мотивируя это тем, что им не приказано... У бандитов были дубинки и каски, которые они отбирали у солдат...»¹.

Свидетель Ильясов М. В.:

«Когда со стороны молокозавода поехали БТРы, я обрадовался, думая, что они попытаются остановить погромщиков, но увя... Все было непонятно и страшно, в центре города стояли БТРы, а в нашем квартале убивали людей».

Свидетель Аракелян Арсен:

«...Когда я в тот же день вернулся в Сумгаит, то увидел очень много БТРов. На автовокзале было очень много крови, камней, валялось нижнее белье. Недалеко от автовокзала громили квартиры армян, хотя рядом проходили БТРы. Все это видели. Но, к моему удивлению, БТРы не шли на помощь».

Паргев Галустян, рабочий степанакертского завода сельскохозяйственного машиностроения, потерявший в ходе Сумгаитской резни свою тету Фирзу Мелкумян, свидетельствовал на страницах газеты «Советский Карабах»:

«Невольню вспоминаю слова М. С. Горбачева о том, что войска опоздали всего на три часа. Это не так. Кровавые события в Сумгаите развернулись с 26 февраля и продолжались три дня. 27 февраля вместе с моим бакинским товарищем мы отправились в Сумгаит, чтобы спасти семью брата и тети. С большим трудом нам удалось найти только брата. Тети дома не было, квартира была разграблена и разгромлена (67-летняя вдова погибшего в Великой Отечественной войне солдата была убита в своей квартире; ее били, а затем тело рубили топором. В официальном свидетельстве о смерти причина смерти указана: «разрыв шейного отдела спинного мозга», — прим. автора).

¹Свидетельства из уголовного дела цитируются по книге П. Геворкяна «Дневник судебного процесса по уголовному делу о преступлениях, совершенных против армянского населения в Сумгаите»

Немало усилий потребовалось и для того, чтобы выехать из города, спастись от разъяренной, озверевшей толпы. За пределами Сумгаита на открытой местности мы встретили воинские части и военную технику. Мы обратились к командованию, сообщили об обстановке в городе, попросили оказать помощь армянскому населению. Мы поняли, что они осведомлены о творящихся в городе бесчинствах, но не имеют приказа пресечь их»¹.

Очень скоро после развала СССР подоплека закрытых решений Кремля стала явной. Уже в 1994 г. была рассекречена рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС от 29 февраля 1988 г., на котором был рассмотрен вопрос «О дополнительных мерах в связи с событиями в Азербайджанской и Армянской ССР». Эта запись была полностью опубликована в журнале «Родина» в 1994 г.² Из приводимых ниже отрывков этой публикации становится ясно, почему войска в Сумгаите не препятствовали погромщикам, в частности, не применяли против них оружия.

«Горбачев: Вчера вечером Виктор Михайлович (В. Чебриков, председатель КГБ СССР – прим. автора) мне позвонил и сообщил, что митинги сняли, что все кончилось. Но что получилось на деле? С митинга действительно разошлись, но объединились в небольшие группы по 10–15–20 человек, максимум 50–100, и пошли творить настоящий разгул, насиловать, совершать поджоги, выбрасывать мебель из домов армянских семей... Дмитрий Тимофеевич (Д. Язов, министр обороны СССР – прим. автора) распорядился, и в Сумгаит быстро ввели курсантов военного училища и других военных. Он также помог перебросить туда самолетами 3 тысячи милицейских сил...
Язов: Георгий Петрович просит ввести вечером в Сумгаите комендантский час. Это значит, что надо ввести войска и какую-то часть, вооружить ее, но не для того чтобы стрелять. А раз комендантский час, значит, надо все сделать.

Горбачев: А нужен комендантский час?

Язов: Я считаю, что нужен.

Горбачев: Оружие наготове иметь, но не стрелять. А то начнут подстреливать этих блуждающих.

Язов: Дадим оружие без патронов, потом будет бронетранспортер с патронами изолированно. Это сделаем, организуем.

Горбачев: Патроны отдельно.

Язов: Если разрешите, тогда я даю такое указание.

Члены Политбюро: Согласны.

Горбачев: Главное, надо сейчас немедленно включить в борьбу с нарушителями общественного порядка рабочий класс, людей, дружинников. Это, я вам скажу, останавливает всякое хулиганье и экстремистов. Это очень важно. Военные вызывают обозление».

Обратите внимание: в советском городе среди бела дня толпы погромщиков убивают сограждан по национальному признаку, а советский Генсек заботится прежде всего о том, как бы военные не подстрелили кого-то из «блуждающих» погромщиков или не «вызывали обозления»!

¹«Советский Карабах», 25.08.1989 г.

²«Родина», № 4, 1994 г. С.82–90

При этом, как свидетельствует та же запись заседания, Горбачеву и членам советского Политбюро прекрасно известна картина происходящего в Сумгаите.

«Горбачев: Правильно. Задержать. Расскажи, Дмитрий Тимофеевич, как убивают.
Язов: Двум женщинам груди вырезали, одной голову отрезали, а с девочки кожу сняли. Вот такая дичность. Некоторые курсанты в обморок падали после того, как увидели это».

Заметим, что все это происходит 29 февраля – на третий день резни, в день ожесточенных погромов и большого числа жертв. В связи с этим непонятно, что имел в виду Горбачев, когда на том же заседании мимоходом бросил:

«В общем, если бы мы не приняли мер, то могла быть резня в любой момент».

А вот еще одна его реплика:

«Даже в какой-то мере, вообще говоря, упустили время немного».

Зато ясно, что больше всего беспокоит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и членов его Политбюро: страшнее погромов и убийств по национальному признаку в Сумгаите для них является возможное расшатывание до того незыблемых советских идеологических устоев, чем-де грозили мирные демонстрации в Ереване. И еще им важно показать, что все хорошо, что все налаживается.

«Горбачев: Короче говоря, сейчас надо Армении удерживать, чтобы она неотреагировала. Мы считали, что в понедельник направленные в Азербайджан и Армению наши товарищи смогут возвратиться, и в четверг можно обменяться мнениями. Но я думаю, что сейчас им еще надо остаться там и продолжать работу в этом направлении, усиливать ее. Вот в Армении дело пошло в эту плоскость, но, наверное, не везде, особенно там, где границы, и там продолжается...

Пленум ЦК КП Армении поддержал обращение, но сделал приписку о создании комиссии. Они сейчас далеко зашли и заангажировались перед народом. Это факт. Но нам тоже это надо понимать и дать возможность, как говорят, отступить, перестроить им свою позицию сейчас. Но сохранить ситуацию.

Язов: Академик Амбарцумян, Михаил Сергеевич, позвонил Кочеткову и говорит: ты зачем сюда приехал? Он ответил, ну, как почему, это же Закавказский округ. Тогда Амбарцумян задал вопрос: а ты какие указания получил?

Горбачев: Вот-вот.

Язов: Имеют место попытки распространять листовки среди солдат.

Горбачев: Если начнется то, что было в Сумгаите, действовать надо решительно и до конца... Надо прикрыть подходы, чтобы не проходил транспорт, чтобы самолеты не летали из Еревана и т.д. Попросим у Владимира Ивановича и Анатолия Ивановича для печати информацию о том, что армянские предприятия начали работать».

Зато Михаил Сергеевич явно оживляется, когда речь заходит о предстоящих совещаниях, пленумах и иных цзковских посиделках, где предполагалось обсуждать и национальные проблемы.

«Решит Пленум. Совещание что-то подскажет. Это огромный шаг, государственной важности вопрос... У нас есть что на этот Пленум принести. Завоевания у нас в национальной сфере колоссальные. Они перевешивают все. Это база, на которой можно снять острые вопросы, используя наш этап перестройки, демократизации».

В эпиграфе к этой главе дана цитата из выступления М. Горбачева на том самом пленуме, который-таки состоялся, правда, лишь через полтора года после заседания Политбюро, 29 февраля 1988 г. Из пустословия Генсека можно сделать выводы о том, что советское руководство не только не сделало никаких разумных выводов из сумгаитской резни, но и поспешило замять и забыть все, что было связано с этим предвестником распада страны.

Удивительно, что и сегодня на постсоветском пространстве так много людей, которые наивно полагают, что с таким вот верховным руководством возможно было сохранить Союз ССР!

Аналогичным образом вели себя посланцы Кремля и на международной арене.

Арут Сасунян, родившийся в Сирии в семье спасшихся от геноцида зейтунцев (Зейтун – город в горной Киликии, один из центров армянского сопротивления османской политике геноцида), после учебы и обоснования в США профессионально занимался армянским вопросом. Став членом зарегистрированной в ООН неправительственной организации американских индейцев, Сасунян получил право выступать на заседаниях комиссии по правам человека в Женеве, где он многократно и подробно излагал и историю геноцида армян. Его выступления вызывали ярость представителей Турции, которые пытались возражать ему, но получали достойный отпор.

В 1988 г. сразу после сумгаитской резни Арут Сасунян поднял эту тему в Комиссии по правам человека ООН, уже в качестве американского защитника армянского вопроса. Испытывая определенные опасения, – как бы не навредить, – он обратился к представителю СССР в Женевской комиссии ООН, предупредив, что намерен сделать резкое заявление.

«Я не буду обвинять Советский Союз, я буду обвинять азербайджанских преступников, совершивших эти злодеяния, – сказал тому Сасунян. – И, наоборот, отдам должное Горбачеву, который благодаря своей политике гласности осудит этих азербайджанских преступников».

Однако советский представитель ответил:

«Нас не интересует, насколько корректно будет ваше слово. Мы бы предпочли, чтобы его вообще не было».

Сасуняну ничего не оставалось, как ответить:

«Я не обязан спрашивать у вас разрешения, так как я член неправительственной организации и имею право выступать по любому вопросу. Я просто из вежливости информирую, чтобы мое выступление не стало для вас неожиданностью, так как я армянин, и моя Родина в составе СССР».

На следующий день, когда Сасунян в своем выступлении представлял события в Сумгаите, вся советская делегация встала и покинула зал¹.

Теперь посмотрим, как резня в Сумгаите была преподнесена и представлена советскому народу советскими же СМИ.

«МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ» И «ХУЛИГАНЫ»

Как уже отмечалось выше, лишь 1 марта 1988 г. на внутренней полосе «Известий» появилось небольшое сообщение ТАСС, в котором говорилось, что «28 февраля в Сумгаите (Азербайджанская ССР) группа хулиганствующих элементов спровоцировала беспорядки. Имели место случаи бесчинства и насилия...» И все... Кто, почему, кого, как? – этими вопросами задавались миллионы людей. Многие вообразили, что Сумгаит находится в Карабахе. И неудивительно, что от некоторых москвичей можно было иной раз в те дни услышать: «Вот что эти карабахцы натворили!» Что ж, эти люди не виноваты были в своем заблуждении. Характер и тенденциозность официальных сообщений способствовали тому. Бесчинства начались 27-го. Информация в 10 (!) газетных строчек появилась лишь 1-го. И потом снова молчание на несколько дней. Лишь 5-го вечером в «Известиях» вновь появилась лаконичная «тассовка», сообщавшая о жертвах «разных национальностей», «погибших от рук уголовных элементов».

Тем самым, кремлевское руководство с первых же дней после сумгаитской резни взяло курс на замалчивание сути произошедшего, его масштабов и явного наличия организаторов погромов.

«Приходилось признавать горькое, дикое, непостижимое: людей убивали, калечили физически и нравственно только потому, что они другой – другой национальности», – писали несколько позже (13.05.1988 г.) «Известия».

Однако этот непреложный факт никак не отразился на оценке советским руководством сумгаитских событий как действий «группы хулиганствующих элементов», «ярких провокаторов и бандитов». При этом, правда, было непонятно, почему их жертвами не стали состоятельные люди неармянской национальности?

Скудный поток информации из региона не иссякал лишь благодаря сообщениям о совещании в ЦК КПСС от 9 марта, тоже переданным по каналам ТАСС, и небольшим информационным депешам наподобие заметки в «Аргументах и фактах», сообщавшей о «нормализации обстановки в Степанакерте и Ереване» и «перемещении на территорию Азербайджана групп людей азербайджанской национальности из Армении». О многих тысячах армян, покинувших Сумгаит, не было сказано ни слова.

Даже в разрешенной информации о трагедии были существенные разногласия. И если в сообщении ТАСС в «Известиях» от 22 марта говорилось: «разграблено более ста квартир», то «Московские Новости» 22 же марта писали: «разгромлено 200 квартир».

Были в публикациях и совершенно противоречивые сведения. Заместитель Генпрокурора СССР А. Катусев говорил на страницах «Известий»:

«Продолжают мешать следствию всевозможные измышления... распространяются слухи о том, что накануне массовых беспорядков в городе на ряде предприятий специально изготавливались металлические прутья и иные предметы, что преднамеренно работниками узлов связи отключались телефоны в квартирах армян»¹.

¹«Известия», 20.08.1988 г.

В то время как в «Московских новостях» почти за полгода до того было написано: «Еще предстоит выяснять, как получилось, что 28 и 29 февраля многие телефоны в городе отключились, кто ответит за успокаивающие советы: «Сидите дома», в то время как людей нужно было срочно эвакуировать»; «Он нанес... Саркисяну два страшных удара по голове металлическим прутом». То есть признавалось и избирательное отключение телефонов, и советы не покидать квартир, и странное «совпадение», что многие убийцы были вооружены прутьями из арматуры. «Более ста сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих получили телесные повреждения различной степени тяжести» — писали «Известия» от 19 июня 1988 г. Выше уже говорилось о практически безоружных курсантах и солдатах, которым с опозданием на двое суток был дан приказ утихомирить погромщиков.

Но было неясно, о каких пострадавших «сотрудниках правоохранительных органов» шла речь, если реальная оценка их действий даже в официальных изданиях была явно другой. В «Московских новостях» читаем: «Еще придет черед суда над теми, кто семь часов штурмовал квартиру, где двое оборонялись... Но ведь все семь часов они звонили, обращались в милицию!», «Да, бездействие тех, от кого были вправе ждать защиты, поощрило толпу», «более десятка офицеров — руководителей сумгаитской милиции — сейчас из органов МВД уволены. Прокуратура СССР ведет специальное расследование»¹.

Непонятно было из сообщений СМИ и то, как 94 бандитам, официально привлеченным к уголовной ответственности после сумгаитской резни, удалось устроить в четвертьмиллионном городе трехдневную кровавую вакханалию да еще нанести ранения ста военнослужащим и сотрудникам МВД. Неужели для усмирения столь мизерной кучки лиц нужно было вводить в город войска и бронетехнику?

И почему вообще перед судом должны были предстать всего 94 человека, когда только из материалов процесса по делу Ахмедова–Исмаилова–Джафарова следовало, что лишь 29 февраля и лишь в нападении на квартал 41а участвовало около 400 человек. Очевидно было, что по всему городу в погромах и убийствах участвовали многие тысячи жителей.

Наконец, с самого начала расследования сумгаитской резни самой центральной властью была сделана попытка уравнивать на чаше весов как массовых выступлений в рамках закона жителей НКАО и беспрецедентных по варварству преступлений в Сумгаите. И то, и другое было охарактеризовано Катусевым в опубликованном в «Известиях» интервью «Сумгаит: Прокуратура продолжает следствие», как «массовые беспорядки». «Дело о массовых беспорядках в Сумгаите», и тут же — «массовые беспорядки в НКАО, спровоцированные националистически настроенными элементами, накалили обстановку в Сумгаите»². Тем самым были поставлены на одну доску воля народа, выраженная в решении внеочередной сессии Облсовета НКАО, и кровавые сумгаитские погромы.

Катусеву вторил коммунист-патриот и писатель Александр Проханов, выступивший в «Литературной газете» со статьей под претенциозным заголовком «Я был в Степанакерте»³. Рассказывая о нападении на Аскеран из Агдама, автор «промывал косточки» лидерам карабахского движения, объединенным в комитет «Крунк» (по-армянски — «журавль», символ единения народа):

¹«Московские новости», 22.03.1988 г.

²«Московские новости», 22.05.1988 г.

³«Литературная газета», 10.08.1988 г.

«Пролилась первая кровь. «Конституционная теория», «политическое народовластие», «интеллектуализация лидеров» обернулись бойней, замешались на пролитой крови... Лидеры, интеллигенты не оказались выше взбуряемой массы, пропитались ее воспаленной, большой энергетикой... Все это трагически отозвалось в Сумгаите».

Логика соловья политуправления Советской армии А. Проханова вполне вписывалась в официальную идеологию. В соответствии с ней, если человек вышел ночью на улицу, соблюдая все правила дорожного движения, а пьяный водитель на грузовике сбил его, нарушив те же правила, то винить следовало не пьяного душегуба, а пешехода. Дескать, за чем ночью вышел, сидел бы дома и не дергался!

Та же нездоровая причинно-следственная связь присутствовала и в официальных документах АзССР. В конце марта 1988 г. Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР направил письмо в адрес Президиумов Верховных Советов 13 союзных республик. Ранее эти руководящие органы 13 союзных республик (то есть всех республик СССР за исключением АрмССР и АзССР) неожиданно и дружно, почти что под копирку, выразили «глубокую обеспокоенность и тревогу трудящихся братских республик сложившейся ситуацией в Азербайджанской и Армянской ССР в связи с событиями в Нагорном Карабахе».

В письме Президиума ВС АзССР, в частности, говорилось:

«Ситуация, сложившаяся в Нагорном Карабахе, вызывает серьезную тревогу у всех, для кого святы принципы, на которых зиждется наше единое союзное многонациональное государство... События усугубились тем, что разжигание националистических настроений спровоцировало действия преступных элементов, повлекшие тяжелые и даже трагические последствия в Сумгаите... В работе по интернациональному воспитанию... и других сторон жизни Нагорно-Карабахской автономной области были допущены определенные просчеты и недостатки»¹.

То есть, опять-таки, «серьезную тревогу» вызывала не резня в Сумгаите, а будто бы «спровоцировавшая» ее ситуация в НКАО.

В ряде публикаций присутствовала и просто откровенная демагогия. Так, новоназначенный после погромов первый секретарь Сумгаитского горкома компартии З. Гаджиев вещал со страниц «Правды»:

«Кто должен был в первую очередь защитить своих граждан? Город! Его власти! Его партийное ядро. Но для этого нужно было... обратиться к рабочим. В общезнания, на предприятия»².

Между тем, как раз рабочие многочисленных предприятий города и составляли основу погромщиков. Наконец, было очевидно, что защита граждан являлась прерогативой органов МВД города, республики. Разве не они должны были «в первую очередь» защитить людей от бандитов, тем более, что от Сумгаита до столицы республики Баку было менее часа езды на легковой машине?

Внимание средств массовой информации было сконцентрировано также на том, что вопреки слухам было убито лишь (!) 26 человек. О покаленных, которых, по сообщениям из зала московского суда, было даже не 197, как сообщалось сначала, а около 400, о 12 случаях изнасилований чаще всего и вовсе замалчивалось.

¹«Бакинский рабочий», 27.03.1988 г.

²«Правда», 10.10.1988 г.

Между прочим, похожий подход несколько позже взяли на вооружение и некоторые представители азербайджанской интеллигенции. Так, писатель Максуд Ибрагимбеков, выступая на заседании совета по межнациональным отношениям в журнале «Дружба народов», весьма цинично заявил, что в Сумгаите было убито 26 армян, в Кировабаде – двое. «Всего – 28. То есть масштабы произошедшей трагедии несоизмеримы с объявленной»¹.

Наконец, советское руководство, совавшее свой нос по делу и без него в самые разные уголки мира, в том числе выступавшее с соболезнованиями в адрес зарубежных жертв трагедий и катастроф, так и не выразило официального соболезнования родным и близким зверски убитых и замученных жертв сумгаитской резни.

Политическая оценка сумгаитского варварства, столь нужная тогда всему советскому обществу, подменялась пустыми общими фразами, как это было сделано в сообщении ТАСС в связи с началом в Верховном Суде СССР процесса над тремя сумгаитскими убийцами: «В ходе массовых беспорядков, организованных уголовными элементами, враждебно настроенными против всего светлого, доброго, чем всегда славился советский интернациональный образ жизни...»²

ГРИМАСЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

Говоря о погромах в Сумгаите, нельзя не признать, что многие жители города армянского происхождения были спасены благодаря своим соседям и знакомым, в том числе и азербайджанцам по национальности. Немало семей были укрыты соседями по дому, подъезду, которые не выдали их шедшим по наводке в конкретные квартиры погромщикам. О «счастливых» историях такого рода было сказано немало и сразу после резни, и позже как о примерах подлинного интернационализма. Хотя очевидно, что такие случаи вписывались в рамки обыкновенной общечеловеческой логики, добрососедских отношений, просто порядочности.

В эйфории по поводу проявленного героизма отдельных граждан, – а это был действительно героизм, потому что опьяненные кровью погромщики запросто могли разделаться и с укрывателями потенциальных жертв, – советская идеологическая машина пыталась утопить любые проявления несогласия с официальной версией погромов. Ведь советские власти говорили о «хулиганах», а и в убийствах, и в погромах участвовали многие тысячи людей, среди которых были даже дети школьного возраста. А сколько тысяч горожан спокойно наблюдали за расправами и грабежами с тротуаров, дворов и балконов квартир?

Тем большее возмущение у родственников пострадавших, у населения НКАО, Армянской ССР вызывали неуклюжие попытки идеологической машины Кремля увести обсуждение проблемы от страшных реалий к «ура-интернационализму».

Пресса и официальные лица что-то скупно говорили о «недостатках интернационального воспитания», на провокации подстрекателей, как будто, чтобы не убивать людей за иную национальность, не нужно просто быть нормальным человеком, а требуется пройт

¹Этот материал был опубликован в № 11 за 1989 г. журнала «Дружба народов»

²«Известия», 19.10.1988 г.

ти курс интернационального воспитания. С которым, кстати говоря, если верить Госкомитету СССР по народному образованию, в Сумгаите все было в полном порядке. Ибо среди удостоенных в 1987 г. Красного знамени Министерства просвещения СССР и ЦК отраслевого профсоюза за Азербайджанской ССР организаций первыми значатся коллективы учреждений и отдел народного образования города... Сумгаита. Об этом сообщал майский номер журнала «Народное образование» за 1988 г. ... Такое вот «интернациональное» воспитание, даже при всей смехотворности ссылки на его недостатки как причину трагедии.

Интернационализм стал ведущим лейтмотивом сообщений ТАСС, следовавших сразу за первой информацией о событиях в Закавказье. На людей, жаждущих получить какие-то подробности, ТАСС обрушил удивительно невыразительные и казенные сообщения с заверениями представителей азербайджанского и армянского народов в любви и дружбе. Постороннему читателю могло показаться, что карабахские армяне (по логике ТАСС – «отдельные безответственные элементы») выступали против идеи интернационализма и дружбы народов, хотя на деле они выдвигали политические требования. Многие лозунги демонстрантов как раз свидетельствовали об их стремлении к декларируемому КПСС истинному интернационализму, который только тогда реален и истинен, когда он базируется на полном равноправии и уважении.

Поток безликих откликов продолжался вплоть до 3 марта. В них было много «содержательного»: начиная от утверждения, что «нет в Карабахе более уважаемых людей, чем аксакалы»¹ (так в Туркестане именуются почтенные старцы), и кончая риторическим вопросом: «А стоит ли разжиганием распрей мешать решению насущных задач? Лучше, поддерживая традиции дружбы, ударным трудом и дисциплинированностью вносить посильный вклад в реализацию жилищной программы»².

Центральные органы печати вообще черпали свои аргументы в пользу «вековой дружбы между армянами и азербайджанцами» в основном из сферы производственно-бытовых и матримониально-семейных отношений. В результате человек, работающий в интернациональном коллективе, уже в силу этого как бы сразу же считался интернационалистом. Люди разных национальностей, живущие в большом многоквартирном доме – тоже интернационалисты, причем, видимо, тем большие, чем многоэтажнее дом. Или еще оригинальнее: женился человек на девушке другой национальности и автоматически достиг вершин интернационализма, стал ярым поборником дружбы народов.

Чаще всего в качестве образчика интернационализма выдавались как раз узы Гименя, связавшие лиц разной национальности. Следуя этой логике, невольно можно было прийти к выводу, что самыми большими интернационалистами были, несомненно, турецкие султаны, в гаремах которых были собраны представительницы «самых разных национальностей»...

Но, похоже, что это не смущало прессу. В подтверждение этой своеобразной концепции интернационализма читаем в статье Б. Вагабзаде:

«Два народа испокон веков жили в мире, дружили. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно подойти к книжной полке и полистать азербайджанский дастан – народный эпос, повествующий о любви армянки, прекрасной Асли, и азербайджанца Керима».

¹«Известия», 29.02.1988 г.

²«Известия», 01.03.1988 г.

«На днях Гаджиевы... пригласили меня к себе в гости. Эльдар Гаджиев – азербайджанец. Его жена Лида-ханум – армянка... Живут дружно»¹.

«Тема интернационализма – ведущая в моем творчестве», – приводили слова С. Алескерова «Известия». – «Любовь азербайджанского юноши и армянской девушки воспела опера «Багадур и Сола»². Словом, взгляд на проблему интернационализма сквозь розовые очки любовного влечения, да и только!

Обращало внимание и то, что во всех без исключения примерах «семейного интернационализма» азербайджанцы с армянами упоминались лишь в сочетании мужчина-азербайджанец и женщина-армянка. И это вовсе не случайно: азербайджанские (и не только азербайджанские) религиозные и национальные традиции допускали и порой даже поощряли браки своих мужчин с иноверными и инородными женщинами с целью ассимиляции последних, «оздоровления крови» и так далее.

Браки обратного характера, то есть когда женщина-азербайджанка выходила замуж за представителя «христианской» нации – армянина или русского, были нечасты в Баку, крайне редки в других городах и совершенно немыслимы в сельских районах. Само упоминание о таких семейных союзах считалось неприличным; приведение их же в качестве примеров «дружбы народов» в прессе могло быть расценено в азербайджанском социуме как национальное оскорбление и вызвало бы эффект, прямо противоположный умиротворению.

Между прочим, из области сказок и до сих пор живущие мифы о будто бы большом числе армяно-азербайджанских браков, ранее имевших место в Нагорном Карабахе. По официальным данным, даже в 1970–1980 гг. браков между армянами и азербайджанцами в НКАО было меньше, чем между армянами с одной, и русскими и представителями других национальностей, с другой стороны. При том, что численность азербайджанцев доходила в эти годы до 23 % населения области, а русских и представителей других национальностей в те же годы было от 0,8 до 1 % населения НКАО!

Возвращаясь к информации ТАСС, заполнившим газеты после резни в Сумгаите, хочется отметить, что нередко публиковавшиеся шаблонные отклики и вовсе были взяты «с потолка». Вот что писал армянский театральный деятель, народный артист СССР Р. Капланян в «Советской культуре»:

«Под одной из подобных заметок я вдруг обнаружил свое имя. Да кто же так посмел меня унижить? Разгневанный, звоню в «Арменпресс», пытаюсь выяснить, кто так пиратски работает? В ответ мне приносят извинения, просят не поднимать скандал, «иначе нас с работы снимаяют»... А как бы в утешение рассказывают грустную историю. Оказывается, не один я так пострадал. У одного сотрудника телеграфного агентства даже свадьба расстроилась из-за того, что отклик он подписал именем любимой девушки»³.

Об аналогичном методе работы, но уже другого отделения ТАСС рассказывали «Известия»: «Трудно не понять чувства ветерана войны С. Петросяна, который с изумлением узнал, «что его подпись фигурирует под «откликом», распространенным по каналам «Азеринформа»⁴. Таких примеров было предостаточно.

¹«Советская культура», 26.03.1988 г.

²«Известия», 28.02.1988 г.

³«Советская культура», 17.03.1988 г.

⁴«Известия», 05.04.1988 г.

Такова была логика советского «истинного интернационализма», суть которого весьма точно выражена немецкой поговоркой: «стань мне братом, или я проломлю тебе череп».

На фоне засилья сообщений о дружбе народов и наступившем в Сумгаите спокойствии в органы печати поступили директивы из ЦК КПСС не публиковать статьи о событиях в Сумгаите. Некоторые уже подготовленные к публикации материалы в последний момент снимались, как это произошло со статьей Владимира Чернова «Карабахский вопрос», значительная часть которой была посвящена сумгаитской резне¹.

Лишь нескольким авторам удалось прорвать эту стену молчания. В «Социалистической индустрии» за 27 марта 1988 г. была напечатана статья О. Кулиша и Д. Меликова «Черным семенам не прорасти». В «Московских новостях» от 22 мая – статья В. Лошака «Сумгаит. Эпилог трагедии» – репортаж об одном из судебных процессов по делам сумгаитских погромщиков. При этом даже либеральные «Московские новости» не избежали искуса повторять «правдинские» мифы. Так, В. Лошак рассказал о 253 будто бы вернувшихся в Сумгаит армянских семьях, не уточнив, что речь шла о тех, кто приехал забрать уцелевшее имущество или оформить документы на обмен своих сумгаитских квартир. Не преминул он сообщить и о намерении новых городских властей «отселить злополучные трущобы «нахалстрой» – беду города и поставщик кадров февральской толпы». Тем самым автор повторил внедряемый тогда в сознание людей тезис о том, что погромы были спровоцированы неблагоприятной социально-экономической ситуацией в «Комсомольске-на-Каспии»².

Но подобные материалы были единичными, и их появление не могло изменить общей информационной картины, формировавшейся за стенами Кремля. И вновь западные «радиоголоса» без труда сумели перехватить инициативу у советских СМИ, сообщая такие подробности, которые добыть из открытых советских источников было невозможно.

АЗЕРБАЙДЖАН: В ПОИСКАХ «АРМЯНСКОГО СЛЕДА»

В то время как позиция Кремля по карабахскому вопросу еще не была окончательно обнародована, а возможные последствия сумгаитской резни для азербайджанского общества были еще неясны, азербайджанская республиканская пресса большей частью перепечатывала сообщения ТАСС и центральных московских изданий.

По многочисленным свидетельствам очевидцев, в первые недели после резни в Сумгаите азербайджанское общество застыло в немом ожидании. Многие были откровенно потрясены произошедшим, иные ждали реакции Кремля, возможно жесткой и карающей.

Однако после официального объявления «сверху» карабахского движения «экстремистским и националистическим» азербайджанские власти постепенно стали менять трактовку, казалось бы, однозначно очевидных событий в Сумгаите. Постепенно ими была придумана чудовищная легенда: погромы в Сумгаите были организованы... самими армянами в целях дискредитации «интернационального Азербайджана».

¹Игорь Бабанов, Константин Воеводский. Карабахский кризис. Санкт-Петербург. 1992. Издание Комитета Гуманитарной помощи Карабаху. С. 11

²«Московские новости», 22.05.1988 г.

В этих целях была использована одна многозначительная деталь погромов, лишний раз подтверждающая неоспоримый факт изначальной организованности и подготовленности резни 27–29 февраля в Сумгаите. А именно: среди задержанных погромщиков был некий субъект по фамилии Григорян. Эдуард Григорян, армянин по отцу, русский по матери, вырос без отца: его родители то не жили вместе чуть ли не с самого рождения ребенка, то ли его отец рано умер. Этот человек ранее был дважды судим.

Вот как отвечал на вопрос о Григоряне исследователь сумгаитской резни Самвел Шахмурадян на упоминавшейся выше пресс-конференции в Ереване 23 сентября 1989 г.:

«...В Азербайджане были счастливы узнать о нем, и теперь, стоит лишь заговорить о Сумгаите, как тут же на первый план выносятся его имя: это, разумеется, весьма удобный козырь. По свидетельству пострадавшей Людмилы Межлумян, 27 февраля вечером к Григоряну пришли несколько азербайджанцев, сидевших вместе с ним в тюрьме. Сказали: «Завтра идем на армян. В 3 часа ждем тебя возле автовокзала». Он стал отказываться. Ему сказали: «Если не придешь – убьем». И Григорян пошел с ними. Л. Межлумян говорит, что во время погрома в их квартире он был бледен и действовал как бы под прицелом. Вот и вся история.

Но в связи с этим вопросом я обязательно хочу сказать несколько слов о Камо Погосяне, который также был судим до сумгаитских событий, кажется, за угон мотоцикла, и которого также пытались завербовать в банду. Камо не дрогнул, и после того как ему стали угрожать ножами, он один стал драться с несколькими азербайджанцами, пришедшими за ним, был тяжело ранен. Сейчас он жив... Я уверен, что Эдуарда Григоряна заставили участвовать в погромах с особым умыслом, это был хорошо рассчитанный и дальновидный шаг»¹.

Последующие события и комментарии, широко распространившиеся вскоре в Азербайджане, а позже вынесенные азербайджанской пропагандой за его пределы, подтвердили правоту Самвела Шахмурадяна.

Отметим также, что среди арестованных погромщиков был и один русский по национальности, во всяком случае формально, то есть настолько же, насколько Григорян считался армянином. Между тем никому в Баку не пришло в голову искать и раскручивать «русский след» в сумгаитской резне: очевидно, это не соответствовало требованиям пропагандистской «повестки дня».

Как стало ясно на судебном процессе по делу Ахмедова–Исмаилова–Джафарова в Верховном Суде СССР, Генпрокуратура СССР косвенно также использовала «казус Григоряна» для отрицания националистического характера убийств и преступлений, совершенных против армянского населения Сумгаита 27–29 февраля 1988 г.

Так, выступая на судебном заседании вышеназванного процесса в Верховном Суде СССР от 15 ноября 1988 г., помощник генерального прокурора СССР, госсюветник юстиции 3-го класса Козловский, в частности, сказал:

«С 27 по 29 февраля в городе Сумгаите имели место массовые беспорядки, в ходе которых были устроены погромы, поджоги, убийства советских граждан... В этих беспорядках участвовали в основном лица азербайджанской национальности, что вполне

¹ «Сумгаит... Геноцид... Гласность?». Ереван. 1990. С. 59. Полный текст см. также: <http://sumgait.info/sumgait/sumgait-genocide-glasnost1.htm>

объяснимо, так как большинство населения Сумгаита составляют азербайджанцы. В эти действия включилось много лиц, ранее судимых. В погромах участвовали и русские, и лезгины, и армяне...»

Начало сознательной мифологизации в Азербайджане геноцида армян в Сумгаите было положено практически сразу же после погромов, когда стали широко распускаться живо подхватываемые азербайджанским обывателем слухи и сплетни о том, что погромы-де были организованы с целью дискредитации Азербайджана. В ход пошли домыслы о «погромах» азербайджанцев в Армении до резни в Сумгаите, о руке «дашнаков» в деле организации «сумгаита» и т.п. Эти мифы прижились весьма быстро, несмотря, казалось бы, на всем очевидные и известные обстоятельства и факты сумгаитской резни.

Всего лишь через полгода эта версия стала основной в Азербайджане. Эмигрировавший в Израиль бакинец писал в «Бакинском дневнике», опубликованном 23 июля 1989 г. в тель-авивском еженедельнике «Круг», о событиях осени 1988 г. в столице АзССР:

«Теперь я знаю, что чувствовали германские евреи в 1938 г. ... Недавно... одна хомейниобразная дама, обращаясь ко мне, нипятилась: «Они едят наш хлеб и плюют нам в лицо! Вся история Армении – это гадость!»... Про Сумгаит упомянутая выше дама заявила: «Сумгаит – это город, где азербайджанцы героически защищали армян». Резню, конечно, спровоцировали армянские подстрекатели. Армяне передали подсудимых в РСФСР, чтобы скрыть свои грязные делишки».

В январе 1989 г. вышла наделавшая много шума и крайне одиозная статья известного в республике академика-историка Зии Бунятова «Почему Сумгаит?»¹. В этой статье печально знаменитый своими фальсификациями истории Закавказья академик АН Азербайджана, – к слову сказать, ветеран Великой Отечественной войны и Герой Советского Союза, – выдвинул свою, ставшую впоследствии главенствующей в Баку версию резни в Сумгаите. А именно: армянские погромы в Сумгаите были организованы... самими армянами. Вот как отвечал З. Бунятов на вопрос, вынесенный им в заголовок своей статьи:

«...Крунковцы очень точно вычислили, где можно устроить дебош. Они нанесли свой гнусный удар по Сумгаиту. Почему Сумгаит? Потому что داشнакам вновь, в который раз, захотелось картину художника «Апофеоз войны» переделать в современную фотографию с «армянскими черепами».

Далее академик Бунятов поведал, что армяне в Сумгаите убивали-де другие армяне: *«Трагедия сумгаитская была запланирована армянскими националистами очень продуманно. За несколько часов до ее начала в город тайно проникли армянские теле- и фоторепортеры, и они уже ждали. И первым преступную акцию под видом азербайджанца совершил некий Григорян, лично убивший пятерых сумгаитских армян... А на следующий день (!) в Степанакерте устанавливается уже отлитый памятник «жертвам сумгаитского геноцида». Каково?»*

Здесь что ни слово, то откровенная ложь и фальсификация. Будь то «убийство пятерых сумгаитских армян» все тем же «козырным» Григоряном, – как отмечалось выше, под угрозой расправы включенным в одну из банд и в убийствах лично не обвинявшимся.

¹ Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права. № 2, январь, 1989. Опубликовано также в еженедельнике Академии Наук Азербайджанской ССР «Элм», 13.05.1989 г.

Или сказки про армянских теле- и фоторепортеров, «фотографий и фильмов», которые никто никогда так и не видел. И ложь об установке в Степанакерте памятника жертвам сумгаитской резни «на следующий день» после погромов.

Характерно, что Бунятов оговорился, что называется по Фрейду, о том, что стало формальным «поводом» погромов и резни в Сумгаите. Азербайджанцы-де были возмущены смертью двух молодых людей, в числе многотысячной толпы соплеменников пришедших из Агдама громить армянские села и нашедших свою смерть близ Аскерана:

«После убийства двух азербайджанцев армянские четники должны были понести суровый ответ, и тогда дашнакствующая верхушка армянских националистов стала искать возможность для того чтобы отвести от себя удар за содеянное преступление».

В 1989 г. в Баку вышел в свет сборник материалов «События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов»¹. Вот некоторые выдержки из материалов и комментариев к материалам прессы, взятые из этого издания и касающиеся сумгаитской резни:

«... Поводом к возникновению данной проблемы явились далеко идущие планы армянских дашнакских экстремистов... Для достижения своей цели они решили организовать братоубийственную резню, которая привела к убийству двух молодых азербайджанцев в Аскеране, а это в свою очередь привело к сумгаитским событиям. Организация сумгаитских событий является делом рук армянских экстремистов для очернения азербайджанского народа и облегчения отторжения НКАО. Иначе чем объяснить, что в первые же минуты начала сумгаитских событий тут же оказались кинооператоры, которые сняли все увиденное на пленку. На следующий день эти ленты демонстрировались их зарубежными хозяевами по телевидению». «Выше уже отмечено, что сумгаитские события – дело рук армянских экстремистов, дашнакствующих элементов».

Как видим, все те же легенды, озвученные Бунятовым, продолжали беззастенчиво внедряться в обиход, несмотря на их очевидную абсурдность, и в значительной мере уже тогда «овладели массами». Читаем далее. Вот комментарий к письму армянского писателя редактору журнала «Дружба народов» А. Айлисли, ранее опубликованному в армянской газете «Коммунист»². Комментарий подписан не названным по роду занятий или регалиям бакинцем Сергеем Баруздиным. Использование реальных или вымышленных людей с русскими именем и фамилией (тем более созвучными широко известным), также было характерным приемом азербайджанской пропаганды, рассчитанным на аудиторию за пределами Азербайджана: дескать, русский, – значит, беспристрастный, незаинтересованный, значит, правду говорит!

«Вы сами ведь не знаете доподлинно, как начались сумгаитские события и судите о них понаслышке. Вы пишете, что «был пущен слух, что в Нагорном Карабахе убивают азербайджанцев». Не знаю, почему вы действительное выдаете за молву, за слух. Ведь на самом деле в Аскеране имело место убийство двух молодых азербайджанцев армянами... Да, в Сумгаите погибли люди, 32 человека, а вы пишете только об убитых армянах, но не меньше было убито армянскими экстремистами азербайджанцев. И еще. Не возникал ли у вас вопрос, как случилось, что в первый же день сумгаитских событий все происходившее там было снято на кинолентку

¹АН Азерб. ССР. Институт истории; сост. М. А. Исмаилов. Баку. Элм. 1989.

²«Коммунист», 27.03.1989 г.

и через день-два продемонстрировано за рубежом. Не наводит ли все это на мысль, что кто-то спровоцировал эти события, чтобы оклеветать азербайджанский народ и отнять Карабах? И почему среди арестованных находился один армянин по фамилии Григорян, который, выдав себя за азербайджанца, призывал к убийству армян и сам участвовал в этом деле?»

Мифологизация причин и реальной картины сумгаитской резни в Азербайджане была отмечена и некоторыми центральными советскими изданиями. Так, еженедельник «Новое время», до того ориентированный почти исключительно на проблемы внешней политики, обращаясь к карабахской тематике, в номере за 20 октября 1989 г. в статье «Блокада», в частности, писал: «Наши читатели из Азербайджана знакомили редакцию с вырезками из газет, где написано, что никакого погрома (речь идет о Сумгаите – прим. автора) не было, а убийства совершили сами армяне в провокационных целях... Помнящий историю знает, кто и когда прибежал к таким уловкам»¹.

В пропагандистском издании – фотоальбоме «Трагедия длиною в два года»², в приводимой хронологии конфликта сказано: «27–29 февраля. Погром и массовые беспорядки в Сумгаите, в которых непосредственно участвовали армянские экстремисты».

Азербайджанская пропаганда позднее пыталась представить свою «версию» сумгаитской резни и на страницах центральной прессы.

В статье «Карабахская трагедия: размышления об одной национальной драме», опубликованной в «Известиях» 1 ноября 1991 г., народный депутат Азербайджанской Республики Рафаэль Гусейнов писал:

«Я и сегодня глубоко убежден в том, что о трагедии в Сумгаите тогда необходимо было рассказать правду. Всю правду до конца. Много темного и неясного в организации сумгаитских погромов. Так и остались анонимными операторы, которые хладнокровно снимали видеокамерами сумгаитские события с первых минут. Буквально через несколько дней все европейские телекомпании прокручивали эти видеозаписи... Судебные процессы, которые прошли за пределами Азербайджана, осудили сумгаитских убийц. Среди них (а это люди разных национальностей, в том числе армянин) есть и приговоренные к расстрелу»³.

Как видно из приведенного отрывка, накануне распада СССР азербайджанская пропаганда пыталась внушить союзному читателю все тот же набор. Вновь здесь фигурируют ниже так и не виденные мифические видеозаписи погромов, сделанные «анонимными операторами» и будто бы «прокрученные всеми европейскими телекомпаниями»; и пресловутый «убийца-армянин»; и вымыслы про осуждение сумгаитских убийц «судебными процессами, которые прошли за пределами Азербайджана». Как советский читатель мог проверить, что показывало ТВ по всему миру?

Следует особо отметить, что столь одиозные фальсификации стали возможными во многом вследствие замалчивания центральными советскими СМИ как реальных фактов резни и погромов в Сумгаите, так и судебных процессов по «сумгаитским делам», – точнее, их сознательного развала следственной группой Генпрокуратуры СССР.

¹«Новое время», 20.10.1989 г.

²Трагедия длиною в два года. Азербешр. Баку. 1990

³«Известия», 01.11.1991 г.

Откровенные искажения сути резни в Сумгаите, попытки принизить ее масштаб, расстроить в длинной череде событий в Закавказье, изредка предпринимались в советской прессе и отдельными представителями депутатского корпуса. Так, народный депутат СССР Виталий Чельшев в марте 1990 г. писал в статье в приложении «Досье» к «Литературной газете»:

«...Довести до суда все уголовные дела, связанные с насилием на межнациональной почве, чтобы ответственность за конкретные злодеяния несли конкретные люди, а не народы. Я имел в виду Сумгаит в Азербайджане, село Гавушук в Ехегнадзорском районе Армении, другие подобные случаи»¹.

Очевидно, что события в «селе Гавушук», если и не являлись плодом фантазии народного депутата, то впервые были озвучены именно господином Чельшевым, вернувшимся из Баку незадолго до публикации в «Досье-ЛГ».

И в современной российской прессе время от времени стали появляться плохо завуалированные попытки навязать читателю версию азербайджанского агитпропа. Так некий Александр Чекалин с сентября 2007 по март 2008 г. трижды публиковал в «Экономической газете» статьи с претензией на анализ событий 1988 г. При этом одна и та же его полная измышлений статья была напечатана дважды, — что уже является нонсенсом в журналистике, — в этом издании: 13 сентября 2007 г. и 5 февраля 2008 г. ...

В статье того же автора в «Экономической газете» от 12 марта 2008 г., претенциозно названной «100 ударов извне по СССР, потерявшему в 1983–1993 гг. способность их отражать», в частности, говорилось, как об одном из коварных «ударов извне»:

«17. Организация спецслужбами западных стран через армянские националистические партии – «Дашнакцутюн» и его структуры в Армении и Азербайджане – так называемых погромов армян в Сумгаите. Дезорганизация в последующем работы следственной бригады из 100 сотрудников правоохранительных органов по выявлению заказчиков этих беспорядков – никого из них они якобы так и не выявили. Армянские националисты теперь похваляются, что они первые нанесли существенный удар по Советскому Союзу»².

Наконец, приведем еще одну цитату, на этот раз из совсем свежего источника азербайджанской пропаганды. В уже упоминавшейся книге Ильгара Маммадова и Тофика Мусаева читаем:

«28 февраля были спровоцированы межэтнические беспорядки в Сумгаите. Это была провокация, спланированная при активном участии армянских националистических кругов, с тем, чтобы создать благоприятную почву для широкой антазербайджанской кампании и тем самым склонить общественное мнение в СССР и за рубежом в свою пользу. Известно, например, что одним из действующих лиц в сумгаитских событиях был Эдуард Григорян, армянин по национальности, уроженец Сумгаита, убитый в ходе этих событий пятерых армян»³.

¹«Досье ЛГ», март 1990 г. С. 2

²«Экономическая газета», № 8–9, 12.03.2008. С. 4–5

³Армяно-азербайджанский конфликт. История, право, посредничество. 2007. ЗАО «Гриф и Н°». С. 38

То есть и в современном азербайджанском издании, претендующем на научный подход, повторяются все те же примитивные полностью в духе геббельсовской пропаганды лживые утверждения.

Прошло уже почти двадцать лет после первого в советской истории погрома и резни по национальному признаку, организованного в показательных целях в отдельно взятом «интернациональном» городе Сумгаите. Но и сегодня в азербайджанских СМИ эти события по-прежнему трактуются как «антиазербайджанская провокация коварных армянских дашнаков».

РАЗВАЛ СЛЕДСТВИЯ И СУДА НАД ПОГРОМЩИКАМИ

18 июля 1988 г. состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР по карабахскому вопросу. В его ходе, явно впервые за всю свою партийно-государственную карьеру, Генсек Михаил Горбачев столкнулся с открытым и, главное, аргументированным отпором, который возник в споре советского руководителя с армянскими депутатами и представителями. Само заседание было затем практически полностью показано по советскому телевидению, и нелцеприятные для Горбачева моменты перепалки, его явно провальные репризы и неудачные попытки «заткнуть рты» некоторым выступавшим стали достоянием советских людей. Надо полагать, это был большой удар по самолюбию провинциального партработника, взлетевшего на недостижимые высоты и облаканного вниманием и льстивыми заверениями со стороны первых величин западного политического бомонда.

Некоторые армянские представители в своих выступлениях однозначно и справедливо охарактеризовали резню в Сумгаите как акт геноцида. В ответ на это М. Горбачев сказал следующее: «Геноцид – это определенная политика, расовая, организованная, а не стихийная. В Сумгаите же бесчинствовали отбросы общества. Установлено, кто они такие. А геноцид – это политика уничтожения, сознательно проводимая по отношению к какому-то народу или к меньшинству. Почему же выходку бандитов вы хотите приписать всему Азербайджану? О каком геноциде можно говорить?»¹

Таким образом, установка сверху была окончательно дана. В рамках этой установки Прокуратура Советского Союза и повела следствие по «Сумгаиту». Говоря точнее, она повела дело на развал следствия, а значит, и самого предполагавшегося процесса по сумгаитской резне. Единое преступление, совершенное 27–29 февраля против армян Сумгаита, было раздроблено на ряд отдельных, самостоятельных производств, формально не связанных друг с другом.

Непосредственно под началом зам. Генпрокурора Александра Катусева, чья провокационная информация об «убийстве двух молодых азербайджанцев» в Аскеране прозвучала по всесоюзному телевидению и радио накануне начала резни в Сумгаите, была создана следственная группа. Ее возглавил следователь Галкин, а в саму группу вошли 181 человек, в том числе и 20 следователей азербайджанцев.

¹«Известия», 20.07.1988 г.

Еще 21 июня 1988 г. внеочередная сессия Совета народных депутатов НКАО в своем решении «О сложившейся в области обстановке и мерах по ее стабилизации» обратилась с ходатайством в Верховный Суд СССР.

В решении, в частности, говорилось:

«Совет народных депутатов НКАО ходатайствует перед Верховным судом СССР, учитывая необходимость принципиальной политико-правовой оценки событий в г. Сумгаите Азербайджанской ССР, злостное искажение сущности совершенных в этом городе массовых государственных преступлений – бандитизма и массовых беспорядков и имеющуюся попытку со стороны Верховного суда Азербайджанской ССР представить их в качестве убийств из хулиганских побуждений, а также то обстоятельство, что несовместимые с принципами социализма злодеяния сумгаитских погромщиков уже причинили огромный ущерб политико-нравственной жизни азербайджанского и армянского народов, их традиционным добрососедским отношениям, руководствуясь п. 1 ст. 27 Закона СССР о Верховном суде СССР, взять в свое производство уголовные дела об этих преступлениях, обстоятельно и объективно рассмотреть их в качестве суда первой инстанции и вынести суровый, но справедливый приговор от имени Союза Советских Социалистических Республик»¹.

В ранее уже упомянутом, вышедшем в Баку в 1989 г. сборнике «События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов» это ходатайство было прокомментировано следующим образом:

«К сожалению, этот третий пункт принят. Ибо чем объяснить нарушение судебных порядков и проведение суда вне пределов не только Сумгаита, но и АзССР».

На деле лишь малая часть дел слушалась за пределами Азербайджанской ССР.

Следует также отметить, что с самого начала были проигнорированы требования, просьбы, обращения потерпевших, родственников жертв резни и их адвокатов о возможности рассмотрения дел в Азербайджанской ССР. И, прежде всего, в самом Сумгаите, куда потерпевшим, по понятным причинам, приезжать было не только невыносимо морально, но и просто опасно.

Характерным примером такого рода явился судебный процесс по выше уже упоминаемому делу в отношении Мехдиева А., Рзаева З., Турабиева А. Выездное заседание Воронежского областного суда по этому делу началось 12 октября 1988 г. в городском народном суде Сумгаита. Уже в первый день процесса выяснилось, что наряду с адвокатами троих обвиняемых в убийствах, погромах и грабежах будет участвовать общественный защитник (!), выдвинутый коллективом спецуправления механизации № 2 (СУМ-2), где работал подсудимый Мехдиев. Одновременно тот же коллектив выдвинул ходатайство о передаче материалов дела в отношении Мехдиева... на рассмотрение товарищеского суда СУМ-2.

Адвокаты подсудимых в первый же день заседания требовали запретить адвокату потерпевших Р. Саакяну применять звукозапись, мотивируя это противоречащее законодательству требованием будто бы преследуемыми последним провокационными целями. Один из подсудимых отказался от местного защитника и потребовал пригласения адвоката из РСФСР, а после его появления в зале суда отказался и от него.

¹«Советский Карабах», 23.06.1988 г.

Судебное разбирательство все откладывалось, на потерпевших же оказывалось целенаправленное психологическое давление: неизвестные лица угрожали им расправой до начала заседания; одна из потерпевших сообщила, что на дверях ее квартиры в г. Баку неизвестными же были нарисованы кресты. В связи с этим как потерпевшие, так и некоторые свидетели боялись давать правдивые показания в Сумгаите, где на их глазах убивали и сжигали людей, громили квартиры и жгли транспортные средства.

В итоге потерпевшая сторона фактически вынуждена была покинуть зал судебного заседания, отказавшись от участия в судебном следствии, дачи показаний и потребовала освобождения адвоката Р. Саакяна от дальнейшего участия в деле.

Ко времени завершения следствия по большинству «сумгаитских» дел в АзССР уже сложилась обстановка, когда армянские погромы в Сумгаите трактовали как «происки армян», а неугодных свидетелей подвергали преследованию.

Еще раньше это произошло со свидетельницей Зинаидой Мудрецовой, жительницей Сумгаита, которая рассказала армянским журналистам, какое количество трупов предположительно можно было насчитать в Сумгаите. Против Мудрецовой местные власти возбудили уголовное дело, обвинив в служебных злоупотреблениях, о которых она задолго до февраля 1988 г. сама сигнализировала в местную прокуратуру. Однако после ее свидетельств по сумгаитской резне она была обвинена в хищениях, о которых сама же ранее сообщала, и арестована...

Армянский адвокат Рубен Саакян, который активно участвовал в сумгаитских процессах в качестве защитника потерпевших, следующим образом охарактеризовал политику властей по фактическому развалу сумгаитского дела.

«...В осмыслении преступления Сумгаита с самого начала был заложен ущербный подход. Формулировка «из хулиганских побуждений» кочует из одного уголовного дела в другое, в то время, как все они возбуждены по фактам, имевшим место в одном и том же месте, в то же время, лицами одной национальности (азербайджанцами) против лиц другой национальности (армян). Избранный правовой подход раздробил преступление Сумгаита на десятки более или менее тяжких преступлений, увел от сути происшедшего, а главное – оставил в тени условия и причины, породившие Сумгаит, и организаторов, сумевших из сотен азербайджанцев сделать преступников, совершивших единое преступление – геноцид.

Если бы сумгаитская трагедия рассматривалась как единое многоэпизодное преступление, вероятно, были бы найдены новые и более точные формулировки, отражающие суть происшедшего в Сумгаите. Юристы обязаны осмыслить явление Сумгаита в комплексе, дать адекватную оценку «суммы» убийств, насилий, поджогов, разбойных нападений, грабежей и др., якобы по случайности имевших место в одном и том же городе и в одно и то же время.

История судопроизводства страны не знала такого примера. До сих пор руководство страны не дало также и политическую оценку происшедшего...

...Прошло уже более года и восьми месяцев, а сумгаитские дела, если верить Сухареву (Генпрокурор СССР – прим. автора), уже завершены и переданы в суд. Но мы знаем, что сумгаитские дела еще продолжают, следовательно, Сухарев обманул депутатов и весь советский народ.

Будучи в Баку, я встречался с партийными работниками, которые старались убедить меня, что все произошло стихийно, не было никаких организаторов. При беседе с руководителем следственной группы Галкиным я почувствовал, что он придерживается мнения, что никакого геноцида не было. Это мнение передалось и всей следственной группе. Следствие по делу проведено бездарно, людьми некомпетентными, хотя в этой следственной группе было 200 человек, которые все время менялись. Ошибки процессуального кодекса допускались на каждом шагу.

...Мы часто советуемся с коллегами, как нам действовать, и не находим выхода. Одно такое дело (13 томов), повторяю, бездарно расследованное, находится в архиве областного суда в Воронеже, другое дело – в Куйбышеве, третье – в Волгограде. Основное количество дел находится в Баку. Как ознакомиться с этими делами? Ведь по многим делам абсолютное большинство потерпевших не участвовало в этих процессах и не имело своих адвокатов. То есть материалы этих дел нам недоступны... Никто из адвокатов не поедет в «интернациональный» Баку, чтобы ознакомиться с этими делами. Все это будет покрыто мраком неизвестности.

Несколько слов о другом процессе. В деле, о котором я хочу рассказать, армянин убил азербайджанца. Убил, защищаясь от преступного посягательства на его семью, имущество, жилище. Следствие по этому делу было закончено буквально в течение 10 дней!»¹

Между тем, процесс в Верховном суде СССР по делу Ахмедова–Исмаилова–Джафарова, преподнесенный советской общественности в качестве «главного» по сумгаитским делам, был окружен стеной молчания со стороны Кремля. Советские граждане не имели возможности ознакомиться с ходом процесса. Формальные заседания были открытыми, но на деле попасть на них было весьма затруднительно, ибо большинство мест в зале заходя занимали совершенно посторонние «молодые люди в штатском», а желавшим попасть в зал с улицы объявляли, что «зал переполнен».

Советские же пресса, радио и телевидение, естественно, безмолвствовали, и ничего не сообщали о ходе процесса. Между тем, происходившее в зале заседаний просто поражало сумевших пробиться в здание Верховного Суда СССР, что на улице Воровского. Ибо естественные и лежащие на самой поверхности факты и обстоятельства игнорировались судом.

11 ноября адвокаты П. Шапошникова и Р. Рштуни подали ходатайства в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР. В нем, в частности, говорилось:

«...Должно быть предъявлено дополнительное обвинение в связи с агитацией в целях возбуждения национальной вражды, относящееся к иным государственным преступлениям».

Адвокаты настаивали на необходимости соединения в одном производстве дел, связанных с преступлениями, совершенными в 41а квартале г. Сумгаита. Они также обращали внимание на то, что не были выявлены организаторы преступления, а также причины и условия, способствовавшие его совершению, и приводили следующие факты:

«В материалах настоящего уголовного дела в показаниях многочисленных свидетелей имеются сведения о том, что одной из причин и условий, способствовавших совершению преступлений в г. Сумгаите с 27 по 29 февраля 1988 г., было бездействие милиции.

Показаниями... установлено, что дорога Сумгаит–Баку у автовокзала была завалена горами камней. Эти камни толпа швыряла в военнослужащих, введенных в город для поддержания правопорядка. Не установлено, кем, с какой целью были насыпаны горы камней в центре города, не было ли это сделано с целью создания условий для совершения массовых беспорядков.

Показаниями многочисленных свидетелей установлено, что введенные в г. Сумгаит 28.02.88 г. 9 войсковых подразделений для обеспечения правопорядка никаких действий мер против погромов, поджогов и совершенных в эти дни в городе преступлений не предпринимали, занимались самообороной, проездом по городу на БТРах, что не предотвращало происходящие беспорядки... Необходимо установить, чем вызвано бездействие введенных в г. Сумгаит войсковых подразделений.

...На дороге, ведущей в Баку, около трикотажной фабрики проверялись все автомашины, автобусы, с целью не выпустить из г. Сумгаита лиц армянской национальности.

...Все изложенное дает основание полагать, что неустановленными следствием лицами были организованы либо созданы условия для совершения массовых беспорядков... Прокуратура СССР, имея в своем распоряжении перечисленные данные, не провела надлежащего расследования для установления условий, способствовавших совершению в г. Сумгаите преступлений в период с 27 по 29 февраля 1988 г., а также организаторов этих преступлений.

О том, что по делу были организаторы преступления, свидетельствует и тот факт, что Ахмедов повел за собой в 41а квартал толпу, снабженную прутьями, ножами, топорами и другими предметами, изготовленными заранее. Кем, где и когда были изготовлены эти предметы, по чьей инициативе погромщики были снабжены ими, по делу не установлено. Игнорирование этих и многих других справедливых и обоснованных требований, квалификация массовых убийств по национальному признаку как убийств «из хулиганских побуждений» заставила потерпевших в знак протеста покинуть зал судебного заседания, о чем они и сделали официальное заявление 14 ноября 1989 г. ...

По сути дела, в сложившихся условиях это было единственное правильное решение. Ибо буквально на следующий день, 15 ноября, прокурор Козловский произнес свою речь, в которой действительность искажалась самым парадоксальным и извращенным образом, но в точном соответствии с высокими указаниями, озвученными Генсеком Горбачевым еще на заседании Президиума ВС СССР от 18 июля 1988 г.

В речи государственного обвинителя, в частности, было сказано:

«...Проведенное прокуратурой СССР расследование показало, что массовые беспорядки в городе Сумгаите не являлись заранее спланированной или кем-то организованной акцией. Они возникли стихийно...

Бесспорно, что убийства граждан армянской национальности совершались на национальной почве, и внешне это выглядело как месть за мнимую расправу над азербайджанским населением в Армении, в Нагорном Карабахе. Тем не менее органы следствия пришли к обоснованному выводу о том, что эти убийства были совершены также из хулиганских побуждений. Известно, что убийства из мести совершаются на почве личных отношений с потерпевшими. В данном случае жертвами убийц стали ранее незнакомые им люди, о которых им абсолютно ничего не было известно,

¹ «Сумгаит... Геноцид... Гласность?», Ереван, общ. «Знание» АрмССР, 1990. С. 30–33

кроме того, что они армяне по национальности. От рук убийц погибли мужчины и женщины, люди преклонного возраста и молодые. Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что умышленными убийствами из хулиганских побуждений следует считать убийства, совершенные на почве явного неуважения к обществу...

С учетом того, что в этих преступлениях участвовали лица разных национальностей и что преступления совершались по отношению к другим гражданам при отсутствии каких-то личных причин и поводов, сопровождалась нецензурной бранью, особо циничными действиями, с выводом о том, что мотивами убийств являются хулиганские побуждения, следует согласиться».

Эта казуистика, целиком построенная на демагогии и лжи, столь свойственным советскому обществу, наглядно показала пострадавшим, что ждать справедливости от кремлевских судов и прокуратуры бессмысленно.

Дело по обвинению Исмаилова и Джафарова направили на дополнительное расследование. Ахмедову присудили смертную казнь. Это был единственный вынесенный жесткий приговор по сумгаитской резне, да и неизвестно, был ли он приведен в исполнение.

Зимой-весной 1989 г. в АзССР было вынесено несколько нарочито мягких приговоров по «сумгаитским делам». Верховным судом АзССР были вынесены следующие приговоры:

13 января: С. Азимову и Э. Велиеву, которые участвовали в ряде преступлений в составе банды, организованной Ахмедовым. Азимову назначили 3 года лишения свободы, Велиеву – 2 года с отсрочкой на 2 года; он был освобожден из-под стражи в зале суда.

28 марта: И. Гусейнову, участнику ряда преступлений 28 и 29 февраля: 4 года лишения свободы.

24 мая: Сафарову 3 года лишения свободы.

25 января городской суд Сумгаита приговорил И. Алиева, который также участвовал во многих преступлениях, к 3 годам лишения свободы.

Нет нужды объяснять, что весьма скоро эти лица вышли на свободу, окруженные ореолом национальных героев Азербайджана.

Уже в ноябре 1988 г., на сотысячных митингах в Баку демонстранты носили портреты сумгаитских убийц Ахмедова, Исмаилова и Джафарова с лозунгами «Да здравствуют герои Сумгаита!». Запечатлевшая митингующих с портретами этой троицы и В. Ленина фотография «Мы за перестройку!» даже вошла, вероятно, по недосмотру издателей из ЦК Компартии Азербайджана, в уже упомянутый выше пропагандистский фотоальбом «Трагедия длиною в два года», изданный в Баку в 1990 г. ...

Кремлевские сидельцы не вынесли никаких уроков из происшедшего в Сумгаите; более того, своей позицией безоговорочно направили азербайджано-карабахский конфликт в русло кровавого беспредела. Вскоре безнаказанность «сумгаита» кроваво аукнулась в Фергане, Оше, Новом Узене... И снова в Кировабаде, Мингечауре, Баку, городах и районах АзССР. «Сумгаит» дал «зеленый свет» новым беспрецедентным преступлениям против гражданских жителей в Нагорном Карабахе, в конечном счете обусловил начало открытой вооруженной агрессии Азербайджана против Нагорного Карабаха с последующим общим вооруженным противостоянием в регионе Южного Кавказа.

Оказались правы те, кто еще в 1988 г. выразили мнение, что «сумгаит» – это начало конца СССР.

Глава 8

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ ЛЖИ

«Выходит, мы хорошие граждане, когда работаем и выполняем планы. А стоит заговорить о своих правах, как превращаемся в экстремистов и националистов»

Кнарлик Аракелян, Герой Социалистического труда
газета «Советский Карабах», 5 мая 1989 г.

Помнится, в ходе одного из первых перестроечных телемостов с участием представитель советской и американской общественности одна советская гражданка в пылу спора бросила в эфир: «В СССР секса нет!». Эти слова не только рассмешили полмира, но и стали с тех пор расхожим клише. Но суть-то проблемы гражданка отразила правильно: секс в Союзе, конечно, был, но негласно, так сказать, подпольно. Официально же о нем ничего не говорилось, и это означало, что этот вопрос в Советском Союзе был «решен раз и навсегда!»

То же самое можно было сказать и о национальном вопросе в СССР. Документы партии и правительства, выступления советских лидеров, учебники истории и научного коммунизма однозначно гласили, что национальный вопрос в Советском Союзе решен раз и навсегда, навеки восторжествовала дружба народов СССР, и вообще все идет к тому, что очень скоро отдельные народы окончательно и бесповоротно сольются в новую общность – единый советский народ.

В соответствии с этой теорией было ясно, что муслирование и тем более официальное поднятие каких-то там национальных вопросов есть отход от ленинской национальной политики, «удар в спину перестройке», «экстремизм», «национализм» и так далее. Исходя из этого, идеологические инстанции КПСС и дали поручение советским СМИ: как, каким образом освещать неожиданно свалившиеся на кремлевские головы «события в НКАО и вокруг нее».

ЧТО ЖЕ ТАМ ПРОИЗОШЛО?

В СССР мало кто вообще знал о Нагорном Карабахе. Но еще более далеки были советские люди от нелегких проблем горного края, сведений о которых в периодической печати по понятным причинам до этого вообще не было. Что же узнал советский читатель из статьи бакинского корреспондента «Известий» (23.02.1988 г.) «Что имеем – сохранить!», которая явилась первой авторской публикацией на тему карабахского кризиса в центральной советской прессе?

Во-первых, что «область населяют представители 49 национальностей, самую большую часть составляют армяне». Уже в этой фразе был заложен типичный пример

дезинформации-полуправды, так часто позже использовавшейся в карабахском вопросе советской пропагандой и до сих пор остающейся основным оружием пропаганды азербайджанской. В самом деле ведь «самая большая часть» вовсе не означает подавляющего большинства населения, коим были в автономии армяне. При наличии 49 национальностей это может быть и 10, и 20 % населения.

В то же время из материалов переписи 1979 г. было доподлинно известно, что армяне составляли 75,9 % населения НКАО, азербайджанцы – 22,9 %, русские – 0,8 %, а на долю представителей остальных 46 национальностей приходилось всего 0,35 % или... 576 человек. Но без этих сведений у читателя создавалось совершенно превратное представление о национальном составе населения области, что навело заводомое неприятие «переподчинения» автономной области Армянской ССР.

Далее газета сообщала, что «сейчас это один из наиболее развитых регионов республики». Впоследствии это утверждение приказало долго жить, однако сказка о благополучии, якобы царившем в НКАО под властью АзССР, еще долго кочевала по страницам газет и журналов. Кочует и до сих пор по азербайджанским СМИ и интернет-сайтам.

Интересно, что в той же публикации косвенно сообщалось и о сессии областного Совета от 20 февраля, на которой в строго демократических рамках был поставлен вопрос о переходе НКАО из состава Азербайджанской ССР в Армянскую ССР. Однако сообщалось об этом косвенно, потому что по утверждению бакинского корреспондента «Известий» Р. Талышинского, ссылавшегося на неизвестных юристов, «это собрание не может считаться сессией».

Впрочем, версия о том, что сессия Облсовета НКАО, впервые в истории СССР политически оформившая инициативу «снизу», истинное народное волеизъявление, вовсе не была сессией, а лишь обращением «группы депутатов», вскоре сошла со страниц центральной печати. Уже 13 марта 1988 г. газета «Московские новости», отличавшаяся уже тогда более «смелым» по сравнению с другими изданиями изложением событий, мужественно проинформировала читателей о принятом сессией областного Совета решении. Однако в Баку так и не нашли в себе мужества признать очевидное – законность сессии Облсовета, и даже Верховный Совет Азербайджанской ССР, вынужденный в конце концов отреагировать на постановление Совета народных депутатов области, делал вид, что рассматривает... «обращение группы депутатов».

Наконец, из той же публикации в «Известиях» от 23 февраля люди «узнали», что «есть и такие, кто вопрос о передаче НКАО из Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР не раз пытался выдвинуть вперед». Под словом «такие» автор вольно или невольно подразумевал народ Карабаха.

В той же статье устами решительно никому не известного бакинского писателя Карабоглы (псевдоним некоего Тельмана Чальяна) читателю сообщили, что «это затемнение» и что оно «пройдет». Но как совсем скоро оказалось, Карабоглы ошибся: «затемнение» не прошло. Да и не могло пройти, потому что речь шла об общенародном требовании, сплотившем, как любили говорить в советское время, «тружеников города и села», руководителей всех рангов и уровней.

Позже тот же неизвестный писатель из Баку высказал парадоксальную мысль на страницах «Советской Культуры», заявив, что если карабахцы осуществят свою заветную

мечту о воссоединении с Арменией, то они «станут и экономически, а главное, духовно беднее»¹. И хотя в статье «Огонь в кузнице деда» Чальян писал о ностальгии по родному краю, было очевидно, что его чаяния и интересы давно и безнадежно оторвались от надежд и чаяний народа этого самого края.

Таким образом, уже первый материал «о событиях в НКАО и вокруг нее» в советской прессе полностью дезориентировал читателя и содержал массу дезинформации. Начало потоку лжи и искажений было положено.

Надо сказать, что за первой ласточкой в «Известиях» другие авторские материалы не последовали. На авансцену вышел ТАСС, сообщивший о «выступлениях части армянского населения с требованием о включении Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР», о нарушениях общественного порядка, спровоцированных «отдельными экстремистски настроенными лицами с обеих сторон»².

О сессии Облсовета вновь не было сказано ни слова. Гласно выраженное стремление всего армянского населения НКАО, подтвержденное решением главного органа советской власти области, по существу, было приравнено к «провокации националистических элементов». В сообщении ТАСС от 24 февраля разъяснялось, что «все это стало возможным в результате призывов безответственных лиц, а также пассивной позиции партийных и советских органов автономной области»³. Было, правда, неясно, о какой пассивности шла речь, если именно сессия Облсовета, то есть местная советская власть, обратилась к Верховным Советам обеих республик и Союза ССР по вопросу о передаче НКАО в состав Армянской ССР?

Что касается «пассивной позиции» партийных органов, то ответ на этот вопрос был дан несколько позднее – 17 марта, когда пленум обкома компартии по всей форме обратился в ЦК КПСС с просьбой положительно решить карабахский вопрос. И если о постановлении сессии Облсовета газеты все же поведали (хоть и с опозданием), то о решении пленума карабахского обкома советская партийная печать так никогда и ничего не сообщила! Такая «гласность» процветала в период «перестройки и гласности».

Правда, упоминание об этом, но опять же косвенное, было сделано на страницах «Известий»:

«Да, проблемы Нагорного Карабаха не выдуманы, но, в конце-то концов, о них высказались уже и сессия областного Совета народных депутатов, и пленум обкома партии»⁴.

Думается, однако, что большинство читателей «Известий» так и не догадались тогда, о чем идет речь. Не всякий ведь может читать между строк, тем более, когда информация столь туманна. Так что советские люди так и остались в неведении относительно позиции обкома «руководящей и направляющей».

В упомянутом тремя абзацами выше сообщении ТАСС одновременно сообщалось о том, что пленум Нагорно-Карабахского обкома партии освободил 24 февраля от обязанностей первого секретаря Б. Кеворкова, безраздельно «царившего» в области на

¹«Советская культура», 16.04.1988 г.

²«Правда», 24.02.1988 г.

³«Правда», 25.02.1988 г.

⁴«Известия», 28.03.1988 г.

протяжении почти полутора десятилетий. Впрочем, за какие такие «недостатки, допущенные в работе», был освобожден Кеворков, большинству читателей так и осталось непонятным. Во всяком случае, многие советские люди, связав в уме несколько сообщений ТАСС, вероятно, пришли к выводу, что этот самый Кеворков и есть «покровитель безответственных лиц, выдвигающих противоправные требования».

В последующей информации ТАСС от 25 февраля заместитель Генерального прокурора СССР Александр Катусев подверг уничтожающей критике «охотников сплетен», признав одновременно, что в области «были факты правонарушений». Однако каких именно, с чьей стороны, он так и не сказал.

В центральных, как тогда говорили, московских СМИ не было особой разницы в подходах к освещению событий в Карабахе. Даже в выделявшихся на фоне таких зубров советской пропаганды, как ТАСС, «Правда» или «Известия», своим либеральным тоном «Московских новостей».

Эта газета издавалась Агентством печати «Новости» – передовым отрядом советского агитпропа и аналогом американского ЮСИА¹. «Московские новости» выходили сразу на нескольких иностранных языках, большая часть тиража шла за рубеж, где надо было показать, что гласность в СССР никто не отменял. Русскоязычный вариант, конечно же, должен был соответствовать общим для издания критериям, иначе у идеологических противников на Западе появился бы замечательный повод говорить о двойных стандартах Кремля.

Но истинное лицо спущенного сверху либерализма «Московских новостей» опять таки проявилось с самого начала освещения карабахского кризиса (в последующие годы газета действительно освещала неудобные властям СССР события смелее других официальных изданий). Характерным примером исчезновения гласности в «самом передовом» издании Союза стала история с публикацией письма академика Андрея Сахарова Генсеку ЦК КПСС М. С. Горбачеву от 21 марта 1988 г.

В своем письме видный ученый и правозащитник обращался к Горбачеву по двум наиболее острым национальным вопросам: о возвращении крымских татар в Крым и о воссоединении Нагорного Карабаха и Армении. Касаясь проблемы Нагорного Карабаха, Андрей Сахаров, в частности, писал:

«Вместо нормального конституционного рассмотрения ходатайства органов Советской власти начались маневры и уговоры, обращенные преимущественно к армянам. Одновременно появились сообщения в прессе и по телевидению, в которых события излагались неполно и односторонне, а законные просьбы армянского населения объявлялись экстремистскими, и заранее как бы предопределялся негативный ответ.

К сожалению, приходится констатировать, что уже не в первый раз в обострившейся ситуации гласность оказывается подавленной как раз тогда, когда она особенно нужна.

...Поднятые в этом письме проблемы стали пробным камнем перестройки, ее способности преодолеть сопротивление и груз прошлого. Нельзя вновь на десятилетия откладывать справедливое и неизбежное решение этих вопросов и оставлять в стране постоянные зоны напряжения»².

¹USIA, United States Information Agency – Информационное агентство США

²Нагорный Карабах и вокруг него. Глазами независимых наблюдателей. Сборник документов. Составители С. Золян, Г. Мирзоян. Ереван. Луйс. 1991 г. С. 31–32

Между тем, само письмо «Московские новости» проигнорировали. Вместо него были опубликованы несколько фраз, произвольно надерганных из дополнения академика к своему письму Генсеку. В результате этих манипуляций в стиле детской аппликации из текста всего-то в три абзаца была выброшена самая главная мысль, содержавшаяся в дополнении к письму Андрея Дмитриевича Сахарова М. Горбачеву. А именно:

«Я призываю Верховные Советы Азербайджана, Армении и СССР учесть ясно выраженную волю большинства населения автономной области и областного совета как главное основание для принятия конституционного решения».

Тем самым преподносимые как рупор перестройки «Московские новости» сделали как раз то, от чего предостерегал Андрей Сахаров в своем письме: изложили его обращение «неполно и односторонне», подавив гласность «тогда, когда она особенно нужна».

Бурные события в области, в Армении и Азербайджане продолжали оставаться фактически скрытыми от советских людей, которые в те же дни получали массу информации о демонстрациях аборигенов-канаков в Новой Каледонии и палестинцев на территориях, оккупированных Израилем. О том, что происходило под боком, наиболее любопытные узнавали из передач западных «радиоголосов», преследовавших, конечно же, свои цели. Люди тщетно ждали от советских средств массовой информации правдивых сообщений, беспристрастных фактов. Отсутствие правды порождало слухи.

«ПОСЛУШНЫЕ» И «НЕПОСЛУШНЫЕ» ПАРНИ

На первом этапе карабахских событий Азербайджану и не требовалось прилагать особых усилий в своей политико-пропагандистской игре, призванной убедить советских людей в правоте проводимой Баку в отношении НКАО политики. Как уже отмечалось выше, прикрываясь тезисом об «окончательном решении национального вопроса в СССР», Кремль закрывал глаза на националистические перегибы в ряде республик ССР, имевшие следствием дискриминацию и вытеснение «некоренных», точнее нетитульных национальностей в союзных республиках.

На одной из первых пресс-конференций, посвященных событиям в Нагорном Карабахе, члены антисоветского объединения «Гласность» огласили «раздобытый» ими документ, подготовленный в Институте Востоковедения Академии наук для ЦК КПСС, в связи с событиями в Закавказье. В этом документе содержались рекомендации раздувать малейший инцидент, сваливая все на армян, а также вносить раскол в отношения последних с проживающими в АрмССР курдами. Чем не документ из недр охранного отделения времен раздувания царизмом межэтнической и межконфессиональной розни в закавказских губерниях в начале XX в.?

Как уже отмечалось, основной задачей Баку в отношении Нагорного Карабаха в целом и НКАО, в частности, было вытеснение из региона, уменьшение в нем абсолютно и относительного числа армянских жителей. Что преследовало цель последующей безболезненной трансформации НКАО и соседних армянских районов из национально-территориальных образований, населенных преимущественно и компактно армянами, в

обычные административные единицы АзССР с азербайджанским большинством. Этому в полной мере способствовали и идеологические, и правовые установки Советского Союза об отсутствии национальных проблем.

Возлезъявление же карабахцев выглядело «бунтом на корабле», способным сорвать его верный курс по бурным волнам перестройки и ускорения. Таким образом, формальные идеолого-правовые установки Кремля и Баку полностью совпадали.

Здесь уместно будет сослаться на великолепную по своему анализу политико-правовой борьбы вокруг Нагорного Карабаха работу карабахского журналиста и политолога Александра Григоряна, к сожалению, ушедшего от нас в феврале 2007 г. Работа эта была опубликована в 1997 г. в Ереване, в серии изданий Армянского Центра стратегических и национальных исследований, экспертом которого долгие годы являлся Александр Хоренович, и называлась «Логика политического мышления властных структур Азербайджана в контексте политико-правового развития карабахского вопроса».

Поскольку монография вышла небольшим тиражом и прошла мимо внимания российских исследователей, политологов, историков, считал бы своим долгом и обязанностью привести некоторые, подчас значительные по объему, цитаты из работы Александра Григоряна. Ибо они как нельзя лучше отражают суть рассматриваемого нами в этой главе совпадения идеологических установок Кремля и Баку на первом этапе карабахского противостояния; облегчения в связи с этим реализации политико-правовых устремлений Баку в отношении армянского Нагорного Карабаха в тот период.

«Главным механизмом материализации этой политики стало целенаправленное манипулирование идеолого-правовыми нормами СССР на основе принципа законопослушания, понимаемого как неукоснительное исполнение властями Азербайджана директив Центра, то есть руководства Союза ССР.

... Действие принципа законопослушания в советский период четко прослеживается в принятых Азербайджаном документах по статусу Нагорного Карабаха.

В Декрете Азербайджанского центрального исполнительного комитета Советов от 7 июля 1923 г. «Об образовании Автономной области Нагорного Карабаха» читаем: «Уничтожение национального угнетения и неравенства – в какой бы форме оно не проявлялось, замена национальной вражды и ненависти интернациональной солидарностью трудящихся, братским сотрудничеством народов в едином государственном союзе является одной из основных задач рабоче-крестьянской революции и Советской власти. Во исполнение этой задачи Азербайджанский центральный исполнительный комитет Советов постановляет...»

Теперь обратимся к строкам из постановительной части заседания пленума Кавбюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 г.:

«Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами, – говорится в документе, – и экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджанской ССР, предоставив ему широкую областную автономию». Сравнивая тексты двух постановлений, мы замечаем, что предельно лаконичная формулировка («Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами...») в документе российского партийного органа получает в Декрете АзЦИКа эмоциональную

окраску («Уничтожение национального угнетения и неравенства – в какой бы форме оно не проявлялось...»), с последующим однозначным выражением решимости претворить задачу, поставленную «сверху» в жизнь («Во исполнение этой задачи...»).

Как видим, налицо безукоризненное идеолого-правовое послушание Центру. Безусловное отражение определяемых Центром идеолого-правовых норм существования НКАО прослеживаются практически во всех принятых Азербайджаном до декабря 1989 г. документах по НКАО, и в первую очередь таких основополагающих, как Конституция Азербайджанской ССР и Закон АзССР о НКАО.

Действие принципа законопослушания находит свое отражение... также в официальных заявлениях руководителей этой республики. Классическим образцом политического законопослушания может служить выступление секретаря ЦК Компартии Азербайджана Абдурахмана Везирова на заседании Президиума Верховного Совета СССР 18 июля 1988 г., рассмотревшим карабахский вопрос. Говоря о допущенных в отношении НКАО ошибках, приведших к известным событиям, А. Везиров заявил, что самым надежным гарантом соблюдения в дальнейшем конституционных прав населения Нагорного Карабаха является провозглашенный Коммунистической партией СССР генеральный курс на перестройку в стране. Тем самым руководитель коммунистического Азербайджана весьма искусно растворил суть Карабахского вопроса как проблемы самоопределения народа в хаосе общих проблем, порожденных догорбачевским периодом. Иными словами, А. Везиров представил собравшимся проблему Нагорного Карабаха в том свете, в каком решил воспринимать ее Центр ко времени начала заседания Президиума ВС. Вспомним в связи с этим обращение М. С. Горбачева от 26 февраля 1988 г. «К трудящимся, к народам Азербайджана и Армении»:

«... Сейчас самое главное сосредоточиться на преодолении сложившейся ситуации, на решении конкретных экономических, социальных, экологических и других проблем, накопившихся в Азербайджане и Армении: в духе политики перестройки и обновления, осуществляемой во всей нашей стране».

Указанные выше примеры проявления принципа законопослушания мы бы расценили как целенаправленные политические шаги, рассчитанные на формирование у Центра представления об Азербайджане как о послушной и преданной Москве союзной республике. Под прикрытием такого имиджа руководство Азербайджана осуществляло свою карабахскую политику, придав ей ярко выраженный оттенок «борьбы с незаконно-послушными», тем самым ловко нейтрализовав Центр в ходе самого процесса материализации своих планов по НКАО»¹.

Будучи полностью согласен с выкладками Александра Григоряна, автор этой книги считает необходимым добавить, что вся идеологическая и информационно-пропагандистская политика и Баку, и Москвы с самого начала карабахских событий, – за исключением некоторых коротких периодов, – вплоть до распада Советского Союза строилась именно на противопоставлении «послушности» и «экстремизма».

То есть с одной стороны есть послушный Центру Азербайджан, а руководство АзССР является сторонником проведения перестроечных реформ, в ходе которых и будут

¹ Александр Григорян. Логика политического мышления властных структур Азербайджана в контексте политико-правового развития карабахского вопроса. Ереван. 1997. стр. 1–4

решены все отягощенные грузом тяжелого «доперестроечного» времени вопросы. Вспышки же ненависти, насилия, погромы, чуть ли не повсеместно прокатившиеся по АзССР, – суть не что иное, как издержки, «детская болезнь», которой переболеют, и она пройдет сама по себе.

С другой стороны, есть непослушные Нагорный Карабах и Армения, которые выдвигают несвоевременные проблемы, которые де губят перестройку. Их руководство не может обуздать действия националистов; пасует перед рвущимися к власти «политическими экстремистами», которые применяют для этого псевдодемократические средства и методы борьбы.

Отсюда любое проявление «непослушания» в НКАО или АрмССР были Центру и Баку даже желательны, ибо доказывали правильность данного ими определения сил, поднимающих карабахский вопрос, как «экстремистских» и «антиперестроечных».

Получился своего рода замкнутый круг, когда совпадение тактических интересов Баку и Кремля в карабахском вопросе порождали все новые провокации и вызовы со стороны Азербайджана или Москвы, реакция на которые с армянской стороны так или иначе объявлялась экстремистской. Затем следовал новый вызов и новый ответ, и все это для того, чтобы очередной партийный чиновник или советское средство массовой информации в очередной раз разъяснили бы советскому народу, что в Карабахе поднимают голову враги перестройки и дружбы народов.

Это очень напоминало бесконечные игры создателей голливудских боевиков и вестернов, раз и навсегда разделивших своих героев на «плохих» и «хороших» парней, призванных из фильма в фильм всякий раз заново играть свои нудные роли. Иной раз к «хорошему» и «плохому» мог добавиться «злой», как то случалось в модернизированных вестернах итальянца Серджио Леоне (из той же области гайдаевские «болван», «трус» и «бывалый»). Но основной расклад всегда остается прежним: «плохие» и «хорошие» парни не могут поменяться ролями. Иной сценарий авторами не предусмотрен то ли в силу идеологического скудоумия, то ли по умолчанию.

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ

Как уже отмечалось, сразу после сессии Облсовета НКАО от 20 февраля 1988 г. события в Карабахе были преподнесены как действия «экстремистов» и «националистов». Однако уже через короткий промежуток времени имелось немало информации о том, что решение сессии было вполне легальным.

Это произошло во многом благодаря западным «радиоголосам» – радиостанциям «Свобода», «Голос Америки», «Немецкая волна», «Радио Франс интернациональ». Хотя эти передачи и принимались по-прежнему с большими помехами, несмотря на объявленное советскими властями прекращение их «глушения», все же многие миллионы людей уже могли регулярно слушать нацеленные на СССР зарубежные радиопередачи. И слушали. Особенно в тех случаях, когда официальная трактовка того или иного события была явно неадекватной происходящему. Тогда свое мнение об этом событии многие жители Союза пытались составить на основании сообщений пресловутых «радиоголосов».

Несомненно, что в череде таких «непонятных» событий, информация о которых была завуалирована и строго дозировалась сверху, карабахская проблематика стояла если и не на первом, то уж точно на одном из первых мест!

В самом деле, не все же в стране были столь слепыми и глухими, чтобы не посчитать как минимум странными некоторые обстоятельства. Ну, например, что неординарные действия законных региональных властей замалчиваются, а легитимность их решений отрицается. Или то, что мирных демонстрантов, выступающих на митингах за самоопределение под вполне просоветскими лозунгами в прессе и по телевидению, именуют «экстремистами», в то время как бандитов, убивавших в Сумгаите людей исключительно из-за их национальности, считают всего лишь «хулиганами».

Таким образом, очень скоро руководимые Отделом пропаганды ЦК КПСС советские СМИ уже не могли однозначно толковать проявление воли населения НКАО, выразившееся в решении сессии Облсовета как действия «экстремистов и националистов». Хотя этот штамп остался и далее неоднократно был задействован, как мы вскоре увидим, на некоторое время он был «отодвинут» на задний план.

21 марта 1988 г. главная газета СССР, орган ЦК КПСС «Правда» опубликовала большой материал «Эмоции и разум». Эта статья в значительной мере задала тон и направление всех последующих публикаций в центральной печати о проблеме Нагорного Карабаха. В статье, по сути дела, утверждалось, что кризис вокруг Нагорного Карабаха порожден не дискриминацией армянского населения в Азербайджанской ССР и стремлением народа Нагорного Карабаха исправить историческую несправедливость, а попыткой руководства Армянской ССР отвлечь перестроечную критику в свой адрес.

Нелепость этого положения, кстати, была совершенно очевидна, ибо именно в дни первых массовых митингов и демонстраций в Ереване тогдашнее руководство республики во главе с первым секретарем ЦК КП Армении Кареном Демирчяном продемонстрировало полную растерянность, практически шок от происходящего в республике. Оно быстро показало свою полную неспособность руководить в совершенно неожиданных обстоятельствах, и именно возникший кризис привел вскоре к отставке обанкротившихся руководителей как Армянской, так и Азербайджанской ССР.

Массовые демонстрации в Ереване авторы статьи объяснили «национальным эгоизмом» и «местническими интересами». Весьма тенденциозно излагались в газете события в Армении, были совершенно проигнорированы выступления уважаемых в республике деятелей науки и культуры, известных тогда всему советскому народу.

Даже тот факт, что во время митингов и демонстраций в Ереване в поддержку Нагорного Карабаха, собиравших порой до миллиона человек, царили выдержка и полный порядок, что не было разбито ни одного стекла, вызвал раздражение авторов статьи. Беспрецедентное для страны по своей форме и масштабам волеизъявление народа они характеризовали «как митинговую, уличную демократию, в которой на первое место выступают эмоции и страсти», а народ упрекнули за то, что «люди... были хорошо организованы, дисциплинированы». Слово, совсем по старинке Фрейду, авторам статьи очень хотелось, чтобы Ереван стал вторым Сумгаитом.

Здесь же впервые намекалось и на связь членов созданного в Ереване в поддержку карабахских армян комитета «Карабах» с идеологическими противниками на Западе:

«действуют члены новоявленного комитета, хотя бы они того, или нет, по прямой подсказке... заокеанских советологов». И вынесли соответствующий построениям ЦК КПСС вердикт: «Благодородная» идея «воссоединения» имеет явный антисоциалистический душок.

Авторы «Эмоций и разума» пытались также провести параллель между всенародным движением за воссоединение Карабаха с Арменией и разжиганием национальной розни в Закавказье в 1905–1906 гг. Они также отрицали общеизвестные исторические факты и историю вхождения Карабаха в состав АзССР, заявляя, что территориальная принадлежность региона, «пожалуй, наиболее сложная в истории межнациональных отношений народов Закавказья».

В материале авторы делали и весьма циничный вывод, что если бы не постановка вопроса о принадлежности Карабаха, то «страсти так бы не кипели ни в Степанакерте и Ереване, ни в Баку и Сумгаите». Этим самым советским людям завуалированно давали понять, что массовые и проходящие в рамках правопорядка, но оппозиционные демонстрации в действительности представляют куда большую опасность для коммунистического режима, нежели массовые погромы по национальному признаку.

Статья в «Правде», призванная как бы раз и навсегда разъяснить советским людям происходящее «в Нагорном Карабахе и вокруг него», сообщала читателям, что Нагорный Карабах был включен в состав АзССР по тому принципу, что «в Азербайджане с его индустриальным и многонациональным комплексом условия оказались предпочтительнее».

Последняя мысль прослеживалась и в публикациях СМИ АзССР. Любопытно, что и сегодня, спустя почти 20 лет после февраля 1988 г., по прошествии кровопролитной азербайджано-карабахской войны и 14 лет режима прекращения огня, в СМИ и высказываниях политиков уже независимой Азербайджанской Республики можно встретить те же сколь застарелые, столь и несерьезные аргументы в плане урегулирования азербайджано-карабахского конфликта. Грешат этим и различные международные структуры, так или иначе причастные к процессу урегулирования...

Заканчивалась статья «Эмоции и разум» здравницей интернационализму в том виде, как его понимали в Баку:

«Есть в Степанакерте большая семья Велиевых. Глава ее азербайджанец Саттар-ниши... не дожил до наших дней. Но живы его вдова – армянка Гегуш, шестеро их сыновей и дочь. Ребята женились на армянках, девушка вышла замуж за азербайджанца...»

Статья «Эмоции и разум» еще больше накалила обстановку в Армянской ССР и НКАО, вызвав вполне понятное возмущение граждан, на которых голословно наклеили ярлык национализма. Беспрецедентной для СССР стала и реакция на статью корреспондента «Правды» по Армянской ССР Юрия Аракеляна, чья фамилия значилась под материалом наряду с фамилиями московского и бакинского «правдивого». Аракелян публично отказался от своей подписи под ним, заявив, что его информация из Еревана просто выбросили и что он не давал своего согласия на соавторство материала в том виде, в каком он появился в «Правде». Это был беспрецедентный за весь советский период скандал в главном партийном издании, и на него не замедлили откликнуться все без исключения радиоголоса.

Вместе с тем, статья «Эмоции и разум» явилась по существу сигналом к многочисленным выпадам против карабахского движения со стороны других средств массовой информации. Она как бы задала определенный угол зрения на проблему и связанные с ней

события. После ее выхода в свет страницы центральных газет и сообщений ТАСС вновь запестрели словами «экстремисты», «сборище», «состряпали», оскорбительными эпитетами «некий» в отношении многих и даже вполне уважаемых граждан. Советским людям была представлена страшновато-фарсовая картина, в соответствии с которой в Армении «отдельные люди», для которых «перестройка означает крушение их амбиций... цинично и коварно пытаются сыграть на ее трудностях», угрожают «обратиться за поддержкой за рубежом» и т.п. Под стать тому были и заголовки этих корреспонденций: «Перестройку не остановить»¹, «Благодарзумыи вопреки»² и т.п.

23 марта 1988 г. в «Литературной газете» появилась статья весьма тогда модного и столь же экстраординарного журналиста-международника Ионы Андропова «Пешки в чужой игре». Автор утверждал, что «проблему Нагорного Карабаха приняли вдруг вооружить и распалить из далекого Нью-Йорка», и на полном серьезе писал, что на некоего московского диссидента «возложили задачу спровоцировать вспышку конфликтной ситуации». Из далекого Нью-Йорка автор даже опровергал «рассказы» о приземлении в армянской столице самолетов с войсками, хотя в Ереван в марте действительно были присланы внутренние войска из разных регионов страны, что даже было показано впоследствии по телевидению.

«Руку Запада» в карабахских событиях лихорадочно искали и в «Правде», в которой 5 апреля 1988 г. появился большой материал под характерным названием «Подстрекатели». Пытаясь убедить советских читателей в том, что в Армении «большинство людей вывели на улицы и площади годами копившиеся недостатки в экономическом и социальном развитии, в интернациональном воспитании, экологические и другие нерешенные вопросы», авторы начисто отрицали национально-территориальный характер проблемы Нагорного Карабаха. Игнорируя волеизъявление карабахцев, подтвержденное сессией Облсовета и предшествовавшее массовым выступлениям протеста, «Правда» представляла его попыткой отдельных людей «разжечь» националистические страсти, опорочить процесс перестройки в стране» на «этой эмоциональной волне недовольства конкретными недостатками»³.

«Правда» упрекала жителей НКАО и Армянской ССР, то есть, по сути дела, весь армянский народ в «национальном эгоизме», на что указывала ссылка на «недостатки в интернациональном воспитании». И пыталась объяснить невиданные по своим масштабам демонстрации граждан подстрекательской деятельностью нескольких диссидентов, на личности которых и переходила далее. В выражениях газета не стеснялась, возвращаясь к словарному запасу времен застоя, а то и культа личности Сталина: «бывшие уголовники, нечистоплотные личности, занимающиеся распространением преднамеренной лжи», и в том же духе.

Авторы «Подстрекателей» протянули иллюзорную ниточку от горстки диссидентов к западным спецслужбам и радиоголосам, которые «дают советы по тактике и стратегии». Это было тем более забавно, что официально в самом ЦК КПСС пытались на словах бороться с традицией искать во всем «руку идеологических врагов с Запада». Так, месяцем позже, рассказывая о встрече в ЦК КПСС, та же «Правда» писала:

¹«Правда», 22.03.1988 г.

²«Известия», 22.03.1988 г.

³«Правда», 05.04.1988 г.

«Не пора ли перестать нам оправдывать наши собственные промахи, неудачи происками наших противников. Пока такие попытки нередки, но они только подчеркивают наши недостатки, в том числе и в политике гласности»¹.

Словом, прочитав статью, советский читатель вполне мог сделать логический вывод о том, что плохи дела в СССР, коль ничтожная группка каких-то «врагов народа», руководимых западными разведцентрами и радиоголосами, может вывести на улицы сотни тысяч советских людей. Еще страшнее было представить себе, что западные центры воздействовали неизвестными методами на депутатов Облсовета НКАО, принявших решение от 20 февраля, и на членов пленума Обкома партии, поддержавших это решение менее месяца спустя.

После принятия 24 марта 1988 г. Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по ускорению социально-экономического развития НКАО в 1988–1995 гг.» в материалах центральных советских СМИ стала отчетливее видна линия на то, чтобы представить причинной проблемы социально-экономические недостатки в развитии области.

«Первопричина и прозаичнее, и вместе с тем сложнее. Она в пренебрежительном отношении к законным интересам людей. Чь-то упущения, пусть даже не умышленные, а просто по некомпетентности, лености, халатности, недалекости, приобретая национальную окраску... оборачиваются искривлением национальной политики, становятся детонатором неприязни»².

В статье «Мне больно, земляки» в «Правде» от 29 мая 1988 г. устами учителя из НКАО с армянской фамилией Мнацаканян прозрачно намекалось, что корень проблемы нужно искать в упущениях областных властей. «Ряд партийных, советских работников... не сумеет решить массу реальных социальных, культурных и экономических вопросов... повели наиболее эмоциональных людей по тупиковому пути»; «взаимные претензии и акции... поощряются теми руководителями, которые не способны опять-таки решить социально-экономические проблемы», — вещал партийный официоз устами учителя из Шуши.

Само построение статьи в форме беседы корреспондента с учителем-армянином из населенной в подавляющем большинстве азербайджанцами Шуши призвано было придать убедительности идеологическому содержанию материала. Его суть заключалась в том, что во всем виноваты «дельцы теневой экономики». Учитель из Шуши по ходу беседы много раз употреблял прилагательное «тупиковый» в отношении требования карабахцев о воссоединении с Арменией, обрушивался на «впавших в амбицию патриотов». Озвучил учитель и уже упоминавшийся тезис азербайджанской пропаганды: «Родина — это не пирог, который можно кромать, как тебе вздумается».

Естественно, имелось в виду, что учитель говорит не только от себя. На вопрос: «Может быть, большая часть ваших земляков думает иначе?» отвечал: «Не думаю». Не случайно о себе герой статьи в «Правде» говорил словно о пророке: «Кто-то же должен бросить на ниву сложившейся ситуации зерно истины»³.

Параллельно из той же Шуши следовал и очередной сигнал «послушания» властей АЗССР, на этот раз в виде ритуального идолопоклонства. Так 12 мая ТАСС сообщал:

¹ «Через демократизацию — к новому облику социализма», «Правда», 08.05.1988 г.

² «Известия», 13.05.1988 г.

³ «Правда», 29.05.1988 г.

«В высокогорной Шуше, где была создана первая большевистская организация в Нагорном Карабахе, открылся памятник основателю Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленину... В честь этого события состоялся митинг»¹.

А несколько позже «Правда» вновь вытащила из тени учителя-армянина, — в статье «Нас много — держава одна» он усматривает за действиями карабахцев вполне определенные областные «структуры»:

«Многим, многим из власть предержащих крайне выгодно, чтобы события продолжались бесконечно. Ибо до тех пор не станут явными их темные дела и делишки, имеющие общее не с борьбой за национальное самосознание, а с Уголовным кодексом»².

Несложный пропагандистский трюк, когда устами реального или выдуманного персонажа нужной национальности или происхождения редакция вещает как бы от имени большинства его соотечественников, часто применялся партийным официозом. В случае с «учителем из Шуши» Мнацаканяном цинизм «Правды» заключался в том, что уже к моменту публикации газетой первой беседы с ним практически все армяне были депортированы из Шуши, а в их дома власти АЗССР заселяли переселенцев-азербайджанцев...

Таким образом, в советских СМИ стала превалировать новая версия карабахских событий: в крае имеют место социально-экономические проблемы, но темные силы, виновные в их создании, не хотят терять своих «нормушек» и пытаются перевести дело в русло межэтнического противостояния.

Советским людям, правда, не объяснили, почему «дельцы» и противники нового остались в Степанакерте, и куда исчезли их могущественные покровители из Баку, Москвы? И какое отношение имели «дельцы теневой экономики» к депутатам областного Совета, которые продолжали выдвигать «отвлекающие народ от перестройки» требования?

Последующие публикации в центральных изданиях продолжили прежнюю линию. Более того, в них чаще стали мелькать оскорбительные для армянского населения Карабаха нотки, произвольное толкование фактов, их искажения. Возмущение жителей НКАО вызвали статьи из Степанакерта корреспондента «Правды» Н. Демидова «Сегодня в Нагорном Карабахе»³ и «И снова Нагорный Карабах»⁴. В них «правдист» писал: «происходящие митинги и демонстрации тщательно организованы и направляются весьма умело... те, кто поставил под удар давнюю дружбу между двумя народами, рано или поздно должны держать ответ...». И тут же Н. Демидов противоречил сам себе: «организаторы выступлений, играя на национальных чувствах армян и их желании жить с соотечественниками...», фактически признавая, что вопрос-то поднимает народ, а не горстка «коррумпированных элементов».

Характерным в ситуации на информационном поле «событий в Нагорном Карабахе и вокруг него» было сознательное искажение фактов и нагнетание напряженности изданиями, подведомственными или отражающими точку зрения политуправлений МВД СССР и Советской Армии. Это, казалось бы, странное явление, конкретные примеры которого мы будем приводить далее неоднократно, отнюдь не кажется удивительным, учитывая выше-названные идеологические установки «сверху».

¹ ТАСС-«Известия», 12.05.1988 г.

² «Правда», 23.07.1988 г.

³ «Правда», 10.06.1988 г.

⁴ «Правда», 23.06.1988 г.

Буквально вскоре после введения в сентябре 1988 г. в НКАО и соседнем Агдамском районе АзССР особого положения (прообраз чрезвычайного положения, но более мягкий) в № 41 приложения к газете «Труд» еженедельника «Ветеран» была опубликована статья «Особое положение». Этот материал вызвал крайнее возмущение карабахцев своей лживостью и тенденциозностью. Некоторые его пассажи прямо оскорбляли жителей как Нагорного Карабаха, так и Еревана.

Корреспондент «Ветерана» С. Овсиенко интервьюировал двух подполковников МВД, будто бы вернувшихся из этих мест. При этом «только что вернувшийся из Степанакерта» офицер, судя по фамилии и отчеству, явно армянского происхождения. Национальность рассказчика, как и во многих других публикациях, была подобрана не случайно, а с целью убедить всесоюзного читателя в правдивости преподносимой ему информации. Дескать, «сам про своих правду говорит!». Подполковник В. Узлян поведал советскому народу, что «работники прокуратуры возбудили уголовные дела против взяточников, коррумпированных должностных лиц, зачинщиков беспорядков», которые-де, «боясь разоблачений», спровоцировали беспорядки; привел эпизоды «мужественного поведения» солдат и офицеров внутренних войск, противостоящих в Степанакерте провокациям «бесчинствующих толп хулиганов» и проч. А подполковник В. Ракитин сообщил, что в Ереване «воинам... предлагали крупные суммы денег, спиртное, наркотики, женщин за минутную потерю бдительности при несении службы. Но никто не поддался на провокацию, и в этом я вижу большую заслугу политорганов, партийных и комсомольских организаций, воспитавших у воинов высокое понятие о чести и долге солдата»¹.

28 октября в областной газете «Советский Карабах» (в русской версии газеты) было опубликовано письмо группы местных ветеранов войны и труда, которые охарактеризовали статью в «Ветеране» как «самую тенденциозную из всех, что мы до сих пор читали о событиях в Нагорном Карабахе и вокруг него».

А в помещенном ниже письме редакционному материалу «Глазами бравого офицера, или хождение по слухам» со ссылкой на следственную группу Прокуратуры СССР опровергались приведенные В. Узляном «факты» нападения на его подчиненных. Во-вторых, сообщалось что названные им «герои» вовсе и не числились в списках побывавших в автономной области частей и подразделений МВД СССР. В материале также выражалось вполне здравое мнение о том, что статья в «Ветеране» — «провокация, рассчитанная, что называется, на длительную перспективу», и что прародители ее остались за кадром.

Явные искажения действительности, столь очевидные именно в том месте, откуда готовился репортаж, оскорбительные нотки стали неотъемлемой частью Центрального телевидения, особенно 1-го всесоюзного канала.

Так, 4 июля по первому каналу, а 11-го — по второй программе ЦТ была показана передача политического обозревателя В. Бекетова «Разговор по существу. Четыре дня в Нагорном Карабахе». Многие фрагменты передачи были настолько тенденциозны, что не могли не вызвать раздражения жителей области. В частности, обходя молчанием тему насильственного изгнания в мае 1988 г. практически всего армянского населения Шуши (после майских погромов в городе оставалось не более 30 армянских семей),

автор объяснял происшедшее словами местных азербайджанцев, которые, вырывая микрофон друг у друга, сообщали, что армяне сами оставили город, мотивируя это тем, что «у кого-то скончалась тетька, у кого-то дядя» и т.д. При этом сам Бекетов, который остался без комментариев байки шушинских азербайджанцев, все дни пребывания в НКАО жил в степанакертской гостинице «Карабах», где по соседству с ним были размещены те же самые недавно изгнанные из Шуши армяне.

В передаче также, пожалуй, впервые на весь СССР была растиражирована официально до того еще не озвученная позиция Баку о необходимости окончательной ликвидации автономии НКАО. Об этом наперебой говорили в камеру те же азербайджанцы из Шуши, выдавая за действительность давно желаемое в АзССР: будто бы число армянского и азербайджанского населения в НКАО уже сравнялось по численности, и поэтому (!) автономии следует упразднить.

Как отмечалось в одном из писем, опубликованных в подборке откликов на телепередачу в «Советском Карабахе», «в последнем эпизоде нашла свое выражение та жестокая политика, которая проводилась десятилетиями и преследовала цель: Нагорный Карабах — без его аборигенов-армян»¹.

Видный советский пропагандист Бекетов негодовал, что периодические забастовки предприятий в НКАО и Армянской ССР лишают премий их смежников; эта тема активно эксплуатировалась в советских СМИ практически с начала карабахских событий. В программе Бекетова речь, в частности, шла о крупнейшем предприятии области — Карабахском шелковом комбинате, чья фактически готовая продукция шла в азербайджанский город Шеки, где ее красили, и лишь после этого она считалась готовой. Бекетов возмущался тем, что в результате политических стачек в Степанакерте работники Шекинского комбината лишаются премий. При этом обозреватель умолчал, что за десятилетия, в течение которых Каршелкокомбинат был лишен красильного цеха и не имел права маркировать свою продукцию готовой, его рабочие вообще не знали, что такое премия и 13-я зарплата.

В. Бекетов не постеснялся исказить смысл сказанного ему специально для передачи первым секретарем Обкома партии Г. Погосьяном. Последний позже высказал свое мнение о передаче «Четыре дня в Нагорном Карабахе».

«Вы, очевидно, видели передачу и, наверное, обратили внимание на то, что там были две вставки с моим участием. Должен сказать, что услышанное Вами с экрана (речь идет об интервью со мной) было произвольно выхвачено из контекста всего выступления, которое продолжалось примерно 23 минуты (на экране же я говорил в течение трех минут). К сожалению, нарезаны и смонтированы были именно те места, которые можно трактовать произвольно, в любой форме. Собственно, так и получилось»².

В другом телерепортаже из Шуши, прозвучавшем в программе «Время», корреспондент Б. Барышников, беседуя с азербайджанскими аксакалами об участии шушинцев в Великой Отечественной войне, «забыл» упомянуть о единственном во всем Закавказье человеке, ставшем в ходе войны дважды Героем Советского Союза — летчике-штурмовике, уроженце Шуши Нельсоне Степаняне.

¹ «Советский Карабах», 14.07.1988 г.

² И. Вердиян, «Мосты дружбы», «Советская культура», 09.08.1988 г.

¹ «Ветеран», № 41, 10–16.10.1988 г.

«И это как раз в дни, когда вся Армения отмечала 75-летний юбилей героя балтийского неба, – отмечал ереванский корреспондент «Советской культуры» в том же материале, посвященном «странностям» в освещении карабахских событий центральными СМИ. – Скажете, мелочь? Не знаю, но одно точно: она, если это и впрямь мелочь, создала условия для полета обиженной фантазии, невзначай ущемила национальное самолюбие».

Словом, статьи и репортажи центральных СМИ будто бы нарочито были направлены на возбуждение недовольства жителей НКАО, которые с начала событий все чаще прибегали к таким новым для СССР способам выражения своей позиции, как массовые забастовки промышленных и транспортных предприятий, организаций и учреждений.

И часто причинами выступлений протеста становились именно подстрекательские выступления центральных средств массовой информации, и, прежде всего, главной советской газеты «Правда» и Центрального телевидения, публикации и репортажи которых подогревали страсти искаженной информацией.

Вполне понятно, что информационно-пропагандистские байки об армянских «национал-экстремистах» и азербайджанских «советских интернационалистах» были следствием объективного совпадения интересов Баку и Кремля в игре в «послушных и непослушных парней», о чем уже было сказано выше.

КРУПИЦЫ ПРАВДЫ: ТОЛЬКО НЕ В «ПРАВДЕ»

В упомянутой статье «Мне больно, земляки» в «Правде» от 29 мая 1988 г. утверждалось, что в НКАО «Местные органы печати и телевидение доводят до читателя и слушателя безмятежную информацию». Это было откровенной ложью, ибо как раз именно в областных СМИ и возможно было ознакомиться с мнениями, отличными от официозных публикаций.

Совершенно несопоставимы были весовые категории СМИ СССР, выполнявших заказ Кремля по освещению карабахских событий, и СМИ Армянской ССР и НКАО. Тем не менее последние грамотно, терпеливо и весьма достойно выполняли свою роль по информированию читателей относительно происходящих событий и сути процессов, вызвавших к жизни карабахское движение. Очень часто при этом переигрывая центральные СМИ.

Излишне говорить, что средства массовой информации Армянской ССР зачастую против воли своего руководства также становились в оппозицию не только азербайджанским и центральным советским СМИ, но и практически всем советским изданиям. Ведь независимой прессы в Союзе на тот момент практически не существовало, за исключением буквально 2–3 малотиражных газет, влачивших свое неформальное существование. Все остальные послушно питались спускаемой «сверху» информацией.

На первых порах, особенно в Ереване, журналистам часто приходилось делать это вопреки воле республиканского руководства. Последнее изначально расценило массовый взрыв митинговой активности населения в связи с решением сессии Облсовета НКАО от

20 февраля 1988 г. как ненужную головную боль. Прекрасно понимая, к каким печальным для партийных руководителей Армянской ССР последствиям может привести складывавшаяся ситуация, эти руководители на первых порах пытались держать республиканские СМИ под контролем.

Но очень скоро этот контроль стал совершенно невозможен: ни главные редакторы, ни журналисты просто не могли остаться в стороне от массового народного движения, охватившего буквально всю республику. Ведь в Баку или Москве газетчики и телевизионщики выполняли социальный заказ своих руководителей, постоянно живя и работая далеко от места событий, в лучшем случае периодически находились в эпицентре событий, и любая лживая публикация, слова демагогии приводили к всеобщему возмущению не где-нибудь за тысячами или сотнями километров, а у себя же дома, в подъезде, во дворе.

Особенно радикально изменилась ситуация в СМИ НКАО. Учитывая, что центральные СМИ, включая телевидение и радио, сознательно создавали завесу лжи вокруг событий, доверие карабахцев к ним резко пошатнулось. Наоборот, доверие к местным СМИ, их востребованность резко повысились. Причем не только в самой автономной области, но и в Армянской ССР, в регионе в целом и далеко за его пределами.

Некогда провинциальное издание газета «Советакан Карабах» – «Советский Карабах», чье ежедневное содержание в 1987 г. мало отличалось от номеров 1970 гг., стало рупором реальной гласности в вопросе освещения карабахских событий. Провинциальная газета стала выходить на совершенно новый уровень, и это потребовало качественно иной работы.

Областная газета НКАО была основана в 1923 г. и выходила на армянском языке. С 1980 г. начато дублирование на русский язык. В 1988 г. армянский выпуск газеты изменил название, в котором слово «советакан» – прямое заимствованное от русского эпитета «советский» – было заменено на «хорурдаин» – от армянского «хорурд» – совет. Здесь был и определенный идеологический подтекст, а не простая языковая замена архаизма на языковой неологизм. Русское издание, естественно, сохранило прежнее название «Советский Карабах». Именно на русское издание выпала миссия донесения правдивой информации о карабахских событиях за пределы Армении, до общесоюзного читателя.

«Со второго полугодия минувшего года резко возрос и тираж нашей газеты «Хорурдаин Карабах», – говорилось в передовице областной газеты, опубликованной в советский день печати, 5 мая 1989 г. – Если год назад она выходила тиражом 14,7 тысяч экземпляров, то сегодня в нашей области и 350 городах Советского Союза ее ежедневно получают 67 тысяч читателей».

Это в первую очередь объясняется интересом, проявляемым советскими людьми к нашему движению: все хотят получить информацию, как говорится, из первых рук. Неизмеримо увеличилась и почта редакции. Ежедневно на стол редактора ложатся десятки писем со всех концов страны, в которых читатели интересуются нашим движением, выражают полную поддержку, предлагают сотрудничество, иногда и спорят. Но, естественно, в том, что тираж нашей газеты за год возрос более чем в четыре раза, немалую роль сыграло и то, что газета избавилась от многих пороков застойного периода, отказалась от парадности, политической трескотни. В отличие от республиканских газет Азербайджана, постоянно искажающих правду и обливающих карабахцев грязью,

наша газета стала настоящим правдивым летописцем карабахского движения и активно, в сдержанных тонах, без каких-либо нападок и оскорблений другой стороны рассказывает читателям о событиях, которые происходят в области»¹.

В областной газете нередко публиковались спорные мнения о желании карабахцев юридически вернуть свою землю в лоно Армении. Иногда публиковались и критические письма из Баку. Чаще всего эти материалы сопровождалась выдержанными по тональности и содержащими факты комментариями. Ничего подобного в освещении карабахских событий центральными советскими СМИ не было и близко!

По мере развития событий рос и тираж газеты. В 1990 г. он достиг 88 тысяч экземпляров, из коих на долю русского издания приходилось где-то 12 тысяч экземпляров.

Большая часть армянского тиража, предназначенного для подписчиков в Армянской и Грузинской ССР, еще в 1989 г. стала печататься в Ереване, по договоренности с одним из местных издательств. Шесть дней в неделю материалы текущего номера передавались в Ереван. Редакционный курьер подвозил конверт с готовыми пленками для печати в степанакертский аэропорт и передавал пилотам пассажирских «ЯК-40», ставших с 1988 г. сначала основным, а очень скоро и единственным средством связи карабахцев с «большой землей». Сорок пять минут полета – и во втором ереванском аэропорту «Зребуни», предназначенном для местных рейсов, самолет встречала машина издательства, которая оперативно доставляла пленки в типографию.

Тираж русскоязычного «Советского Карабаха» печатался исключительно в Степанакерте. Одна часть его распространялась в области и шла в Ереван, а другая предназначалась для России и других республик СССР. География подписчиков была весьма обширна: от Мурманска до закавказских Маров и от балтийского Калининграда до Владивостока.

Появилась и обратная связь. Многие советские граждане, несогласные с позицией ЦК КПСС и центральных СМИ, будучи возмущены тем, что их обращения и письма не публиковались в советской прессе, направляли свои письма возмущения или поддержки в армянскую прессу, в том числе и в областную газету НКАО. Последняя стала периодически публиковать письма читателей из других регионов СССР, комментировать некоторые обращения или отвечать на них, публиковать ответные письма и обращения граждан и трудовых коллективов. То есть на деле проводить пресловутую гласность, которая была объявлена Кремлем, но затем, по крайней мере в случае с Карабахом, де-факто отменена.

Многочисленные письма из-за пределов советского Закавказья, которые были опубликованы в «Советском Карабахе» и появление которых в центральных СМИ СССР представить тогда было просто нереально, говорили сами за себя.

«Обращаюсь к Вам с большой просьбой. Центральное телевидение и пресса дают много информации о событиях в Нагорном Карабахе. Анализируя данные материалы, нередко сталкиваешься с противоречиями, – писал Э. Скуман из г. Кызыл Тувинской АССР. – Хотелось бы иметь более реальное представление не только о забастовках, но и обо всех событиях в жизни населения Нагорного Карабаха. Поэтому прошу вас помочь мне подписаться на газету «Советский Карабах». От редакции тут же сообщалось об удовлетворении просьбы читателя².

¹«Советский Карабах», 05.05.1989 г.

²«Советский Карабах», 26.10.1988 г.

«Не могу остаться равнодушным к судьбе Нагорного Карабаха, – обращался в редакцию ленинградец Б. А. Невский. – После известного заседания Президиума Верховного Совета СССР решение проблемы зашло в тупик. Если верить Центральному телевидению и прессе, то сейчас в автономной области все обстоит благополучно. Но в таком случае для чего нужен комендантский час. Я решил подписаться на газету «Советский Карабах» и несканзанно обрадовался, когда получил первый номер газеты... Скажу, что с удовольствием читаю все материалы газеты. Они помогают мне избавиться от последствий однобокой и поверхностной информации центральной прессы и составить целостное представление о карабахском движении. Удачи вам в вашей справедливой борьбе»¹.

Валерий Митин из Новосибирска, представившийся как «чернобылец», русский, 1949 г. рождения, член КПСС, сотрудник ПМК «Запсибзолотострой», писал:

«Жизнь показала, что постановление Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 г. по вопросу о Нагорном Карабахе страдает известной половинчатостью... Азербайджан должен понять главное: нельзя в своем составе удерживать силой другой народ. Ведь вопрос относится к воссоединению двух частей одного народа. Если действительно ценится дружба между народами, карабахская проблема должна быть решена. Это будет благородно и в духе перестройки. Жаль, конечно, что в оборот пущены «экстремисты», так же, как в годы культа личности и «враги народа».

В том же выпуске рубрики «Уважаемая редакция» Г. Власов из Минска делился своим мнением с читателями «Советского Карабаха»:

«Многие критически относятся к официальным сообщениям о событиях, развернувшихся в Нагорном Карабахе и вокруг него. Лично у меня не вызывают доверия корреспонденции Г. Овчаренко (корр. «Правды», автор «Эмоций и разума» и других предвзятых публикаций о карабахской проблеме – прим. автора), о чем я ему однажды и писал...»

Нина Качоровская, инженер-конструктор из Волгограда, побывавшая в НКАО в начале 1980 г., в своем письме в редакцию рассказывала:

«Хорошо помню ту поездку, хотя прошло уже 6 лет. Помню, как в Шуше нас почти час водили вокруг памятника Вагифу (туркский поэт второй половины XVIII века, некоторое время жил в Шуше, при дворе местного хана; был казнен и похоронен вдалеке от Шуши. В начале 1980-х гг. по указанию Г. Алиева в честь Вагифа возвели безвкусную железобетонную коробку-«мавзолей», помпезно открытый лично Алиевым – прим. авт.), а когда мы попросили показать армянскую церковь, экскурсовод-азербайджанец заявил, что это не входит в план экскурсии, и отказался показывать дорогу. Пришлось спрашивать у прохожих. Пришли, а церковь стоит почти разрушенная. И еще очень хорошо помню, как мы осматривали монастырь Гандзасар. Я удивлялась, что такой исторический памятник совсем не охраняется. Подходим к монастырю, а оттуда выходит... стадо баранов. А рядом сидит пастух-азербайджанец... В целом путешествие по Карабаху очень понравилось, но вот эти горькие эпизоды и грустные рассказы местных армян оставили в душе какую-то боль. Когда в этом году впервые услышала слова «события в Нагорном Карабахе», то сразу поняла в чем дело, хотя по радио еще ничего не объясняли»².

¹«Советский Карабах», 26.11.1988 г.

²«Советский Карабах», 12.10.1988 г.

В расположенной на большом высокогорном плато Шуше в 1970-е гг. были построены лечебницы-санатории для больных астмой и органов дыхания. По медицинским направлениям и профсоюзным путевкам в них побывало немало советских граждан, многие из которых могли своими глазами наблюдать реальную картину апартеида и дискриминации в НКАО еще задолго до 1988 г.

Конечно, все это были лишь крупницы реального проявления свободных мнений в огромном потоке мутной лжи, изрыгаемой могущественной советской пропагандистской машиной. Не случайно 4 ноября 1988 г. сессия Нагорно-Карабахского областного Совета народных депутатов приняла отдельное решение «Об отношении средств массовой информации к освещению проблемы Нагорного Карабаха». В этом решении, в частности, говорилось:

«Сессия... отмечает недовольство населения области тенденциозностью освещения карабахских событий средствами массовой информации. Пресса и телевидение... сами усугубили кризис замалчиванием, недомолвками, односторонностью, тенденциозностью, а порой и прямой неправдой... Трибуна предоставлялась специально подобранным людям. Вокруг карабахского вопроса фактически была создана атмосфера антигласности. Это препятствовало работе партийных и советских органов автономной области по разрешению возникающих конфликтных ситуаций, восстановлению трудового ритма. Только благодаря гражданской выдержке и политической сознательности трудящихся области не достигали цели отдельные, прямо подстрекательские выступления печати и телевидения. Возмущение всех честных людей вызывает попытка средств массовой информации скрыть подлинную картину преступлений в Сумгаите.... Погромщиков, насильников и убийц надо назвать их действительным именем, а не «хулиганствующими элементами»... Не замалчивание преступлений, а только решительное отмежевание от них – прежде всего в самом Азербайджане – может проложить путь межнациональному примирению.

Сессия отмечает, что СМИ не предоставили возможности населению области гласно высказаться о положении в области и ее проблемах, отстаивать свои интересы.

Нагорно-Карабахский областной Совет народных депутатов, в частности, решил:

1. Осудить тенденциозные и подстрекательские выступления, имевшие место в центральной и азербайджанской республиканской печати и на телевидении, как политически вредные, оскорбляющие национальное достоинство армянского народа, наносящие вред делу перестройки и не отвечающие нормам советской журналистики.

2. Возбудить перед ЦК КПСС и Верховным Советом СССР вопрос о предоставлении возможности партийным и советским руководителям, общественности области выступать перед всесоюзной аудиторией в печати, по телевидению и радио с освещением происходящих событий, изложением и разъяснением своей позиции.

3. Ходатайствовать перед Верховным Советом СССР при подготовке Закона о печати учесть карабахский прецедент, чтобы впредь не допустить нарушений принципа гласности и социалистической демократии»¹.

Излишне говорить, что советская общественность так и не получила возможности ознакомиться с мнением представительного органа власти НКАО. Равно как и с позицией представителей общественности Нагорного Карабаха относительно целей и задач карабахского движения, их точкой зрения на происходящее в регионе.

¹«Советский Карабах», 05.11.1988 г.

Зато нравоучений в адрес карабахцев за подписью мнимых представителей этой общности советские СМИ публиковали более чем достаточно. Доходило до оскорбительного абсурда. Так в № 10 за 1989 г. журнала «Трезвость и культура», органа Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость, было опубликовано обращение «Перестройка и трезвость неотделимы», подписанное семью членами редакционного совета. В нем, в частности, говорилось: «...Алкоголь, другие наркотики оказывают свои услуги антисоциалистической анархии и при многих острых социальных конфликтах (достаточно вспомнить Сумгаит или Степанакерт)».

Публикация вызвала понятное негодование карабахцев, которые в частном порядке и целыми организациями направили множество телеграмм и писем протеста в адрес Центрального совета общества борьбы за трезвость. Обращения возымели действие: за подписью заместителя председателя Центрального совета ВДОБТ Н.Черных в областное общество борьбы за трезвость поступила телеграмма с извинениями. В ней сообщалось, что искомое обращение было опубликовано «вопреки мнению редколлегии» журнала, и что «будут приняты меры, исключаящие впредь подобные факты»¹.

Однако такие случаи дезавуирования оскорбительных оценок и заявлений, равно как и опровержений непроверенной или заведомо лживой информации, были единичными.

Реальная гласность не отвечала интересам Кремля в карабахском вопросе. Карусель лжи продолжала кружиться в прежнем темпе.

ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ПЛЯСКИ НА КОСТЯХ

7 декабря 1988 г. на северо-западе Армянской ССР произошло страшное землетрясение, эпицентр которого находился близ города Спитак («спитак» по-русски означает «белый», т.е. название города можно перевести как Белый город, Белгород). Погибли не менее 25 тыс. человек, значительная часть территории республики превратилась в руины, сотни тысяч людей остались без крова.

Стихийным бедствием было охвачено более 40 % территории республики с населением почти в один миллион человек. Пострадал 21 город и район, 342 села, из которых 58 полностью разрушены, было потеряно более 8 млн м² жилья – 17 % жилого фонда республики. Было серьезно нарушено водоснабжение, тепло- и энергоснабжение, разрушены инженерные сооружения и коммуникации, шоссе и железные дороги.

В зоне землетрясения был разрушен промышленный потенциал, вся инфраструктура пострадавших территорий. Перестали полностью или частично функционировать 130 предприятий, в том числе и некоторые уникальные, даже в масштабе всего СССР. В целом были утрачены мощности по выпуску промышленной продукции на 1,9 млрд рублей в год, 82 тыс. рабочих мест. Сильно пострадал и сельскохозяйственный сектор. Ориентировочно, общий ущерб оценивался более чем в 10 млрд рублей². Напомним, что речь шла о рублях, каждый из которых тогда реально стоил более полутора долларов...

¹«Советский Карабах», 28.01.1990 г.

²«Экономика Армении: как выйти из кризиса?», АПН – «Советский Карабах», 13.09.1989 г.

Как это кому-то сегодня ни покажется странным, землетрясение стало настоящей находкой для советской пропаганды. Кто-то очень умный в недрах ЦК КПСС пришел к выводу, что это как нельзя удобный момент «перевести стрелки» с проблемы Нагорного Карабаха на единение советских людей перед лицом постигшей Армению трагедии.

Буквально за две недели до землетрясения бурные многотысячные митинги с антиармянскими лозунгами и призывами в Баку переросли в массовые беспорядки, а по городам и весям Азербайджанской ССР прокатилась волна погромов. Особенно ожесточенными они были в Кировабаде, где еще сохранялось бывшее разделение на армянскую и «мусульманскую» части города, и где жертвы были со всех сторон, включая военнослужащих. В массовом порядке стали выгонять армянское население из сел северной части Нагорного Карабаха, Шемахинского региона. На административную границу между двумя республиками стали прибывать тысячи депортированных армянских жителей.

Наконец, произошло то, чего, похоже, так долго ждали в Кремле: взорвалась Армения, где до тех пор не было отмечено каких-либо межнациональных столкновений. Посланные в республику еще в феврале-марте 1988 г. внутренние войска и милиция были сосредоточены преимущественно в Ереване и крупных городах. На начало кризиса в Ереване, например, проживало не более 6–7 тыс. азербайджанцев, и никаких направленных против них действий за все это время в Ереване не было. К концу 1988 г. они смогли спокойно выехать, в основном в Баку, на выгодных условиях обменявшись квартирами с армянами-бакинцами (последних было около 230 тыс., так что у ереванских азербайджанцев была даже неплохая возможность выбора).

Между тем, подавляющее большинство из 170 тыс. азербайджанских жителей АрмССР были сельчанами; в ряде районов они даже составляли большинство сельского, а в некоторых – большинство всего населения. Именно в сельских районах, где сил внутренних войск МВД практически не было, в конце ноября – начале декабря 1988 г. начались насильственные выселения азербайджанцев, которые местами вылились в столкновения с применением охотничьего оружия (к этой теме мы еще вернемся, рассматривая вопросы фальсификации этих событий бакинской пропагандой).

И вот в самый разгар этих драматических событий, когда встречные потоки беженцев еще не иссякли, случилось спитанское землетрясение.

Генсек Михаил Горбачев срочно прервал свой визит в США и возвратился в Москву, откуда прибыл в Ереван, чтобы посетить пострадавшие от стихийного бедствия районы.

Следует отметить, что еще до декабрьской трагедии власти ужесточили репрессии против активистов карабахского движения. Этому во многом способствовало введение в конце сентября «особого положения» и комендантского часа в НКАО после организованной провокации у села Ходжалу.

18 сентября 1988 г. местные жители-азербайджанцы, перегорев шоссейную трассу Агдам–Аскеран–Степанакерт, стали нападать на проезжавших по трассе мимо села армянских водителей и пассажиров, нанося им побои и разбивая автотранспорт. Это произошло как раз во время многотысячного митинга в Степанакерте, и, узнав о происходящем, несколько сот человек двинулись из Степанакерта в сторону Ходжалу, чтобы «разобраться», но были встречены ружейными выстрелами. Несколько армян получили огнестрельные ранения разной степени тяжести, один из них скончался в больнице.

Сразу после этого начались беспорядки в Шуше и Степанакерте. В результате насильственных акций последние армяне покинули Шушу, а из Степанакерта были изгнаны все жители-азербайджанцы. Следствием этих событий и стало введение так называемого особого положения, предусматривавшего среди прочего и комендантский час. Последний устанавливался военным комендантом района особого положения – высокопоставленным офицером внутренних войск МВД СССР.

Под прикрытием комендантского часа в середине ноября в Степанакерте спецназ внутренних войск попытался ворваться в квартиру и арестовать признанного лидера карабахского движения, директора Степанакертского комбината стройматериалов Аркадия Манучарова, не имея на то никаких санкций прокуратуры. Сбежали соседи по дому, завязалась потасовка, к дому стали подтягиваться все новые группы горожан, и спецназовцы ретировались. Однако уже было ясно, что власти готовят аресты под предлогом их замешанности в коррупции и экономических махинациях.

28 ноября в Ереване, в кабинете высокопоставленного члена правительства АрмССР Аркадий Манучаров был все же арестован. Арест его произвел лично заместитель министра внутренних дел Армянской ССР В. Ерин (будущий министр внутренних дел РФ при президенте Борисе Ельцине).

Меньше чем через сутки арестованного на вертолете доставили в Шушу и поместили в местную тюрьму, бывшую на тот момент также и единственным в автономной области следственным изолятором. Родственники Манучарова не могли узнать о его местонахождении долгие недели. Даже академик Андрей Сахаров, который в конце декабря 1988 г. побывал с миротворческой миссией в Нагорном Карабахе и посетил Шушу, получил официальные заверения, что Манучарова в Шушинском СИЗО нет. Отметим, что лишь в начале 1989 г. местонахождение Аркадия Манучарова стало известно его родным. И лишь после многочисленных протестов общественности 14 февраля 1989 г. его перевели в Москву, в знаменитую Бутырку, где ему предстояло провести еще почти полтора года.

Тем самым власти ясно дали понять, что активисты карабахского движения отныне будут рассматриваться в качестве коррупционеров, как до того именовала их советская пресса. Именно в экономических преступлениях, и, как очень скоро выяснилось, совершенно бесперспективно, пытались обвинить Манучарова...

Прибыв в зону землетрясения, советский лидер был явно шокирован тем, что многие жители разрушенных страшным стихийным бедствием сел и городов задавали ему вопросы, связанные не только с ликвидацией последствий землетрясения, но и о проблеме Нагорного Карабаха. Горбачев был одновременно обескуражен и взбешен: не случайно армянские журналисты отмечали позже его неуместные и злые реплики о «бородачах»-националистах, экстремистах-«чернорубашечниках» и т.п.

В разрушенном городе Спитаке, в самом эпицентре землетрясения, сестра Аркадия Манучарова Аида сумела прорваться к Горбачеву. Прямо у развалин она вручила Генсеку письмо, в котором содержалась просьба родных А. Манучарова не дать работникам Прокуратуры СССР путем фальсификаций учинить незаконную расправу над арестованным лидером карабахцев. Надо полагать, это также взбесило Горбачева: во всяком случае, как уже было отмечено выше, даже местонахождение Аркадия Манучарова еще долгое время оставалось для его родных тайной за семью печатями.

Тем не менее покидая Ереван 11 декабря, Горбачев впервые с февраля 1988 г. фактически признал наличие проблемы Нагорного Карабаха не только в социально-экономической, но и в правовой плоскости.

«Я думаю, проблема Карабаха как таковая есть, – глубокомысленно заметил М. Горбачев в интервью корреспондентам Центрального телевидения в аэропорту «Звартноц» в Ереване 11 декабря 1988 г. – Корни у нее есть, и она обострилась из-за того, что к этому населению на каком-то этапе бывшее азербайджанское руководство относилось неправильно, не в духе ленинских традиций, да и просто иногда не по-человечески. И это людей обидело. Это мы обсуждаем... А проблема Карабаха займет свое место, какое оно должно быть».

«Таким образом, впервые из уст руководителя страны прозвучали слова, в корне противоречащие принятому ранее постулату о том, что нахождение Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР якобы способствует достижению мира между армянами и азербайджанцами», –

отмечал в своей вышеупомянутой работе Александр Григорян¹.

Тем не менее по возвращении Генсена в Москву идеологические установки Кремля на освещение закавказских событий отнюдь не изменились. Ставка по-прежнему делалась на ужесточение борьбы с «экстремистами» и «коррупционерами». Вскоре после землетрясения последовал и арест членов ереванского комитета «Карабах» во главе с будущим президентом Армении Левоном Тер-Петросяном.

Озвучивать это ужесточение в дни спасательных работ было не совсем удобно. Однако землетрясение было удачным моментом для усмирения непокорной республики и психологического давления на ее население. Вся тяжесть информационно-пропагандистского нажима была перенесена с НКАО на Армянскую ССР. Были использованы довольно грязные методы: официальная пропаганда объявляла «национал-экстремистами» всех, кто продолжал поднимать проблему Карабаха и тем самым-де отвлекал народ от преодоления последствий землетрясения.

Обратимся к свидетельствам армянских журналистов. Писатель Зорий Балаян, один из лидеров карабахского движения, корреспондент «Литературной газеты» по Армянской ССР и народный депутат СССР писал в открытом письме (жанр, распространенный тогда повсеместно) на имя М. Горбачева в сентябре 1990 г.:

«Когда через пару дней после вашего интервью у трапа самолета в ереванском аэропорту мне позвонили из «Литературной газеты» и сообщили, что в мой репортаж о первых днях землетрясения «вынужденно» вписывают абзац с критикой армянского национализма, я снял свою фамилию и сказал дежурному редактору: очень скоро весь мир узнает всю правду о том, почему все газеты, давая материалы о трагедии Армении, в то же время, презрев каноны христианской этики, взахлеб оскорбляют народ, который не успел еще похоронить всех погибших. Единственное, что могла сделать моя газета, – это больше не давать материалы о землетрясении...»

Тогда по телефону звонили не только мне, но и многим моим коллегам. Приведу типичный пример, взятый из одной из центральных газет: «Всего несколько дней минуло после страшного землетрясения... В это время мне, тогда сотруднику одной из

¹А. Григорян. Указ. соч. С. 12

московских газет, позвонили из редакции и попросили, нет, потребовали: в следующем репортаже обязательно изобличить армянский национализм. Возражений не слушали – «таково указание Идеологического отдела ЦК КПСС!» И многие газеты в сообщения из зоны бедствия стали включать по несколько нелепых, надуманных строк. Если кто-то из журналистов требующий «компромат» не передавал, то его вписывали в заметки редакторской рукой прямо в Москве. Особо строптивых корреспондентов заменяли!».

Появились и явно сфабрикованные в недрах отдела пропаганды ЦК КПСС и КГБ СССР типовые мифы и байки, передававшиеся как в устной, так и в печатной формах. Например, о повальном мародерстве в зоне бедствия. О расстрелах этих самых мародеров на месте без суда и следствия возмущенным советским офицером. При этом рядом непременно оказывался кто-то «порядочный из местных», бурно одобряя самосуд. Или о том, как мужественный советский десантник выносил армянского малыша из-под развалин, а подлый «чернорубашечник» в этот момент предательски вонзал ему в спину тихонько вытасченный из чехла на поясе воина штык-нож.

Еще один миф, который жив и сегодня: многоэтажки в Ленинакане рассыпались как картонные домики из-за коррумпированности местных строителей, воровавших цемент в ходе их возведения. Почему-то мало кому приходило в голову, что факт строительства панельных 9–12-этажек в активной сейсмической зоне, где на протяжении предшествовавших полутора столетий как минимум дважды имели место землетрясения силой в 8–9 баллов, сам по себе уже был преступлением. Ибо во всем мире в сейсмических зонах многоэтажные здания возводят исключительно из монолитного железобетона, что автор этой книги наблюдал повсеместно в Алжире, где работал как раз в 1988–1989 гг.

Интересно, что Центральное телевидение делало неуклюжие попытки показать советскому народу, что в Азербайджанской ССР повсеместно скорбят о жертвах спитакского землетрясения. Но все знали, что на следующий после трагедии день в Баку состоялось праздничное факельное шествие, устраивались фейерверки, застолья и т.п. По свидетельству бакинского публициста Греты Каграмановой, «на Апшероне горе Армении праздновали как свадьбу – с плясками под бубен»². Кстати, 7 декабря 1989 г., в день годовщины спитакского землетрясения программа Нагорно-Карабахского телевидения была прервана шушинской радиотелевизионной передающей станцией. После чего из Шуши в областной эфир вышел... концерт из записей веселых азербайджанских народных и эстрадных песен. Автор этой книги был свидетелем этого издевательства над чувствами людей.

А сводная колонна техники и специалистов, сформированная в НКАО для оказания помощи пострадавшим уже к утру 8 декабря, смогла прибыть через районы АзССР в зону бедствия лишь в сопровождении военнослужащих, на третий день после трагедии.

10 декабря 1988 г., уже после разгона митингующих на центральной площади Ленина г. Баку и введения в городе комендантского часа, в ходе «круглого стола» по республиканскому телевидению комендант особого района Баку генерал-полковник Тягунов призвал не злорадствовать над чужим горем³.

²Борьба за свободу. Документы и материалы о причинах голодовки народных депутатов СССР. Москва. Феникс. 1990. С. 36–37

³«Кто свет рознь между народами», «Советский Карабах», 29.08.1989 г.

⁴Арутюнян В.Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника. Часть I. Ереван, изд. АН АрмССР. С. 158

Надо отдать должное расторопности ЦК КП Азербайджана, где быстро смекнули, что столь открытое проявление многочисленными гражданами своих чувств повредит имиджу республики. Республиканские СМИ, которые еще вчера вели оголтелую антиармянскую кампанию, быстро свернули ее и замолчали. Правда, ненадолго.

В Ереване пресса также получила распоряжение местного ЦК «попридержать язык». *«После страшного землетрясения, обратившего к Армении все сострадание мира, в Ереване стали дружно снимать из набора все, что содержало в себе намек на конфронтацию с соседями. Какие могут быть споры перед лицом такого бедствия? Она залась, могут»,* – писала публицист Грета Каграманова¹.

Центральная пресса буквально погрязла в созданных ею же мифах. Приведем одну из многих подобных публикаций: она оказалась, пожалуй, наиболее одиозной в архиве автора. «Советская Россия» от 30 декабря 1988 г. под заголовком «Вместе и наравне» опубликовала диалог политобозревателя Центрального телевидения Александра Тихомирова и корреспондента Николая Домбковского. Вот отрывок из этого диалога.

«А. Тихомиров: В свете катастрофы в Армении можно сказать сейчас так: существует приоритет общечеловеческих чувств над чувствами национальными. Солдат азербайджанец, в течение девяти часов с помощью молотка и зубила высвобождавший из-под бетонных панелей армянскую девочку, – самое естественное явление. А вот призывы со стороны экстремистов к армянским семьям, утратившим кров, не селиться в юрты в силу антимусульманских взглядов, это, согласитесь, аномалия, притом чудовищная для нормального человека. Впрочем, там, в зоне землетрясения, были только слова подстрекателей. А фактов – не было. Тысячи армянских семей живут сейчас в жилищах пастухов-кочевников в Ленинкане, у подножия монумента Матери-Родины, пальмовой ветвью осеняющей этот многострадальный город»².

Как видим, в наличии весь спектр пропагандистских мифов, клише, страшилок, равно как и развесистая клюква про юрты у подножия монумента Матери-Родины, «пальмовой ветвью осеняющей многострадальный город». Наконец, в пассаже содержалось неприкрытое указание на то, что-де армянские экстремисты (этническая принадлежность не была прямо названа, но это было ясно) разжигают межнациональную и даже межконфессиональную рознь. Политобозревателю ЦТ вторил корреспондент «Советской России».

«Н. Домбковский: Только давайте задумаемся, кому было выгодно в эти дни вбивать клинья между народами, отвлекать людей от напряженной работы по возрождению разрушенных поселений? Коррумпированные элементы всеми силами противятся перестройке, пытаются столкнуть народы, чтобы на гребне межнациональных междоусобиц сохранить влияние, власть, наворованное, наконец. Знакомый почерк: там, где начинается «цеховщина», нарушения законности, там искусственно вызывается всплеск национализма»³.

Некоторые публикации, почти по Фрейдю, выдавали сокровенные надежды советских идеологов в связи с катастрофическим землетрясением, одновременно выдавая и духовно-интеллектуальный уровень этих идеологов.

¹«Советский Карабах», 29.08.1989 г.

²«Советская Россия», 30.12.1988 г.

³Там же

«По дороге в Армению я полагал, что половодье всенародного горя затопит разгоревшийся пожар национальных страстей, – писал в материале «Размышления во время беды» спецкор «Советской культуры» А. Макаров. – Но оказалось, что есть и люди, которые... ужасающий катаклизм природы расценили как своего рода завершающий акт того духовного землетрясения, которое вот уже девять месяцев подряд колотило республику. О демонстрациях и митингах, которые они пытались устроить в самые страшные дни национальной трагедии, написано уже достаточно. Я их не застал... Вот и тех, кто над свежими могилами погубленных стихией людей, над развалинами опустелых домашних очагов разлагольствовал об исторических амбициях, пришлось осадить. В толк не возьму, чем они вдохновлялись. Как будто бы их неприимное требование переключить карту страны смогло бы воскресить тысячи погибших, вернуть сиротам родителей, а обездоленным родителям – детей»¹.

В этом пассаже весьма характерно то, что, оправдывая арест ереванского комитета «Карабах» в его полном составе («пришлось осадить») сразу после природной катастрофы, автор фактически признает надуманность измышлений о каких-то митингах в дни землетрясения: о них-де «написано уже достаточно. Я их не застал».

Возмущаясь распространившимися после спитакского землетрясения слухами о его рукотворном характере, автор пишет: «Землетрясение – подходящий повод расправиться с неформалами. Едва ли не циничный намек, что власти нарочно его устроили». И здесь же новый миф о националистах-«неформалах»: «К сожалению, камни в солдат, охраняющих порядок, без которого невозможно спасение, бросали именно они».

Таких вот материалов советские СМИ тогда придумали, опубликовали, озвучили и продемонстрировали великое множество.

При этом «могучее» советское государство через какие-то несколько месяцев после землетрясения так и не смогло обеспечить доступ в зону землетрясения грузов вследствие усилившейся блокады железнодорожных магистралей со стороны Народного фронта Азербайджана, который был создан подозрительно быстро и стал параллельной, а фактически – руководящей силой в АзССР.

Наконец наигранно возмущаясь якобы привнесенными «неформалами» сплетнями и мифами о том, что спитакское землетрясение было вызвано искусственно, что это-де не что иное, как направленный мощный подземный взрыв и т.п., советская пресса скрывала, что сам Кремль весьма цинично воспользовался катастрофой в попытке поставить крест на карабахском вопросе. В том числе и путем «наказания» строптивых.

Немаловажная деталь, о которой умолчала советская пресса тогда и о которой почему-то мало кто вспоминал впоследствии, как нельзя лучше характеризует отношение коммунистического Кремля не только к карабахской проблеме, но и к одной из республик Союза, к миллионам своих граждан.

Как известно, на 12 января 1989 г. было запланировано проведение очередной Всесоюзной переписи населения СССР. Для специалистов было совершенно очевидно, что проводить перепись в Армянской ССР всего лишь через месяц после разрушительного спитакского землетрясения было нереально. Ибо наряду с многочисленными жертвами

¹«Советская культура», 29.12.1988 г.

оно вызвало массовые миграции и перемещения населения как внутри, так и за пределы республики, и в существовавших на тот момент условиях установить место проживания или нахождения сотен тысяч людей было просто невозможно. Но на просьбу отложить проведение переписи в республике последовал отказ из Центра.

Как следствие, итоги переписи населения СССР 1989 г. по Армянской ССР гласили, что на январь 1989 г. в республике проживало 3 млн 305 тыс. человек¹. Вскоре после переписи в армянской прессе стали появляться материалы, подтверждавшие заведомую неверность ее официальных данных по Армении. Об этом, например, говорил в интервью, данном в мае 1990 г. республиканской газете «Коммунист», председатель Госкомстата Армянской ССР Л. Давтян².

Ведь если судить по официальным данным переписи 1989 г., прирост населения в Армянской ССР за десятилетие 1979–1989 гг. составил всего 268 тыс. чел. Между тем, исходя из данных предыдущих переписей 1959, 1970 и 1979 гг., естественного прироста и межреспубликанских миграций в предшествовавшее 1989 г. десятилетие, прирост населения в 1979–1989 гг. по самым скромным оценкам должен был составить никак не менее 600 тыс. человек (реально – меньше этой цифры на число жертв землетрясения). Куда же тогда «пропали» аж 300 тысяч человек?

Да никуда не пропали, просто не были учтены вследствие царившего после землетрясения хаоса и неразберихи. А провести повторную перепись по республике отдельно руководство СССР не разрешило.

Как известно, советская экономика была плановой. И недоучет 300 тыс. населения (в случае АрмССР – каждого 12-го жителя) одной из республик в ходе официальной переписи означал, что в республиканском бюджете на этих людей не будут предусмотрены и утверждены Центром пенсии, пособия, выплаты. Не будет предусмотрено строительство школ, больниц, детских садов. Не будут заложены эти цифры и в бюджет следующего года...

Таким образом, горбачевское руководство не только развязало в стране беспрецедентную пропагандистскую кампанию травли одного из «братских и равноправных» народов. Мятенной республике грозили не только «бумажным тигром» из Идеологического отдела ЦК КПСС, но и наказывали вполне конкретным рублем.

Глава 9

УДУШЕНИЕ С УСКОРЕНИЕМ

«В то время, когда Комитет особого управления пытался решать социально-экономические проблемы, Баку всячески вмешивался в наши внутренние дела, применяя при этом такие методы, которые были для нас совершенно неприемлемы»

Борис Арушанян,

председатель Совета гражданской службы НКР

Модное в перестроечное время слово «ускорение» породило один анекдот. Приходит рабочий-развозчик к начальнику цеха и просит немного масла – смазать ось тачки, которая при движении поскрипывает: «вжик... вжик...» Начальник цеха отсылает работягу выше по инстанции, оттуда его пересылают еще выше. Наконец, развозчик в который уже раз излагает свою просьбу на самом верху секретарю парткома. Тот внимательно выслушивает его и объявляет строгий выговор по партийной линии, поясняя обалдевшему рабочему свое решение: «У вас тачка, по вашим же словам, как скрипит? «Вжик... вжик...» А надо «вжик-вжик-вжик» – в стране ускорение!»

Точно так же можно охарактеризовать политику официального Баку в отношении армянского Нагорного Карабаха в советское время до и после 20 февраля 1988 г. До 1988 г. происходило медленное, хотя и верное, удушение края по всем направлениям. Все это при полном попустительстве Центра и вынужденном молчании самих карабахцев. После 20 февраля тайное стало явным, старые методы удушения тихой сапой потеряли былую эффективность; карабахцы перестали молчать, а советская общественность вдруг в одночасье узнала о карабахской проблеме.

Реализация Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988–1995 гг.» от 24 марта 1988 г., – будь она возможна на деле, а не на бумаге, – имела бы немалое значение для укрепления фактического суверенитета НКАО.

Баку оказался в цейтноте. Вот тут-то и потребовалось ускоренное удушение отныне непокорной автономии.

«УСКОРЕНИЕ» ПО РЕЦЕПТУ БАКУ

Маховик дискриминационной политики официального Баку в отношении Нагорного Карабаха стал стремительно раскручиваться, словно стальная пружина будильника, неожиданно освобожденная от оков сдерживающих ее резвый нрав деталей. Ускоренное удушение, расправа над армянским краем стали стержнем политики Баку в отношении Арцаха вплоть до фактического распада СССР.

¹ «Национальный состав населения ССР по данным переписи населения СССР 1989 г.». Госкомстат СССР, Москва, Финансы и статистика, 1991 г.

² «Так сколько же нас?», «Коммунист», 20.05.1990 г.

Не случайно в упомянутом ранее выступлении первого секретаря нагорно-карабахского обкома партии Генриха Погосяна на заседании Президиума Верховного Совета СССР 18 июля 1988 г. впервые на всесоюзном уровне была озвучена одна важная проблема – озабоченность тем, что выделяемые союзным Центром в соответствии с Постановлением от 24 марта 1988 г. средства будут использованы не в целях решения экономических проблем НКАО, будто бы вызвавших кризис, а для реализации совершенно иных задач. Погосян закончил свое выступление на Президиуме ВС СССР следующими словами:

«Производственная мощность наших строительных организаций – 20 млн рублей в год. Нам дали 400 млн рублей. 400 млн надо освоить за семь лет. За семь лет можно из расчета 20 млн освоить 140 млн. Кто же будет их за нас осваивать, если у нас нет производственных мощностей?»

Намек был совершенно очевиден: средства, выделенные Кремлем, пойдут не на ускорение социально-экономического развития НКАО, но будут использованы Баку для ускоренного изменения демографического баланса в автономии посредством «вливания» выделенных сумм в развитие населенных пунктов, в которых промывали азербайджанцы. Тем более что подобного рода рецепты уже практически открыто звучали в АзССР с весны 1988 г.

Все и происходило именно таким образом. В полном соответствии с уже упоминавшимся «принципом послушания» после принятия Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 24 марта 1988 г. Баку внешне выразил полное согласие с этим документом. Однако вслед за этим без особой рекламы было принято постановление ЦК КП Азербайджана и Совмина АзССР «О мерах по ускоренному социально-экономическому развитию районов равнинного Карабаха в 1989–1995 гг.». То есть, формально не противореча указаниям Центра, власти АзССР ненавязчиво объявили о планах одновременного «ускорения» развития соседних с НКАО азербайджанских районов.

И если на официальном уровне – Москвы и Баку – зазвучали здравницы об ускоренном развитии НКАО, на деле ситуация складывалась совершенно иным образом.

Так, в передовой статье «Парадоксы снабжения», опубликованной в областной газете «Советский Карабах» 30 сентября 1988 г., приводились конкретные и многочисленные факты недопоставок в область строительных материалов, техники республиканскими организациями. Вот как шло, например, снабжение Степанакертского треста № 9 Министерством строительства АзССР:

«Поставки строительных материалов за 8 месяцев от соответствующего периода minulого года составили: по кубнику – 54 %, по цементу – 86 %, по лесу – 46 %, по сборному железобетону – 65 %... Из 28 млн рублей капитальных вложений, предусмотренных на развитие материально-технической базы треста № 9, до сих пор нет проектно-сметной документации на 23 млн рублей.

...Столь же безрадостная картина – на объектах объединения «Агропромстрой» Агропрома НКАО. Материально-технические ресурсы на 1988 г. Госагропромом АзССР выделены на уровне 70–80 % от плановой потребности...

Крайне неудовлетворительно осуществляется отгрузка выделенных фондов из республиканских баз снабжения Госагропрома и Госснаба АзССР. За девять месяцев недопоставлено: шифера – 15 тыс. шт., металлопроката – 400 т, камня-кубика – 100 тыс. шт., досок половых – 8 тыс. м², плит гипсовых – 2 тыс. м².

...Из предусмотренных 20 автомашин поступило 10, из 5 строительных кранов не получено ни одного.

...Речь идет не о случайных единичных недопоставках, а о систематическом срыве соответствующими республиканскими органами программы социально-экономического развития НКАО. Мы не ошибемся, если скажем, что сейчас снабжение области стройматериалами обстоит гораздо хуже, чем в предыдущие годы. Таков, увы, итог признания на высоком уровне многочисленных проблем Нагорного Карабаха...»¹

«Людей трудно убедить, что позитивные сдвиги есть. Они судят по увиденному. Трещины пощипать в окно – во дворе стоят несколько новых машин.

– Получили их неделю назад. Одиннадцать машин разных марок. У одной неисправен двигатель, у другой нет аккумулятора, у третьей разбиты стекла. На днях управление получило вагон с камнем-кубиком – нет ни одного целого. Говорим – обстановку нормализуется, хотим верить в это и убедить в том же других, а Шушинская автоколонна, являющаяся одним из подразделений СУМТа (областное Специализированное управление механизации и транспорта – прим. автора) без ведома управления получает из Баку новые машины, грузы, к тому же больше, чем мы. Нам выделили экскаватор, который находится в Сумгаите. По установленному порядку его следует отправить к нам поездом, однако начальник экспедиционного треста республики Г. Садыхов требует, чтобы эту тихоходную машину мы перегнали своим ходом. Нормально ли это?»²

Не была обделена по части здравниц и гуманитарная сфера. Так, «Учительская газета» в номере 111 за 1988 г. под заголовком «Для Нагорного Карабаха» сообщала, что в школах НКАО «размещается компьютерная и лингафонная аппаратура», что «нынешним летом большая группа юношей и девушек из Нагорного Карабаха поступила в вузы Азербайджана и Армении», и что «студенты Степанакертского пединститута отпраздновали новоселье в новом и удобном пятиэтажном общежитии».

Между тем, в письме в газету «Советский Карабах», подписанном 80 учителями, или всем педагогическим коллективом школы № 3 областного центра, говорилось, что опубликованная в «Учительской газете» информация – очередная инсинуация. Как выяснялось, никакие новые компьютерные классы в школах автономной области не созданы и не создаются. На 155 поступивших во внеконкурсном порядке в вузы Азербайджанской и Армянской ССР в Баку были выделены всего 5 мест, куда, по понятным причинам, были направлены представители азербайджанского меньшинства. А что касается общежития, то там вот уже более полугодом как живут не студенты, а бездомные армянские беженцы из Сумгаита³...

Такое вот «ускорение» развития НКАО последовало в Баку после принятия постановлений Кремля. Куда же на деле пошли средства и материалы, будто бы выделенные для НКАО, но словно в воду канувшие?

16 ноября 1988 г. республиканские газеты АзССР опубликовали сообщение «Азеринформа» о состоявшемся в этом республиканском филиале ТАСС брифинге под заголовком «НКАО: оказывается практическая помощь». Естественно, речь в сообщении шла о

¹«Советский Карабах», 30.09.1988 г.

²«Не сбивать с пути», «Советский Карабах», 27.08.1988 г.

³«Советский Карабах», 23.10.1988 г.

выполнении и перевыполнении указаний и постановлений ЦК КПСС и советского правительства в деле «облагодетельствования» НКАО выделяемой союзной помощью.

20 ноября 1988 г. в газете «Советский Карабах» был опубликован материал «Брифинг в «Азеринформе», или Как обманывают общественность». Это было фактическое разъяснение, своего рода расшифровка происходящего на деле, а не на бумаге. Вот некоторые выдержки из этого крайне любопытного материала.

«Интересно было бы узнать, сообщили ли организаторы брифинга, как смогли республиканские органы ввести в заблуждение ЦК КПСС и Совет Министров СССР и добиться такого размещения создаваемых в области филиалов промышленных предприятий, при котором из 1980 новых рабочих мест 1090, или 55 %, приходится на г. Шушу, где проживает в основном азербайджанское население, составляющее всего 7,3 % населения области»¹.

По данным переписи населения СССР 1979 г., в Шуше жило около 12 тыс. из 162 тыс. населения области; из них лишь около тысячи – армяне, остальные – азербайджанцы и курды. В мае 1988 г. из Шуши были изгнаны практически все армяне. А их место вскоре заняли свыше 1500 азербайджанцев из числа 1790 азербайджанских колонистов, прибывших тогда в Шушинский район². Власти АзССР выдавали последних за «беженцев из Армении», хотя к тому времени в Армянской ССР еще не было каких-либо массовых насильственных акций по изгнанию проживавших в республике азербайджанцев. Сами же переселенцы не имели никакого отношения к Карабаху.

Естественно, создание в 1988–1990 гг. новых 1,1 тыс. рабочих мест для 11-тысячного и отнюдь не безработного азербайджанского населения Шуши в действительности предназначалось для уже прибывших и последующих азербайджанских переселенцев-колонистов. Естественно, что на каждого занятого переселенца приходилось несколько не работающих членов семьи. Учитывая средний размер азербайджанских сельских семей, можно было прогнозировать увеличение числа азербайджанцев как минимум на 5–6 тыс. человек лишь в одной Шуше, в течение двух-трех лет. Таким образом, власти АзССР даже особо и не скрывали своих планов искусственного изменения этнодемографического баланса в НКАО.

В целях «оправдания» неравномерного распределения средств, выделенных Москвой на развитие НКАО, шли в ход очередные искажения. Так, официальная республиканская пропаганда, утверждая на разного рода мероприятиях, в телепередачах, что НКАО в составе АзССР развивалась опережающими темпами, одновременно заявляла о «запущенности» сел с азербайджанским населением. В ходе одного из «круглых столов», организованных АзТВ, говорилось, например, что в наиболее крупном из азербайджанских сел области – Ходжалу, с населением около 2 тысяч человек, расположенном в десятке километров от Степанакерта, будто бы не решаются социальные вопросы, нет воды и газа.

Областная газета «Советский Карабах», опровергая эту дезинформацию, подробно сообщала о реальном положении дел. Включая и тот факт, что Ходжалу, расположенное в долине, по которой проходил магистральный газопровод Агдам–Степанакерт–Горис–Нахичевань, являлось одним из 8 газифицированных сельских населенных пунктов НКАО (всего в области насчитывалось более 210 сел и деревень).

¹«Советский Карабах», 20.11.1988 г.

²«Хроника НКАО: февраль 1988 – февраль 1990. Баку. 1990. С. 17

В статье также говорилось, что в селах, входящих в Ходжалинский сельсовет, действуют средняя, восьмилетняя и две начальные школы, в которых учится 461 ученик, и три детских сада. Ходжалинский совхоз располагал 4200 га пашни, из коих 587 – поливные. Отрасли производства имели низкую экономическую отдачу, и за последние три года в целях улучшения финансового положения государственного хозяйства ему безвозмездно были выделены средства на сумму 1 млн 85 тыс. рублей, – такая безвозмездная помощь не была оказана ни одному другому хозяйству агропромышленного комплекса НКАО. Впрочем, в отличие от госсектора приусадебные хозяйства Ходжалу вполне процветали: с орошаемых огородов граждане снимали как минимум два урожая в год и реализовывали продукцию на рынке в Степанакерте. Индивидуальные хозяйства за год давали в среднем до 2000 и больше рублей дохода, а, по словам председателя исполкома ходжалинского сельсовета Эльмана Мамедова, за последние 10 лет каждая пятая семья построила новый дом¹.

Но вернемся к материалу «Брифинг в «Азеринформе», или Как обманывают общественность» в «Советском Карабахе». Далее в материале областной газеты от 20 ноября 1988 г. сообщалось, что в том же Ходжалу без согласования с Облисполкомом НКАО начал возводиться филиал Бакинского камвольно-суконного комбината.

Начальник ССО «Азербводстрой» Н. Гаджиев на упомянутом брифинге в Баку объявил, что на водохозяйственные мероприятия на территории области направлено более 60 млн рублей.

«Однако в проекте плана 1989 г. для указанных объектов на территории области выделено лишь 4 млн рублей, – говорилось в статье «Советского Карабаха». – К нашему удивлению, «Азербводстрой» приступил к строительству объектов соцкультбыта. Но почему вдруг в селе Ходжалу он начал сооружение школы на 400 мест и бани, непонятно, ибо при строительстве водохозяйственных объектов в Мардакертском районе ни в одном селе «Азербводстрой» таких объектов не строил, хотя большая нужда в них была и остается».

На брифинге в Баку отмечалось, что октябрьским распоряжением Минздрава АзССР предлагалось реорганизовать ряд фельдшерско-акушерских пунктов НКАО в сельские врачебные амбулатории. Причем речь шла опять-таки о преимущественно азербайджанских сельских населенных пунктах с незначительным населением, или, например, о населенном опять-таки преимущественно азербайджанцами пригороде Степанакерта Киркиджан, административно входившем в состав областного центра.

Вместе с тем, в материале «Советского Карабаха» со ссылкой на Облисполком говорилось, что содержащаяся в сообщении «Азеринформа» информация о будто бы имевшем место выделении Госпланом АзССР облисполкому НКАО более двух миллионов рублей на строительство и модернизацию ряда учреждений входила в противоречие с действительностью. Ибо, по бюджету области, на строительство указанных объектов республиканскими органами реально был выделен 1 млн рублей.

Кстати, еще в мае в областной газете было опубликовано письмо отличника здравоохранения Х. Базеяна относительно планов строительства в областном центре новой городской больницы (старая была мала и расположена в ветхом здании). Доктор упоминал,

¹«Пусть говорят факты», «Советский Карабах», 15.06.1988 г.

что строительство в Степанакерте больницы на 400 коек, предусмотренное Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР для Нагорного Карабаха «в планах на 1988–1990 гг. и тринадцатую пятилетку», было предусмотрено для НКАО... еще в 1955–1960 гг.¹ Ясное дело, что больница тогда была построена лишь на бумаге, потому и сомнения в ее возрождении после принятия Постановления от 24 марта 1988 г. были столь велики.

Х. Базеян к тому же писал, что в соответствии с утвержденными ЦК КПСС и Советом Министров ССР «Основными направлениями развития охраны здоровья населения и перестройки здравоохранения СССР в 12-й пятилетке и на период до 2000 г.»

«решено в целом по стране... отдавать предпочтение многопрофильным больницам, где было бы возможно... организовать высококвалифицированную медицинскую помощь населению повсеместно (как в городе, так и на селе). Как известно, областная больница из-за отсутствия городской больницы обслуживает население города Степанакерта, Аскеранского района, где нет районной больницы, а, кроме того, в областной больнице лечится немало больных из соседних районов. Все это говорит о том, что 400-коечная областная больница не в состоянии будет принять и оказать качественную помощь населению региона»².

Как видим, некоторые предусмотренные Постановлением от 24 марта мероприятия были изначально неадекватными сложившейся ситуации. Это, на наш взгляд, лишний раз подтверждает декларативность постановления ЦК КПСС и Совмина СССР о мерах по ускорению социально-экономического развития НКАО.

В материале «Брифинг в «Азеринформе», или Как обманывают общественность» приводились и другие примеры асимметричного подхода Баку к «ускоренному» развитию области. Так, распоряжением Минздрава АзССР Шушинской районной больнице были переданы передвижные клинично-диагностическая лаборатория и врачебная амбулатория, которых не имел областной центр, а также три санитарные машины; все это – игнорируя нужды других районов области.

Министр торговли АзССР Я. Караханов рассказал на брифинге в Баку об улучшении продовольственным и промтоварным снабжением населенных пунктов области с азербайджанским населением. Зампред правления «Азериттифака» И. Масиев, говоря об отгрузке и строительстве в НКАО домиков для беженцев, не упомянул, что имел в виду азербайджанских переселенцев, призванных изменить демографическую обстановку в области.

Одновременно, как отмечалось в материале, основанном на комментарии Облисполкома НКАО, власти АзССР, «не проявляя никакой заботы о беженцах из Сумгаита, создают серьезные помехи строительным организациям Армянской ССР, оказывающим помощь Нагорному Карабаху в соответствии с Постановлением Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 г.»³.

Перечисленные И. Масиевым магазины, баня, павильоны, столовые и хлебопекарня возводились лишь в азербайджанских селах НКАО. А сообщение «Азеринформа» о «дополнительном выделении городам и селам НКАО большого количества продуктов питания и промышленных товаров» потребовало уточнения областной газеты. Оказалось, что

¹ «Пока не поздно», «Советский Карабах», 25.05.1988 г.

² Там же

³ «Советский Карабах», 20.11.1988 г.

«в августе этого года Степанакертоту выделено 24 т краски на сумму 43 тыс. рублей из Белоруссии, из Молдавии – одна тысяча чайников на сумму 9 тыс. рублей и кожаная обувь на 154 тыс. неходового ассортимента (туфли летние женские белого и салатного цветов)».

Зато вполне правдивой оказалась информация об отгрузке райпо соседнего с НКАО Агдамского района АзССР дополнительной обуви зимнего ассортимента, меховых, трикотажных и других изделий на общую сумму свыше 300 тыс. рублей...

Таким образом, один лишь материал карабахской областной газеты раскрывал глаза на то, каким образом и на какие нужды использовали власти АзССР средства, выделенные Кремлем на «ускоренное социально-экономическое развитие НКАО». Сам брифинг в «Азеринформе» был своего рода ответом Баку на принятое ранее, 4 ноября 1988 г. решение сессии Совета народных депутатов НКАО XX созыва «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24.03.1988 г. № 371 «О мерах по ускорению социально-экономического развития НКАО в 1988–1995 гг.» В решении, в частности, говорилось:

«Сессия областного Совета отмечает, что Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР... выполняется неудовлетворительно. В целях обеспечения гарантий по осуществлению в области всех мер социально-экономического характера, предусмотренных вышеуказанным постановлением, Совет народных депутатов НКАО просит Совет Министров СССР передать выделенные на реализацию постановления средства и фонды на материально-технические ресурсы в распоряжение области, сделав исполком областного Совета единым заказчиком на территории НКАО.

Совет народных депутатов НКАО отмечает, что руководство республики, воспользовавшись введением в НКАО особого положения и комендантского часа, грубо попирая конституционные права автономной области, развернуло в селах Ходжалу, Малыбейли и ряде азербайджанских сел Мартунинского района незаконное, без отвода участков, строительство филиалов ряда промышленных предприятий, объектов социально-культурного назначения. Такие действия еще более обострили ситуацию в НКАО. Сессия поручает УВД НКАО (г. Туманянц Р.С.) немедленно приостановить эти незаконные действия, принять меры для восстановления законности и порядка, причиненного ущерба и привлечения виновных к ответственности...»¹

Депутаты также обратились к Генпрокурору СССР с просьбой рассмотреть вопрос о целесообразности оставления на должности прокурора области В. Василенко, который не предпринял никаких мер по пресечению незаконного строительства. Также сессия обратила внимание военного коменданта НКАО на то, что особое положение и комендантский час используются руководством АзССР для «закрепления незаконно заселенных в Шушинском районе так называемых беженцев азербайджанской национальности»².

Из вышеприведенного решения сессии Совета народных депутатов НКАО ясно, что уже летом-осенью 1988 г. ни командование частей внутренних войск МВД СССР, введенных в НКАО «для обеспечения порядка», ни присланный Москвой областной прокурор никак не противодействовали провокационным действиям Баку. Более того, был снят с должности и начальник УВД НКАО, местный уроженец Роберт Туманянц, а на его место назначен еще один «варяг» из Центра, который безоговорочно проводил в жизнь линию Москвы и Баку.

¹ «Советский Карабах», 05.11.1988 г.

² Там же

ЕСТЬ КОНТАКТ?

В создавшейся ситуации выход был один. И в Степанакерте, и в Ереване не преминули им воспользоваться. Поскольку события начала 1988 г. вызвали к жизни Постановление от 24 марта, то ранее существовавшее табу на какие-либо прямые экономические отношения НКАО с АрмССР формально были сняты. К тому же некоторые экономические послабления, спущенные сверху в ходе перестройки, включая и новый закон о государственном предприятии, давали куда большие возможности предприятиям и объединениям в вопросе заключения договоров, выборе экономических партнеров и т.п.

В рамках этого стали реальными не только прямые контакты предприятий-смежников НКАО и АрмССР, но и участие последней в реализации Постановления от 24 марта 1988 г.

Побывавший в августе 1988 г. в Степанакерте во главе делегации Ереванского горкома Компартии Армении его первый секретарь М. Минасбегян рассказал о планах ереванских предприятий по помощи НКАО в реализации отдельных пунктов постановления и целых долгосрочных проектов сотрудничества¹. Речь шла не только о поставках тех или иных видов оборудования, в которых ощущался дефицит, но, главное, о помощи в области капитального строительства. То есть в предоставлении в распоряжение области тех самых производственных мощностей, без наличия которых реализация Постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 24 марта 1988 г. превращалась в фикцию.

К этому времени некоторые шаги были уже предприняты. В частности, оперативно был решен вопрос ретрансляции первой программы телевидения Армении на большую часть территории НКАО. Хотя с технической точки зрения вопрос уже давно был проработан и решен армянскими связистами: требовалась лишь «отмашка» из Москвы, чтобы в Баку дали соответствующее «добро» на начало ретрансляции передач.

17 сентября 1988 г. в армянской республиканской прессе, а также в газете «Советский Карабах» был опубликован материал «Арменпресс» — беседа с Предсовмином Армянской ССР Фадеем Саркисяном. В беседе приводились конкретные шаги и планы по участию ведомств и организаций АрмССР в решении имеющихся экономических вопросов и реализации ряда проектов в области капитального строительства, организации производства стройматериалов, жилищного строительства, вопросов реставрации памятников культуры и так далее².

В материале, в частности, говорилось о решении реконструировать дорогу Горис—Степанакерт, которая в советский период находилась в ужасающем состоянии. Проходящая через населенные преимущественно азербайджанцами Шушу и Лачин, эта дорога являлась кратчайшим путем из НКАО в Армянскую ССР, в примыкающий непосредственно к Нагорному Карабаху армянский регион Зангезур.

Естественно, такая прямая связь была не в интересах проводимой Баку политики изоляции Нагорного Карабаха от Армении. Тем более что с точки зрения природных условий, рельефа, образа хозяйствования и этнографических особенностей Карабах и Зангезур

¹«Советский Карабах», 14.08.1988 г.

²«Советский Карабах», 17.09.1988 г.

являли собой практически единое целое. До тех пор, сознательно не допуская развития каких-либо прочных экономических контактов между НКАО и соседними с ней районами Армянской ССР, Баку осуществлял грузовые и пассажирские перевозки между ними практически исключительно по равнинным территориям АзССР: через Евлах и Казах в направлении армянского Иджевана и далее на Ереван.

Практически с самого начала событий «в НКАО и вокруг нее» дорога Степанакерт—Лачин—Горис была блокирована для свободного движения автотранспорта из НКАО в Армянскую ССР и в обратном направлении. Толпы азербайджанских жителей Лачина в нужный момент перекрывали дорогу, препятствуя прохождению как отдельных «армянских» автомашин, так и колонн с грузами для НКАО, и ничего поделать с этим местные и республиканские власти якобы не могли. Впрочем, иногда под конвоем военных и по указанию из Москвы колонны с грузами все же проходили: Баку не хотел и не мог открыто вступать на путь конфронтации с Москвой, исходя из взятой на вооружение руководством АзССР политики «послушания».

В соответствии с учрежденным Совмином СССР совместным протоколом Госстроя СССР, Совминов АзССР и АрмССР, Совету Министров Азербайджанской ССР поручалось до 1 октября 1988 г. утвердить график капремонта, реконструкции и строительства автодороги Горис—Лачин—Степанакерт с учетом завершения работ в 1990 г. Минавтодору АзССР поручалось срочно восстановить движение по указанной дороге по мосту через реку Забух — природной границе между Зангезуром и Нагорным Карабахом.

Кроме того, Минтрансстрою СССР поручалось проработать вопрос сооружения участка данной дороги в обход города Лачин, а с 1990 г. начать строительство магистрали в обход беспокойного райцентра.

В реализации всех этих программ предусматривалось непосредственное участие армянских строительных и иных организаций. Не считая работ по реконструкции дороги Горис—Лачин—Степанакерт и строительству ее новых участков, речь шла, в частности, и о работе стройорганизаций АрмССР на территории НКАО. Так, намечались отправка в автономную область и сборка на месте конструкций жилых домов (вспомним, что в НКАО даже не было своего домостроительного комбината), изготовление комплектов опалубки для монолитного строительства по проектам ереванских НИИ, проектирование и строительство ряда крупных объектов социально-культурного и спортивного назначения. Предусматривалось и организовать производство мостовых железобетонных конструкций мощностью 2–3 тыс. м³ в год.

В целом же предполагалось, что по мере создания на месте базы и подготовки проектной документации стройорганизации АрмССР должны были довести объемы строительно-монтажных работ по области до 15–20 млн рублей в год.

Вкупе с производственной мощностью строительных организаций НКАО — 20 млн рублей в год¹ — суммарная производственная мощность стройорганизаций АрмССР и собственно НКАО могла бы достигнуть в автономной области 35–40 млн рублей в год. То есть за 7 лет можно было освоить уже не 140 млн, а почти в 2 раза больше. Это была серьезная заявка.

¹Эту цифру называл первый секретарь карабахского обкома в своем выступлении на заседании Президиума Верховного Совета ССР 18 июля 1988 г.

Кроме того, предприятия области стали заключать договоры с ереванскими смежниками. Так, например, газета «Советский Карабах» сообщала:

«Исходя из возможностей, предоставленных Законом СССР «О государственном предприятии (объединении)»... заключен договор, в соответствии с которым шелковики области ежемесячно будут отправлять на ереванский комбинат для крашения 100 тыс. м ткани. Окрашенную продукцию предусматривается реализовывать потребителям с маркой каршелкокомбината. Первенец промышленности области наконец получит возможность выйти на внутренний рынок и иметь собственных заказчиков. Это поможет также повышению рентабельности предприятия, а следовательно успешному решению проблем производственного и социального характера. Первый шаг уже сделан: карабахские шелковики отправили в Ереван 25 тыс. м ткани. В сентябре эта цифра достигнет 100 тыс.»¹.

Производственное объединение «Армгазпром», которое строило газопроводы во многих регионах СССР, специализируясь на горных условиях, в свою очередь взяло шефство над карабахскими газовиками, которые, обладая минимальными штатом и мощностями, естественно, не могли освоить суммы, формально предназначенные для работ по газификации НКАО. Ясное дело, что если бы не это шефство, то и те реальные крохи, что выделялись для газификации НКАО, пошли бы на совершенно другие цели. Более того, создав в НКАО новое строймонтажное управление, «Армгазпром» одновременно создавал новые рабочие места, трудоустривая беженцев из городов Азербайджанской ССР.

А реконструкция и ввод в строй автодороги Горис–Степанакерт грозила в буквальном смысле физически сблизить Нагорный Карабах с соседними районами АрмССР...

Это совершенно не устраивало власти АзССР, которые, очевидно, преследовали цель ускоренного удушения Нагорного Карабаха под ширмой бодрых рапортов об «успешном» социально-экономическом развитии НКАО. Уступить ереванским подрядчикам выделенные Кремлем на развитие НКАО средства означало, как минимум, замедлить темпы изменения демографического положения в автономной области: выше было показано, куда и как распределял Баку предназначенные для НКАО средства и материалы.

Наряду с саботажем поставок в Нагорный Карабах предназначенных для области материалов власти АзССР предприняли и попытки запретить предприятиям и организациям НКАО заключать договоры с армянскими коллегами. Так, начальник отдела Агропрома НКАО В. Алексанян рассказывал в интервью областной газете:

«Нам выделяют очень мало вагонов-холодильников для перевозки винограда... В соседнем Агдамском районе ежедневно получают втрое больше вагонов... Именно по этой причине в сентябре вместо предусмотренных 6 тыс. т до сих пор в союзный фонд отправлено всего 2 тыс. т винограда... Согласно договору, в этом году заказчикам Армении мы должны отправить 3200 т свежего винограда. Однако Баку категорически запретил заключать этот договор. Из числа адресатов союзного фонда без всяких объяснений незаконно были вычеркнуты запросы из Армянской ССР»².

Эти запреты со стороны Баку противоречили официальному курсу Кремля на предоставление большей свободы предприятиям и были по сути саботажем.

¹«С маркой каршелкокомбината», «Советский Карабах», 03.09.1988 г.

²«Искусственный барьер: кому он выгоден?», «Советский Карабах», 02.10.1988 г.

КОМИТЕТ ОСОБОГО УПРАВЛЕНИЯ

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1989 г. вся власть в НКАО с 20 января 1989 г. была передана Комитету особого управления (КОУ)¹. Этот не предусмотренный ни Конституцией СССР, ни советским законодательством орган представлял собой странный гибрид партийной и советской власти.

Указом Президиума ВС СССР были приостановлены полномочия Совета народных депутатов НКАО двадцатого созыва, принявшего все предыдущие акты, связанные со статусом НКАО и карабахской проблемой в целом, а также его исполнительного комитета – впрямь до проведения выборов нового состава Совета.

В соответствии с Указом КОУ подчинялся «непосредственно высшим органам государственной власти и управления Союза ССР», а также обладал «в полном объеме полномочиями Совета народных депутатов автономной области и его исполнительного комитета, а председатель Комитета – правами и обязанностями председателя исполнительного комитета областного Совета народных депутатов».

На период действия Указа все предприятия, учреждения и организации НКАО союзного и республиканского подчинения подчинялись КОУ по кругу вопросов, определяемому Совмином СССР с учетом мнения Совмина АзССР.

КОУ мог приостанавливать полномочия местных Советов народных депутатов всех уровней и их исполнительных органов, назначать и организовывать выборы в местные Советы.

Таким образом, впервые за всю историю Советского Союза его высший орган – Верховный Совет СССР в лице председателя его Президиума М. С. Горбачева – фактически отменил советскую власть на территории одной из территориально-административных единиц страны!

КОУ получил также право приостанавливать «противоречащую Конституции и законодательству СССР» деятельность общественных организаций и самодельных объединений или, в случае необходимости, распускать их. Как следует из вышеприведенной формулировки, практически любая общественная организация НКАО могла быть фактически запрещена. Правда, оговаривалось, что «регистрация или роспуск указанных организаций и объединений, имеющих республиканские или общесоюзные органы, производится по согласованию с этими органами». Но в условиях вертикали партийно-советской власти это была лишь пустая формальность: возжелай того «верховный вождь рабочего класса» – Генсек ЦК КПСС, и в НКАО могли быть, например, распущены областной профсоюз, комсомол, ДОСААФ или даже ВДОАМ (добровольное общество автомотолюбителей).

Важным в Указе от 12 января был пункт, предоставлявший КОУ право «при необходимости» входить с предложениями по вопросам государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства непосредственно в Президиум ВС, Совмин, министерства, госкомитеты и ведомства Союза ССР.

¹«Известия», 15.01.1989 г.

Наконец, пунктом 5 Указа Президиума ВС СССР о введении в НКАО особой формы управления на территории НКАО временно приостанавливались некоторые пункты ряда статей Закона СССР «О государственном предприятии (объединении)». Речь шла о положениях, дававших предприятиям самостоятельность выбора партнеров и смежников.

Тем самым в НКАО была введена мягкая диктатура, которая контролировала всю экономическую, социальную и общественно-политическую жизнь автономной области. Полномочия областной законодательной власти были приостановлены, а аппарат исполнительной власти передавался в подчинение КОУ в качестве его рабочего органа. Вся жизнь в области теперь формально зависела от председателя Комитета особого управления.

Возглавил КОУ высокопоставленный посланник Москвы Аркадий Иванович Вольский, с 1985 г. занимавший должность заведующего отделом машиностроения ЦК КПСС. Он еще летом 1988 г. был направлен в автономную область в качестве специального представителя ЦК КПСС и Верховного Совета СССР для информирования Центра и проведения в жизнь его указаний на месте.

Аркадий Вольский (1932–2006) родился в Белоруссии, в годы войны воспитывался в детском доме под Саратовом. Выпускник Московского института стали, он долгие годы работал на знаменитом ЗИЛе, автомобильном заводе им. И. Лихачева – мастером, старшим мастером, начальником участка и цеха, секретарем партийного комитета завода. С 1969 г. А. И. Вольский работал в аппарате ЦК КПСС: заведующим сектором, заместителем, первым заместителем заведующего отделом машиностроения.

Важным этапом в его карьере была должность помощника бывшего главы КГБ СССР Юрия Андропова в недолгий, но бурный период пребывания последнего на посту Генерального секретаря ЦК КПСС (1982–1984). Любопытно, что в 1956 г. Аркадий Вольский находился в Венгрии, когда там произошло вооруженное антисоветское восстание. Напомним, что послом СССР в Венгрии тогда как раз был Ю. Андропов. Добавим также, что там же работал В. Крючков, впоследствии при М. Горбачеве – шеф КГБ СССР. А молодым сотрудником того же посольства был Владимир Казимиров, который в 1992–1996 гг. был спецпредставителем президента России по урегулированию нагорно-карабахского конфликта, российским сопредседателем Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху. Случайные ли это совпадения, вероятно, мы узнаем не скоро, если узнаем вообще...

Костяк КОУ составили прикомандированные из Центра функционеры.

Сергей Купреев (1937–1990), генерал-майор МВД, заместитель начальника Высшей инженерной школы МВД СССР. Выпускник МАИ, старший инженер на Московском машиностроительном заводе им. М. Хруничева, С. Купреев стал затем комсомольским, партийным функционером, возглавляя Киевский райком ВЛКСМ, Московский горком ВЛКСМ, Бауманский райком КПСС. В 1984 г. он перешел на работу в МВД, в начале перестройки работал первым заместителем начальника ГУВД Москвы. В КОУ он был ответственным за координацию работы правоохранительных органов и работу с местными райкомами партии.

После роспуска КОУ и возвращения в Москву в августе 1990 г. С. Купреев трагически погибает в автомобильной катастрофе. Как считают некоторые его друзья – «не случайно»¹.

¹Савва Ямщиков. «От Москвы до России», газета «Завтра», № 4, 21.01.2002 г.

Виктор Мишин, 1943 г. рождения, комсомольский работник, выпускник МИСИ, инженер-строитель-технолог по образованию. С 1978 г. – секретарь, а с 1982 г. – первый секретарь ЦК ВЛКСМ; в 1986 г. избран секретарем ВЦСПС (Всесоюзного Центрального Совета профессиональных союзов – официального и единственного тогда в СССР профсоюза). Член ЦК КПСС и депутат Верховного Совета СССР. В КОУ курировал вопросы организационно-кадровой парторботы, профсоюза и комсомола, других общественных организаций, а также весь круг вопросов социальной сферы, включая здравоохранение.

Виктор Плисов, 1935 г. рождения, выпускник МЭИ, инженер-строитель-гидротехник, затем на парторботе. В 1983–1988 гг. – председатель исполкома Красноярского краевого Совета народных депутатов, с 1988 г. – заместитель министра тяжелого энергетического и транспортного машиностроения СССР – начальник Главного управления проектирования и капитального строительства. Депутат ВС СССР. В КОУ отвечал за социально-экономическое планирование автономной области, ее материально-техническое обеспечение, отработку схем управления, хозяйственного механизма.

Валерий Сидоров, 1944 г. рождения, выпускник Ленинградского механического института, работал фрезеровщиком, затем мастером, техником, научным сотрудником на предприятиях Ленинграда, затем на комсомольской работе. В 1981–1983 гг. находился в Афганистане в группе партийных советников, с 1984 г. работал в аппарате ЦК КПСС: инструктором сектора газет, консультантом, заместителем заведующего подотделом Отдела пропаганды ЦК. В КОУ отвечал за вопросы идеологической сферы, культуру и образование.

Как видим, «десант» из Москвы был достаточно солидным. Мы столь подробно привели здесь общие сведения о прикомандированных в НКАО из Центра высокопоставленных работниках, чтобы лишний раз подчеркнуть: знаний и опыта у этих людей вполне хватало для выполнения конкретных задач, поставленных в официальных документах ЦК КПСС и Совмина СССР по Нагорному Карабаху.

Главный вопрос был в другом: насколько на самом деле были заинтересованы в Кремле в успешном выполнении этих самых решений. Или вся «пятерка», – может не всегда, и не сразу осозная это, – была призвана служить неким сиюминутным громоотводом, призванным смягчить накал политической ситуации в НКАО, помочь перевести политическое требование карабахцев в русло социально-экономической рутин? Ведь именно это нужно было Генсеку М. Горбачеву с самого начала карабахского движения.

Сегодня, когда уже нет в живых председателя КОУ Аркадия Вольского, который ранее не раз заявлял о намерении много рассказать о своей карабахской эпопее, остается все меньше надежды узнать правду об истинных намерениях верховных создателей КОУ. Уже после кончины А. И. Вольского в свет вышло несколько посвященных ему книг, в которых нет ничего или практически ничего о «карабахском» периоде его карьеры.

Много интересного о политике Кремля в Карабахе и регионе в целом мог бы поведать и Виктор Мишин, который в 1990–1991 гг. работал заместителем управляющего делами ЦК КПСС и фактически занимался свертыванием аппарата партии в период краха КПСС.

В официальных биографиях ныне здравствующих членов КОУ о длительной командировке в Нагорный Карабах упоминается вскользь, а то и вовсе не упоминается...

Любопытно также и то, что командировка в НКАО случайным или, наоборот, вовсе не случайным образом сказалась на последующих связях членов КОУ друг с другом.

Так, в 1995 г. Виктор Мишин возглавил общественное объединение «Мое Отечество», в которое вошли в основном представители бывшей комсомольской, профсоюзной и хозяйственной номенклатуры. «Мое Отечество» более всего, пожалуй, запомнилось россиянам поддержкой на президентских выборах 1996 г. несколько экзотичной кандидатуры на пост Президента Российской Федерации – ученого-экономиста Мартина Шаккума.

В координационный Совет «Моего Отечества» входил тогда и Валерий Сидоров, впоследствии возглавивший службу занятости Москвы.

Сам В. Мишин позже стал председателем правления коммерческого банка «Крокус-банк». Напомним читателю, что холдинг «Крокус» принадлежит московскому бизнесмену азербайджанцу Аразу Агаларову, чей сын не так давно женился на дочери президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева...

В январе 1989 г. в Комитет особого управления вошли также и представители НКАО.

Семен Бабаян, 1932 г. рождения, выпускник Азербайджанского института нефти и химии, в августе 1988 г. был избран председателем исполкома Совета народных депутатов НКАО с должности директора Степанакертского завода сельхозмашин. В КОУ отвечал за работу местных советских органов, торговлю, связь, транспорт и развитие связей НКАО с Армянской ССР. С Семеном Амаяковичем автор этой книги хорошо знаком лично по совместной работе; к тому же С. А. Бабаян, заканчивая школу в Баку, учился в одном классе с моим отцом.

Владимир Товмасын, 1938 г. рождения, выпускник Бакинского политехнического института, инженер-механик; с 1973 г. находился на партийной и советской работе в НКАО, с 1986 г. возглавлял областной Комитет народного контроля.

Представлявший азербайджанское меньшинство НКАО Вагиф Джафаров (1949–1991) закончил Азербайджанский институт нефти и химии, инженер-электрик; с 1974 г. находился на комсомольско-партийной работе, а в 1988 г. был назначен партийным секретарем Шушинского района НКАО.

Впоследствии в КОУ были инкорпорированы еще несколько местных партийно-хозяйственных функционеров.

Создание и «воцарение» КОУ фактически означало частичный вывод НКАО из-под прямого подчинения Баку. Ряду областных предприятий и объединений Комитетом были даны, – хотя они и так полагались по союзному закону о предприятии, некоторые пункты которого были приостановлены Указом от 15.01.1989 г., – права выбирать себе смежников, заключать договоры. В условиях НКАО это могло означать экономическую переориентацию с Азербайджанской на Армянскую ССР. Что наряду с экономической выгодой также непосредственно отвечало целям карабахского движения за воссоединение с Арменией. Но могло и не означать: ведь решение оставалось за КОУ, а не за трудовыми коллективами!

Создание КОУ на первых порах действительно стабилизировало обстановку в регионе, но ненадолго. Ибо очень скоро всем стало ясно, что КОУ – это ненадолго, а главное, очень скоро оказалось, что у него нет ни новых идей, ни достаточных полномочий для решения карабахской проблемы.

Уже в первых интервью «комитетчиков» областным и центральным СМИ было, по сути, обозначено «кредо» посланцев Кремля в отношении поднятого карабахцами политического вопроса.

Виктор Мишин в интервью «Советскому Карабаху»:

«Я глубоко убежден, что проблема Нагорного Карабаха может найти свое разрешение только в рамках дальнейшего углубления и расширения перестроечных процессов, радикальной экономической реформы, построения правового государства, повышения социальной защищенности трудящихся, демократизации нашего общества в целом и, конечно, совершенствования межнациональных отношений»¹.

«Главный по идеологии» в КОУ Валерий Сидоров в интервью областной газете:

«Я глубоко убежден, что не может народ быть счастливым и удовлетворенным, если умирают от болезней его дети, не обеспечены старики, пусты полки магазинов и нет уверенности в завтрашнем дне. Когда в жизни сохраняются такие факты – облегчение не принесет никакое новое административно-территориальное устройство...

В любой точке Советского Союза в окружении людей любой национальности каждый человек – русский, эстонец, армянин, немец, гагауз – не должен испытывать какой-то ущемленности, несправедливости, обиды. Когда обеспечена именно такая атмосфера в обществе – неважно, где на карте проходит линия территориального разграничения»².

Как видно из вышеприведенных цитат, общие слова и благие пожелания превалировали над конкретикой и региональными реалиями. Ведь полки продуктовых магазинов были пустыми, а уверенность в завтрашнем дне отсутствовала почти во всем Союзе, но массовые погромы и убийства по национальному признаку имели место лишь в Сумгаите и ряде других вполне конкретных городов и весей региона. Но сильнее наглядных реалий была явная или мнимая, спущенная сверху боязнь «навредить перестройке».

«А занимаемся мы здесь вопросом, кровно затрагивающим интересы всего советского народа, – продолжал мысль В. Сидоров. – Здесь, в этом регионе, решается не просто локальная проблема. Дестабилизация обстановки тут бьет и по перестройке в целом, и по ее демократическим целям. Если нам сейчас не удастся разрешить возникшие тут и там национальные проблемы – останется открытым вопрос о судьбе перестройки в целом»³.

Впрочем, у нас нет оснований сомневаться в искренности тогдашних слов г-на Валерия Сидорова. Как и в его определенной прозорливости: неспособность Кремля решить карабахский вопрос оставила открытым вопрос не только пресловутой перестройки, но и судьбы всего СССР.

Показательно и другое: и по прошествии 8 месяцев со дня учреждения КОУ в речах и выступлениях представителей Комитета звучали все те же идеи и рефрены самого общего содержания.

«Политика – это всегда вопрос о власти: кому она принадлежит, за кем последнее слово в решении всех ключевых вопросов. Так вот, если мы обеспечим в НКАО, как впрочем и в других автономиях, реальное народовластие, демократию и самоуправляемость – мы решим карабахский вопрос именно политически», – говорил В. Сидоров в интервью «Аргументам и фактам» в конце сентября 1989 г.⁴

¹«Советский Карабах», 23.03.1989 г.

²«Комитет информирует», «Советский Карабах», 12.02.1989 г.

³Там же

⁴«На грани большой трагедии», «Аргументы и факты», № 39, 30.09–06.10.1989 г.

То есть в то время, когда автономная область подвергалась тотальной железнодорожной и автотранспортной блокаде извне, на многих внутренних дорогах развернулась «каменная война», когда нападения на граждан, фермы, угоны скота стали повседневной реальностью, а местная советская власть была, по сути дела, ликвидирована, главный идеолог КОУ вел речь о «реальном народовластии и самоуправляемости». Похожие слова говорил менее чем за месяц до решения Центра об упразднении КОУ и его председатель Аркадий Вольский в интервью корреспонденту «Московских новостей» Андрею Пральникову: *«Реакционные силы в регионе пытаются организовать политический бойкот перестройке. Но уверен: перестройка придет и сюда – гласностью, демократией, добром и справедливостью»*¹.

Словом, судьбе командированных в НКАО членов КОУ вряд ли можно было позавидовать: им предстояло выполнить заведомо невыполнимое, учитывая явно отвлекающую роль, которую уготовили Комитету в родном для большинства его членов ЦК КПСС.

Роль КОУ в карабахских событиях неоднозначна и сегодня трактуется по-разному с карабахской и азербайджанской сторон.

Это вполне естественно, так как если в одних вопросах, особенно гуманитарных, КОУ сыграл большую и положительную роль, то для решения других у него не было ни полномочий, ни возможностей.

В феврале 2008 г., в дни 20-летия современного этапа карабахского освободительного движения агентство «Де-факто» (карабахский аналог российского АПН) взяло интервью у председателя Совета гражданской службы Нагорно-Карабахской Республики Бориса Арушаняна, в 1988 г. возглавившего Совет директоров НКАО. Эта, казалось бы, чисто экономическая структура была призвана заменить собой запрещенный режимом Баку общественный комитет «Крунк» («Журавль»), игравший роль организатора народного движения на его первом этапе.

Отвечая на вопрос о роли КОУ, Борис Арушанян в частности, сказал:

«Создание Комитета особого управления было связано с тем, что руководство СССР, а также Азербайджана не хотели давать проблеме Нагорного Карабаха политическое, окончательное решение в том ключе, в котором ставило вопрос население автономной области. Союзный Центр и официальный Баку вначале пытались остановить карабахское движение принятием решений на уровне Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, в которых говорилось о неприемлемости выдвинутых народом требований, а национально-освободительная борьба Нагорного Карабаха квалифицировалась как экстремистское движение...»

*Волна недовольства народа все более нарастала, поэтому, на мой взгляд, и было принято такое промежуточное, как тогда считалось, компромиссное решение – создать Комитет особого управления во главе с Аркадием Вольским. Предполагалось, что, выведя частично Нагорный Карабах из-под юрисдикции Азербайджана и переподчинив его Центру, удастся сбить накал страстей, выиграть время для того, чтобы посредством решения ряда социально-экономических проблем умиротворить ситуацию и постепенно взять ее под контроль. Создание Комитета было обусловлено этим»*².

¹«НКАО: будни особого управления», «Московские новости», № 45, 05.11.1989 г.

²www.defacto.am; 14.02.2008 г.

Неспособность КОУ повлиять на активную деятельность официального Баку по форсированному развитию населенных азербайджанцами сел и деревень НКАО, изменению демографической ситуации в автономной области спровоцировала весной 1989 г. наиболее продолжительную с начала событий забастовку промышленных предприятий, транспорта, учреждений и учебных заведений НКАО, которая продлилась почти четыре месяца.

«На многочисленных встречах, прошедших в трудовых коллективах, в том числе и у нас на фабрике, председатель Комитета особого управления А. И. Вольский, другие члены Комитета неоднократно уверяли нас, что их цель – региональный хозяйственный расчет, обеспечение социально-экономической самостоятельности области. Однако эти слова и заверения до сих пор не подкреплены конкретными практическими шагами, – восклицал в письме в редакцию «Советского Карабаха» начальник цеха обувной фабрики В. Айрапетян. – По республиканскому же телевидению мы слышим от руководителя партийной организации Азербайджана слова: «Мы спокойно будем делать свое дело»...»

*На территории области – в городе Шуше, Ходжалу, Джамиллу, Киркиджане, в других азербайджанских селах с широким размахом ведутся строительные работы. При этом делают это республиканские органы с ведома Комитета особого управления. Между тем, прошло уже более года, а в области из-за неимения стройматериалов мы не можем построить финские дома для беженцев. Вот так реализуется постановление о социально-экономическом развитии НКАО»*¹.

«Против фактов не пойдешь ведь. Руководство республики волевым решением превратило в огромные строительные площадки азербайджанские села, окружающие Степанакерт. За чей счет и с чьего разрешения строятся фабрики, комбинаты, другие производственные корпуса, дороги? Неужели обо всем этом не осведомлены члены Комитета особого управления?» – возмущался рабочий Степанакертской мебельной фабрики Э. Григорян».

*«Все для нас стало ясно. Без ответа остались все наши письма, обращения, требования. По вопросу о Нагорном Карабахе дважды побывала в Москве, встречалась с членами ЦК КПСС. А в Степанакерте я встретила с Демичевым (П. Н. Демичев, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС – прим. автора), который оставил впечатление бесчувственного, крайне равнодушного человека», – писала в редакцию Кнарлик Аракелян, Герой Социалистического труда, ткачиха Каршелкокомбината»*³.

Отвечая на претензии жителей НКАО, председатель КОУ Аркадий Вольский собрал 6 мая местных журналистов и собкора ТАСС. На этой встрече он пытался убедить, что в происходящем нет ничего страшного, так как на самом деле из 96 млн рублей капитальных вложений, предусмотренных для НКАО в 1989 г., якобы лишь 4 млн приходилось на азербайджанские населенные пункты. Эти цифры были повторены в сообщении ТАСС, прозвучавшем в программе «Время» Центрального телевидения, и широко озвучены в союзной прессе; затем пошли комментарии с муссированием этих цифр и в прессе АзССР.

¹«Забастовка: что требуют ее участники?», «Советский Карабах», 05.05.1989 г.

²Там же

³Там же

Однако на деле ситуация обстояла совсем не так, о чем и поведал читателям «Советский Карабах». При внимательном подсчете выяснялось, что основная часть государственных капиталовложений была направлена на строительство и ремонт дорог, линий высоковольтных передач и иных объектов общепластового значения, которые служили всему населению, вне зависимости от его национальности. А вот с основными фондами дело обстояло совершенно иначе.

«Если кому-то и взбрело в голову разграничивать объекты по национальному признаку, то этот некто должен был, во-первых, взять за основу лишь государственные капиталовложения (если колхозы хотят что-то строить для себя, пусть строят, кому от этого плохо). А во-вторых, из общей суммы капиталовложений вычесть стоимость тех объектов, которые так или иначе будут служить всем жителям области», – писал Рафаэл Маилян в комментарии к выступлению председателя КОУ¹.

Из материала также следовало, что названные главой КОУ данные о капитальных вложениях непосредственно в «азербайджанский» сектор НКАО были занижены почти вдвое. Но главное даже заключалось не в этом.

*«Думается, уместно привести сравнение по плану ввода в действие основных фондов – главному показателю строительных организаций. В текущем году предусматривается ввести в действие основных фондов на сумму 51,1 млн рублей, из коих 10,4 млн приходится на долю Шушинского района... Планом социально-экономического развития азербайджанские населенные пункты вовсе не обделены. Так что никакой необходимости в разворачивании республиканскими организациями интенсивного строительства внеплановых, несанкционированных местными властями объектов в азербайджанских населенных пунктах не было. И журналисты, пришедшие на встречу с членами Комитета особого управления, озабоченные создавшейся в автономной области ситуацией, говорили именно об этом, а не о плановых объектах».*²

Какая из всего этого вырисовывалась картина?

Во-первых, из выделенных Центром в 1989 г. на развитие НКАО средств, более 20 % основных фондов приходилось на долю Шушинского района, население которого было на 90 % азербайджанским и составляло при этом примерно 10 % населения области³.

Во-вторых, параллельно с реализацией в НКАО плановых объектов власти АзССР самостоятельно, через бюджетные республиканские организации развернули массовое строительство в азербайджанских населенных пунктах автономной области, заселяя в них переселенцев с целью изменения демографического баланса. Суммы затрат на это строительство и их происхождение оставались покрыты мраком неизвестности.

В-третьих, КОУ вольно или невольно пытался завуалировать эти вполне очевидные процессы, выдавая «на гора» сомнительные цифры, которые тут же, посредством ТАСС, широко тиражировались в центральных и бакинских СМИ.

Обращала на себя внимание и риторика, – может быть, и вынужденная, – членов КОУ в ходе выступлений в Центре, где они часто говорили совсем другие слова, нежели на месте, в Степанакерте.

¹ «Семь раз отмерь», «Советский Карабах», 20.05.1989 г.

² Там же

³ По переписи населения 1989 г.

Так, в течение 1989 г. в ряде своих интервью и выступлений председатель Комитета особого управления А. И. Вольский вольно или невольно повторил все идеологемы Кремля в отношении событий в регионе.

Уже в день опубликования Указа о введении особого управления в НКАО только что назначенный председателем КОУ А. И. Вольский в интервью газете «Правда» говорил: *«Подлинная трагедия как армянского, так и азербайджанского народов в том, что в чистое дело борьбы за социальную справедливость грязными ручейками стали вливаться националистические начала. Вместо того чтобы строго, как того требует перестройка, как зовет партия, спросить с бездарных и чиновных работников, вместо того чтобы выявить и призвать к ответу разгильдяев в своей среде, – вместо этого, единственно верного пути начали искать внешнего врага, взваливать на него все обиды и просчеты, в нем видеть корень всех бед.*

*... Недопустимо даже в маленьком регионе страны устраивать политический бойкот перестройке. То, что происходило здесь, – это именно бойкот! Бойкот коренным задачам перестройки – народовластию, демократизации, самоуправлению, хозрасчету, приоритетному развитию социальной сферы. Ответственность за сложившееся положение дел несут прежде всего руководители области»*¹.

Несколько позже в интервью газете «Социалистическая индустрия» Аркадий Вольский сказал:

*«Но здесь (в Нагорном Карабахе – прим. автора) настолько сконцентрированы все национальные и другие противоречия, что влиятельные кланы в Азербайджане и Армении, по сути дела, хотели бы превратить НКАО в разменную монету между собой... Мы справедливо и обоснованно утверждаем, что за кулисами многих национальных конфликтов в Закавказье стоят коррумпированные силы... Суть вопроса еще и в том, что наряду со второй «теневой» экономикой в Азербайджане, в Армении, да и в Грузии сформировалась и «вторая власть», выражающая и обслуживающая интересы коррумпированных слоев»*².

Выступая в Москве на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1989 г., посвященном меж-национальным отношениям, председатель КОУ сказал:

«Никогда ранее не звучали так открыто сепаратистские призывы и центробежные идеи... Режиссеры событий в Сумгаите, Абхазии, Фергане, Нагорном Карабахе, да и в других местах... Цели у этих национал-патриотов однозначны: борьба за власть, ставка на неограниченное местничество...

*Развитие основополагающего принципа: права наций на самоопределение... нельзя сводить только к республиканскому суверенитету или к лозунгу «Вплоть до отделения». Это и более широкие права каждого народа на возможность создания любой формы национально-культурной государственности в рамках СССР, и право каждой нации решать вопрос своей государственности в пределах существующих границ, и право отказа от собственной автономии (! – автор) и решения вопроса своей самобытности в других политико-административных формах»*³.

¹ «Мир земле Карабах», «Правда», 15.01.1989 г.

² «Район особого управления», «Социалистическая индустрия», 30.04.1989 г.

³ «Советский Карабах», 26.09.1989 г.

Сравните эти слова со словами, ранее произнесенными М. Горбачевым в его выступлении по Центральному телевидению 2 июля 1989 г.:

«Нельзя мириться с теми, кто хотел бы использовать трения, возникшие в межнациональных отношениях, в спекулятивных, а то и в преступных целях... Мы обязаны остановить такое развитие ситуации. И не должны колебаться, принимая в соответствии с требованиями законов и жизненными интересами людей самые решительные меры против тех, кто провоцирует межнациональные столкновения, зовет к перекройке границ...»¹

Впрочем, Горбачев тоже не оригинален: он всего лишь повторял теоретические разработки разного рода шаманов от политики, появившихся как раз в период перестройки: тогда слово «политолог» только-только входило в оборот. Примером такого рода политического камлания на лепле событий в Закавказье можно назвать разработки модного тогда (да и сегодня тоже) театрального деятеля и аналитика Сергея Кургиняна. В 1988–1990 гг. этот придворный политолог направил в ЦК КПСС несколько аналитических записок на тему событий «вокруг НКАО», составивших «секретную» папку ЦК КПСС с надписью «Кургинян».

О том, как С. Кургинян объяснял первопричины карабахского конфликта, можно судить уже по отдельным подзаголовкам его творений: «Бюрократия, связь с «теневой» экономикой, кланы и их место в процессе»; «Экономические противоречия «теневых» экономик, составляющих реальную базу конфликта»².

Подобный «экономический детерминизм», понятное дело, пришелся по вкусу лидерам перестройки, по сути дела, так и оставшимся примитивными марксистами, слепо верящими в примат «бытия над сознанием», а значит, и экономики над политикой.

Совершенно очевидно, что такой высокоинтеллектуальный человек, как Аркадий Вольский, который к тому же был прекрасно знаком с мельчайшими деталями ситуации в регионе, не мог искренне верить в то, что причины, породившие карабахский кризис, лежат в области «борьбы республиканских мафий» за сферы влияния. Просто он вынужден был повторять спускаемые сверху политико-идеологические установки относительно Нагорного Карабаха.

Вместе с тем в упомянутом выше выступлении Аркадия Вольского прозвучали и горькие слова об ограниченности полномочий и возможностях КОУ.

«Несомненно, введение особой формы управления создало ситуацию, способную разрядить обстановку. Но на деле многое не получилось... До сих пор не определен статус комитета, нет положения о нем, что дало повод экстремистам говорить о его неконституционности. Ограниченный в своих правах комитет по многим вопросам не смог реализовать задуманное, особенно в области экономики и социальной сферы, хотя заделы подготовлены большие, которых здесь никогда и не было»³.

Правовой же статус Комитета особого управления еще не был определен в конце сентября 1989 г., то есть через восемь с лишним месяцев после Указа о его создании! Он так и не был определен, когда сначала Верховный Совет АзССР официально потребовал упразднить Комитет, а затем ВС СССР с подачи ЦК КПСС принял решение о роспуске КОУ.

¹«Советский Карабах», 04.07.1989 г.

²С. Кургинян. Седьмой сценарий. Часть вторая. После путча. Москва. Экспериментальный творческий центр. 1992. С. 10–63

³«Советский Карабах», 26.09.1989 г.

По нашему мнению, данный факт лишний раз свидетельствует о том, что создание КОУ изначально рассматривалось в Кремле как временная мера по успокоению страстей «в Нагорном Карабахе и вокруг него». Успокоению, под прикрытием которого Баку были развязаны руки на ускоренное удушение НКАО и изменение этнодемографического баланса в автономной области.

А то, что этот процесс набирал все большие обороты, осенью 1989 г. уже было очевидно любому жителю НКАО.

15 ноября в газете «Советский Карабах» было опубликовано открытое письмо председателей исполкомов горсовета Степанакерта и четырех сельских административных районов НКАО Верховному Совету СССР и Комитету особого управления, в котором приводились все новые факты экономико-демографической экспансии Азербайджана в НКАО.

«В опубликованной 14 октября сего года газетой «Вышка» беседе с первым секретарем Шушинского райкома партии В. Джафаровым последний сообщает о том, что в г. Шуше будут строиться дома для азербайджанских беженцев из Армении.

В том же номере «Вышки» сообщается о создании в Шуше в соответствии с решением Министерства народного образования АзССР филиала Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина со следующими факультетами: филологическим, историческим, математическим и методики преподавания в начальной школе... При этом наряду с местными жителями в филиале должны обучаться и студенты Кировабадского института соответствующего профиля. Там же, в Шуше, открыты подготовительные отделения политехнического и инженерно-строительного институтов, а в будущем году намереваются открыть филиалы Азнефтехима и Азмединститута.

В селе Ходжалу Аскеранского района ведется незаконное строительство множества объектов. В селе Лесное строятся многочисленные финские домики, что сопровождается варварской вырубкой леса.

В Мартунинском районе практически во всех азербайджанских селах строятся магазины, производственные цеха, бензоколонки. В селах Амиранлар, Муганлу создаются автоколонны, которые будут находиться в подчинении Агдама.

...Прохождение колонн с грузами через блокированные армянские села накаляет обстановку, что приводит к инцидентам.

Область находится в блокаде, остановлено строительство, не хватает топлива, а армянское население НКАО не только не имеет возможности получать грузы и стройматериалы из Армении, но порой даже и связаться с другими районами области из-за экстремистских выходов азербайджанских националистов. Вместе с тем, колонны с грузами для азербайджанских населенных пунктов регулярно прибывают из Азербайджана в сопровождении военных, которые объявляют о «невозможности» проведения колонн с грузами для НКАО из Армении.

Между тем, для изменения этнического состава населения области республиканские власти используют и бежавших из Средней Азии турок-месхетинцев, число которых в Азербайджане уже превысило 15 тысяч... К чему ведет подобное «переселение народов», никак не связанных с Нагорным Карабахом, не имеющих корней на этой земле, в нынешней, крайне напряженной обстановке?

В то же время армяне-беженцы из Баку и других городов Азербайджанской ССР, являющиеся выходцами из Нагорного Карабаха, не имеют возможности благоустроить свои очаги из-за продолжающейся блокады области»¹.

Вполне очевидно, что все вышесказанное было известно не только КОУ, но и руководству СССР, но никаких мер для исправления складывавшегося положения не принималось.

Еще одной причиной отчуждения от Комитета особого управления населения НКАО стало растущее понимание того, что партийные и советские органы автономной области вряд ли будут восстановлены в обозримом будущем. Одним из требований бастовавших в мае-августе 1989 г. было восстановление в правах областных партийных, советских органов, преобразованных Указом от 12 января в партийный и советский аппараты КОУ, и передача Комитету функций представительства центральной власти.

Не добившись от руководства страны каких-либо точных сроков восстановления областных структур в ходе встречи народных депутатов СССР от НКАО и ряда руководителей области с руководством СССР в конце июня, лидеры карабахского движения приняли нестандартное решение. В течение лета была проведена работа по подготовке проведения Съезда полномочных представителей Нагорного Карабаха, который прошел в середине августа. Съезд избрал Национальный совет «для стабилизации обстановки в регионе до восстановления функций Облсовета и Обкома партии» и передал ему от имени народа верховенство в управлении областью во всех сферах в период между съездами.

По сути Национальный совет был аналогом Карабахского Национального совета 1918–1920 гг., а идея Съезда полномочных представителей также восходила к тому же периоду.

Национальный совет, образованный в августе 1989 г., характеризовался как «единный народный орган коммунистов и беспартийных», которые проводят свою линию в интересах народа через местные Советы народных депутатов, парткомы, профсоюзы, комсомол, советы трудовых коллективов, общественные организации. Национальный совет объявлялся независимым в своей деятельности, подконтрольным только съезду полномочных представителей, а его решения – обязательными для исполнения на всей территории НКАО.

Тем самым, в автономной области фактически создавалось двоевластие. Было неясно, какими будут дальнейшие взаимоотношения нового органа народовластия, – хотя и не предусмотренного законодательством СССР, но и не противоречившего непосредственно ему, – и КОУ, который пользовался, в соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 12 января 1989 г., всей полнотой власти на территории НКАО.

Между тем, росло и отчуждение между КОУ и Комендатурой района особого положения, ибо военные неукоснительно следовали негласному приказу своего командования из Москвы: выполнять поступающие из Баку распоряжения и просьбы. Таким образом, исполнительная власть в лице КОУ все чаще сталкивалась с совершенно неожиданными действиями военных, от которых реально зависели безопасность дорог, поставки грузов, вообще действенность тех или иных распоряжений.

То есть объективно КОУ был вынужден вести «двойную игру», что вызвало отторжение от него значительной части населения НКАО. Как уже говорилось, и до сих пор в Нагорном Карабахе нет единства в оценке деятельности Комитета.

¹«Советский Карабах», 15.11.1989 г.

В уже упомянутом выше интервью бывший председатель Совета директоров НКАО Борис Арушанян, говорил: «Ошибкой я считаю также противодействие деятельности КОУ. Думаю, надо было извлечь из нее максимально большую пользу для нас. Если бы не замена Комитета особого управления на Оргкомитет Азербайджана, то развал СССР мы бы встретили экономически более сильными, и наши потери в грядущей войне, на мой взгляд, были бы меньше. Вопрос этот спорный, и не все активисты Движения разделяют такую точку зрения. Тем не менее надо признать, что в то время мы не могли до конца все просчитать. Объективности ради следует отметить, что противодействие Комитету было позицией не всего руководства Совета, но большинства. Я, например, был против торпедирования работы КОУ»¹.

На наш взгляд, вне зависимости от отношения к Комитету особого управления подавляющего большинства населения Нагорного Карабаха или Азербайджана, дни его были сочтены уже в момент подписания Горбачевым Указа об образовании КОУ от 12 января 1989 г.

ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА ДЕМАГОГИИ

Форсированное развитие руководством АзССР исключительно азербайджанских населенных пунктов НКАО и отсутствие деятельного противодействия этому со стороны КОУ вызвало, как уже говорилось выше, в мае-августе 1989 г. длительную забастовку в НКАО.

Центральные советские СМИ не только не освещали реальные социально-экономические процессы, происходящие в НКАО. Наряду с республиканскими СМИ АзССР они выполняли роль дымовой завесы, под прикрытием которой руководство этой республики перераспределяло выделенные НКАО средства в пользу азербайджанского меньшинства автономной области и прилегающих к ней азербайджанских районов.

Первая скрипка в этом оркестре принадлежала ТАСС, который на протяжении 1988–1989 гг. периодически выдавал бурные реляции по поводу очередных достижений в социально-экономическом развитии НКАО.

Под статью содержанию были и заголовки. Например, «Нагорному Карабаху – всем миром» (не правда ли, напоминает «с миру по нитке...»), как называлось очередное сообщение ТАСС, опубликованное во многих центральных ежедневных газетах 13 мая 1989 г.

В этом сообщении корреспондента ТАСС В. Егорова, в частности, говорилось: «На территории автономной области заработал карабахский групповой водовод... Планируемое наращивание в тринадцатой пятилетке объемов жилищного строительства в 1,4 раза должно привести к тому, что в 2000 г. каждая семья будет иметь здесь отдельную квартиру или индивидуальный жилой дом... Действующий аэропорт в Степанакерте оснащен современным радионавигационным оборудованием»².

«Миллионы читателей газеты «Труд», ознакомившись с этой информацией, обязательно скажут: вся страна помогает области, в крае происходят коренные преобразования, перспективы – блестящие, а они опять бастуют... Чего же теперь они хотят? –

¹www.defacto.am; 14.02.2008 г.

²«Труд», 13.05.1989 г.

писал корреспондент областной газеты НКАО Левон Пашаян. – *Им и невдомек, что в информации В. Егорова факты поставлены с ног на голову, допущены грубые фактические искажения*¹.

Далее газета приводила реальные факты.

*«До сих пор не действует групповой водовод, и вообще неизвестно, когда вступит в строй первый пусковой комплекс водовода. Из 12 артезианских колодцев, входящих в комплекс, пробурены лишь два, не готов также водораспределитель, – рассказал корреспонденту «Советского Карабаха» начальник Степанакертской передвижной механизированной колонны Александр Авакян. – Групповой водовод берет начало в Гасангая и тянется через соседние Мирбаширский, Бардинский и Агдамский районы. Если даже будет задействован этот комплекс, то лишь три процента воды придется на долю нашей области. Словом, это будет новый Сарсанг. Вот почему мы решили обратиться в союзные органы, чтобы нам позволили изменить проект и строить такой водовод, который, действительно, будет служить нуждам области»*².

«А что можно сказать относительно приведенных фактов, касающихся решения жилищной проблемы? На днях, выступая по областному телевидению, председатель Степанакертского горсовета М. Мирзоян привел такой пример: только в Степанакерте на 1 января в очереди на жилье стоят свыше 4,5 тысяч человек, не считая остро нуждающихся в жилье более 10 тысяч беженцев. Если учесть маломощную строительную базу области и нынешние темпы жилищного строительства, то станет ясно, что корреспондент ТАСС выдает желаемое за действительное.

Автор информации, несомненно, отказался бы от использования слова «надежность» при характеристике работы Степанакертского аэропорта, если бы потрудился приехать в областной центр... узнать о многочисленных трудностях, с которыми он сталкивается в своей деятельности, о том, как по вине диспетчерской службы Агдамского аэропорта даже в ясные дни откладываются многочисленные рейсы.

*... Отсюда ясно, почему этот избобилующий ложными фактами материал сразу же был перепечатан в республиканских газетах Азербайджана. Поистине очередная провокация, «испеченная» в духе и стиле застойных лет»*³.

В ходе продолжительной забастовки в НКАО в мае-августе 1989 г. центральные СМИ клеймили забастовщиков, пытаясь вновь, как и в 1988 г., представить их союзному зрителю и читателю в качестве «экстремистов», не думающих о своих собратьях по цеху.

*«Выходит, мы хорошие граждане, когда работаем и выполняем планы, – возмущалась в письме в редакцию областной газеты Герой Социалистического труда, ткачиха Каршелкокомбината Кнарлик Аракелян. – А стоит заговорить о своих правах, как превращаемся в экстремистов и националистов»*⁴.

20 июля областная газета опубликовала материал «И снова ТАСС», с фактами на руках обвиняя главное информагентство СССР в подтасовке фактов и разжигании напряженности в регионе.

¹«В кривом зеркале», «Советский Карабах», 06.06.1989 г.

²Там же

³Там же

⁴«Советский Карабах», 05.05.1989 г.

Со ссылкой на командированного на длительный период в НКАО корреспондента ТАСС В. Руденко говорилось, что к его корреспонденциям с места в московской главной редакции подверстываются абзацы с непроверенными или заведомо ложными фактами.

Одно из таких ложных сообщений и вызвало всплеск межнациональной неприязни в жопе. А вскоре последовало нападение на армянскую автоколонну на шоссе Степанакерт–Лачин–Горис и полное блокирование этой кратчайшей дороги из НКАО в Армянскую ССР.

Обиженный выдачей в прессу сказанного им в неофициальной беседе, собкор ТАСС В. Руденко написал полное упреков письмо, которое без купюр было опубликовано в областной газете. Это письмо сопровождалось комментарием, написанным от имени редколлегии «Советского Карабаха» заместителем главного редактора Аркадием Гукасяном, будущим президентом Нагорно-Карабахской Республики. В нем, в частности, говорилось:

*«Мы не склонны сомневаться в профессиональной добросовестности В. Руденко. По существу, он стал козлом отпущения, между тем, ответственность должны нести те выпускающие ТАСС, которые доводят материал, переданный корреспондентом, до определенной политической «кондиции», после чего он преподносится общественности... Не с легкой ли руки ТАСС на нас посыпалась отборная брань? Вам должно быть известно, что такие выражения, как «экстремисты», «коррупцированные элементы», «безответственные лица» и другие родились в недрах таинственного и непредсказуемого ТАСС. И если это не нагнетание напряженности, то что?»*¹

Между тем, дымовая завеса лжи способствовала ужесточению политики душения непокорной автономии со стороны Баку. Тот же ТАСС в своих сообщениях продолжал трубить о широкой реке помощи Нагорному Карабаху со всего Союза, связывая переживаемый автономной областью кризис с забастовкой, которая-де «серьезно осложняет политическое рассмотрение карабахского вопроса в Верховном Совете СССР, не позволяет добиться решительных сдвигов в социально-экономическом развитии НКАО, резко отрицательно сказывается на состоянии межнациональных отношений»².

Правда, в том же материале признавалось, что область блокирована, хотя и было не совсем ясно, кем и с какой стороны:

*«Все это осуществляется в условиях, когда экстремистски настроенные элементы с обеих сторон пытаются сорвать перевозки, организуют нападения и диверсии на автомобильных и железных дорогах, пытаются дестабилизировать обстановку, держат население в постоянном страхе. Область фактически находится в блокаде, неоднократно перерезаются ее транспортные коммуникации»*³.

И уже тогда, в августе звучали сверху призывы к ужесточению режима:

*«В то же время ко многим жителям Нагорного Карабаха приходит понимание, что нельзя винить в своих бедах простых людей другой национальности. Наиболее здравомыслящие обращаются в Комитет особого управления, военную комендатуру с требованием обеспечить на территории НКАО законность и порядок, привлечь к строгой ответственности тех, кто толкает оба народа за опасную черту»*⁴.

¹«Советский Карабах», 09.08.1989 г.

²«К событиям в Нагорном Карабахе», ТАСС, «Советский Карабах», 16.08.1989 г.

³Там же

⁴Там же

...Тем временем официальный Баку, пытаясь не допустить переориентации карабахской экономики и социальной сферы на АрмССР, открыто препятствуя гуманитарным связям между двумя частями разделенного народа, фактически вступал в конфликт не с местными властями НКАО или Ереваном, а с КОУ, который формально все еще являл собой руку Кремля. Методы политико-правового «подслушивания», изначально взятые на вооружение руководством АзССР, таким образом, вошли в противоречие с его текущими задачами. Открытые же «неподслушивание» и переход к прямой блокаде НКАО и насильственным действиям слишком наглядно выдали бы истинные планы официального Баку.

Поэтому там решили задействовать саботаж решений Кремля не только на уровне министерств и ведомств, но и, так сказать, снизу, из народных масс.

И низы вскоре вновь вышли вперед, как это уже было ранее в Сумгаите в феврале, и в Баку в ноябре-декабре 1988 г., когда по всей АзССР вновь прокатилась волна погромов и депортаций. Тогда в столице АзССР проходили многодневные стотысячные митинги и под антиармянскими лозунгами, чуть не вылившиеся в массовые погромы; в город были введены дополнительные войска и установлен комендантский час.

Любопытно, что мнимой причиной митингов поздней осени 1988 г. в Баку стали ложные сообщения о строительстве армянскими стройорганизациями промышленного предприятия в местечке Хачинтап (Топхана по-азербайджански), на противоположной Шуше стороне каньона, в ходе чего якобы вырубались реликтовые рощи – «свидетели славы азербайджанского народа». Побывавшая на месте московская комиссия лишь подтвердила, что место предполагаемого строительства, – и не предприятия, а санатория, – представляло собой «закустаренный выгон для скота с одиноко растущей на нем грушей». Но сам факт раздувания истерии вокруг строительства чего-либо в НКАО стройорганизациями Армянской ССР был весьма показателен.

Летом 1989 г. политика экономического и социального удушения Нагорного Карабаха вновь стала реализовываться и конкретизироваться руками тех же самых низов, которые подозрительно быстро оформились в структуры, формально неподвластные, оппозиционные партийному аппарату. Так на сцену драмы «в НКАО и вокруг нее» вышел Народный фронт Азербайджана (НФА).

Глава 10

БЛОКАДА И НАБЕГИ

«Что вообще означает «граница» в условиях нашего социалистического государства? Это условная линия, черта на карте... Нет и не будет у нас пограничных столбов и закрытых дорог внутри страны»

Аркадий Вольский, «Правда», 15 января 1989 г.

*«Под парусом черным ушли мы в набег,
Все семьдесят пять человек...»*

Роберт Льюис Стивенсон, «Остров сокровищ»

«Широко шагает Азербайджан», – сказал как-то о якобы грандиозных успехах Азербайджанской ССР в застойные годы дряхлеющий Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев в ходе своего визита в Баку. Эти слова стали в свое время олицетворением царящих в республике приписок, социальной демагогии, символом раздувания из мухи слона.

Однако в случае с невероятно быстрой материализацией буквально из ничего Народного фронта Азербайджана слова Л. И. Брежнева оказались в подлинном смысле слова пророческими.

Зимой и весной 1989 г. партийно-советские власти Азербайджанской ССР продолжали следовать в русле официальной политики Кремля и никоим образом открыто не высказывали своего несогласия с его генеральной линией по нагорно-карабахскому вопросу. Вместе с тем, вследствие ряда шагов, предпринятых в НКАО в направлении переподчинения предприятий, учреждений и организаций автономной области, возросла опасность потери реального контроля Баку над ситуацией в автономии. Вне зависимости даже от статуса и самого дальнейшего существования Комитета особого управления, постепенный процесс ухода НКАО мог приобрести лавинообразный и необратимый характер.

Баку требовались уже неординарные меры, а официально предпринять их руководство АзССР не могло в силу заведомой незаконности этих мер. Нужен был некий авангард-разрушитель, чьими руками можно было творить грязные дела, и такой силой стал Народный фронт Азербайджана, которому, как мы увидим ниже, подозрительно быстро и дружно подчинились практически все республиканские структуры, включая МВД.

Совместно эти силы начали необъявленную войну против армянского Нагорного Карабаха и поддерживавшей его Советской Армении. Полузабытые слова «блокада» и «набеги» вновь вошли в лексикон жителей Закавказья.

НФА: МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ДУХОВ

До лета 1989 г. никакими неформальными, независимыми от ЦК КП Азербайджана и Совмина АзССР общественными объединениями или движениями в республике и не пахло. Никогда не было ничего слышно и о каких-либо азербайджанских диссидентах, если, конечно, не считать таковыми иранских беженцев-политэмигрантов из Азербайджана – того самого, натурального.

И это было понятно всем, кто знал республику хоть немного изнутри. Никаких неформальных объединений не было и быть не могло в псевдосоциалистическом клановом обществе, каковым в той или иной мере был весь Советский Союз.

Азербайджанская ССР в этом аспекте занимала одно из первых, если не первое место. Занимала не только в силу специфики менталитета общества, но и в силу той всевластности и вседозволенности, которая была – как ни у какого другого республиканского лидера в СССР – у многолетнего правителя республики Гейдара Алиева. Человека, близкого на протяжении почти двух десятилетий к руководству всеильного КГБ и одновременно «лично к товарищу Леониду Ильичу Брежневу». Ведь с последним был близко породнен (они были женаты на родных сестрах) Семен Цвигун – второй человек в иерархии КГБ СССР. С. Цвигун покровительствовал Г. Алиеву в бытность свою председателем КГБ при Совмине АзССР. Направляясь на повышение в Москву, он выдвинул Г. Алиева на пост главы КГБ Азербайджанской ССР, а позже лоббировал в Москве его утверждение в качестве Первого секретаря ЦК Азербайджана.

Ясное дело, что при таких связях и могуществе Гейдар Алиев полностью контролировал «преданную» ему республику, не допуская в ней никаких неформальных движений и элементов, которые могли угрожать и его личному клану.

В СССР какие-то зачатки неформальных движений имелись в республиках Прибалтики, на Западной Украине – областях с сильно выраженным национальным сознанием и конфессиональной спецификой, ставших частью Советского Союза фактически только после Второй мировой войны. К примеру, в Молдавии, также поздно вошедшей в состав СССР, в советский период не существовало какого-либо национального диссидентского движения. Ведь сложившегося молдавского этноса ранее не существовало; в царской России жители региона были бессарабцами, в Румынии – румынами одной из провинций страны; к тому же румыны исповедовали православие.

Были небольшие неформальные группы в Советской Армении – благодаря наличию многочисленных нитей связи через диаспору с «заграницей», то есть опять-таки благодаря влиянию сформированных за пределами страны консолидированных национальных структур.

Наконец, были Москва и Ленинград с их многочисленной интеллигенцией, диссидентами, революционными традициями.

Что же до Азербайджанской ССР, то здесь, как и в Средней Азии, еще далеко не был завершен процесс национальной консолидации, а каких-либо традиций борьбы за независимость никогда не было. О какой борьбе за национальную независимость можно говорить,

если «Азербайджанская Демократическая Республика» была провозглашена под эгидой турецкого военного командования в 1918 г.? Первоначально «власть» АДР распространилась лишь на мусульманские кварталы Елизаветполя (Гандзак, Гянджа) и некоторые их окрестности. И лишь после завоевания турками Баку и объявления города столицей новообразованного государства началось «собрание» огнем и мечом разноплеменных территорий и народов в его состав.

В советское время этот процесс продолжился, и лишь в послевоенные годы началось активное перемалывание различных «мусульманских» этносов с целью создать новую общность – азербайджанский тюркский народ.

И вдруг случилось невероятное. Среди всех националистических движений, которые вспыхнули в Советском Союзе, начиная с движения за независимость прибалтийских республик, ни одно не выдвинулось из безвестности к власти так быстро, как Народный фронт Азербайджана (НФА). Еще более примечательно, ни в одной из республик не произошел де-факто полный переход власти от устоявшихся партийно-советских структур к «неформалам» за какие-то полгода, как это случилось в АзССР.

Еще весной 1989 г., практически никто в СССР и не подозревал о существовании в АзССР НФА или чего-то подобного, хотя создание его и относят к марту 1989 г.

Материализовавшийся летом 1989 г. будто бы из ниоткуда, НФА уже в августе провел сначала однодневную, а затем двухдневную всеобщую забастовку, а в сентябре уже на долгое время парализовал железные дороги Закавказья. А 23 сентября неформалы из НФА «заставили» партийно-советскую власть АзССР принять своим карманным Верховным Советом Конституционный закон о суверенитете. Этот закон первым в СССР провозгласил полный контроль республики над природными ресурсами, включая нефть, право вето на не устраивающие Баку решения Москвы, право на выход из СССР. Равно как и право создавать и ликвидировать автономии в своих данных сверху, советских административных границах.

Все это склоняло к мысли о том, что НФА – не что иное, как структура, созданная в недрах КГБ АзССР и Компартии Азербайджана. Власти АзССР тем самым выставили от себя некий орган, призванный проявить недовольство народа и заявить о его готовности начать полное «непослушание» центральным властям. В отличие от официальных республиканских властей, продолжавших свою прежнюю политику «послушания». Понимание этого очевидного факта снимает вопрос появления из ниоткуда Народного фронта Азербайджана.

В конце августа 1989 г., в интервью областной газете «Советский Карабах» народный депутат СССР от Мартунинского национально-территориального избирательного округа Вачаган Григорян говорил об обстановке в регионе: «Она с каждым днем все более накаляется. Руководство Азербайджана, как видим, ничего не предпринимает для того, чтобы воспрепятствовать этому, скорее наоборот»¹.

В ноябре 1989 г. 8 депутатов Верховного Совета АзССР от НКАО сложили с себя депутатские полномочия. В письме, опубликованном в областной газете, они объяснили свой шаг дальнейшей невозможностью участвовать в работе органа, который «сеет и углубляет межнациональную вражду»².

¹«Советский Карабах», 23.08.1989 г.

²«Советский Карабах», 11.11.1989 г.

Сложившие с себя полномочия депутаты заявляли:

«Мы считали и продолжаем считать, что автор геноцида, варварской депортации армян – не народ, что азербайджанский крестьянин, рабочий-нефтяник, как и мы, хотят восстановления мира и добрососедских отношений между двумя народами».

В письме отмечалось, что

«в Азербайджане есть влиятельные силы, пытающиеся втянуть собственный народ в пучину межнациональной розни». Что Верховный Совет АзССР фактически содействовал эскалации напряженности в регионе, усилению национальной непримиримости сторон, организации блокады области и Армянской ССР. Своими действиями и речами парламентарии республики призвали людей к открытому насилию...»

Говоря о деятельности НФА, бывшие депутаты ВС АзССР от НКАО писали:

«Организация, именующая себя Народным фронтом, с попустительства и благословения государственных властей республики, прибегает к насилию, экономической блокаде, варварским актам, среди бела дня грабит и похищает государственное и личное имущество...»

То есть бывшие депутаты из числа трудящихся, в основном сельчане, прекрасно осознавали, что угроза их краю исходит из руководства АзССР, и весьма точно охарактеризовали суть и происхождение Народного фронта Азербайджана как придатка властей республики.

К сожалению, подобного понимания в целом по стране и даже в ее столице не было. Практически все «реформаторы-демократы» приняли появление НФА за чистую монету, как действительно шедшее снизу консолидированное неформальное волеизъявление азербайджанского народа. Тем самым рождавшейся советской демократией в очередной раз было продемонстрировано крайне поверхностное понимание событий в Закавказском регионе. Равно как и патерналистский подход, позволяющий списывать кровавые эксцессы на «естественную несознательность недоразвитых масс».

Роль внешнего фактора, полная смычка между официальными властями АзССР и отделениями НФА на местах, – все это было проигнорировано «думающей», «передовой» частью советского общества.

Практически полностью солидаризовались с НФА и аналогичные «фронты» в ряде союзных республик, у которых и позаимствовали название своего детища бакинские идеологи нового азербайджанского национализма. В неформальных движениях республик Прибалтики, в частности, уже тогда возобладали весьма примитивная теория, в соответствии с которой все проблемы автономий в СССР провоцировались из Кремля с целью «держат и не пущать» из Союза свободолюбивые народы союзных республик.

Тем самым, народам автономий отказывалось в каких-либо человеческих и гражданских устремлениях и отводилась роль цепных псов режима. При этом ни один, даже самый продвинутый, «саюдист» (от литовского неформального движения «Саюдис» – т.е. «Союз») не мог толком объяснить, почему, например, Литва, получившая при формально добровольном вхождении в СССР немалые территории поверженной совместно коммунистами и нацистами Польши из рук тех же коммунистов – суть «закрепощенная демократия». А Нагорный Карабах, насильно включенный в АзССР решением Кавказского бюро российской партии большевиков, подвергавшийся этнической чистке и блокаде при попустительстве руководства СССР – оплот советского империализма?

Несомненно, такая ориентация «демократов» лишь облегчала Кремлю расправу с «бунтующим» Нагорным Карабахом и поощряла азербайджанских националистов в Баку и на местах. Ведь голос протеста слышался только из Армении, и если для коммунистов это был лишь националистический фактор, «нож в спину перестройке», то для «демократов» – происки тех же коммунистов из Центра.

Во многом отсюда проистекали тотальный характер начавшейся в АзССР летом 1989 г. блокады, других враждебных акций против карабахцев, повсеместность и безоговорочно обязательное участие в них всех без исключения граждан – под страхом наказания для несогласных.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ БЛОКАДА

В Закавказье железнодорожная сеть была достаточно густой и развитой. Первые линии были проложены еще в последней трети XIX века, активное строительство железных дорог продолжалось на рубеже и в начале XX столетия.

В годы советской власти железнодорожная сеть Закавказья активно развивалась, и большинство новых линий были построены как раз на территории Азербайджанской ССР. Что было вполне естественно, ибо, во-первых, потеря СССР железнодорожной ветки Александрополь (Ленинканан)–Карс вследствие передачи большевиками Карсской области Турции сделала это направление практически тупиковым.

А во-вторых, было невозможно серьезно увеличить грузопотоки по ветке, соединившей уже в советское время Северный Кавказ с Тбилиси по побережью Черного моря через Абхазию, – вследствие сложного рельефа. Поэтому эта ветка использовалась преимущественно для пассажирских перевозок и лишь в сравнительно незначительном объеме – для грузовых. Другого же пути через Грузию и Кавказский хребет просто не существовало.

Учитывая возрастающую добычу нефти в районе Апшерона и стремительный рост промышленного развития Закавказья в 1950–1970 гг. железнодорожный грузопоток в Закавказье транзитом через Баку все увеличивался. При помощи сильного лобби в Москве руководству АзССР в 1967 г. даже удалось добиться выделения республиканской железнодорожной сети из общей для всех трех республик Закавказской, в отдельную, Азербайджанскую железную дорогу.

Более того, 44-километровый участок дороги Баку–Нахичевань, проходящий по территории армянского Зангезура, также стал считаться частью Азербайджанской железной дороги. А это уже была серьезная заявка отнюдь не из экономической области!

В 1980-е, как и в прежние времена, основной железнодорожный грузопоток в Грузинскую и Армянскую ССР шел по ветке Грозный–Дербент–Баку и далее на Тбилиси и Ереван. От узловой станции Алят, что в 70 км от Баку, линия раздваивалась. Одна шла на северо-запад, через Кюрдамир–Евлах–Актафу и Бююк–Нястик на Тбилиси, либо через Иджеван, по относительно недавно построенной, но обладающей малой пропускной способностью ветке, на Ереван.

Основной же грузопоток – три четверти всех грузов – шел в Армянскую ССР транзитом через Баку по построенной в 1936–1941 гг. линии Алят–Мегри–Джульфа и далее через Нахичевань в Ереван.

При взгляде на карту становится ясно, что, блокируя со стороны Азербайджанской железной дороги Армянскую ССР, невозможно было одновременно не блокировать Нахичевань. Однако организаторы блокады вполне здраво рассудили, что малонаселенная и экономически слабо развитая автономия «протекторат» АзССР – незначительная жертва в бескомпромиссной борьбе с Ереваном.

Вследствие блокады на территории АзССР железнодорожных путей, ведущих в Армянскую ССР, под угрозой срыва оказались не только работы по восстановлению пострадавшей от землетрясения зоны. Встали многие промышленные предприятия, которые не могли получать сырье и отгружать готовую продукцию для других республик и регионов.

Ведь Армянская ССР была, – если сравнивать масштабы территории и населения с объемом производимой продукции, – наиболее индустриально развитой республикой бывшего СССР. Вдобавок – единственной «неславянской» республикой с практически стопроцентным национальным рабочим классом и корпусом инженеров.

При территории в 29,8 тыс. км² (самая маленькая из всех союзных республик) и численности населения примерно в 3,6 млн человек в конце 1980-х гг. в АрмССР работало 713 промышленных предприятий, из которых 182 – в машиностроении, 139 – в пищевой промышленности, 135 – в легкой промышленности¹.

ВНП АрмССР в 1989 г. составлял 20 млрд долларов, бюджет – 7 млрд. Число занятых в народном хозяйстве составляло 1,43 млн человек, или 40 % от всего населения. Доля промышленности в республиканском ВВП составляла 67,8 %, в ней работало 460 тыс. человек или одна треть от общего числа работающих; при этом половина работавших в промышленности – инженеры и рабочие в машиностроительной отрасли².

По выпуску электротехнической продукции республика занимала в СССР 3-е место, в приборостроении – 4-е, станкостроении – 5-е. По выпуску отдельных видов промышленной продукции – 1-е место³.

...В подготовленной осенью 1989 г. Госкомстатом АрмССР справке об ущербе, наносимом блокадой народному хозяйству республики, экономике других районов страны, связанных с ее предприятиями договорными отношениями, в частности, говорилось: «В случае затягивания решения вопроса о снятии блокады практическая деятельность промышленности республики в течение ближайшего периода фактически будет парализована со всеми вытекающими отсюда последствиями».

В феврале 1990 г. республиканская армянская газета «Коммунист» в передовице под названием «Цена блокады» сообщала следующие факты.

«По предварительным расчетам, прямой ущерб, нанесенный блокадой только за третий и четвертый кварталы 1989 г., составил 370,4 млн рублей. Не получено прибыли – 174,8 млн руб., выплачено зарплаты за вынужденный простой – 52,1 млн руб.,

¹«Республика Армения», Российский выпуск, № 3, 28.01.2008 г. С. 8

²Там же

³Там же

штрафов за недопоставки продукции – 45,2, потери в результате порчи товарно-материальных ценностей составили 51,3 млн рублей.

Косвенный ущерб, нанесенный народному хозяйству республики за тот же период прошлого года, оценивается почти в 2 млрд рублей, в том числе не получено сырья, материалов, комплектующих деталей, транспортных средств и др. на 815,7 млн рублей, недодано продукции, не введено основных фондов, не оказано платных услуг населению на 665,5 млн рублей; не выполнено поставок по договорам на 449,2 млн рублей. Крайне отрицательные последствия блокады сказались на ходе восстановительных работ в зоне землетрясения. Привлеченными и республиканскими строительными организациями по этой причине за год из двух, отпущенных на ликвидацию разрушенного, введено всего 302,4 тыс. м² жилья, или 17,5 % годового плана, 3,33 тыс. учебных мест в школах (12,8 %), 405 мест в детских дошкольных учреждениях (3,7 %), больниц на 80 коек (9 %)»¹.

Экономические связи между различными регионами СССР в результате блокады пострадали несоизмеримо больше, чем от всех предыдущих забастовок промышленных предприятий в АрмССР и НКАО, о которых ранее власти и центральные СМИ не уставали возмущенно вещать.

Однако союзные органы власти, похоже, не слишком беспокоила ситуация, когда неожиданно возникшая «экстремистская неформальная организация» при молчаливом согласии руководства АзССР разрушала созданную за много лет инфраструктуру транспортных связей в стратегически важном регионе страны, непосредственно граничившим с блоком НАТО – вероятным противником номер один Советского Союза.

Более того, благодаря предыдущей информационной обработке советского населения, и в ходе железнодорожной блокады АрмССР обстановка в регионе представлялась советским людям в совершенно искаженном свете.

В репортаже спецкоров «Московских новостей» Авета Демуряна и Андрея Пральникова из блокадного региона приводился характерный пример такого рода:

«Замалчивание событий вокруг Нагорного Карабаха, информационная блокада весной прошлого года только накалила обстановку... Можно понять обиду рабочих ереванского завода «Армэлектродвигатель», получивших телеграмму от заказчиков из Читы с упреками в том, что из-за их националистических амбиций вынужденно простаивают, несут убытки рабочие в Забайкалье. Товарный двор и склады предприятия забиты готовой продукцией. Ее не на чем вывезти из республики, не на чем доставлять сырье»².

«На днях по Центральному телевидению выступал заместитель Председателя Совмина СССР г. Белоусов. Так вот, по мнению человека, занимающего столь высокий пост, в стране не произведено телевизоров, обуви, других товаров народного потребления из-за... плохой работы и забастовок в... Армении и Азербайджане. Если дезинформирован генеральный экономический штаб страны, то о чем можно говорить после этого. Складские помещения и цеха, железнодорожные товарные станции в Армении буквально ломятся от неотправленной готовой продукции... В нашей памяти еще свежи интенсивные передачи ЦТ, которое ежедневно осуждало забастовки в Нагорном Карабахе.

¹«Коммунист», 18.02.1990 г.

²«Блокада», «Московские новости», № 40, 01.10.1989 г.

Дикторы и комментаторы ЦТ не скупилась на цифры «колоссальных убытков», которые наносят стране несколько бастующих предприятий Степанакерта, и для пущей убедительности многократно предоставляли экран потребителям со всех концов страны, осуждавшим карабахцев. Так почему же сейчас... так редко говорят о блокаде? А если и говорят об этом, то преподносят информацию так, что зачастую трудно понять, кто кого блокирует в Закавказье¹.

Слабоволие, наплевательское отношение к судьбам народов и государства, проявленное советским руководством во главе с Михаилом Горбачевым, с самого начала железнодорожной блокады в Закавказье резко противоречат мифу о «сильных коммунистах-государственниках» и сменивших их «мягкотелых демократах», бытующему и по сей день.

В октябре 1989 г. в прессе появлялись сообщения, что в Кремле периодически обсуждался вопрос о введении на Азербайджанской железной дороге чрезвычайного положения. «Блокада началась около месяца назад... Азербайджанские железнодорожники по приказу Народного фронта республики отказались перевозить грузы в Армению. С тех пор лидеры фронта приоткрывали шлагбаум, пропуская по несколько составов, – прорывы приходились на дни, когда в Кремле обсуждался вопрос о введении на дороге чрезвычайного положения», – сообщал с места спецкор «Московских новостей» Леонид Милославский. – Лидеры НФА... и не особенно скрывали, говоря со мной, что движение восстановлено вынужденно, под угрозой чрезвычайных мер»².

Однако странным образом после этого блокада вскоре возобновлялась, а Центр по-прежнему не спешил с наведением порядка. Более того, руководство СССР занималось дезинформацией населения страны.

Так, в том же материале «Московских новостей» говорилось:

«Еще один слух... был пущен министром путей сообщения по Центральному телевидению: «Азербайджанцы садятся на рельсы и не пропускают поезда», – заявил министр, так объясняя неподвластность Азербайджанской железной дороги министерству. Такого не видели не только мы, но и все, кого можно считать нейтральными наблюдателями: военнотруженики, специалисты из МВД СССР. Для каждого, кто хоть немного разбирается в ситуации, абсурдность заявления очевидна: азербайджанские железнодорожники беспрекословно действуют в русле политики НФА, доведенной до них же не экстремистскими анциями, а в форме приказов»³.

Спецкоры «Московских новостей» Авет Демуриян и Андрей Пральников в своем репортаже «Блокада» свидетельствовали о явном единении местных властей и НФА в вопросах блокады:

«Председатель Совета Министров автономной республики (Нахичеванской АССР – прим. автора) заявил, что владеет лишь информацией, но не может обязать железнодорожников открыть путь. Решение может принять только Народный фронт»⁴.

Они же поведали о странном равнодушии военных к «перехвату» Народным фронтом Азербайджана исключительных функций внутренних войск:

¹ «Коммунист», 18.02.1990 г.

² «Конец блокады?», «Московские новости», 22.10.1989 г.

³ Там же

⁴ «Блокада», «Московские новости», № 40. 01.10.1989 г.

«У села Ерасх пролегла граница Араратского района Армении и Нахичеванской АССР... Шлагбаумы с той и с другой стороны... Проверяют автомобили тех, кому необходимо все-таки проехать. Военные с той и другой стороны наблюдают за порядком. Но досмотр с азербайджанской стороны ведут не они – люди в гражданском с повязками на руках. Поразила сцена, произошедшая при нас: обыскивали армейский автомобиль. Водитель и офицер вышли из кабины и не препятствовали контролерам».

Накануне принятия Верховным Советом СССР Постановления «О мерах по нормализации обстановки в НКАО» от 28 ноября 1989 г., фактически возвращавшего мятежную автономию под контроль Баку, железнодорожная блокада Армянской ССР была приостановлена. Тем самым фактически было подтверждено мнение о том, что блокада одой из союзных республик проводится другой союзной республикой с молчаливого согласия Кремля, рассматривавшего блокаду как возможность заставить Ереван прекратить активную поддержку требования карабахцев о самоопределении.

После предпринятых вслед за постановлением от 28 ноября и в противовес ему законодательных шагов армянской стороны (речь идет о совместном постановлении Верховного Совета АрмССР и Национального совета Нагорного Карабаха о воссоединении Армении и Нагорного Карабаха) блокада возобновилась. В первой половине декабря 1989 г. начал работу второй Съезд народных депутатов СССР, и в первый же день его работы депутат Анатолий Собчак внес на рассмотрение Съезда предложение о снятии блокады. Это предложение было отклонено «агрессивно-послушным» большинством народных депутатов, которые всегда голосовали в соответствии со «спущенными сверху», из Политбюро ЦК КПСС инструкциями.

А в упомянутой выше передовице «Цена блокады» в армянской газете «Коммунист» от 18 февраля говорилось, что с первой декады января 1990 г. и по «настоящее время» по стыкам Норашен и Иджеван поезда в Армянскую ССР по Азербайджанской железной дороге не поступали. Это еще одно свидетельство негласного разрешения блокады сверху: ведь еще 19 января в Баку и в пограничной зоне советско-иранской границы на территории АзССР было введено чрезвычайное положение. Основной поток грузов как раз и шел вдоль границы; но даже в условиях чрезвычайного положения союзные власти не предприняли действенных мер для наведения порядка на коммуникациях стратегически важного, непосредственно граничащего с блоком НАТО Закавказского региона...

Как уже было сказано выше, одна из железнодорожных веток, связывающих Армянскую ССР с РСФСР, проходила через соседнюю Грузию и не была заблокирована, что позволяло получать и отправлять необходимый минимум грузов.

В случае же с Нагорным Карабахом единственная ведущая со стороны АзССР. Тем самым ветка Евлах–Агдам–Степанакерт была наглухо закрыта со стороны АзССР. Тем самым была полностью разорвана железнодорожная связь области с внешним миром.

К осени 1989 г. блокада железнодорожных коммуникаций и «приватизация» предназначенных для области грузов приобрели всеобъемлющий характер. Многие грузы просто не доходили до автономной области, бесследно «исчезая» по пути. На деле они просто самовольно переадресовывались азербайджанским получателям. В первую очередь это касалось грузов, направлявшихся в НКАО из Армянской ССР, а также дорогостоящих и дефицитных грузов.

Так, председатель межхозяйственного объединения «Живпром» Аскеранского района НКАО Мурад Хачатрян рассказывал корреспонденту областной газеты Вилену Бахширину: «Наше хозяйство никогда прежде не оказывалось в столь безвыходном положении. Это следствие блокады области и, в частности, железнодорожного узла, Азербайджаном. Из Армении в порядке помощи отправлены вагоны с 300 тоннами концентрированных кормов. Они давно стоят на Агдамской железнодорожной станции. Другие вагоны, которые отправлены из украинского города Полтава (в них 500 тонн концентрированных кормов), затерялись неизвестно на какой станции Азербайджанской железной дороги»¹.

«Ереванский хладокомбинат 13 сентября отправил в наш адрес 4 вагона со 142 тоннами животного масла. Этот груз до сих пор не поступил к нам. Как сообщили с оптово-торговой базы облпотребсоюза, груз был незаконно разгружен на Евлахской межрайонной базе «Азериттифага» («Азерпотребсоюза», – прим. автора). Даже Комитет особого управления НКАО обращался в Совет Министров Азербайджана с требованием вернуть груз. Но тщетно – результатов никаких»².

«Отправленные из Армении вагоны останавливают в Баладжарах, Евлахе и на других станциях, «проверяют грузы» и беспрепятственно конфискуют любые товары... Это грубое нарушение железнодорожных правил. Приняв груз, железная дорога обязана в целостности и сохранности доставить его адресатам. Этот закон, обязательный для всех железных дорог мира, то и дело нарушается на железной дороге Азербайджана. Мы составляем соответствующие акты, высылаем их куда следует, но и после этого положение не меняется. Ущерб, наносимый области, растет день ото дня»³.

ВНЕШНЯЯ БЛОКАДА АВТОДОРОГ

Автомобильные дороги, связывавшие НКАО с АрмССР и РСФСР, которые также пролегали исключительно по территории АзССР (вспомним, что в 1920-х гг. автономная область Нагорного Карабаха стала анклавом после территориальных манипуляций с «Красным Курдистаном»), и до того небезопасные из-за периодических нападений, с лета 1989 г. стали практически непроходимыми для карабахского автотранспорта. «Каменная война» стала обычным явлением и на дорогах внутри самой НКАО, а уж за ее пределами ситуация была куда более сложной.

Массовость акций и их повсеместность говорили об управлении ими из единого центра. При этом в Азербайджане изначально начисто исключалось какое-либо иное, нежели поголовно враждебное, поведение по отношению к армянам, чего ранее не было, по крайней мере, в общереспубликанском масштабе. «Свой» ослушник мог тут же быть причисленным к «душманам-армянам» со всеми вытекающими последствиями.

¹ «Советский Карабах», 26.09.1989 г

² «Советский Карабах», 14.12.1989 г.

³ «Советский Карабах», 07.01.1990 г.

Поясняя нашу мысль, приведем отрывок из уже цитировавшейся нами книги бывшего главы Комитета народного контроля НКАО члена КОУ Владимира Товмасына «Карабахская мозаика». Товмасын вспоминает, как, возвращаясь в апреле 1988-го на служебном автомобиле из Баку, после ряда встреч в ЦК КП Азербайджана, он попал в сложную ситуацию. На полпути в Степанакерт лопнула одна из шин, а после замены колеса на запасное в 20–25 км от азербайджанского райцентра Евлах лопнула еще одна шина. Напомним, это происходило после резни в Сумгаите, в условиях, когда обстановка в прилегающем к Нагорному Карабаху регионе уже была обострена.

«Не скрою, чувство беспокойства охватило меня, ведь все кругом бурлило, и в любую минуту можно было попасть, мягко говоря, в неприятную ситуацию. Примерно через полчаса нам удалось остановить машину, ехавшую в сторону Евлаха. Это было через полчаса нам удалось остановить машину, ехавшую в сторону Евлаха. Это было такси. Я объяснил таксисту ситуацию, но у него запасного колеса не оказалось. Оставив водителя машины, я на такси поехал в Евлах с расчетом достать покрышку. По дороге я вспомнил про бывшего заведующего административным отделом обкома партии Наги Дадашева, старший сын которого с самого начала событий переселился в Евлах и работал там в районном отделе милиции, куда мы и поехали. Дежурный сказал мне, что мой знакомый выехал на место происшествия в районе реки Куры и вернется поздно. Подумав минуту, я собрался было уходить, как вдруг дежурный обратился ко мне:

– Я вижу, вы чем-то озабочены. Чем могу вам помочь?

Я объяснил ему ситуацию.

– А как вы добрались до Евлаха? – спросил он.

– На такси, – ответил я, – машина ждет на улице.

Дежурный молча встал из-за стола, вышел со мной на улицу, подошел к таксисту и поручил ему со мной поехать к кому-то домой за колесом, затем отвезти меня к нашей машине и сопроводить нас до Евлаха, добавив, чтобы денег с нас не брал. Все так и было сделано. Несмотря на отказ таксиста брать с меня деньги, я все-таки отдал их ему, а колесо обещал утром следующего дня прислать на маршрутном автобусе Шуша–Евлах и попросил передать его хозяину»¹.

Понятно, что и таксист, и дежурный райотдела милиции были азербайджанцами, которым было ясно, что их визави – армянин из НКАО. Тем не менее, фактор человеческих отношений и наличие у участников диалога в РОВД общего знакомого «знакомому знакомому» на фоне начавшегося межнационального противостояния никак не мог бы иметь место летом 1989 г. Ибо проявившему подобную мягкотелость в отношении «врага», будь он даже и сотрудник милиции, не поздоровилось бы от своих же соотечественников. Благо и контролеры, как мы увидим ниже, были повсеместно...

Итак, прежде всего была окончательно заблокирована дорога Горис–Лачин–Степанакерт, по которой до того худо-бедно, хотя и нечасто, проходили пассажирские автобусы и транспортные колонны с хозяйственными грузами в сопровождении нарядов внутренних войск. Это произошло 31 июля 1989 г., когда несколько тысяч жителей Лачинского района АзССР

¹ Владимир Товмасын. Карабахская мозаика. Москва. 2003. С. 84–85

«живой стеной» перекрыли дорогу колонне грузовых автомобилей, следовавшей в направлении Степанакерта, забросали ее камнями, а затем стали громить автомобили, напали на водителей и охрану из солдат внутренних войск. Колонна вынуждена была повернуть обратно, и с тех пор отрезок шоссе Горис–Лачин был окончательно, вплоть до вооруженного прорыва наземной блокады в мае 1992 г., блокирован для армянского грузового и пассажирского транспорта.

Военная комендатура заявила тогда, что ничего не может предпринять, ибо дорогу перекрывают многолюдные толпы, состоящие в том числе из женщин и детей. Как мы увидим ниже, позиция внутренних войск была весьма односторонней. А именно то, что они будто бы не могли сделать в Лачине и других азербайджанских населенных пунктах, они куда как с большей решимостью проделывали в НКАО в случаях, когда препятствия азербайджанскому транспорту чинили местные армяне.

Другие дороги, ведущие из Нагорного Карабаха во внешний мир, также были заблокированы. Специальные мобильные группы «народнофронтовцев» совершали нападения на направлявшийся из области или в область управляемый армянскими водителями автомобильный транспорт. Вот примеры того, как это происходило.

В номере газеты «Советский Карабах» от 10 ноября 1989 г. рассказывалось о блокадных буднях областного специализированного управления механизации и транспорта (СУМТ).

«Десятилетиями не заботились о строительстве в крае благоустроенных дорог. Сегодня вместо 50 приходится преодолевать до Мардакерта 120 км. За день вместо 2–3 водителя выполняют едва один рейс. Если же путь в Мардакерт пролегает через Члдран и Дрмбон, – то один рейс за два дня (груженная машина стоит, пока не загрузят остальные, чтобы составить колонну и двинуться в путь).

В коллективе у нас в основном водители, а дороги небезопасны, жизнь не застрахована... Так, Абель Амирян на пути в Москву, не доезжая до Агдама, получил три пулевых ранения. За то, что армянин, что карабахец. Истекая кровью, он кое-как повернул машину обратно и, не доезжая до Аскеранского контрольно-пропускного пункта, потерял сознание. Его преследователи повернули назад всего в 200 м от КПП, вновь оставшись «неизвестными лицами»¹.

В материале редактора Мардакертской районной газеты «Джраберд» Славы Мосунца из того же номера от 10 ноября 1989 г. читаем: «В городе Барда АзССР находятся два «КамАЗа» Мардакертской автоколонны автопредприятия Агропрома НКАО, водители которых были избиты. Уже три месяца, как две эти машины, груженные запчастями на сумму 35 тыс. рублей, которые поступили из Набережных Челнов, арестованы в Барде».

О том, как произошел этот «арест», областная газета рассказывала ранее, в номере от 9 сентября. По дороге на базу у одного из грузовиков лопнули парные автопокрышки, и водители вынуждены были остановиться на выезде из Бардинского района АзССР. Далее произошло вот что:

«КамАЗ» без номеров притормозил у автомашин армянских водителей. Из него вышли три азербайджанца, вооруженные ножами и железными прутьями. Подойдя к

¹«Требуем изменить наше положение», «Советский Карабах», 10.11.1989 г.

машинам, они проткнули все покрышки. Скоро собралась огромная толпа, примерно 500 человек. Разъяренный сброд напал на водителей и стал их избивать, пока они не потеряли сознание. Кто-то из варваров отрезал Э. Абрамяну ухо. Затем обоим бросили на хлопковую плантацию.

К сумеркам их «заметили» работники милиции. Вместо того чтобы вызвать машину «скорой помощи», они посадили пострадавших в свой автомобиль и возили по всей Барде, как они утверждали, дабы умерить гнев народа. Потом отвели в отделение милиции, где продержали до 10 утра...»¹

Как отмечала газета, как раз накануне происшествия «на азербайджанском телевидении был организован «круглый стол», участники которого откровенно призывали к расправе над армянами»².

Следует добавить, что дорожная блокада области носила многоплановый характер. Так, что иной раз можно было проехать в одном направлении, но не факт, что можно было вернуться назад самим или вернуть обратно свой груз.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, автономная область, особенно ее сельские районы, были газифицированы крайне плохо³. Приходилось централизованно отправлять газовые баллоны сельчан на заправку, что вскоре также стало невозможным. Вот что рассказывала областная газета о сложившейся в связи с этим в Мардакертском районной ситуации.

«18 августа шесть автомашин и один прицеп в сопровождении воинов патрульной службы отвезли 600 пустых баллонов на Бардинскую базу для заправки. Работники базы готовились уже приступить к работе, как вдруг туда ворвалась толпа и стала угрожать руководителям и рабочим. Вмешательство военнослужащих ничего не дало. Сейчас в Мардакертском районе без газа осталось около 12 тысяч семей. Если минувшим летом использовалось до 200 т сжиженного газа, то сейчас всего 8–10 т, которые поставляются с помощью военных»⁴.

Аналогичными были последствия блокады и для других сельских районов, население которых вынуждено было вернуться к сбору дров и починке дедовских «буржуек» для приготовления пищи...

В условиях блокады наземных коммуникаций практически единственным средством пассажирского сообщения НКАО с «Большой землей» стала гражданская авиация. Степанакертский аэропорт в день принимал и отправлял до 15 и более пассажирских из Еревана и обратно. Небольшие пассажирские Ан-2 – «кукурузники» – могли приземляться на грунтовую полосу небольшого аэродрома близ райцентра Мардакерт.

Транспортно-пассажирские вертолеты Ми-8 Управления гражданской авиации АрмССР более или менее регулярно садилась на ряде естественных и специально оборудованных площадок на территориях НКАО, соседнего Шаумянского района Нагорного Карабаха. Однако эти машины не могли обеспечить перевозку сколько-нибудь значительных грузов в масштабах всей автономной области.

¹«Советский Карабах», 09.09.1989 г.

²Там же

³Всего 8 из более чем 210 сел и деревень имели магистральное газоснабжение

⁴«Советский Карабах», 23.08.1989 г.

Вид на центральную часть села Геташен, Северный Арцах. Фото с сайта MRAV.NET

Из Шаумяна – с картошкой. Только в сопровождении БТРов могла пройти колонна грузовиков с картофелем для НКАО осенью 1989 года. Фото Сергея Абовьяна

В этих условиях основным грузовым транспортным средством для ввоза и вывоза грузов стали в НКАО большегрузные вертолеты МИ-26. Предоставляемые военным командованием дислоцированной в Армении 7-й Гвардейской армии, они доставляли по воздуху в НКАО товары первой необходимости, прежде всего продовольственные: муку, сахар и т.п.

Вертолеты эти садилась только в Степанакертском аэропорту, ибо, во-первых, там была необходимая для мощных винтокрылых машин бетонная полоса. Во-вторых, там был контроль над содержанием грузов со стороны военной комендатуры района Особого положения. Внутренние войска зорко следили за тем, чтобы в область извне не поступало ни оружие, ни взрывчатые вещества, ни какие-либо грузы «двойного назначения».

Однако вскоре и расположенный рядом с азербайджанским селом Ходжалу аэропорт стал не безопасен.

«Безопасность аэропорта, а также его работников не обеспечена. Не раз аэропорт становился объектом варварского нападения хулиганствующих элементов азербайджанской национальности, – сообщил «Советский Карабах» 11 августа 1989 г. – В прошлом месяце группа азербайджанцев разбила ближний привод аэропорта, вывела из строя антенны, украла аккумуляторы и запчасти. А буквально на днях, 6 августа, хулиганствующие элементы повредили отрезок взлетно-посадочной полосы»¹.

А в материале областной газеты от 5 декабря 1989 г. заместитель начальника УВД НКАО А. П. Усенко сообщал, что ночью 3 декабря на взлетно-посадочной полосе Степанакертского аэропорта было применено взрывное устройство. В результате взрыва образовалась воронка диаметром в полтора метра и глубиной 25 см. На месте обнаружены металлические осколки. Преступники не задержаны. Из-за отсутствия прожекторов полоса в аэропорту не освещалась. Работа воздушного транспорта была временно приостановлена. По словам начальника аэропорта М. Геворкяна, «в нынешнем году группы азербайджанцев из Ходжалу неоднократно совершали нападения на аэропорт, нанося ощутимый материальный ущерб»².

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ПОД УДАРОМ

Одной из форм экономического удушения НКАО был избран подрыв сельского хозяйства области. Как уже говорилось, агропромышленный комплекс области, как и вся ее экономика в целом, во многом зависел, был тысячами невидимых нитей привязан к инфраструктурам АзССР.

Отсутствие в области нормальных дорог заставляло пользоваться более или менее качественными объездными дорогами, но они проходили по территории соседних районов АзССР и к лету 1989 г. были окончательно заблокированы местным населением под руководством расплодившихся районных отделов Народного фронта Азербайджана (НФА).

Отсутствие зернохранилищ, крайне малые мощности овощехранилищ вкупе с блокадой путей сообщения приводили к большим потерям урожая.

¹«Советский Карабах», 11.08.1989 г.

²«Советский Карабах», 05.12.1990 г.

Центральная пресса умалчивала об этих конкретных фактах, о реальной ситуации. Внимание советского читателя «переключали» с репрессий и блокады на забастовки, периодически вспыхивавшие в НКАО как раз в знак протеста против творившегося беззакония и безвластия.

Между тем, вследствие блокады срывались и крупные государственные поставки из области продукции животноводства. Так, до конца 1989 г. НКАО должна была послать в Грузию в счет союзной поставки 1500 т мяса, однако первые попытки доставить мясо туда в июне так и оказались последними вследствие блокады дорог, угроз расправой и нападениями на автотранспорт¹.

Областное животноводство, которое давало до 45 % валового сельскохозяйственного продукта НКАО, было особенно уязвимо. Отсутствие в НКАО собственного производства комбикормов вкупе с блокадой их поставок в область поставило всю отрасль под удар.

Ведь в НКАО существовали огромные производственные комплексы по производству свинины, говядины, птичьего мяса. Так, например, несколько крупных хозяйств области обеспечивали свыше 40 % всех республиканских поставок свинины в союзные фонды. Созданные в так называемые застойные годы эти комплексы не имели зернофуражного сырья собственного производства и, как вся экономика НКАО, были в жесткой зависимости от республиканских организаций. Эти невидимые нити экономической зависимости были под контролем Баку с самого начала противостояния. И в нужный момент эти нити были сполна задействованы.

В одной из корреспонденций областной газеты в августе 1989 г. говорилось о критическом положении, сложившемся в городе Мардакерте на крупном свинооткормочном комплексе (там содержалось 9 тыс. голов свиней), и о попытке районных властей получить полагающийся комбинату комбикорм с Агдамского хлебозавода.

«13 автомашин, выделенных для перевозки комбинированных кормов, направились 26 июля в сопровождении солдат внутренних войск к Агдамскому комбинату хлебопродуктов. 50 работников комбината, прекратив работу, окружили водителей и, осылая их угрозами, велели немедленно покинуть комбинат. Более того, закрыв ворота комбината, они попытались свести счеты с водителями. Лишь вмешательство воинов помогло потушить конфликт, и машины вернулись в Мардакерт порожними»².

Таким образом, в условиях блокады и речи не было о получении полагающихся хозяйствам области кормов с баз и комбинатов, расположенных исключительно в соседних азербайджанских районах.

Между тем, Совет Министров АзССР категорически не давал согласия Министерству хлебопродуктов СССР на открепление фондов НКАО от АзССР и передачу их другим республикам. Ибо в Баку прекрасно понимали, что пока тянутся бесполезные переговоры, азербайджанские «плохие парни» из НФА методично разрушают экономику мятежной автономии, пользуясь подготовленной всеми предыдущими десятилетиями системой управления области.

В Москве же особо не вдавались в сложившуюся ситуацию, которая грозила не только срывом конкретных поставок, но и всеобщим хаосом в регионе.

¹«Отрасль в блокаде», «Советский Карабах», 21.11.1989 г.

²«Советский Карабах», 03.08.1989 г.

Так, руководство Совмина СССР мотивировало свой отказ решить вопрос переориентации животноводства НКАО на иные источники поставок комбикормов совершенно неубедительным аргументом: дескать, растут транспортные затраты на переброску кормов. Однако известно, что вся плановая экономика СССР была построена во многом на искусственных экономических привязках разных регионов страны друг к другу. Вспомним хотя бы, что из выращенного в Узбекистане хлопка готовые изделия производили на фабриках российского Нечерноземья (Ивановская и некоторые другие области), Западной Украины или армянского Ленинакана.

Более того, в случае с НКАО была еще одна явная передержка. Из других республик Союза в АзССР ежегодно перебрасывалось зернофуражное сырье в объеме 500 тыс. т для приготовления из него комбикормов. Перебрасывалось в том числе и на Агдамский хлебокомбинат, расположенный всего-то в 30 км от Степанакерта, и это считалось целесообразным. А вот переброску 14,4 тыс. т концентрированных кормов в НКАО госкомиссия Совмина СССР по продовольствию и закупкам считала нецелесообразной. Совершенно очевидно, что здесь был голый политический расчет: заставить карабахских армян смириться перед лицом блокады и отказаться от своих целей.

Комитет Особого управления во главе с Аркадием Вольским в этом конкретном случае предпринял действенную попытку противостоять блокаде автономной области.

«Благодаря его ходатайству из резерва Совмина СССР было выделено 10 тыс. т комбикормов, которые и были получены из Украины и Молдавии. Причем лабораторный анализ показал, что комбикорма, полученные из других регионов страны, по питательности превосходили произведенные в АзССР на 30–35 %, что с лихвой возмещало транспортные расходы на их доставку!»¹

Однако в целом КОУ никак не мог повлиять на руководство страны с тем, чтобы оно положило конец блокаде и разбоям. Последнее явно было не в интересах ЦК КПСС.

СКОТОКРАДЫ ПЕРЕСТРОЕЧНОГО ПЕРИОДА

Наряду с блокадой поставок кормов в область азербайджанские «неформалы» с молчаливого одобрения руководства АзССР, стали широко использовать еще не совсем забытый «дедовский» метод: скотокрадство и грабеж имущества ферм и хозяйств.

Сообщая о действиях банд из соседних с областью азербайджанских районов, областная газета в конце ноября 1989 г. приводила следующие факты.

«Только на зимних пастбищах Мартунинского района в местности Арами этими бандами полностью уничтожено 28 типовых овчарен десяти колхозов района, общий ущерб от чего составил 1,1 млн рублей. Кроме того, в одном только этом районе сожжено около 600 т соломы, украдено из траншей 2450 т сенажа. Особенно сильно пострадал колхоз «Коммунизм», где практически полностью разобраны и растащены до последнего камня все типовые овчарни. Та же участь постигла и дом животноводов»².

¹«Отрасль в блокаде», «Советский Карабах», 21.11.1989 г.

²Там же

Отметим, что все описанное происходило в равнинной, степной зоне на юго-востоке автономной области. Именно там многие хозяйства области вынуждены были – после «отрезания» еще в 1920-х гг. от приграничных армянских сел Нагорного Карабаха наилучших пахотных земель в пользу соседних азербайджанских районов (об этом было рассказано в главе «Шагреновая кожа Закавказья»), – сеять и убирать хлеб, пасти колхозные стада. Полевые станы, овчарни, запасы фуража находились практически в степи, на большом удалении от сел соответствующих армянских хозяйств. Зато до приграничных деревень прилегающих районов АзССР, равно как и до выросших в последние десятилетия сел собственно в этой части НКАО азербайджанских деревень было рукой подать.

Та же ситуация была и в других «пограничных» селах области. Вот, например, 13 октября 1989 г. областная газета сообщала о нападении на строящийся в приграничье Аскеранского района НКАО и соседнего Агдамского района комплекс по выращиванию молодняка: *«Группа бандитов напала на незавершенный объект, разбила смонтированное оборудование, украла 45 оконных блоков, две помпы, 300 штук шифера, электродвигатель, трансформатор марки ДТ-500 и другое оборудование»*¹.

Особый размах приобрело скотокрадство. Случаи скотокрадства имели, конечно, место и ранее, но с лета 1989 г., то есть с момента начала азербайджанским Народным Фронтом полной блокады коммуникаций НКАО эта напасть приняла необычайно широкий размах.

Учитывая, что армянская милиция и сторожа к осени 1989 г. были фактически разоружены, а отряды внутренних войск совершали рейды по армянским селам в поисках запрятанного оружия, становится ясным, что игра велась «в одни ворота».

*«За период блокады массовый характер приняли случаи кражи общественного скота с ферм области лицами азербайджанской национальности из соседних районов, – сообщила областная газета. – Масштабы скотокрадства, по предварительным данным, достигли небывалых размеров. Крупного рогатого скота, например, похищено 866 голов, мелкого рогатого – 1208, птиц – 775 голов. Экономический ущерб в целом составляет 500 тысяч рублей... Почему наши сторожа на фермах без оружия? Как же им тогда охранять социалистическую собственность? Если оружие для охраны ферм иметь не разрешается, то, разумеется, соответствующие компетентные органы и в первую очередь военная комендантура особого района должны обеспечить сохранность общественной собственности»*².

Однако все эти вопросы повисали в воздухе. Что было вполне понятно в условиях, когда «правоохранители» не имели ни указаний сверху бороться со скотокрадами перестроенного периода, особенно в районах с азербайджанской администрацией. В том числе и в Шушинском районе, где районные власти всеми правдами и неправдами старались извести последние, некогда многочисленные армянские села.

«Совсем недавно жители Бердадзорских сел Киров, Мец шен и Ехцаог Шушинского района, везшие на Степанакертский мясокомбинат 28 голов крупного рогатого скота и 19 голов свиней, подверглись по дороге нападению азербайджанцев. Причем все происходило на глазах военнослужащих, руководителей района. Владельцам скота так и не удалось вернуть животных. Событие это можно квалифицировать только

¹«Советский Карабах», 13.10.1989 г.

²Там же

*и только как преступление. Хочется спросить правоохранительные органы правового государства: до каких пор можно терпеть подобное беззаконие?»*¹

*«Лишь за два последних месяца из Егцаогского колхоза угнано 105 голов овец, из частного сектора – 27 голов крупного, 250 голов мелкого рогатого скота, четыре лошади. Бердадзор практически полностью оторван от внешнего мира. Электричеством мы совершенно не пользуемся. Магазины пусты. Люди не рискуют идти в лес за дровами»*².

Фактическое потакание скотокрадам со стороны расквартированного в НКАО контингента внутренних войск МВД СССР приводило к тому, что многие хозяйства вынуждены были избавляться от скота, отправляя его на убой.

При этом скот приходилось доставлять в областной центр, за десятки и сотни километров; реже автотранспортом, чаще – в условиях блокады и нехватки топлива – гнать своим ходом. Ведь в четырех из пяти райцентров НКАО своих убойных пунктов никогда не было, хотя элементарная логика хозяйствования предполагала наличие таких пунктов именно в отдаленных сельскохозяйственных районах. Но это противоречило политике удушья, проводимой Баку. В соответствии с этой политикой убойный пункт имелся лишь в одном из райцентров области: населенной преимущественно азербайджанцами Шуши, расположенной всего-то в 12 км езды по вполне приличной дороге от Степанакерта³.

*«Утром следующего дня будем на мясокомбинате, – говорили редактору Мардакертской районной газеты «Джраберд» Славе Мосунцу жители отдаленной горной деревни Чапар, перегонявшие за 70 км в областной центр стадо скота общим живым весом до 40 т. – Почему сразу сдаем столько животных? Что же остается делать? Помещения у нас нет, кормов нет, а летом военнослужащие преподнесли Чапару «сюрприз», сострояв уголовное дело против председателя колхоза и еще семи человек. Это были животноводы, механизаторы и учителя. Всех посадили в тюрьму»*⁴.

Речь шла об арестах за найденное при обысках охотничье оружие. Удаленность деревни от райцентра, ее труднодоступность и близость к Кельбаджарскому району, откуда следовали набеги грабителей и скотокрадов, не оставляли иной возможности, кроме как иметь под рукой «стволы» на случай визита непрошенных гостей.

Однако практически все охотничьи ружья были изъяты у жителей НКАО после введения особого положения в НКАО и соседнем Агдамском районе АзССР. Аналогичные меры позже (в 1990 г.) формально предпримут и в других прилегающих районах АзССР, но сделают это лишь на бумаге. Но, главное, во все эти азербайджанские районы было легко подвезти оружие извне, хотя бы из свободных от особого режима соседних с ними районов.

В то же время НКАО и соседний Шаумянский район находились практически в полной блокаде. А бесконтрольно провезти «ствол» в пассажирском самолете было просто нереально в условиях жесткого контроля всех аэропортов со стороны спецслужб (боялись, прежде всего, конечно, угона воздушного судна за рубежи СССР, особенно в приграничных зонах).

¹«Советский Карабах», 09.12.1989 г.

²«Советский Карабах», 26.12.1989 г.

³«Советский Карабах», 04.07.1989 г.

⁴«НКАО: блокада продолжается», «Советский Карабах», 27.10.1989 г.

Сама жизнь заставляла карабахских сельчан правдами и неправдами доставать и переправлять в свои деревни хоть какое-нибудь ружье: охотничье оружие, «мелкашку» (малокалиберную винтовку), а то и кустарно изготовленные самоделки. За найденное при обысках оружие следовал арест, отправка в СИЗО в Шушу, а то и Баку, где подследственных армян ждали бесчеловечные пытки и издевательства. Но, несмотря на это, люди все равно стремились хоть как-то вооружиться. Любопытно, что в этот период во многих российских городах, в том числе в Москве, участковые милиционеры зачастили с адресными проверками хранения охотничьего оружия к гражданам армянского происхождения. Не обошли тогда подобные проверки и моего родного дядю, — между прочим, бывшего следователя по особо важным делам МВД СССР, полковника в отставке...

Как и лишение животноводства кормовой базы, скотокрадство имело целью подрыв животноводства, нанесение как можно большего ущерба не только отдельным хозяйствам, но и области в целом. Об этом свидетельствовали прогрессирующие масштабы скотокрадства.

29 декабря 1989 г. в областной газете было опубликовано открытое письмо председателей советов районных агропромышленных объединений четырех районов НКАО на имя члена КОУ генерал-майора С. Купреева, коменданта особого района Ю. Косолапова, прокурора НКАО В. Василенко и начальника областного УВД Р. Туманянца. В письме, в частности, говорилось:

«В тактике блокады скотокрадство занимает особое место, явление это не новое. Оно испытанное средство террора, обогащения. Игнорируя все это, вы своей нерешительностью фактически развязали им руки, и последние продолжают беспрепятственно организовывать массовый грабеж на всей территории области.»

По данным: Агропромышленного комитета НКАО, которые окончательно не уточнены, за последние два года почти в 70 из 117 хозяйств области имели место факты скотокрадства. Похищено более 2 тысяч голов крупного и несколько тысяч голов мелкого рогатого скота, стоимость которого по государственным ценам составляет свыше 1 млн рублей. В результате нерешительных действий правоохранительных органов в последнее время эти цифры интенсивно растут.

До сих пор не раскрыта ни одна кража скота... Вооруженные банды скотокрадов хорошо знают, что наши села, работники ферм органами внутренних дел разоружены, и с легкостью осуществляют свои планы»¹.

РАЗБОИ И НАБЕГИ

Наряду с разорением сельскохозяйственных сооружений и скотокрадством азербайджанскими «неформальными» организациями с лета 1989 г. стали широко использоваться нападения на дорогах, набеги на окраинные армянские населенные пункты, находившиеся по соседству сразу с несколькими азербайджанскими деревнями.

Как уже ранее говорилось, в годы нахождения Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР властями последней методично осуществлялась программа по привлечению

в край азербайджанских переселенцев и создано новых населенных пунктов на дорогах, вдоль рек и в иных стратегически важных местах. И к началу событий уже для всех стало очевидным, что в Баку подготовились к возможному развитию событий в НКАО на должном уровне.

Уже в первые дни противостояния оказались закрыты дороги, связывающие карабахские районные центры через территорию азербайджанских районов. Позже наступил черед внутренних дорог: практически все эти транспортные артерии, столь необходимые для функционирования экономики автономной области как единого целого, там и сям «оседдали» возникшие в последние десятилетия азербайджанские села, деревни и хутора. В нужный момент по сигналу извне они перекрывали дороги и совершали нападения на проезжающий транспорт.

«Степанакерт практически оторван от районов области, из-за блокирования дорог бездействует автомобильный транспорт, организуются нападения на различные населенные пункты, массовыми стали кражи, хищения, совершаются зверские убийства, грабежи...», — говорилось в открытом письме Комитету особого управления (КОУ) и военному коменданту особого района, подписанном большой группой представителей областной общественности¹.

Естественно, с началом тотальной блокады области и ряда дорог внутри нее самой карабахские армяне стали отвечать тем же в отношении азербайджанских деревень-анклавов на территории НКАО. Однако никакого «баланса блокад» здесь априори быть не могло.

Во-первых, как уже говорилось, большинство азербайджанских населенных пунктов занимали стратегически выгодное положение, ибо изначально основывались с вполне определенной целью.

Во-вторых, дислоцированный в НКАО контингент внутренних войск выполнял указания Москвы и Баку, где армян объявили «экстремистами», а потому военные преимущественно способствовали прохождению колонн в азербайджанские села. Районные комендатуры в прилегающих к НКАО азербайджанских районах были негласно взяты под щедрую финансовую опеку как партийно-советских, так и неформальных (НФА) организаций. Говоря проще, большинство офицеров получали неплохие суммы вне жалования, а потому выполняли волю местных азербайджанских властей. В армянских районах Карабаха это было немыслимо — и не столько даже вследствие разницы в менталитете, сколько в несовпадении заявленных целей и устремлений населения с официальными установками партийно-правительственного руководства СССР.

В-третьих, из Азербайджана беспрепятственно курсировали вертолеты с грузами для соотечественников в НКАО. Только в Ходжалу, село с населением менее 2 тыс. человек (по данным переписи населения СССР 1989 г. — 1851 человек), в ноябре 1989 г. ежедневно вертолетами перебрасывалось в среднем 48 т грузов. Военнослужащие внутренних войск не допускались на взлетную площадку и не контролировали содержимое грузов, о чем огорчился офицер внутренних войск в одном из ноябрьских репортажей программы «Время».

В то же время рейсы в НКАО из АрмССР были не столь многочисленны, часто подвергались при приземлении проверке на предмет провоза оружия, а то и вовсе запрещались комендатурой. В те же дни начала ноября в Шушинском районе НКАО военнослужащие

¹ «Советский Карабах», 09.08.1989 г.

¹ «Советский Карабах», 29.12.1989 г.

перехватили вертолет, совершавший рейс из Гориса в блокированные села Бердазора. По заявлению комендатуры в вертолете вместе с грузом продовольственных товаров обнаружили винтовку и мешок аммонита, что тут же послужило предлогом для массивной облавы во всех 5 селах, в ходе которой было задержано на двое суток до 30 человек.

Наконец, по мере ужесточения блокады и учащения разбоев все более условной становилась власть Комитета особого управления, который не имел практически никакого контроля над комендатурой особого района, выполнявшей распоряжения и указания непосредственно из Баку и Москвы. А в Кремле, в результате шантажа Баку, грозившего угрозой потери коммунистами власти в республике и прихода к рулю управления НФА, уже явно решили, что эксперимент с КОУ надо заканчивать.

Все это, несомненно, убедило азербайджанскую сторону в своей безнаказанности творить все, что угодно, и события стали принимать все более угрожающий характер. Многочисленные происшествия стали все больше напоминать хронику времен «армяно-татарских столкновений» в Закавказье в 1905–1906 и 1918–1920 гг.

«13 августа в 11.30 ночи, не зная, что в селе находится небольшой отряд военных и милиции, группа азербайджанцев численностью в 120 человек из сел Алиагалу и Алиматлу, вооруженная ружьями, железными прутьями, топорами, напала на село Казанчи... Животноводы фермы заметили это и сразу же предупредили сельчан. Люди заняли оборонительную позицию. Казалось, кровопролитие неизбежно. Однако оно было предотвращено усилиями военных и милиции. Благодаря предупредительным мерам толпа обратилась в бегство»¹.

«7 октября выстрелом неизвестного злодея был смертельно ранен житель села Члدران Артур Арустамян, который нес ночное дежурство, охраняя село от возможных нападений из соседних азербайджанских сел. 25-летний механизатор умер в областной больнице.

...Как уже сообщалось, 23 сентября без вести пропал учитель-пенсионер из села Ванк Яша Айрапетян... Наконец, спустя 25 дней его истерзанный труп был найден неподалеку от дороги, ведущей в азербайджанское село Наристар, расположенное в семи-восьми километрах от Ванка...

Жители азербайджанского села Ортапая топором срубили три телеграфных столба, а провода сбросили в ущелье, в результате чего подстанция, обеспечивающая телефонную связь сел долины Хачена, не работала два дня... При доставке почты в село Ортапая примерно в 22 часа вечера был обстрелян самосвал «КамАЗ» под управлением Ильи Мирзояна», – сообщала областная газета из Мардакертского района НКАО².

Из Гадрутского района сообщалось: «В окрестностях армянских селений объявляются вооруженные группы то из Лачина и Кубатлы, то из Джебраильского и Физулинского районов... угрожают мирным жителям, требуют немедленно покинуть родные места...

15 октября 27 вооруженных молодчиков, возглавляемых директором средней школы села Халафали Джебраильского района, совершили нападение на село Джилан. Участвовали нападения на села Арпагядук и Спитакашен, совершаемые вооруженными группами из азербайджанских сел Суараси, Салян, Параджан Лачинского района...»³

¹«Советский Карабах», 16.08.1989 г.

²«Советский Карабах», 27.10.1989 г.

³Там же.

«Азербайджанская сторона часто совершает нападения на села района, особенно с малочисленным населением. Таких у нас много... Напряженность велика, участились столкновения, – говорил в интервью областной газете первый секретарь наиболее проблемного и удаленного Гадрутского района НКАО Григор Багиян. – Это окрестная война, сопровождаемая скотокрадством, разбоем, поджогами»¹.

В подтверждение слов Багияна редакция там же приводила следующие данные. *«За минувшие год и 8 месяцев в районе повреждено, разбито и сожжено 23 единицы техники стоимостью примерно 31 тысяча рублей. Подожжено 400 т соломы, сена, уничтожено или похищено 700 т силоса и сенажа, 1000 т винограда. Разрушено 26 животноводческих помещений и других построек на 750 тысяч рублей. Подожжена одна птицеферма с 1000 кур. По предварительным данным, общий размер ущерба составляет 2 млн 700 тысяч рублей. Убытки день ото дня растут».*

Вспомнив, что доллар тогда реально стоил 65 копеек, можно представить себе, что за ущерб был причинен району с 14-тысячным населением. Можно также вообразить себе, что такое похищение кормов и сельхозпродукции сотнями и даже тысячами тонн! Ведь для этого требовалась организованная и широкомасштабная работа немалого количества «тружеников разбоя».

Методология разбоя тоже небезынтересна. Вновь послушаем Григора Багияна.

«Самое страшное – похищение людей. Ветеринар села Хандзадзор на своей машине отправился в Гадрут. На посту у азербайджанского села Мазра Джебраильского района машину остановили и проверили (здесь находились сотрудники раймилиции, различные люди). Сказали, что у него, дескать, нашли оружие... В Джебраиле ветеринара допросили и возбудили против него уголовное дело.

Первый секретарь Физулинского райкома партии приехал в Гадрут, в комендатуру. Туда же пригласили и меня. Выяснилось, что прибыл добиваться освобождения бригадира из Салакятина (азербайджанская деревня в Гадрутском районе НКАО – прим. автора), арестованного: во время столкновения, у него была обнаружена самодельная граната. Особо подчеркнул – этого требует народ. Напали на здание райкома и поставили перед ним такое условие. Попросил помочь и тем самым, дескать, не допустить углубления вражды, национальной нетерпимости между сторонами. Подобный образ мыслей просто удивителен. Неужели вражда только сейчас углубляется? Сделка быстро была заключена: они освобождают содержащегося в Джебраиле под арестом ветеринара из Хандзадзора, мы – физулинец... Не арестовали ли хандзадзорца именно для заключения этой сделки?»².

В том же материале приводился случай, когда коменданта Гадрутского района НКАО с его окружением чуть не взяли в заложники азербайджанцы, не дав проехать на место происшествия в одно из сел вверенного его района через территорию соседнего с областью азербайджанского Джебраильского района. О взятии в заложники жителями того же района АзССР тяжелораненого солдата. И задавался вопрос, более похожий на утверждение: «Не является ли комендатура Джебраильского района в полном составе постоянным заложником?»

¹«Советский Карабах», 01.11.1989 г.

²Там же

Аналогичные происшествия имели место во всех районах автономной области, и здесь также военнослужащие местной комендатуры проявляли странную снисходительность к нарушителям с азербайджанской стороны.

«В тяжелом положении оказались дорожные строители, сооружающие путь к селу Казанчи, находящемуся в полной осаде. Почти ежедневно на них нападают жители азербайджанских сел, разбивают стекла бульдозеров, экскаваторов, наносят телесные увечья механизаторам. Работа была надолго прекращена, – говорилось в те же дни в информации областной газеты из Мардакертского района. – На днях строители вновь приступили к делу. У села Башгюнепая Мардакертского района подстрелены аксакалами женщины и школьники избивли до полусмерти возвращавшихся домой работников управления автодорог... Рядом проезжал микроавтобус с военными, который был выделен комендантской службе. И он даже не остановился, когда им навстречу вышел истекающий кровью бульдозерист»¹.

Не правда ли, поведение военнослужащих ВВ МВД СССР в НКАО весьма напоминало их же действия в Сумгаите, когда на просьбы горожан армянской национальности о защите свесившиеся с БТРов «воины» отвечали, что им «не велено» вмешиваться в происходящее? А ведь подобных случаев на страницах местной прессы приводилось в то время немало, и это свидетельствует в пользу того, что политика террора в отношении армян Нагорного Карабаха спускалась сверху, из Баку и кабинетов Кремля и Старой площади.

«Кичан – осажденное село» называлась публикация областной газеты, посвященная будням этой окраинной деревни Мардакертского района, граничащей сразу с несколькими азербайджанскими селами НКАО и соседнего Агдамского района АзССР.

«Обстановка здесь накалена до предела, идет необъявленная война. И если провести там ночь, то можно убедиться, что с расстояния 200–300 метров стреляют в сторону села из самого современного оружия, прямой наводкой, – сообщал собкор «Советского Карабах» газеты Ваграм Атанесян. – В Срхавенд (соседнее с Кичаном азербайджанское село того же района НКАО – прим. автора) приехала группа экстремистов из Народного фронта Азербайджана... хозяйничают офицеры Агдамского районного отдела внутренних дел. Обычным явлением стало присутствие вооруженных групп в лесах и на дорогах... Уже около года, как представители правоохранительных органов Мардакертского района не могут войти в село Срхавенд. На них не раз совершались нападения на дорогах, а капитан милиции Ж. Григорян при исполнении служебных обязанностей был жестоко избит озверевшей толпой. Около пяти месяцев он пролежал в больнице.

10 ноября после очередных ночных выстрелов, будучи в Кичане, я увидел на стенах административного здания следы пуль от крупнокалиберного оружия... На этом фоне трудно понять, почему военный наряд, находящийся в 3–4 км от Кичана, никак не реагирует на весьма обоснованное беспокойство селян. Более того, по непонятным причинам небольшая патрульная группа в конце ноября была выведена из села... Удивительно, что комендатура особого района, отобрав у армянского населения охотничьи ружья, «не замечает» боеприпасы азербайджанцев»².

¹«Советский Карабах», 10.11.1989 г.

²«Советский Карабах», 19.12.1989 г.

И еще одна характерная деталь: «Часто в Кичане ночами дежурят представители раймилиции. Но это далеко не реальная гарантия безопасности. Безоружная милиция – лишь крохотная надежда...»

После изъятия охотничьих ружей у населения, УВД НКАО получило приказ сдать все имеющееся в распоряжении УВД и его районных отделах автоматическое оружие. То есть все автомагнеты, хранившиеся в областном управлении и всех РОВД и выдававшиеся сотрудникам в случае необходимости, при выездах на операции, были переданы комендатуре особого района, внутренним войскам МВД СССР. Табельное оружие также выдавалось не всегда. Тем самым население армянских сел НКАО стало вдвойне беззащитным перед хорошо вооруженными «гостями». Такая же картина была и в соседнем с НКАО Шаумянском районе.

Еще один рассказ пострадавшего, опубликованный в областной газете в то же время, весьма любопытен с точки зрения свидетельства тесного взаимодействия официальных местных властей АзССР и представителей Народного фронта. Начальник Гадрутского РОВД подполковник Владимир Степанян возвращался в карабахский райцентр Гадрут из отдаленного села Аранюк (куда он сопровождал группу вновь прибывших военнослужащих) вместе с военным комендантом района, его замом по политчасти и шофером на комендантской машине.

Проезжая по шоссе, проходящем по территории соседнего азербайджанского района, в райцентре Джебраил они были остановлены толпой человек в 50, вооруженных охотничьиными ружьями местных жителей. Служебный УАЗ-469 сразу же был взят в кольцо грузовыми машинами. Коменданта В. Лобканова, который всего день как приступил к обязанностям коменданта, толпа взяла в заложники... вместе с автоматом. Подполковника В. Степаняна также выволокли из машины (на его счастье, второму офицеру с шофером удалось вырваться из окружения и сообщить о случившемся). Вот рассказ Степаняна о происшедшем: *«Озверевшая толпа завопила: убить армянина. Меня жестоко избивали различными предметами, ногами, руками. Отняли мое табельное оружие – пистолет Манарова вместе с патронами. Затем, схватив за руки и за ноги, бросили в кузов грузовой автомашины. Здесь более 15 азербайджанцев стали бить меня ногами. У одного из них в руках я увидел нож, кто-то крикнул: отрежьте ему голову. Дважды меня пытались задушить... Преступники доставили меня в исполком райсовета народных депутатов. Здесь, в одной из комнат здания органа Советской власти, стали вновь избивать меня, издеваться надо мной... около 40 человек, в основном молодежь и люди среднего возраста, по очереди подходили ко мне и плевали в лицо. И вновь град ругательства и ударов. Издевательства продолжились и в Джебраильском РОВД. Те же азербайджанцы, многих из которых я узнал, оскорбляя меня, свободно входили и выходили в кабинет начальника райотдела внутренних дел. Если бы не вмешательство заместителя министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта С. В. Лискаускаса, меня, вероятно, убили бы. Но и после этого начальник райотдела внутренних дел Р. Мамедов... стал обвинять меня в том, что я пьян. Некто в гражданском, представившись врачом, начал проверять меня. Цель была одна: всячески доказать, что я пьян и забыл или потерял оружие... При выходе из отдела милиции головорезы из Народного фронта Азербайджана обыскали меня»¹.*

¹В. Бахшиян, «Насилие», «Советский Карабах», 09.12.1989 г.

Из вышеприведенного текста ясно следует, что:

Во-первых: если в НКАО за обнаруженное огнестрельное оружие сурово преследовали, то в соседнем азербайджанском районе вооруженные жители могли открыто разгуживать по райцентру, в котором располагалась местная военная комендатура.

Во-вторых: эти вооруженные местные жители беспрепятственно захватывают в самом райцентре офицера внутренних войск МВД СССР и начальника РОВД соседнего района НКАО, в течение длительного времени держат их в качестве заложников и перевозят с места на место (с места захвата в райисполком, а оттуда – в РОВД). При этом они зверски избивают одного из них по национальному признаку, неоднократно грозят расправой. И все это без какого-либо противодействия со стороны местной районной комендатуры и подчиненных ей частей и подразделений внутренних войск МВД СССР.

В-третьих: при издевательствах и допросах, имеющих место в помещениях районных органов власти и МВД, присутствуют те же бесчинствующие местные жители, которые захватили заложников. А при вынужденном освобождении офицера милиции-армянина (после вмешательства замминистра МВД СССР!), его в РОВД напоследок обыскивают «народнофронтовцы» – якобы враждебные «послушным» Кремлю партийным властям АзССР.

Совершенно иным было поведение внутренних войск в армянских районах. Особенно вызывающе по отношению к армянскому населению вели себя военнослужащие комендатур соседних с НКАО районов, которые сопровождали по территории области грузы для азербайджанских сел. Осенью 1989 г. можно было отчетливо проследить, как увеличивалось число инцидентов с применением военными огнестрельного оружия.

Так, 10 октября автоколонна с курсантами-милиционерами, следовавшая из Шуши в Агдам через Степанакерт, на протяжении своего пути по улицам областного центра многократно открывала беспорядочный огонь из стрелкового оружия. В результате 6 человек получили огнестрельные ранения разной степени тяжести, один из них, рабочий Спартак Аюпян, отец четырех детей, вследствие полученного ранения скончался.

24 октября колонна из шести грузовиков, автомобилей «Жигули», УАЗ-469 и БТР, следовавшая из Агджабединского района АзССР в азербайджанское село Салакянтин Гадрутского района НКАО, была остановлена у КПП между этим и армянским селом Драхтик. Группа местных жителей потребовала показать, что находится в автомашинах, в ответ на что старший наряда отдал приказ открыть огонь. Пять человек, в том числе три женщины, получили огнестрельные ранения, телесные повреждения и ожоги¹, то есть в них стреляли практически в упор.

2 ноября в Степанакерте две роты солдат ВВ и подразделение спецназа, используя спецсредства, ворвались на территорию Карабахского шелкокомбината, пытаются деблокировать удерживаемых в одном из корпусов трех граждан азербайджанской национальности. Их привезли из Ходжалу для решения каких-то пенсионных вопросов, хотя директор накануне просил не делать этого во избежание инцидента: как раз накануне военные без предъявления обвинения арестовали трех армян в приграничном с Агдамом селе Аскеранского района и передали в тюрьму в город Кировабад. Все это походило на провокацию, ибо родственники арестованных подговорили группу рабочих захватить

¹«Советский Карабах», 29.10.1989 г.

азербайджанцев в заложники с целью последующего обмена на арестованных. В результате стычки солдатам так и не удалось войти в забаррикадированные помещения, и лишь после переговоров при активной роли директора комбината азербайджанцы были отпущены под обещание представителя комендатуры особого района «разобраться» с задержанными армянами (излишне говорить, что это обещание выполнено не было).

Как видно из приведенных фактов, поведение военнослужащих перед лицом совершенно несравнимых по сути действий гражданского населения резко отличалось в зависимости от национальной принадлежности граждан.

В одном случае вооруженной толпе в людном райцентре позволялось брать в заложники офицеров МВД; в другом – открывался огонь в упор по сельчанам, которые лишь требовали показать, что за груз везут в соседнее азербайджанское село в условиях все учащавшихся нападений на села армянские. В одном случае позволительно было безнаказанно брать в заложники первого попавшегося, чтобы обменять его на «своего» задержанного, в другом это было непозволительно.

Между тем, нападениям стали подвергаться не только карабахцы, но и прикомандированные в регион милиционеры, следователи. 18 сентября 1989 г. на дороге близ азербайджанского города Агдам возбужденной толпой были остановлены машины с сотрудниками оперативно-следственной группы МВД СССР. В присутствии и фактически на глазах представителей местной милиции и органов власти следователи были избиты, а двум офицерам милиции – Андрею Тюгаеву и Сергею Габе были нанесены многочисленные ножевые ранения, от которых они скончались по пути в больницу.

На этот трагический инцидент, в отличие от многих других, отреагировали многие центральные советские СМИ; в том числе и официозная «Правда»¹. Однако никаких выводов и реальных шагов так и не последовало, что лишний раз свидетельствовало о полном взаимопонимании между Кремлем и Баку.

Характерно, что многочисленные письма-возмущения, посланные в редакции центральных СМИ после убийства двух офицеров милиции близ Агдама, так и не были опубликованы. Ведь во многих из них драматический инцидент рассматривался в разрезе неправильного подхода Центра к проблеме Нагорного Карабаха.

Так, в открытом письме в адрес Верховного Совета СССР, подписанном 53-мя сотрудниками Ленинградского Всесоюзного научно-исследовательского геологического института – от заведующих отделением и сектором до машинистки, – в частности, говорилось:

«...Пущены в ход беспрецедентные в мировой практике попытки дезинформировать обещественность страны и всего мира путем намеренного искажения таких фактов, как геноцид армянского населения в г. Сумгаите 27–29 февраля 1988 г., и последующих событий, вплоть до злодеяний последних дней, как, например, убийство офицеров советской милиции Андрея Тюгаева и Сергея Габы... Это нанесло и продолжает наносить урон авторитету Советской власти на международной арене... приводит к нигилистическим настроениям народа, прежде всего армянского, который вправе требовать справедливого решения данного вопроса. Всякие варианты так называемых «компромиссных решений вопроса» не что иное, как ущемление... принципа справедливости.

¹«Драма на шоссе», «Правда», 20.09.1989 г.

Дальнейшее искусственное затягивание решения вопроса является совершенно недопустимым, поскольку реально мы уже сейчас находимся на грани позорной межнациональной войны, с последствиями более страшными, нежели войны по защите Отечества от врагов внешних».

Это письмо было опубликовано в Ленинградской молодежной газете «Смена», а затем перепечатано лишь в прессе АрмССР и НКАО¹.

10 ноября 1989 г. в газете «Советский Карабах» было опубликовано письмо из Пензы от родителей и жены погибшего у Агдама Андрея Тюгаева. Убитые горем близкие выразили свое отношение к происходящему в Азербайджанской ССР и позиции Кремля.

«Незадолго до своей гибели Андрей писал, что азербайджанцы сильно обостряют обстановку в Нагорном Карабахе. Но мы не могли и представить, что разгул фанатизма и вандализма достигнет такой степени, что может погубить даже представителей МВД СССР... Гнев и возмущение вызывает то обстоятельство, что в тысячной толпе не нашлось людей, которые могли бы схватить за руку убийц. Мы вовсе не хотим сказать, что в Азербайджане нет культурных и гуманных людей. Но, видимо, их голос тонет в общем разгуле националистического озлобления.

...В трагедии Карабаха повинно и центральное правительство. Своей нерешительностью, догматическим подходом к этому вопросу оно только попустительствует разгулу фанатизма и вандализма»².

Естественно, ни «Правда», ни иные центральные советские СМИ не позволяли подобных откровений на своих страницах.

Тем временем события нарастали, как снежный ком. Нападения все учащались, становились более дерзкими, столкновения и перестрелки принимали все больший размах.

...В последних числах ноября было произведено нападение отрядов НФА на армянские села Азад и Камо, расположенные в Северном Нагорном Карабахе, на дороге, ведущей из Кировабада в крупное армянское село Геташен. За вооруженными активистами НФА следовали грузовые автомашины для вывоза имущества после изгнания сельчан. Из Геташена пришли на помощь местные жители и дежурившие армянские добровольцы. После нескольких часов перестрелки, понеся потери, нападавшие обратились в бегство, бросив на поле боя грузовики и трехцветное национальное знамя (флаг АДР, ставший впоследствии официальным флагом Азербайджанской Республики).

Предвиденная авторами коллективного письма из Ленинградского геологического института «позорная межнациональная война» была уже совсем рядом, и вина в этом лежала прежде всего на партийно-бюрократическом руководстве СССР, которое не могло и не желало обеспечить безопасность граждан независимо от их национальности.

Собственно говоря, эта война уже шла на границах Нагорного Карабаха в целом и внутри границ НКАО в частности. Пройдут какие-то полтора месяца, и безнаказанная агрессия шовинизма выльется в широкомасштабные вооруженные нападения азербайджанских бандформирований на Нагорный Карабах, многодневные армянские погромы в Баку, стычки на границах формально все еще советских и социалистических Армянской и Азербайджанской республик.

¹«Советский Карабах», 29.10.1989 г.

²«Убийц – к ответу!», «Советский Карабах», 10.11.1989 г.

Глава 11

КРОВАВЫЙ ЯНВАРЬ 1990 г.

«Укомплектовать в Баку «орду жаждущих крови» националистов или хотя бы роту не менее трудно, чем сколотить местную команду по хоккею на льду»

Максуд Ибрагимбеков, азербайджанский писатель, журнал «Дружба народов», 1989, № 11

«Год назад, в декабре 1988-го, я слышал такие же требования, видел «подкрепляющие» их лозунги: «Смерть армянам!», «Слава героям Сумгаита!». Сейчас они сработали. Число убитых на прошлой неделе в Баку армян уже превысило список сумгаитских жертв. Эта новая трагедия – прямое следствие того, что попытались, по сути дела, замолчать первую».

Андрей Пральников,
«Московские новости», 21 января 1990 г.

На рубеже 1989–1990 гг. в Закавказье была развязана самая настоящая межнациональная война, которая уже со всей очевидностью заставила вспомнить о кровавых событиях 1905–1906 и 1918–1920 гг.

В конце декабря 1989 г. в Азербайджанской ССР состоялись массовые беспорядки практически на всем протяжении советско-иранской границы. Многотысячные толпы вышли к пограничной полосе на протяжении многих сотен километров госграницы, разрушая контрольные препятствия, заборы, колючую проволоку, громя инженерно-пограничные сооружения. Пограничные части были парализованы практически на всем протяжении советско-иранской границы, исключая лишь 42-километровый участок госграницы в Мегринском районе Армянской ССР.

Вслед за этим сразу после новогодних праздников резко обострилась ситуация в Нагорном Карабахе – в Шаумянском и Ханларском районах, ставших после депортации всех армянских сел северной части края последним оплотом карабахских армян вне границ НКАО. Отряды Народного фронта Азербайджана, вооруженные стрелковым, в том числе и автоматическим оружием, совершили нападение на окраинные армянские села этой части Нагорного Карабаха, но были с потерями отбиты. Столкновения с применением ствольной артиллерии и противораковых ракетных установок «Алазань» произошли и в Араратской долине – на границе Армянской ССР с Нахичеванской АССР. В дело пришлось вмешаться внутренним войскам и даже армии.

Указом Горбачева было введено чрезвычайное положение в Нагорном Карабахе и ряде прилегающих районов. Но не в Баку, где с 13 января начались массовые погромы

и резня еще остававшихся в городе армянских жителей, которые по своей жестокости и продолжительности превзошли резню в Сумгаите. Погромы продолжались целую неделю при полном бездействии внутренних войск и многочисленных частей Бакинского гарнизона Советской армии.

В ночь на 20 января 1990 г. в столицу Азербайджанской ССР, захлебнувшуюся в крови погромов и беспределе насильников, были введены части Советской армии, встретившие ожесточенное сопротивление вооруженных отрядов НФА и прочей «демократической оппозиции». Войска вошли не для того чтобы защитить уничтожаемое армянское меньшинство и начавших ощущать на себе последствия безнаказанности погромщиков славянское население Баку, а для того чтобы восстановить номинальную власть республиканского коммунистического руководства, которую последнее фактически добровольно сдало.

НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО

1 декабря 1989 г. Верховный Совет АрмССР и Национальный совет Нагорного Карабаха приняли решение о воссоединении Армянской ССР и НКАО. Сразу началась новая волна шантажа со стороны НФА. Возобновилась железнодорожная блокада, которая была прекращена лишь за пару недель до ноябрьской сессии ВС СССР. Главным объектом шантажа на этот раз стала государственная граница между СССР и Ираном на всей ее протяженности в АзССР.

Судя по всему, объект шантажа был избран не случайно. Чем новеньким можно было напугать Уремель? Конечно же, исламской угрозой. Благо за Араксом находился исламский Иран, чьи руководители объявили СССР «малым сатаной» (в отличие от «большого сатаны» – США). А бакинские пропагандисты уже давно «вешали папшу» о якобы 12 (или даже 20) миллионах родственников «азербайджанцев» по ту сторону Аракса. Речь шла о жителях одноименной иранской провинции, то есть исконного Азербайджана, которые мечтают в едином порыве объединиться с советскими азербайджанскими братьями...

Сомнительно, что планы действия вырабатывались в тиши бакинских кабинетов, хотя и там имелись весьма неглупые люди, которые знали, как напугать и чем соблазнить кремлевских идеологов. По ряду косвенных признаков было ясно, что и тогда, и позже не обходилось без разработок турецких спецслужб и согласования с Анкарой. Особенно это стало ясно после безуспешных попыток НФА «разворошить» обстановку в ряде республик Средней Азии, где вряд ли можно было обойтись без помощи турецкой резидентуры.

Вспомним, что в 1967 г. руководство АзССР опосредованно, с помощью Турции, шантажировало Кремль вбросом информации о перспективах объединения Татарской и Башкирской АССР в 16-ю союзную республику. Шантаж вышел на международный уровень: дескать, две разделенные части азербайджанского народа требуют воссоединения союзной республики и иранской провинции. Дескать, если армянам можно объединять свою союзную республику с частью территории другой суверенной республики, то чем мы-то хуже?

4 декабря 1989 г., через два дня после того, как стало известно о решении совместной армяно-карабахской сессии, в Нахичеванской АССР группы местных жителей вышли

к границе, разожгли костры и стали митинговать, призывая через громкоговорители к «объединению Южного и Северного Азербайджана». Пикетчиков предупредили, что они действуют незаконно. Те вскоре разошлись, но 12 декабря акция повторилась.

В конце декабря в адрес пограничников поступил ультиматум от нахичеванского Народного фронта. В ультиматуме содержалось требование: до 31 декабря 1989 г. убрать на границе все заграждения. В противном случае все будет уничтожено¹.

Пограничники пошли на некоторые уступки, разрешив на ряде участков границы выход населения для хозяйственной деятельности. Однако это не помогло: НФА активно готовился к погрому границы: шла агитация, к границе свозились техника и горючее.

31 декабря толпы пошли уничтожать и крушить вышки, пограничные знаки, сигнализацию. Корреспондент «Комсомольской правды» наблюдал, как погромщики «не только валяли опоры инженерных сооружений, но и загружали поваленные столбы в машины»².

Разрушение границы «по идеологическим мотивам» (невозможность общения с «родственниками» по ту сторону границы) совмещалось с обыкновенным грабедом.

А в районе Джульфы местные жители вышли к находящемуся в приграничной зоне старому армянскому кладбищу, насчитывавшему свыше 6 тыс. уникальных крест-камней (хачкаров), и принялись крушить его. Рядовой местного погранотряда Леонид Кюбзаренко писал в объяснительной записке, что «видел, как выкапывали кресты на кладбище и разбивали их». Это было уникальное армянское кладбище Джуги (Джульфы), которое было варварски и окончательно разрушено азербайджанскими властями в 2005 г.

Весь нахичеванский участок советско-иранской границы протяженностью в 164 км был парализован; 8-километровый турецкий участок не трогали.

5 января в Нахичевань из Баку прилетели председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р. Нишанов и секретарь ЦК КПСС А. Гиренко, ранее направленные М. Горбачевым в Баку. Они на месте ознакомились с результатами разгрома советско-иранской границы. При этом вели себя странно. Рафик Нишанов, советский аппаратчик, прославившийся своим утверждением о том, что резня турок-месхетинцев в Фергане будто бы началась с ссоры на рынке «из-за тарелки клубники», и на этот раз был оригинален. Его жалостливые высказывания о бедных местных жителях, которые-де не могут посетить в пограничной зоне могилы предков, звучали кощунственно на фоне разрушенных пограничных сооружений и уничтоженных надгробий на христианском кладбище Джульфы.

Днем 7 января в Ильичевском (ранее райцентр назывался Норашен, но армянское название решили заменить, да так, что не придерешься: кто же против «Ильича» возразит?) районе Нахичеванской АССР группа местных жителей предприняла попытку новых разрушений, теперь уже на участке, вплотную примыкающем к границе с Турцией. Пограничники пытались остановить толпу, но лидеры местного отделения НФА заявили, что тогда она перейдет пограничную реку Аракс. В итоге погромщики все же сократили 250 м заграждений на последнем до начала границы СССР с Турцией участке советско-иранской границы³. Предупреждение было вполне ясное: следующей будет сокрушена граница с близкой по крови, родственной Турцией, страной-членом НАТО.

¹ «Известия», 03.01.1990 г.

² Андрей Крайний. «Приказано не стрелять» «Комсомольская правда», 10.01.1990 г.

³ «Известия», 08.01.1990 г.

Забеспокоились иранцы, чьи пограничные подразделения заняли оборону. Иранские пограничные комиссары заявили протест: советская сторона нарушает советско-иранский договор от 14 мая 1957 г. Вспомнив, что сталинский СССР пытался после Второй мировой «прихватить» у Ирана Азербайджан и ряд других территорий, создав там марионеточные «азербайджанское» и «мехабадское» правительства, можно было понять беспокойство Тегерана.

Иранский пограничный комиссар по Джульфинскому участку писал в те дни своему советскому коллеге:

«Господин погранкомиссар! С 4 декабря 1989 г. ваши жители сосредоточились в районе пограничных знаков... разжигают костры, выступают с помощью громкоговорителей, выкрикивая оскорбительные лозунги в сторону Ирана, что является полнейшим нарушением требований о соблюдении режима границы между правительством СССР и Ирана»¹.

Вслед за этим погромы границы начались в Зангеланском, Пушкинском районах, в Ленкорани. Вскоре вся почти 790-километровая граница была разорена. На несколько дней советские пограничники полностью потеряли контроль над госграницей с Ираном.

18 января в Джалилабадском районе АзССР несколько тысяч азербайджанцев вброд перешли мелкую пограничную речку Булгарчай и вышли на иранскую сторону, где митинговали, а до тысячи иранцев перешли на советскую территорию, где многие и оставались до нескольких дней. Пограничники говорили о попытках нелегального ввоза оружия и боеприпасов².

Напомним, что формальным предлогом «возмущения людского» была невозможность общения с родственниками по «ту», иранскую, сторону Аракса. Так, одно из требований акции, изложенных Нахичеванским отделением НФА, состояло в «установлении культурно-экономических связей на всем протяжении границ... с целью беспрепятственных встреч родственников, проживающих в Северном (Советском) и южном (Иранском) Азербайджане, а также Турции»³.

Однако было вполне очевидно, что акции погрома границы – ответ на решение совместной сессии ВС АрмССР и Национального Совета НКАО о воссоединении. Главенство карабахской проблематики в погромах на советско-иранской границе полуофициально признавалось и в официальных сообщениях ТАСС.

Последний сообщал 6 января 1990 г., «Все, с кем не доводилось беседовать в Баку, Нахичевани, районах и селах, называют главной причиной происшедшего затянувшееся решение вопросов, связанных с Нагорным Карабахом... Высказывались пожелания развития культурных, родственных связей и контактов с Ираном, торговли с этой страной... Пожелания, требования, надежды в большей части обоснованы»⁴. Очевидна прямая связь событий на советско-иранской границе, прежде всего в Нахичевани, с Карабахом: «Если им можно воссоединиться, то и мы хотим воссоединиться с нашими кровными братьями-турнами».

¹«Комсомольская правда», 10.01.1990 г.

²«На советско-иранской границе вновь обострилась обстановка». «Известия», 19.01.1990 г.

³«Комсомольская правда», 10.01.1990 г.

⁴ТАСС–«Известия», 06.01.1990 г.

Не случайно именно в Нахичевани, негласно продолжавшей оставаться вотчиной пока опального Гейдара Алиева, развернулись и главные события короткой январской войны. 18 января хорошо вооруженные, – в том числе автоматами, пулеметами и снайперскими винтовками, – отряды НФА совершили нападение на приграничный поселок Ерасх Арагатского района Армянской ССР. При этом внутренние войска со стороны Нахичеванской АССР не воспрепятствовали проходу этих отрядов к административной границе с АрмССР, где они заняли господствующие высоты и открыли огонь, в том числе и из снайперских винтовок, по армянскому поселку.

Со стороны соседних армянских районов стали подтягиваться ополченцы «отрядов самообороны», и вскоре завязались настоящие бои с применением изъятых у противорадовой метеослужбы 100-мм зенитных орудий и ракет «Алазань». С обеих сторон десятки людей были убиты и ранены. Вскоре армянские ополченцы стали теснить нападавших; от их огня сильно пострадали нахичеванские поселки Садарак и Ильичевск (Норашен), был разнесен и винзавод, служивший базой отрядам НФА.

Это, в свою очередь, дало властям НахАССР повод обратиться к властям Турции с просьбой о помощи в «прекращении армянской агрессии», якобы вытекающей из условий Московского договора от 16 марта 1921 г. Одновременно к советско-турецкому участку границы демонстративно была подтянута строительная техника и началось строительство насыпи для будущего моста на турецкую сторону.

Армянские ополченцы прямо связывали разгром пограничной полосы с неожиданным появлением у противоборствующей стороны значительного количества автоматического оружия. Многие видели, как со стороны Нахичеванской АССР люди спокойно переправлялись на турецкий берег Аракса и возвращались оттуда с какими-то ящиками¹.

Завершающий резкий политический аккорд кровавого января 1990 г. также прозвучал именно в Нахичевани. Узнав о вводе войск в Баку, срочно собравшаяся сессия Верховного Совета Нахичеванской АССР объявила себя «независимой суверенной республикой» вне состава СССР. Таким образом, еще до самопровозглашения независимости Литвы, а затем и других республик советской Прибалтики, вотчина Гейдара Алиева приняла решение о выходе из состава СССР.

Политическому балагану последних дней «нахичеванской вольницы» сопутствовало и знаковое ниспровержение в райцентре Джульфа символов коммунистического идопоклонства. Корреспондент «Известий» передавал 21 января, что в Джульфе «сжигаются произведения Ленина, до основания разрушен памятник Владимиру Ильичу»².

РЕПЕТИЦИЯ КАРАБАХСКОЙ ВОЙНЫ

11 января в Баку прошел митинг с требованием отставки республиканского правительства, которое де не в состоянии решить карабахскую проблему. Выступавшие призывали к выселению оставшихся армян из Баку и массовому вооруженному походу в Карабах.

¹А. Давидян, «Бои у Ерасха», республиканская газета «Коммунист» (Ереван), 21.01.1990 г.

²«Известия», 22.01.1990 г.

В самом Нагорном Карабахе обстановка уже была обострена до предела. 2 января направлявшаяся из Агдама в Шушу автоколонна, сопровождаемая вооруженными курсантами Красноярской школы милиции, проследовала через центр Степанакерта, хотя для этого существовала объездная дорога. Как и в ряде прежних случаев, это привело к конфликту с горожанами, которые потребовали проверить, что везут в автобусах и крытых брезентовых грузовиках. Завязалась потасовка, и солдаты открыли огонь в упор. Четыре жителя города были ранены, один из них, известный не только в Карабахе, но и за его пределами – талантливый скульптор Армен Акопян – был убит. Еще одна женщина, ставшая свидетелем происходящего, скончалась от сердечного приступа. В ходе инцидента пострадали и шестеро курсантов, были повреждены автобусы, сожжен армейский грузовик ЗиЛ-131¹.

Стреляли и 9 января. Накануне от экс-председателя КОУ А. Вольского, прибывшего в последний раз в Степанакерт, стало известно о предстоящем визите в НКАО в этот день «товарищей» А. Гиренко и Р. Нишанова вместе с некоторыми руководящими азербайджанскими работниками. Было очевидно, что цель их приезда – выработка мер по практическому осуществлению постановления ВС СССР от 28 ноября 1989 г., отвергнутого армянским большинством автономной области.

С утра 9 января военные взяли под контроль дороги и улицы, ведущие от аэропорта к центру Степанакерта. Узнав о приезде незваных гостей, тысячи жителей города оставили рабочие места и вышли на улицы. Местами за городом дороги были перегорожены тракторами. Возникли перепалки и стычки с военными, которые вновь применили огнестрельное оружие. 3 жителя Степанакерта с ранениями были доставлены в больницы². Возмущение достигло критической точки.

В это время в аэропорту, где уже находились сановные гости, с ними вступили в контакт карабахцы, ожидавшие свои рейсы на Ереван или встречавшие оттуда своих близких. Они высказали в лицо посланникам Кремля все, что думают о постановлении ВС СССР по НКАО, и предложили им убраться восвояси. А тут последовали звонки из военной комендатуры и из горкома партии с рассказами о происходящем в городе.

На предложение визитеров к членам городского актива встретиться в аэропорту последнее, учитывая напряженную обстановку, ответили отказом. Нишанову, Гиренко и их сопровождающим не оставалось ничего иного, как загрузиться в свой Як-40 и вернуться в Баку.

Между тем обстановка все обострялась.

На границах Шаумянского района Нагорного Карабаха и в соседнем Ханларском районе, на подступах к периферийным армянским селам, начались обстрелы и вылазки вооруженных азербайджанских отрядов. В самих армянских селах тоже были сформированы отряды самообороны, перебрасывались туда вертолетами и добровольцы из Армянской ССР.

Четыре армянских села в Ханларском районе – Геташен, Мартунашен, Азад и Камо – остались последним оплотом на севере после насильственной депортации осенью 1988 г. остальных населенных армянами пунктов Северного Арцаха. Эти четыре деревни, центром которых был почти 5-тысячный Геташен (по-азербайджански Чайкенд, что также означает «село на реке»), находились практически в полной блокаде еще с лета 1989 г.

¹«Советский Карабах», 04.01.1990 г.

²Арменпресс, «Советский Карабах», 11.01.1990 г.

В сторону Кировабада проезда не было, там были отряды Народного фронта Азербайджана. А дорога, связывающая эти села с соседним Шаумянским районом Нагорного Карабаха, на 80 % населенном армянами, была небезопасной. Еще в 1987 г. (в то же время, когда разворачивались события в другом армянском селе Северного Арцаха – Чардахлу) под давлением районных властей жители соседней с Геташеном деревни Кушчи-Армавир решили на сходе продать свои дома районной администрации и уехать восвояси. Теперь из этой бывшей армянской деревни азербайджанские формирования могли контролировать дорогу из Геташена в соседний Шаумянский район.

Именно поэтому все снабжение шло по воздуху. Но в первых числах января близ Геташена потерпел аварию вертолет Ми-8 армянской гражданской авиации; погибли 12 человек из числа пассажиров¹.

9 января 20 человек, включая почти всех руководителей Шаумянского района, были захвачены в заложники по дороге в Геташен, куда они направлялись на похороны. Это произошло близ той самой деревни Кушчи-Армавир, «скупленной на корню» азербайджанской администрацией района еще до февральской сессии Облсовета НКАО. В ответ местные армяне тут же нагрянули в соседнее азербайджанское село и захватили более 40 заложников. Переговоры об обмене затянулись.

12 января последовало нападение азербайджанских формирований на село Манашид Шаумянского района. Небольшое село с населением всего в 150 человек имело расположение, позволявшее контролировать почти весь район. Это была первая репетиция грядущей карабахской войны. В нападении приняли участие до 400 вооруженных ружьями, карабинами, автоматами и гранатами азербайджанцев. Защитники Манашиды вступили в бой, вскоре подоспела помощь из других сел района. Нападавшие отошли, оставив на поле боя 4 трупа.

Выяснилось, что один из убитых «народнофронтовцев» был вооружен армейским карабином турецкого производства: это подтверждало версию пограничников о контрабанде оружия через разгромленную госграницу. Среди документов нашли и чековую книжку, также выписанную в Турции. Об этих и других подробностях боя поведал его участник на страницах областной газеты «Советский Карабах»².

Лишь спустя три часа к месту боя на вертолете прибыло подразделение спецназа, которое попыталось стать между сторонами. Однако с азербайджанской стороны последовал огонь, и был ранен командир подразделения капитан В. Спиридонов. Кроме того, у солдат было недостаточно патронов, а бой затягивался, так что им пришлось просить автоматные «рожки» у местных жителей. Наличие в прибывшей группе снайпера решило исход дела. Нападавшие бежали, оставив на поле боя еще несколько трупов, а также 32 единицы огнестрельного оружия, в том числе карабины и автоматы Калашникова. Это был первый настоящий бой на карабахско-азербайджанской линии соприкосновения, своего рода репетиция грядущей кровавой войны.

Нападения последовали и на армянские села Азад и Камо Ханларского района. Здесь отряды НФА использовали захваченные у военных БТРы, противотанковые 100-миллиметровые орудия. Однако и тут армянские ополченцы отбросили нападавших, которые потеряли с десяток убитыми и многих ранеными.

¹«Геташен в кольце», «Советский Карабах», 07.01.1990 г.

²С. Марианян, «Оборона Манашиды», «Советский Карабах», 17.01.1990 г.

Военные вертолеты, которые перебрасывали внутренние войска в район боев, близ азербайджанского села Аджикенд, были обстреляны из градобойных зенитных орудий и пулеметов, одна из машин получила повреждения, был ранен штурман¹. Пилоты вертолетов видели в Ханларском районе виселицы с телами на них².

Высланные по тревоге в район села Азад, где шел бой, капитан С. Осетров и рядовые А. Мороз, В. Федоров и А. Прижимкин были атакованы боевиками НФА. Их тела так и не нашли: обнаружили лишь расстрелянный автомобиль да пятна крови на снегу. Убийц также не нашли, хотя, кажется, искали. На стенде УВД НКАО в период чрезвычайного положения автор сам видел листовку МВД АзССР о розыске «жителя города Ханлар, юриста Надирова Али Байрам оглы за убийство офицера и трех рядовых солдат в январе 1990 г.»

Карабахское пограничье превратилось в настоящую зону боевых действий.

15 января М. Горбачев подписал Указ ПВС СССР «Об объявлении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах». Этим указом чрезвычайное положение объявлялось в НКАО, окружающих ее районах Азербайджанской ССР, а также в Горисском районе Армянской ССР и в приграничной зоне вдоль государственной границы СССР на территории АзССР.

В пункте 7 Указа президиуму ВС АзССР предлагалось «принять все необходимые меры, включая введение комендантского часа в городах Баку, Гяндже и других населенных пунктах». Там же говорилось: «потребовать от президиума Верховного Совета Армянской ССР предпринять самые решительные шаги по пресечению подстрекательских действий с территории этой республики, разжигающих межнациональные страсти и национальную вражду между двумя народами».

Как видим, линия Кремля оставалась неизменной со времени резни в Сумгаите. Тогда, назвав погромщиков «хулиганами», вину за обострение обстановки в регионе свалили на «экстремистов» из армянского населения НКАО, поднявших правовым путем карабахскую проблему. Точно так же, в Указе об объявлении чрезвычайного положения в Нагорном Карабахе «подстрекателей, разжигающих межнациональные страсти», обнаружили в относительно спокойном Ереване, в то время как потакавшим погромщикам в Баку властям АзССР лишь «предлагалось» принять «необходимые меры», включая комендантский час.

Ясное дело, что никакого комендантского часа в Баку власти АзССР вводить не собирались, и погромы там продолжались своим чередом...

Даже газета «Московские новости» в своем репортаже о событиях в Баку не преминула обвинить в происшедшем армянскую сторону, извращая при этом реальные факты.

«Ситуация в регионе снова взорвалась после того, как Верховный Совет Армянской ССР принял два постановления – о присоединении Нагорного Карабаха к Армении и о включении в Государственный план Армении плана экономического и социального развития НКАО. В Азербайджане это вызвало бурю возмущения: они опять распоряжаются нашей землей... Те люди, которые принимали решение в Ереване, видимо, не очень-то думали о последствиях этого для армян в Баку – за чужие решения пришлось расплачиваться прежде всего им»³.

¹ «Известия», 16.01.1990 г.

² Андрей Пральников, «Затишье в Карабахе», «Московские новости», 04.02.1990 г.

³ «Московские новости», № 4, 1990 г.

Не говоря уже о циничном геббельсовском тезисе о коллективной ответственности бакинских армян, «рупор гласности» искажил факты, самовольно вычеркнув из числа подписантов упомянутых постановлений Национальный совет Нагорного Карабаха. Так что вместо имевшего 1 декабря 1989 г. решения о воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха, у автора получилось одностороннее «присоединение». Ложь всегда была в чести у советского режима, даже когда он рядился в тогу демократии.

После 15 января все новые части внутренних войск и Советской Армии устремились в регион. Высаживаясь в Кировабаде на военном аэродроме, они своим ходом устремились и в Нагорный Карабах. Перебрасывались войска и тяжелыми вертолетами Ми-26 непосредственно в Степанакерт. В один из дней вертолеты высадили прямо в голое поле у взлетно-посадочной полосы несколько сотен «партизан»-резервистов с Северного Кавказа; через сутки всклокоченных, небритых и не понимающих, где и зачем они находятся, людей вновь погрузили в вертолеты и повезли куда-то дальше...

Между тем, после повсеместного провала вооруженного вторжения отрядов НФА в Нагорный Карабах центр тяжести событий окончательно переместился в Баку.

БАКУ: КОГДА-ТО И НАКАНУНЕ

Погромы в Баку стали уже третьей волной армянских погромов в АзССР. Три дня, с 27 по 29 февраля 1988 г., продолжалась резня в Сумгаите. В ноябре–декабре того же года по Азербайджану прокатилась вторая волна армянских погромов; наиболее крупные из них произошли в Баку, Кировабаде, Шемахе, Шамхоре, Мингечауре. Были депортированы десятки армянских сел ряда сельских районов АзССР и Нахичеванской АССР. Та же участь постигла население более 50 армянских населенных пунктов северной части Нагорного Карабаха, – горных и предгорных частей Ханларского, Дашкесанского, Шамхорского и Кедабекского районов, включая 48-тысячное население Гандзака (Кировабад, ныне Гянджа).

После этих событий в бывшей Азербайджанской ССР, не считая оставшейся под контролем армян части Нагорного Карабаха, осталось лишь незначительное число от более чем полумиллионного (по неофициальным данным, почти 600-тысячного) армянского населения, – главным образом в Баку. На начало 1988 г. в городе проживали около 230 тыс. армян, однако по мере усиления напряженности и учащения нападений и локальных погромов их число все уменьшалось, и к январю 1990 г. в Баку их оставалось не более 35 тыс.

...Бакинские армяне, которые издавна составляли, наряду с русскими и мусульманами, один из трех устойчивых и наиболее крупных этнических сегментов городского населения, за десятилетия советского периода практически начисто потеряли какие-либо рычаги влияния на ситуацию в городе.

До большевистского переворота октября 1917 г., когда никто и слухом не слышивал ни о каком Азербайджане, Баку был крупным российским губернским городом со смешанным населением и наиболее развитым в Закавказье промышленным центром – благодаря нефтяной лихорадке, со второй половины XIX в. охватившей некогда захолустный городишко у подножья бывшей персидской цитадели.

По данным на 1913 г., в Баку жили 214,7 тыс. человек. Из них русских (в их число включали не только великороссов, как называли тогда собственно русских, но также и малороссов, белоруссов, то есть украинцев и белорусов) – 76,3 тыс. или 35,5 %, кавказских татар – 46 тыс. или 21,4 %; армян – 42 тыс. или 19,4 %, персов – 25 тыс. или 11,7 %, евреев – 9,7 тыс. или 4,5 %, грузин – 4 тыс. или 1,9 %, немцев – 3,3 тыс. или 1,5 %, закавказских татар – 2,3 тыс. или 1,1 %¹.

Жившие в Баку армяне были в большинстве своем выходцами из Нагорного Карабаха, в меньшей степени – из Зангезура, а также из района Шемахи и соседних с ней предгорий Большого Кавказа. По мере роста нефтедобычи и стремительного развития города они устремлялись туда из своих горных сел, городов и городков закавказских губерний и даже из вилайетов «Турецкой», Западной Армении. Крестьяне – в поисках работы, чтобы прокормить семьи, средний класс – приложить полученные в училищах и университетах знания, богатые – успеть выгодно вложить капиталы, приумножить растущие нефтяные доходы.

Армяне представляли в Баку широкий спектр профессий: от рабочих на нефтяных промыслах, ремесленников, инженеров, городской интеллигенции до крупных нефтепромышленников. Армянский нефтяной капитал превосходил в Бакинском регионе капиталы всех зарубежных нефтедобытчиков, включая тогда уже всемирно известных Ротшильдов и Нобелей. Достаточно сказать, что первый в России и мире нефтепровод – по маршруту Баку–Батуми – был построен на средства армянского нефтяного магната Манташева.

Армяне Баку имели свои благотворительные общества, попечителями которых не гнушались быть многие богатые промышленники, учебные и культурные заведения. Это позволяло им не только поддерживать на должном уровне национальную жизнь, но давало возможность самоорганизации перед лицом внешних угроз. Как это, например, было во время армянских погромов в 1905–1906 гг., спровоцированных самодержавием.

Однако после турецкой интервенции, захвата Баку 15 сентября 1918 г. и многодневной резни армян в сентябре 1918 г. роль армянской общины города была сведена к минимуму. Кто не был убит, тот был ограблен или бежал из города. Впрочем, скорее всего, армяне смогли бы восстановить свои былые позиции в Баку, если бы все вернулось на круги своя, как это было после 1905–1906 гг.

Но советизация Закавказья и провозглашение Советского Азербайджана на базе созданной на турецких штыках марионеточной Азербайджанской Демократической Республики изменили судьбу народов в этом регионе. Разорив и вынудив к эмиграции состоятельных горожан, среди которых армяне всегда составляли значительную часть, альянс большевиков и азербайджано-тюркских националистов ликвидировал все формы самоорганизации, на которых, так или иначе, строилась жизнь различных национальных общин города.

В 1920 г., вскоре после возвращения большевиков в Баку, население города по основным национальностям распределялось следующим образом: турки азербайджанские – 59,6 тыс. человек; русские, украинцы и белорусы – 52,6 тыс.; армяне – 36,1 тыс., персы – 22,2 тыс., евреи европейские и горские – 13,7 тыс. С учетом остальных национальностей – немцев, грузин, лезгин и прочих – в Баку насчитывалось всего 193,6 тыс. человек, что было значительно меньше, чем в 1917 г.²

¹«Современный Азербайджан», «Новый Восток», № 4, 1926 г. С. 174

²Там же, стр. 175

То есть по сравнению с дореволюционным периодом национальный состав населения Баку существенно изменился: прежде всего, за счет уменьшения доли армян после резни в сентябре 1918 г. и последующего бегства и русских вследствие их массового выезда. Особенно сильные изменения произошли в промышленном районе, где количество русских и армян по сравнению с 1913 г. уменьшилось в семь раз.

Скорое провозглашение вчерашних «кавказских татар», получивших при Советах название сначала «азербайджанских тюрок», а позднее – «азербайджанцев», титульной нацией сделало последних сначала на словах, а потом и на деле фактическими хозяевами сначала республики, а потом и ее столицы.

В первые десятилетия советской власти положение Баку как столицы Азербайджанской ССР было весьма двойственным: этот преимущественно русский и однозначно русскоязычный город был чужд в языковом и культурном плане большинству уездов и районов АзССР. Подавляющее большинство жителей столицы республики, выезжая в «провинцию», как будто попадали за границу, не понимая языка сельчан, которые в массе своей совершенно не знали русского языка.

Но начавшийся после Второй мировой войны, особенно с конца 1960 – начала 1970 гг. процесс «азербайджанизации» столицы привел к изменению ее национального и социального состава: русские, армяне и представители других «некоренных национальностей» покидали город, мигрируя за пределы АзССР. Напротив, объединенные под названием «азербайджанцы» разноплеменные тюркские этнические группы и перемалываемые официальной национальной политикой в единый азербайджанский народ другие «мусульманские» народности из провинции республики заселялись в Баку. Переселенцы были в основном сельчанами, что меняло не только этнический, но и социальный состав населения города.

С целью создания в Баку «национального большинства» власти АзССР предприняли отработанный ход: к городу Баку были присоединены многочисленные поселки и сельские населенные пункты, не только окружающие город, но и расположенные достаточно далеко от него, разбросанные по всему Апшеронскому полуострову.

Так, если по переписи 1979 г. население собственно города Баку составляло 1,02 млн человек, то с другими населенными пунктами, подчиненными Бакинскому горсовету – 1,55 млн. А по переписи 1989 г. эти цифры составили 1,15 и 1,76 млн человек соответственно¹.

Наконец, продуманной политикой расселения жителей центральной части города – в подавляющем большинстве армян и русских – в выроставшие на прежних окраинах новые микрорайоны постепенно были ликвидированы практически все районы компактного проживания армян. Национальная политика властей АзССР в Баку и была направлена на вытеснение в первую очередь именно их.

...После «сумгаита» перед бакинскими армянами стал вопрос: как быть дальше?

По многочисленным свидетельствам самих армян-бакинцев, они ясно осознавали свое положение. Бывшая жительница Баку, ныне ереванский публицист Елена Асланян весьма подробно изложила тогдашние настроения своих бакинских соотечественников в очерке «Заколоченная дверь», опубликованном в издаваемом в Минске армянском журнале «Анив».

¹Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Москва. Финансы и статистика. 1990. С. 20

«Армяне Баку в большинстве своем понимали: идет разрушение СССР, и армян опять кровью заставят платить за чужие интересы – геополитические интересы держав или интересы тех, кто ищет в погромах и смертях предлог для возврата к прежним временам «ежовых рукавиц». Мы понимали, что из Баку надо уезжать.

...Вовремя уйти, оценив правильно ситуацию, как катаклизм, перед которым бессильно любое оружие. Уйти, не позволив себя убить, изнасиловать и ограбить – это задача национального значения, защиты генофонда, морального достоинства нации. Тем более, если ты прекрасно знаешь – речь не об отчей земле, дорожке которой нет у человека ничего.

После Сумгаита мы, бакинские армяне, часто спорили, пытались понять, что нас ждет. В конце концов, во время беспорядков в ноябре-декабре 1988 г. мы уже поняли, что идет развал Союза, формирование республик, военное решение вопроса спорных территорий. И перед армянами Баку стоит тактическая задача – быстро и достойно уйти. Что основная масса и сделала»¹.

Они и продолжали уезжать, и те, кто сделал это раньше, имел больше шансов вывезти имущество, поменять свою благоустроенную городскую квартиру в центре Баку хотя бы на сельский дом, но не так далеко от Еревана. Или перебраться в Нагорный Карабах, где у большинства бакинских армян были родственники или даже отчие и дедовские дома в селах. Или на Северный Кавказ, куда десятилетиями вынужденно уезжали армяне из Баку. Но уехать более или менее благополучно и вовремя смогли и успели далеко не все.

Между тем, тучи все более сгущались над еще остававшимися в городе армянами. В течение всего 1989 г. в Баку не прекращались периодические нападения на них, избиения и убийства, погромы отдельных квартир, выселения из жилья. Точной статистики не велось, уголовные дела «спускались на тормозах», но известно, что в течение года случаи убийств армян исчислялись десятками. Всплеск уличных нападений и убийств пришелся на август-сентябрь и декабрь 1989 г.

...Советская пресса, естественно, тогда пыталась всячески скрыть и исказить происходящее в Баку. В зарубежной прессе встречались весьма откровенные свидетельства о том, что предшествовало погромам. Эмигрировавший в Израиль бакинец вспоминал о городских буднях конца 1988 г. в «Бакинском дневнике», опубликованном 23 июля 1989 г. в тель-авивском еженедельнике «Круг»:

«Шестые сутки подряд народ митингует на площади круглосуточно, но если 4 дня все ограничивалось площадью, то вчера все выплеснулось в город. Шлялись толпы народа, кричали «Карабах!» и «Сумгаит!» и т.д. С утра в Армениянке уже швыряли камни, а сейчас, говорят, что уже переворачивают машины... На площади собралась огромная толпа. Доска почета, металлические конструкции для портретов вождей увешаны лозунгами: «Армяне – вон из Азербайджана», «Армяне, убирайтесь», «Свободу Ахмедову» (это сумгаитский убийца, его огромный портрет висел на Доме правительства). Я видел у демонстрантов плакаты с карикатурами: молодцеватый азербайджанец пинком под зад выгоняет из своего дома подлого вида красноносых армян, среди которых – женщина с отвислыми грудями и крестом на шее».

¹Е. Асланян. «Заколоченная дверь», «Анив», № 4(13), 2007 г., С. 37–38; см. www.aniv.ru

Редкие публикации в советской прессе о событиях в Баку свидетельствовали о том же. «Огромный стенд с лозунгами: «Вернуть Кировабаду имя Низами Гянджеви!», «Восстановить Советскую власть в НКАО!», «Освободить азербайджанскую землю от экстремистов и армян!». На другой стороне площади, над трибуной, красовался портрет Ахмеда Ахмедова, приговоренного к высшей мере за зверства в Сумгаите... В первые дни митинга площадь Ленина видела и зеленые исламские флаги, и портреты аятоллы Хомейни»¹.
К январю 1990 г. в Баку, по различным данным, оставалось около 35–40 тыс. армян. В большинстве своем это были пожилые, одинокие или малообеспеченные люди, которые не желали или просто не могли уехать. Либо те, кто не могли оставить своих старых, больных, «нетранспортабельных» близких. Но были и те, кто не верил до конца в возможность грядущего «извержения вулкана, готового в мгновение ока покрыть пеплом и раскаленной лавой – нет, не весь город, а выборочные тысячи и тысячи квартир»².

ПОГРОМЫ В БАКУ

Как уже говорилось, на протяжении всего 1989 г. в Баку участились случаи нападения на граждан армянской национальности, многие из которых даже не попадали в сводки происшествий. О том, как это происходило, свидетельствовал в своей книге «За державу обидно» генерал Александр Лебедь; его, тогда еще полковника, десантная часть участвовала в обеспечении режима особого положения в Баку в 1988–1989 гг. и вводе войск в город в январе 1990 г. Вот как он описывает убийство, которое официально таковым признано не было:

«...При очередной вспышке самопроизвольного заселения я в поисках начальника милиции попал во дворик частного дома и стал невольным свидетелем следующей картины. Посредине двора – еще не остывший труп мужчины лет 30. Голова развалена мощным ударом, здесь же валялся кусок витой арматуры длиной сантиметров 70 и толщиной 20–22 миллиметра с остатками крови и волос. Во двореке начальник РОВД, полковник милиции, фамилию не помню, врач, майор, сержант. Я зашел в момент, когда стоящий ко мне спиной полковник динтовал сержанту: «Причина смерти – инфаркт миокарда». Я взбеленился: «Это вы про кого такое пишете? Про этого?» – Так точно! – Какой тут инфаркт миокарда! Вот арматура, его убили. Невозмутимо глядя на меня черными без блеска глазами, полковник заявил: «Товарищ полковник! Вы не понимаете. Его ударили, в результате удара образовался инфаркт, в результате инфаркта он умер. Вот и врач подтверждает». Врач закивал. Страстно захотелось взять автомат и одной очередью положить и скотов милиционеров, и «знающего» зсупала. Я повернулся и вышел. И вывод. Через три дня... никакая сила в мире не докажет, что погиб этот цветущий мужик на пороге собственного дома, защищая свою семью, от зверского удара куском арматуры. Благодарный, спасительный инфаркт...»³

¹«Нам вместе жить», Константин Михайлов, «Собеседник», № 3, январь 1989 г.

²Е. Асланян. «Замолоченная дверь», «Анив», № 4(13), 2007 г., С. 38

³Александр Лебедь. За державу обидно. Москва. 1995. С. 242–243

В течение декабря 1989 г. Народный фронт Азербайджана организовал массовые акции на советско-иранской границе; в городах и районах шли антиармянские митинги, имели место акты захвата власти, повсеместно формировались вооруженные отряды НФА. В декабре в Баку вновь участились нападения на армянские дома и квартиры, убийства, насилия и грабежи.

13 января 1990 г., в «самом интернациональном городе СССР», как любили называть Баку агитпроповцы из ЦК Компартии Азербайджана, начались невиданные по своему размаху армянские погромы. Советская армия, как и ранее в Сумгаите, «опоздала», но уже не на три дня, а на целую неделю.

Начало погромов многие беженцы из Баку тогда связывали с выступлением первого секретаря ЦК КП Азербайджана Абдул-Рахмана Везирова на партийно-хозяйственном активе одного из бакинских заводов, которое транслировалось по республиканскому телевидению. Выступление азербайджанского партийного лидера было истеричным и полным антиармянской риторики.

Однако такой авторитетный и, видимо, единственный исследователь январских событий 1990 г. в Баку, как журналист, писатель и публицист Ирина Мосесова¹, родившаяся и прожившая большую часть своей жизни в Баку, полагала иначе.

«Гораздо более симптоматичной представляется нам другая политическая фигура. Это Гасан Гасанов – способный выученик Гейдара Алиева, без него так и закончивший бы политическую карьеру на уровне комсомольских работников 60-х годов, – писала И. Мосесова в одном из своих материалов, посвященных январским погромам. – Ранее, 8 января, еще в статусе секретаря ЦК он произнес на собрании республиканского партийно-хозяйственного актива мобилизующую, вдохновляющую на погромы речь. «Филантропы» и «соглашатели», против которых он выступил, обвиняя их в нерешительности, услышали боевой клич. Более того, известно и его неформальное покровительство реальной политической силе, которой в канун погромов и во время них в Баку оказался Народный фронт Азербайджана»².

В приведенной цитате ясно прослеживается связь между Народным фронтом Азербайджана (НФА) и выдвинутыми Гейдара Алиева в руководстве Азербайджанской ССР. И. Мосесова знала эту среду досконально: она на протяжении целого ряда лет была одним из «спичрайтеров» Гейдара Алиева, многократно лично общалась с азербайджанским партийным боссом и бывшим генералом КГБ. Прекрасно знала она и все его окружение: кто есть кто и на что способен.

Между прочим, совершенно не случайно активизация персонального пенсионера Гейдара Алиева, незадолго до 1988 г. отправленного в отставку «по состоянию здоровья», произошла именно в январские дни 1990 г. После ввода войск в Баку он выступил в Постпредстве АзССР в Москве в поддержку НФА, а вскоре покинул советскую столицу, перебравшись в Нахичеванскую АССР. Оттуда, из Нахичевани, опираясь на свой разветвленный клан и своих людей в Баку, он медленно, но верно стал продвигаться к заветной цели – посту официального лидера Азербайджанской Республики. Но это будет позже.

¹И. М. Мосесова скончалась в Московской области в январе 2008 г.

²И. Мосесова. «Бакинские погромы: механизм подготовки и осуществления», «Голос Армении», 12.01.1991 г.

А пока, после «усмирения» проалиевского НФА, кремлевские власти, не на шутку обеспокоенные активизацией Г. Алиева, начнут антиалиевскую кампанию. В органе ЦК КПСС газете «Правда» появится разгромная статья «Алиевщина», где впервые в официальной советской прессе приводился список близких и дальних родственников Алиева, которые заняли «теплые» места в республике в период его правления и оставались на них и в более поздние годы.

Сам Гейдар Алиев очень тяжело воспринял появление этой и других разоблачительных статей, о чем многократно говорил позже, уже будучи президентом независимой Азербайджанской Республики. Так, на встрече с группой азербайджанских писателей в ноябре 1999 г. он утверждал, что в 1988–1990 гг. периодически подвергался травле в советской прессе... из-за своей «борьбы со взяточничеством, коррупцией»:

«Алиевщина» была потом, после январских событий. А эта – в 1989 г., понимаете. Евреи, армяне опубликовали в «Литературной газете» одну статью против меня. В Азербайджане распространили ее. Почему? Потому что я вел борьбу со взяточничеством, коррупцией, с использованием служебного положения в корыстных целях»¹.

Возвращаясь к речи алиевского выдвигенца Гасана Гасанова на заседании партактива АзССР 8 января, отметим немаловажный факт. На этом мероприятии присутствовали специально направленные в АзССР Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р. Нишанов и секретарь ЦК КПСС А. Гиренко. То есть высокопоставленные кремлевские посланцы прекрасно знали и понимали, к чему идет дело в регионе, и, соответственно, должны были информировать об этом М. Горбачева.

Очередное кровопускание было вполне в интересах ЦК КПСС. Ведь не кто иной, как сам Горбачев ранее неоднократно заявлял армянским депутатам и представителям о том, что, поднимая карабахский вопрос, им следовало бы подумать о судьбе армян Баку.

Как уже говорилось выше, самим бакинским армянам, во всяком случае большинству из них, все это стало ясно сразу же после резни в Сумгаите. Потому они и приняли решение уйти, пока не поздно. Но те, кто не могли, не успели или не захотели уйти, все еще надеялись на защиту Москвы. Как вскоре выяснилось, эти надежды опять не оправдались.

«Началом тотальных погромов нельзя считать 13 января, – писала в цитированном выше материале² И. Мосесова. – Подготовка к ним шла давно. Тщательно продуманная акция проводилась в нескольких направлениях».

Далее исследователь бакинских погромов перечисляет ряд этих самых направлений, среди которых были следующие.

Составление подробной карты города, разделенной на районы и кварталы, с помеченными местами компактного проживания оставшихся в городе армян.

Широкомасштабная наступательная антиармянская кампания в СМИ, начатая значительной частью азербайджанской интеллигенции. В ходе этой кампании армяне обвинялись во всех мыслимых и немыслимых грехах. Выступавшие по телевидению аксакалы сетовали на то, что «армяне занимают престижные должности и лучшие квартиры в городе». Последняя волна увольнений армян с работы прошла в декабре 1989 г.

¹«Президент Азербайджана Гейдар Алиев принял группу писателей и поэтов», «Бакинский рабочий», 12.11.1999 г.

²«Голос Армении», 12.01.1991 г.

Нападения, избиения и убийства отдельных граждан армянской национальности на улицах города, в общественном транспорте.

Координация действий работников жилищно-эксплуатационных контор (ЖЭКов) и управлений с милицией и службой «скорой помощи» в ходе предстоящих погромов. Первые уточняли наличие прописанных армян с помощью списков на продуктовые талоны. Вторые обеспечивали безнаказанность погромщиков. Третьи выдавали фальшивые медицинские свидетельства о смерти жертв, указывая в них естественные причины смерти, вместо реальных насильственных от побоев и т.п. Таким образом, были учтены «уроки» резни в Сумгаите, когда в свидетельствах о смерти жертв погромов значились действительные причины смерти, что вызвало огромный резонанс после их опубликования.

Эти четыре направления, как пишет исследователь бакинских погромов И. Мосесова, «создали прочную, весьма эффективную базу для начала погромов».

Многие бакинцы свидетельствовали, что точная дата начала погромов была известна заранее. Чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров, еле вырвавшийся из города, который он не уставал прославлять в ходе своей спортивной карьеры (за большие деньги он нанял отдельный пассажирский самолет, куда погрузил свою многочисленную армяно-еврейскую родню и знакомых), в интервью «Московским новостям» говорил после погромов: «Еще в Москве я слышал предсказания – с точностью в один-два дня – начала предстоящих погромов»¹.

Были и свидетельства о том, что жилищные конторы и исполкомы заранее уточняли списки жильцов по национальностям и готовили новые ордера на квартиры жертв. Бежавшие из Баку после января 1990 г. русские горожане, в частности, свидетельствовали:

«В конце прошлого года жилищные конторы по всему городу потребовали всех заполнить анкеты, якобы для получения талонов на продукты. В анкетах нужно было указать национальность. Когда начались погромы, в руках экстремистов оказались точные адреса: где живут армяне, где русские, где смешанные семьи и т.д.»

...Думаю, что ордера нам не понадобятся. Сама видела, как только армянина изгнали из квартиры, тут же появлялся новый хозяин с официальным ордером. Словно в райисполкоме он был уже давно готов, только даты не хватало»².

Как и в случае с Сумгаитом, бакинским погромам предшествовала провокационная информация республиканского агентства «Азеринформ», переданная затем по каналам ТАСС и в программе «Время» Центрального телевидения. В ней сообщалось о том, как два азербайджанца будто бы зашли домой к некоему жителю Баку с армянской фамилией Аванесов, пытаясь уговорить его покинуть город, разговор перешел в ссору, в ходе которой Аванесов схватил-де топор и зарубил обоих. Как видим, фантазия изготовителей фальшивок не выходила слишком далеко за рамки прежних клише.

К 13 января армянские погромы в Баку приобрели организованный и повсеместный характер. 13 января 1990 г. после 17 часов толпа около 50 тыс. человек, вышедшая с митинга на площади Ленина, разделившись на группы под руководством активистов НФА, стала методично, дом за домом, «очищать» город от армян. Существуют многочисленные свидетельства о зверствах и убийствах, совершенных с исключительной жестокостью, включая сожжения заживо.

¹«Баку: что дальше», «Московские новости», № 4, 1990 г.

²«Заложники неизвестности», И. Афанасьев, «Учительская газета», № 5, январь 1990 г.

Точное число убитых до сих пор неизвестно – по разным данным, было убито от 150 до 300 человек. Поскольку большинство оставшихся к тому времени в городе армян Баку составляли пожилые или больные люди, многие беженцы погибли вскоре после депортации – не только из-за причиненных увечий, но и от пережитого потрясения.

В Кировабаде погромщики пришли в местный Дом престарелых, вывезли из него за город 12 стариков и старух-армян, убили их и закопали в вырытой на берегу Куры яме...

Тех из армян, кого оставляли в живых, отправляли в порт – для посадки на паромы, идущие через Каспий в Туркменскую ССР. Все это происходило под контролем и при непосредственном участии как официальных властей, так и НФА. Согласно показаниям многих сотен беженцев из Баку, схема действий погромщиков была однотипной. Вначале в квартире врывается толпа в 10–20 человек; начинались избиения и насилия. Затем появлялись представители НФА, зачастую с оформленным по всем правилам ордером на квартиру, предлагавшие немедленно отправиться в порт. Людям иногда разрешали брать с собой кое-что из вещей, но при этом отбирали деньги, ценности, сберкнижки. В порту находился пикет НФА; беженцев обыскивали, снова избивали, после чего депортировали.

Прибывших на тот берег Каспия, в Красноводск, беженцев самолетами отправляли в Ереван.

«В понедельник вечером в Ереван начала прибывать новая волна беженцев из Азербайджана. По трапу самолета, прилетевшего из Красноводска, куда армяне доставлены паромом, спустились в основном старики. Большинство из них избиты и переязаны... У 37-летнего Семена Григоряна пытались ножовкой отрезать ноги, затем уши. Сходя с трапа, он все время повторял: «Спасся чудом»¹.

Тем, кто попал на паром до Красноводска, можно сказать, повезло. Потому что многие, пытавшиеся вырваться из Баку воздушным путем, в аэропорту попадали в ловушку. Ирина Мосесова в своей книге «Армяне Баку: бытие и исход»² стала свидетелем того, что произошло в бакинском аэропорту 17 января 1990 г.

«Я среди других страждущих находилась в специальном «накопителе»... Нас долго держали там, испытывая на прочность. Подъехал автобус. Из него выбежал некто с воплем: «Армяне, армяне, кто едет в Ереван, садитесь». Люди потянулись к автобусу. Понесли на руках старушку. Женщина с тремя маленькими детьми подняла тяжелую сумку. Поначалу поднялась и я, но остановилась, тупо глядя на зажатый в руке билет на Москву, где уже несколько суток встречал в аэропорту каждый самолет мой младший сын. Решила остаться и ждать самолета в столицу. Так Бог спас меня во второй раз (в первый раз это случилось 13 января, когда что-то увело от моих дверей помившихся туда молодчиков, какое-то событие на улице Хагани).

Тем временем автобус с людьми развернулся. Я только успела заметить, как из него выпрыгнул водитель – тот некто, который зазывал армян в Ереван. Раздался взрыв, крики – и все. К этому автобусу «скорая помощь» не подъехала. Он фанелом освещал летное поле. И желающих оказать помощь горящим внутри людям рядом не оказалось»³.

¹«Раскаленный январь», «Московские новости», 21.01.1990 г.

²И. М. Мосесова. Армяне Баку: бытие и исход. Свидетельства очевидцев. Газетные и журнальные публикации. Факты и комментарии к ним». Ереван. «Айастан». 1999

³И. Мосесова. Указ. соч. С. 33–34

Ярким штрихом к поведению бакинской милиции и солдат внутренних войск МВД СССР в дни армянских погромов в Баку служит свидетельство одного из лидеров НФА Этибара Мамедова, сделанное им на прессконференции в Москве:

«Я лично был свидетелем того, как недалеко от железнодорожного вокзала убили двух армян. Собралась толпа, их облили бензином и сожгли, а в двухстах метрах от этого находилось отделение милиции Насиминского района, и там было где-то около 400–500 солдат внутренних войск, которые на машине проезжали в 20 метрах от этих горевших трупов, и никто не предпринял попытки по оцеплению района и разгону толпы»¹.

Свидетельства о соучастии милиции и бездействии внутренних войск приводили и беженцы из Баку. Ясное дело, что, сваливая вину за погромы лишь на коммунистические власти, лидеры НФА пытались таким образом отмыть свои руки и предстать «в белых одеждах» перед столичными демократами.

Между тем, многочисленные беженцы свидетельствовали, что именно НФА был организатором погромов. А в опубликованной в зарубежном «диссидентском» журнале «Страна и мир» статье московский лингвист Андрей Кибрик вопрошал:

«Если НФА – демократическая организация и притом настолько сильная, что к 19 января чуть ли не захватила власть в Баку, почему она 13 января и в последующие дни допустила массовые погромы? Неужели она так усилилась именно за последние шесть дней?»

Нет ли подозрительного единства целей в действиях погромщиков и НФА (даже если это не одно и то же)? Одни армян убивают, а другие «эвакуируют», или, лучше сказать, депортируют. Не лучше ли было бы такой могущественной организации, которая может контролировать весь Баку, обратить усилия на защиту своих сограждан без их депортации?»²

Горбачев и Кремль не вмешивались в происходящее, хотя в городе находились достаточные по численности военный гарнизон и силы внутренних войск МВД СССР, которые могли бы быстро навести порядок.

Информации также было предостаточно. Наряду с данными КГБ и армейской разведки информация в Кремль поступала от находившихся в Баку председателя Совета Союза Верховного Совета СССР академика Е. Примакова, секретаря ЦК КПСС А. Гиренко, других представителей правящей камарильи.

Накануне ввода войск в Баку, вечером 18 января бакинское телевидение транслировало в прямом эфире беседу (автор лично созерцал ее, находясь в Степанакерте) заместителя заведующего отделом ЦК КПСС В. Михайлова с заведующим идеологическим отделом ЦК КПА А. Дашдамировым. Последний, обильно брызгая слюной, орал о необходимости «строго наказать армянских экстремистов в НКАО», о недопустимости вмешательства войск в Баку, а раболепный московский «цэковец» нес бред о том, что Баку-де «славен своими интернациональными традициями», и войска в город вводить никак нельзя. За окном в тот момент реками лилась человеческая кровь и корчились в агонии живо сжигаемые люди...

¹ «Новая жизнь», независимая социал-демократическая газета, 1990, № 5(14)

² «Страна и мир», 1990, № 1(55)

Убийства и разбой продолжались вплоть до 20 января, когда погромщикам стало уже просто не до того, ибо в город вошли части Советской Армии. В ходе погромов Баку был полностью «очищен» от армян – за исключением нескольких сотен человек в смешанных семьях, многих из которых позже буквально «выуживали» по спискам для последующего обмена на плененных в ходе карабахской войны азербайджанцев.

Некоторые армяне были спасены, спрятаны своими соседями, однако такие случаи не были столь многочисленными, как о том позже писала советская пресса. Это было понятно, ибо погромщики осуществляли жесткий контроль, угрожая карами тем азербайджанцам, кто осмелится им противоречить, тем более противодействовать. Атмосфера была далеко не та, что в 1988 г. Да и настроения самих обывателей были уже другими.

«Разрывы по-настоящему крепких дружеских связей на самом деле были крайне редкими – армянам помогали друзья, прежде всего друзья-азербайджанцы. Но только лучшие друзья – один-два человека, – писал главный редактор журнала «Анив», бывший бакинец Карен Агекян. – Старые друзья помогали... Но я не слышал о тех, кто сохранил бы нормальные отношения к армянам в целом. Часто бывало так: человек считал, что всех армян нужно гнать из Баку, но шел на определенный риск, спасая своего личного армянского друга с семьей. Впрочем, это достаточно типично. Старые друзья есть всегда и везде. Не помню кто – то ли Геббельс, то ли Гиммлер – в своей важнейшей речи перед «окончательным решением еврейского вопроса» признавал, что у каждого (!) немца есть хороший друг еврей»¹.

Среди убитых и пострадавших в ходе погромов были также русские и представители других национальностей. Свыше ста тысяч русских жителей Баку, десятки тысяч евреев и представителей других национальностей навсегда покинули город сразу же после армянских погромов и столкновений вооруженных отрядов НФА с войсками. Были среди беженцев и собственно азербайджанцы – члены смешанных семей или дети от смешанных браков, которых в Баку было немало.

В советской прессе погромы в Баку освещались скупо, а поначалу и откровенно тенденциозно. Более или менее ясной информации читателю так и не было предоставлено.

Позже, на посвященном событиям в Баку закрытом заседании Верховного Совета СССР, ряд высших должностных лиц СССР, включая министров обороны, внутренних дел и председателя КГБ СССР, с полной откровенностью рассказали о бакинской резне и привели жуткие подробности. Эти подробности так никогда и не появились в советской печати. Да и оглашены на закрытом заседании ВС СССР они были в ответ на требование азербайджанской делегации создать комиссию по расследованию действий армии в Баку после 20 января, аналогичную той, которая расследовала разгон демонстрации 9 апреля 1989 г. в Тбилиси.

Тем не менее шок от событий был столь велик, а география беженства столь широка, что и в советскую прессу просочилось немало сведений и свидетельств беженцев из Баку самых разных национальностей.

«Нас заставили уехать, – голос Е. Р. Суворцевой прерывается от волнения. – Приходили какие-то люди и вначале просили покинуть республику, потом требовали, чтобы мы убрались, угрожали, а затем начались погромы...»

¹ К. Агекян, «Какими мы были», «Анив», № 4(13), 2007 г. С. 74

...Начали с армян. А когда те уехали, взялись за русских, – говорят Александра Гуснова¹.

«...Нас вывозили из военного городка на открытом грузовике, – вступает в разговор жена военнослужащего. – Было много народу – женщины, дети, старики. Как только отъехали от городка, по машине открыли огонь. Пришлось лечь на дно кузова. Все, с кем довелось беседовать в назармах, резко высказывались в адрес центральных средств массовой информации: сообщения о событиях в Баку даются сглажено, и создается впечатление, будто не так уж все плохо. Говорили, что боевики будто бы видят в этом проявление слабости властей»².

«На многих домах надписи: «Русские – оккупанты!», «Русские – свиньи!». Моя мама приехала по распределению из Курска в глухое горное азербайджанское село учить детишек русскому языку. Я второй год работала в школе... Пришла неделю назад в школу, а в коридоре надпись: «Русские учителя, идите в уборщицы!» Я говорю: «Вы что, ребята?» А они в меня плюют... Я их азбуке учила.

– Но как жить, если дом оцеплен бандитами и они требуют убираться, если приходишь в магазин, а тебе не продают даже хлеба, потому что ты русская. Хотела снять с книжки деньги, кассирша швырнула мне ее обратно: «Для тебя денег нет!»

– Муж у меня военный, но в этот день был в штатском. Я увидела, как он вынул пистолет и положил в карман. Сказал: «В метро идите впереди меня, чтобы я вас видел». В метро русских почти не было. На нас оглядывались, лица у всех напряженные. Только в аэропорту я поняла, что мы улетаем»³.

«Они установили пулеметы на крыше роддома и неврологической больницы, и, когда выходили женщины с детьми, чтобы перейти и укрыться в военную часть, – по ним стреляли, а когда выходил азербайджанец из своей машины, прекращали стрелять.

...Последний год тяжело было ходить в магазин. Смотрят косо, подсовывают самое гнилье, кто-то из очереди кричит продавщице: «Русским не отпускать! Пусть к себе едут!» Обзывали оккупантами, фашистами, а ведь мы работали вместе с ними на равных. Мулла призывал: «Изгоняйте русских, но без крови!» И сколько же нашлось желающих изгнать!»⁴

«Я коренная бакиннка... Сюда же вырвалась с десятью рублями, в одном платье да в одном пальто. Так же одеты и дети, – рассказывала жена военнослужащего Валентина Павлова. – Да, среди азербайджанцев есть прекрасные люди. Но мало кто их сегодня слушает. В любом случае мы туда не вернемся»⁵.

Многие жены офицеров свидетельствовали и о замалчивании событий в Баку официальными советскими СМИ: «Провожая нас, солдаты просили передать всю правду о происходящем. Убеждены: боевики распоясались до предела еще и потому, что они знают – в России многое просто неизвестно»⁶.

¹«Свидетельствуют очевидцы бакинских событий», «Правда Украины» (Запорожье), № 24, 1990 г.

²«Рассказывают беженцы», Д. Демидов, «Труд», 25.01.1990 г.

³«Заложники неизвестности», И. Афанасьев, «Учительская газета», № 5, январь 1990 г.

⁴«Беда... Вам будет плохо...» Л. Жукова, «Литературная Россия», № 5, 02.02.1990 г.

⁵«Беженцы прибывают в Москву», «Известия», 25.01.1990 г.

⁶Там же

ВВОД ВОЙСК В БАКУ

19 января в Кремле, кажется, поняли, что увещеваниями и заклинаниями ситуацию в столице АзССР «разрулить» не удастся. Вечером того же дня М. Горбачев подписал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О введении чрезвычайного положения в городе Баку». Указ постановлял «объявить с 20 января 1990 г. чрезвычайное положение в городе Баку, распространив на его территорию действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1990 г.»¹

Незадолго до полуночи 19 января продолжавшие накануне прибывать по воздуху на военные аэродромы и сосредотачиваться на подступах к Баку войска медленно двинулись к городу. Иной раз уже на выходах из мест своего сосредоточения им приходилось с боем преодолевать заграждения на дорогах и вооруженное сопротивление боевиков НФА, которое усиливалось по мере приближения к городским окраинам.

...На протяжении почти двух десятилетий, минувших с января 1990 г., азербайджанская пропаганда пытается исказить суть «черного января» в Баку. Армянские погромы 13–20 января всячески замалчиваются, как будто бы их и не было вовсе; зато навязчиво звучат мотивы траура по жертвам ввода советских войск в Баку 20 января. Ежегодно в этот день в Азербайджанской Республике объявляется день траура, проводятся массовые акции. А так называемая «Аллея шахидов», где были похоронены погибшие при вводе войск в Баку, со временем стала главным символом борьбы за независимость: ее посещение входит в обязательный протокол в ходе визитов глав зарубежных государств, официальных делегаций.

Постепенно в сознании многих россиян укоренилось, что в январе 1990 г. коммунистический Кремль подавил некую «Бакинскую демократическую революцию». А ввод войск в Баку некоторые поверхностные исследователи и недалекие журналисты стали ставить в один ряд с разгоном советскими войсками мирных демонстраций в апреле 1989 г. в Тбилиси и в Вильнюсе в январе 1991 г.

Но имеет смысл разобраться, как и при каких обстоятельствах погибли в Баку как минимум 150 человек гражданских и военных 20 января 1990 г. и в последующие дни и недели.

Как уже говорилось выше, в отличие от Сумгаита Советская Армия «опоздала» в Баку не на три дня, а на целую неделю. Для пресечения погромов с лихвой хватило бы сил бакинского гарнизона и внутренних войск МВД СССР. В дни безнаказанных бесчинств они защищали сами себя в блокированных боевыми отрядами НФА военных городках, базах, в гавани или просто бездействовали.

Даже в советской прессе проскользнули нотки возмущения бездействием войск в дни погромов. «Московские новости», в частности, писали, что в дни расправ над армянами Баку «солдаты в бронжилетах и касках безучастными группами стояли именно на тех перекрестках, где ничего страшного не происходило»².

¹«Труд», 21.01.1990 г.

²«Московские новости», № 4, 1990 г.

Переброшенные же из других регионов в Баку соединения и части Советской Армии, в том числе и укомплектованные срочно призванными из запаса резервистами, вошли в заблокированный погромщиками город вовсе не для прекращения погромов. Их задачей было предотвращение окончательного перехода власти в Азербайджанской ССР в руки НФА, который был запланирован и объявлен последним на 20 января.

Об этом, как о причине ввода войск, черным по белому говорилось и в самом Указе об объявлении в Баку чрезвычайного положения – «в связи с резким обострением обстановки в городе Баку, попытками преступных экстремистских сил насильственным путем, организуя массовые беспорядки, отстранить от власти законно действующие государственные органы и в интересах защиты и безопасности граждан»¹.

Учитывая, что к 20 января армянское население Баку было частично уничтожено и полностью изгнано, слова об «интересах защиты и безопасности граждан» в Кремле относились скорее к «гражданам» из ЦК КП Азербайджана, нежели к жертвам недельных погромов.

Многие жизненно важные сферы к этому времени уже были взяты НФА под полный контроль. Так, начальник связи вооруженных сил СССР генерал-полковник К. Кобец заявил корреспонденту «Известий», что в дни армянских погромов «было организовано подслушивание телефонных разговоров, в том числе военных. Не оставались секретом для неформалов и частные беседы граждан друг с другом. Случалось, разговоры прерывались угрозами в адрес недостаточно патриотически настроенных абонентов»².

Аналогичной была ситуация с телевидением и радио. Вероятно поэтому одной из первых акций Москвы в ходе ввода войск был взрыв радиотелепередающей станции республиканского Гостелерадио, осуществленный, судя по всему, спецгруппой КГБ СССР.

При вводе в Баку войск последним пришлось преодолевать баррикады и препятствия из грузовиков, троллейбусов, пылающих бензовозов. С крыш домов и из-за баррикад по ним велся огонь из автоматического стрелкового оружия, включая пулеметы. Понесся потери убитыми и ранеными, войска по мере продвижения в глубь города многократно открывали огонь на поражение, таранили бронетехникой препятствия, вследствие чего пострадали не только вооруженные сторонники НФА, но и нехотая попавшие под руку горожане.

О том, что вступающим в город войскам было оказано серьезное вооруженное сопротивление, свидетельствует и общее число потерь. Непосредственно в ночь с 19 на 20 января погибли, по официальным данным, 62 человека, из них 14 военнослужащих³.

Вооруженные столкновения в городе продолжались и в последующие два дня, при разблокировании Сальянских казарм и отдельных военных городков Бакинского гарнизона и Каспийской флотилии, откуда были эвакуированы многие тысячи членов семей военнослужащих. Это были непосредственно боевые операции, в ходе которых гибли, с одной стороны, вооруженные сторонники НФА, осуществлявшие блокирование городков, с другой – разблокировавшие их военные. В эти дни ни о каких случайно попавших под огонь военных мирных азербайджанцах речи уже не шло; наоборот, были убитые и раненные среди выводимых из окружения военнослужащих и членов их семей, по которым велся прицельный огонь с этажей, балконов и крыш соседних зданий и жилых домов.

¹«Труд», 21.01.1990 г.

²«Известия», 31.01.1990 г.

³«Баку, 22 января», «Известия», 22.01.1990 г.

Столкновения имели место вплоть до 26 января включительно и при разблокировании войсками бакинского морского порта, чья акватория контролировалась судами морского пароходства, захваченными «неформалами». Последние пытались даже протаранить гидрографические суда, на которых эвакуировали гарнизонные семьи.

По официальным данным на 26 января, сообщалось уже о 93 погибших в Баку с 20 по 22 января, как гражданских, так и военных¹.

По разным данным, всего в период с 20 января по 11 февраля погибло и скончалось от ран максимально около 120 гражданских, в большинстве своем вооруженных сторонников НФА, но также и случайных лиц и более 40 военнослужащих. Речь идет о погибших не только в Баку, но и в ряде других районов АзССР. Соотношение потерь – примерно три к одному, даже учитывая многократное преимущество вооруженной армии перед якобы «безоружными» гражданами из НФА. Такое соотношение потерь напоминало не столько карательную акцию против мирных граждан, сколько штурм армией укрепленного вооруженными бунтовщиками города.

Обозленные большим числом жертв в своих рядах, а также нападками со стороны азербайджанского руководства, военные раскрыли ряд обстоятельств, так и не ставших достоянием широких масс советских людей.

Выступая на сессии ВС СССР вскоре после ввода войск в Баку, министр обороны СССР Дмитрий Язов обвинил азербайджанские власти в «подыгрывании» НФА. Это выступление было записано на диктофон в зале заседания, а расшифровка его была опубликована в ереванской газете «Авангард» от 7 марта 1990 г. Д. Язов в частности, сказал:

«Когда говорят о погибших под гусеницами танков сотнях людей, это клевета. Самый маленький человек, что погиб в течение первых трех дней, был четырнадцатилетний мальчик, находившийся среди боевиков. А самая пожилая женщина 1915 года рождения умерла от инфаркта, но была похоронена, как погибшая под гусеницами танков. Клевета, ложь на каждом шагу... Ведь надо же дойти до такого кощунства – похоронили 49 человек, а вырыли 150 могил.

...Все, что расписывали члены неформальных организаций и развешивали на улицах, было точным повторением заявления товарища Кафаровой (председатель Президиума Верховного Совета АзССР – прим. автора), которая обвиняет введение чрезвычайного положения и ввод вооруженных сил.

...Когда колонны вошли в город, посыпался огонь из всех окон... И военная прокуратура, и гражданская прокуратура стремились к тому, чтобы каждый труп был проверен медицинской экспертизой. Но ни одного трупа не дали на экспертизу, мол, мусульманские законы не позволяют этого. Я встретился с высокопоставленным шейхом (шейх-уль-ислам Аллахшунюр Пашазаде, духовный лидер мусульман Азербайджана – прим. автора). Он заявил, что мы жестокие, что в одну старуху пустили 73 пули. А он, мол, так говорят. Я говорю: а может, неправильно говорят, позвольте взять на медицинскую экспертизу все трупы. А он – по мусульманским законам нельзя»².

¹ТАСС–«Красная звезда», 26.01.1990 г.

²«Авангард», 07.03.1990 г.

Называть события 20 января и последующих дней «расправой советской армии над мирными жителями Баку», как это делает азербайджанская пропаганда с 1990 г. по сей день, означает ставить события с ног на голову. Да и все рассуждения о «черном январе» в Баку связывают исключительно с датой 20 января, а то, что происходило в этом «интернациональном городе» с 13 по 20 января, – когда жертвами армянских погромов стали действительно мирные граждане, в большинстве своем пожилые и социально незащищенные, – замалчивается. Как будто и не было никаких погромов.

Характерна реплика Гейдара Алиева на этот счет из интервью, данного им 26 сентября 1990 г. в Нахичевани давнему почитателю Андрею Караулову. Это интервью было опубликовано в московском ежемесячном журнале «Европа + Америка» в 1991 г. Интервью озаглавлено: «Гейдар Алиев: я оставил добрый след...»

Вот что говорит «оставивший добрый след» человек о кровавом январе:

«Сейчас, когда с того времени прошло уже более 8 месяцев и есть возможность еще раз спокойно проанализировать этот акт насилия против азербайджанского народа, можно с полной уверенностью сказать, что никакой необходимости для введения в Баку чрезвычайного положения и высадки там крупного контингента войск не было, все конфликты между армянами и азербайджанцами кончились в Баку еще за несколько дней до этой трагической ночи, и в городе не осталось ни одного армянина. Спрашивается, кого и что защищали войска?»¹

Обратите внимание: 20 января – «акт насилия против азербайджанского народа», «трагическая ночь». Армянские погромы с 13 по 20 января – «конфликты между армянами и азербайджанцами», «никакой необходимости для введения в Баку чрезвычайного положения не было». Да уж, воистину добрейшей души человек...

Верхом цинизма является тот факт, что убийство погромщики – активисты НФА – и случайные жертвы уличных перестрелок и хаотичной стрельбы 20 января и последующих дней похоронены рядом на «Аллее шахидов». Цинизмом является и то, что и аллея эта, и построенная на ней мечеть находятся на месте старого армянского кладбища и часовни. Именно там в свое время были похоронены тысячи жертв армянской резни сентября 1918 г., когда после взятия Баку турецкими войсками город был отдан на трехдневную расправу бандам мусаватистов из «Кавказской исламской армии». И это также прекрасно известно азербайджанским бакинцам-старожилам. Но по понятным причинам они молчат об этом, словно воды в рот набрали.

...После ввода войск в Баку и введения в столице АзССР чрезвычайного положения в городе и его окрестностях ситуация стабилизировалась, установилось видимое спокойствие.

В сельских районах же выступления протеста против «расправы над азербайджанской демократией», митинги с массовым сожжением партбилетов продолжались там и сям еще примерно неделю.

В условиях отсутствия телевидения из Баку на протяжении 4–5 дней эту роль взяла на себя телепередающая станция... в карабахской Шуше, которая еще с сентября 1989 г. стала пиратски выходить в эфир во время, предназначенное для областного телевидения. В 20-х числах января 1990 г. эмиссары НФА стали использовать «пиратскую» студию в Шуше для вещания на значительную часть АзССР, используя ретрансляторы в приграничных

¹«Европа + Америка» 1991 г., № 2. С. 109

с НКАО районах. Опять интересный факт: в эти дни в Шуше появилась группа профессиональных дикторов республиканского телевидения из Баку, которая споро взялась за работу на новом месте.

Из Шуши передавались в эфир записи митингов в различных городах, райцентрах АзССР, на которых рефреном звучали лозунги «Смерть армянам!», «Смерть Горбачеву!» и так далее. На второй после ввода войск в Баку день демонстрировали репортаж без комментариев из Шушинской мечети. Женщины в черном разных возрастов оплакивали жертв ввода войск, крича, расцарапывая до крови лица и колотя друг друга по спине. Это было что-то вроде церемонии «Шахсей-Вахсей», когда правоверные шииты истязают себя, скорбя по сыну пророка Гусейну.

Автор этой книги наблюдал по вечерам эти передачи из Шуши, находясь у телевизора в столовой гостевого дома Каршелкокомбината вместе с группой приехавших в Степанакерт журналистов из Москвы и еще откуда-то. Надо было видеть лица этих людей, их многозначительные и немного испуганные взгляды, которыми они обменивались во время трансляции с митингов и из Шушинской мечети...

Вскоре замолчала и Шушинская студия. В конце января у комендатуры района чрезвычайного положения НКАО и прилегающих районов АзССР все-таки «дотянулись руки» до находящейся всего в десятке километров от здания обкома пиратской студии, по сути дела, вещавшей не только с антиармянских (что, видимо, было терпимо), но уже и с антикремлевских позиций. Студию прикрыли, но одновременно с этим де-факто закрыли и вполне законное нагорнокарабахское областное телевидение, открытое полтора года тому назад с санкции ЦК КПСС.

А вскоре возобновившееся вещание Азербайджанского республиканского телевидения хотя и было, несмотря на введенное в Баку чрезвычайное положение, антиармянским по содержанию, но по форме вполне просоветским. «Плохие азербайджанские парни» вновь ушли в тень, уступив инициативу «послышным» Кремлю новым республиканским коммунистическим властям.

Кровавый спектакль с временной передачей полномочий от «послышных» к «непослышным» зашел слишком далеко, а потому должен был прекратиться. Ибо он угрожал уже самим основам власти, в чем Кремль и руководство АзССР волей-неволей были уже солидарны. Но это вовсе не означало полного отказа реальных режиссеров событий от дальнейших действий.

ПОСЛЕ ЯНВАРЯ: ПОГРОМЫ НА ЭКСПОРТ

Между тем, организаторы армянских погромов в Баку пытались экспортировать их и за Каспий, где после всеобщей демонстрации безнаказанности сумгайтских погромщиков Кремль получил новые вызовы в виде резни в Фергане (Узбекистан) и погромов в Новом Узене (Казахстан).

На рубеже 1989–1990 гг. в ряде городов республик Средней Азии стали появляться многочисленные эмиссары из Баку, которые вели среди молодежи, прежде всего учащаяся ПТУ (профессионально-технических училищ) и техникумов, агитацию в пользу расправы

над «иноверцами и врагами ислама». Готовым на акции, прежде всего против местного армянского населения, раздавались деньги.

Подобные акции готовились в столице Таджикской ССР Душанбе, а также в узбекских городах Самарканд и Андижан, где еще с XIX в. проживало немало армян, принимавших активное участие наряду с русскими, греками и немцами в освоении Закаспийского и Туркестанского краев.

Социальная напряженность, десятилетиями царившая в этих и многих других городах советской Средней Азии, позволила организаторам беспорядков добиться в ряде мест некоторых успехов. В частности, брожение в Душанбе вылилось 11–13 февраля 1990 г. в массовые беспорядки, сопровождавшиеся погромами и грабежами.

Катализатором событий в Душанбе вновь послужила информационная провокация. В середине января в Душанбе самолетом из Баку были вывезены несколько десятков беженцев-армян. Предполагалось лишь временно разместить их в таджикской столице для дальнейшей отправки в Ереван, поскольку среди них были нетранспортабельные раненые и больные. Однако тут же был распушен слух, что в республику прибыли «пять тысяч» армян-беженцев из Баку, и им-де выделяют квартиры в новостройках.

Этот провокационный слух буквально взорвал обстановку, исподволь уже длительное время целенаправленно подогревавшуюся эмиссарами из Баку, которые, по свидетельствам местных жителей, выступали в мечетях, встречались с молодежью. При этом самих Бакинских беженцев накануне уже отправили из Душанбе самолетом в Ереван.

Однако об армянах вообще очень быстро забыли, и беспорядки, начавшиеся под предлогом изгнания армянских беженцев, якобы претендующих на квартиры, вскоре вылились в банальные погромы и грабежи под антиправительственными и происламскими лозунгами. В ходе беспорядков, по официальным данным, погибли 20 человек, около 600 были ранены, из них 74 получили огнестрельные ранения¹.

Далеко не большинство пострадавших от погромов были горожанами «нетитульной нации». Среди не столь многочисленных местных армян жертв и вовсе не было, но многие из 5 тыс. горожан-армян все же решили навсегда покинуть Душанбе.

По свидетельствам приехавших в Ереван из Таджикской ССР армян, приезжим организаторам беспорядков не удалось повернуть их в нужное «антиармянское русло» по ряду объективных причин.

«В душанбинских погромах явно прослеживается бакинский «след», – сказал вскоре после беспорядков житель Душанбе Арамк Вартамян. – Но разница в том, что в отличие от Азербайджана руководство Таджикистана не принимало участия в этой антиармянской истерии и даже пыталось нам помочь»².

Впоследствии появились все новые свидетельства о том, что попытки спровоцировать антиармянские выступления сразу в ряде городов Средней Азии готовились именно эмиссарами из Баку.

Так, 9 февраля президиум неформальной организации «Растохез» обратился с письмом в ЦК КП Таджикистана, в котором до сведения руководства республики доводилось, что по городу ходят приезжие люди и призывают к армянским погромам.

¹ «Обстановка нормализуется», «Известия», 19.02.1990 г.

² «По знакомому сценарию», республиканская газета «Коммунист» (Ереван), 17.02.1990 г.

16 февраля, уже после введения чрезвычайного положения в Душанбе, некто Тагир Джафаров, член НФА, пытался на площади Ленина организовать группу молодых таджиков на митинг против введения чрезвычайного положения.

23 февраля в главном корпусе Таджикского политехнического института была задержана за распространение фотографий и печатной продукции провокационного характера жительница Баку, преподаватель одного из бакинских вузов М. Низаметдинова.

Отдельные провокационные заявления на митинге 11 февраля, предшествовавшем беспорядкам, были приведены его очевидцами спецкору армянской республиканской газеты «Коммунист», побывавшему в Душанбе уже после беспорядков.

«Я недавно вернулся из командировки в Ереван, где договаривался о поставках к нам автофургонов ЕрАЗ. Но на заводе мне ответили, что мусульманам машины продавать не будут». «Халаты, которые мы посылали для людей, пострадавших от землетрясения, используют там как ветошь и тряпки»¹.

А в марте в Душанбе пошел гулять слух, что в Армянской ССР в зоне бедствия убит строитель-таджик»².

Тем не менее в целом попытка НФА «экспортировать» бакинские погромы в Душанбе провалилась. В значительной мере это было связано с иными национальными устремлениями таджикского общества. К. Халиков, заместитель председателя «Растохеза», сказал в интервью ереванскому журналисту: «Мы всегда подчеркивали, что отвергаем и осуждаем методы, принятые на вооружение Народным фронтом Азербайджана. Нас тревожат пантюркистские настроения в Азербайджане, потому как пантюркизм был всегда направлен и против таджиков. Нам ближе и понятнее стремление народа Армении и Карабаха к воссоединению»³.

Между тем, сразу же по горячим следам событий президиум Академии наук Таджикской ССР направил в адрес президента Академии наук Армянской ССР всемирно известного академика-астрофизика Виктора Амбарцумяна письмо, опубликованное 20 февраля практически во всех армянских СМИ. В письме от имени научной общественности приносились извинения «за провокационные действия темных сил, втянувших группу неискушенной таджикской молодежи в антиармянскую акцию», говорилось, что «эти действия получили решительное осуждение общественности республики»⁴.

Кстати, как и в Баку, в Душанбе союзные власти проявили слабование, действовали с опозданием и заботились не столько о жизни граждан, сколько о сохранении власти. Так, корреспондент профсоюзной газеты «Труд» в репортаже из Душанбе отмечал: «И жертв, и погромов могло быть меньше. Вывод такой делаю потому, что в полночь был в здании ЦК Компартии Таджикистана и видел там сотни «спецназовцев» и солдат внутренних войск, державших там круговую оборону. Многие «спецназовцы» спали прямо на ковровых дорожках коридоров. А в это время шли погромы в микрорайонах на окраине города, там некому было защитить людей»⁵.

¹ Т. Аюпян. «Командировка в Таджикистан», «Коммунист», 27–28.03.1990 г.

² Там же

³ Там же

⁴ «Известия», 20.02.1990 г.

⁵ «Труд», 15.02.1990 г.

Между тем, провокации, аналогичные душанбинским, в тот же период имели место и в соседнем Узбекистане.

После ввода армии в Баку и ее столкновений с отрядами НФА лидеры последней начали распространять разного рода слухи с целью возбудить антиармянские и антирусские настроения в Узбекистане. Так, в адрес ряда республиканских организаций, в том числе и в военный комиссариат, пришли телеграммы за подписью представителей НФА. В них утверждалось, что якобы в Сальянских казармах Бакинского военного гарнизона в результате ссоры между военнослужащими-русскими и представителями ряда других национальностей возникла перестрелка, в результате которой якобы погибли 56 узбеков¹.

16 февраля 1990 г. пресс-центр МВД СССР сообщал, что в Узбекской ССР, в границах с Таджикской ССР регионах:

«осложнилась оперативная обстановка. Чаще стали появляться листовки о якобы происходящем расселении беженцев из Азербайджана и предоставлении им жилой площади... В Самарканде обнаружено еще 30 листовок антиармянского содержания. В Сиабском районе 14 февраля оштрафован на 500 рублей И. Б. Гусейнов, который 13 февраля в гостинице «Самарканд» высказывался за изгнание армян и применение к ним силы»².

Выступая на сессии Верховного Совета СССР, министр внутренних дел В. Бакатин и шеф КГБ СССР В. Крючков поведали, что эмиссары НФА прилагали усилия с целью организации антиармянских акций в Самарканде³.

Попытка проведения акции против местных армян была и в Андижане в мае 1990 г.

Как представляется, вся эта широкомасштабная деятельность азербайджанских националистов вряд ли бы стала возможной в Средней Азии без оперативной помощи турецких спецслужб, исконно располагавших агентурой в «мусульманских», тем более тюркоязычных республиках Советского Союза, которые на полном серьезе рассматривались как зона влияния и ответственности Анкары в преддверии ожидавшегося распада СССР.

Вскоре после «умиротворения» Баку республика получила нового лидера. На пленуме ЦК КП Азербайджана первым секретарем был избран Аяз Муталибов, занимавший до того пост Председателя Совмина АзССР. В своем первом выступлении в качестве лидера республики на сессии ВС СССР он обвинил карабахских армян во всех возможных грехах. В том числе в возникшей, по его словам, «в последнее время» идее самоопределения.

Закончил свое выступление новый партийный вожь ставшим традиционным и для азербайджанских «неформалов» из НФА, и для депутатов от этой республики лозунгом: «Дальше катастрофа, дальше – смерть!». Слово кровавый январь 1990 г. еще не был катастрофой и не был отмечен беспрецедентным количеством жертв.

¹ «Рабочая трибуна», 01.02.1990 г.

² ТАСС-«Правда», 17.02.1990 г.

³ «Коммунист», 29.03.1990 г.

Глава 12 ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНА

«Если мы не выработаем эффективных и быстрых методов разрешения межнациональных конфликтов, то единственно возможным выходом для государства может оказаться путь законодательно оправданного подавления... Это будет началом конца демократических перемен, перерождением перестройки».

Аркадий Вольский,

«Социалистическая индустрия», 30 апреля 1989 г.

«Нужно максимально использовать возможности чрезвычайного положения в автономной области республиканским правоохранительным органам... Необходимо переходить в фазу решительных действий, чтобы на деле восстановить суверенитет АзССР в НКАО. И делать это надо решительно, без промедления в первую очередь в азербайджанских селах»

Аяз Муталибов, Первый секретарь ЦК КП Азербайджана

Из доклада на пленуме ЦК КПА 31 марта 1991 г.

15 января 1990 г. в НКАО и прилегающих к ней районах было объявлено чрезвычайное положение. Для армянского Нагорного Карабаха этот период, продолжавшийся вплоть до распада СССР, стал временем наиболее тяжелых испытаний и потрясений за весь советский этап развития конфликта.

Используя с согласия Кремля расквартированный в районе чрезвычайного положения контингент внутренних войск МВД СССР, отряды милиции и спецназа, части Советской Армии, официальный Баку перешел к прямому подавлению карабахцев. Для карабахских армян режим чрезвычайного положения 1990–1991 гг. обернулся жестокой военно-колониальной диктатурой, когда любое волеизъявление подавлялось грубой силой, все гражданские и национальные права были, по сути, отменены, а человеческая жизнь обесценилась.

Под прикрытием военного режима власти АзССР не только усилили блокаду Нагорного Карабаха и продолжили расширение и заселение азербайджанских населенных пунктов с целью изменения демографического баланса. Были предприняты также массовые репрессии, аресты, многочисленные санкционированные убийства граждан и вооруженные провокации. Апофеозом и логическим следствием чрезвычайного, а фактически военного положения стала массовая депортация более двух десятков армянских карабахских сел силами МВД СССР, АзССР и Советской Армии в мае-июле 1991 г.

Одновременно колониально-военный режим в Нагорном Карабахе, ставший, по сути, прообразом всесоюзного ГКЧП образца августа 1991 г., пытался окружить горный край стеной информационной блокады.

ВОЙНА ПОСТАНОВЛЕНИЙ

Прежде чем начать рассказ о том, чем обернулось для Нагорного Карабаха чрезвычайное положение, вернемся ненадолго к событиям конца ноября – начала декабря 1989 г., предшествовавшим кровавому январю 1990 г. Речь пойдет о тех законодательных актах по НКАО, которые были приняты в Центре и на местах в этот крайне важный для дальнейшего развития ситуации в регионе период.

Вследствие имевшего место летом-осенью 1989 г. силового (блокада железных и автомобильных дорог) и политического (принятие закона о суверенитете) шантажа Кремля со стороны Баку, выпустившего на первый план «плохих парней» из Народного фронта, руководство СССР пошло на уступки.

28 ноября 1989 г., в последний день работы сессии Верховного Совета СССР, на заседание сессии от имени Президиума был неожиданно вынесен проект Постановления «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области». Это случилось вместо ожидавшегося представления на сессии заключения комиссии Верховного Совета по Нагорному Карабаху и его обсуждения.

Эта комиссия, созданная еще после заседания Президиума ВС СССР 18 июля 1988 г., неоднократно посещала НКАО, Ереван, Баку. В ее состав входили члены Совета национальностей ВС СССР, в основном известные ученые и деятели культуры. За две недели до сессии ВС СССР, 9–11 ноября, в НКАО для ознакомления с мнением местных жителей относительно проблемы урегулирования побывал и председатель Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям ВС СССР Г. Таразевич (прозванный карабахцами «Таразини», по имени адвоката-мафиози – персонажа прошедшего накануне по телевидению итальянского сериала «Спрут»).

С проектом предложенного постановления не были предварительно ознакомлены и члены ВС СССР. Полностью проигнорировав мнение комиссии, Президиум Верховного Совета во главе с М. Горбачевым навязал свой проект. Армянские депутаты в знак протеста покинули зал заседаний. Однако этот демарш не мог помешать быстрому принятию проекта постановления при активном участии «агрессивно-послушного большинства» (по меткому определению академика Андрея Сахарова, скончавшегося буквально через десять дней после этого заседания).

Постановление «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области», по сути дела, возвращало НКАО под власть Баку.

Пунктом третьим этого документа предусматривалось создание очередного антиконституционного органа – совместного азербайджано-карабахского республиканского Оргкомитета и восстановление местных властей НКАО (фактически упраздненных Указом Президиума ВС СССР о введении в НКАО особого управления от 12 января 1989 г.) «при соблюдении представительства армянской и азербайджанской части населения пропорционально их численности».

При этом идея Оргкомитета, создание которого было предусмотрено «на паритетных началах» НКАО и АзССР, была заведомо неприемлема для карабахцев.

Ведь с карабахской стороны в него должны были войти представители азербайджанского меньшинства, а со стороны Баку включить в этот орган никаких представителей армянского населения, естественно, не предусматривалось. Следовательно, любое предложение или решение карабахских армян было бы легко заблокировано.

Наконец, сама идея создания каких-то общих органов с Азербайджаном после безнаказанных резни в Сумгаите, погромов и блокады отвергалась населением НКАО. Тем более речь шла о руководящем органе, который должен был заменить органы власти до их восстановления – опять-таки под собственной эгидой.

Наряду с созданием Оргкомитета объявлялось «в условиях воссоздания органов власти и управления автономной области считать нецелесообразным дальнейшее сохранение Комитета особого управления НКАО». То есть КОУ фактически упраздняясь, но о каких-то конкретных сроках передачи им своих полномочий ничего конкретное не говорилось.

Создавалась и подчиненная ВС СССР союзная контрольно-наблюдательная комиссия, как было сказано в пункте 5 постановления, «для контроля и оказания помощи в осуществлении мер по стабилизации обстановки в НКАО». Пункт 6 гласил, что дислоцированный в регионе контингент внутренних войск подчиняется именно контрольно-наблюдательной комиссии. Как мы увидим ниже, как сама комиссия, так и ее руководство воинским контингентом оказались очередной фикцией.

Расплывчатость и неопределенность процесса восстановления местных органов власти НКАО и «нормализации обстановки» порождали много вопросов и возможностей трактовать постановление от 28 ноября, которое в целом было набором пустых фраз.

17 января 1990 г. «Литературная газета» опубликовала заметку Владислава Янелиса «Привыкнуть к боли невозможно». В ней излагалось мнение о событиях в Закавказье некоего государственного деятеля, на котором, как было сказано, «лежит немалая доля ответственности за нормализацию обстановки в НКАО». Этот человек «попросил не ссылаться на него». Как говорилось в заметке, беседа состоялась в пятницу, то есть 12 января 1990 г. В ходе этой беседы этому деятелю «позвонил один из руководителей страны и попросил срочно вылететь в Баку. В субботу он должен был вернуться в Москву. Не вернулся. В воскресенье мы узнали о новых страшных жертвах в Баку».

Известно, что погромы в Баку начались в субботу 13 января. Из сообщений тех же СМИ известно, кто из руководителей страны находился тогда в Баку, кто из них и когда туда приехал; так что при желании анонимного «деятеля» можно вычислить.

Но в любом случае было ясно, что этот человек – один из кремлевских идеологов, причастных к разработке решений по карабахской проблеме. И вот что он говорил о Постановлении ВС СССР от 28 ноября 1989 г.:

«Итак, Постановление Верховного Совета от 28 ноября... не устроило ни одну из противостоящих сторон. Хотя и был расчет на то, что по крайней мере Азербайджан примет его с удовлетворением... Не дает пока результатов и попытка воссоздать местные органы власти на уровне области для самостоятельного управления экономическим и социальными процессами»¹.

¹ «Литературная газета», 17.01.1990 г.

Тем самым неназванный руководитель фактически признал, что:

– во-первых, постановление от 28 ноября было задумано как средство «удовлетворения» Баку, применившего такие средства шантажа Центра как блокада Нагорного Карабаха и Армянской ССР, разбойные нападения и т.п.;

– во-вторых, восстановление областных органов власти, фактически распущенных Указом Президиума ВС СССР от 12 января 1989 г., – теперь дело не Москвы, а Баку и Степанакерта (ведь, согласно постановлению, именно с этой целью они должны были создать совместный Оргкомитет).

В принципе, все это было ясно и без особых разъяснений.

Но вот как Кремль надеялся «удовлетворить» совершенно очевидные шовинистические аппетиты Баку, когда в постановлении были ограничивающие этот аппетит положения?

Так, в пункте 4 постановления Верховному Совету АзССР рекомендовалось «в кратчайший срок принять законодательные меры, обеспечивающие повышение статуса реальной автономии, действенные гарантии армянского населения НКАО, соблюдение законности, защиту жизни и безопасности граждан, конституционное решение всех возникающих проблем».

Но главный и вполне конкретный раздражитель содержался в пункте 7. В нем Президиуму Верховного Совета АзССР, Совмину АзССР и исполкому Облсовета НКАО предлагалось «принять необходимые меры с целью недопущения изменения демографической ситуации в области, нарушающего сложившийся национальный состав».

То есть Баку предлагалось добровольно отказаться от главной цели своей политики в Нагорном Карабахе, которую власти АзССР проводили на протяжении всех лет советской власти и которую лишь ускорили после февраля 1988 г. Воистину, со стороны М. Горбачева и его окружения то была либо святая наивность, либо сознательный расчет на дальнейшее обострение обстановки в регионе!

Ответный шаг на Постановление ВС СССР от 28 ноября 1989 г. последовал практически незамедлительно. Уже 1 декабря в Ереване собралась совместная сессия Верховного Совета Армянской ССР и Национального совета Нагорного Карабаха, принявшая три совместных постановления. В первом из них, «О Постановлении Верховного Совета СССР от 28 ноября «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области», давалась оценка решению Кремля от 28 ноября, которым «предусматривается фактически повторное возвращение Нагорного Карабаха под власть Азербайджанской ССР вопреки ясно выраженной воле его армянского населения, многократно подтвержденной и должным образом зафиксированной в решениях его представительных органов».

Отмечалось, что решение ВС СССР «принято в условиях, когда правительство Азербайджанской ССР отказывается от должной политической и правовой квалификации акта геноцида в Сумгаите, погромов и убийств в Шуше, Баку, Кировабаде... когда НКАО почти два года находится в блокаде и армянскому населению Нагорного Карабаха не обеспечивается безопасность... когда Верховным Советом Азербайджанской ССР принят конституционный закон, открыто провозглашающий своей целью уничтожение этого армянского национально-государственного образования... когда Армения после разрушительного землетрясения периодически подвергается блокаде»¹.

¹«Советский Карабах», 05.12.1989 г.

Отмечались также келейный характер принятия постановления от 28 ноября, принято «в обход демократической парламентской процедуры», «отход от тех и без того ограниченных мер, выполнение которых представлялось как необходимое условие политического решения проблемы Нагорного Карабаха на правовой основе».

Совместным решением ВС АрмССР и Национального совета Нагорного Карабаха постановление ВС СССР от 28 ноября признавалось «новым актом аннексии», «грубо попирающим принцип добровольного объединения народов ССР в советской федерации... нарушающим международные обязательства для Армянской ССР и Нагорного Карабаха и не порождающим никаких правовых последствий».

Но главным ответным ходом совместного заседания ВС АрмССР и Национального совета Нагорного Карабаха стало постановление «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха». В этом постановлении, в частности, говорилось:

«Основываясь на общечеловеческих принципах самоопределения наций и отзываясь на законное стремление к воссоединению двух насильственно разделенных частей армянского народа, Верховный Совет Армянской ССР и Национальный совет Нагорного Карабаха постановляют...

3. Верховный Совет Армянской ССР и Национальный совет Нагорного Карабаха провозглашают воссоединение Армянской ССР и Нагорного Карабаха.

...5. Верховный Совет Армянской ССР и Национальный совет Нагорного Карабаха обязуются представлять национальные интересы армянского населения Шаумянско-го района и Геташенского подрайона Северного Арцаха».

Как следует из постановления «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха», под Нагорным Карабахом (Арцахом) подразумевалась отнюдь не только НКАО, но и те территории края, где и после депортаций осени 1988 г. еще сохранилось коренное армянское население.

Еще одно совместное постановление выражало поддержку Резолюции Комиссии по иностранным делам Сената США по Нагорному Карабаху и решительный протест против заявления МИД СССР от 19 ноября 1989 г., «которое преследует цель дезориентировать мировое общественное мнение».

В Резолюции комиссии Сената выражалась озабоченность сложившейся в регионе ситуацией, отмечалось, что «80 % армянского большинства НКАО постоянно выражает стремление к самоопределению и свободе», и подчеркивалось, что США поддерживают основные права и стремления народа Нагорного Карабаха. Комиссия призвала правительство США «содействовать в ходе двусторонних дискуссий с Советским Союзом справедливому урегулированию конфликта вокруг Нагорного Карабаха, которое действительно отражало бы взгляды народа этой области»¹.

В лучших традициях сталинизма в ответ на этот призыв МИД СССР разразился заявлением о вмешательстве во внутренние дела СССР, лживо утверждая, что «решение сенатской комиссии вызвало острую реакцию советских граждан», которые, естественно, даже не имели понятия ни о самом документе, ни о его содержании.

¹«Советский Карабах», 22.11.1989 г.

Еще 21 ноября Национальный совет Нагорного Карабаха в заявлении от имени армянского большинства края выразил признательность сенатской комиссии и обвинил МИД СССР в двойных стандартах по отношению к событиям за рубежом и в собственной стране.

1 декабря аналогичная оценка позиции МИД СССР была дана уже в совместном постановлении ВС Армянской ССР и Национального совета Нагорного Карабаха.

Все это было серьезным вызовом центральной власти. Серьезным тем более, что совместные постановления руководящих органов АрмССР и НКАО затрагивали и международные обязательства СССР, фактически обвиняли Кремль в несоблюдении им же подписанных международно-правовых документов.

Сразу после этого решения в Баку и Москве были предприняты попытки объявить этот акт односторонним действием армянского Верховного Совета по «аннексии» части территории АзССР.

В свою очередь президиум Верховного Совета АзССР 4 декабря принял постановление «О мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской области Азербайджанской ССР», в котором приостанавливалось действие ряда положений постановления ВС СССР от 28 ноября. В том числе «раздражительных» пунктов 4 и 7, где говорилось о повышении статуса реальной автономии НКАО и недопущении изменения демографической ситуации в НКАО.

Это был первый с начала 1988 г. случай законодательного «непослушания» Кремлю со стороны властей АзССР. Как мы помним из предыдущей главы, именно в этот день, 4 декабря стал раскручиваться новый виток напряженности: произошли первые митинги с выходом в приграничную полосу на советско-иранской границе в Нахичевани, нагнеталась обстановка в Баку. За этим последовали массовые увольнения и преследования все еще оставшихся в столице АзССР армян, а потом и разгром пограничных сооружений на сотнях километров госграницы.

Наконец, спустя месяц, на основании совместного постановления ВС Армянской ССР и Национального совета Нагорного Карабаха от 1 декабря 1989 г., 9 января 1990 г. ВС АрмССР своим постановлением включил в Госплан экономического и социального развития АрмССР на 1990 г. план социально-экономического развития НКАО.

Последующее развитие событий в виде сознательно раскручиваемой Баку спирали насилия и погромов привело к введению Кремлем чрезвычайного положения не в Баку, где неделю шли безнаказанные погромы, а в Нагорном Карабахе, где армянское население успешно выдержало первый серьезный вооруженный натиск боевиков НФА.

ВСЯ ВЛАСТЬ – ВОЕННЫМ

До Указа Президиума ВС СССР от 15 января в Советском Союзе формально не было прецедента с введением чрезвычайного положения. Конечно, речь идет о последних десятилетиях существования СССР, ибо предыдущие десятилетия большевизма являли собой пример тотальной диктатуры, фактически перманентной чрезвычайной ситуации и военного положения. Но речь, повторимся, идет о постсталинских временах и о формальных законах.

Вводя в НКАО и прилегающих районах чрезвычайное положение, Кремль еще сам, видимо, толком не знал, что оно должно представлять собой, такое положение. Не случайно, в пункте 10 Указа признавалось необходимым «ускорить рассмотрение в Верховном Совете СССР разработанного Советом Министров СССР по поручению Верховного Совета СССР проекта Закона о правовом режиме чрезвычайного положения»¹.

В целом, указ носил сугубо прикладной характер и перечислял ряд мер, которые имели право применять в условиях ЧП «органы государственной власти и управления, иные уполномоченные на то государственные органы и должностные лица». В том числе:

- запрещать проведение собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, а также театрально-зрелищных, спортивных и других массовых мероприятий, контролировать средства массовой информации;
 - приостанавливать или распускать противоречащую закону деятельность организаций и самостоятельных объединений граждан;
 - запрещать забастовки;
 - вводить комендантский час;
 - ограничивать въезд и выезд граждан, временно выселять граждан из районов, опасных для проживания, с предоставлением им других помещений, обязывать граждан, не являющихся жителями данной местности, покинуть ее;
 - ограничивать движение транспортных средств и осуществлять их досмотр;
 - вводить проверку документов, а в необходимых случаях и личный досмотр граждан, досмотр вещей;
 - ограничивать или запрещать использование множительной техники, а также радио- и телепередающей аппаратуры, вводить особые правила пользования связью и проч.
- Важным пунктом Указа был пункт 4, в котором, в частности, говорилось:
- «Для защиты прав граждан, охраны общественного порядка и безопасности, объектов жизнедеятельности населения привлекаются в соответствии с законом внутренние войска Министерства внутренних дел СССР... воинские части Советской Армии, военно-морского флота и Комитета государственной безопасности СССР», которые «действуют на основе Конституции СССР, руководствуются законами, уставами и постановлениями Указом»².*

Эти, казалось бы, обычные меры, принятые во многих странах мира при ликвидации последствий стихийных бедствий, беспорядков и т.п., имели главного адресата: местные органы власти и управления.

Что это означало применительно к Нагорно-Карабахской автономной области, где эти самые органы власти были фактически ликвидированы Указом о введении в НКАО особого управления от 12 января 1989 г.? Ведь Постановление ВС СССР от 28 ноября 1989 г. ликвидировало особое управление в НКАО, но не восстановило местные органы власти.

Для этого предлагалось создать совместный с АзССР Оргкомитет, который и должен был заняться вопросом восстановления власти в области. Но армянское большинство области не приняло Постановление от 28 ноября и отвергло сотрудничество с Баку, откуда исходили приказы об удушении карабахцев, и где только что прокатились армянские погромы.

¹ «Известия», 16.01.1990 г.

² Там же

Кроме того, идея Оргкомитета была неприемлемой для карабахских армян еще и потому, что никакого паритета при его создании априори быть не могло: как уже говорилось ранее, в предполагаемом органе от НКАО должно было быть представлено азербайджанское меньшинство. Этот как минимум один голос вкуче с половиной голосом от республиканской части предписанного постановлением ВС СССР от 28 ноября 1989 г. неконституционного органа был гарантией блокирования любой инициативы армянского большинства автономии.

Таким образом, в условиях вакуума власти в НКАО, местным органом власти и управления фактически стала сугубо азербайджанская часть так и не созданного на паритетных началах Оргкомитета. Соответственно, этому «недоношенному» органу, официально начавшемуся именоваться «республиканским Оргкомитетом по НКАО», де-факто подчинялись и дислоцированные в регионе войска, которые должны были подчиняться союзной контрольно-наблюдательной комиссии. Но эта комиссия существовала лишь на бумаге, и ее глава В. Фотеев лишь пару раз посетил регион за все время действия ЧП.

То есть контингент внутренних войск в районе чрезвычайного положения НКАО и прилегающих районов АзССР де-факто подчинялся Баку.

Об этом неоднократно прямо заявляли и военные коменданты района чрезвычайного положения. Так, генерал-майор Генрих Малюшкин сказал побывавшим в июле 1990 г. со специальной миссией в НКАО сопредседателю московского «Мемориала» Олегу Орлову и председателю правозащитной комиссии Всесоюзного общества «Мемориал» Дмитрию:

«Государственной властью является правительство Азербайджана. Организационный комитет по НКАО представляет правительство Азербайджана, деятельность которого направлена на стабилизацию обстановки в НКАО»¹.

Генерал-майор Владислав Сафонов, заместитель начальника штаба внутренних войск МВД СССР по Северному Кавказу, был с небольшими перерывами комендантом района особого положения с осени 1988 г. После введения чрезвычайного положения он с перерывами исполнял обязанности военного коменданта района чрезвычайного положения НКАО и прилегающих районов АзССР на протяжении 1990 г.

Этот человек, которого карабахцы считали главным карателем в Карабахе, также не скрывал, кому подчиняется он и его контингент:

«Согласно Постановлению ВС СССР от 28 ноября 1989 г. контингент внутренних войск в НКАО подчинен и Союзной контрольно-наблюдательной комиссии. Фактически комиссия не действует. Ее председатель В. Фотеев приезжал сюда несколько раз на два-три дня, и этим дело ограничилось... В отсутствие союзной комиссии многие вопросы управления приходится согласовывать с Оргкомитетом.

...Войска находятся на территории республики по ее инициативе, республика обеспечивает их содержание. Чтобы внутренние войска были полностью независимы от республики, в которой они дислоцируются, необходимы законодательные основы, принятые Верховным Советом СССР, а их нет»².

¹«Медленный взрыв», журнал «Новое время», № 38, 1990 г. С. 20

²«Московские новости», № 47, 25.11.1990 г.

10 апреля 1990 г. был принят Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», который более обстоятельно разъяснял и уточнял ряд положений, содержащихся в Указе о введении ЧП в НКАО и прилегающих районах. Однако принятие этого закона ничуть не изменило ситуацию в Нагорном Карабахе.

Более того, закон даже усугубил правовой произвол в НКАО. Ибо в его статье 5 говорилось: «Высшие органы государственной власти и управления Союза ССР или соответствующей союзной, автономной республики вправе отменить любое решение нижестоящих органов, действующих в местностях, где объявлено чрезвычайное положение». То есть даже после гипотетического восстановления органов власти НКАО, — а об этом ни Москва, ни тем более Баку даже не задумывались, — всегда была возможность отменить любое (!) решение Облсовета или его исполкома.

Наконец, в Законе СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», в статье 3 говорилось, что при введении чрезвычайного положения указываются «срок и территориальные границы его действия». В случае с НКАО никаких сроков действия ЧП не называлось. Было очевидно, что ЧП в Нагорном Карабахе предполагалось бессрочное, вплоть до «окончательного решения» вопроса по сумгаито-бакинскому образцу.

На практике чрезвычайное положение в НКАО так и не было отменено вплоть до распада СССР. И лишь в ноябре-декабре 1991 г., когда уже начались непосредственные боевые действия, и карабахцы открыто вышли на защиту края с оружием в руках, попутно разоружая части ВВ МВД СССР и громя отряды азербайджанского ОМОНа, чрезвычайное положение свернулось само по себе, с поспешным уходом из региона сил МВД СССР.

Но до тех пор в Нагорном Карабахе у руля власти оставались военные, которыми как марионетками управлял «половинчатый» Оргкомитет, проводивший в жизнь самые разнужданные планы официального Баку по скорейшему уничтожению непокорной автономии.

Оргкомитет был плоть от плоти руководства АзССР. Возглавил его второй секретарь ЦК КП Азербайджана, в недалеком прошлом политический советник просоветского лидера Афганистана Наджибуллы Виктор Поляничко. Этот человек, по свидетельствам многих знавших его, был настоящим политическим авантюристом, что в полной мере и проявилось в ходе его почти 20-месячной карабахской эпопеи, закончившейся бесславным бегством в Баку, а потом и дальше, в Москву.

Впоследствии, летом 1993 г. В. Поляничко был убит на Северном Кавказе, в зоне осетино-ингушского конфликта: его кортеж был расстрелян из засады так и не установленными лицами. В числе прочих версий высказывалось и предположение, что это могла быть месть карабахцев за те беды и страдания, что принес Поляничко со своими «комитетчиками» народу края. Однако вряд ли мы когда-нибудь узнаем всю правду об этом загадочном покушении.

По странному распоряжению судьбы, на московском Новодевичьем кладбище могила В. Поляничко и главы КОУ А. Вольского находятся неподалеку друг от друга...

В состав Оргкомитета был также включен, по причине своего русского происхождения, и зампред Совмина АзССР Матвей Радаев, а также группа азербайджанцев — работников ЦК КП Азербайджана, Совмина и КГБ АзССР.

Использование этнических русских, вольно или невольно выражавших интересы азербайджанского руководства, было очень характерной чертой политики удушения армянского

Нагорного Карабаха, проводившейся Баку. Их использовали на всех направлениях, включая партаппаратное, милицейское, «кагэбэшное» и так далее. Тем самым, во-первых, облегчалось выполнение многих задач, трудновыполнимых для чиновника-азербайджанца, а, во-вторых, весьма небезуспешно вбивался клин в армяно-русские отношения. Ведь в той же Армянской ССР, где и так зрело недовольство действиями военных, тезис о том, что «Баку руками русских душил наших братьев в Карабахе», объективно играл на обострение и без того сложных отношений Еревана с официальной Москвой...

29 января под охраной воинского контингента и спецназа из Баку в Степанакерт прибыли и сами члены Оргкомитета. Разместившись в специальных бронированных вагончиках на Степанакертском железнодорожном вокзале, где уже давно базировалась часть внутренних войск, они передвигались «из дома» на работу исключительно в БТРах.

К их приезду спецназ практически очистил здание Обкома партии от прежних обитателей. Еще в середине января, готовясь к приезду «гостей» из Баку, подразделение спецназа без всякого повода устроило разгром в помещениях, еще занимаемых бывшими членами Комитета особого управления. Поломав замки и двери, сокрушив мебель и разбросав всевозможные бумаги, спецназ МВД СССР выстроил лицом к стене «последних из КОУ», включая и генерал-майора МВД СССР (!) Сергея Купреева. Тем самым во вполне большевистском духе «комитетчикам» продемонстрировали, что «караул устал» и пора выметаться.

Излишне говорить, что по приезде новоявленных «хозяев» горного края, с трудом протискивавших на волю свои тучные тела в дорожных пальто и норковых шапках-ушанках из боковых десантных люков БТР-80, весь технический персонал обкомовского здания, включая уборщиц, покинул его, перебравшись в здание областного исполкома.

Нагорный Карабах и до того уже походил на прифронтовую зону. Но в конце января 1990 г. он стал походить на огромный военный лагерь, где гражданское население с его бытом и заботами, казалось, было лишь надоедливым и ненужным придатком. Придатком к многочисленным комендатурам, полит- и особым отделам, казармам, фильтрационным пунктам, лагерям техники, бивуакам, блокпостам, БМП у мостов через горные речки, нарядам и патрулям, патрулям, патрулям...

РЕПРЕССИИ И ТЕРРОР

В середине января 1990 г., сразу после столкновений в азербайджано-карабахском пограничье – Шаумянском районе и Геташене, в опубликованной в областной газете статье партийный руководитель Гадрутского района НКАО, высказал мысль, которая очень вскоре подтвердилась.

«15 января Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о введении чрезвычайного положения в Нагорно-Карабахской автономной области и некоторых других районах. Что он изменит? Вспомним, ведь год назад было введено особое положение. Мы не сумели посеять и собрать урожай, экономически разорились, периодически подвергались ограблениям со стороны соседей. Азербайджанцы же вооружились до

зубов и сейчас угрожают армянскому населению всеми видами оружия. Не повторится ли то же самое, – рассуждал Григор Багиян. – Не для того ли вводится чрезвычайное положение, чтобы обезоружить тех шаумянских ребят, которые появились в объективе программы «Время» с ружьями в руках, чтобы не сумели они защитить свою Свободу и Честь...»¹

То, что цель чрезвычайного положения заключается именно в недопущении карабахскими армянами какого-либо сопротивления властям АзССР в стремлении последних окончательно утвердить свой расистско-колониальный режим, очень скоро стало очевидным. При этом речь шла практически обо всех сферах жизни: от экономики, транспорта, связи до культуры, образования и отправления религиозных обрядов.

Репрессивный по отношению к карабахским армянам характер режима, установленного в НКАО и прилегающих районах, был очевиден уже с первых дней после введения ЧП.

Сразу после введения чрезвычайного положения были арестованы сроком на 30 суток ряд активистов карабахского движения. Так, 18 января был арестован заместитель главного редактора газеты «Советский Карабах», в будущем – министр иностранных дел, президент Нагорно-Карабахской Республики Аркадий Гукасян. Арестован за публицистическую статью об армянских погромах в Баку, опубликованную в газете двумя днями ранее. Обманном путем его выманили из редакции, посадили в армейский УАЗ с офицером и двумя солдатами, ткнули автомат в горло и увезли в аэропорт. Вертолетом доставили сначала в тбилисскую тюрьму, где обнаружилось, что «в деле Гукасяна нет ни протокола задержания, ни постановления об аресте – вообще ничего, кроме газеты с его статьей. Даже много повидавшие офицеры МВД не могли скрыть изумления»². Затем А. Гукасян отправил в Новочеркасскую тюрьму, где он отсидел 17 суток.

Нормой повседневной жизни в НКАО стали избиения на улицах военными патрулями за непонравившееся слово, издевательства над гражданами в фильтрационных пунктах. Гигантские по тем временам штрафы в 500–1000 рублей (средняя ежемесячная зарплата составляла тогда рублей 200) за отправленные в Ереван и Москву телеграммы с расказом о творящихся беззакониях. Аресты на 15 суток за малейшие нарушения устанавливаемого военными режима. И никаких тебе прокуроров и адвокатов.

Единственное дело, к которому был допущен адвокат, обнаружило вопиющий произвол военных и наплевательское отношение к действовавшему законодательству СССР.

«Юрий Нерсесян, генеральный директор Нагорно-Карабахского редакционно-производственного объединения, был освобожден от занимаемой должности приказом начальника штаба комендатуры района ЧП полковника Овчинникова. Приказ был противоправен, ибо подобное увольнение – прерогатива органа государственного управления. Нерсесяна вызвали в комендатуру для ознакомления с приказом. Он отказался поставить на приказе свою подпись, и был тут же арестован на 30 суток. Из рапортов, на основании которых Нерсесян был задержан, следует, что виновен он только в несогласии с приказом. В деле отсутствует письменное объяснение Нерсесяна и – что всего удивительнее – постановление об административном аресте»³.

¹«Советский Карабах», 18.01.1990 г.

²«Медленный взрыв», «Новое время», № 38, 1990 г. С. 21

³Там же

Отметим, что незаконное «освобождение» Ю. Нерсеяна от должности военного коменданта произошло 25 мая, то есть после принятия Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения». В соответствии с Законом, все действия, предпринимаемые в районе чрезвычайного положения – суть прерогатива органов власти и управления, а вовсе не военных, привлекаемых для помощи и обеспечения безопасности граждан.

Карабахской властью Москва и Баку считали Оргкомитет. Но последний действовал из-за спины комендатуры, руками военных творя беспредел и ожесточенно пытаясь столкнуть военных с карабахцами, вынудив последних на отчаянные шаги. Так что название статьи «мемориальцев» о произволе в Карабахе – «Медленный взрыв» – как нельзя лучше характеризовало ситуацию в регионе.

Между тем, арестам и задержаниям подвергались даже лица, в соответствии с советским законодательством считавшиеся неприкосновенными, в частности, ряд депутатов ВС Армянской ССР, постоянно проживавших в НКАО. Надо отметить, что законодательство того времени позволяло баллотироваться в высшие законодательные органы власти независимо от места проживания. Именно для получения неприкосновенности в условиях царящего в Нагорном Карабахе произвола и террора ряд активистов карабахского движения выставили свои кандидатуры по ряду избирательных округов АрмССР и прошли в республиканский Верховный Совет. Более того, членами ВС АрмССР были избраны следователи Генпрокуратуры Тельман Гдлян и Николай Иванов из Москвы и Ленинграда, ставшие широко известными после расследования нашумевшего тогда и весьма неоднозначного дела о коррупции в Узбекской ССР, но затем подвергшиеся преследованию со стороны ЦК КПСС.

Осенью 1990 г. военными были арестованы в Степанакерте и переданы в Баку депутаты ВС АрмССР карабахцы Ролес Агаджанян и Гамлет Григорян, прошедшие несколько недель в азербайджанских застенках. Военный комендант района чрезвычайного положения В. Сафонов отрицал свою причастность к этому делу, и потребовалось вмешательство Президиума Верховного Совета СССР, чтобы депутатов отпустили.

Несколько месяцев провел в тюрьмах АзССР и РСФСР депутат ВС АрмССР карабехец Размик Петросян.

25 декабря 1990 г. прямо в степанакертском аэропорту был похищен военными народный депутат СССР от НКАО Борис Дадамян. Захватившие его представители внутренних войск угрожали ему расстрелом, издевались, изрезали штык-ножами костюм и брюки. Затем его несколько часов держали в подвале частного дома в каком-то селе азербайджанского Агдамского района, допрашивали с шантажом и угрозами, после чего пожилого человека вытолкнули из машины близ военной комендатуры в райцентре Агдам. Лишь по счастливой случайности Дадамян не стал жертвой местных фанатиков-националистов.

«Налицо явный сговор властей разного ранга с целью растоптать национально-освободительное движение в Нагорном Карабахе. О наличии этого сговора свидетельствуют и обстоятельства моего похищения. Ведь задержали меня, если можно так сказать, официальные структуры, а потом они передали своего пленника преступным антигосударственным формированиям. Мне кажется, что в Нагорном Карабахе отработывается сценарий подавления демократии, установления в стране пиночетовского режима», –

говорил вскоре после своего похищения на пресс-конференции в гостинице «Москва» народный депутат СССР Борис Дадамян¹.

Характерно, что и в этом, и ряде других случаев похищений представители азербайджанского Оргкомитета распускали слухи, что похищение – провокация самих армян.

Виктор Кривоусков в 1990–1991 гг. длительное время находился в НКАО в качестве начальника штаба следственно-оперативной группы МВД СССР, бывал в регионе в специальных командировках. Изучив ситуацию изнутри, он проникся симпатией к народу Нагорного Карабаха и осознал преступность политики Кремля в отношении карабахцев. Много лет спустя В. Кривоусков изложил свои воспоминания и впечатления о периоде чрезвычайного положения в своей книге «Мятежный Карабах», дважды изданной в России.

Вот как Виктор Кривоусков пересказывает содержание своего разговора с В. Полянничко вскоре после исчезновения народного депутата Б. Дадамяна:

«Полянничко пригласил меня сесть к столу. Он подтвердил, что в курсе похищения Дадамяна. Но уверенно заявил, что сделали это сами армяне, его же собственные сотрудники, водители большегрузных машин. Мстят Дадамяну за то, что он их обирал, денежные поборы устраивал... Об этом только что передавало республиканское радио»².

Попытка переложить собственные преступления на противника – типичный прием информационной войны, часто используемый азербайджанскими спецслужбами. Как правило, распуская слухов способствуют и СМИ: не случайно, что похищение народного депутата от НКАО сопровождалось соответствующей дезинформацией республиканского радио, о чем упомянул и В. Полянничко.

Подобные случаи были далеко не единичны. Тот же В. Кривоусков свидетельствует: *«В конце 1990 г. мне станет известно, что против народного депутата СССР (Зоря Балаяна – прим. автора) азербайджанские спецслужбы готовили строго засекреченную и коварную акцию. Идея была до примитивности проста. Чтобы обезглавить карабахское движение, предполагалось убить Зоря Балаяна и руководителя боевого крыла карабахского подполья Роберта Кочаряна (Роберт Кочарян, впоследствии президент НКР (1994–1997) и Республики Армения (1998–2008) – прим. автора), их тела бросить на территории Иджеванского района Армении недалеко от границы с Казахским районом Азербайджанской ССР. Затем распространить слух, что ярых армянских националистов убили сами армяне, считавшие их главными виновниками нынешних армянских несчастий»³.*

Добавим к этому, что в ноябре 1998 г., вскоре после убийства в подъезде собственного дома в Санкт-Петербурге депутата Госдумы РФ Галины Старовойтовой (в начале 1990-х гг. она была одним из наиболее известных защитников прав карабахских армян), некоторые СМИ Азербайджанской Республики распустили похожий слух. В частности, ими выдвигалась «версия», что Г. В. Старовойтову убил-де некий бакинский армянин, мстивший ей за «муссирование» карабахского вопроса, принесшего столько бед армянам Баку. Воистину, цинизму азербайджанского агитпропа нет предела.

¹Мешков А., Кудяков А. Борис Дадамян: «Я видел оскал фашизма», «Столица» № 5, 02.1991 г.; <http://www.press.karabakh.info>

²Виктор Кривоусков. Мятежный Карабах. Москва. Голос-Пресс. 2007. С. 152–153

³Там же, с. 45

К слову говоря, в бытность свою народным депутатом РСФСР и СССР, часто посещая Армянскую ССР, Галина Васильевна Старовойтова при поездках в НКАО также подвергалась задержанию в Степанакертском аэропорту. Ее не пропускали в Карабах, мотивируя это отсутствием у нее местной прописки. Народный депутат парировала: «А что, у Полиничко есть местная прописка?»

Если в Нагорном Карабахе военные задерживали и издевались над людьми, неприкосновенными по советскому законодательству, то можно себе представить, насколько справедливыми перед военно-полицейским террором были обыкновенные граждане!

Обычным делом стали похищения военными людей и передача их за соответствующую мзду за пределы НКАО, азербайджанским бандам для получения последними выкупа от родных похищенного. Или их передача азербайджанским правоохранительным органам, которые фабриковали на похищенных карабахских армян «липовые» дела, используя издевательства и средневековые пытки, от которых задержанные часто умирали или становились инвалидами.

«У нас не превращаются зверские убийства, похищения людей. В день моего фактического ареста, 25 декабря, в Мир-Баширском районе были растерзаны озверелой толпой два работника судмедэкспертизы области Роберт Григорян и Сурхай Погосян. Почему программа «Время» и «Азеринформ» ничего не сообщили об этом ужасном факте? – говорил в интервью журналу «Столица» народный депутат СССР Борис Дадамян. – Еще раньше, 7 декабря, был похищен слесарь нашего автопредприятия, отец четверых детей»¹.

Все это проходило полностью безнаказанным. А центральные СМИ не только замалчивали происходящее, но и распространяли небывлицы про карабахскую реальность, пичкая читателя байками об армянских «боевиках-бородачах».

Страшный произвол творился в деревнях на окраинах Нагорного Карабаха.

Так, одной из первых акций воинского контингента стало выселение армянского населения из сел Азад и Камо Ханларского района, подвергавшихся атакам в ноябре 1989 – январе 1990 гг., но успешно противостоявших всем попыткам боевых отрядов НФА овладеть ими. Для азербайджанских властей эти села, контролировавшие дорогу на Геташен и окружающий его труднопроходимый и стратегически важный горный район, были словно кость в горле. Заполучив их, можно было беспрепятственно засылать бандгруппы для террора против Геташена, чья депортация давно была в планах Баку.

Внутренние войска выполнили распоряжение властей Азербайджанской ССР и тем самым де-факто встали на позицию одной из сторон конфликта.

2 марта 1990 г. Верховный Совет Армянской ССР принял специальное заявление по этому поводу.

В нем, в частности, говорилось:

«В последнее время азербайджанские власти и представители Народного фронта Азербайджана под покровительством подразделений Советской Армии и внутренних войск развернули бурную деятельность с целью выселения жителей из армянских сел Азат, Камо, Мартунашен и Геташен Ханларского района.

¹Мешков А., Кудрянов А. Борис Дадамян: «Я видел оскал фашизма», «Столица» № 5, 02.1991 г.; <http://www.press.karabakh.info>

Посредством темных сделок, фиктивной купли-продажи домов уже опустошено село Азад. Второго марта начато насильственное выселение жителей села Камо. Та же опасность грозит селам Мартунашен, Геташен, а затем и армянским селам Шаумяновского района. Как известно, благодаря организованной самообороне население упомянутых сел смогло нанести серьезный контрудар бандитским нападениям и успешно защитить свое право на жизнь в родном крае. Процесс выселения начался лишь после того, как в этих селах были размещены подразделения Советской Армии и внутренних войск... Судя по всему, войска прибыли в Северный Арцах не для обеспечения безопасности армянского населения, а, наоборот, с целью нарушить его нормальную жизнедеятельность. В частности, об этом свидетельствуют предпринятые воинскими подразделениями действия с целью прервать внутреннее сообщение между армянскими селами, запугать их жителей лживыми слухами, нарушить поставки продовольствия и организацию медицинской помощи из Армении»¹.

В том же заявлении ВС АрмССР требовал «незамедлительного вывода войск... с размещением их в демаркационных зонах армянских и азербайджанских сел»².

Последняя ремарка не случайна. Ибо само размещение дислоцированного в НКАО контингента ВВ МВД СССР уже говорило о том, что в его задачи входило не столько обеспечение безопасности граждан, сколько подавление любого их волеизъявления. Крупные контингенты располагались в Степанакерте и райцентрах области, в которых не было опасности каких-либо межнациональных столкновений, так как все эти города и поселки были практически мононациональными, за исключением города Мартуни, где имелся населенный азербайджанцами пригород.

А вот многие окраинные армянские села, особенно находившиеся вблизи нескольких азербайджанских, были лишены какой-либо защиты со стороны военных. Некоторые сельские руководители просто умоляли военную комендатуру разместить в их деревне воинский наряд, но чаще дальше заверений дело не двигалось. Более того, именно в такие угрожаемые села чаще всего наведывались военные в поисках оружия.

Это подтверждало, что первостепенной целью контингента ВВ МВД СССР был перманентный террор против армянского большинства Нагорного Карабаха, имеющий целью держать его в постоянном напряжении, страхе, не дать сорганизоваться на ответное сопротивление вооруженным вылазкам азербайджанских «правоохранительных сил».

Обратимся вновь к свидетельствам начальника штаба следственно-оперативной группы МВД СССР Виктора Кривопускова.

«За 1990 г. (В. Кривопусков приводит статистику на начало ноября 1990 г., – прим. автора) на территории НКАО проведено 160 оперативно-войсковых операций по проверке соблюдения гражданами паспортного режима, 156 из них осуществлено в городах и селах исключительно с армянским населением. Во многих случаях при попустительстве командования внутренних войск они сопровождались погромами в жилищах, мародерством и грабежами личных вещей, домашнего скота и птицы у жителей проверяемых населенных пунктов. При патрулировании улиц, городов и сел допускаются необоснованные задержания, побои и унижения достоинства граждан.

¹«Коммунист», 03.03.1990 г.

²Там же

Со стороны азербайджанцев резко увеличились факты краж личного и общественно-го скота из армянских сел... Зарегистрировано 23 случая вооруженного нападения на армянские населенные пункты, большое количество обстрелов армянских домов. Среди нападавших азербайджанцев были люди в милицейской и омовской форме, с автоматами... В то же время личный состав милиции из лиц армянской национальности не имеет фактически сил и средств предотвращать преступления, противостоять случаям вооруженных разбоев и угона скота. Как известно, по указанию МВД СССР, осуществленному по предложению МВД Азербайджанской ССР, с осени 1989 г. в НКАО у армянских милиционеров изъяты все автоматы»¹.

Осуществлявшиеся внутренними войсками МВД СССР так называемые «проверки паспортного режима», суть операции «по поиску оружия и боевиков», на деле являлись неприкрытыми акциями устрашения и подавления, в ходе которых наряду с арестованными не обходилось без избитых, раненых, а то и убитых сельчан.

Об одной из таких «операций» рассказали побывавшим летом 1990 г. в НКАО сопредседателю московского «Мемориала» Олегу Орлову и председателю правозащитной комиссии Всесоюзного общества «Мемориал» Дмитрию Леонову жители окраинных сел Сарнахпур и Даграз Аскеранского района НКАО. Эти и многие другие показания о беспределе, который творили в Нагорном Карабахе кремлевские «миротворцы», вошли в вышеупомянутый материал «Медленный взрыв», опубликованный в московском журнале «Новое время».

«Стелла Габриелян, зоотехник: 21 июня я проснулась рано от шума. Все село было окружено военными грузовиками и машинами. В наши ворота стали громко стучать чем-то тяжелым, грохот стоял страшный. Во двор вошли человек 10 военных, документы свои не предъявили. Они стали обыскивать дом, сорвали ковер со стены, выбросили из шкафа всю одежду, ходили по ней, перевернули и сломали диван. Нам сказали: «Всех вас отправят в Сибирь».

Мой сын Севак, 12 лет, с утра ушел за скотиной. Когда он вернулся, солдаты схватили его и затаскали в машину. Я не знала об этом. Когда солдаты ушли из дома, я вышла на улицу. По всей деревне стоял шум и крик. В центре села стояла машина, в которой сидели задержанные сельчане. Среди них я увидела своего сына. Он был напуган и округлившимися глазами смотрел на меня. Я очень испугалась за своего ребенка и тут же на улице упала в обморок. Мне потом рассказали, что соседей, которые бросились мне на помощь, солдаты отогнали. Мужа тоже не подпустили. Плакала и рвалась к Севаку моя мать. Солдат направил на нее автомат. Мать стала кричать: «Стреляй, фашист!»

...Они забрали без всякого объяснения колхозную машину, и назад мы ее не получили».

Зина Аванесян рассказала, что после сокрушительного и безрезультатного обыска мужа почему-то увели, а когда она, заперев дом, пошла следом, солдаты выбили окно и взяли хранившиеся дома 2300 рублей и золотые вещи. Второй «обыск», без хозяев, видели соседи. В военной прокуратуре Зине Аванесян сказали: «А где у вас доказательства, что вещи взяли военные?» Ее мужа продержали несколько дней в КПЗ, и у него стало плохо с сердцем. «Сейчас он в больнице. Мне не объяснили, за что его арестовали», — закончила женщина².

¹В. Криволюков. Указ. соч., С. 124

²«Медленный взрыв», «Новое время», № 36, 1990 г.

Похожими свидетельствами были полны армянские газеты в 1990 г. Но для советского читателя, которого регулярно пичкали порциями лжи центральной прессе о царившей в автономной области действительности.

Ведь «Правда», «Известия», «Красная звезда» и им подобные издания навязывали читателю однобокое и жутковатое представление о коварных армянских боевиках-экстремистах и смелых советских воинах, защищающих мирное население от их происков.

Между прочим, редкие упоминания о поведении внутренних войск можно было изредка обнаружить и в азербайджанской прессе. Редкие потому, что, во-первых, сами проверки «паспортного режима» в азербайджанских селах были единичны. А во-вторых, исходя из принципа послушания Центру, такие темы в АзССР не муссировались, а если что-то и «проскакивало», то в газетах, выходящих на национальном языке.

Но вот в изданном в Баку в 1989 г. сборнике «События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов»¹ приводится акт от 22 июля 1988 г., подписанный группой жителей азербайджанского села Гушчулар, расположенного близ Степанакерта. Ниже приводится отрывок из этого акта с сохранением стиля оригинала:

«В 16 часов в селение на машине марки РАФ (без номера) приехал некий гражданин русской национальности в сопровождении одного танка (видимо, так сельчане ошибочно назвали БТР — прим. автора) и автомашины марки «Урал», забитой солдатами и офицерами, который представился корреспондентом ТАСС, посланным сюда комиссией Верховного Совета СССР, работающей в области. Категорически отказавшись войти в здание Дома культуры, «корреспондент» предпочел место перед магазином. Он выслушал Амирасланова Гусейнали и Джафарову Шараф. Когда же слово взял Фараджев Ахад, солдаты по приказу одетого в спортивную форму русского с дикими возгласами окружили народ и стали стрелять из автоматов в воздух.

От криков сельчан, избиваемых дубинками, сапогами и руками, волосы вставали дыбом. Не обращая внимания ни на что, солдаты по приказу того же русского в спортивной форме ни с того ни с сего, избивая дубинками Гаджиева Сарвара Мирсафа оглы, поволокли его в танк. Не понимая, зачем с ее сыном обращаются подобным образом, мать Сарвара — Гаджиева Махмар и другие женщины, которые направились в сторону танка, по приказу неизвестного офицера были избиты солдатами. Солдаты и офицеры, производя выстрелы, вышли из селения. Испугавшись этого зверства, старики, женщины, мужчины и дети разбежались в окрестные леса».

Ясное дело, что после введения чрезвычайного положения бакинский Оргкомитет, будучи реальным хозяином военной комендатуры, принял меры по ограждению азербайджанских сел от визитов мало сведущих в этнографии, но зараженных вирусом афганского синдрома военнослужащих...

В ходе операций по «проверке паспортного режима» в армянских селах все чаще стали появляться раненые и убитые военнослужащими и командированными в НКАО подразделениями ОМОН, проходящими, таким образом, своего рода «обкатку» для распространения практики подавления на другие регионы страны.

¹Ан Азерб. ССР. Ин-т истории; Сост. М. А. Исмаилов. — Баку: Элм. 1989 г.

Так, в ночь с 23 на 24 октября 1990 г. взвод рижского ОМОНа и подразделения внутренних войск провели «проверку» в деревне Каджаван Мардакертского района НКАО. Этот населенный пункт был основан на месте ферм армянского села Джанятаг (при царе близ него находился конезавод, разводивший известных коней карабахской породы), находившегося по соседству с несколькими азербайджанскими селами, откуда следовали постоянные нападения, и являл собой стратегически важную точку для контроля над окрестностями.

Поселившиеся в Каджаване два десятка молодых семей, естественно, хранили на ферме оружие для самообороны от азербайджанских милиционеров, дислоцированных в соседних деревнях и периодически совершавших нападения на армянские села и фермы. Как и везде, устанавливалось ночное дежурство, посты для предупреждения о нападении.

Ночью рижский ОМОН и внутренние войска под прикрытием БТРов скрытно подошли к Каджавану и были приняты за очередных азербайджанских визитеров сторожами фермы, которые произвели несколько выстрелов. Последствия были ужасными: двое сельчан были убиты, несколько ранены. Все жители Каджавана были избиты, их дома изрешечены пулями, мебель и посуда разбиты, украдены деньги и украшения. В ходе разгрома, по свидетельствам пострадавших, один из офицеров требовал от жительницы выдать оружие, демонстративно предлагая солдату изнасиловать ее несовершеннолетнюю дочь.

«Что касается фермы, то она практически перестала существовать», — пишет об этой операции Виктор Кривоусков¹. Под «фермой», собственно говоря, скромно подразумевалось все поселение Каджаван, основанное как раз на месте ферм совхоза упомянутого армянского села Джанятаг: новый населенный пункт просто не признавался таковым Оргкомитетом, а значит и военными.

Все поголовно совершеннолетние сельчане-мужчины, 25 человек, были арестованы; против 9 из них, захваченных с оружием в руках, были заведены уголовные дела, остальные отсидели по 30 суток.

Сама деревня практически была уничтожена; женщины и дети покинули ее, ибо не могли оставаться в ней без какой-либо защиты. Тем самым, руками МВД СССР был фактически ликвидирован населенный пункт, препятствовавший планам властей АзССР по выдавливанию армянского населения из этой части Мардакертского района. Позже официальные источники сообщили, что ряд участников этой «боевой операции» против мирного населения были представлены к наградам².

О карательной акции в Каджаване многие советские граждане узнали благодаря циклу репортажей «Карабахская трагедия» по радио «Свобода». Их автор, главный редактор московского журнала «Столица» Андрей Мальгин побывал в НКАО в конце октября — начале ноября 1990 г., где ему были представлены многочисленные факты террора и произвола.

Несмотря на расправы и репрессии против мирных граждан руководители карабахского сопротивления предпринимали все возможное, чтобы не допустить прямых столкновений вооруженных подпольщиков с военными, ибо понимали, чем это чревато.

Первой жертвой среди внутренних войск на территории НКАО стал лейтенант Игорь Цымбалюк. В январе 1990 г. он был смертельно ранен в спину милиционером-азербайджанцем в одном из сел Гадрутского района, где военные пытались предотвратить столкновение

¹В. Кривоусков, указ. соч., с. 27

²«Каратели прибыли из Риги», «Советский Карабах», 18.11.1990 г.

местных армян с прибывшими извне сотрудниками МВД АзССР. Это был период спектакля «непослушания», конфронтации НФА с армией и советской властью. В том же январе азербайджанцами были убиты капитан и трое солдат в Ханларском районе.

До июля 1990 г. в НКАО и прилегающем Шаумянском районе Нагорного Карабаха от рук карабахских армян не погиб ни один военнослужащий. Однако спецслужбы АзССР и в этом случае вовсе старались столкнуть карабахцев с внутренними войсками, не оставившись ни перед чем.

При этом характерно, что подобные провокации происходили именно тогда, когда обострялась обстановка в Армянской ССР, где коммунистические власти безнадежно проигрывали антисоветской силе — так называемому «Армянскому общенациональному движению» (АОД) во главе с Левонем Тер-Петросяном.

Лидеры АОД, сделавшие с весны 1988 г. ставку на карабахское движение как наиболее массовое и перспективное для продвижения своих идей, быстро оттеснили от руководства ереванским комитетом «Карабах» его первых лидеров, которые ставили вопрос воссоединения НКАО с АрмССР, но не преследовали при этом каких-либо антикоммунистических целей. Харизматический Тер-Петросян и его окружение очень быстро повернули карабахское движение в русло борьбы за «десоветизацию» Армянской ССР, а в последующем — и за выход из СССР.

В мае 1990 г. местные коммунисты с треском проиграли выборы в Верховный Совет Армянской ССР, где создалось прочное «демократическое», АОДовское большинство. Именно в этот период в Ереване крайне обострилась обстановка, был спровоцирован ряд кровопролитных инцидентов. В ходе стычек с внутренними войсками МВД СССР и Советской Армией на ереванском железнодорожном вокзале и в пригородах армянской столицы погибли более 20 человек, в том числе и офицер внутренних войск, ранены десятки гражданских лиц и несколько солдат.

А накануне этих событий, 24 мая, вооруженный инцидент произошел в Степанакерте. Около одиннадцати вечера, перед вступлением в силу комендантского часа в районе городского автовокзала неизвестный, поравнявшись с воинским патрулем, неожиданно выхватил из-под куртки короткоствольный пистолет-пулемет и в упор расстрелял наряд. Один солдат погиб на месте, трое были ранены. Стрелявший, который явно был профессионалом, скрылся, быстро затерявшись в улочках и проулках «частного сектора».

У лидеров карабахского движения не было сомнений в том, что происшедшее — дело рук азербайджанского КГБ. Преступника, конечно же, так и не нашли, но военная комендатура тут же бездоказательно заявила, что нападение — дело рук «армянских боевиков». Но самое страшное произошло сразу после расстрела патруля.

Военные и бронетехника вышли на улицы Степанакерта, открывая беспорядочный огонь по домам, прохожим, избивая попавшихся под руку прохожих, вламываясь в квартиры домов, расположенных в районе автовокзала.

«Давыденно Ирина Владимировна, врач «скорой помощи», рассказала нам, что она выехала на вызов в район автовокзала около 23 часов... Когда бригада возвращалась, в городе уже шла стрельба. Солдаты хватали прохожих и избивали дубинками. В течение часа с лишним военные не давали машинам «скорой помощи» выезжать на многочисленные вызовы местных жителей. На жалобу врачей заместитель коменданта города

ответил, что жалеть жителей Степанакерта нечего. Выехав, наконец, в город, бригада обнаружила на улице адмирала Исакова УАЗ с водителем, у которого рука практически была оторвана пулями. По мнению врача, он пролежал в машине более часа. В этот момент проезжающий БТР открыл огонь из пулемета по окнам жилого дома, едва не задев врачей. В больнице водитель УАЗа скончался.

Другие бригады «скорой помощи» также доставляли в больницу избитых, с пулевыми ранениями, с переломами, с сотрясением мозга, жителей Степанакерта. Ирина Владимировна говорит, что офицеры на улицах кричали: «Всех поубиваем, всех стрелять надо!» Потом старшие офицеры уже пытались остановить солдат, но не могли. Бывший фронтовик Гурген Агасарян видел из своей квартиры, как обстреляли случайно подвернувшийся УАЗ, как стреляли по домам, избивали прохожих. Он позвонил в областное управление милиции, и дежурный сказал, что такое творится по всему городу»¹.

Между тем, военный комендант района ЧП генерал-майор Генрих Малюшкин заведомо лживо заявлял представителям «Мемориала»:

«Бронетранспортеры не стреляли на улицах города. Стрельбу из автоматов вели только военнослужащие, находившиеся в составе наряда, подвергшегося нападению. Стреляли только по боевикам, отражая нападение»².

В то время как нападение на патруль было молниеносным, сам нападавший не пострадал и скрылся, а десятки людей были ранены, избиты и один убит далеко от самого места происшествия.

Нетрудно догадаться, что этот и другие инциденты были представлены центральными СМИ в качестве самоотверженной борьбы внутренних войск с «армянскими боевиками». Между тем, совершенно очевидно, кому на руку был этот акт, за которым просматривался знакомый еще по Аскеранскому инциденту февраля 1988 г. почерк КГБ АзССР.

Многочисленными имели место и случаи обстрелов военнослужащими комендатуры района чрезвычайного положения нарядов карабахской милиции, выезжавшей по вызовам граждан.

Так, 9 сентября 1990 г. в Мартунинском районе НКАО прибывшие из соседнего Физулинского района военнослужащие и азербайджанские омоновцы напали на вновь открытый незадолго до того монастырь Амарас, разграбили церковное имущество, стреляли по куполу и стенам из автоматов, избивли священника. При этом был убит житель ближайшего к монастырю армянского села, чей труп был обнаружен лишь на следующий день. Еще полтора десятка человек были захвачены в заложники.

Прибывший по вызову наряд милиции, вооруженный лишь пистолетами, был разоружен автоматчиками, милиционеры избиты и увезены за пределы области, в РОВД соседнего азербайджанского района.

Горбачевская «перестройка» и «гласность» входили в Нагорном Карабахе в новую фазу.

¹ «Медленный взрыв», «Новое время», № 38, 1990 г., с. 22–23.

² Там же

ПОЛИТИКА ФАКТИЧЕСКОЙ ЛИКВИДАЦИИ НКАО

Используя чрезвычайное положение как удобную ширму, скрывающую истинное положение в регионе от союзной и мировой общественности, власти АзССР приступили к очередному этапу удушения армянского Нагорного Карабаха.

21 апреля 1990 г. Президиум Верховного Совета АзССР издал Указ о частичных изменениях в административно-территориальном делении районов НКАО и города Степанакерта. В нарушение действовавшего советского законодательства, а также в обход органов власти автономной области создавался целый ряд новых административных единиц с повышением их статуса и созданием соответствующих партийных и властных структур.

Так, селу Ходжалу, где жило около двух тысяч человек, придавался статус города с образованием горсовета и горотдела милиции. Населенной преимущественно азербайджанцами деревне Киркиджан – пригороду Степанакерта – статус поселка городского типа с образованием поселкового Совета и отделения милиции, и так далее.

Эти меры преследовали сразу несколько целей.

Во-первых, парализовывали местные органы власти НКАО, выстроить структуру исключительно из местных органов власти азербайджанских населенных пунктов, которым передать все фактические полномочия.

Во-вторых, ускорить и без того форсированное развитие азербайджанских населенных пунктов, переселяя туда все новых азербайджанских переселенцев, а также бежавших после резни в Фергане в большинстве своем в АзССР турок-месхетинцев.

В-третьих, развернуть как можно большее количество новых отделений милиции и направить в них подразделения ОМОН МВД АзССР, которые с разрешения Кремля стали в большом количестве формироваться в АзССР. Для вооружения этих отрядов из фондов МВД СССР и МВД АзССР было передано большое количество автоматического оружия, включая пулеметы, пистолетов Макарова и скорострельных автоматических пистолетов Стечкина, бронежилеты, спец- и бронетехника.

«Особую напряженность, по многочисленным данным, в том числе по итогам оперативного рейда-проверки, проведенного личным составом СОГ МВД СССР, создают пребывающие на территории НКАО и прилегающих к ней районах дополнительные подразделения ОМОНа республиканского подчинения... По решению Совета министров республики дополнительно увеличен штат милиции НКАО на 460 человек, из них создано 12 отделений милиции с дислокацией в азербайджанских населенных пунктах, – говорилось в шифровке, отправленной из Степанакерта в Москву членами следственно-оперативной группы МВД СССР. – Ведется формирование сверхштатных подразделений ОМОНа... Подразделения ОМОНа, по указанию республиканского МВД, не взаимодействуют с местными органами внутренних дел, комендатурами участков района чрезвычайного положения и командованием внутренних войск, отмечаются случаи, когда они вступают в конфликты с воинскими подразделениями»¹.

¹ В. Кривошусов. Указ. соч., с. 124–125

«Действовало несколько десятков незаконных, вооруженных автоматами омонских групп. Днем они отсыпались в специальных базах-лагерях на территории азербайджанских населенных пунктов, а ночью нападали на армянские села, животноводческие фермы, бесчинствовали на дорогах, убивали, грабили. Были случаи, когда убивали и грабили и азербайджанских жителей»¹.

Напомним, что при этом ОВД и райотделы внутренних дел НКАО (кроме населенной азербайджанцами Шуши) и Шаумянского района были практически разоружены. А внутренние войска, спецназ и командированные отряды союзного ОМОНа методично проверяли армянские села с целью изъятия подпольно хранящегося оружия.

...За короткие сроки властям АзССР удалось построить в превращенном на бумаге в город селе Ходжалу десятки многоквартирных домов, открыть филиалы нескольких предприятий. Были открыты несколько филиалов республиканских вузов, куда без экзаменов принимались юноши и девушки из районов АзССР – просто по факту прописки в этих карабахских «ню-Васюках». Под охраной шли и шли в Ходжалу, расположенное близ железнодорожной ветки Агдам–Степанакерт, железнодорожные составы, колонны с грузами, садилась и взлетали вертолеты. В селе (!) был образован отдельный строительный трест «Ходжалыстрой»².

Ходжалу зловеще ползло в сторону Степанакертского аэропорта, и уже появились «жалобы граждан» на мешающий жизни и работе шум самолетов с требованием прикрыть аэропорт. Вылетая из Степанакертского аэропорта в первых числах сентября 1991 г., в один из немногих дней, когда военными временно, для вылета в Ереван обучающихся там карабахских студентов, было открыто ранее заблокированное воздушное сообщение с Ереваном, автор этой книги увидел внизу, в Ходжалу, несколько новых семи- или девятиэтажных жилых домов. На их крышах уже стояли контейнеры с готовыми к монтажу лифтами...

Дороги же, ведущие из НКАО в Армянскую ССР, были, как и прежде, заблокированы. При этом если раньше блокаду осуществляли местные жители-азербайджанцы, а военная комендантура ссылалась на «невозможность» что-либо предпринять в связи с этим, то теперь блокаду основной дороги Степанакерт–Лачин–Горис осуществляли сами военные.

«Еще II Съезд народных депутатов СССР принял постановление, в котором говорится о недопустимости экономической блокады в политических целях. А блокада со стороны Азербайджана продолжается до сих пор! – говорит народный депутат СССР от НКАО Борис Дадамян. – Бывший комендант района чрезвычайного положения Сафонов прямо заявлял, что если будет указание Горбачева, то он снимет блокаду»³.

Отвечая на вопрос корреспондента «Московских новостей» относительно причин блокирования карабахской «дороги жизни», военный комендант района чрезвычайного положения В. Сафонов:

«Мы готовы обеспечить движение по этой дороге. Однако правительства Азербайджана и Армении пока не достигли соглашения по этому вопросу... Если говорить о проблеме блокады дорог, то она была передана для решения на республиканском уровне Постановлением Верховного Совета СССР от 5 марта 1990 г.»⁴.

¹В. Кривоусков. Указ. соч., с. 117

²«Новая школа в Кяркиджохане», «Бакинский рабочий», 02.09.1990 г.

³«Столица» № 5, 02.1991 г.; <http://www.press.karabakh.info>

⁴«Московские новости», № 47, 25.11.1990 г.

Между тем, в названном генералом Сафоновым постановлении, в пункте 5 содержался лишь общий набор фраз по обсуждаемому вопросу:

«Советам министров Азербайджанской ССР и Армянской ССР совместно с Министерством путей сообщения СССР и Министерством гражданской авиации СССР обеспечить заключение соглашения между республиками по немедленной нормализации обстановки на железнодорожном, автомобильном, воздушном транспорте региона и разработать систему мер для надежного функционирования транспортных артерий»¹.

Слова так и остались на бумаге, а «дорога жизни» была разблокирована лишь после распада СССР, в мае 1992 г., когда силы самообороны НКР штурмом взяли Шушу и, выбив азербайджанские оккупационные силы из Шушинского района НКАО, заняли райцентр Лачин и полностью взяли под контроль дорогу Шуша–Лачин–Горис...

Очередное постановление горбачевского Верховного Совета было пустым звуком, попыткой переложить ответственность за стабилизацию в регионе с центральных властей на республиканские. В первом пункте Постановления от 5 марта 1990 г., в частности, говорилось:

«Принимая во внимание, что Азербайджанская ССР и Армянская ССР несут полную ответственность за обеспечение прав и безопасности граждан всех национальностей на своих территориях, поддержание нормальной жизнедеятельности и общественного порядка, обязать органы государственной власти и управления республик... вступить в переговоры для заключения межреспубликанского договора о восстановлении доверия и согласия между народами, исходя из принципов равноправия, суверенитета и территориальной целостности обеих республик»².

Тем самым вопрос окончательно загонялся в тупик. Ибо очевидно, что власти Азербайджанской ССР были заинтересованы как раз в дестабилизации ситуации и бесконечности чрезвычайного положения, под покровом которого они осуществляли программу окончательной ликвидации НКАО и самих карабахских армян.

А Еревану предполагалось, полностью игнорируя очевидное волеизъявление карабахских соотечественников, подписать с Баку договор, «исходя из суверенитета и территориальной целостности республик», тем самым:

– во-первых, фактически принять азербайджанскую версию о «территориальных притязаниях и вмешательстве Армении в дела суверенного Азербайджана»;

– а, во-вторых, согласиться с закланием карабахских армян на жертвенный алтарь геноцидных правителей Баку, имея перед глазами резню в Сумгаите и совсем недавнюю – в Баку, погромы и депортации, блокады и набеги, вооруженные атаки и нескрываемое желание окончательно уничтожить армянский Нагорный Карабах и «взяться» за Зангезур.

Вообще, само это постановление в очередной раз продемонстрировало полное неумение М. Горбачева и его ЦК КПСС управлять огромной страной, стало еще одним ударом лопатой по глиняным ногам советского колосса.

...Заблокировав НКАО со стороны АрмССР, военные легко разблокировали дороги из Азербайджана в Нагорный Карабах, куда вновь потянулись колонны с грузами, стройматериалами для азербайджанских населенных пунктов, вещами все новых и новых азербайджанских и турко-месхетинских колонистов-переселенцев.

¹«Правда», 07.03.1990 г.

²Там же

Степанакерт, лето 1990 года. Несанкционированный митинг протеста против террора и произвола со стороны Оргкомитета и военной комендатуры

Союз Оргкомитета и комендатуры. Справа налево: В. Поляничко, В. Сафонов, М. Радаев и В. Джафаров на празднике Новруз-Байрам в азербайджанском селе Ходжалу.

Весной военные БТРы и грузовики сопровождали стада овец общим поголовьем более миллиона на летние пастбища Лачина и Кельбаджара. В то время как армянские села подсчитывали все новые убытки от набегов одетых в милицейскую форму автоматчиков и хоронили безоружных сторожей и пастухов.

Политика апартеида, получившая развитие еще в советские десятилетия, стала еще более уродливой. Блокируя Степанакерт, города и села армянского большинства НКАО, власти АзССР создали параллельные структуры, призванные обеспечивать и развивать исключительно населенные азербайджанцами пункты. Появились столь специфические должности, как, например, «заведующий отделом народного образования районов с азербайджанским населением автономной области»¹.

Между тем, фактическая ликвидация автономной области была продолжена и на уровне отдельных районов. Летом-осенью 1990 г. отряды внутренних войск и спецназа силой заняли райкомы партии и исполкомы местных советов Гадрутского, Шаумянского, Мартунинского и Аскеранского районов Нагорного Карабаха. А на их место были посажены «районные оргбюро» во главе с присланными из Баку аппаратчиками русской национальности – такими «мини-полянчиками». Эти мероприятия сопровождалось столкновениями войск с населением, не обошлось без слезоточивого газа, стрельбы, массовых избиений.

Как это ни показалось бы странным во многих регионах, где отношение к коммунистам было весьма прохладным, в Нагорном Карабахе сотни людей вышли на защиту райкомов и исполкомов. Но ясное дело, не из-за симпатии к компартии, а чтобы защитить «растаскиваемые» после ликвидации областных структур теперь уже и районные органы местной власти.

11 сентября ТАСС сообщил в связи с этим, что «армянские боевики и хулиганствующая молодежь захватили здания райкомов партии в райцентрах Аскеран, Гадрут, Мартуни, превратив их в легальные штабы по борьбе с республиканскими органами власти». Под прикрытием этой демагогии сотни солдат были брошены на разгон занявших здания районных администраций граждан, среди которых были и депутаты. Только в райцентре Аскеран, где административное здание удерживали 70 безоружных граждан, среди которых были и женщины, на его захват были брошены 220 автоматчиков, которые применили газ, дубинки, саперные лопатки и после 4 часов «боя» очистили его для «районного оргбюро».

В начале сентября, накануне и во время захвата внутренними войсками административных зданий в Аскеранском и Мартунинском районах НКАО, область была полностью лишена телефонно-телеграфной связи, оказавшись в полной коммуникационной блокаде.

В разгар этих событий народные депутаты СССР от НКАО Зорий Балаян и Вачаган Григорян, председатель областного исполкома (формально распущенного, но реально работавшего несмотря на давление комендатуры) Семен Бабалян, прибыв в Москву, объявили о начале бессрочной голодовки, которую и начали в депутатских номерах своей делегации в гостинице «Москва». Эта акция, к которой присоединились два народных депутата СССР от Армянской ССР – всемирно известный ученый-астрофизик Виктор Амбарцумян и народный артист СССР Сос Саркисян, получила широкий резонанс в мире и заставила Кремль призвать Баку временно ослабить нажим на карабахские органы власти. Однако именно временно, потому что вскоре последовали все новые репрессии и кровавые акции.

¹ «Бакинский рабочий», 02.09.1990 г.

Ликвидация районных органов власти в армянских райцентрах края была частью единой программы. В Баку были разработаны планы ликвидации всех районных учреждений карабахских райцентров и их перевода в азербайджанские села, где загодя были созданы «территориальные райкомы партии». На базе этих сел планировалось создать новые райцентры, а сами районы перекроить, как это было сделано в 1920–1930 гг. в районах Северного Нагорного Карабаха, оставшихся за пределами Автономной области Нагорного Карабаха.

Именно такое решение и было впоследствии принято (впрочем, оно осталось лишь на бумаге) Верховным Советом Азербайджанской ССР 26 ноября 1991 г., накануне развала СССР. Этим решением НКАО упразднялась. Мардакертский район НКАО делился пополам с присоединением, соответственно, западной части к Кельбаджарскому, а восточной – к Мирбаширскому районам АзССР. Аскеранский район становился Ходжалинским, Мартунинский – Ходжавендским (от населенной азербайджанцами деревни – пригорода райцентра Мартуни) ... Ну и так далее.

Под угрозой оказались и последние ворота автономной области во внешний «неазербайджанский» мир – воздушные.

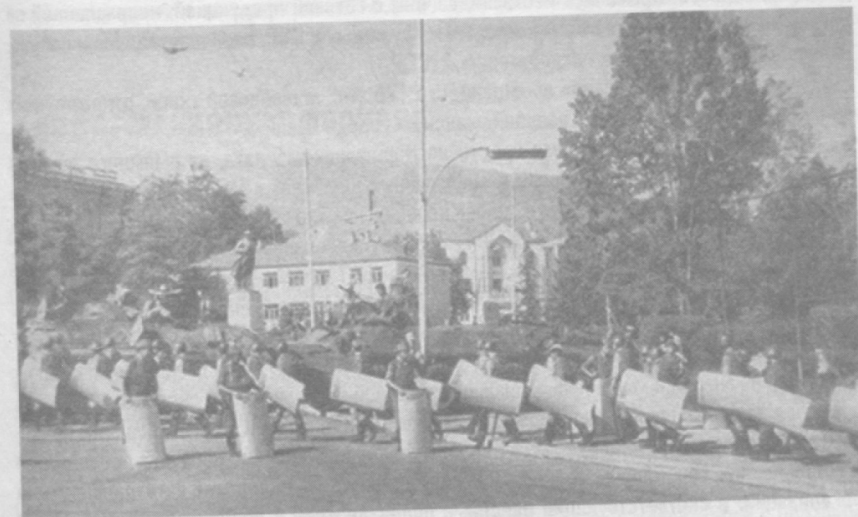
По требованию Оргкомитета военная комендатура резко ограничила число рейсов из Еревана и в Ереван – до 4-х в день, в то время как реальная потребность составляла не менее 10–12 рейсов. Периодически все рейсы просто отменялись, а на взлетно-посадочную полосу выводились БТРы, так что уже бывшим на подлете к Степанакерту пассажирским Як-40 приходилось возвращаться в Ереван. Участились случаи задержки рейсов, арестов самолетов, задержания экипажей.

Периодически, под угрозой уничтожения, запрещались полеты вертолетов в полностью блокированный Геташен и села соседнего с НКАО Шаумянского района Нагорного Карабаха.

19 мая военные власти арестовали три самолета Ан-2 Управления гражданской авиации АрмССР в аэропорту райцентра НКАО, города Мардакерт. Затем с помощью военно-инженерной техники была перепахана взлетно-посадочная полоса и разрушены строения. Тем самым аэропорт, принимавший рейсы из Еревана и армянского райцентра Сисиан, был выведен из строя. Крупнейший по территории и населению сельский район НКАО лишился единственной связи с «большой землей».

Наконец, в середине ноября 1990 г. военная комендатура передала Степанакертский аэропорт под контроль ОМОН МВД АзССР. До зубов вооруженные «милиционеры», среди которых были лица с откровенно уголовным прошлым, превратили процедуру прохождения контроля в аэропорту в сущий ад. Любого карабахца при этом могли оскорбить, избить, ограбить, или еще хуже – арестовать.

«27 декабря они зверски избили экипаж вертолета, который доставил новогодние подарки ереванцев нашим детям. Подарки выбросили, а сам вертолет отправили в Баку... Навивно полагать, что об этом произволе не знает командование внутренних войск или комендатура района чрезвычайного положения. Ведь были случаи, когда внутренние войска, чтобы помешать посадке ереванских самолетов, выкатывали на взлетную полосу бронетранспортер...»¹

Чрезвычайное положение. Центр Степанакерта: солдаты охраняют от народа здание обкома партии, превращенное в резиденцию Оргкомитета и военной комендатуры. Фото Руслана Саркисяна

¹«Столица» № 5, 02.1991 г.

Граждане и народные депутаты обращались в прокуратуру, военную комендатуру и военную прокуратуру по фактам издевательств над пассажирами и даже случаям изнасилования в аэропорту. Однако никаких виновных никогда не находилось. Режим будто бы взывал: не хотите подобного, убирайтесь навсегда с этой земли. Не случайно местом травли были избраны едва ли не единственные ворота Нагорного Карабаха во внешний мир.

Между тем, Кремль пошел и на полное свертывание каких бы то ни было проявлений самостоятельности НКАО в области экономики. Были полностью отменены все договоры, заключенные карабахскими предприятиями со смежниками из Армянской ССР на основе советского законодательства и с подачи Комитета особого управления. Силовым путем комендатура пыталась насадить восстановление прежних вертикалей экономической зависимости НКАО от Баку. Это началось сразу же после введения чрезвычайного положения. Уже 1 февраля 1990 г. на площадь Ленина в Степанакерте к превращенному в хорошо охраняемую крепость зданию Обкома, где располагались Оргкомитет и военная комендатура, в сопровождении военнослужащих и бронетехники подъехало несколько грузовиков и рефрижераторов из АзССР. Военные потребовали от директора местного объединения универсальной торговли В. Саркисяна принять грузы, однако он отказался делать это, ссылаясь на отсутствие фондов, договоров и заказов. Результат – административный арест на 30 суток. Такие «экономические» методы стали применяться повсеместно, правда, практически безрезультатно.

Зато преуспели в транспортно-экономическом пиратстве. Пользуясь анклавным положением НКАО, власти АзССР с помощью военных стали переадресовывать грузы, исходящие из области. Срывались поставки, вагоны с готовой продукцией, направленной по договорным обязательствам в Армянскую и Грузинскую ССР, разворачивались и направлялись на предприятия и к потребителям АзССР.

Так, например, «Известия» сообщили, что 175 тыс. м шелковой ткани, отправленных ранее в Тбилиси, оказались в азербайджанском городе Шеки¹.

Напомним, что десятилетиями продукция Каршелкокомбината, не имевшего полного цикла производства, направлялась на аналогичный комбинат в Шеки, где выходила уже под маркой шекинского комбината, лишая карабахских ткачей премий и собственной марки. Положение изменилось в 1988–1989 гг., когда Каршелкокомбинат официально заключил договоры со швейными предприятиями Еревана и Тбилиси. Таким образом, Центр, работавший за «экономическую самостоятельность» предприятий, сначала навязал Нагорному Карабаху КОУ, а потом ликвидировал его и дал Баку «зеленый свет» на возвращение к национал-феодализму в экономических отношениях с НКАО. В это же самое время Горбачев вещал на внешний мир о либерализации советской экономической системы.

Вслед за произвольной переадресовкой грузов последовали и многочисленные приказы и меры, впрочем, игнорируемые в Карабахе, о переподчинении, роспуске предприятий и объединений. Так, например, предполагалось распустить областные автотранспортные организации, а соответствующие районные подразделения и колонны подчинить ПАТО соседних с НКАО азербайджанских районов и т.п. В ряде случаев эти меры и решения Баку пытались подкрепить силовыми мерами со стороны военной комендатуры.

¹«Известия», 23.03.1991 г.

А изъятие у местной метеослужбы и вывоз за пределы НКАО всех градобойных 100-мм зенитных орудий вскоре привели к большим потерям урожая, нещадно побиваемого градом. Заметим, что в соседних с НКАО районах с азербайджанским населением, где также был установлен режим чрезвычайного положения, градобойные орудия никто не изымал; их эксплуатация продолжалась под формальным присмотром военнослужащих внутренних войск.

В условиях военного режима замерла и культурная жизнь в области. В соседних с НКАО азербайджанских районах формально действовал такой же режим чрезвычайного положения. Однако там проходили массовые собрания, торжества, даже митинги, на стадионах игрались футбольные матчи, работали кинотеатры. В НКАО и Шаумянском районе с подачи азербайджанского Оргкомитета любые подобные мероприятия были запрещены; стадионы пустовали, кинотеатры были закрыты. В Степанакерте военными был закрыт даже областной армянский театр им. М. Горького. Все эти меры также нельзя было рассматривать иначе, как еще одно средство создания невыносимых условий жизни для карабахцев.

Ведь в Пакте о гражданских и политических правах от 1966 г., ратифицированного Советским Союзом в 1973 г., говорилось:

«Во время чрезвычайного положения... участвующие в настоящем пакте государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящему пакту только в той степени, в которой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения»¹.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЛОКАДА

Одним из методов сокрытия происходящего в НКАО под личиной чрезвычайного положения стала информационная блокада вокруг происходящего в Нагорном Карабахе. Если раньше она распространялась на центральные СМИ, то после введения в автономной области режима чрезвычайного положения она распространилась и на местные средства информации.

Областное телевидение лишили выхода в эфир под предлогом неподчинения коллектива областного Комитета телерадиовещания распоряжению руководству Гостелерадио АзССР. Председателя комитета Григора Согомоняна уволили приказом военного коменданта район ЧП.

Программы армянского телевидения из Еревана в течение более чем месяца вообще не транслировались на область; затем формально вещание возобновили, но так, что изображения на экранах практически было не различить, а звук передавался с шумовыми помехами. Это было следствием «работы» контролировавшейся Оргкомитетом радиотелепередающей станции в Шуше.

¹Часть 1, ст. 4 Пакта

Радиотелецентр в Степанакерте был занят военными, областное радио оккупировано политотделом комендатуры, и там распоряжались охраняемые военными пропагандисты из ЦК КП Азербайджана и КГБ АзССР. Местное радиовещание превратилось в рупор официальной азербайджанской пропаганды; ежедневно радиосеть обрушивала на местных жителей ругань и оскорбления в адрес избранных ими народных депутатов, угрозы вроде того, что «кто не хочет жить по законам Азербайджанской ССР, может убраться восвояси».

В мае 1990 г. приказом военного коменданта из сетки вещания областного радио-узла были исключены передачи из Армянской ССР как на армянском, так и на русском языках. В недрах Оргкомитета вынашивалась и идея о поголовном изъятии у населения, под страхом штрафов и арестов, радиоприемников (как это делалось в СССР в годы Великой Отечественной войны), — для полного недопущения в регион «вражеской пропаганды» из Еревана. Напомним, что все это происходило в единой стране — Советском Союзе, на пятом году провозглашения курса на демократию, экономическую самостоятельность и свободу слова.

Правда, следует отметить, что очень вскоре в Степанакерте и районных центрах были налажены подпольные радиовещательные центры, которые с помощью несложных технических устройств выходили в сетевое вещание с заранее подготовленными текстами весьма едкого содержания по адресу Оргкомитета и военной комендатуры. Подделка с этим что-либо последняя не могла, так как подключение каждый раз производилось из разных точек, да и установить, откуда именно исходили подпольные передачи, было практически невозможно.

Оргкомитетом при помощи военной комендатуры активно использовались технические возможности политуправления ВВ МВД СССР. В частности, боевые разведывательно-дозорные машины (БРДМ) с громкоговорителями. Такие машины курсировали по Степанакерту, райцентрам и сельской местности, изыгая всевозможные приказы, агитацию самого низкого пошиба, угрозы, посулы и тому подобное.

В областной газете «Советский Карабах» была введена драконова цензура, так что газета на время практически потеряла возможность информировать читателя о реальных событиях, анализировать их.

31 января 1990 г. военный комендант района ЧП В. Сафонов издал приказ за номером 19. Этот приказ предписывал подчинить редактора и редколлегия газеты «Советский Карабах» лично В. Сафонову и начальнику политотдела комендатуры; тираж газеты печатать только в Степанакерте и распространять только в области и запретить вывоз за границы области оригиналов, матриц, пленок и стереотипов полос. Коллектив редакции не подчинился этому приказу, как противоречащему Конституции СССР и Указу от 15 января, являющемуся расширительным и произвольным толкованием комендатурой своих полномочий.

28 февраля военным комендантом В. Сафоновым был издан другой противоправный приказ (№ 44), требующий изменить гриф газеты: вместо «орган областной парторганизации и Советов Народных депутатов НКАО» писать «газета областной партийной организации». После отказа редакционного коллектива сделать это газета три недели не выходила и понесла значительные материальные убытки.

Автор книги в описываемый период работал корреспондентом по особым поручениям газеты «Советский Карабах». Практически все мое рабочее время уходило на составление жалоб, заявлений и обращений от имени редколлегии и коллектива редакции газеты и областного Союза журналистов в самые разные инстанции. От министра внутренних дел СССР, Верховного Совета СССР, Союза журналистов СССР до военных прокуратур Степанакертского гарнизона и Закавказского военного округа.

Все жалобы и заявления, направленные на имя военного прокурора Степанакертского гарнизона подполковника юстиции И. Лазуткина, последним направлялись «для рассмотрения по существу» военному коменданту В. Сафонову, то есть тому лицу, на которое и жаловался коллектив редакции.

Однако обращения в московские инстанции иной раз имели положительное воздействие на ситуацию, особенно когда они становились достоянием гласности. Сыграло определенную роль и обращение к коллегам-журналистам, в том числе и иностранным. В частности, ни в Баку, ни в Москве никто явно не ожидал столь бурной реакции, которая последовала в ответ на арест редактора русского издания «Советского Карабах» Аркадия Гукасяна со стороны международной организации «Репортеры без границ». Вынужденно Гукасяна выпустили до окончания 30-суточного срока заключения.

Положительную роль сыграли и контакты с нарождавшейся тогда независимой прессой. В частности, автору удалось опубликовать летом 1990 г. в первой независимой правозащитной газете «Экспресс-хроника» ряд материалов о произволе военных властей в НКАО, перепечатанных потом в ряде зарубежных русскоязычных изданий. Огласке были преданы и многие незаконные приказы и распоряжения военного коменданта В. Сафонова и других его «коллег».

А среди этих документов были настоящие перлы.

Так, в апреле 1990 г. генерал-майор В. Сафонов утвердил «служебные обязанности коменданта газеты «Советский Карабах». Среди прочего военный комендант газеты был обязан:

- координировать деятельность редакции газеты по освещению национальных проблем;
- знать о перемещении корреспондентов по территории района чрезвычайного положения и за его пределы;
- не допускать совместной работы корреспондентов газеты и других изданий, в том числе иностранных, без разрешения коменданта района чрезвычайного положения;
- привлекать к труду работников, уклоняющихся от выполнения своих обязанностей (!) и т.п.

Моральный террор в отношении редакции областной газеты выражался и в периодических явлениях в редакции разного рода «политотдельщиков», которые грозили и пугали: «над вами сгущаются черные тучи», «редактора могут арестовать» и т.п. Однако проявленная коллективом твердость постепенно свела всю эту нездоровую активность к минимуму.

Была установлена предварительная военная цензура. Военный цензор, как правило, приходил в редакцию, где требовал ознакомления с материалами. Вечером он являлся в типографию и контролировал гранки. Безжалостно вычеркивалось все, что не устраивало Оргкомитет: сообщения о нападениях и скотокрадстве, действительные или кажущиеся выпады против властей АзССР, малейшее упоминание о блокаде. Само это слово стало «персоной нон грата» на страницах газеты, а вскоре цензоры стали вычеркивать из текстов и слово «изоляция» применительно к ситуации в области.

Гость редакции газеты «Советский Карабах» – епископ Арцахский Паргев Мартиросян. В центре – главный редактор газеты Максим Ованесян

10.06.90г. С.И. Касян
**Попытка
 скотокрадства**
С.И. Касян

53 головы крупного рогатого скота, принадлежащего владельцу села Шублу Мардакерского района, могли быть похищены неизвестными скотокрадами. Могли бы, если не бдительность пастухов Михаила Саркисяна и Вагана Бегларяна. В тот день, 23 июня, в полудесяти километрах от села, на участке Ехдаог, они пасли животных. Примерно в 14 часов заметили шесть азербайджанских всадников, трое из кото-

рых были вооружены винтовками. Угрожая пастухам, они стали угонять все поголовье. Михаил Саркисян и Ваган Бегларян, у которых не было оружия, подняли шум. Прослышав о случившемся, сельчане поспешили на место происшествия. «Неизвестные лица», угонявшие скот примерно на километр, обратились в бегство. Не удалось еще одна попытка скотокрадства.

ОТДЕЛ ИНФОРМАЦИИ

склад.
 — Нужно собрать узел сельскохозяйственного комбайна. Нового нет. Мы вынужденно приспособляем.
 — Область находится в

С.И. Касян
 ...информации, надо потерпеть. В Аветаранце немало овицеводам. Там всегда получали хороший урожай. Мне захотелось увидеться с ними.
 — Хочу встретиться с вашими овицеводами — говорю бригадирю.
 — Откуда влезть овицеводам, если у нас нет огородов...
 Поранительно у Аветаранца в Амарасе нет огородов. Это крупное село, у которого в Амарасе 600 гектаров угадий, тутовых и яблоневые сады, прибрежные плодородные земли, а огородов вот нет. Только арендаторы выращивают на территории бывших виноградников картофель.
 Как и во всех остальных колхозах, здесь виноградарство уступает свои позиции, и потому требует особого внимания. Мне вновь вспоминают

Информационная блокада. Вычеркнутые военным цензором информационная заметка и слово «изоляция» из гранок готовящегося к печати номера газеты «Советский Карабах»

П Р И К А З
 коменданта района чрезвычайного положения в НКАО и прилегающих районов Азербайджанской ССР

№ 159 " 28 " мая 1990 г. г.Степанакерт

"Об особых правилах пользования связью."

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1990г. "Об объявлении Чрезвычайного положения в НКАО и некоторых других районах Азербайджанской ССР" и Закона СССР от 3 апреля 1990г. "О правовом режиме чрезвычайного положения",-

П Р И К А З Ы В А Ю:

В связи с неприкращающимися действиями отдельных лиц, разжигающих сепаратизм, национальную рознь и провоцирующих нарушения общественного порядка ввести в г.Степанакерте особые правила пользования связью:

- с 28 мая 1990г. выключать на установленный срок домашние и служебные телефоны отдельных лиц проживающих на территории района Чрезвычайного положения;
- освобождаемые в этих случаях телефонные выключатели использовать для обеспечения связи подразделений МВД СССР и других государственных органов власти и управления, обеспечивающих режим Чрезвычайного положения.

Всеми руководителям и должностным лицам предприятий связи принять меры к неукоснительному исполнению настоящего приказа, который вступает в силу со дня его опубликования.

ПО КОМЕНДАНТ РА.ОНА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В НКАО И ПРИЛЕГАЮЩИХ РА.ОНОЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

ГЕНЕРАЛ-А.ОФ В.Н.САФОНОВ

ПО НАЧАЛЬНИК ШТАБА КОМЕНДАТУРЫ РА.ОНА ПОЛКОВНИК В.В.ОВЧИНИНОВ

[Handwritten signature]

*62915
 21.05.90*

Информационная блокада. Военная комендатура по заказу Оргкомитета приказывает лишить телефонной связи активистов карабахского движения

Труднее было бороться с армянским изданием. Из военных цензоров никто не владел армянским языком; знавшие же его прикомандированные из Баку в Оргкомитет переводчики-азербайджанцы не могли перемещаться за пределами здания обкома иначе как под усиленным нарядом охраны.

24 июня 1990 г. в газете «Труд» было опубликовано интервью с заместителем начальника политуправления внутренних войск МВД СССР генерал-майором Е. Нечаевым. В этом интервью, высокопарно названном «К штыку приравняли перо?», высокопоставленный политрук голословно отрицал все безобразия, чинимые военной хунтой в отношении СМИ и журналистов в НКАО.

В ответ на основании имевшихся оригиналов и копий незаконных приказов и распоряжений военного коменданта и иных чинов комендатуры в редакции «Советского Карабаха» был подготовлен подробный документ, изобличающий политработника в сокрытии истинной картины и откровенном вранье.

Этот документ с приложенными копиями приказов и распоряжений военного коменданта района ЧП был размножен и разослан нами во многие СМИ, прежде всего, главному редактору газеты «Труд». Позже знакомый офицер внутренних войск в Москве рассказал мне, что знакомство с редакционным документом произвело на генерала Нечаева эффект разорвавшейся бомбы.

Цензура в областной газете сохранялась вплоть до 1 августа 1990 г., когда вступил в силу новый Закон ССР «О печати», не допускавший предварительную цензуру. Этот прогрессивный и по нынешним временам закон, принятый после многолетних проволочек 12 июня 1990 г., позволил «Советскому Карабаху» в считанные дни восстановить свой статус рупора карабахского освободительного движения. К ваящему недовольствию как бакинских властей, так и политотдела внутренних войск МВД СССР.

Оргкомитет во главе с В. Поляничко лелеял надежду, что областная газета не пройдет регистрацию (что новый закон о печати предписывал сделать всем СМИ до 1 января 1991 г.) в Госкомитете по печати АзССР.

Однако и тут коллектив нашел выход. Учитывая, что подавляющее большинство подписчиков «Советского Карабаха» жили за пределами НКАО, и не только в Армянской ССР, но и в других республиках и различных регионах страны, газета де-юре подпадала под определение «всесоюзного средства массовой информации», которые проходили регистрацию в Москве, в Госкомпечати СССР.

Этим вопросом как раз пришлось заниматься автору этой книги, который на тот момент был уже московским корреспондентом газеты, имевшим официальную аккредитацию в пресс-центре МИД СССР. Надо сказать, что в отделе периодических изданий Госкомпечати СССР оказались вполне нормальные люди. В конце концов, газета получила регистрацию как общесоюзное СМИ и смогло продолжать свою деятельность. Хотя для этого потребовались и многочисленные хождения в Госкомпечать СССР с привлеченным юристом, и разные дополнительные документы.

Сотрудник, который занимался нашим делом и по странному совпадению носил ту же, что и военный комендант НКАО фамилию Сафонов, уже позже показывал мне целый ворох телеграмм и факсов, поступивших в Госкомпечать СССР от «республиканского Оргкомитета по НКАО» в декабре 1990 – январе 1991 г.

ՀԱՅՏՈՒՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ՍՏԵՓԱՆԱԿԵՐՏԻ Վ. Ի. ԼՆՆԻԻ
ԱՆՎԱՆ ՊՈԼԻԳՐԱՏ ԶԵՆՆԱԴՐՈՒԹՅՈՒՆ

НАГОРНО-КАРАБАХСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ

СТЕПАНАКЕРТСКОЕ
ПОЛИГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

374430 г. Степанаке́рт, ул. Чкалова, 21 | тел. 3-53-84 | 374430 г. Степанаке́рт, ул. Чкалова, 21

№ 9 / 29 марта 1990 г.

Редактору газеты "Советакан
Карабах"

Ованисян М.Б.

Приказом коменданта особого района Сафонов В.И. №19 от 31 января 1990 года запрещается отправка пленки областной газеты в Армению, а также распространение готовой газеты вне территории НКАО. Исходя из вышеизложенного с 1 апреля 1990 года мы вынуждены прекратить отставку пленки вне НКАО. Просим, как заказчик дать указание как нам поступить в дальнейшем.

Директор Степанакерского
полиграфпредприятия:

Г. Аванисян

Информационная блокада. Военная комендатура пытается запретить вывоз готовой пленки газеты «Советский Карабах» за пределы области

В этих телеграммах В. Поляничко и его подчиненные изливали всю свою желчь сначала в связи с возможной регистрацией «Советского Карабаха», а потом – по уже свершившемуся факту этой регистрации...

Таким образом, «Советский Карабах» стал единственным СМИ областного уровня, которому в течение большей части периода чрезвычайного положения удалось сохранить свою самостоятельность. После отмены цензуры оргкомитета и военная комендатура пыталась «урезонить» журналистов, направляя на них иски в городской суд, но в силу их «высосанности из пальца» и неграмотности, подавляющее большинство дел было выиграно редакцией.

Последовали и попытки Генпрокурора АзССР Исмета Гаибова (в 1988 г. был прокурором Сумгаита и после сумгаитской резни пошел на повышение) подать в суд на редакцию, чтобы, дойдя до верховных республиканских судебных инстанций, закрыть-таки газету. Но многого он не успел, ибо первое и последнее заседание суда по этому иску состоялось в Степанакерте в дни августовского путча. Редакцией «Советского Карабаха» к делу был подключен и Союз журналистов СССР, куда для экспертной оценки загодя была послана практически полная подшивка газеты за август 1990 – июль 1991 гг.

19 августа 1991 г., когда в блокадном Карабахе бесчинствовали внутренние войска и азербайджанский ОМОН, стало известно о путче в Москве. Там, как известно, был образован «старший брат» оргкомитета-комендатуры – Государственный Комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП). В. Поляничко и его команда еще днем 19-го на радостях срочно вылетели в Баку для консультаций: как думали ненадолго, но оказалось навсегда.

В тот же день, 19-го, в редакцию «Советского Карабаха» поступил приказ за подписью военного коменданта района чрезвычайного положения полковника В. Жукова: увеличить тираж на 1 тыс. экземпляров и опубликовать документы ГКЧП.

Удивительным образом, но даже в условиях перманентного террора и репрессий редакции газеты удалось «заволокитить» приказ, который уже через два дня стал совершенно неактуален в силу произошедших в Москве событий и провала путча. После провала путча последовало самоубийство министра внутренних дел СССР Б. Пуго и страшная паника в соседнем с редакцией здании обкома, где располагалась военная комендатура.

Так, начальник ее политотдела полковник А. Полозов направил в редакцию записку, в которой сообщал:

«Распоряжение об опубликовании постановлений ГКЧП, засланное в редакцию газеты 19 августа, комендант района чрезвычайного положения полковник В. М. Жуков не подписывал. Его подпись была сфальсифицирована. По данному факту проводится служебное расследование»¹.

Между прочим, смелый отказ редакции «Советского Карабаха» от публикации приказов ГКЧП вскоре принес и вполне материальные дивиденды. В сентябре, вернувшись в Москву из поездки в блокадный Карабах (на традиционный тогда вопрос о том, где был во время путча, не без сарказма отшучивался: «В Карабахе отсиживался»), автор этой книги попал на прием к заместителю «ельцинской» Госкомпечати Михаилу Федотову, которому и вручил письмо от редакционного совета областной газеты, подборку номеров

¹ «Советский Карабах», 29.08.1991 г.

*вс № 456 от 19.08.91г
г. Жирнов 20.08.91г
П.А. Пуреев
С.А. Битов 19/08/91г*

Исполняющему обязанности
редактора газеты
"Советский Карабах"
тов. Гаспаряну А.Н.,
директору типографии
тов. Аванесяну Г.

РАСПОРЯЖЕНИЕ

В целях эффективного информирования населения Нагорно-Карабахской автономной области и личного состава внутренних войск МВД СССР, выполняющих на территории НКАО служебные обязанности, предлагаю вам 20 августа 1991 года увеличить тираж газеты "Советский Карабах" на 1 тыс. экземпляров и опубликовать документы, переданные 19 августа 1991 года по каналам ТАСС.

19 августа 1991 г.

Военный комендант района
Чрезвычайного положения
полковник *В.М. Жуков* В.М. Жуков.

Разъяснения:

- Следует опубликовать:*
- 1. Обращение "Советскому Карабаху" от 18 августа 91г;*
 - 2. Заявления председателя СССР от 18 августа 91г;*
 - 3. Обращение к гражданам СССР от 18 августа 91г;*
 - 4. Заявления председателя Верховного Совета СССР от 18 августа 91г;*
 - 5. Постановление № 1 ГКЧП от 18 авг;*
 - 6. Заявления председателя Верховного Совета СССР.*

Распоряжение военного коменданта напечатать документы ГКЧП редакция «Советского Карабаха» так и не выполнила. После провала путча комендатура поспешила заявить, что подпись коменданта... была подделана неизвестными

«Советского Карабаха» за август и копии приказов военного коменданта района чрезвычайного положения. В письме высказывалась просьба содействовать отправке в Степанакерт вагона с газетной бумагой, которую, по согласованию с Ереваном, должен был отгрузить из полагающихся Армянской ССР фондов Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат. Но почему-то не отгрузил.

Надо сказать, что все связанное с противостоянием ГКЧП по понятным причинам тогда проходило на «ура». Зампред Госкомпечати был просто в восторге от неподдающегося «Советского Карабаха» и немедленно сделал какие-то начальственные звонки, направив московского корреспондента карабахской газеты в подведомственное снабженческое учреждение. Последнее, к моему удивлению, оказалось буквально на соседней с моим домом улице; приняли же меня по звонку сверху быстро и по-деловому.

Вагон с газетной бумагой из Соликамска прибыл в Степанакерт где-то 20 ноября 1991 г. Это был последний или предпоследний из составов, что изредка, по специальным договоренностям сторон (ведь и у Баку была необходимость что-то направлять через армянскую территорию в Нахичеванскую АССР), еще пересекали административную границу НКАО. 22 ноября все пути были окончательно закрыты: Союз ССР был на грани распада, провозгласивший независимость Азербайджан готовился объявить о ликвидации НКАО и начале военного похода на Нагорный Карабах, боевые действия уже шли по границам края.

Этого вагона бумаги хватило и на печать газеты до конца года, и на возобновление ее выпуска после прорыва блокады в мае 1992 г. ...

В отличие от областной газеты радио и телевидение были надолго выведены из строя. Радио возобновило вещание лишь после провала августовского путча 1991 г. и поспешного бегства Поляничко и всего оргкомитета в Баку. А телевидение возобновило свою деятельность и того позже...

А в сентябре 1990 г. настоящий переполох в стане политуправления внутренних войск произвел комендант степанакертского телерадиоцентра подполковник Александр Ищук. По окончании срока своей командировки из Новосибирска в район чрезвычайного положения НКАО и прилегающих районов он дал подробное интервью карабахским журналистам, которое затем было показано по Армянскому телевидению. Это выступление было перепечатано областной газетой «Советский Карабах» и главными армянскими республиканскими газетами.

Александр Ищук рассказал, как карабахских журналистов незаконно отстранили от эфира, чтобы передать радиотелецентр пропагандистам из Баку, фактически обвинив военную комендатуру в нарушении законов.

«В январе с введением режима чрезвычайного положения в Нагорном Карабахе стало ясно, что средства массовой информации – это мощное оружие. Кто владеет ими, тот имеет возможность влиять на сознание людей. Видимо, исходя из этой предпосылки, в январе этого года с введением режима чрезвычайного положения телевидение области прекратило свое существование»¹.

Спустя несколько месяцев в номере за март 1991 г. журнала «Журналист», органа Союза журналистов СССР, выйдет очерк Александра Ищука «Не хочу быть марионеткой.

¹«Советский Карабах», 14.09.1990 г.

(Из дневника коменданта Степанакертского телерадиоцентра)». В нем он рассказал немало интересных эпизодов, свидетелями которых стал. В том числе дал оценку работе местных журналистов и подпольщиков.

«В Академии мы изучали по курсу «Партолитработа» организацию и ведение спецпропаганды в условиях войны: листовки, звуко-, радио-, телевещание. Это с противником. Но кто мог тогда сказать, что эту работу мы будем вести со своим населением. А та сторона работает профессионально – то и дело появляются листовки; радио Еревана говорит по-русски на наши войска и по-армянски обращается к населению.

...Те, кто следит за нашими радиопередачами, не могли допустить в эфир от нас голос армянки – заглушили. Так нам еще раз дали понять, кто хозяин в доме и кто мы здесь. ...Сегодня радиопередачи не глушили – результат нашего контроля за прохождением трансляции. Но в обед после нас вышла на полчаса подпольная станция, которая вылила по ушату грязи на Горбачева, Муталибова, Поляничко, комендатуру»¹.

В том же материале содержалась и трезвая оценка значения и последствий происшедшего тогда в Нагорном Карабахе для всего Союза ССР:

«Страна, ее будущее видятся в пятнах районов ЧП, во власти военных комендантов. За два года здесь (в Карабахе – прим. автора) прошли обкатку офицеры внутренних войск. Получен опыт, освоена тактика. Теперь дело за малым – объявлять режим ЧП и властуй!»²

В ходе информационной войны обе стороны активно использовали листовки и прочую агитационную литературу, причем и в этом случае бакинские и военные пропагандисты работали весьма грубо и топорно, явно проигрывая карабахским подпольщикам.

Спецпропагандисты составляли «Арцах» или «Друзей народа». В листовках содержались призывы сотрудничать с азербайджанскими властями, поносились карабахские лидеры, как формальные, так и неформальные, обливались грязью народные депутаты от НКАО. Все эти бумаги были состряпаны настолько грубо, что вызывали у населения эффект, прямо противоположный тому, которого добивались их составители.

Было очевидно даже, что состряпаны они отнюдь не местными жителями. Например, в листовке про одного из карабахских активистов было сказано: такой-то «со своей женой – жидовкой». Однако в НКАО, где по официальным данным переписи населения СССР 1989 г. насчитывалось... аж 9 (!) граждан еврейской национальности, никогда не было ни антисемитизма, ни сопутствующих этому явлению определений лиц данной национальности.

Напротив, листовки на армянском, предназначенные исключительно для местного населения, писались местными же жителями и содержали конкретную информацию, интересующую практически каждого жителя карабахских городов и сел.

А выпускавшиеся карабахским подпольем листовки на русском языке, адресованные населению от лица реально не существовавшего комитета «Офицеры за перестройку», были написаны профессионально и содержали факты и предположения из области существующих реалий. Эти листовки читались и солдатами из контингента внутренних

¹ А. Ищук, «Не хочу быть марионеткой», «Журналист», № 3, 1991 г. С. 16–17

² Там же, с. 19

войск, и офицерами, среди которых действительно имелись сочувствовавшие карабахцам и сотрудничавшие с подпольщиками люди. А огульные отрицания существования в принципе чего-либо подобного со стороны высокопоставленных политработников лишь усиливали веру граждан и военнослужащих в реальность существования Комитета, заставляли их прислушиваться к советам и мыслям, содержащимся в листовках.

Некоторые листовки, также на русском языке, пародировали и выставляли в дурацком свете руководство Оргкомитета и военной комендатуры. В них приводились факты коррумпированности последних, — сообщалось, например, о не соразмерных никакому разумному жалованию денежных переводах, отправляемых многими офицерами и даже рядовыми в разные регионы СССР. Эти листовки также попадали в руки военнослужащих и заставляли их задумываться о навязанной им роли карательной силы шовинистического режима Баку.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА

В период силового подавления национально-освободительного движения карабахских армян политическое руководство СССР, Азербайджанской ССР, политорганы МВД СССР и АзССР, Советской Армии, средства массовой информации АзССР и СССР вели грязную пропагандистскую кампанию, имевшую целью формирование образа врага в лице армянского народа. Эта беспрецедентная кампания клеветы в адрес одного из народов страны была предпринята в целях внушить к нему чувство неприязни со стороны других народов и граждан СССР в целом, облегчив тем самым осуществление преступной политики, проводимой Баку и Кремлем в отношении армян Нагорного Карабаха.

Ведь как признавались сами офицеры комендатуры, «приказ однозначен — сохранить Карабах за Азербайджаном»¹.

Подобная пропаганда имела многоуровневый характер и варьировалась в зависимости от объекта своей направленности. На уровне всесоюзном в этом направлении работали центральные и ведомственные (газеты МВД, Советской Армии) средства массовой информации. В Азербайджанской ССР эту функцию весьма органично взяли на себя местные СМИ, которые и без того соревновались друг с другом в антиармянских выпадах и измышлениях.

На уровне района чрезвычайного положения НКАО и прилегающих районов АзССР соответствующую пропаганду среди военнослужащих внутренних войск МВД СССР и Советской Армии вели в основном политорганы, а также наезжающие пропагандисты из ЦК КП Азербайджана и КГБ АзССР.

На политзанятиях военнослужащих целенаправленно «обрабатывали», настраивая не только против карабахцев, но и против армян вообще, что преследовало цель подготовить личный состав и к предстоящим карательным операциям против Армянской ССР, где к власти окончательно пришли антикоммунистические силы.

Рядовой войсковой части 5471 внутренних войск МВД СССР Александр Волошин, покинувший свой пост в Степанакерте с оружием и радиостанцией 12 августа 1991 г. и

¹А. Ищук, «Не хочу быть марионеткой», «Журналист», № 3, 1991 г. С. 18

скрывшийся, объяснял в сделанном им специальном заявлении причину своего поступка. Он, в частности, сказал:

«Нас здесь фактически держат в роли карателей... Здесь нам постоянно твердят, что мы защищаем азербайджанский народ от армянских боевиков, но, как я сам разобрался, это не так».

Заявление А. Волошина было зачитано по подпольному радио и передано для печати в газету «Советский Карабах», но не было опубликовано, дабы не создавать лишних проблем беглецу.

Другой оставивший свою часть, рядовой Вильнюсского специального полка внутренних войск Александр Енчин, рассказывал в интервью журналу «Столица»:

«Как только мы приехали в Степанакерт, сразу начались антиармянская пропаганда и инструктаж. Нам говорили: армяне — сплошные уголовники, террористы, поголовные наркоманы и прочее. Каждый день до нас доводили ложную информацию о том, что армяне напали на тот или иной пост, бомбили тот или иной объект. И, наоборот, вопреки реальности, в течение всего времени моего пребывания в Степанакерте, с июля до ноября (1990 г. — прим. автора), не было ни одного случая, чтобы нас информировали о нападениях, совершаемых азербайджанцами. Вся пропаганда была строго направлена против армян»¹.

Центральные СМИ продолжали пичкать советских граждан страшилками про армянских боевиков, терроризирующих мирных азербайджанцев. Особенно усердствовали органы военной печати: «Красная звезда», издания МВД. При этом доходило до откровенных оскорблений в адрес целого народа.

Так, в номерах 8 и 9 «Военно-исторического журнала» за 1990 г. был опубликован материал «Дашнаки», основанный на материалах Департамента полиции царской России за 1908 г. Напомним, что это было время, когда после известных событий 1905–1906 гг. армяне рассматривались самодержавием как «ненадежный элемент» со всеми вытекающими последствиями. «Краснознаменный» журнал тем самым вольно или невольно поставил себя в один ряд с, казалось бы, ненавидимой коммунистами «царской охранкой».

В этом материале, напряженность в Закавказье ненавязчиво, устами анонимного жандармского подполковника «объяснялась» некоторыми присущими армянам особенностями. Они-де «отчасти уподобились притаившейся и свернувшейся в кольцо змее, выжидающей случая ужалить кого-либо из окружающих»; имеют «черную душу»; их отличает «двуличность: преклонение и лесть перед сильным и в то же время старание принести ему чем-либо вред»; они являются элементом «чуждым» и «неблагодарным» к русским и так далее. В предисловии к публикации говорилось, что она «представляет интерес для читателей».

Публикация в «Военно-историческом журнале» была типичным примером пропаганды и агитации расовой и национальной вражды с точки зрения законодательства СССР. Однако наивно было полагать, что главный редактор журнала или автор подготовки публикации В. Копылов могли бы понести хоть какое-то наказание за свою стряпню.

¹«Столица», № 14 (20), 1991 г., с. 19–20

Антиармянская истерия в армии и особенно внутренних войсках была столь раскручена, что доходило порой до курьезов. Так, на учредительном съезде Компартии РСФСР в июне 1990 г. на пост ее первого секретаря баллотировался бывший второй секретарь ЦК КП Армении Олег Лобов. Начальник политотдела Приволжского управления внутренних войск МВД СССР С. Навун задал Лобову вопрос: «Есть ли у вас моральное право баллотироваться после гибели стольких российских парней в Армении при прямом попустительстве местных властей, в том числе и вашем?»

На что Лобов прямо и вполне честно ответил: «Для сведения: на территории Армении за два года погиб в вооруженных конфликтах один офицер. Это было 27 мая». Политработник внутренних войск «отпарировал» очень показательно: «Я могу вас поправить, но я не буду поправлять. Из газет все знают, сколько погибло...»¹

Дезинформацией занималась и комендатура района чрезвычайного положения НКАО и прилегающих районов АзССР в подготавливаемых ею «сообщениях военного коменданта» – сводках происшествий. Последние были обязательны для публикации в областной газете «Советский Карабах» как в период действия военной цензуры, так и после ее отмены, и часто носили откровенно подстрекательский характер. Например, после упоминавшегося расстрела неизвестным нарядом внутренних войск в Степанакерте 24 мая 1990 г. в подготовленном на следующий день сообщении военного коменданта голословно утверждалось: «Бандитствующие элементы армянской национальности совершили ряд преступных акций по отношению к войсковым нарядам внутренних войск»².

Буквально через несколько дней после гибели рядового внутренних войск в Степанакерте и драматических событий в Ереване, где погибли 23 гражданских лица и офицер, последовало сообщение «Азеринформа» об обращении к М. Горбачеву из Баку «общего собрания военнослужащих внутренних войск комендатуры района чрезвычайного положения».

Стиль обращения непонятно как собранного в Баку «общего собрания военнослужащих», расквартированных в «НКАО и вокруг нее», был соответствующим:

«Опять на улицах Степанакерта звучат выстрелы, опять по вине армянских террористов льется кровь наших товарищей... Бандитская пуля армянских террористов оборвала жизнь нашего бывшего сослуживца... Погиб в мирное время от рук подлых убийц... Нас глубоко возмущает бездействие руководства Армянской ССР, спокойно взвращающего на бесчинства, творимые террористами»³.

Эти примеры наглядно демонстрируют, как в условиях чрезвычайного положения политорганами внутренних войск МВД СССР и Советской Армии сознательно искажалась информация, распускались заведомо лживые слухи и нагнеталась слепая ненависть к ставшему неудобным одному из «братских народов» СССР.

В угоду политическим устремлениям не только представители Баку, но и политработники и военные журналисты преднамеренно задним числом искажали обстоятельства гибели военнослужащих в зоне конфликта.

Так, в редактируемой А. Плохановым газете «День» было опубликовано открытое письмо подполковника запаса М. Дубравки бывшему министру внутренних дел В. Бакатину,

¹«Советская Россия», 23.06.1990 г.

²«Советский Карабах», 26.05.1990 г.

³«Коммунист», 05.06.1990 г.

осаглавленное «Чья вина?» В нем, в частности, упоминалось о гибели троих рядовых и капитана внутренних войск в январе 1990 г. в Ханларском районе АзССР. В январе-феврале 1990 г. многократно сообщалось, что они были убиты азербайджанскими «народнофронтовцами». Отставной подполковник же заявлял, что в армянских селах Азад и Камо, куда погибшие были посланы для защиты мирных жителей, было «полно вооруженных так называемых бойцов самообороны», но солдаты были все же посланы в армянские села и «погибли от рук экстремистов». Повтор эпитета «армянский» в сочетании с умалчиванием национальной принадлежности убиенных военнослужащих «экстремистов» был призван поддержать официозный приказ на разоблачение пресловутых армянских боевиков.

Подобного рода цинизм возмущал многих офицеров внутренних войск, однако их мнение можно было почерпнуть разве что из местной прессы. Так, в сентябре 1990 г. комендант армяно-карабахского села Геташен капитан Курбан Гасанов (чеченец по национальности) сказал в интервью газете «Советский Карабах»:

«В январе в азербайджанском селе Гаджинент были зверски убиты капитан Осетров и трое его солдат. Им отрубили головы, а из обезглавленных тел развели костер. Многочисленные подразделения собрали деньги для установления на месте преступления обелиска в память о погибших товарищах. Однако памятника до сих пор нет. Зато установлен памятник азербайджанским боевикам, надругавшимся над телами убитых»¹.

Тот же капитан Гасанов привел пример того, как грубо и топорно действовали пропагандисты из МВД при «проверке паспортного режима» азербайджанским ОМОНОм в селе Геташен 29 августа 1990 г.:

«Азербайджанцы говорили, что пришли разоружить геташенцев. Но поскольку уржия они не нашли, то вынуждены были взять у нас радиостанцию, заснять ее на пленку и заявить на всю страну, что отобрали ее у армян. Между тем, это была наша военная радиостанция, установленная на месте посадки вертолетов. Почему никто не спросил меня, ведь я, черт бы их побрал, комендант этого района?!»

Заместитель коменданта Шаумянского района Нагорного Карабаха Иосиф Железко сказал в интервью корреспонденту «Советского Карабаха»:

«Баку выискивает новые способы для дестабилизации обстановки. Именно эту цель преследует создание оргбюро в Шаумянском районе»².

А командир дислоцированного в селе Манашид того же района взвода внутренних войск Михаил Гридин откровенно признал: «Здесь живут добрые, гостеприимные люди и между нами сложились самые теплые, дружеские отношения. Сказать по правде, у меня складывается впечатление, что кому-то не по душе эти отношения, что кому-то очень хочется вбить клин между русскими и армянами»³.

Естественно, что, пробыв какое-то время в Нагорном Карабахе, многие думающие солдаты и офицеры в корне меняли свой первоначальный взгляд на происходящее, во многом навеянный официальной пропагандой и ложью СМИ. Именно поэтому многих

¹«Советский Карабах», 15.09.1990 г.

²Там же

³Там же

офицеров комендатуры «завдвигали» куда подальше с глаз долой, а то и поскорее отправляли назад к месту службы. Тот же вышеупомянутый подполковник Иосиф Железко до назначения в Шаумянский район был военным комендантом газеты «Советский Карабах», но проявил «либерализм» за что и был «сослан» на окраину.

А воинские контингенты старались менять как можно чаще; считалось, что после 3-4 месяцев несения службы солдаты становились ненадежными, проникаясь пониманием забот местных жителей, а то и симпатией к ним...

Весомую лепту в создание образа врага в лице армянского народа внес КГБ СССР. Одной из наиболее показательных провокаций этой организации стало так называемое «Ковровское дело».

Осенью 1990 г. «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Красная звезда» наперебой вдруг начали рассказывать о крупных хищениях оружия с одного из заводов райцентра Коврова, что во Владимирской области. А именно – с Ковровского механического завода (КМЗ), выпускающего наряду с прочим некоторые виды стрелкового оружия и боеприпасы, приборы для вооруженных сил. О «ковровском деле» активно заговорили и программа «Время», телевизионные сводки МВД СССР, другие радио- и телепередачи.

Сотрудники КГБ, расследовавшие это дело, раздавали направо и налево все новые интервью. В них все чаще и чаще звучали мотивы, указывавшие на политический характер расследовавшегося госбезопасностью дела о хищениях. Так, начальник следственной группы Управления КГБ по Владимирской области, подполковник юстиции Николай Зотов говорил:

«Оказалось, что имеем дело с группой, связанной общим преступным замыслом не только похищать с завода боевое оружие, но и надежно его сбывать за немалую плату. Не оставалось сомнения, что они располагают широкими контактами, простирающимися в те регионы страны, где сегодня неспокойно, нередко пускается в ход боевое оружие, проливается кровь... Особенно сложным оказалось расследование путей, которыми похищенное оружие переправлялось для закавказских боевиков... Так, при встрече в ресторане гостиницы «Советская»... руководитель одного из предприятий Армении обещал закупить оптом оружие... на сто тысяч рублей»¹.

Речь шла об арестованном КГБ в результате спланированной провокации начальнике управления «Армагзпрома», уроженце НКАО Григории Асряне. А суть провокации была в том, чтобы каким-то образом связать единичные случаи хищения оружия с пресловутыми «армянскими боевиками». Но сделать это было не так просто, поскольку хищения с КМЗ были не столь масштабны: 4 пулемета Калашникова (ПКМ), полтора десятка сигнальных пистолетов, несколько пулеметных стволов (они шли на изготовление вкладышей к охотничьим ружьям местных охотников-любителей), два прицела ночного видения и по несколько сот боевых, мелкокалиберных, сигнальных патронов и капсулей «жевело».

Тут-то КГБ и разыграло провокацию.

...В 1996 г. в Москве вышла книга бывшего начальника 5 Главного управления, а затем и первого заместителя председателя КГБ СССР Филиппа Бобкова «КГБ и власть».

¹ «Известия», 19.09.1990 г.

Любопытно, что бывший шеф советской политической полиции («охранки») вскоре после отставки поступил на службу к новоявленному олигарху В. Гусинскому, заведовал службой охраны группы «Мост». В своей книге Ф. Бобков явно приукрашивал роль и место КГБ в советской действительности.

Вот как прокомментировал некоторые пассажи из книги «КГБ и власть», относящиеся к теме нашего исследования, бывший подчиненный Ф. Бобкова по 5-му управлению подполковник Александр Кичихин:

«На словах, на всевозможных совещаниях... нам постоянно внушали, что провокации – это методы западных спецслужб, и нам запрещено использовать этот прием. Однако на практике он был обиходным в работе органов госбезопасности. Вот примеры, хорошо известные мне. 1990 г., город Ковров, завод по производству оружия. В КГБ поступила информация, что некоторые работники завода торгуют оружием. Тогда всюду поыхал армяно-азербайджанский конфликт, сведения казались очень убедительными, но выйти на торговцев и покупателей не удалось. И поступили следующим образом. Среди рабочих завода нашли нескольких агентов госбезопасности, которые и выступили в роли продавцов. Они чуть ли не по улицам ходили, предлагая купить оружие. Естественно, в скором времени покупатели нашлись. Во время сделки и те, и другие были арестованы. Об этой операции в газете «Правда» была большая публикация, а также снят телевизионный фильм, который шел по Центральному телевидению. Однако когда мы смотрели этот фильм до показа, все без исключения пришли к выводу, что это провокация, которая была осуществлена для того, чтобы показать оперативную работу органов госбезопасности»¹.

Впрочем, А. Кичихин тоже не договаривал. Ибо продавцами выступили именно оперативники КГБ, которые сами вышли на командированного в Москву начальника управления снабжения «Армагзпрома» Г. Асряна. Они предложили ему продать мебель, которую он собственно и должен был закупить в столице для пансионата «Армагзпрома», переданного потерявшим кров и имущество беженцам из Баку. Но в день сделки в фургон с мебелью были предварительно подброшены несколько мешков с оружием иностранного производства (пистолеты-пулеметы «Томпсон» и пистолеты «Вальтер»), взятым «напрокат» из арсеналов подмосковного КГБ в городе Ногинске. Таким образом, собственно сами ковровские похитители оружия послужили лишь затравкой для крупномасштабной, но примитивной провокации госбезопасности.

Автор этой книги, будучи в описываемый период московским корреспондентом газеты «Советский Карабах», неоднократно бывал на судебных заседаниях в Коврове, общался с адвокатами обвиняемых. Кстати, один из адвокатов, Валентин Бакланов, сам в прошлом был следователем по особо важным делам КГБ СССР и знал, как говорится, всю кухню изнутри. Судебный процесс вскрыл многочисленные подтасовки и накладочки в ходе следствия. По итогам журналистского расследования мною был подготовлен материал для журнала «Столица», вышедший в свет как раз в дни августовского путча 1991 г.²

¹ «Генерал КГБ и его правда», «Известия», 17.04.1996 г.

² Арсен Мелик-Шахназаров. «Подлог. Как сфабриковали «армянское дело» в Коврове», «Столица», № 29 (35), 1991 г.; <http://www.press.karabakh.info>

Вскоре после путча дело «спустили на тормозах», а обвиняемых выпустили, «приговорив» их к уже отбытому в СИЗО сроку. Но сколько информации, статей, телесюжетов и репортажей было придумано, написано, разыграно и показано по всей стране, чтобы лишний раз запугать советских граждан жупелом «армянского терроризма»!

В этом КГБ преуспел задолго до карабахских событий. Известно, что в январе 1977 г. в московском метро прозвучала серия взрывов, погибли и были ранены люди. В этом преступлении были обвинены четверо жителей Армянской ССР – членов подпольной организации, выступавшей за выход республики из состава Советского Союза. Обвинение было явно сфабриковано, ибо все подсудимые имели алиби, подтверждаемые многочисленными свидетелями. Но их осудили и приговорили к расстрелу. При этом приговор был приведен в исполнение подозрительно быстро, вопреки всем действовавшим нормам и законам.

В защиту осужденных выступили тогда многие правозащитники, включая академика Андрея Сахарова, подвергшегося за это выступление очередной кампании травли в советской прессе¹. Позже, уже в постсоветское время, в прессе появились публикации, в которых процесс в отношении армянских антисоветчиков прямо назывался сфабрикованным от начала и до конца. КГБ-ФСБ так ни разу и не опровергли эти утверждения.

Очевидно, что взрывы в метро были лишь предлогом для расправы с активистами движения за выход Армянской ССР из состава Советского Союза. Власти СССР всегда подозрительно относились к республике, где чуть ли не каждый третий имел родственников за рубежом. Советская же пропагандистская машина на протяжении всех лет советской власти вбивала в голову жителей Армянской ССР, что физическое существование республики возможно лишь в рамках СССР: иначе ее сразу же «сожрут» турки. Оттого ростки идеологии независимости в этой республике были особенно нетерпимы для Кремля.

Очевидно и то, что процесс над армянскими диссидентами был просто сказочным подарком Гейдару Алиеву и его команде, ибо позволял на законных основаниях усилить борьбу с «дашнаками и армянским национализмом» в Азербайджанской ССР. То есть ускорить удушение Нагорного Карабаха и окончательно тюркизировать «армянское Косово» – Нахичевань.

Учитывая упомянутые тесные связи Гейдара Алиева со свояком Л. Брежневым, бывшим шефом КГБ АзССР, впоследствии заместителем председателя КГБ СССР Семеном Цигуном, а через него и с председателем КГБ Юрием Андроповым, нетрудно предположить, что по всем этим линиям имела место координация деятельности.

Не случайно многие исследователи отмечали, что ставший Генсеком ЦК КПСС «либерал» Андропов развернул кампанию по борьбе с коррупцией, которая благополучно обошла стороной Азербайджанскую ССР. Да и сам Гейдар Алиев вполне процветал при Генсеке из КГБ.

Любопытно, что в годы карабахского конфликта и после него сфабрикованная версия о взрывах в метро неоднократно всплывала в разного рода передачах и документальных фильмах, которые с подозрительной регулярностью прокручивались по каналам российского телевидения. Так, например, в 1997 г. такой фильм показывали дважды, причем второй раз аккуратно накануне визита президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева в Москву.

¹См. например: «Позор защитникам убийц», «Известия», 07.02.1979 г.

В феврале 2004 г., сразу после взрыва на московской станции метро «Автозаводская», повлекшего за собой многочисленные жертвы, в газете «Московский комсомолец» появилась заметка известного своими контактами с азербайджанскими спецслужбами журналиста Александра Будберга. В ней высказывалось провокационное предположение о возможном «армянском следе» во взрыве в метро: дескать, таким вот образом армяне могли «отсалютовать» к приезду в Москву с официальным визитом президента АР Ильхама Алиева-младшего¹.

Любой человек, занимающийся вопросами идеологии, скажет вам, что подобные информационные провокации не бывают случайными, не связанными друг с другом.

Однако вернемся к последним годам существования СССР. Нет никакого сомнения и в том, что в период обострения ситуации «в Нагорном Карабахе и вокруг него» действовала сильная коррупционно-мафиозная связка по линии КГБ АзССР-КГБ СССР, доставшаяся руководителям АзССР в наследство от Гейдара Алиевича.

В 1989–1991 гг. КГБ АзССР возглавлял бывший комсомольский лидер республики Вагиф Гусейнов, человек последнего секретаря ЦК и первого президента Азербайджанской ССР Аяза Муталибова. После отставки Муталибова он перебрался вместе с ним в Москву, где и возглавляет ныне один из бесчисленных политологических центров.

В 2000 г. руководитель Исполнительного аппарата президента Азербайджанской Республики Рамиз Мехтиев, разоблачая «антиалиевскую» деятельность В. Гусейнова в офисе «Бакинский рабочий», упомянул кое-какие интересные детали. А именно:

«7 октября 1989 г. приказом председателя КГБ республики Вагифа Гусейнова была создана так называемая «Кризисная группа», которая состояла из 12 офицеров различных подразделений комитета. Возглавлял ее Владимир Мирзоев — начальник 5-го отдела (славянское или христианское имя у этнического азербайджанца почти стопроцентно свидетельствовало о его неазербайджанской матери — прим. автора). Официально в задачу группы входила организация целенаправленной «работы по выявлению, предупреждению и нейтрализации враждебных действий противника, подготовки упреждающей информации в инстанции и КГБ СССР». Нельзя не заметить трафаретный характер этой формулировки, которой обычно как подом пользовались в органах безопасности. Материалы следствия по «Кризисной группе» показывают, что в действительности круг ее действий был значительно шире и выходил далеко за пределы того, что определялось приказом. Провокации, взрывы, поджоги квартир, покушения с целью убийства — таков неполный перечень дел, которыми занималась эта группа»².

Думается, обвинения в адрес В. Гусейнова в «антиалиевщине» со стороны Р. Мехтиева носят чисто ритуальный характер. Ведь совершенно очевидно, для борьбы с каким таким «противником» создавалась «кризисная группа» КГБ АзССР в октябре 1989 г. в разгар блокады Нагорного Карабаха и Армянской ССР, многочисленных провокаций и нападений на армянские села, транспорт. В тот самый момент, когда азербайджанские власти решили временно и неявно отступить от политики «послушания», выдвинув на первый

¹«Московский Комсомолец», 07.02.2004 г.; см. также А. Андреасян, «Комсомолец» Будберг и азербайджанские фрукты», «Ноев ковчег», № 3, март 2004 г.

²«Бакинский рабочий», 24–25.02.2000 г.

план «плохих парней» из Народного фронта. Скорее всего, люди именно из этой группы осуществили многие теракты в НКВД, в том числе и расстрел воинского наряда в Степанакерте 24 мая 1990 г.

Обращает на себя внимание и то, что во главе «Кризисной группы» КГБ АзССР, созданной для осуществления диверсий и провокаций против карабахских армян, стоял начальник 5-го отдела КГБ АзССР, то есть младший коллега бывшего всесоюзного шефа политической полиции Филиппа Бобкова. Неужели и это тоже случайное совпадение?

Наконец еще одна деталь, свидетельствующая о тесных связях бывшего шефа КГБ СССР, «гэкачеписта» Владимира Крючкова и шефа КГБ АзССР, «комсомольца» Вагифа Гусейнова.

Газета «Время новостей» в конце октября 2007 г. сообщила о письме «бывших руководителей КГБ СССР», призывающих российских силовиков к прекращению конфронтации (противостояние между ФСБ и Госнаркоконтролем спровоцировал арест генерала А. Бульбова)¹.

Письмо подписали бывший председатель КГБ СССР Владимир Крючков, бывший председатель КГБ Азербайджанской ССР Вагиф Гусейнов и несколько неназванных бывших начальников управлений КГБ СССР. Думается, если по истечении стольких лет политэмигрант Гусейнов подписал совместный документ с бывшим начальником – шефом КГБ СССР, то это, как минимум, свидетельствовало об их прежних личных связях.

Вышеприведенных фактов, видимо, вполне достаточно, чтобы уяснить, какие мощные силы в Москве поддерживали в 1988–1991 гг. националистическое руководство Баку не только по политическим мотивам, но и исходя из тесных личных связей.

Между тем, создание образа врага в лице армян и постоянное муссирование темы «армянского экстремизма» логично предшествовало дальнейшим шагам руководства Азербайджанской ССР и Кремля по подавлению карабахского освободительного движения и силовому удержанию в советском пространстве начавшей дрейф к независимости Армянской ССР. Этими шагами стали массовые депортации армянского населения из окраинных регионов Нагорного Карабаха, чья территория зримо и ускоренно сжималась с начала кризиса 1988 г.

Глава 13

ГНЕВ И ПЕПЕЛ: ОПЕРАЦИЯ «КОЛЬЦО»

«Сталин был последним руководителем страны до Горбачева, осуществлявшим массовые депортации народов. Сейчас вновь начинается подобное... и нынешний руководитель государства даже не пытается оправдаться»

Андрей Мальгин, главный редактор журнала «Столица», из выступления на митинге в Москве 20 мая 1991 г.

«У Горбачева нет моральных ориентиров, чаще всего он делает ошибки не по какому-то злему умыслу, а потому, что он искренне не знает, что хорошо и что плохо...»

Галина Старовойтова,
«Независимая газета», 30 июля 1991 г.

Однозначно встав в 1990 г. на позиции выказывавшего внешнюю лояльность Кремлю руководства Азербайджанской ССР, политическое руководство СССР во главе с президентом М. Горбачевым предпринимало все новые и новые шаги по удовлетворению националистических амбиций Баку. Кремль одновременно оказывал давление на Ереван, где к власти пришли антикоммунистические силы, чья не в меру поспешная и во многом непродуманная политика «десоветизации» Армянской ССР драматически осложнила обстановку в Нагорном Карабахе.

Ситуация усугублялась ангажированностью, а то и коррумпированностью и продажностью значительной части военно-политического руководства внутренних войск МВД СССР и дислоцированной в АзССР 4-й Армии вооруженных сил СССР. Часть этих людей всячески ублажались материально, иные избирались депутатами, делегатами от АзССР на различные партийные съезды, даже вводились в состав ЦК КП Азербайджана.

В апреле-августе 1991 г. отряды и части ОМОН и МВД АзССР совместно с внутренними войсками МВД СССР и частями и подразделениями 4-й Армии (23-я дивизия, дислоцированная в г. Кировабаде) предприняли крупномасштабную военно-полицейскую операцию «Кольцо» по частичной депортации армянского населения Нагорного Карабаха. Операция «Кольцо» стала первым со времен сталинских депортаций народов насильственным выселением больших масс людей исключительно по этническому признаку, санкционированным Кремлем.

Уже само название операции свидетельствовало о ее карательном характере. Армянские села поочередно брались в кольцо внутренними войсками МВД СССР и армейской бронетехникой, поддерживаемой артиллерией и авиацией. Затем азербайджанские ОМОН и милиция входили в эти села якобы для «проверки паспортного режима», а на деле – для убийств, разбоя, грабежа, поголовного террора против армянского населения

¹«Время новостей», 31.10.2007 г.

с целью его деморализации и последующей депортации. Наиболее ценное имущество депортируемых присваивалось офицерами МВД и азербайджанским ОМОНОм. Затем села отдавались на разграбление мародерам из соседних районов, которые тысячами следовали за войсками и ОМОНОм на грузовиках, лошадях, ослух и пешим ходом.

Все это варварство и незаконные прикрывалось информационной блокадой и лживой пропагандистской кампанией Баку и Кремля, однако всю правду скрыть не удалось благодаря самоотверженности журналистов и изменениям, произошедшим в России после фактического прихода к власти Бориса Ельцина.

Операция «Кольцо» резко повысила уровень напряженности в регионе и бесповоротно перевела карабахский конфликт в новое – военное – измерение.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ В ВОЙНЕ ЗАКОНОВ

В предыдущих главах мы неоднократно обращались к основополагающим решениям и постановлениям, принятым органами власти НКАО, СССР, Азербайджанской и Армянской ССР по вопросу статуса Нагорного Карабаха. Напомним о них.

20 февраля 1988 г. – решение внеочередной сессии Совета народных депутатов НКАО «О ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджанской ССР и Армянской ССР о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР».

15 июня: Верховный Совет Армянской ССР дал согласие на вхождение НКАО в состав Армянской ССР (на основе статьи 70 Конституции СССР).

17 июня – Постановление ВС АзССР «О ходатайстве депутатов Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР», в котором одобрялось Постановление Президиума ВС АзССР от 13 июня о неприемлемости передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР. В постановлении содержалась ссылка на статью 78 Конституции СССР, в соответствии с которой территория союзной республики не могла быть изменена без ее согласия.

12 июля – решение восьмой сессии Совета народных депутатов НКАО «О провозглашении выхода Нагорно-Карабахской автономной области из состава Азербайджанской ССР».

18 июля – Постановление Президиума Верховного Совета СССР «О решениях Верховных Советов Армянской ССР и Азербайджанской ССР по вопросу о Нагорном Карабахе», в котором говорилось о невозможности изменения границ республик в соответствии со статьей 78 Конституции СССР.

1 декабря 1989 г. – совместное Постановление ВС Армянской ССР и Национального совета Нагорного Карабаха «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха».

Другие решения по Нагорному Карабаху, принятые органами власти СССР, Армянской и Азербайджанской ССР, носили промежуточный характер, не затрагивая вопроса статуса НКАО.

К ним, в частности, можно отнести Указ Президиума ВС СССР от 12 января 1989 г. о введении в НКАО особого управления; Постановление ВС СССР от 28 ноября 1989 г. «О

мерах по нормализации обстановки в Нагорно-Карабахской автономной области»; Постановление Президиума ВС АзССР от 4 декабря того же года «О мерах по нормализации обстановки в НКАО» и т.д.

Отдельные решения Кремля также давали оценку тем или иным актам, затрагивающим статус НКАО. Таким было Постановление Президиума ВС СССР от 10 января 1990 г. «О несоответствии Конституции СССР актов по Нагорному Карабаху, принятых Верховным Советом Армянской ССР 1 декабря 1989 г. и 9 января 1990 г.».

Фактически никаких решений по статусу НКАО и других армянских территорий Нагорного Карабаха после 1 декабря 1989 к весне 1991 г. принято не было, и каждая сторона продолжала оставаться на своей позиции.

Между тем, в конце 1989 – начале 1990 гг. коммунистическая империя СССР все больше стояла перед угрозой распада. Было очевидно, что первыми независимость объявят республики Прибалтики, чье вхождение в СССР накануне Второй мировой войны и вовсе не признавалось законным Западом, который с началом процесса суверенизации оказывал все большую морально-политическую поддержку Литве, Латвии и Эстонии.

В целом, исходя из необходимости сохранения СССР, Кремль шел на серьезные уступки союзным республикам, принимая все новые законодательные акты, которые укрепляли суверенитет и права республик в ущерб автономным образованиям.

Так, например, в «Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о земле», проект которых был опубликован в печати в конце 1989 г., право распоряжаться землями фактически отводилось лишь союзным и в малой степени автономным республикам. Автономные области и округа были практически лишены права распоряжаться своими землями: в их распоряжении оказывались лишь пахотные земли. На примере НКАО это означало, что горбачевская «либерализация и самоуправление» лишали автономную область права распоряжаться 150 тыс. га лесов, Сарсангским и Мадагисским водохранилищами с их правобережными и левобережными каналами и прилегающими к ним землями, отнесенными к землям водного фонда, и т.д.¹

Аналогичная политика велась и в области политической, то есть партийной, поскольку «руководящей и направляющей» силой в стране официально оставалась КПСС. Народный депутат СССР от НКАО, секретарь Мардакертского райкома партии В. Габриелян, говорил в интервью областной газете о проекте платформы КПСС «Политика партии в современных условиях»: «Наряду с предоставлением союзным республикам широких прав сведены к минимуму и без того ограниченные права автономных образований»².

То есть тенденция была повсеместной: вместо расширения прав местных органов власти и автономных образований происходило перераспределение прав в пользу союзных республик, становившихся этими «мини-эсэсэсерами».

Однако страх перед распадом СССР заставил Кремль предпринять и шаги по предупреждению или ограничению возможных действий союзных республик, направленных на выход из состава Союза.

¹«Советский Карабах», 27.12.1989 г.

²«Советский Карабах», 08.09.1989 г.

3 апреля 1990 г. был принят Закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», регламентирующий порядок выхода союзной республики, проведения с этой целью референдума и т.д. Статья 3 закона гласила:

«В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе.

В союзной республике, на территории которой имеются места компактного проживания национальных групп, составляющих большинство населения данной местности, при определении итогов референдума результаты голосования по этим местностям учитываются отдельно»¹.

Таким образом, практически все республики, покидая СССР, должны были или, во всяком случае, могли отказаться от целого ряда своих приобретенных в советский период территорий. Из всех 15 республик разве только Армянская ССР, не имевшая в своем составе ни автономий, ни районов с преобладающим инациональным населением, могла вполне на законном основании покинуть Советский Союз. Что, собственно говоря, и было сделано в марте-сентябре 1991 г. в полном соответствии с законодательством СССР.

Ясное дело, что закон от 3 апреля 1990 г. предназначался отнюдь не для Нагорного Карабаха, а для республик Прибалтики, которые уже тогда предпринимали шаги по провозглашению независимости от Союза ССР. Тем не менее в сентябре-декабре 1991 г. Нагорный Карабах воспользовался именно этим законом для легального выхода из состава бывшей Азербайджанской ССР, избегав какого-либо законодательного конфликта в этих процедурах, о чем будет подробнее сказано в следующей главе.

Для Баку с новой силой встал вопрос необходимости фактической ликвидации НКАО и Шаумянского района, которые, в соответствии с законом от 3 апреля 1990 г., получили вполне реальную возможность на основании советского законодательства распрощаться с Азербайджанской ССР в случае реализации последней своего конституционно-го права выхода из СССР.

Более того, в умах азербайджанских руководителей даже замаячила перспектива проглотить армянский Зангезур. При проведении военной операции в приграничье Баку полагал убедить Центр в важности возвращения азербайджанского населения в отдельные районы Армянской ССР, где они ранее составляли значительный процент или даже большинство сельского населения. Ведь если армянский Нагорный Карабах, по логике Кремля, после принятия закона от 3 апреля 1990 г. был сдерживающим фактором в вопросе выхода Азербайджанской республики из состава СССР, то в Республике Армения симметричного сдерживающего фактора не существовало.

Эти обстоятельства заставили Баку усилить репрессии и ускорить подготовку карательных операций по депортации армян из Нагорного Карабаха. Благо силы и средства для этого были как в распоряжении собственно Баку, так и поддерживавших его советских войск.

ГОРЫ И ОРУЖИЕ

После нападений в январе 1990 г. вооруженных банд НФА на карабахские села большинству думающих людей в Нагорном Карабахе стало ясно, что события неуклонно развиваются в направлении все нарастающего вооруженного противостояния. Ровно так же, еще до введения чрезвычайного положения им было ясно, что советские внутренние войска не будут защищать армянское большинство края в критический момент.

Более того, было ясно, что эти войска служат карательным инструментом в руках Кремля и Баку. Окончательно разоружая и без того практически безоружных карабахских армян, внутренние войска становились важным механизмом шантажа со стороны Центра. Безоружное население и местная милиция не могли противостоять хорошо вооруженным отрядам НФА, переодетым официальным Баку в милицескую форму с согласия МВД СССР, и карабахцам оставалось надеяться лишь на внутренние войска. Но последние могли быть выведены Кремлем в любой момент, и разоруженные карабахцы остались бы брошенными на произвол судьбы. И такие угрозы несколько раз опосредованно озвучивались представителями центра еще со времен Комитета особого управления (КОУ).

Получалась как бы игра в одни ворота с сопутствующим политическим шантажом. Потому-то и все споры о миссии внутренних войск МВД СССР в Нагорном Карабахе в 1988–1991 гг. не имели и не имеют под собой серьезных оснований. Ибо очевидно, что определенные разъединительные функции они, конечно же, выполнили, но продолжалось это лишь до поры до времени, до очередного приказа сверху. Это было наглядно продемонстрировано в 1990 г. в карабахских селах Азад и Камо и весной-летом 1991 г. в 24 опустошенных армянских селах Нагорного Карабаха.

Вместе с тем, если бы эти самые войска не разоружали бы в одностороннем порядке карабахских армян и даже вполне официальную милицию НКАО и Шаумянского района, то азербайджанские боевые отряды и милиция вряд ли осмелились бы совершать столь наглые нападения на карабахские села, имея перед глазами печальный опыт января 1990 г.

Поэтому вполне естественно, что карабахские подпольные структуры не переставали, несмотря на все трудности, вооружаться. Однако это было сопряжено с большими трудностями не только объективного, но и субъективного характера.

После январских событий на границах с Нахичеванской АССР по Армянской ССР прокатилась мощная волна нападений на районные отделения милиции, ДОСААФ и разного рода военизированные учреждения, ВОХРы (военизированная охрана). Население, помня о невмешательстве военных в события в нахичеванском приграничье на их первом этапе, когда отряды НФА имели определенный успех, однозначно потеряло надежду на советские войска. Ввозили оружие, боеприпасы и извне: покупали в России и других республиках и везли поштучно или маленькими партиями в поездах, грузовых фургонах. Наконец, на ряде заводов было налажено подпольное производство самодельных, подчас и серийных видов вооружения, включая пистолеты-пулеметы, ручные гранатометы и переносные минометы.

¹Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1990, № 15. С. 252

К лету 1990 г. в Армянской ССР насчитывались десятки военизированных неформальных группировок, располагавших немалым арсеналом. Среди членов этих группировок были и романтики-патриоты, и жители беспокойного приграничья, а порой просто откровенные авантюристы. Но наивно было полагать, что все это оружие предназначалось для борьбы с «внешним противником». Не меньшая, если не большая, часть его изначально предназначалась для внутренних разборок и утверждения на местах тех или иных «авторитетов».

Пару лет назад автору этой книги довелось разговаривать с бывшим сотрудником то ли ГРУ Генштаба, то ли КГБ (уточнять было как-то неудобно), в 1989–1990 гг. много бывавшим в конфликтных зонах и потенциально взрывоопасных регионах Советского Союза. Бывал он в командировках в Прибалтике, на Западной Украине и, естественно, во всех трех союзных республиках Закавказья. Посещал Баку, Ереван, но до Карабаха не добрался. В разговоре мой визави сказал, что много оружия ввозилось тогда в Армянскую ССР, и выразил мнение, что все оно потом переправлялось в Карабах.

Мой вопрос, — а почему он так уверен в этом, — поставил его почти в тупик: дескать, а как же иначе? Подобное ошибочное мнение было свойственно тогда многим и являло собой типичный пример имперского «верхоглядства», которое подразумевало, что все национальные меньшинства и республики одинаково монолитны, когда речь заходит о консолидации в деле отстаивания национальных интересов.

Между тем, на деле в Нагорный Карабах попадала лишь малая часть этих арсеналов.

Доказательством тому являются заявления не кого иного, как военного коменданта района чрезвычайного положения НКАО и прилегающих районов АзССР генерал-майора Владислава Сафонова. В июле 1990 г., в интервью газете МВД «Сын Отечества» (не путать с просветительской российской газетой XIX в.!) он называл следующие цифры изъятого в НКАО оружия:

«Изъято сотни килограммов взрывчатки, 256 единиц нарезного и 963 единицы гладкоствольного оружия, более 53 тысяч боеприпасов, 44 радиостанции, 180 противораковых пушек, 59 пусковых установок, 3805 снарядов и мин. На складах армянских боевиков обнаружено 139 единиц вещевого имущества, в том числе – иностранного производства»¹.

Казалось бы, впечатляющие цифры, особенно в части 180 противораковых пушек и 59 пусковых установок. Однако все орудия и пусковые установки «Алазань» были изъяты военной комендатурой у государственной противораковой службы. Вместе со снарядами к 100-мм зенитным противораковым орудиям и иным боеприпасам весь этот арсенал вывезли в Азербайджанскую ССР, где он был оприходован азербайджанскими вооруженными формированиями.

О том, как это происходило в Шаумянском районе, рассказал в интервью «Голосу Армении» бывший первый секретарь района Владимир Агаджанян: «В номере от 28 апреля газеты «Бакинский рабочий» было опубликовано сообщение «В Совете министров Азербайджанской ССР». В нем говорилось о необходимости изъятия градобойных установок, чтобы пресечь их употребление в преступных целях. Казалось бы, должны быть убраны

¹«Трагедия может повториться», «Сын отечества», № 21, 1990 г.; «Бакинский рабочий», 15.07.1990 г.

градобойные установки в Ханларском районе, откуда были обстреляны армянские села Геташенского подрайона, а также в селе Шафаг нашего района, куда боевики НФА в январе подвозили снаряды с целью использовать против сел Шаумянского района. Однако...

Эта же газета 13 мая дала информацию пресс-группы МВД АзССР о том, что «в ночь с 5 на 6 мая силами милиции и войскового наряда на территории Шаумянского района в ходе оперативных мероприятий обнаружены и изъяты 16 градобойных орудий»... Градобойные орудия находятся там, где им положено находиться, «обнаружить» их никакого труда не составляет, так как точки их дислокации всем известны, и из них никаких выстрелов не было произведено»¹.

Далее выясняется, что подавляющая часть взрывчатки была вывезена военными с каменных карьеров по производству камня-кубика, где она использовалась в производственных целях. Что, кстати, одновременно преследовало цель подорвать и без того небольшие мощности местных стройорганизаций.

Наконец, в своем интервью В. Сафонов умолчал, за какой период изъяты перечисленные им вооружения. Тем самым он делал нехитрую подтасовку: выдавал все сданное населением НКАО на временное хранение или отобранное с сентября 1988 г. (когда было введено особое положение и комендантский час) гладкоствольное охотничье оружие за будто бы изъятое в ходе спецопераций в населенных пунктах в январе-июле 1990 г.

Действительно, если просмотреть сообщения военного коменданта, опубликованные в областной газете «Советский Карабах» в феврале-июне 1990 г., то в них не найти информации об изъятии и десятой доли от количества огнестрельного оружия, указанного генералом в интервью «Сыну отечества». Из упомянутых В. Сафоновым 256 единиц нарезного оружия подавляющее большинство составляло штатное вооружение. Прежде всего, изъятые военной комендатурой у карабахских органов МВД еще осенью 1989 г. автоматы Калашникова (не случайно Сафонов не сказал отдельно про автоматическое оружие!), а также реквизированные трехлинейки, карабины и наганы ВОХРа, «мелкашки» ДОСААФ и областного спортклуба.

Как видим, на долю оружия, реально изъятого у карабахцев при обысках за полгода чрезвычайного положения, оставался сущий мизер. Совсем не впечатляли и 139 единиц вещевого имущества, даже если некоторые, как особо подчеркнул генерал Сафонов, были иностранного производства!

Да и что означали все эти цифры в целом в сравнении с вооружением нескольких тысяч вчерашних боевиков НФА – азербайджанских омоновцев, расквартированных в НКАО и соседних с ней азербайджанских районах?

Ведь отбирая остатки оружия у карабахских армян, разоружая местную милицию, Кремль одновременно щедро одаривал оружием МВД Азербайджанской ССР.

В марте 1991 г. газета «Республика Армения» – официоз новой армянской власти, опубликовала скандальный материал для служебного пользования. В нем приводились данные о распределении из Закавказского управления материально-технического и военного снабжения внутренних войск МВД СССР вооружений и боеприпасов для министерств внутренних дел Азербайджанской ССР и Армянской ССР с января по середину марта 1991 г.²

¹«В кольце дезинформации», «Голос Армении», 02.10.1990 г.

²«Республика Армения», 19.03.1991 г.

В соответствии с этим реестром за указанный период МВД СССР было передано МВД АзССР и АрмССР соответственно: автоматов – 610 и 0 единиц; пистолетов – 462 и 0 единиц; снайперских винтовок – 20 и 0 единиц; карабинов – 47 и 0 единиц; боевых патронов – 1,5 млн и 90 тыс. штук; бронежилетов и прочих средств индивидуальной защиты – 1150 и 50 штук соответственно. Воистину, говорящие цифры!

Московская газета «Коммерсантъ» уже в ходе операции «Кольцо» по депортации армян из Нагорного Карабаха опубликовала документ о вооружении ОМОН МВД АзССР¹.

В соответствии с этим общая численность подразделений азербайджанского ОМОНа составляла 12 500 человек. Наряду с отрядами союзного и республиканского подчинения, 8 тыс. составляли отряды милиции самообороны, созданные практически во всех районах АзССР, подчиненные местной милиции и финансируемые за счет местных бюджетов.

На вооружении азербайджанского ОМОНа состояло: автоматов АКМ 7,62 мм – 3500 единиц; автоматов АК 5,45 мм – 2000 единиц; пулеметов РПК 7,62 мм – 120 единиц; пулеметов ротных ПК 7,62 мм – 90 единиц; винтовок снайперских СВД – 60 единиц; пистолетов Макарова 9 мм – 4000 единиц; пистолетов Стечкина 9 мм – 350 единиц. По всем видам выдано по 2,5 боекомплекта на ствол.

Имелась и бронетехника: БТР 60-ПБ и БТР-70 – 15 единиц; БРДМ-1, БРДМ-2 – 6 единиц; БТР-152 – 11 единиц; танков Т-54 – 18 единиц.

Техника поступила из воинских частей 52682-А ГУБТТ ВС, ремонтного завода г. Николаева (Украина), в/ч 5457 ВВ МВД СССР (Ереван), в/ч 64161 и в/ч 55376 (Тбилиси) по распоряжению МВД СССР и ГУМТ вооруженных сил СССР.

Боевая техника была сосредоточена в городах Агдам, Лачин и Ильичевск (бывший Норашен в Нахичеванской АССР).

Отметим, что на вооружении внутренних войск МВД СССР гусеничной бронетехники, а тем более танков, не состояло вовсе. То есть азербайджанские отряды милиции особого назначения лишь по названию были милицейскими частями и подразделениями. По сути, это была настоящая армия со своей бронетехникой. А как свидетельствовал поздней осенью 1991 г. военный корреспондент «Известий» В. Белых, «по словам очевидцев, на вооружении милиции города Агдама есть уже и тяжелая артиллерия»².

Имелось у азербайджанского ОМОНа и 3 вертолета Ми-8Т без опознавательных знаков, с национальной символикой (полумесяц и восьмиконечная звезда), два из которых принадлежали до того Агрпрому и один – Управлению гражданской авиации АзССР. Вертолетная база – в 40 км от Лачина.

В НКАО и прилегающих районах основными пунктами постоянного базирования подразделений ОМОНа были: аэропорт Степанакерта – 150 человек, село Ходжалу – 200, город Шуша – 350, село Малибейли – 200, поселок Лесной – 70, город Агдам – 350, город Лачин – 400, город Физули – 250, Бишатул – 100 человек. Это далеко не полный список.

Отряды ОМОНа часто перебрасывались с места на место, бойцы проходили «обкатку» в НКАО, где они занимались нападениями на армянские села, угонами скота, похищениями и убийствами граждан.

¹ «Почему в Азербайджане нет боевиков?», «Коммерсантъ», 20.05.1991 г.

² «Известия», 18.11.1991 г.

Напомним, что в самом армянском Нагорном Карабахе, то есть в НКАО, Шаумянском районе и селах Геташен и Мартунашен соседнего Ханларского района, было дислоцировано до 6 тысяч военнослужащих внутренних войск, курсантов и спецназа МВД СССР. В регионе также были дислоцированы на постоянной основе: кадрированный мотострелковый полк 23-й дивизии 4-й армии вооруженных сил СССР, выделявший в помощь внутренним войскам гусеничную бронетехнику с экипажами для блокпостов; батальон химзащиты в Степанакерте; погранотряд в райцентре Гадрут, близ советско-иранской границы.

Весь этот внушительный контингент союзных МВД и армии не имел приказа защитить карабахцев перед лицом набегов тысяч вооруженных до зубов азербайджанских ОМО-Новцев – вчерашних членов боевых отрядов НФА, а подчас и просто бывших уголовников.

На фоне этих цифр становится ясным, что противостоять столь внушительным силам с охотничьими ружьями, самодельным оружием и единичными автоматами было практически невозможно. Тем не менее сопротивление возрастало. Политика государственного терроризма в отношении карабахцев со стороны Баку и советского руководства порождала обратную реакцию. И было бы наивно полагать, что в этих условиях карабахские армяне могли проявлять какую-либо политкорректность в отношении терроризирующих их сил.

Стали предприниматься акции возмездия в отношении жителей азербайджанских сел, с территории которых производились набеги на соседние армянские населенные пункты с целью похищения и убийства граждан армянской национальности.

Так, в 1990–1991 гг. из прилегающих к Степанакерту нескольких азербайджанских сел – Малибейли, Джамиллу и других – участились нападения на работающих на пригородных огородах жителей областного центра. Так погиб и отец моего коллеги – начальника отдела информации газеты «Советский Карабах» Вилена Бахшияна, зверски убитый азербайджанцами из Малибейли на своем огороде в пойме реки Каркар.

Со стороны села Джамиллу (бывшего армянского села, в 1963–1964 гг. выселенного под предлогом строительства на сельской территории водопровода) в июне 1990 г. был застрелен выстрелом из ружья на своем огороде Николай Багдасарян, а 7 декабря на той же окраине города без вести пропал Николай Галстян; следы вели в ту же деревню. Буквально через несколько дней после второго убийства возвращавшийся с фермы грузовой автомобиль с жителями Джамиллу был обстрелян из автоматического оружия с двух нагнавших его мотоциклов; два человека были убиты, еще несколько ранены. После этой акции инцидентов со стороны Джамиллу на окраине областного центра больше не отмечалось.

Все чаще отмечались случаи нападений на азербайджанских милиционеров-омоновцев, среди которых все больше становилось убитых и раненых. Участились и обстрелы блокпостов, азербайджанских автоколонн, сопровождаемых нарядами внутренних войск.

11 июля 1990 г. на горном участке шоссе Мир–Башир–Мардакерт–Кельбаджар из засады на лесистом горном склоне была расстреляна азербайджанская автоколонна, сопровождаемая нарядом внутренних войск. Три человека были убиты, среди них заместитель начальника Кельбаджарского РОВД и рядовой внутренних войск Сергей Мезенцев. Это был первый военнослужащий, погибший от рук карабахских партизан с начала конфликта. 24 человека, в том числе трое военнослужащих, были ранены. Лишь счастливая случайность спасла остальных от направленного взрыва, который мог обрушить на колонну горный склон. Нападавшие скрылись.

То там, то сям обеими сторонами взрывались мосты, минировались дороги, устраивались засады.

Азербайджанские омовцы, начиная с конца 1990 г., предприняли несколько попыток прямого захвата ряда армянских сел, на подступах к которым произошли настоящие бои, были убиты и ранены с обеих сторон.

Учитывая, что спецгруппы азербайджанского КГБ подчас сами организовывали нападения на военнослужащих в целях столкнуть внутренние войска и армянское население, иногда трудно было понять, кто на деле являлся автором той или иной акции против военных.

Так, с января 1991 г. подозрительно часто нападения, обстрелы блокпостов и воинского автотранспорта стали происходить в Шушинском районе НКАО, в основном на участках, контролируемых азербайджанской администрацией и ОМОНОм. В сводках военной комендатуры эти нападения однозначно приписывались армянской стороне и раздувались в центральной прессе. Вместе с тем убийства мирных жителей часто попросту замалчивались как комендатурой района, так и СМИ.

Особо показательным стал день 9 января 1991 г., когда погибли сразу 8 человек. На границе Шушинского района НКАО с соседним Лачинским районом была расстреляна машина УАЗ, в которой находились трое военнослужащих – подполковник Олег Ларионов, майор Игорь Иванов, сержант-водитель Иван Гоек и корреспондент газеты «Молодежь Азербайджана» Салатын Аскерова. Зона, где это произошло, находилась под контролем азербайджанской стороны, но недалеко от нее были и армянские села Бердадзора.

Хотя нападавшие установлены не были, в азербайджанских и центральных СМИ широко раскручивалась тема «армянских экстремистов». Между тем, после гибели командира дислоцированного в Лачинском районе разведбатальона 23-й (Кировабадской) дивизии его место занял заместитель командира – азербайджанец по национальности.

В тот же день в Мартунинском районе НКАО толпа азербайджанцев напала на проезжавший через село Карадаглы автомобиль из соседнего армянского села Кагарци. Машина направлялась в роддом райцентра Мартуни, в ней, кроме водителя, были беременная женщина, ее муж и еще один сельчанин. Шоферу удалось убежать, а 19-летняя роженица Анжела Григорян с так и не увидевшим свет ребенком, ее муж Леонид Гаспарян и родственник Самвел Антонян были расстреляны на месте.

Исполнители этой зверской расправы были известны, следственной группой МВД СССР было начато следствие. Но сообщений о втором за тот день трагическом инциденте не было ни в средствах массовой информации, ни в сводках военной комендатуры!

А 12 января близ развилки дорог Шуша–Степанакерт и Красный Базар–Степанакерт, в контролируемой азербайджанцами пригородной зоне Шуши, опять-таки «неизвестными» был обстрелян военный автомобиль, погиб полковник В. Григорьев. Военные же «сорвали злость» на вскоре появившемся на той же развилке «МАЗе», направлявшемся в областной центр из Мартунинского района. Солдаты обстреляли грузовик без требования остановиться или предупреждения; в результате были убиты водители С. Мартиросян и Л. Егян.

Всего же, как сообщала газета «Советский Карабах», лишь с 1 по 12 января 1991 г. в НКАО было убито 14 человек, в том числе четверо военнослужащих¹.

¹«Советский Карабах», 17.01.1991 г.

Как подчеркивалось в обращении народных депутатов ССР от НКАО в адрес руководства СССР, очередное обострение обстановки произошло после предложения президента СССР М. Горбачева «о рассмотрении вопроса о Нагорном Карабахе на одном из очередных заседаний обновленного состава Верховного Совета СССР»¹.

Если за весь 1990 г. в районе чрезвычайного положения НКАО было убито 57 человек, то лишь за первые три месяца 1991 г. – уже 50 человек².

Утром 8 апреля 1991 г. в Ростове-на-Дону возле жилого дома внутренних войск МВД СССР, при посадке в служебную машину был застрелен замначальника Управления внутренних войск МВД СССР по Северному Кавказу и Закавказью полковник В. Блахотин. Исполнителями, которые вскоре были задержаны, В. Блахотин был принят за проживавшего в том же доме генерал-майора В. Сафонова, которого они и намеревались ликвидировать. Офицеры были схожи комплекцией и внешним типом. Кроме того, по стечению обстоятельств, за полковником пришла машина, которая обычно обслуживала генерал-майора.

«Анонимные организаторы теракта слепыми орудиями своей воли избрали молодых людей, которые, сколько себя помнят, плыли по воле волн. О каких-либо их нравственных качествах можно говорить лишь с большой натяжкой», – писала «Советская Россия»³.

Советская пресса, которая как всегда врала, не упомянула важную деталь. Один из готовивших покушение на генерала В. Сафонова директор нагорно-карабахского областного клуба юных техников Аюп Багманян в июле 1989 г. был награжден орденом «За личное мужество»... Указом Президиума Верховного Совета СССР за подписью Председателя ВС СССР М. Горбачева. Награжден «за мужество и самоотверженные действия, проявленные при ликвидации последствий землетрясения в Армянской ССР»⁴.

Еще раз подтвердилась старая истина, что государственный терроризм порождает ответный индивидуальный террор. Трагедия в Ростове-на-Дону заставила многих военнослужащих всерьез задуматься о связях между терактом и политикой Кремля в Нагорном Карабахе.

В октябре 1991 г. в интервью «Известиям» начальник Управления внутренних войск МВД СССР по Северному Кавказу и Закавказью генерал-майор А. Куликов говорил:

«Необъявленная война, в которую втянуты внутренние войска, не только приносит жертвы, она разлагающе действует на военнослужащих. Бегут из армии солдаты-добровольцы, не дождавшись даже формальностей, связанных с демобилизацией, – уже свыше сотни в бегах. Кто они? Герои-интернационалисты? Или... Присутствие военной силы ничего не может решить. Эта война бесперспективна»⁵.

К сожалению, эти вполне справедливые слова были произнесены осенью 1991 г., когда преступность операции «Кольцо» была очевидной, когда многие ее вдохновители из числа членов ГКЧП были под следствием, а иные, как путивший себе пулю в лоб министр внутренних дел СССР Б. Пуго, и вовсе перешли в мир иной. Зимой же и весной 1991 г. советские армия и внутренние войска были готовы исполнить любой приказ Кремля.

¹«Советский Карабах», 12.01.1991 г.

²«Советская Россия», 24.04.1991 г.

³«Месть добру. Боевики-националисты совершили террористический акт в России», «Советская Россия», 23.04.1991 г.

⁴«Советский Карабах», 03.08.1989 г.

⁵«Что скрывается за преступлением в Ростове», «Известия», 24.10.1991 г.

ОПЕРАЦИЯ «КОЛЬЦО»: КАК ЭТО БЫЛО

Весной 1991 г. ничто уже не могло остановить давно вынашиваемую азербайджанским руководством совместно с руководством МВД и КГБ СССР операцию по депортации карабахских армян. Предлогом для проведения операции была пресловутая «борьба с незаконными вооруженными формированиями», под которыми, естественно, подразумевались лишь армянские формирования, в том числе и вполне официальные милицеские подразделения. Вполне очевидно, что для Кремля операция «Кольцо» носила характер последнего предупреждения антикоммунистическим властям Армянской ССР.

Как уже упоминалось выше, после победы Армянского общенационального движения (АОД) на выборах в Верховный Совет АрмССР весной 1990 г. и фактического прихода этой силы к власти в республике был разыгран ряд провокаций, вылившихся в вооруженные столкновения с дислоцированными в республике войсками.

«Прогрессивная советская общественность», в том числе и пресловутые демократы, рьяно следившие за каждым чихом Кремля в «демократической» Прибалтике, списывала все происходящее в Закавказье на межнациональную склоку «диких кавказцев». Пресловутый советский интернационализм вновь дал сбой, обернувшись, с одной стороны, слепым преклонением перед «западной демократией», с другой – пещерными расовыми предрассудками. Оттого и многочисленные нарушения закона и основополагающих прав человека в Закавказье не вызывали, за исключением единичных случаев, особого возмущения ни в Москве, ни в Ленинграде.

К тому времени ставший уже президентом СССР М. Горбачев окончательно сбросил с себя маску миротворца. Это проявилось еще в дни XXVIII съезда КПСС – последнего в истории этой преступной организации. 12 июля 1990 г. президент-генсек с трибуны съезда, прервав ход выступлений, выступил с пространной репликой об «армянских боевиках», заявив, что «терпение азербайджанского народа небеспредельно». Тем самым он, словно попугай, повторил пропагандистские клише азербайджанского руководителя Аяза Муталибова, незадолго до того переизбранного первым секретарем ЦК КП Азербайджана на безальтернативной основе, открытым голосованием... единогласно.

Выступая на том съезде КП Азербайджана, А. Муталибов вновь пугал Кремль «заразительностью» примера Карабаха: «Непростительно, что Центр не сумел разглядеть в локальном конфликте, развязанном сепаратистами НКАО, опасность идеи перекройки границ, разрушительной для всей страны»¹.

Учитывая, что с февраля 1988 г. именно Кремль озвучивал свою позицию в отношении проблемы Карабаха как «перестройка – не перекройка», в словах азербайджанского лидера содержался плохо прикрытый шантаж в отношении Кремля и его мягкотелого вождя.

25 июля 1990 г. М. Горбачев издал Указ «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, изъятии оружия в случаях его незаконного хранения». Тут же последовал отклик из Баку: А. Муталибов заявил, что указ позволит разоружить «армянских боевиков».

¹«Банинский рабочий», 09.07.1990 г.

Указ М. Горбачева, как показали дальнейшие события, был односторонне направлен исключительно против нового руководства Армянской ССР. Последнее уже в августе 1990 г. посредством нового Верховного Совета АрмССР приняло декларацию о независимости. Этот документ не был односторонним актом провозглашения независимости, но объявлял неуклонное стремление республики к ней.

Тут же последовали вооруженные провокации со стороны азербайджанских формирований на административной границе двух республик в районе Ноемберян–Казах. А когда армянские отряды самообороны перешли в контрнаступление, в дело вмешалась Советская Армия, которая нанесла по ним удар из артиллерии и вертолетов. Вслед за этим должен был последовать ввод войск в Армянскую ССР и объявление чрезвычайного положения для свержения неугодной власти.

Однако Левон Тер-Петросян опередил Кремль. В сентябре он объявил в республике чрезвычайное положение и потребовал от бесконтрольных, не подчинявшихся властям республики группировок самораспуститься и сдать все имеющееся оружие. Что и было в целом сделано в сентябре-ноябре 1990 г. Однако оружие сдавалось не советской армии, как того хотели в Кремле, а на склады республиканского МВД¹.

Одновременно Ереван взял курс на создание собственных вооруженных сил, и как первый шаг было принято решение о прохождении местными призывниками службы в частях Советской Армии, дислоцированных на территории республики. То есть то, что уже было до того провозглашено парламентом Украинской ССР и Белорусской ССР. И что без особой рекламы, с согласия Кремля уже с начала 1990-го де-факто делалось в Азербайджанской ССР, где некоторые части и соединения 4-й Советской Армии к концу того же года уже наполовину были укомплектованы военнослужащими-азербайджанцами.

Так, в 23-й Кировабдской (Гянджинской) дивизии 4-й армии в целом более 40 % личного состава составляли азербайджанцы. В мотострелковом же полку данной дивизии, дислоцированном непосредственно в Кировабаде, их было свыше 70 %. К началу 1991 г. 23-я дивизия фактически превратилась в национальную азербайджанскую дивизию с преимущественно неазербайджанским офицерским составом, который неофициально финансируется Баку и потому выполнял все указания республиканского руководства.

Перед лицом угрозы со стороны азербайджанских формирований, официально объявленных милицией, ОМОНОм и проч., новое армянское руководство создавало новые силы, подчинявшиеся властям республики.

Такая ситуация не устраивала ни коммунистический Кремль, ни расистский режим Баку. Последний настаивал на полном разоружении соседней республики, выказывая верность идее «обновленного Союза ССР». Тем более что вскоре последовали все новые шаги Л. Тер-Петросяна и его команды, «замахнувшихся» в том числе и на собственность ЦК КП Армении и республиканского комсомола: ее новые власти вознамерились национализировать. По мере усиления подобных тенденций в Армянской ССР росла напряженность в Нагорном Карабахе и на армяно-азербайджанской границе.

1 декабря 1990 г. был назначен новый министр внутренних дел СССР. На место склонного к либерализму Владимира Бакатина был посажен консерватор Борис Пуго.

¹См., например, «Куда сдается оружие?», «Известия», 26.09.1990 г.

Ярый коммунист и советский империалист до мозга костей, денационализированный латыш Пуго, по свидетельствам знавших его, ненавидел национальные меньшинства и все их проблемы считал происками внешних и внутренних врагов коммунизма.

К тому времени министром внутренних дел Азербайджанской ССР уже был бывший заведующий отделом административных органов ЦК КП Азербайджана М. Асадов. Тот самый, который, будучи в 1987 г. руководителем Шамхорского района, устроил погром в Чардахлу, а сразу после этого пойдя на повышение в Баку, в феврале 1988-го грозил на собрании партактива НКАО вторжением в автономную область «100 тысяч вооруженных азербайджанцев».

Именно в ноябре-декабре 1990 г. в Нагорном Карабахе многократно возросла активность азербайджанских бандформирований в форме ОМОНа. Так, например, в обращении совета ветеранов Армянской ССР и НКАО от 14 декабря 1990 г., подписанном Героем Советского Союза, генерал-майором запаса А. Казарьяном, говорилось, что только за последний месяц в приграничном Горисском районе были убиты 10 человек, угнано 1200 голов скота¹.

С начала 1991 г. в Азербайджане практически открыто, на самом высоком уровне стала регулярно озвучиваться мысль о том, что армяне, если они не согласны подчиниться Баку, должны быть удалены из Карабаха. Еще в начале февраля 1991 г., выступая в Баку, В. Поляничко провозгласил: «1991 г. будет объявлен годом Карабаха. Этот год будет последним годом в трудностях Азербайджана. Земля Карабаха – наша земля, и мы должны занять ее для наших детей».

Подлило масла в огонь и обращение М. Горбачева «К народу Азербайджана, жителям Нагорного Карабаха», в котором президент СССР фактически давал Баку карт-бланш на любые действия в Нагорном Карабахе.

Обращение было опубликовано в центральной прессе 15 марта – за два дня до всесоюзного референдума о будущем СССР, намеченного на 17 марта. Армянское руководство отказалось от его проведения, объявив о предстоящем через полгода, в соответствии с Законом СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», референдуме о независимости. Действующие де-факто власти НКАО были готовы участвовать в проведении союзного референдума, однако обусловили этот вопрос официальным восстановлением областных структур власти. Азербайджанское же руководство продолжило «политику послушания»: референдум в этой республике дал 99 % голосов в пользу сохранения СССР.

В обращении Горбачева, в частности, говорилось: «Нагорно-Карабахская автономная область – неотъемлемая часть Азербайджана. Здесь действуют Конституции СССР и Азербайджанской Республики... Так распорядилась история. И от этого никуда не уйдешь»².

Это обращение стало многократно цитироваться руководителям АзССР самого разного уровня; на уровне обывательском это было понято как «Горбачев окончательно с нами!»

Накануне организованной Баку и Кремлем бойни в карабахских селах Геташен и Мартунашен по азербайджанскому телевидению и радио было распространено воинственное заявление Муталибова. Последний к тому времени стал (по горбачевской кальке)

¹«Голос Армении», 14.12.1990 г.

²«Известия», 15.03.1991 г.

президентом Азербайджанской ССР, переименованной в Азербайджанскую Республику. «Терпению народа Азербайджана пришел конец», – говорилось в заявлении. Муталибов потребовал от МВД, КГБ и Министерства обороны СССР установить вдоль границы с Армянской республикой 5-километровую нейтральную полосу¹.

Идея нейтральной полосы выдвигалась с подачи Баку еще с середины 1990 г., однако Ереван эту идею отвергал, полагая, что она может быть приемлема в случае установления аналогичной нейтральной полосы вдоль административной карабахско-азербайджанской границы и одновременно с разблокированием шоссе Горис–Лачин–Степанакерт. Ясное дело, что такой симметричный подход не входил в планы ни Баку, ни Кремля.

Между тем, самостоятельно осуществить все желаемое Баку, естественно, не был в силах. Отряды ОМОН МВД АзССР в 1990–1991 гг. предпринимали попытки самостоятельного захвата отдельных армянских сел Нагорного Карабаха, но эти попытки всегда оказывались неуспешными. Поэтому азербайджанские формирования ограничивались в целом провокациями, обстрелами, засадами и ночными нападениями.

А крупное село Геташен, которое защищали местные ополченцы и несколько групп армянских волонтеров, было тем более не по зубам одним лишь силам МВД АзССР.

С 25 марта 1991-го азербайджанский ОМОН начал регулярные обстрелы сел Геташен и Мартунашен. Среди жертв был и 12-летний мальчик Арамаис Саакян, застреленный по дороге из школы домой. Однако на более решительные действия ОМОН еще не отваживался.

Именно поэтому, по согласованию с Москвой, было решено не только убрать из сел посты внутренних войск МВД СССР, разделяющих стороны, но привлечь к операции по депортации села части МВД СССР и Советской Армии.

Подразделения внутренних войск были выведены из Геташена 15 апреля 1991 г.

«Геташенский подрайон не примыкает к НКАО, – заявил начальник штаба комендатуры района чрезвычайного положения полковник Вячеслав Лебедь, – следовательно, он не входит в район чрезвычайного положения. По этой причине 15 апреля внутренние войска МВД СССР отсюда выведены».

Вопрос «Зачем же они вводились?» полковник рекомендовал задать министру обороны СССР Дмитрию Язову и министру внутренних дел СССР Борису Пуго. По их же приказу, 24 апреля запрещены полеты вертолетов из Еревана в Геташен и Шаумяновск. Мотивировка: эти рейсы используются для перевозки оружия и боеприпасов армянским боевикам. Так Геташен оказался отрезанным от внешнего мира»².

21 апреля отряды ОМОН пытались войти в Геташен и Мартунашен, но были встречены защитниками сел, отбиты и понесли потери. После этого главная силовая роль в ходе операции была окончательно отведена частям внутренних войск МВД СССР и советской армии.

26 апреля к М. Горбачеву обратился Католикос всех армян Вазген Первый. Он призвал Горбачева вмешаться в ситуацию в Геташене, где армянское население «находится под угрозой насильственного выселения с его вековой родины и даже истребления».

¹«Известия», 29.04.1991 г.

²«Московские Новости». 12.05.1991 г., № 19»

«Хотелось бы верить, – писал Католикос, – что если в наши дни говорится о справедливости и демократии, то эти гуманные и конституционные принципы должны соблюдаться и в Нагорном Карабахе»¹.

Это обращение было проигнорировано президентом СССР.

Между тем, в Баку уже наметили осуществить депортацию Геташена и Мартунашен на 24 апреля. То есть в день, когда армяне отмечают день памяти жертв геноцида армян в Османской Турции: в 1915 г. в этот день в Стамбуле и по всем турецким провинциям были арестованы и затем физически уничтожены сотни видных представителей армянской интеллигенции, политические лидеры, депутаты. Тем самым подчеркивался ритуальный характер «мероприятия» по депортации первых двух карабахских сел.

Однако 23 апреля при выдвигении колонны бронетехники к селу военные из дислоцированной в Кировабаде 23-й дивизии 4-й армии перепутали дороги и стали выдвигаться в ложном направлении. Головная БМП перевернулась и скатилась в ущелье, были жертвы. Операцию отложили на несколько дней.

Она началась на рассвете 30 апреля после массированного обстрела из танков и БМП соседней деревни Мартунашен. Впервые в операции, формально носящей название «проверка паспортного режима», были задействованы не только БТРы, БРДМы, БМП, но и танки Т-72, боевые вертолеты Ми-24, артиллерия, огнеметы.

С этой даты до конца июля 1991 г. было депортировано 24 карабахских села из Ханларского, Шаумянского, Шушинского и Гадрутского районов Нагорного Карабаха.

Депортация производилась с особой жестокостью. Так, 30 апреля при вводе войск в села Геташен и Мартунашен Ханларского района бывшей АзССР были зверски убиты как минимум 19 человек; людей давили танками и БМП, расстреливали в упор, заживо разрубали на части топорами, скальпировали. Среди убитых в этих селах – 82-летняя женщина и 7 человек старше 60 лет; 15 женщин получили огнестрельные ранения².

В селе Арпагадун Гадрутского района азербайджанскими омоновцами были расстреляны 5 пенсионеров, выжила лишь притворившаяся мертвой женщина. В селе Мец шен Шушинского района выстрелом в рот застрелили 36-летнего мужчину, пытавшегося заступиться за беременную жену. Имели место многочисленные случаи изнасилования, истязаний, имитаций расстрела; у людей вырывали золотые коронки, отрезали уши, скальпировали...

Ниже приводятся свидетельства очевидцев и пострадавших в ходе операции «Кольцо», опубликованные в местной и московской прессе.

Из рассказа жительниц Геташена Карине Акопян и Греты Балаян:

«Ранним утром 30 апреля танки и бронемашины с грохотом ворвались на нашу улицу. Глаза советских солдат, полные бешенства и ненависти, убедили нас в том, что армия вошла в Геташен для исполнения воли омоновцев и практически прокладывает им путь.

Моего соседа, 80-летнего Арменана Хумяна, расстреляли прямо в квартире. Та же участь постигла тяжелобольного, прикованного к постели Бено Гянджумяна. 65-летний Папик

¹«Голос Армении», 27.04.1991 г.

²«Голос Армении», 03.07.1991 г.

Сейранян, услышав тяжелый рокот гусениц танков, вышел на балкон своего дома, чтобы узнать, что происходит. В эту минуту его и настигла солдатская пуля.

Каждая семья хоронила погибших во дворе своего дома, потому что сельское кладбище на протяжении многих месяцев обстреливается азербайджанским ОМОНОМ.

...Один из чудом спасшихся заложников рассказывал о том, как омоновцы, опустошив баллоны с водкой и вином, захваченные в домах армянских крестьян, раздевали заложников и подвергали их зверским побоям. Вслед за армией и омоновцами в Мартунашен и Геташен ворвалось разношерстное отребье из окрестных азербайджанских сел. Варвары на наших глазах грабили дома, загружали добром наши же машины и уезжали восвояси»¹.

Свидетельство московского журналиста Владимира Емельяненко:

«Геташен встретил нас дымом пожаров и тушами танков. Вместе с боевыми машинами десанта и пехоты они взяли село в кольцо. Туда наши БТР пропускали по одному и в сопровождении бронетехники, участвовавшей в штурме.

Напротив больницы колонну остановили и молниеносно окружили омоновцы, одетые в пятнистую форму. Я почувствовал себя пленным. Перед порогом дома валялись окровавленные трупы. У некоторых из них отрезаны уши, лица ископаны до неузнаваемости. Почти у всех – рваная ножевая дыра в горле.

Здание, изрешеченное пулями, пропахло смертью. В коридорах на полу и кроватях сидели и лежали люди, будто загипнотизированные. У одних прострелены руки, у других – ноги. У одного из мертвых снят скальп, а живые, затравленные, смотрели в пустоту. Говорила только крохотная девочка. Она сидела у изрубленного на куски женского трупа и что-то бормотала, бормотала. Увидев военных, девочка застыла в немом крике.

Оправившись от шока, солдаты внутренних войск начали выносить раненых и убитых, но выяснилось, что трех БТРов мало. Солдаты угрюмо везли свой груз и видели, как равнодушно за ними наблюдают другие солдаты и офицеры. Их разделяла броня танков и то, что выполняли они разные приказы. «Это не «взвзшники», – позже, в дороге признались солдаты и офицеры полка, расквартированного в Шаумяновске. Они же первыми заметили, что начался артобстрел близкой к Геташену деревни – Мартунашен. Через несколько часов, когда мы пролетали вблизи от нее на вертолете, оставшиеся от домов руины дымились даже после сильного дождя»².

Из протокола допроса в прокуратуре Армянской ССР свидетеля Межяна Сергея Фридоновича, 1953 г. рождения, жителя с. Геташен³:

«...2-го мая, после обмена заложников последние избитые пришли в село, сказали, что нам дали 48 часов срока и заявили, что, если мы по «своей воле» не уйдем, омоновцы войдут в село и всех перережут от мала до велика. Среди сельчан начались разногласия, но потом решили уйти, поскольку выстрелы не прекращались, а армейский полковник по громкоговорителю передавал требование ускорить выезд.

¹«Советский Карабах», 14.05.1991 г.

²«Свидетельство: в Геташене была бойня», «Московские Новости», 12.05.1991 г.

³Этот и другие протоколы допросов свидетелей см.: <http://sumgait.info/ring/seda-vermishheval-karabakh-deportation-1.htm>

Жителям сёл Чайкенд и Мартунашен
Ханларского района Азербайджанской
Республики.

В соответствии с просьбами жителей сёл Чайкенд и Мартунашен руководство комендатуры особого района гарантирует :

1. До первого Икна 1991 года обеспечивать безопасность жителей сёл Чайкенд и Мартунашена в процессе оформления документов на продажу личных домов и хозяйства граждан.
2. В эти же сроки будет обеспечена безопасность передвижения жителей этих сёл на территории Азербайджана.
3. Указанные пункты согласованы с руководством МВД СССР и МВД республики.

Первый заместитель министра МВД республики

Р. Мамедов Р. МАМЕДОВ

Зам. командира дивизии МВД СССР полковник:

Е. МЯШИН

17.05
Полковник Шабанов
капитан Шабанов
1.05.1992
Шабанов

Операция «Кольцо». К моменту передачи жителям сел Геташен (Чайкенд) и Мартунашен этой бумаги, призванной замаскировать насильственную депортацию, село Мартунашен уже было полностью сожжено, 19 человек из числа жителей обоих сел зверски убиты, до ста – ранены и взяты в заложники

Но, несмотря на это, выстрелы еще больше участились, солдаты на танках выстрелили по церкви Егникасар и разрушили ее.

Депортация началась 3-го мая, с одной стороны депортировали, а с другой – невинных людей брали в заложники и отвозили к вертолету. С 4-го мая в селе начались грабежи со стороны ОМОНа и пришедших из соседних сел азербайджанцев, грабили и милиционеры, потом заставляли дарить наши автомашины омоновцам...

...Азербайджанцы говорили, что, пока Горбачев жив, у нас нет права жить, потому что он, Горбачев, с ними.

Солдаты армии были не добрее ОМОНа, они также стреляли, громили имущество и грабили. В моем присутствии майор потребовал отдать ему автомашину марки ВАЗ-21011 белого цвета, заявив, что в противном случае передаст нас омоновцам, и забрал автомашину».

«16 мая после незаконных арестов в Гадрутском районе отряды азербайджанской милиции особого назначения в сопровождении подразделений Советской Армии и внутренних войск МВД СССР вновь ворвались в села юго-западной части района и приступили к депортации армянского населения.

– Азербайджанские каратели, – рассказала фельдшер села Караглух Мила Гукасян, которой едва удалось спастись и лесами добраться до райцентра, – пригнали к нам в село десятки автомашин. Направив автомашины на беззащитных людей, омоновцы заставили их подписать документ о том, что они добровольно оставляют села и уезжают в Армению. Бандитскими действиями омоновцев руководил бывший водитель из соседнего с нами села Мазра (Джебраильский район), ныне капитан милиции, Сармаз Абаскулиев, а его односельчане, пастухи Мамед и Нураддин, занимались грабежом»¹.

«...15 мая наше село было окружено солдатами Советской Армии и ОМОНОм Азербайджана. Утром 16 мая на автомашинах прибыли около 15 человек в милицейской форме, вооруженные автоматами. Они стали «проверять паспортный режим», подвергая при этом избиениям стариков и женщин, угрозами заставляли подписать заранее заготовленную бумагу о добровольном нашем выезде. Предупредили, что вечером увезут нас автобусами без личного имущества. Ночью большинство сельчан пешком отправились в райцентр Гадрут.

Начиная с пяти часов утра 17 мая, из соседних азербайджанских сел потянулась колонна из более чем 100 единиц автотракторной техники под прикрытием 15 автоматчиков на трех милицейских автомашинах УАЗ. Азербайджанцы с криками ворвались в село, стали разорять наши жилища, подворья, грузить на машины имущество, бытовую аппаратуру, технику, запасы провианта и сельхозпродуктов, разбирать наши дома на строительные материалы. Угнан весь личный скот сельчан – более 100 голов, в том числе 46 коров...

Жители села Цор Р. Аветисян, Ю. Багирян, С. Мкртчян, П. Оганесян, Е. Мкртчян, С. Григорян, Н. Григорян, Н. Карапетян, Н. Аванесян, С. Карапетян, З. Бабалян, А. Айрапетян, А. Аванесян, С. Абрамян»².

¹«Советский Карабах», 18.05.1991 г.

²«Советский Карабах», 29.05.1991 г.

Из рассказа жительницы с. Арпагядук Парандзем Аюпян, вдовы расстрелянного азербайджанцами Айсера Аюпяна:

«С воплями и криками в село ворвались новые группы азербайджанцев, вооруженных автоматами, ножами, топорами. Они нападали на дома, разбивали, вышибали двери, забирали все, что приглянется, остальное громили. Несколько человек направилась к дому нашего соседа Серези, некоторые – в другую сторону. Большая часть нападавших нагрянула к нам домой. Выносили продукты, топтали хлеб. Они нещадно били и истязали меня с мужем. Затем пришли и остальные, шнырявшие в других домах, пьяные и еще более озверевшие. Уцелевшее имущество выносили из дому и связывали. Несколько человек заранее отправились привести наших пасшихся в поле лошадей. Награбленное навьючили на наших же лошадей; согнали весь скот и приказали нам погнать его... На всем пути нас подвергали издевательствам. Меня непрерывно пытались заставить раздеваться, дескать, на мне спрятано золото. Изорвали одежду, нечеловеческим мукам подвергли мужа.

Не успели мы дойти до горы Сатунц, как несколько человек сказали: пора. Нам приказали остановиться. Затем заставили выстроиться в ряд попарно (с супругами), взяв друг друга за руку. Через некоторое время нам приказали поменяться парами. Мы поменялись... И тут раздались выстрелы. Мы упали на землю. Местность была труднопроходимой – каменистой, заросшей кустарником. Я покатила вниз. В это время опустился туман...

Я лежала под кустом.... Не слышно было ни звука. Поднялась. Меня била дрожь. Никого вокруг не было видно. Я закричала, но никто не ответил. Спустя немного времени подошел Сурен Манасян. Затем Нуник. Мы стали искать... Нашли тела моего мужа Айсера, Айкануш, супругов Сурена и Эммы Карапетянов»¹.

«Рассказывают очевидцы, прибывшие в Степанакерт из Бердадзора. Т. С. 26 лет, село Мец шен (собеседницы просили не называть их имен: у кого-то пока в плену муж, у кого-то брат, у кого-то сын):

«Еще не рассвело, когда они вошли в село. Один из солдат сказал, что если в селе раздается хоть один выстрел, уничтожат всех – таков приказ.

Всемером-восьмером входили в дома, пускали в лица мужчин какой-то газ, бросали их в автобусы и увозили. Тех, кто сопротивлялся, нещадно били. Молодых девушек и женщин раздевали, хотели изнасиловать, и не будь солдат, это бы случилось.

...У меня было 2 тысячи рублей, я предложила эти деньги им, лишь бы не трогали детей. Они стали смеяться: «К чему нам твои деньги, за каждого убитого армянина нам дают 15 тысяч рублей. Мы выполняем приказ Горбачева».

Сожгли здание школы, подожгли и наш дом, хозяйка взялась за подоконник и хотела выскочить в окно, но ей отсекли пальцы»².

Из заявления бывшего заместителя коменданта (!) Аскеранского района НКАО майора Сергея Бегинина, направленного им в редакцию «Советского Карабаха» и опубликованного в газете:

¹«Советский Карабах», 23.05.1991 г.

²«Советский Карабах», 22.05.1991 г.

«Я видел выбитые двери, разбитые замки и стекла, разгромленные радио и другую аппаратуру в квартирах, разбросанное белье и имущество, испуганных детей и стариков. Сколько арестовано человек? Кем, как, куда увезены? – не могу сказать. Здания больницы и школы серьезно повреждены. Я не понимаю, если здесь проводится проверка паспортного режима, то почему с такой ненавистью? Вся атмосфера здесь насыщена ненавистью... Таковы мои впечатления за полтора месяца пребывания в Нагорном Карабахе. Я приехал сюда помочь простому человеку воевать с бандитами. Между тем, если так будет продолжаться, конфликт на этой земле еще более усугубится. События в Дашбулаге (армянское село в Аскеранском районе НКАО, подвергшееся «проверке паспортного режима», свидетелем чего был майор Бегинин – прим. автора) подсказывают мне, что если продолжится противоборство, то бандитами станут восьми-, десяти- и двенадцатилетние дети...»

ЗСКАЛАЦИЯ НАСИЛИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

Вооруженного сопротивления частям ВВ МВД и СА на первом этапе операции «Кольцо» оказано практически не было из-за несоответствия сил и неоправданной жестокости подерживавшей азербайджанцев Советской Армии. Когда 30 апреля в Геташене стало ясно, что войска покрывают погромы и убийства со стороны азербайджанских формирований, трое из числа защитников села с гранатами в руках захватили группу военнослужащих во главе с командиром бакинского полка внутренних войск МВД СССР полковником Машковым. Требуя прекратить операцию, они вышли на переговоры с целью обмена солдат на заложников-армян, но были обстреляны и убиты. Были убиты и четверо азербайджанских омоновцев.

Однако этот эпизод заставил силы МВД, армии и следовавший за ним азербайджанский ОМОН остановить насилие и временно покинуть село.

О количестве же сил, брошенных на два карабахских села, имелись более или менее точные данные. При обыске полковника Машкова армянскими ополченцами был изъят лист с перечнем радиопозывных частей и подразделений, участвовавших в разорении Мартунашена и Геташена.

В этом списке позывных, опубликованном затем в прессе, упоминались: командир военной части 5478 и два командира рот той же части; командир военной части 5477 и два командира рот той же части; рота спецназа МВД СССР (три позывных); рота ОМОНа МВД СССР (три позывных); вертолетно-истребительное звено (8 позывных); танковое подразделение 23-й дивизии; огнемётный расчет; группа саперов; подразделения азербайджанского ОМОНа (без указания позывных)¹.

С 1 мая село Геташен оставалось блокированным армией и внутренними войсками, а население подвергалось акциям психологического устрашения, ночным обстрелам. В село явились азербайджанские эмиссары с требованиями подписать бумаги о «добровольном выезде» из села.

¹«Независимая газета», 07.05.1991 г.

В тот же день представитель МВД СССР доставил сельчанам бумагу за подписью заместителя министра внутренних дел Азербайджанской Республики Р. Мамедова и заместителя командира дивизии МВД СССР полковника Е. Мишина. В бумаге от имени комендатуры особого района (подразделения которой покинули Геташен еще 15 апреля) эти лица гарантировали жителям Геташена и Мартунашена обеспечивать их безопасность «в процессе оформления документов на продажу личных домов» и «безопасность передвижения» в ходе депортации. Там же говорилось, что все эти действия согласованы с МВД СССР.

3 мая началась депортация: мужчин в автобусах под конвоем вывезли к границе Армянской ССР, а женщин и детей партиями сажали в транспортные вертолеты Ми-26, которые брали курс на Степанакерт. Там обезумевшим от ужаса, униженным и ограбленным людям «любезно» позволили переночевать в домах родственников, знакомых и просто горожан, а на утро наряды внутренних войск вновь собрали геташенцев и на вертолетах вывезли в Ереван. Тем самым идеологи операции преследовали цель оказать психологическое воздействие на степанакертцев: страшные рассказы депортированных должны были подавить волю жителей карабахской столицы в преддверии новых акций террора.

Операция «Кольцо» неслучайно началась с Геташена и Мартунашена – последних населенных пунктов Северного Нагорного Карабаха, еще остававшихся армянскими.

Некогда 5-тысячный Геташен и прилегающие несколько сел остались последним оплотом армян на севере Нагорного Карабаха. Само же стратегическое положение Геташена было исключительно важным: он контролировал обширную, но крайне малонаселенную горную местность, которая была связующим звеном между «материковой» Арменией, армянскими селами Шаумянского района и стратегически важным Кельбаджарским районом Нагорного Карабаха с его горными трещинами и перевалами. С азербайджанских атак на соседние с Геташеном армянские деревни Азат и Камо начались и первые масштабные и открытые вооруженные столкновения в январе 1990 г. Тогда атаки были отбиты, но вскоре советские внутренние войска «добровольно-принудительно» выселили жителей Азата и Камо, а их дома были заняты азербайджанцами, нацелившимися на Геташен.

Не случайно и то, что за Геташеном последовала депортация четырех сел Шушинского района и пятнадцати – юго-западной части Гадрутского района. Как хорошо видно на карте, именно эти местности наряду с Геташеном были расположены наиболее близко к границам Армянской ССР. Из всех этих мест существовало множество троп через горы и леса, перекрыть их полностью было нереально, и по этим тропам на лошадях и ослах местное подполье могло доставлять в осажденные села оружие, боеприпасы и медикаменты.

При взгляде на ту же карту становится ясно, что после депортации населения четырех сел Бердадзора, – армянского анклава в Шушинском районе НКАО с преимущественно азербайджанским населением, – ширина Лачинского кордона, отделявшего НКАО от Армянской ССР, увеличилась с 6–7 до 45 км! А депортация сел на юго-западе Гадрутского района значительно затруднила коммуникации этой части края с Горисским районом Армянской республики.

Также очевидно, что события апреля-июня были лишь прелюдией к широкомасштабной депортации всей оставшейся армянской части Нагорного Карабаха.

Операция «Кольцо». Депортированные жители одного из сел Гадрутского района НКАО, выброшенные в поле на административной границе между АзССР и АрмССР. Фото Яромира Штетини (Чехия)

Операция «Кольцо». В конце июля – начале августа 1991 года село Вериншен Шаумянского района Нагорного Карабаха подвергалось обстрелам со стороны Советской Армии. Неразорвавшийся 122-мм артиллерийский снаряд. Фото автора

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Главное управление охраны
общественного порядка

г.р. Москва

26.06.91г. № 4/К-2734

на № _____

Г 125565 Москва, ул. Фестивальная, 7
д. 13, корп. 2, кв. 79

Симонян А.А.

Уважаемый г. Симонян А.А.!

Ваше заявление, адресованное Министру внутренних дел СССР
г. Пуго Б.К. рассмотрено ГУОП МВД СССР.

По имеющейся информации органами милиции и подразделениями
внутренних войск МВД СССР гражданам армянской национальности,
проживавшим в населённых пунктах Шуяновского района Азербайджанской ССР, на основании их письменных заявлений была оказана
помощь в переселении за пределы республики.

При этом необходимо отметить, что оценка правомерности фактов
переселения не входит в компетенцию органов внутренних дел,
а является прерогативой прокуратуры.

С уважением,

Начальник отдела

Л.П. Танцоров

Операция «Кольцо». Депортация «по просьбам трудящихся»: МВД СССР покрывает военных преступников из собственного ведомства, армии и КГБ

Эти события позволили азербайджанским силам закрепиться на крайне выгодных позициях и обрезать последние остатки возможных коммуникаций армян Карабаха с «материковой» Арменией в преддверии последующих шагов по депортации.

А что такие шаги не замедлят продолжиться, не скрывали и в азербайджанском руководстве. Так, выступая 22 мая 1991 г. на пресс-конференции в Постпредстве республики в Москве, заведующий отделом идеологии ЦК КП Азербайджана А. Дашдамиров сказал, что «в ближайшее время из Карабаха необходимо будет выслать еще 32 тысячи человек»¹. По словам Дашдамирова, их прописка была признана азербайджанскими властями недействительной. Генпрокурор же Азербайджанской ССР И. Гаиров, выразив благодарность армии, отметил, что ей «следует действовать энергичнее и смелее, с большей наступательностью»².

Кстати, накануне, 20 мая, центральные средства массовой информации сообщили о том, что 1400 жителей Степанакерта якобы «оставили родной город и переехали в другие регионы». Эту информацию мэр Степанакерта Максим Мирзоян назвал «очередной пропагандистской провокацией, цель которой – посеять панику среди оказавшегося в экстремальной ситуации населения Арцаха»³. А корреспондент ТАСС в НКАО Ваим Биркин, связавшись по телефону с Москвой, сообщил, что эта информация была передана в Москву из Кировабада находившимся там военным корреспондентом ТАСС⁴.

Последующие события лишь подтвердили, что депортация не ограничится наиболее близко расположенными к АрмССР местностями Карабаха...

В связи с трагическими событиями в Геташене и Мартунашене руководство Республики Армения потребовало срочного созыва внеочередного съезда народных депутатов СССР, однако Кремль проигнорировал этот призыв.

Одновременно в первых числах мая внутренние войска МВД и части 4-й армии обстреляли приграничные населенные пункты в Иджеванском, Ноемберянском, Таушском, Горисском, Кафанском районах Республики Армения, вторглись в ряд населенных пунктов, частично разорив их.

В ходе этих действий против собственного народа были убиты 24 человека, из них 14 – сотрудники МВД Республики Армения. 10 милиционеров направлялись в автобусе на дежурство в приграничное село Воскепар, когда неожиданно были расстреляны из засады подразделением спецназа. Преднамеренность этого убийства была очевидна, что позже подтвердили слушания в Комитете по правам человека Верховного Совета РСФСР в мае-июне 1991 г.

В совместном заявлении руководителей правоохранительных органов Республики Армения в связи с совершенными массовыми убийствами и иными преступлениями, в частности, говорилось:

«Факт жестокого убийства в с. Воскепар 10 милиционеров-армян благодаря оперативному освещению средствами массовой информации и группой депутатов РСФСР общезвестен. Доказано, что эти милиционеры не произвели ни одного выстрела

¹«Коммерсант», 1991, № 21

²Там же

³«Советский Карабах», 22.05.1991 г.

⁴Там же

и никакого сопротивления действиям войск МВД СССР и армии не оказывали... При этом в просьбе направить по делу следственную группу Прокуратуры СССР в республику было отказано... Вообще неоднократные просьбы направить представителей правоохранительных органов СССР в республику не были удовлетворены, в то время, как в Азербайджане они находились»¹.

В том же заявлении приводились данные о том, что Советской Армией и внутренними войсками были убиты 14, ранены 28 и взяты в заложники 60 сотрудников МВД Республики Армения. Вместе с гражданскими лицами всего 104 человека были взяты в заложники войсками, вывезены за пределы республики и переданы в азербайджанское МВД, где они подверглись пыткам и издевательствам.

Вот два свидетельства о том, что представляла собой «Советская Армия», располагавшаяся с азербайджанской стороны вдоль административной границы двух республик Советского Союза. Напомним, что в соседних районах республик – Горисском и Лачинском – еще 15 января 1990 г. был введен режим чрезвычайного положения, были созданы военные комендатуры, введены части внутренних войск. На азербайджанской стороне с осени того же года находились и части национализированной Баку 23-й дивизии, дислоцированные по соглашению между Баку и Кремлем.

«14 февраля в 11 часов с территории Лачинского района был обстрелян загон для скота животноводческой фермы села Тех Горисского района. В тот же день оперативная группа воинской части, дислоцированной в Горисском районе, пыталась подойти к месту происшествия, однако также была обстреляна снарядами. В 19 часов 30 минут военный комендант Горисского района отправился на встречу с комендантом Лачинского района Азербайджанской ССР. Однако вместо последнего появился начальник штаба воинской части, в пьяном виде. Без всякой причины он оскорбил коменданта Горисского района, других присутствующих и возвратился в Лачинский район. Сразу же после этого возобновился обстрел загона... Со стороны Лачинского района к селу Хндзорекс приблизились три боевые машины и обстреляли село. По заявлению коменданта Горисского района и военнослужащих, а также по сообщению отдела ВД Горисского района, подобные действия провоцируют командир особого батальона майор Алиев и находящиеся под его командованием военнослужащие»².

Другое свидетельство, относящееся к сентябрю 1991 г., взято нами из рукописи правозащитника Виталия Данилова, отрывки из которой мы уже цитировали.

«По инициативе Международного конгресса по правам человека группа независимых наблюдателей побывала на армяно-азербайджанской границе в районе Горис-Лачин. Среди наблюдателей был и депутат Киевского горсовета Евгений Клименко. Он мне и рассказал о том, что увидел на границе.

Незадолго до этого из Центра поступил приказ союзной армии взять под контроль армяно-азербайджанскую границу в районе Горис-Лачин в связи с начавшимися там перестрелками. С армянской стороны был дислоцирован мотострелковый батальон 7-й армии (штаб армии – в Ереване). Командовал батальоном русский майор. Он

принял наблюдателей, показал расположение части, дал возможность побеседовать с солдатами. С азербайджанской стороны был развернут, причем в боевой порядок, мотострелковый батальон 4-й армии (штаб армии – в Баку). Командовал им майор-азербайджанец. Он наотрез отказался принять независимых наблюдателей, заявив: «Подойдете близко, будем стрелять. Мне приказано защитить азербайджанскую границу, и я защищу ее всеми средствами».

Киевский депутат Евгений Клименко был этим до глубины души потрясен: что думает Центр, как могло случиться, что мотострелковый батальон Советской Армии выполняет не общесоюзную задачу, а национальные устремления азербайджанского руководства?»

Одновременно с действиями по депортации периферийных сел в Карабахе и провокациями на границе двух союзных республик в самой НКАО начались массовые аресты и незаконные задержания граждан.

16 мая в газете «Советский Карабах» было опубликовано сообщение военного коменданта района чрезвычайного положения В. Жукова, в котором тот оповещал граждан: «Военной комендатурой санкции на аресты жителей гор. Степанакерта не давались. По всем вопросам проведения обысков и задержания граждан просим обращаться в прокуратуру НКАО»¹. Однако было очевидно, что аресты – дело рук КГБ и МВД АзССР, и никаких санкций на аресты областная прокуратура не давала.

Некоторые из задержанных были убиты в застенках. Так, 18 мая в селе Кичан Мардакертского района НКАО был арестован и вывезен в Шахбулагскую колонию Агдамского района агроном Юрий Гулян. 6 июня его труп был привезен в больницу райцентра Мардакерт. Официальная версия гласила, что смерть наступила вследствие язвенной болезни, однако повторное вскрытие тела показало, что причиной смерти Ю. Гуляна стали жестокие избиения: смерть наступила в результате деформации внутренних органов. Обнаружены переломы ребер, гематомы в области почек, печени, легких и сердца. На лице следы грубых ударов, проломлена черепная кость, вывихнуты суставы, разбиты зубы².

От незаконного задержания, пыток и смерти был не застрахован никто, даже формально защищенные законом люди, что нарочито продемонстрировали карательные силы.

В ночь со 2 на 3 июня 1991 г. дежурный по УВД НКАО майор милиции Грачья Шахбазян был задержан вооруженными автоматчиками, вошедшими в здание, и вывезен в Шушу, где был заключен в местное СИЗО. Там он подвергся жестоким пыткам, причем его истязатели периодически включали радио на миллицейской волне и передавали в эфир крики пытаемого. 13 июня на имя начальника УВД НКАО В. Ковалева из Шуши поступила телеграмма, извещавшая о том, что майор Г. Шахбазян повесился в камере Шушинского СИЗО. Проверить официальную версию было невозможно, а выданное родственникам тело Г. Шахбазяна было сильно изуродовано, что свидетельствовало о перенесенных им страшных мучениях.

Многие из тех карабахцев, кто явно были в очереди на арест, ушли в подполье, подчас скрываясь на дачных участках, у знакомых. Или перебрались в глухие горные районы, где располагались тренировочные лагеря активно формировавшихся в период чрезвычайного положения отрядов самообороны.

¹«Голос Армении», 03.07.1991 г.

²«Голос Армении», 20.02.1991 г.

¹«Советский Карабах», 14.05.1991 г.

²«Советский Карабах», 14.06.1991 г.

...Между тем, после некоторого затишья в июне операция по депортации возобновилась с новой силой.

Новый удар опять был нанесен на севере. На этот раз по Шаумянскому району, который хотя и не входил административно в состав НКАО, но составлял с ней физически единое целое. Более того, армяне составляли более 80 % населения района – показатель этот был даже чуть выше, чем в среднем по НКАО; армянские же села плотно контролировали всю территорию горного района, в то время как 4 азербайджанских находились на границе с соседним низинным азербайджанским районом.

Еще 14 января 1991 г. Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР принял решение об упразднении Шаумянского района и его слиянии с соседним Касум-Исмайловским. На бумаге был образован новый, Геранбойский, район, в котором на 17–18 тыс. армян приходилось уже около 50 тыс. азербайджанцев (против 3,5 тыс. в Шаумянском). Однако районные власти Шаумяна де-факто сохранились и функционировали, не признавая принятого в Баку решения.

4 июля 1991 г. президент СССР М. Горбачев издал Указ об отмене чрезвычайного положения в «Геранбойском районе». То есть фактически в армянском Шаумянском районе, так как в прилегающем к нему азербайджанском Касум-Исмайловском районе чрезвычайное положение Указом Президиума ВС СССР от 15 января 1990 г. не вводилось.

В тексте Указа от 4 июля содержалась ссылка на заявление А. Муталибова о том, что «будут приняты все меры по обеспечению безопасности населения, исключению случаев необоснованного выселения местных жителей, соблюдению прав и свобод человека, гарантированных Конституцией СССР». Накануне, вечером 3 июля, Горбачев принял армянских депутатов Людмилу Арутюнян и Генриха Погосяна, заверив их, что «даст указание немедленно прекратить антиконституционные акции в Карабахе». Любопытно, что в тот же день, 4 июля, М. Горбачев также подписал Указ о награждении орденом Красной звезды семерых сотрудников ОМОН МВД АзССР «за участие в боях по разоружению боевиков в Ханларском районе Азербайджана», то есть за бойню в Геташене и Мартунашене.

На рассвете 6 июля из Шаумянского района был начат вывод постов внутренних войск, подчинявшихся комендатуре района чрезвычайного положения. В тот же день министр обороны СССР маршал Язов издал приказ о запрете полетов вертолетов гражданской авиации в Шаумянский район, в точности по геташенскому сценарию.

Сразу после этого азербайджанский ОМОН атаковал села Эркеч, Бузлук и Манашид, расположенные всего в нескольких километрах к юго-востоку от Геташена. Однако нападавшие были с потерями отбиты, а руководивший операцией заместитель азербайджанского министра внутренних дел Мамедов с группой подчиненных попал в окружение и спасся от пленения лишь благодаря вмешательству советских войск.

После чего азербайджанцы отошли, и в дело вновь вступила Советская Армия, в лице частей 23-й дивизии 4-й армии. Вновь против защитников карабахских сел и мирного населения пошли танки и иная бронетехника. Местные ополченцы и добровольцы из «материковой» Армении в неравных боях подбили несколько танков и БМП. Именно несколько погибших в ходе сопротивления карательной операции «Кольцо» в Геташене и Шаумяне были первыми удостоены (посмертно) звания национальных героев Армении.

15 июля истребители МиГ-23 Советской Армии нанесли ракетно-бомбовые удары по не желавшему «добровольно депортироваться» армянскому селу Эркеч. Это был первый в истории конфликта случай применения боевых самолетов против населенных пунктов.

Однако хотя войска и захватили три новых села, депортировать на этот раз было некогда: под прикрытием сил самообороны все население сел было эвакуировано в глубь района. При этом танки и БМП пытались перерезать дорогу эвакуируемым сельчанам; они обстреляли колонну грузовиков, в результате чего погибли четыре женщины и маленький ребенок.

Нападавшим достались лишь пустые дома, а отряды самообороны отошли и заняли новые оборонительные позиции близ крупнейшего в Нагорном Карабахе села Вериншен, насчитывавшего до 5 тыс. жителей. У карабахских ополченцев были выгодные позиции: танки и бронетранспортеры могли подойти к селу через единственное дефиле, и его защитники были готовы смечь бронетехнику армейскими огнеметами и гранатометами.

24 июля части армии и силы азербайджанского МВД заняли позиции на краю плато, где располагались три депортированных армянских села, и приступили к артиллерийским и вертолетным обстрелам Вериншена.

Все это уже давно напоминало самую настоящую войну с линией фронта, тылом, эвакуацией населения в глубь страны, наступлениями и отходами. Лишь неравенство сил сторон и сам факт необъявленной войны гигантской империи с горсткой собственных мирных граждан были вопиющими.

В первых числах июля карательные акции с новой силой возобновились и по всей НКАО. Так, массовые аресты прошли в селах Мартунинского и Мардакертского районов. В селе Каринтак Шушинского района было арестовано 12 человек с санкции районного прокурора-азербайджанца и с ведома военного коменданта района чрезвычайного положения Жукова. Еще тридцать человек без всяких санкций были задержаны и увезены¹.

В конце июля – начале августа, в разгар депортации в Шаумянский район большая неправилась группа советских депутатов разных уровней – союзных, российских, московского и ленинградского Советов. Среди них народные депутаты Владимир Смирнов (к тому же еще и полковник), Виктор Шейнис, Анатолий Шабад, Владимир Комчатов и многие другие. Прибыв в район из Еревана на вертолетах, они установили «живую стену» в селе Вериншен, сменяя друг друга вахтовым образом, бомбардируя руководство страны, Верховный Совет и иные организации телеграммами протеста и сообщениями из региона.

Вместе с депутатами в Вериншене находились и посланцы некоторых общественных организаций, в частности, представитель Комитета солдатских матерей Елена Лунина, добровольцы-врачи. А старейший на сегодня член Комитета российской интеллигенции «Карабах» (КРИК), геолог Кирилл Алексеевский – уже тогда пожилой человек с окладистой седой бородой – и вовсе стал душой обороны села. Он провел в Вериншене не один месяц и в сентябре 1991 г. был даже включен шаумянцами в делегацию представителей района на съезде Национального совета и местных депутатов Нагорного Карабаха в Степанакерте.

Участие всех этих людей во многом спутало карты карательным силам и заставило их прекратить обстрелы села из орудий и вертолетов.

¹«В Арцахе вновь царит разбой», «Голос Армении», 05.07.1991 г.

Между прочим, среди защитников шаумянских сел были и несколько русских солдат, сознательно дезертировавших из частей внутренних войск и присоединившихся к армянским ополченцам-«фидайнам». С одним из этих «взвзшиков», Сашей, автор лично познакомился в Вериншене, куда привез в начале августа 1991 г. корреспондента журнала «Столица» Андрея Шведова.

...Всего в ходе операции «Кольцо» было депортировано 24 села: Геташен и Мартунашен в Ханларском районе, 4 села (под общим названием Бердадзор) в Шушинском районе НКАО, 15 – в Гадрутском районе НКАО, 3 – в Шаумянском районе Нагорного Карабаха. Все деревни были разграблены, некоторые из них были сожжены и стерты с лица земли; хозяйства, дома и имущество присвоены грабителями.

Были полностью ограблены и изгнаны с родных очагов около 7 тыс. человек. Только в первый период депортации, с 20 апреля по 20 мая 1991 г. в Геташене и Мартунашене, по данным спецкомиссии Верховного Совета Республики Армения, было убито 22 человека, а в НКАО – 14 человек.

Впрочем, эти цифры нельзя считать точными. Как справедливо отмечали позже петербуржцы Игорь Бабанов и Константин Воеводский в брошюре «Карабахский кризис», «многие из депортированных умерли уже в Армении – от ран и пережитых потрясений»¹.

В период операции «Кольцо» в НКАО активизировались азербайджанские банды, которые устраивали засады на дорогах, убивали и брали в заложники сельчан, пастухов, обстреливали села, грабили и жгли фермы и посева, угоняли скот...

Между тем, стало расти и сопротивление карабахцев.

В мае–июле был проведен ряд дерзких операций против сил азербайджанского МВД, в рядах которых стало расти число убитых и раненых. На дорогах близ депортированных сел Гадрутского района стали появляться мины, на которых подорвались несколько машин с омовцами и мародерами из азербайджанских сел.

В мае, сразу после депортации Геташена лишь случайность спасла В. Поляничко и его команду во время совещания Оргкомитета с руководством комендатуры. Выстрел из гранатомета в окно 3-го этажа обкома был точным, но граната задела оконную раму и детонировала; «комитетчики» отделались контузиями и порезами от стекол.

В июне-июле несколько дерзких нападений было совершено на азербайджанские села Мартунинского и Мардакертского районов, в которых дислоцировались омовцы и близ которых до того были совершены убийства карабахских армян. Немало азербайджанских омовцев были убиты в этих районах НКАО и Шаумянском районе.

Военные колонны внутренних войск, в сопровождении армейской бронетехники выдвигавшиеся к очередному селу, предназначавшемуся в жертву ненасытному Молоху по имени «проверка паспортного режима», все чаще стали блокироваться и обстреливаться. Происходило это по афганскому сценарию: подрыв или обстрел из гранатомета передней и задней бронемашин с последующим массированным обстрелом из укрытия всей колонны.

В августе 1991 г. при попытке начать депортацию крупного горного села Атерк в Мардакертском районе НКАО местные ополченцы захватили в плен более 40 солдат и офицеров внутренних войск вместе со всем их оружием и бронетехникой.

¹ Санкт-Петербург, 1992, издание Санкт-Петербургского Комитета Гуманитарной помощи Карабаху. С. 49

...Поражение коммунистического путча в августе 1991 г. положило конец депортациям. Характерно, что в дни путча ГКЧП атаки на осажденный Нагорный Карабах усилились. В Баку потирали руки, предвкушая новые опустошения. Говорили уже не только о необходимости «окончательного решения надуманного карабахского вопроса» путем поголовной депортации всех армян из НКАО, Шаумяна. Но также об «освобождении» от армян Зангезура, отделявшего населенную азербайджанцами Нахичеванскую автономную область от бывшей Азербайджанской ССР.

КАМУФЛЯЖ ДЕПОРТАЦИИ

Накануне депортации среди населения НКАО, Шаумянского района, Геташена и Мартунашена распространялись листовки с требованием покинуть родные места. В ряде случаев листовки разбрасывались с вертолетов внутренних войск МВД СССР. Позже представители МВД СССР всячески отрицали насильственный характер выселения, а говорили о «добровольном переселении».

Житель Москвы, отставной полковник А. Симонян в мае 1991 г. направил на имя министра внутренних дел СССР Б. Пуго заявление о незаконности депортаций в Карабахе. Начальник отдела ГУОП МВД СССР Л. Танцоров цинично отвечал заявителю: «По имеющейся информации, органами милиции и подразделениями внутренних войск МВД СССР гражданам армянской национальности на основании их письменных заявлений была оказана помощь в переселении за пределы республики. При этом необходимо отметить, что оценка правомерности фактов переселения не входит в компетенцию органов внутренних дел, а является прерогативой прокуратуры». Командующий внутренними войсками МВД СССР генерал-полковник Юрий Шаталин в начале июля 1991 г. направил Председателю ВС СССР Анатолию Лукьянову информацию об обстановке в Нагорном Карабахе «для сведения народных депутатов СССР». В ней он откровенно лгал: «Опубликованные некоторыми средствами массовой информации сообщения о якобы проведенной в НКАО депортации армянского населения не соответствуют действительности»¹.

Ниже приводятся некоторые свидетельства очевидцев акций по камуфляжу депортации. Из протокола допроса в Прокуратуре Республики Армения свидетеля Парашян Эмили Михайловны, 1948 г. рождения, жительницы села Геташен:

«...Они железной частью ружья наносили мне удары в голову, требуя подписать документ, что желаю добровольно оставить родное село и дом. Между тем, пока военнослужащий заставлял подписать этот документ, омовцы полностью перевернули все вещи в квартире, топором разорвали 7 ковров, разбили мебель немецкого производства: жилую комнату, спальню, вытащили из кармана 4200 руб., золотые вещи, сберкнижки и т.п. Жестоко избили мою мать, наносили удары по голове, животу, спине и т.д. 13-летнего Араика схватили за горло, чтобы задушить его. Я с криком подошла к злодею, чтобы он оставил его, но тот плюнул мне в лицо, сказав, что наше место – Ереван, идите туда, это не ваша земля, она принадлежит Азербайджану».

¹ «Независимая газета», 09.07.1991 г.

Из протокола допроса Атанесяна Арсена Абеловича, 1946 г. рождения, уроженца села Геташен:

«В селе Камо нас водворили в помещение клуба. На сцене были поставлены 3 стола, за которыми сидели офицеры войск МВД и Совармии. Рядом с ними сидели председатель исполкома Ханларского райсовета Мамедов, его заместитель, начальник РОВД майор Мамедов и другие ответственные лица... К нам подошел капитан высокого роста, тучный, рыжий, имеющий золотые зубы, и сказал: «Если хотите остаться живыми, то возьмите эти бумаги и подпишите, что вы имеете желание покинуть село и просите оказать в этом содействие». Когда же мы отказались подписать, азербайджанцы набросились на нас и стали всех избивать. Капитан с золотыми зубами взял у какого-то подполковника резиновую дубинку и, приблизившись к нам, произнес: «Кто из вас не подпишет бумагу, тому голову разобью». Мамедов подошел к секретарю парторганизации Аркадию Симоняну и, плюнув в лицо, сказал: «Хватит, почему не хотите покинуть село, хотите быть уничтоженными, никто из вас не останется в живых». Когда мы остановились напротив помещения клуба, появилась автомашина марки УАЗ, из которой вывели двух девушек с двумя детьми. Они настолько были избиты, что я еле опознал их».

Террор в Нагорном Карабахе против мирных жителей власти АзССР и Кремль пытались скрыть, всячески исказить. В некоторых репортажах пытались убедить зрителей в том, что сами карабахцы просили переселить их из родных мест и собственных домов якобы из-за боязни «боевиков из Армении». Подобные фальшивки топорно фабриковались, а «признания» выбивались под дулами автоматов и угрозой расправы, насилия.

Из протокола допроса свидетеля Заргаряна Александра Гургеновича, жителя с. Геташен от 20 мая 1991 г.:

«...Меня схватил русский в чине подполковника, поволок в маленькую комнату и начал избивать автоматом. Я только помню его слова, которые он непрерывно твердил: «Почему вы не убираетесь с азербайджанской земли?». После этого... заставили умыться».

Ко мне подошел спецкор азербайджанского телевидения Маис Мамедов и сказал: «Должны тебя заснять на киноплёнку и, если хочешь остаться в живых, то должен сказать, что мы, армяне, несколько раз хотели оставить село, однако армянские боевики не разрешают и каждый вечер совершают нападения на азербайджанские села, мы боимся, хотим оставить село и выехать за пределы Азербайджанской республики». Я отказался от такого интервью. По указанию Кязимова меня увели и трое начали избивать. Минут через 20 вновь заставили умыться, а потом снова перед кинокамерой расспрашивали об «армянских боевиках». Я ответил, что в селе никаких боевиков не видел... Они выключили камеру и начали снова избивать меня... Когда я, изнемогая, падал, продолжали избивать в лежачем положении... Весь день продолжалось избиение и истязание, когда избивавшие уставали и уходили, вместо них приходили другие...»

Из рассказа жительниц Геташена Карине Аюпян и Греты Балаян:

«Омоновцы, всучив группе молодых парней автоматы, сфотографировали их как армянских фидаинов. Турки засняли на ленту и следующую сценку: будто группа

азербайджанцев с хлебом и солью являлась мириться с армянами, а геташенцы якобы отвергли и презрели миролюбивый порыв. Подобные грубо состряпанные фальшивки демонстрируются не только по бакинскому, но и по центральному телевидению»¹.

Из рассказа народного депутата РСФСР Валентины Линьковой, выполнявшей посредническую миссию в Шаумянском районе:

«...Захваченного жителя армянского села, душевнобольного юношу, объявили боевиком, одели в военную форму, повесили на грудь автомат и фотографировали, снимали для телевидения»².

Центральное советское телевидение одновременно продолжало раздувать национальную неприязнь по отношению к армянам. В дни депортации Геташена в программе «Время» был показан сюжет из Ростова-на-Дону, в котором корреспондент уверял, что перебои в городе с продовольственными товарами, в частности с маслом, связаны с массовой скупкой продуктов приезжими из Армении, которые де загружают ими направляющиеся в Ереван самолеты.

Журналист Константин Эггерт, направляясь в командировку в Ереван в начале июня 1991 г., по дороге в аэропорт «Внуково» разговорился со средних лет штурманом. *«Узнав, куда я еду, он недобро усмехнулся: «Увидите, стало быть, как они там наше масло едят. У нас чуть ли не половина отряда отказалась в Армению летать. Этих спекулянтов пусть другие возят! Смотреть противно – от продуктов и вещей, которые они в Москве нахапали, самолеты взлететь не могут». Я возразил: «Виноваты те, кто продает с черного» хода. Ни вы, ни я тоже не откажемся от покупки из-под прилавка. Такова жизнь. А у них там блокада, невольно приходится что-то изобретать». Мой полутчик задумался, потом сказал: «Может быть, вы правы. Впрочем, мне их проблемы безразличны. На том и расстались»³.*

Сей образчик широко распространенного «совкового» мышления дает понять, что низменная пропаганда падала на щедро удобренную «советским интернационализмом» почву и находила благодарного слушателя. И в определенной степени выполняла свою роль в деле камуфляжа карательных акций в Закавказье.

В разгар депортации Нагорный Карабах пытались максимально изолировать от внешнего мира.

Шаумянский район с начала операции «Кольцо», то есть с конца апреля 1991 г., был полностью лишен электричества, телефонной и телеграфно-почтовой связи.

Было сведено до минимума воздушное сообщение между Степанакертом и Ереваном. В конце июля авиасвязь вовсе была прервана и возобновлена лишь на короткий период осенью. Неоднократно отключалась телефонная связь НКАО с внешним миром. Предпринимались попытки вообще полностью лишить область всякой связи.

Так, в ночь с 17 на 18 мая приехавшие на трех УАЗах вооруженные люди в военной форме ворвались в помещение междугородной АТС в Степанакерте, арестовали сторожа, облили бензином технику и подожгли ее. Приехавшие на вызов сотрудники милиции

¹ «Советский Карабах», 14.05.1991 г.

² «Еженедельник «Союз», № 50 (102), 1991 г.

³ «Империя наносит ответный удар», «Куранты», 14.06.1991 г.

были обезоружены. Лишь оперативность пожарных позволила спасти оборудование. По заявлению военной комендатуры, напавшие на узел связи были не из числа военнослужащих дислоцированного в районе чрезвычайного положения контингента внутренних войск¹.

В первых числах июля в аэропорту омовцами были избиты почтовые работники, весь почтовый груз изъят и уничтожен².

Но полностью окружить Нагорный Карабах стеной информационной блокады не удалось.

Лишь немногочисленные армянские (в основном местные, карабахские) и независимые журналисты извне могли попасть на места событий, смертельно рискуя при этом. Оператор армянского телевидения Вардан Оганесян был схвачен карателями в Геташене и лишь ценой невероятных усилий, благодаря международным журналистским организациям, вышел на свободу после нескольких месяцев заточения.

Корреспондент «Московских новостей» Владимир Емельяненко прорвался в Геташен в дни депортации и опубликовал в своей газете материал с кричащим названием: «Свидетельствую: в Геташене была бойня».

Отважная Инесса Бурнова – публицист и писатель, член КРИКА – передавала свои полные драматизма сообщения из Шаумяна с первого дня трагедии Геташена и Мартунашена.

Журналист Андрей Пральников и фотограф Алексей Федоров многократно бывали в регионе с самого начала событий в качестве корреспондентов «Московских новостей». В период операции «Кольцо» они, будучи уже сотрудниками газеты «Мегаполис-экспресс», опубликовали материалы, в которых рассказывалась правда о депортациях.

Болгарская журналистка Цветана Паскалева вместе с группой добровольцев попала в Шаумянский район в разгар депортации. Ее кричащие репортажи были показаны по российскому телевидению в выпусках информационной программы «Вести», которая начала выходить в эфир как раз с 1 мая 1991 г. «Вести» были единственной программой советского телевидения, которая демонстрировала отражающие реальность сюжеты и новости из Карабаха. Делалось это, конечно, в пике горбачевскому Кремлю с его центральным телевидением. Тем не менее первый удар по информационной блокаде на телевидении был нанесен именно благодаря «Вестям».

Чешский журналист Яромир Штетина (ныне является сенатором Чешской Республики) и ранее, в период чрезвычайного положения, неоднократно бывал в Карабахе со своими коллегами. Высланный из Карабаха в Ереван самолетом, куда его впахивали вооруженные солдаты, он чудным образом через сутки мог снова объявиться в Степанакерте, вызывая шок у военных комендантов. В период операции «Кольцо» Яромир – тогда обозреватель ведущей чешской газеты «Людови Новини» – и его отважная коллега Дана Мазалова подробно знакомили общественность Чехословакии с происходящим в регионе, рассказывали европейцам о трагедии депортированных карабахских крестьян.

А в период последовавшей затем войны Яромир Штетина и его коллеги провели в своей стране целую кампанию солидарности с Нагорным Карабахом, в результате чего из Братиславы в регион дважды были направлены самолеты Ил-76 с грузами гуманитарной помощи, собранной гражданами тогда еще единой Чехословакии.

¹«Голос Армении», 23.05.1991 г.

²«Голос Армении», 05.07.1991 г.

КРИК ПРОТЕСТА В МОРЕ БЕЗМОЛВИЯ

Как уже отмечалось выше, трагические события в Нагорном Карабахе остались вне понимания и озабоченности подавляющего большинства советских и российских граждан. В том числе и пресловутых «демократов», которых сегодня лживо и задним числом азербайджанская пропаганда объявляет главными лоббистами карабахского движения в Москве. На деле все обстояло совершенно противоположным образом.

Те единичные представители «демократических сил», которые открыто и однозначно выступили в поддержку требований карабахцев, были неплохо знакомы с проблемами региона, его историей. Будь то академик и интеллектуал в высшей степени Андрей Сахаров, чья жена Елена Боннер (Алиханян) происходила по отцовской линии из известной армянской семьи, пострадавшей от сталинских репрессий.

Или Галина Старовойтова, профессиональный этнограф, знавшая регион, неоднократно бывавшая в нем, в том числе и в Карабахе, в командировках. Или историк Виктор Шейнис, еще в конце 1950-х пострадавший за самиздатовскую статью против жестокого подавления венгерской оппозиции и вынужденный на годы сменить научную работу на халат рабочего-расточника ленинградского Кировского (Путиловского) завода.

К тому же их высокий авторитет влиял и на позицию некоторых представителей демократического движения, в частности членов депутатской «Межрегиональной группы». Такие известные тогда в стране люди, как Юрий Афанасьев и Анатолий Собчак во многом прислушивались к мнению того же академика Сахарова по карабахской проблеме.

Естественно, что подобные люди в силу своего высокого интеллекта и знаний просто не могли делить людей на достойных и не достойных сочувствия в зависимости от региона проживания и груза прошлых проблем.

А это как раз и делали «демократические» движения в Прибалтике, на Украине (народные фронты, «Саюдис», и т.п.), чьи представители полагали, что проблемы, подобные карабахской, создавались Кремлем исключительно для противодействия выходу из СССР «свободолюбивых» республик¹.

Подавляющее же большинство российских демократов носили на глазах шоры псевдодемократической шелухи, считая конфликты в Закавказье порождением «дикости» туземцев.

Об этом предельно ясно сказал в свое время народный депутат СССР Юрий Черниченко на пресс-конференции по возвращении из НКАО:

«Мы в своем нравственном учении допускаем неравную ценность человеческой жизни и человеческой крови. После 13 января (имеются в виду события 13 января 1991 г. в Вильнюсе, когда после объявления Литвой независимости армия захватила телецентр, были жертвы – прим. автора) Москва полумиллионным митингом сняла с себя всякое подозрение в том, что согласна с этой кровью и готова кровь Вильнюса принять на себя. Но ведь в ту же ночь 13 числа была сожжена деревня (карабахская – прим.

¹Н. Кабанов, «Кто готовит «балтийский Карабах»?», «Атмода», № 5, 29.01.1990 г.

автора) Цахнадзор... Мы, намеренно не зная, не прислушиваясь к судьбе этой деревни, берем на себя большой грех. Это значит, что кровь одних не равна крови других. Это и есть имперское, жандармское, гзбэшное мышление»¹.

Пресс-конференция, на которой прозвучали эти слова, состоялась вскоре после того, как Ю. Черниченко впервые побывал в Нагорном Карабахе в составе делегации независимой писательской ассоциации «Апрель». Делегация в составе контр-адмирала Тимура Гайдара (сына известного писателя Аркадия Гайдара и отца будущего российского премьера и автора рыночной реформы Егора Гайдара), писателей и публицистов Валентина Оскоцкого, Андрея и Галины Нуйкиных, народного депутата СССР Юрия Черниченко 3 февраля вылетела из Еревана в Степанакерт. В степанакертском аэропорту члены делегации были задержаны азербайджанскими омовцами под командой капитана А. Гаджиева. Последний, в прошлом участковый милиционер, ранее попался на взятке, был осужден, но досрочно выпущен из тюрьмы, чтобы получить столь важное назначение.

Лишь Т. Гайдару и Ю. Черниченко удалось побывать в Степанакерте и окрестных селах, пообщаться с военными из комендатуры и населением – как армянами, так и азербайджанцами. Остальные же трое писателей были под конвоем препровождены в самолет и первым же рейсом отправлены обратно в Ереван.

Увиденное и услышанное в Нагорном Карабахе повергло «апрелевцев» в настоящий шок. Вернувшись в Москву, они 8 февраля созвали пресс-конференцию, отчеты о которой, благодаря широкой личной известности писателей и публицистов из «Апреля», были напечатаны и в некоторых центральных изданиях. В том числе в набиравшей тогда силу и очень популярной «Независимой газете».

На пресс-конференции Т. Гайдар публично сравнил Нагорный Карабах с Афганистаном времен советского вторжения, а Ю. Черниченко прямо назвал происходящее в Карабахе войной.

Валентин Оскоцкий, сказав, что три часа, проведенные в аэропорту Степанакерта под дулами автоматов, были ему невмоготу, задался вопросом: «Как же жить населению Нагорного Карабаха, которое в этой атмосфере унижения живет более трех лет изо дня в день?» Прозвучали и резкие заявления в адрес военных властей. «Защита жизни граждан в НКАО не гарантируется, а человеческое достоинство попирается», – сказал Валентин Оскоцкий².

Т. Гайдар особо подчеркнул, что все, что делалось в Нагорном Карабахе, было сознательно направлено на разжигание недовольства армянского населения, доведение его до отчаяния и подталкивания к насилию в отношении военнослужащих³.

Андрей Нуйкин признал, что своим невмешательством в происходящее в Карабахе они, представители российской интеллигенции, «помогли... и еще поможем – если будем прежнюю позицию занимать – не слабейшему, не справедливости, а угнетателю»⁴.

¹«Все началось с Карабаха», «Независимая газета», 19.02.1991 г.

²«Арцах глазами «Апреля», «Советский Карабах», 16.02.1991 г.

³Там же

⁴«Независимая газета», 19.02.1991 г.

Через месяц, в марте 1991 г., в Центральном доме литераторов прошло учредительное собрание организации, призванной защищать попираемые Баку и Кремлем права народа Нагорного Карабаха. Комитет российской интеллигенции «Карабах», или сокращенно КРИК, поставил своей главной задачей прорыв информационной блокады, искусственно созданной азербайджанским и союзным руководством вокруг проблемы Нагорного Карабаха и ситуации в крае.

А о том, насколько глухой была стена молчания, выстроенная партийно-гзбистским руководством вокруг Нагорного Карабаха, свидетельствовал и личный опыт КРИКовцев. На учредительном собрании организации Андрей Нуйкин с возмущением рассказал, что его недавно опубликованный в одном из изданий материал о Карабахе ранее не был принят в «Московских новостях», несмотря на то, что сам Нуйкин... был одним из учредителей этой называвшей себя независимой газеты. То же самое относилось и к «перестроенному» «Огоньку» В. Коротича, который, по словам Нуйкина, занимал позицию «ни нашим, ни вашим», ставя на одну доску жертву и агрессора¹.

В последующем КРИКовцы многократно выступали в нарождавшихся независимых российских СМИ, на международных форумах в поддержку прав карабахцев. В период операции «Кольцо» информация о том, что в действительности происходило в Карабахе, прозвучала в выступлениях членов КРИКа на антикоммунистических митингах в Москве, собравших сотни тысяч людей.

После провала августовского путча статьи КРИКовцев о Нагорном Карабахе стали появляться и в прежде наглухо закрытых для них центральных изданиях. 18 октября 1991 г. «Известия» опубликовали пространный материал Андрея Нуйкина «Карабахский дневник». В нем впервые в главной на тот момент газете страны были расставлены все акценты, каратель назван карателем, а жертва – жертвой. В статье приводились ужасающие подробности пыток и издевательств, свидетельства массовых нарушений прав человека в Нагорном Карабахе.

После ее публикации в редакцию «Известий» поступили десятки телеграмм из Нагорного Карабаха и Республики Армения от граждан, пострадавших в ходе операции «Кольцо»: депортированных, ограбленных, потерявших своих родных и близких. Телеграммы, конечно, не были опубликованы, но переданы редакцией А. Нуйкину. Вот тексты некоторых из них. 85-летняя А. Алексанян:

«Меня били ногами, рукояткой пистолета, прикладом автомата, мои глаза едва видят свет. Мне прочитали статью товарища Нуйкина. Я хочу сказать ему, что нет моего родного села Хандзадзор. Азербайджанцы с помощью армии не только сожгли всю деревню, но прокатили трактором село и кладбище. Будь они прокляты».

Арина Анопян:

«Мой брат, Карапетян Аноп, погиб смертью храбрых в Афганистане в 1982 году. С тех пор я потеряла покой, убита горем. Сейчас мне невозможно жить, так как 15 мая в моем родном селе Арпагядук Гадрутского района зверски убиты моя мама Эмма Карапетян и отец Сурен Карапетян. Все кладбища азербайджанцы разорили, увезли надгробья. Неужели мировое сообщество и далее будет молчать о нашей трагедии?»

¹«В Москве создан комитет «Карабах», «Советский Карабах», 23.03.1991 г.

Реакция в Баку на материал Нуйкина была истеричной: азербайджанская прокуратура завела на автора уголовное дело «за разжигание межнациональной розни и преднамеренное искажение фактов». Впрочем, дело было не новое. Еще в апреле 1991 г. небезвестный Виктор Илюхин из Прокуратуры СССР возбудил против А. Нуйкина дело в связи со статьей последнего «Где же ты была, русская интеллигенция?»¹, также посвященной событиям в Нагорном Карабахе. Излишне говорить, что «иллюхинское» дело вскоре прекратили вследствие его надуманности и тенденциозности.

Правда о происходившем в Арцахе была столь ужасающей, что даже приподнимание наброшенного на нее полога секретности представляло опасность для военных преступников в Баку и Кремле.

И в дальнейшем, уже в годы азербайджано-карабахской войны, правдивые и яркие выступления КРИКОВЦЕВ позволяли общественности не только независимой России, но и стран СНГ и дальнего зарубежья узнать правду о Нагорном Карабахе и борьбе его народа за право на жизнь.

Между тем, выступления членов Комитета российской интеллигенции «Карабах» воистину являли собой крик протеста в море безмолвия и равнодушия.

Ни в СССР, ни в независимой России как сама операция «Кольцо», так и совершенные в ее ходе военные преступления не получили должной политической и правовой оценки. Единственными официальными документами такого рода явились лишь Заявления и Обращения Верховного Совета Республики Армения и Заключение Комитета по правам человека Верховного Совета Российской Федерации, сделанные по горячим следам в 1991 г.

Этот комитет, возглавлявшийся тогда С. А. Ковалевым, дважды, 18 мая и 18 июня 1991 г., проводил слушания о нарушениях прав человека и преступлениях в ходе операции «Кольцо» с привлечением большого количества участников, свидетелей, пострадавших, в том числе и непосредственно депортированных из карабахских сел. В результате были изданы материалы этих слушаний, но лишь для внутреннего пользования ВС РСФСР. Заключение Комитета ВС РСФСР по правам человека по итогам слушаний было также издано в Ереване.

Попытка же включить вопрос о депортациях в повестку дня сессии Верховного Совета России оказалась малоэффективной. Российские депутаты, не осудив массовые нарушения прав человека в Карабахе и отказавшись рассматривать суть вопроса, ограничились принятием традиционного обращения к Армянской и Азербайджанской республикам с призывом решить карабахский вопрос путем мирных переговоров. По сути, это был очередной пустой призыв в духе: «Ребята, давайте жить дружно!»

Реакция в стране и мире на события в Карабахе была также совершенно не адекватной масштабу совершаемых там преступлений. Усилия отдельных советских и зарубежных правозащитников и общественных деятелей не повлекли за собой сколько-нибудь значимых акций протеста. Официальные круги Запада закрывали глаза на внутривнутриполитические акции М. Горбачева; общественность продолжала находиться во власти «горбачевщины». Вскоре после депортации Геташена, Мартунашена и еще десятка сел на первом

¹ «Независимая газета», 06.04.1991 г.

этапе операции «Кольцо» первого и последнего президента СССР весьма доброжелательно принимали в Осло, куда он прибыл для прочтения лекции в качестве лауреата Нобелевской премии мира за 1990 г.

Операция «Кольцо» получила резонанс в США, которые использовали факт ее проведения, как и прежние события в Нагорном Карабахе, разумеется, в собственных политических целях. В мае 1991 г. Сенат Соединенных Штатов Америки единогласно принял резолюцию, осуждающую преступления, совершенные властями СССР и Азербайджана против армянского населения Нагорного Карабаха, Армении и Азербайджана. Документ представили сенаторы Левин, Доул, Саймон, Преслер, Кеннеди, Симор, Белл, Кестон, Дикончини, Уорнер, Ригл, Бредли, Спектр и Сарбейнз.

В резолюции говорилось, что «СССР и правительство Азербайджанской республики драматичным образом усилили свои нападения на армянское население Нагорного Карабаха, Армении и Азербайджана»; «правительство СССР отклонило заявление Армении о созыве внеочередного съезда народных депутатов СССР с целью решения вопроса Нагорного Карабаха», а «советские и азербайджанские вооруженные силы, нарушив признанные международные нормы, разрушили армянские села и депортировали армянское население из Нагорного Карабаха и окружающих его местностей».

В связи с этим Сенат США осудил «нападения на невинных людей, женщин и детей», «широкомасштабное применение военной силы, а также обстрелы безоружного населения на восточных и южных границах Армении», призвал «положить конец блокадам и другим формам применения силы, а также террору, направленному против Армении и Нагорного Карабаха». Сенат также высказал пожелание, чтобы карательные войска были отозваны, и призвал «начать диалог как единственно приемлемый путь разрешения конфликта».

Естественно, что операция «Кольцо» послужила лишь поводом для озвучивания позиции США собственно по вопросу будущего СССР: «Засвидетельствовать приверженность Соединенных Штатов Америки успеху демократии и самоопределения в Советском Союзе и его республиках, выражая глубокую озабоченность любыми действиями советского правительства, ставящими целью наказать, терроризировать или оказать давление на республики и регионы, избравшие свой путь осуществления политических устремлений»¹.

В июле 1991 г., накануне визита в СССР президента США Джорджа Буша (старшего), азербайджанский лидер А. Муталибов обратился к нему с личным посланием, в котором в демагогическом духе рассуждал о дружбе народов, «десятиках тысяч людей, соединившихся брачными узами и ставших вдвойне несчастными». Побудительным мотивом своего письма Муталибов назвал тот факт, что тема Нагорного Карабаха стала предметом активного обсуждения в различных кругах США, в том числе среди конгрессменов и сенаторов.

Впрочем, не пройдет и двух лет после развала СССР, как Вашингтон полностью сменил свой тон в отношении карабахской проблемы: теперь он будет защищать призрачную территориальную целостность бывшей Азербайджанской ССР от «карабахских сепаратистов».

¹ «Арменпресс», «Советский Карабах», 25.05.1991 г., № 97

«ГЕРОИ» И ПОСЛЕДСТВИЯ ОПЕРАЦИИ «КОЛЬЦО»

Операция «Кольцо» – тягчайшее преступление против человечности, которое полностью лежит на руководстве и силовых структурах АзССР – Азербайджанской Республики и СССР. «Кольцо» стало даже более мерзким и отвратительным преступлением, чем резня и погромы в Сумгаите. Ибо после «сумгаита» союзные власти все же делали вид, что озабочены происходящим, оправдывались «опозданием войск на три часа» и даже предприняли хоть и издевательскую пародию на правосудие, но все же формальный судебный процесс над группой погромщиков. Даже власти АзССР поначалу пытались как-то оправдаться за беспрецедентные за всю историю СССР погромы и этническую чистку в Сумгаите.

В случае с операцией «Кольцо» кремлевский режим и не пытался дистанцироваться от преступных азербайджанских руководителей, отнюдь не скрывавших от сограждан свои истинные намерения в отношении карабахцев. Напротив, Кремль открыто поддерживал их, заявив, что все происходящее – борьба с «армянскими боевиками» за восстановление законности и правопорядка в Карабахе.

Михаил Горбачев в мае 1991 г., отвечая на вопрос о происходящем в Нагорном Карабахе на совместной с президентом Франции Франсуа Миттераном пресс-конференции, злобно высказался в том духе, что операция будет продолжена и что подобным образом будет пройдено «село за селом». Эти чудовищные заявления президента СССР повергли в шок и вызвали отвращение как в цивилизованном мире, так и среди граждан Союза, имевших реальное представление о происходившем.

Главная ответственность за операцию «Кольцо», за депортацию и погромы несомненно лежит на экс-президенте СССР Михаиле Горбачеве, который, в соответствии с Конституцией и законами СССР, являлся гарантом защиты прав всех граждан СССР. Горбачев был достаточно информирован о происходящем в реальности, – об этом однозначно свидетельствовали многочисленные народные депутаты СССР, РСФСР, Армянской и Азербайджанской республик. Не случайно, что уже само внимание прессы к событиям в Карабахе вызывало гнев Горбачева.

О моральных качествах этого человека достаточно ясно высказалась Галина Старовойтова, чья меткая характеристика М. Горбачева приведена в эпиграфе к данной главе.

В мае 1991 г., на международном Конгрессе, организованном в день 70-летия со дня рождения Андрея Дмитриевича Сахарова, прозвучали правдивые слова о реальном положении в Карабахе. На заседании присутствовал и Президент СССР Михаил Горбачев.

Интересно свидетельство вдовы академика Андрея Сахарова Елены Боннер, приведенное в книге Зория Балааяна «Между адом и раем»:

«...Сегодня во время перерыва, до начала концерта, я давала чай в президиуме, в том числе Горбачеву и Раисе Максимовне. Лицо президента было багровым. Я понимала, что причиной тому – мои слова о последних событиях в Карабахе. Во время чая я рассказала историю, которую ты накануне по телефону мне поведал. О судьбе матери троих детей, да еще и беременной на девятом месяце. Когда я сказала, что

на глазах у беременной женщины, троих детей и советских солдат азербайджанские омоновцы зверски убили ее мужа Анушавана Григоряна, а затем четыре дня не давали его похоронить, Горбачев изменился в лице. А вот супруга его продолжала пить чай. Откусила пирожное и спокойно так спросила: «Почему вы ненавидите азербайджанский народ, Елена Георгиевна?» Такая вот реакция на трагедию людскую. Я от неожиданности поперхнулась»¹.

Несомненно, вина за совершенное в ходе операции «Кольцо» персонально лежит и на политическом руководстве АзССР и СССР, на руководителях МВД СССР и его внутренних войск, КГБ СССР и Советской Армии.

Известно, что идеологически и политически депортацию готовили лично президент АзССР Аяз Муталибов и второй секретарь ЦК КПА Виктор Поляничко.

23 мая 1991 г. на чрезвычайном совместном заседании облисполкома, Степанакертского горисполкома, ряда других областных организаций, с участием представителей военной комендатуры обсуждалась ситуация в области.

По свидетельству бывшего члена КОУ НКАО Владимира Товмасына, «комендант особого района (речь идет о коменданте района чрезвычайного положения НКАО и прилегающих районов АзССР полковнике Жукове – прим. автора) вынужден был признаться, что ситуация ему не подконтрольна, что операцией руководит председатель КГБ АзССР Гусейнов»².

Уточним, что речь идет о председателе КГБ Азербайджанской ССР Вагифе Гусейнове, который, будучи одним из преданных сторонников экс-президента А. Муталибова, впоследствии бежал с ним в Россию и ныне проживает в Москве, возглавляя, как отмечалось в предыдущей главе, один из расплодившихся ныне в огромном количестве политологических центров.

Министр внутренних дел СССР Борис Пуго, Председатель КГБ СССР Виктор Крючков и Министр обороны СССР Дмитрий Язов как члены ЦК КПСС, руководители силовых структур принимали непосредственное решение о проведении операции «Кольцо». Они же давали приказы своим подчиненным на проведение операции и поддержку действий МВД Азербайджанской Республики.

Командующий внутренними войсками МВД СССР генерал-полковник Юрий Шаталин лично контролировал ход операции «Кольцо»; в определенные ее моменты он находился непосредственно на месте событий: так, в ходе ввода войск в Геташен и Мартунашен он находился в расположенном неподалеку райцентре Ханлар.

Замминистра внутренних дел СССР генерал Борис Громов, высказавший угрозу «обнести Карабах «берлинской стеной», по многим свидетельствам, был непосредственно причастен к разработке операции³.

Так считают не только правозащитники. Вот свидетельство Виктора Кривопущова, в 1990–1991 гг. командированного в НКАО в качестве начальника штаба следственно-оперативной группы МВД СССР:

¹«Между адом и раем». Москва. Academia. 1995. С. 47

²Карабахская мозаика. Москва. 2003. С. 160

³Игорь Бабанов, Константин Воеводский «Карабахский кризис», Санкт-Петербург, 1992, издание Санкт-Петербургского Комитета Гуманитарной помощи Карабаху. С. 45–51

«Громов по настоянию Поляничко сократил время своего пребывания в НКВД. Он не стал дожидаться получения материалов из Москвы, объективно раскрывающих состояние конфликта в Карабахе и серьезные претензии к Баку... Уверен, что отсутствие этих материалов у первого заместителя министра внутренних дел СССР сыграло при встрече 16 апреля 1991 г. с Муталибовым и другими руководителями Азербайджана роковую роль при определении «его собственных взглядов. Генерал-полковник Громов тогда поддержал предложение о проведении операции «Кольцо». Вернее, о насильственной депортации десятков тысяч людей армянских сел Геташен и Мартунашен Ханларского района, жителей всего бывшего Шаумянского района, а также Гадрутского района и пяти армянских сел в Шушинском районе НКВД. Азербайджанскому руководству и лично Поляничко, видимо, удалось так впечатлить генерала Громова, что он уверовал в правоту применения террористических методов против армян – граждан своей страны. По возвращении в Москву генерал-полковник Громов возглавил руководство проведением этого беспрецедентного по масштабам, жестокости и афганизированного по содержанию «профилактического» мероприятия против армянского народа Нагорного Карабаха. Оправдывая свои действия, в одном из тогдашних интервью он дошел до угроз «обнести Карабах «берлинской стеной»».

Между прочим, Б. Громов впоследствии внес свой вклад и в эскалацию прямых вооруженных действий в Нагорном Карабахе. В феврале 1992 г. он вместе с адмиралом флота, командующим ВМС СССР и многолетним депутатом Верховного Совета СССР от АзССР Чернавным осуществлял раздел военного имущества бывшего СССР, оставшегося на территории бывшей Азербайджанской ССР. По согласованию с высокопоставленными московскими визитерами, уже в феврале 1992 г. часть вооружений (в частности эскадрилья боевых вертолетов Ми-24), была передана азербайджанской национальной армии, которая сразу же применила ее против Нагорного Карабаха, в том числе в отношении мирного населения. Сомнительно, чтобы человек со столь «впечатляющим» послужным списком когда-либо занял какой-либо государственный пост в действительно правовой стране.

Командиры ряда соединений, частей и подразделений дислоцированной тогда в АзССР 4-й армии, прежде всего ее командир генерал Соколов и командир 23-й дивизии 4-й армии полковник Будейкин несут персональную ответственность за преступления своих подчиненных.

...Как в сталинские времена, в подлежащих «чистке» районах при районных комендатурах были созданы специальные «тройки» из представителей армии, МВД и КГБ, которые координировали все действия по депортации, выступая при этом под псевдонимами.

В отчете группы экспертов Первого международного Конгресса памяти А. Д. Сахарова во главе с членом Палаты лордов Великобритании баронессой Керолайн Кокс говорилось: *«ОМОН и местные жители азербайджанской национальности занимались незаконной конфискацией домов, машин, домашнего скота и другой личной собственности... Сообщения из независимых источников подтверждают, что при некоторых из этих операций присутствовали и давали указания: первый заместитель министра внутренних дел Азербайджана Мамедов, председатель райисполкома, начальник РОВД и начальник КГБ».*

В целом, круг замаравших себя участием в преступлениях против человечности в период операции «Кольцо» был так велик, а номенклатура его столь разнопланова, что власти новой России поспешили списать это преступление в архив. Благо и Союз ССР вскоре после этого перестал существовать. Безнаказанными остались организаторы и исполнители операции «Кольцо». Тем более что ряд ее идеологов и организаторов вскоре были отстранены (М. Горбачев), покончили самоубийством (Б. Пуго), убиты (В. Поляничко), либо ушли в отставку и в «тень».

В конечном счете операцию «Кольцо» постарались забыть, списав все на «межнациональный конфликт» и последующую азербайджано-карабахскую войну 1991–1994 гг.

Излишне говорить, что в Азербайджанской Республике организаторы и участники операции «Кольцо» изначально считались героями. Но после бегства А. Муталибова из страны ни сам он, ни его оппоненты в Баку не любили вспоминать об операции «Кольцо». Прежде всего потому, что эта кровавая страница недавней истории напрочь опровергает миф официальной азербайджанской пропаганды о нагорно-карабахском конфликте как следствии «агрессии Армении против Азербайджана» и Азербайджане как «жертве» этой самой агрессии...

Современная же азербайджанская пропаганда преподносит события периода операции «Кольцо» с точностью до наоборот, цинично полагая, причем не без оснований, что по прошествии лет многие вообще забыли, что происходило тогда в регионе.

Например, в номере 9 (49) за сентябрь 2004 г. издающейся в Москве газеты «Азербайджан» – органе Федеральной национально-культурной автономии азербайджанцев России, в заметке «Наша справка»¹ говорится:

«...Начиная с февраля 1988 г., при участии и поддержке армии бывшего Советского Союза армяне, живущие в Нагорном Карабахе, силой сгоняли азербайджанцев с родных мест».

Или совсем свежий пример вдохновенного вранья из статьи журналиста Рустама Арифджанова:

«Все было сделано, как вы знаете, абсолютно наоборот. Советские войска поддержали карабахских сепаратистов. Почему тогда, 20 лет назад, Москва поддержала карабахских сепаратистов? Почему сделала первый шаг к распаду своего, нашего государства?»²

Оставшаяся не осужденной, операция «Кольцо» стала прецедентом и прелюдией для новых военных преступлений и жестоких акций против гражданского населения и отнюдь не только к югу от Большого Кавказского хребта.

Наконец, операция «Кольцо» означала окончательный и бесповоротный переход проблемы Нагорного Карабаха в стадию вооруженного конфликта.

¹С. 23, приложение к рассказу Али Самедли «Идет невеста в палатку»

²Рустам Арифджанов, «Севанская утопия», «Профиль», № 21, 02.06.2008. С. 26–32

Глава 14

ВОЙНА И МИФЫ

«Не существует ни моральных, ни исторических оснований для признания Карабаха частью территории Азербайджана. Во всякой войне нарушения прав человека совершаются с обеих сторон. Однако в данном случае существует постоянная асимметрия, которая позволяет утверждать, что истинным агрессором в этой войне является Азербайджан»

Неролайн Кокс, вице-спикер Палаты лордов Великобритании, из доклада на дебатах 1 июля 1997 г.

«Люди, не знающие реалий этого мира, делают много ошибок»

Гейдар Алиев, президент Азербайджанской Республики, «Бакинский рабочий», 12 ноября 1999 г.

Об условиях, которые создали обстановку, в которой стало возможным открытое военное противостояние между народами, этническими группами и политическими группировками, было написано в начале книги. Право народов на самоопределение трактовалось и осуществлялось настолько свободно, а центральная власть настолько была занята своими собственными экономическими и политическими проблемами, что права каких-то карабахских армян на самом деле вряд ли ее интересовали.

Дали свободу – пользуйтесь! Механизм, правда, отсутствовал. Правовые рычаги не работали, зато такая «свобода» позволяла решать споры силовым путем, что и происходило практически по всей стране. Карабахская автономия – точнее, невозможность осуществления таковой на практике – только отразила общую ситуацию. Те, кто пытался легитимным, законным парламентским способом ее установить, оказались мечтателями.

Зато люди, «знакомые с реалиями», не упустили шанса приватизировать всеми способами вооружение советских войск, вооружая формирования боевиков. С чьих преступных санкций это происходило? Вопрос в общем риторический.

Странно другое – оказывается, за это можно получить Нобелевскую премию мира!

Что же получил Карабах?

Азербайджанские власти 26 ноября 1991 г. приняли решение – об упразднении НКАО – и перешли к открытой агрессии против Нагорно-Карабахской Республики. Приватизировав огромные запасы техники, вооружений и боеприпасов бывшей Советской Армии, Баку начал непосредственные боевые действия против армянского Нагорного Карабаха.

Война, начавшись осенью 1991 г., с переменным успехом продолжалась до начала мая 1994 г., когда при посредничестве Российской Федерации было заключено бескровное прекращение огня. В ходе войны, потеряв часть своих территорий, Нагорно-Карабахская Республика в то же время установила контроль над значительными территориями Нагорного и равнинного Карабаха за пределами границ НКР.

Эта война породила множество мифов и пропагандистских клише, которые сознательно используются заинтересованными силами для искаженного представления о национально-освободительном характере борьбы армян Нагорного Карабаха за свое естественное право свободно жить на своей земле. В частности, последствия навязанной карабахцам Азербайджанской Республикой и ею же проигранной агрессивной войны выдаются официальным Баку и его союзниками за «агрессию Армении», оккупацию азербайджанских территорий и так далее.

РАЗВОД ПО-СОВЕТСКИ

Как уже было сказано в предыдущей главе, Закон СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» дал армянскому Нагорному Карабаху – то есть НКАО и Шаумянскому району – легальную возможность выхода из состава АзССР – Азербайджанской Республики в случае выхода последней из состава СССР. Именно это и произошло в августе-декабре 1991 г.

В ответ на решение ВС АР от 30 августа 2 сентября 1991 г. в Степанакерте была провозглашена Нагорно-Карабахская Республика. В Декларации о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики говорилось:

- «Совместная сессия депутатов Нагорно-Карабахского областного и Шаумянского районного Советов народных депутатов с участием депутатов Советов всех уровней – выражая волю народу, закрепленную фактически проведенным референдумом и в решениях органов власти НКАО и Шаумянского района в 1988–1991 гг., его стремление к свободе, независимости, равноправию и добрососедству;*
- констатируя провозглашение Азербайджанской Республикой «восстановления государственной независимости 1918–1920 гг.»;*
- учитывая, что проводимая в Азербайджане политика апартеида и дискриминации создала в республике атмосферу ненависти и нетерпимости к армянскому народу, приведшую к вооруженным столкновениям, человеческим жертвам, массовой депортации жителей мирных армянских сел;*
- основываясь на действующей Конституции и законах Союза ССР, предоставляющих народам автономных образований и компактно проживающим национальным группам право на самостоятельное решение вопроса о своем государственно-правовом статусе в случае выхода союзной республики из СССР;*
- считая стремление армянского народа к воссоединению естественным и соответствующим нормам международного права;*
- стремясь к восстановлению добрососедских отношений между армянским и азербайджанским народами на основе взаимного уважения прав друг друга;*
- принимая во внимание сложность и противоречивость обстановки в стране, неопределенность судьбы будущего Союза, союзных структур власти и управления;*
- уважая и следуя принципам Всеобщей Декларации прав человека и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Международного*

пакта о гражданских, политических и культурных правах и рассчитывая на понимание и поддержку международного сообщества

Провозглашают: Нагорно-Карабахскую Республику в границах нынешней Нагорно-Карабахской автономной области и сопредельного Шаумянского района. Сокращенно НКР.

Нагорно-Карабахская Республика пользуется полномочиями, предоставленными республикам Конституцией и законодательством СССР, и оставляет за собой право самостоятельно определять свой государственно-правовой статус на основе политических консультаций и переговоров с руководством страны и республик.

На территории Нагорно-Карабахской Республики до принятия Конституции и законов НКР действуют Конституция и законодательство СССР, а также другие ныне действующие законы, которые не противоречат целям и принципам настоящей Декларации и особенностям Республики»¹.

Тем самым был сделан первый шаг на пути официального расставания Нагорного Карабаха с бывшей АзССР на основании действующего советского законодательства.

20–23 сентября 1991 г. президенты России и Казахстана Борис Ельцин и Нурсултан Назарбаев предприняли первую миротворческую миссию высокого уровня в регионе, посетив Баку, Степанакерт и Ереван, где провели переговоры с руководством Азербайджанской Республики, Нагорно-Карабахской Республики и Республики Армения.

Во многом эта миссия была обусловлена желанием двух амбициозных лидеров «утереть нос» президенту СССР М. Горбачеву. Когда кортеж автомобилей под охраной группы «Альфа» вырлился на центральную площадь Степанакерта, где собрались десятки тысяч людей, Ельцин смело вышел к народу. Одними из первых его слов были упреки в адрес советского президента. «Конечно, надо было, чтобы три, почти четыре года назад Горбачев сюда приехал. Но не приехал!» – проговорил своим знаменитым говором с фирменной ухмылкой президент новой России. Его слова нашли живую поддержку у собравшихся на площади, которые держали транспаранты с приветствиями в адрес президентов Ельцина и Назарбаева.

23 сентября в городе Железноводске на российском Северном Кавказе состоялись переговоры с участием президента Азербайджанской Республики, председателя Верховного Совета Республики Армении и руководства НКР. По их итогам было подписано Железноводское коммюнике – своего рода декларация о намерениях сторон урегулировать конфликт.

Характерно, что и в ходе переговоров в Железноводске проскальзывали слова и замечания, которые свидетельствовали в пользу того, что во главу миротворческой миссии российский и казахстанский президенты ставили цель принизить слабеющий союзный Центр, все еще пытавшийся говорить о новом Союзном договоре.

«Участники переговоров едины в том, что М. Горбачев не должен вмешиваться в ситуацию, – говорилось в репортаже «Известий» с переговоров. – Как известно, готовится Указ президента СССР, в котором будет предпринята попытка еще раз разрешить проблему Нагорного Карабаха. По словам Н. Назарбаева, «необходимости в этом указе нет, две независимые республики должны сами договориться»².

¹«Статус Нагорного Карабаха в политико-правовых документах и материалах». Библиотека центра русско-армянских инициатив. Ереван: 1995. С. 69–70

²«В Железноводске – о Карабахе», «Известия», 23.09.1991 г.

Эти же слова свидетельствовали о том, что, по крайней мере, президент Назарбаев по-прежнему продолжал считать Нагорный Карабах не субъектом переговоров, а объектом спора двух «независимых республик».

Однако посредническая миссия закончилась практически безрезультатно, так как буквально через день после подписания Железноводского коммюнике начались массированные обстрелы столицы Нагорно-Карабахской Республики г. Степанакерта и непосредственные боевые действия как на территории, так и вдоль периметра границ НКР.

В Нагорном Карабахе уже фактически царил двоевластие. Местные власти де-факто восстановили свои полномочия. Силы комендантуры старались держать нейтралитет, занимаясь непосредственно задачами по разграничению противостоящих сил и по охране самих себя. В некоторых сельских районах бойцы сил самообороны, уже не таясь, открыто передвигались в военной форме с оружием в руках; внутренние войска старались с ними не связываться.

20 ноября близ сел Бердашен (Каракенд) Мартунинского района НКР потерпел крушение вертолет Ми-8, на борту которого находился 21 человек, включая членов экипажа. Вертолет направлялся из азербайджанского Агдама в карабахский райцентр Мартуни, где накануне произошли серьезные столкновения между жителями города и населенного азербайджанцами пригорода Ходжавенд, закончившиеся полным сожжением последнего.

Наряду с тремя членами экипажа и тремя офицерами из МВД, МО России и Казахстана, входившими в наблюдательскую миссию, среди погибших был и комендант района чрезвычайного положения генерал-майор Николай Жинкин. Погибли и присланные в разное время из центра руководители силовых структур НКАО: начальник УВД генерал-майор Сергей Ковалев, КГБ – Сергей Иванов, прокурор Игорь Плавский.

Среди погибших была целая группа высокопоставленных чиновников из Баку: Генпрокурор Азербайджанской Республики И. Гаилов (бывший прокурором Сумгаита в 1988 г.), министр внутренних дел АР М. Асадов (бывший секретарь Шамхорского района АзССР, министр внутренних дел АР М. Асадов (бывший секретарь Шамхорского района АзССР, устроивший в 1987 г. погром в Чардахлу), госсекретарь АР Т. Исмаилов, народные депутаты СССР, члены оргкомитета по НКАО В. Джафаров и В. Мамедов, зампред Совмина АР З. Гаджиев, заведующий отделом аппарата президента АР О. Мирзоев. Погибли и корреспонденты азербайджанского телевидения.

По одной версии, произошла катастрофа, по другой – вертолет был сбит карабахскими силами самообороны. Во всяком случае, стало известно, что перед приездом внутренних войск и следователей МВД СССР на месте падения вертолета кто-то уже побывал: исчезло 12 единиц личного оружия погибших, рации, некоторые приборы вертолета и телевизионная аппаратура¹.

Следствие так и не было доведено до конца, и истинную причину гибели вертолета так и не установили. Это событие еще больше обострило ситуацию в регионе.

Бывший глава азербайджанского Оргкомитета Виктор Поляничко, ставший персонай нон грата в Карабахе, в попытке набрать политические очки, по-восточному кликушествовал из Баку:

¹«Известия», 22.11.1991 г.

«Эта трагедия стала звеном в той шайтанской цепи, которой повязан Азербайджан. Азербайджанский народ пережил все, что может сатана ниспослать на землю... За карабахскую трагедию должны ответить те, кто привел две общины к вражде, к крови. Пусть же всегда их преследует, как кара, видение чудовищной трагедии, содеянной ими под Черной деревней (название «Каракенд» переводится с азербайджанского как Черное село – прим. автора)... Аллах все видит и знает! Бог все знает и видит!»¹

Окончательно были перекрыты азербайджанской стороной поставки транзитного российского газа в Республику Армения. С 22 ноября была заблокирована железная дорога Евлах–Степанкерт, по которой до того изредка приходили и уходили грузовые составы.

26 ноября ВС АР принял вышеупомянутое решение об упразднении НКАО. СССР был на грани распада, и политика «послушания» некогда могучему Центру была отброшена за ненужностью.

В ответ, прошедшая 27 ноября в Степанакерте, сессия Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской Республики утвердила дату проведения референдума по вопросу о статусе Нагорного Карабаха и приняла временное положение о выборах в Верховный Совет НКР.

К этому времени боевые действия уже шли как вдоль границ, так и на значительной части территории самой НКР. В этих условиях 10 декабря прошел референдум, на который был вынесен следующий вопрос: «Согласны ли вы, чтобы провозглашенная Нагорно-Карабахская Республика была независимым государством, самостоятельно определяющим формы сотрудничества с другими государствами и сообществами?»

За ходом референдума следила группа независимых наблюдателей, среди которых были народные депутаты СССР, РСФСР, Московского и Ленинградского Советов, представители общества «Мемориал», других российских, армянских и украинских правозащитных и общественных организаций и движений. Их сопровождали журналисты Российского телевидения, корреспонденты телевидения из США, Болгарии, корреспонденты «Радио России», «Эха Москвы», печатных изданий «Известия», «Московские новости», «Мегаполис-экспресс», «Столица», «Панорама», «Литературная газета», «Котидьен де пари», информагентства «Франс-пресс», ряда других изданий и агентств.

В подписанном независимыми наблюдателями Акте о результатах референдума говорилось, что в референдуме приняли участие 108 736 человек, или 82,2 % от числа зарегистрированных избирателей. Подавляющее большинство не принявших участие в голосовании – жители азербайджанских населенных пунктов.

Из числа принявших участие в голосовании 108 615 или 99,89 % сказали «да» независимости. Учитывая все предыдущие события в Нагорном Карабахе, этот результат не выглядел чем-то удивительным. Только в сам день голосования, по свидетельствам наблюдателей, от обстрелов погибли десять и были ранены одиннадцать карабахцев.

28 декабря 1991 г. состоялись выборы в Верховный Совет НКР. Выборы прошли по мажоритарной системе, были избраны 75 депутатов.

6 января 1992 г. Верховный Совет НКР принял Декларацию о государственной независимости Нагорно-Карабахской Республики. В Декларации, в частности, говорилось:

¹«Народу надо сказать, почему происходит все это», «Союз», № 48, ноябрь 1991 г. С. 6

«Исходя из неотъемлемого права народов на самоопределение, основываясь на волеизъявлении народа Нагорного Карабаха, выраженном путем состоявшегося 10 декабря 1991 г. Республиканского референдума;

- осозная ответственность за судьбы исторической Родины;
 - подтверждая верность принципам Декларации о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики от 2 сентября 1991 г.;
 - стремясь к нормализации отношений между армянским и азербайджанским народами;
 - желая защитить население НКР от агрессии и угрозы физического уничтожения;
 - развивая опыт независимого народного самоуправления Нагорного Карабаха 1918–1920 гг.;
 - выражая готовность к установлению равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми государствами и содружествами государств;
 - уважая и следуя принципам Всеобщей Декларации прав человека, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, заключительного документа Венской встречи стран-участниц Европейского совещания по безопасности и сотрудничеству, других общепризнанных норм международного права,
- Верховный Совет Нагорно-Карабахской Республики утверждает независимую государственность НКР».*

Далее в Декларации перечислялись основные принципы и нормы, на которых должна была строиться молодая республика. В том числе и то, что «основой для создания Конституции и законодательства НКР являются настоящая Декларация и Всеобщая Декларация прав человека»¹.

8 января Первым председателем Верховного Совета НКР был избран 33-летний кандидат исторических наук Артур Мкртчян.

Так на просторах бывшего Советского Союза было провозглашено новое государство с территорией в 5 тыс. км² и населением примерно в 210 тыс. человек. Из коих подавляющее большинство составляли армяне, около 40 тыс. – азербайджанцы и курды, около полутора тысяч – русские и представители иных национальностей.

На протяжении последующих лет официальный Бану и его союзники не смогли придумать ни одного серьезного аргумента против безукоризненного с точки зрения международного права становления Нагорно-Карабахской Республики, кроме одного лживого и заведомо несостоятельного.

«Во время существования СССР ни одна союзная республика, в том числе Азербайджан и Армения, не воспользовались предусмотренной в Законе процедурой выхода», –

пишет советник первого класса дипломатической службы Азербайджанской Республики Тофик Мусаев в статье «Армяно-азербайджанский конфликт: от притязаний к военной оккупации»².

¹«Статус Нагорного Карабаха в политико-правовых документах и материалах». Библиотека центра русско-армянских инициатив. Ереван. 1995. стр. 88–89

²Ученые записки, выпуск 2. Непризнанные государства Южного Кавказа. МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 2008. С. 63

Аналогичная оценка дается и небезызвестной Международной кризисной группой – МКГ, якобы независимой экспертной организацией, фактически лоббирующей американско-британские интересы (по «странному совпадению», резиденцией МКГ является Брюссель, где расположена штаб-квартира НАТО). В докладе МКГ от 14 сентября 2005 г., носящем название «Нагорный Карабах: взгляд на конфликт с места событий», в частности, говорилось:

«Власти Азербайджана полагают, что ссылка на этот закон беспочвенна, так как ни одна союзная республика, включая Армению и Азербайджан, не использовала эту процедуру для отделения, оговоренную в законе».

Между тем, именно Республика Армения стала единственной из республик СССР, вышедшей из Союза в полном соответствии с Законом СССР от 3 апреля 1990 г., проигнорировав референдум о сохранении СССР 17 марта 1991 г. и тогда же объявив о предстоящем референдуме о независимости, который и был проведен 21 сентября того же года. Точно так же НКАО стала единственной бывшей советской автономией, реализовавшей свое право на самоопределение в точном соответствии с этим Законом СССР.

Кстати говоря, власти Азербайджанской Республики задним числом утверждали позже, что 31 декабря 1991 г. в этой республике будто бы прошел референдум о независимости, на котором 99 % населения высказалось за независимость. Полугодом ранее такую же цифру в пользу сохранения СССР дал в бывшей АзССР реально имевший место референдум 17 марта 1991 г.

Вплоть до официального распада Советского Союза никто и никогда юридически не отменял Закон СССР от 3 апреля 1990 г. То же обстоятельство, что другие республики получили независимость по факту распада СССР, предрешенного декабрьским решением лидеров России, Украины, Белоруссии и Казахстана в Беловежской пуще, вовсе не могло означать юридическую неправомочность предыдущих действий Нагорно-Карабахской Республики по реализации своего законного права на постановку вопроса о собственном государственно-правовом статусе.

Упрощая, можно вспомнить надпись, встречавшую советского человека в каждом отделении милиции: «Незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение». Или, говоря проще, «закон для всех писан». А знание, но невыполнение закона одними субъектами, пусть даже и большинством, тем более никак не может отменять правомерность выполнения того же закона другим (другими) субъектом.

Поэтому непонятно, по какой логике противники права реализации армянским народом Нагорного Карабаха права на самоопределение считали и считают, что невыполнение подавляющим большинством союзных республик СССР норм действовавшего законодательства при распаде Союза ССР «отменяет» законность приобретения НКР независимости в полном соответствии с этим самым законодательством.

Кстати говоря, именно тот факт, что развал Союза ССР свершился в обход закона, о чем неоднократно справедливо говорили противники Беловежского соглашения, является причиной плохо скрытого раздражения, вызываемого во многих столицах СНГ при упоминании о Законе СССР от 3 апреля 1990 г.

Очевидно, что к правовому подходу такая позиция не имеет равным счетом никакого отношения.

Зато о Законе от 3 апреля 1990 г. живо вспомнили в период грузинской агрессии против народа Южной Осетии в августе 2008 г. Именно на основании этого Закона на заседаниях Госдумы и Совета Федерации РФ было задним числом объявлено о неправомочности Грузии вершить судьбу своих бывших автономий в 1991 г. По сути, Закон СССР от 3 апреля 1990 г. стал юридической базой для признания Российской Федерацией государственной независимости Республики Южная Осетия и Республики Абхазия 26 августа 2008 г. ...

Между тем, в конце ноября 1991-го события развивались лавинообразно. 26 ноября Верховный Совет АР принял упраздняющий НКАО закон, опубликованный в азербайджанской печати почему-то лишь в начале января 1992 г.¹

Как полагает Тофик Мусаев в упомянутой выше статье «Армяно-азербайджанский конфликт: от притязаний к военной оккупации»:

«До восстановления в полном объеме государственной независимости Азербайджанской Республики и ее признания международным сообществом Нагорный Карабах продолжал быть частью Азербайджана, а действия, направленные на одностороннее отделение этого региона, не имели никаких юридических последствий»².

Страницей выше Т. Мусаев, пытаясь доказать, что к сентябрю 1991 г. Закон СССР от 3 апреля 1990 г. утратил свою «актуальность и юридическую силу», ссылается на документы Госсовета СССР, постановлениями которого «6 сентября 1991 г. было оформлено признание независимости Латвии, Литвы и Эстонии»³.

Но и тут г-н Мусаев попадает пальцем в небо. Ему, видимо, неизвестно, или он сознательно «утаивает» от читателя реакцию того же Госсовета СССР на законодательный акт по статусу Нагорного Карабаха, принятый Азербайджанской Республикой 26 ноября 1991 г.

А именно, что уже на второй день после принятия решения ВС АР от 26 ноября, Постановлением от 28 ноября 1991 г. Госсовет СССР признал антиконституционным закон Азербайджанской Республики об упразднении НКАО, что автоматически означало лишение этого закона какой-либо юридической силы⁴.

Постановление Госсовета называлось «О мерах по стабилизации обстановки в НКАО и приграничных районах Азербайджанской Республики и Республики Армения», то есть уже в самом названии содержалось неприятие односторонних антиконституционных действий Баку.

Однако ни один акт, относящийся к провозглашению Нагорно-Карабахской Республики и проведению всенародного референдума о ее государственно-правовом статусе, из числа принятых осенью 1991 г. в НКАО-НКР, не был отменен или признан противоправным тем же принятым осенью 1991 г. в НКАО-НКР, не был отменен или признан противоправным тем же Госсоветом СССР⁵. А ведь до развала СССР у Госсовета было более чем достаточно времени, чтобы рассмотреть и дать негативную оценку хотя бы той же Декларации о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики от 2 сентября 1991 г., принятой совместной сессией Облсовета НКАО и райсовета Шаумянского района Нагорного Карабаха.

¹ «Бакинский рабочий», 07.01.1992 г.

² Т. Мусаев, указ. статья, С. 70.

³ Там же, с. 68–69.

⁴ «Известия», 28.11.1991 г.; А. Манасян, «Конфликт между Азербайджаном и НКР в правовом контексте распада СССР», «Голос Армении», 16.07.1993 г.

⁵ А. Манасян, «Конфликт между Азербайджаном и НКР в правовом контексте распада СССР», «Голос Армении», 16.07.1993 г.

Первый посол Российской Федерации в Республике Армения Владимир Ступишин справедливо отмечал в своей книге «Моя миссия в Армению»:

«Но по какому праву Бану отрицает его (Нагорного Карабаха – прим. автора) статус, признанный тем же самым конституционным строем, который и породил Азербайджанскую ССР? По советскому государственному праву автономная область есть национально-государственное образование с собственной территорией, целостность которой тоже должна уважаться. Более того, за автономными образованиями признавалось и качества субъекта большой федерации: они были напрямую представлены в Верховном Совете СССР, а не через посредство тех союзных республик, в рамки которых они были втиснуты, как правило, против своей воли»¹.

...Прекрасно понимая слабость своей аргументации и полное отсутствие под ней какой-либо юридической базы, противники независимости Нагорно-Карабахской Республики делают упор и на другой аргумент из арсенала азербайджанской пропаганды: в референдуме 10 декабря 1991 г. не участвовали местные жители-азербайджанцы, потому, дескать, он нелегитимен.

Однако известно, что власти Нагорно-Карабахской Республики официально предложили азербайджанскому национальному меньшинству принять участие в референдуме и даже направили при посредничестве внутренних войск МВД ССР бюллетени для голосования, отпечатанные в том числе и на азербайджанском языке, в азербайджанские населенные пункты НКР.

Однако карабахские азербайджанцы фактически стали заложниками бакинских властей, запретивших им участвовать в референдуме. Кроме того, длительное нагнетание азербайджанскими властями межнациональной ненависти, ход операции «Кольцо» и начало фактических боевых действий породило у многих местных азербайджанцев иллюзию того, что с армянами Нагорного Карабаха очень скоро будет покончено. Этот достойный сожаления факт также нельзя сбрасывать со счетов.

В уже упомянутом докладе МКГ от 14 сентября 2005 г. в попытке убедить международную общественность в том, что референдум 1991 г. в НКР не является легитимным, составители доклада МКГ изначально даже пошли на откровенные передержки.

Так, в изначальном варианте вышеупомянутого доклада приводились неверные данные о национальном составе численности населения НКАО: численность азербайджанцев была завышена с 21,5 % по официальному данным переписи населения СССР 1989 г. до 25,3 %. Там же говорилось о референдуме 10 декабря 1991 г.:

«...приблизительно 108 615 человек голосовали за независимость Нагорного Карабаха. Только немногие (ни один) из 47 400 азербайджанских жителей участвовали в референдуме».

Таким образом, во-первых, вновь была завышена численность азербайджанского населения НКР; а количеству избирателей-армян было противопоставлено не количество избирателей-азербайджанцев, а общая (а к тому же и завышенная) численность азербайджанских жителей НКР с учетом не имеющих права голоса несовершеннолетних детей.

На деле, в соответствии с данными ЦИК НКР, число избирателей азербайджанской национальности было равно 26,4 тыс. человек, что составляло чуть менее 20 % от общей численности избирателей. Беглый же взгляд на взятые с потолка данные МКГ давал цифру в 30,4 % избирателей этой национальности! Как говорится, почувствуйте, разницу.

В 1988 г. процент избирателей армян в общей численности жителей города Баку был ничуть не меньше, чем процент избирателей-азербайджанцев в НКР, однако сегодня та же МКГ вовсе не пытается поставить под сомнение результаты выборов, референдумов, прошедших за минувшие годы в азербайджанской столице.

Здесь, как и во многих других случаях, налицо очевидный двойной стандарт, столь присущий освещению практически любых аспектов азербайджано-карабахского, или, по терминологии ОБСЕ, нагорно-карабахского конфликта.

ВООРУЖАЙСЯ, КТО МОЖЕТ!

К концу сентября 1991 г. стало ясно, что Советская Армия и внутренние войска уже не смогут далее столь однозначно быть иностранным легионом на службе Баку. Да, в Азербайджанской Республике был почти 12-тысячный ОМОН, однако его эффективность в преддверии большой войны вызывала большие сомнения.

Так, в том же сентябре карабахские силы самообороны штурмовали позиции ОМОНа на горном плато в Шаумянском районе и с минимальными потерями отбили у сил азербайджанского МВД села Эркеч, Манашид и Бузлук, депортированные при помощи Советской Армии в июле. Причем потери оборонявшихся омовцев были значительно выше, чем у наступавших снизу карабахцев; а на оставленных позициях ими были брошены артиллерийские орудия и тяжелые пулеметы.

Однако у Баку был большой резерв в виде частей 4-й армии, в 1990–1991 гг. постепенно становившихся национальными.

Если в Армянской ССР призывы в армию 1990–1991 гг. были практически сорваны ввиду нежелания республиканских властей отправлять призывников на просторы необъятного «общего дома», а центральных властей – способствовать созданию базы национальных войск, – то в АзССР–АР дело обстоит иначе.

Как уже отмечалось ранее, лояльному Кремлю А. Муталибову было дано «добро» на медленное, но верное создание собственной армии. Еще в 1990 г. Министерство Обороны СССР разрешило оставлять на территории Азербайджана свыше 60 % призывников, набранных в республике (традиционно в республиках их оставалось не более 10–15 %).

Кроме того, хотя официальное участие армии в конфликте на стороне Баку формально стало невозможным, широкое распространение получила практика «неформального» участия в боевых действиях за соответствующее вознаграждение.

Одновременно власти АР форсировали процесс насильственной экспроприации вооружений, который уже в октябре-ноябре 1991 г. (когда у «новых» властей прошел испуг после провала открыто поддержанного Аязом Муталибовым путча) стал принимать подчас формы разнузданного грабежа. Участились убийства, захваты в заложники и нападения на военнослужащих с целью изъятия оружия, имущества, техники и боеприпасов 4-й армии.

¹В. Ступишин. Моя миссия в Армению, Москва, Academia. 2001. С. 49

Если в Республике Армения (РА) пик нападений на военные склады или объекты произошел на 1990 – начало 1991 г., а к концу 1991 – началу 1992 гг. таких нападений стало значительно меньше, то в Азербайджанской Республике (АР) количество нападений на военных в этот период росло лавинообразно.

Так, по данным статистики штаба Закавказского Военного округа, лишь за первые пять месяцев 1992 г. в Азербайджанской Республике было совершено нападений на армию в два раза больше, чем за весь 1991 г., – 98 и 43 соответственно. В результате этого, по тем же данным, за пять месяцев 1992 г. в АР было похищено 3939 единиц оружия против 73 единиц в Республике Армения¹.

В результате более чем 100 нападений на военные части и склады в период с октября 1991 по июнь 1992 г. в Азербайджанской Республике были захвачены десятки танков, БМ (боевых бронированных машин – БМП, БТР, БРДМ и т.п.), артиллерийских, ракетных систем и установок «Град», два боевых вертолета Ми-24, реактивный штурмовик Су-25; крупнейший в Закавказье окружной склад боеприпасов в Агдаме и ряд других складов; несколько военных баз и частей.

Между тем, в ходе этой невиданной по своим масштабам «приватизации», сопровождавшейся десятками убитых, раненых и взятых в заложники военнослужащих, военные пресс-службы по-прежнему привлекали внимание общественности прежде всего к случаям нападений, имевших место в Республике Армения, не сравнимых ни по количеству захваченного оружия, ни по своим последствиям для военного баланса в регионе.

Так, например, угону в мае 1992 г. двух вертолетов с военной базы в ереванском аэропорту «Зребуни», завершившемуся возвращением вертолетов военным без стрельбы и жертв, было уделено куда больше внимания, чем захвату азербайджанской национальной армией бригадного центра управления ПВО близ города Мингечаур, – с разгоном персонала и захватом заложников.

Практически не освещался и имевший драматические последствия для дальнейшей эскалации насилия в регионе захват формирующейся азербайджанской армией крупнейшего в Закавказье окружного склада боеприпасов близ город Агдам 23 февраля 1992 г. А ведь на этом складе хранилось 728 вагонов артиллерийских, 245 вагонов реактивных снарядов и 131 вагон боеприпасов к стрелковому оружию: всего 1104 вагона боеприпасов! Этого количества азербайджанской армии с лихвой хватило на несколько лет боевых действий.

Согласно Указу президента России Бориса Ельцина, войска Закавказья были объявлены находящимися под юрисдикцией Российской Федерации. Однако власти Закавказских республик также предпринимали шаги по ускорению передачи им вооружений дислоцированных на их территориях армий. Так, еще в декабре 1991 г. президент АР А. Муталибов издал Указ о переходе в его подчинение воинских частей и соединений на территории бывшей АзССР. А в Нахичеванской автономной республике в январе 1992 г. Гейдар Алиев, вернувшийся в республику еще летом 1990 г., заявил, что военные должны подчиняться верховному меджлису НАР и не могут вывозить из республики ничего, кроме личных вещей.

В начале 1992 г. между Россией и республиками Закавказья были достигнуты договоренности о передаче Министерством обороны новых государственных частей техники и вооружений дислоцированных на их территориях бывших советских армий на паритетных началах.

¹«Известия», 19.06.1992 г.

Однако на деле никакого паритета не получилось, а сами вооружения передавались отнюдь не одновременно. Первым получил вооружения Баку, и получил их в значительно превосходящих количествах, чем Ереван и Тбилиси вместе взятые.

Процесс официальной передачи вооружений Министерству обороны Азербайджанской Республики был начат 19 февраля 1992 г. в ходе визита в Баку генерал-полковника Б. Громова и адмирала флота В. Чернавина. Тогда МО АР были переданы вертолетная эскадрилья, некоторые тыловые части и была достигнута предварительная договоренность о разделе Каспийской флотилии. Процесс передачи в основном закончился в мае – начале июня 1992 г., однако некоторые части передавались и позднее (так, 6 августа 1992 г. азербайджанской стороне был передан артиллерийский полк в городе Порт-Ильич на Каспии).

Только официально в соответствии с директивой МО России № 314/3/022В от 22 июня 1992 г. Россия декларировала в июне 1992 г. передачу МО Азербайджанской Республики 237 танков, около 630 БМ, 175 артиллерийских систем, 130 минометов, 33 установки БМ-21 «Град» и около 2000 пулеметов¹.

Баку получил от российской армии и захватил у нее 130 боевых и учебно-тренировочных самолетов. Среди них были штурмовики Су-25, фронтовые бомбардировщики Су-24, истребители и высотные разведчики МИГ и, чехословацкие L-29, L-39 (последние легко перестроены в легкие штурмовики, способные нести бомбы, неуправляемые ракеты, оборудовались в легкие штурмовики, способные нести бомбы, неуправляемые ракеты, авиационные пушки и пулеметы). Этот факт признали российские парламентарии во время визита в Армению в ноябре 1992 г.²

Еревану не было передано ни одного боевого самолета, поскольку на территории республики они не базировались.

6 ноября 1993 г. МИД Азербайджанской Республики направил делегациям государств-участников Договора об ограничении вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ), в совместную консультативную группу в Вене письмо № 175, в котором информировал о том, что «в июле-августе 1992 г. Российская Федерация передала, а Азербайджанская Республика приняла под свою юрисдикцию следующее количество ограниченных Договором вооружений и техники:

боевых танков – 286 единиц,
боевых бронированных машин – 842 единицы,
артиллерийских систем – 346 единиц,
боевых самолетов – 53 единицы,
ударных вертолетов – 8 единиц.

В мае 1993 г. Азербайджанская Республика приняла от Российской Федерации 105 единиц боевых бронированных машин и 42 единицы артиллерийских систем».

Суммируя вышеприведенные данные Директивы МО России от 22 июня 1992 г. и данные об «экспроприированных» насильственным путем вооружениях, можно легко убедиться в том, что к Азербайджанской национальной армии перешли практически вся техника и вооружение 5 дивизий бывшей Советской Армии. В 1992 г. – четырех дивизий 4-й армии: 23-й, 295-й, 60-й мсд (мотострелковых дивизий), дислоцировавшейся в Нахичеванской Автономной республике 75-й мсд, и несколько позже, в 1993 г. – 104-й дивизии ВДВ, дислоцировавшейся в Гяндже (Кировабаде).

¹В. Мухин «Российская армия спешно покидает Азербайджан», «Независимая газета», 02.08.1992 г.

²«Независимая газета», 17.11.1992 г.

К этому надо прибавить 40 % кораблей и судов Каспийской военной флотилии со всей береговой инфраструктурой, части армии ПВО, дислоцировавшейся в республике, военные аэродромы и проч.

Передача Республике Армения техники и вооружений двух дивизий 7-й армии – Ереванской и Кировоаканской – началась в конце июня 1992 г. и закончилась в июле того же года. Из боевой авиации РА получила вертолетную эскадрилью, базировавшуюся в аэропорту Зребуни, на окраине Еревана; были переданы также и несколько частей ПВО.

На базе Ленинанканской дивизии 7-й армии и ряда отдельных частей было создано соединение российских войск в Республике Армения. Летом 1992 г. был подготовлен, а осенью подписан российско-армянский договор «О статусе российских войск в Армении», который определил правовой статус этих войск в республике, а также то, что эти войска защищают в Армении сухопутные и воздушные границы бывшего СССР, то есть границы РА с Турцией и Ираном.

После раздела военного имущества российскими в Закавказье оставались – на деле частично – войска ПВО. Однако в Республике Армения, например, они тогда были укомплектованы всего на 30 %¹, что даже не позволяло прикрыть внешние границы СНГ, а в Азербайджанской Республике многие части ПВО были захвачены национальной армией.

Все вышеописанные процессы были скрыты от широкой общественности России под намуфляжем весьма запутанной пропаганды военных пресс-служб; так что разобраться что и чему человеку, который специально не следил за событиями в Закавказье, было практически невозможно. Не в последнюю очередь, вероятно, это делалось с целью скрыть явно не бескорыстный факт передачи огромного количества оружия режиму Баку, в распоряжении которого неожиданно оказалось вооружений больше, чем у многих стран НАТО.

С учетом начатой Баку войны на уничтожение армянского Нагорного Карабаха и агрессивных действий против Республики Армения, передача военным ведомством России такого количества вооружений воюющей стране не соответствовала не только договорам об СНГ, но и обязательствам, взятым на себя руководством РФ в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН.

В результате этих вливаний был резко нарушен военный паритет в регионе; это, равно как и более ранняя передача вооружений АР, позволило азербайджанской стороне провести в июне-августе 1992 г. крупномасштабное наступление на провозглашенную после развала СССР Нагорно-Карабахскую Республику и захватить Шаумянский и большую часть Мардакертского районов НКР.

А что же Нагорный Карабах?

Любопытно было подчеркнутое в 1991–1992 гг. внимание всех без исключения средств массовой информации к судьбе дислоцированного до марта 1992 г. в Степанакерте 366-го мотострелкового (кадрированного, то есть неполного, состава) полка 23-й дивизии. Большая группа офицеров и прапорщиков не дала вывезти примерно одну треть полковых техники и вооружений, которые перешли на вооружение сил самообороны Нагорно-Карабахской Республики. Дошло до вооруженных столкновений с прибывшими вывезти технику десантниками из 104-й дивизии (дислоцированной в Кировабаде–Гяндже), и последние ретировались.

¹ «Известия», 08.09.1992 г.

Среди этой группы военнослужащих были не только армяне, но и русские, украинцы, представители других национальностей. В российском Министерстве обороны всех их тогда заклеямили как «предателей».

Между тем, эти люди много лет жили и служили в Степанакерте, и в период массированных обстрелов города их жены с детьми месяцами прятались в сырых холодных подвалах, как и все остальные степанакертцы. А сами военнослужащие вынуждены были бежать из дома в расположение полка, который также подвергался обстрелам из Шуши, и ежеминутно думать: а что там сейчас с семьями?

И как после 5 месяцев этого кошмара должен был поступить порядочный человек: вывезти свои семьи и, махнув ручкой соседям на прощание, уйти со всей техникой из расстреливаемого края? Или сделать так, как сделали «изменники»: эвакуировав, кто мог семьи, остаться выполнить долг защитника населения не на словах, а на деле?

Но даже и после этого пополнения арсенал карабахцев, по сравнению с силами наступавшего отовсюду противника, был ничтожен. Достаточно сказать, что им досталось от 366-го полка всего... 2 исправных, на ходу, танка Т-72, два-три десятка БМП-1 и БМП-2, 3 зенитные самоходные установки (ЗСУ–23–4) «Шилка», некоторое количество легко бронированных тягачей (МТЛБ) и инженерных машин.

Напомним, что вплоть до мая 1992 г. НКР была со всех сторон блокирована азербайджанской армией, поэтому войну карабахцам пришлось начинать практически с ружьями и автоматами в руках. Ведь доставить вертолетами, даже транспортными Ми-26, которые имелись лишь у военных, тяжелую технику – БМП, тем более танк – невозможно в принципе.

Другая часть техники 366-го полка все же была вывезена подразделениями ВДВ, выведена ими из строя на месте или была уничтожена ранее – при обстрелах Степанакерта азербайджанскими установками «Град» из Шуши в феврале 1992 г.

Внимание к этой проблеме искусственно привлекалось, хотя совершенно очевидно, что бывшая НКАО и по советской Конституции была субъектом Союза и имела право на свою часть вооружений, тем более в условиях вооруженного нападения на нее.

В то же время, совершенно спокойной была реакция руководства бывшей Советской Армии на то обстоятельство, что вооружения 75-й дивизии, которая находилась в анклавной Нахичевани, были без особых проблем переданы местному руководству во главе с Гейдаром Алиевым.

Более того, еще до ухода личного состава 75-й дивизии из Нахичевани в прессе говорилось о ее передаче как о чем-то уже решенном:

«Мы находимся в замкнутом пространстве и последние заявления П. Грачева и А. Рущкого о немедленном выводе техники для этого региона неприемлемы. Здесь решение может быть единственным, – передать технику, военные городки, имущество законным властям», –

говорил заместитель командира 75-й дивизии В. Маркелов¹.

По мере того как азербайджанская армия получала все новые и новые вооружения, эскалация военных действий в регионе становилась все более ощутимой.

¹ «Известия», 04.06.1992 г.

ВОЙНА

С 25 сентября из Шуши и со стороны окружавших Степанакерт и расположенных на высотах азербайджанских сел столицы Нагорного Карабаха стала подвергаться обстрелам из противораковых ракетных установок «Алазань», артиллерийских орудий, стрелкового оружия. Вскоре обстрелы стали регулярными; они также усиливались по мере подвоза все новых смертоносных вооружений в окружившие Степанакерт за годы «социалистического интернационализма» азербайджанские населенные пункты.

Карабахские армяне вскоре стали отвечать обстрелами Шуши с находящихся в паре километров от противоположной стороны шушинского ущелья лесистых гор, — сначала ракетами «Алазань», а позже из артиллерийских орудий. Однако позиции сторон были несопоставимы.

Шуша, находящаяся всего в 6 км от Степанакерта по прямой, по высоте расположена в среднем на 600 м выше. А ближние к столице НКР уступы шушинского плато нависают над Степанакертом с высоты птичьего полета, километрах в 2–3 от центра города. То есть при обстреле Степанакерта из Шуши практически не нужно было и прицеливаться: пускай ракеты и снаряды прямой наводкой, все равно упадут на дом или улицу.

Из примыкающего к окраинам Степанакерта с северо-востока села Малыбейли били прямой наводкой из противотанковых орудий «Рапира», которые насковзь дырявили 5-этажки окраинного городского квартала, вели пулеметный огонь.

С сак.ой высотой, юго-западной, окраины Степанакерта, из населенного преимущественно азербайджанцами поселка Киркиджан, вели огонь из автоматического оружия по прилегающим кварталам города. Были случаи, когда пули из снайперской винтовки уже на излете находили свою жертву в самом центре города, на расстоянии более чем 2 км от поселка.

Сам Киркиджан, расположенный на склонах горного массива, был превращен в серьезную оборонительную позицию. Под патронажем Оргкомитета за полтора года в поселке были возведены многочисленные бетонные доты, позиции, укрепленные подвалы, проходы и ходы сообщения.

Достаточно сказать, что борьбу за овладение этим городским пригородом начавшие формироваться в Степанакерте роты и взводы ополченцев вели с конца декабря 1991 г. по 22 января 1992 г. Бои подчас днями велись за отдельные дома и даже строения.

В октябре силами самообороны были проведены операции по возвращению депортированных в мае-июне армянских сел Гадрутского района. А 31 октября неожиданным ударом был выбит гарнизон ОМОНа из крупного села Тог со смешанным населением. Все сельчане-азербайджанцы, — среди которых, впрочем, чуть ли не половину составляли исламизированные еще два столетия назад местные армяне, — покинули село вместе с отступавшими омонцами.

К середине декабря 1991 г. внутренние войска, число которых в НКАО постепенно сокращалось в течение предыдущих нескольких месяцев, уже не только ничего не

контролировали, но и с трудом охраняли самих себя. 22 декабря в Степанакерте УАЗ комендатуры, не остановившийся по указанию поста карабахских сил самообороны, был обстрелян, погиб военнослужащий. Ситуация стала зеркальной той, что была при прежнем режиме. К тому времени внутренние войска уже вовсе готовились к полному выводу из района чрезвычайного положения.

В телеграмме, направленной председателем Исполкома НКР и народными депутатами ССР от Нагорного Карабаха президентам России, Украины и Белоруссии, говорилось, что, несмотря на все заверения о том, что внутренние войска покинут край только после обеспечения гарантий безопасности его населения, на деле эти войска выводятся, а их оружие передается МВД Азербайджанской Республики.

Поэтому отпустить их просто так, со всем своим оружием, лидеры сил самообороны не могли. 23 декабря вооруженным подразделением карабахцев был блокирован в месте своей дислокации, во время приема пищи в столовой личный состав полка внутренних войск. Операция прошла без жертв, и полк свободно покинул край. Карабахским ополченцам достались около тысячи автоматов Калашникова, несколько десятков пулеметов, снайперских винтовок и пистолетов, дюжина БТРов и БРДМ, грузовые автомобили, несколько передвижных радиостанций и т.д.

Между прочим, о правильности решения карабахцев свидетельствует чуть более позднее событие в другой «горячей точке» Закавказья — Южной Осетии.

«25 апреля 1992 г. российский контингент внутренних войск, расположенный в здании бывшей турбазы на окраине Цхинвала, под покровом ночи вышел из Южной Осетии в Грузию, забрав с собой вооружение и технику и оставив жителей столицы Южной Осетии один на один с заведомо превосходящим по силе и численности противником, не скрывавшим своей цели — стереть самоопределившуюся республику с лица земли. Этот акт был остро воспринят населением республики, которое расценило вывод внутренних войск в качестве акта предательства со стороны «ельцинско-козыревского» руководства»¹.

Однако, как и ранее в Нагорном Карабахе, защитниками Южной Осетии «было принято иррациональное решение: стоять насмерть, несмотря ни на что. Это решение с точки зрения здравого смысла представлялось абсурдным, ибо обречено немногочисленные и плохо вооруженные отряды самообороны на скорое уничтожение, и поэтому, очевидно, никем не ожидалось и не просчитывалось. В последующей эскалации конфликта в ходе ракетно-артиллерийских обстрелов Цхинвала ежедневно погибали и калечились десятки людей... Но ценой огромных жертв республика выжила»².

Как видим, ситуации, в которых оказались при начале боевых действий в 1991–1992 гг. Степанакерт и Цхинвал, были практически идентичными. Очевидно, что осетинам пришлось бы много легче, если бы хоть часть арсенала внутренних войск МВД РФ осталась на месте, а не была выведена вместе с войсками. То есть карабахцы в декабре 1991 г. поступили вполне логично и предсказуемо.

¹Захаров В.А., Арешев А.Г. Признание независимости Южной Осетии и Абхазии: политико-правовые аспекты, часть 1. Москва: Международный гуманитарный фонд «Знание». 2008. С. 83.

²Дзугаев К. Южная Осетия: созидаение чуда // Кавказский эксперт. 2006. № 4. С. 21.

Взятое у полка внутренних войск вооружение стало первым относительно крупным арсеналом, который позволил сформировавшимся силам самообороны НКР начать операции по разблокированию Степанакерта путем установления контроля над окружающими город азербайджанскими селами, превращенными в самые настоящие огневые точки.

Естественно, что оружие поступало и из Еревана вертолетами, которые, как правило, в предрассветных сумерках взлетали с побережья озера Севан и на самой заре рассвета быстро преодолевали горные трущобы Кельбаджара, оцетинившись выдвинутыми из иллюминаторов пулеметами.

В конце декабря 1991 г. последние представители комендатуры района чрезвычайно го положения в сопровождении спецназа внутренних войск окончательно покинули территорию НКР.

Когда местные журналисты вошли в здание, почти два года служившее убежищем для Оргкомитета и военной комендатуры, им предстали помещения, полностью загаженные в прямом смысле этого слова. Фекалии лежали на полу, столах, креслах и ковровых дорожках, были размазаны по стенам и окнам. Такая же картина предстала ранее бойцам сил самообороны и в школе райцентра Шаумян сразу после ухода гарнизона внутренних войск МВД СССР. Прощание «сил правопорядка» с согражданами было не слишком радушным...

Между тем, обстрелы городов и сел НКР становились все более частыми и ожесточенными. 13 января азербайджанская армия впервые применила против мирных жителей реактивную систему залпового огня (РСЗО) БМ-21 «Град» – оружие массового поражения, чье применение против населенных пунктов запрещено международными конвенциями. В результате обстрела райцентра Шаумян были убиты пять и ранены более десяти человек, разрушены и повреждены десятки жилых домов.

Спустя ровно месяц, 13 февраля, азербайджанские вооруженные силы начали регулярные обстрелы из «Градов» столицы НКР. По мере доставки новых установок Степанакерт обстреливался «Градами» не только из Шуши, но и из Ходжалу и окружающих столицу НКР азербайджанских сел Джангасан, Кесалар, Малибейли.

55-тысячный Степанакерт превратился в планомерно уничтожаемый город-призрак. Население пряталось в подвалах, лишь изредка поднимаясь в свои квартиры. Но многие частные дома подвалов не имели вовсе. А имевшиеся подвалы частных владений, – в отличие от бетонных подвалов многоквартирных домов – не могли служить серьезным убежищем в случае прямого попадания двухметрового снаряда «Града» в жилой дом.

Зимой, в холод в городе не было ни тепла, ни электроэнергии. Спасал лишь газ, который азербайджанская сторона не отключала лишь по той простой причине, что через Степанакерт он подавался в высокогорную Шушу, где зима более сурова.

Скученность людей в подвалах, холод и стресс способствовали распространению заболеваний. В отсутствие электроэнергии вода в дома не подавалась вовсе. И в перерывах между обстрелами горожане стояли в очередях к немногочисленным родникам, при возобновлении обстрела разбегаясь по укрытиям. Чтобы сохранить место в очереди они часто оставляли на месте свои ведра; сделанные корреспондентами снимки «очередей» пустых ведер стали мрачным символом блокадного Степанакерта.

Побывавшие в карабахской столице в эти страшные месяцы журналисты, посредники сравнивали Степанакерт с блокадным Ленинградом 1941–1943 гг. Только немцы стояли

куда как дальше от города на Неве, в то время как Степанакерт, лежавший как на ладони у ног азербайджанских военных, хладнокровно уничтожался неприцельной стрельбой по квадратам из установок «Град».

Были дни, когда на город падало до 200 лишь одних снарядов «Града». В такие дни число погибших и раненых исчислялось многими десятками. Операции в больнице делали в подвалах при свете, даваемом дизель-генераторами. Топливо отпускали по ведром. Роженицы рожали в подвале бывшего исполкома, где был организован временный пункт приема родов: городские роддом и больница были разрушены прямыми попаданиями снарядов реактивных систем залпового огня.

Заместитель спикера Палаты лордов Великобритании баронесса Керолайн Кокс впервые посетила Нагорный Карабах летом 1991 г., в период операции «Кольцо», в составе международной делегации правозащитного конгресса памяти академика А. Сахарова. Проникшись состраданием к народу Карабаха, она вновь и вновь возвращалась в горный край, привозя гуманитарную помощь и рассказывая миру о происходящей в регионе трагедии. А после войны развернула целую программу гуманитарной помощи и реабилитации пострадавших. На сегодня Кокс уже более 60 раз побывала в НКР, где ее знают все, от мала до велика. Вот как она описывала ситуацию в Нагорном Карабахе в марте 1992 г. в интервью газете «Русская мысль» под говорящим заголовком «Эта часть мира превратилась в сущий ад».

«В марте мы вновь поехали в Нагорный Карабах и убедились в том, что не только нет улучшения в ситуации, но, наоборот, она катастрофически ухудшилась. Мне кажется, что в наши дни вряд ли есть в мире другое место, где люди находятся в таких поистине адских условиях. Наибольшее число жертв – среди гражданского населения. Несколько раз объявляли, что договорились о прекращении огня, – и каждый раз азербайджанская сторона нарушала договор и начинала обстрел из установок «Град». Обстрелы эти в большинстве случаев не преследуют никаких стратегических целей; это просто уничтожение жизни. Умирают люди, и их родные даже не могут их похоронить, как следует, по своим традициям; убивают животных или они умирают от ран или от голода; города и села сравниваются с землей»¹.

Выход был только один: разорвать кольцо блокады и уничтожить огневые точки. Прежде всего вокруг столицы НКР, что и было сделано зимой-весной 1992 г.

Отряды сил самообороны поочередно с боями заняли села Джамиллу, Малибейли и Ходжалу Аскеранского района. При взятии Ходжалу 26 марта 1992 г. был разблокирован Степанакертский аэропорт, и там стали приземляться самолеты из Еревана. Однако было совершено лишь несколько авиарейсов, ибо со стороны Агдама аэропорт вскоре стал обстреливаться из «Градов», и один Як-40, стоявший на полосе, к счастью, без пассажиров, был уничтожен огнем с азербайджанской стороны.

В Ходжалу осталось немало не успевших уйти мирных жителей, которые впоследствии были обменены на заложников-армян и просто переданы азербайджанской стороне. В ходе самого штурма жертв среди мирных жителей было немного. Сотни людей удачно отступили по коридору через долину реки Каркар в сторону Агдама. Однако именно там, близ азербайджанских позиций, произошла трагедия: несколько десятков мирных жителей из числа

¹«Русская мысль», Париж, 10.04.1992 г.

отступавших были хладнокровно расстреляны, трупы некоторых были затем обезображены. Произошло это на нейтральной территории, и уже тогда не только карабахцами, но и некоторыми азербайджанцами была прямо высказана мысль о сознательной провокации.

По прошествии полутора десятилетий эта трагедия обросла немислимыми подробностями и выдвигается в Баку в качестве главного свидетельства жестокости армянской стороны. К этой теме мы вернемся чуть ниже.

8–9 мая в результате тщательно подготовленного штурма карабахские отряды самообороны в ходе упорных боев захватили укрепленные позиции азербайджанской армии у сел Кесалар, Джангасан, что на высотах близ Степанакерта, и штурмом овладели городом Шуша.

Это была удивительная операция: силы наступавших снизу вверх карабахцев насчитывали в этом направлении до трех тысяч солдат, что было значительно меньше, чем у защищавшегося противника. При этом наступать приходилось в горы, порой карабкаясь по заросшим склонам. Несмотря на это все позиции были успешно взяты, а потери карабахцев убитыми и умершими от ран составили около 50 человек, что было в несколько раз меньше потерь противника, оборонявшегося, казалось бы, на неприступных позициях.

В ходе штурма Шуши карабахцы потеряли один из двух имевшихся у них танков, который был подбит прямой наводкой танком противника. Двое членов экипажа погибли, а командир, выброшенный взрывной волной из отлетевшей башни, каким-то чудом остался жив. Сегодня этот танк-монумент возвышается на платформе, сооруженной близ места его гибели, неподалеку от северного въезда в Шушу, куда по серпантину шоссе Степанакерт–Шуша двигалась 8 мая немногочисленная техника наступавших карабахцев.

Развивая наступление по шоссе Шуша–Лачин, карабахские отряды устанавливали контроль над расположенными на трассе населенными пунктами.

В одной из этих операций погиб мой добрый товарищ Авет Григорян, с которым в период «чрезвычайщины» мы вместе готовили материалы для подпольного радио и листовки, направленные на военнослужащих. Родившийся в Ленинкане, в семье армянских беженцев из Киликии, репатрировавшихся из Сирии в СССР после Второй мировой, Авет в молодости какое-то время жил в Москве, на блатной тогда еще Таганке, откуда привез наколку и прозвище «Грек». Женившись на карабахской девушке, он переехал в Степанакерт, а когда начались события, стал одним из активистов движения, отсидев в 1990-м и непременно для этой категории лиц свои 30 суток ареста в Новочеркасске.

Без отца остались трое детей, которых воспитала жена Авета Людмила, врач-педиатр и известный в Карабахе общественный деятель. Летом 2007 г. в составе делегации армянской интеллигенции (тогда была организована серия встреч творческой интеллигенции сторон конфликта в Степанакерте, Ереване и Баку) она была в Баку, где на встрече с Ильхамом Алиевым последний вновь грозился силовым решением карабахской проблемы. Людмила прямо в лицо сказала азербайджанскому лидеру, что приехала не для того чтобы выслушивать угрозы: она потеряла на войне мужа, разбитый снарядами «Града» дом, знает цену словам и делам и потому полностью разочарована этим визитом. Алиев-младший замолк, не зная, что сказать в ответ смелой женщине...

Тем временем карабахцы вышли к Лачинскому «санитарному кордону», отделявшему НКР от Горисского района Республики Армения. Через десять дней после освобождения

Шуши Лачин был взят, а заслон пробит близ азербайджанской деревни Забух – там, где карабахцам не удалось сделать это осенью 1918-го. Блокада была прорвана, по карабахской «дороге жизни» в край стали поступать продукты и медикаменты, горючее и оружие.

Это было завершение первого этапа боевых действий. Но «настоящая» война – с авианалетами на города, мощными артобстрелами, колоннами бронетехники, бросаемыми на штурм позиций, населенных пунктов и целых районов, – все это было еще впереди.

12 июня 1992 г., получив вооружения и технику 4-х советских дивизий и имея на службе тысячи наемников из числа офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат бывшей 4-й армии, азербайджанская сторона переходит в неожиданное наступление и занимает полностью Шаумянский, почти весь Мардакертский район и части Мартунинского и Аскеранского районов НКР. До 45 % территории НКР оккупировано, более 60 тысяч человек стали беженцами, тысячи убиты и ранены, сотни пропали без вести.

В августе создается Государственный Комитет обороны (ГКО) НКР, который возглавил будущий президент НКР (1994–1997) и Республики Армения (1998–2008) Роберт Кочарян. ГКО и Комитет самообороны, возглавляемый с весны 1992 г. Сержем Саргсяном (с 1993 г. – министр обороны Республики Армения, затем министр национальной безопасности, обороны, премьер-министр; с февраля 2008 г. – президент РА), провели всеобщую мобилизацию и реформировали силы самообороны, сведя их в единую Армию обороны Нагорного Карабаха.

В сентябре-декабре в ходе оборонительных боев наступление азербайджанских войск было окончательно остановлено, а сами они изрядно вымотаны.

В феврале-марте 1993 г. Армия обороны Нагорного Карабаха перешла в контрнаступление, освободив большую часть Мардакертского района, а в конце марта неожиданно обрушила удар по Кельбаджарскому району. Последний, вместе со все еще контролируемой Баку северной частью Лачинского района, пал в начале апреля. Тем самым была окончательно устранена угроза НКР со стороны Лачино-Кельбаджарского региона Нагорного Карабаха, с запада республики был создан прочный тыл.

В течение лета-осени 1993 г. последовательно были взяты города Агдам и Физули и частично одноименные районы; полностью – Кубатлинский, Джебраильский и Зангеланский районы бывшей АзССР. Около 380 тыс. азербайджанцев вместе с азербайджанской армией покинули территории вышеназванных районов бывшей АзССР.

Зимой 1993–1994 гг. азербайджанская армия предприняла широкомасштабное наступление с применением сотен единиц бронетехники и авиации, при участии тысяч наемников из стран СНГ и до полутора тысяч афганских моджахедов. Эта кампания привела к большим жертвам воюющих сторон, особенно азербайджанской, но кардинально ничего не изменила. В конце апреля 1994 г. Армия обороны Нагорного Карабаха освободила часть территории на северо-востоке Мардакертского района НКР и вышла на трассу Агдам–Барда, «оседлав» ее близ Мирбаширского района АР.

Благодаря посредническим усилиям Российской Федерации с 12 мая 1994 г. в регионе действует бессрочное прекращение огня.

По мнению главы российской посреднической миссии Владимира Казиминова, «главнейшее требование прекратить огонь именно Баку не выполнял более года, сорвал в 1993–1994 гг. четыре договоренности об этом и другие миротворческие

инициативы. На сей счет есть документы. Не случайно Совет Безопасности ООН как раз после срыва прекращения огня в Азербайджаном в октябре 1993 г. и всех 4-х резолюций по Карабаху перестал принимать их... Баку пошел на перемирие не из-за резолюций, а перед угрозой полного коллапса. Ранее там никак не шли на примирение, а в мае 1994 г. вдруг стали сами торопить с этим»¹.

Что касается итогов войны, то они видны на карте и в приводимом в приложениях документе о занятых территориях и беженцах.

Последний наглядно показывает, что распространяемые азербайджанской стороной повсеместно и на самом высоком уровне утверждения об «оккупированных 20 % территории Азербайджанской Республики и миллионе беженцев» являются обыкновенной ложью (на деле АР контролирует 15 % территории НКР; а НКР – 8 % территории бывшей АзССР). Что, кстати, демонстрирует бесперспективность переговорного процесса в нынешней ситуации: как можно достигнуть серьезной договоренности, когда одна из сторон конфликта основывает свою позицию и требования на откровенной и заведомой лжи, которая ежедневно повторяется пропагандой, дипломатами и президентом этой страны?

Поэтому, завершая разговор о карабахской войне, обратимся к некоторым вопросам освещения войны, которые и спустя вот уже почти полтора десятилетия после ее окончания продолжают отдалять народы Нагорного Карабаха, Азербайджана и Армении, весь регион в целом от долгожданного мира.

АСИММЕТРИЯ В ОСВЕЩЕНИИ СОБЫТИЙ

После окончания азербайджано-карабахской войны прошло уже 14 лет, многое порядком забыто не только мировым сообществом, но даже в СНГ, включая и сами страны региона. В этих условиях турко-азербайджанский альянс и стоящие за его спиной влиятельные центры силы ведут перманентную и агрессивную пропаганду, направленную на искажение истоков и истории конфликта, хода военных действий, сути отдельных событий. Замалчиваются одни события и всячески выпячиваются другие.

Рассмотрим на конкретных примерах асимметричность освещения западными, а частично и российскими СМИ военных преступлений, совершенных в ходе войны. В частности, они однобоко преподносили случаи, когда пострадавшей стороной оказывалась азербайджанская, практически обходя вниманием преступления азербайджанской армии против народа НКР в ходе войны.

Выше мы дважды упомянули о трагической гибели жителей азербайджанского (до начала 1970-х гг., кстати, армянского) села Ходжалу, произошедшей уже после штурма этого села отрядами сил самообороны НКР, на поле близ азербайджанского города Агдам. Каждый год в Азербайджанской республике 26 февраля вспоминают о «зверствах армян», устраиваются мероприятия, посвященные памяти жертв трагических «событий в Ходжалу».

¹Интервью В. Казимирова информационному агентству PanARMENIAN.Net от 17.09.2007 г.

Степанакерт, август 1992 г. После налета самолетов азербайджанской авиации, пилотируемых летчиками-наемниками. Эвакуация погибшего и разбор завалов. Фото Сергея Абовьяна

Изменение этнических границ Нагорного Карабаха в 1988–1994 гг.

1 – территории северной части НК, армянское население которых было депортировано в 1988 году.
 2 – села Геташен, Мартунашен, 22 села Шушинского, гадрутского и Шаумянского районов НК, чье население было депортировано в ходе операции «Кольцо» в апреле-июле 1991 года. 3 – территории НКР, оккупированные азербайджанской армией. 4 – территории бывшей АзССР, занятые Армией обороны Нагорного Карабаха в 1993–1994 гг.

Между тем, уже в самом таком определении событий заложен ложный вектор. Ведь во время штурма Ходжалу жертв среди мирных граждан в самом селе практически не было.

Из погибших же часть нашли свою смерть еще на территории Аскеранского района. Выбитые из села омововцы, не желая разоружаться и сдаваться в плен, решили прорваться вне коридора, оставленного для мирных жителей. Они погнались часть отступавших в лес, чтобы прорваться под их прикрытием. После того как ими был уничтожен один из карабахских постов, другие посты открыли пулеметный огонь на поражение, не разбирая в предрассветных сумерках, кто есть кто в надвигающейся на них толпе, откуда также велся огонь.

От этого огня из-за живого щита из мирных жителей с карабахской стороны также были жертвы. Именно там погиб знакомый телеоператор местного телевидения Сергей Амбарцумян, вместе с которым мы в августе 1991 г. делали репортаж для российских «Вестей» из осажденного села Каринтак, что под Шушой. Добавим также, что на этих постах находились люди, ежедневно терявшие родных и близких при обстрелах Степанакерта и приграничных Агдаму сел, близ которых все и происходило.

А запечатленные на страшных кадрах видеозаписи убитые гражданские лица были найдены в 11–12 км от Ходжалу, на поле между армянским селом Нахичеваник, что на административной границе с Агдамским районом бывшей АзССР, и азербайджанскими позициями близ Агдама.

То есть трагические события произошли не в Ходжалу, а совсем в другом месте.

Между тем, в сообщениях азербайджанских СМИ все последние годы этот факт опускается, а дается ложная информация. Так, например, агентство АПА 12 апреля 2008 г. сообщало: «26 февраля 1992 г. армянские агрессоры захватили азербайджанский город Ходжалу. В ходе нападения были жестоко убиты невинные люди».

7 июля 2008 г. пресс-служба Министерства иностранных дел Нагорно-Карабахской Республики разоблачила очередную пропагандистскую фальшивку Баку, пытавшегося посредством подложной фотографии, выставленной на целом ряде азербайджанских сайтов, исказить произошедшее в Ходжалу.

«По замыслу азербайджанской стороны, пропагандистская ценность данной фотографии, очевидно, заключается в том, что, помимо множества трупов гражданских лиц на переднем плане, на заднем видна окраина какого-то населенного пункта, что по идее должно придать правдоподобность версии Баку о массовых убийствах азербайджанцев в Ходжалу. Между тем, цветная версия вышеуказанной фотографии начисто опровергает это в плане внешнего вида погибших, их одежды и т.д. На самом деле данная фотография имеет непосредственное отношение к событиям в Косово. Именно в этом качестве фотография наряду с множеством других выставлена или упоминается, по меньшей мере, на одном сербском, одном албанском и одном специализированном немецком форуме, на интернет-странице солидного издания «Нью-Йорк Таймс» и т.д. Любопытно, что некоторые сайты, к примеру, официальный сайт Азербайджана о событиях в Ходжалу (www.khojaly.org), опомнившись, убрали со своих страниц эту фальшивку. Тем не менее на других, в том числе на странице чтивого в Азербайджане сайта «Фонда Гейдара Алиева» (www.azerbaijan.az), она продолжает бесстыдно красоваться!»

¹<http://www.nkr.am>, 07.07.2008 г.

– Далее. Из года в год задним числом растет заявляемое азербайджанской стороной число жертв. Спустя несколько дней после штурма Ходжалу азербайджанские официальные лица называли цифру в 100 убитых, через неделю – 1234; парламентская комиссия уточнила ее – 450; в изданном Гейдаром Алиевым указе «о геноциде азербайджанцев» говорится о тысячах убитых.

Выступая на Совете ОБСЕ в декабре 1993 г., министр иностранных дел АР заявляет о 800 убитых. А в 1999 г., сообщая о намерении обратиться в Международный суд, госсекретарь по национальным вопросам И. Оруджев назвал такие цифры: 600 убитых, 500 раненых, 1275 пленных. Азербайджанская «525-я газета», сообщая в ноябре 2007 г. о предстоящей в Берлине демонстрации представителей турецкой и азербайджанской диаспор в связи с «Ходжалинским геноцидом», утверждала: «при захвате этого города за одну ночь... с особой жестокостью было убито 613 мирных жителей, в том числе 63 ребенка, 106 женщин, 70 стариков»¹.

По официальным азербайджанским свидетельствам, на момент штурма в Ходжалу не было такого количества жителей. Большинство из примерно 2–2,5 тыс. жителей Ходжалу, то есть тех, кто реально проживал в селе, а не был прописан в нем в период бурного строительства, загодя покинули село. Так, в конце апреля 1993 г. в Праге на Конференции СБСЕ МИД АР распространил документ № 249, озаглавленный «Список азербайджанонаселенных и смешанных сел верхней части Карабаха, занятых армянскими вооруженными силами». Напротив названия «Ходжалу» в графе «население» в этом документе стояло число: 855.

Фантастические цифры и представления о Ходжалу постепенно переключаются и в работы некоторых российских исследователей. Так, например, в книге популярного сегодня исследователя военной истории Алексея Шишова «Военные конфликты XX в.», в разделе, посвященном карабахскому конфликту, читаем: «В феврале был взят второй по величине город Нагорного Карабаха Ходжалы (современная азербайджанская транскрипция названия – прим. автора), населенный азербайджанцами»².

Известно, что Ходжалу не только не было городом (коих в НКАО, кроме Степанакерта, было три: Шуша, Мардакерт и Мартуни), но даже не входило в десятку крупнейших сел НКАО–НКР. А в новой книге Николая Зеньковича «Ильхам Алиев», вышедшей в свет в 2008 г. и являющейся собой очередную апологику алиевского клана (годом раньше вышла его же книга «Гейдар Алиев. Зигзаги судьбы», на которую мы также ссылались в первой главе), приводятся и вовсе фантастические цифры, явно позаимствованные у Азербайджана: «В ночь с 25 на 26 февраля 1992 г. армянские вооруженные силы напали на азербайджанский город Ходжалы с населением 6000 человек»³...

В первой декаде марта 1992 г. автор этой книги вместе с ереванским корреспондентом агентства «Интерфакс» и двумя азербайджанскими коллегами по Русской службе радио «Свобода» был приглашен в офис правозащитного центра «Мемориал». Азербайджанские корреспонденты Иля Балаханова и Вугар Халилов принесли видеокассету с записью съемки места гибели ходжалинцев, сделанной бакинскими тележурналистами с борта военного вертолета и непосредственно на поле.

¹«Коммерсантъ», 29.11.2007

²А. В. Шишов. «Военные конфликты XX в.». Москва: Вече, 2006. С. 521

³Н. Зенькович. Ильхам Алиев. Взгляд из Москвы. Москва: «Яуза»–«ЭКМО», 2008. С. 448

Эти жуткие кадры чередовались, иногда повторялись с другого ракурса. Практически все присутствовавшие тогда согласились, что количество запечатленных на пленке погибших не превышало 50–60 человек. Все другие записи и фотоснимки, демонстрировавшиеся позже по телевидению и напечатанные в разных СМИ, так или иначе, были частью виденной нами в «Мемориале» записи. Правда, позже «Мемориал» говорил о 181 теле погибших близ Агдама ходжалинцев.

Также на пленке было видно, что тела погибших разбросаны на большом пространстве, в чистом поле. В нескольких километрах от места съемки был виден некий населенный пункт, в котором при максимальном увеличении изображения телеоператором узнавался поселок городского типа Аскеран, райцентр одноименного района НКР, расположенный на шоссе Степанакерт–Агдам между Ходжалу и Агдамом, примерно посередине между ними. Что также подтверждало: факт массового убийства имел место отнюдь не в Ходжалу и не во время штурма деревни.

После гибели мирных жителей в Баку разгорелся скандал, следствием чего стал вынужденный, под угрозой восстания воинских частей, подчинявшихся НФА, уход в отставку президента Аяза Муталибова. Спустя месяц после отставки Муталибов дал интервью чешской журналистке Дане Мазаловой, которое было опубликовано в «Независимой газете».

Говоря о Ходжалу, Муталибов, в частности, сказал:

«Как говорят те ходжалинцы, которые спаслись, это все было организовано для того, чтобы был повод для моей отставки. Какая-то сила действовала для дискредитации президента. Я не думаю, чтобы армяне, очень четко и со знанием дела относящиеся к подобным ситуациям, могли позволить азербайджанцам получить избоблачающие их в фашистских действиях документы... Если я заявлю, что это вина азербайджанской оппозиции, могут сказать, что я на них наговариваю. Но общий фон рассуждений таков, что коридор, по которому люди могли уйти, армянами все-таки был оставлен. Зачем же им тогда стрелять? Тем более на территории, близкой к Агдаму, где к тому времени было достаточно сил, чтобы выйти и помочь людям»¹.

Почти 10 лет спустя азербайджанский экс-президент подтвердил свою мысль в интервью журналу «Новое время»:

«Было очевидно, что расстрел ходжалинцев был кем-то организован для смещения власти в Азербайджане»².

Независимый азербайджанский оператор Чингиз Мустафаев, проводивший съемки 28 февраля и 2 марта 1992 г., также усомнился в официальной версии и начал свое собственное расследование. Однако в июне 1992 г. он был убит при съемках боевых действий при невыясненных обстоятельствах.

Другой азербайджанский журналист Эйнулла Фатуллаев из оппозиционного независимого журнала «Монитор» в феврале 2005 г. провел десять дней в НКР и на прилегающих территориях, о чем поведал в своих материалах и интервью. Он также позволил себе усомниться в правдивости официальной версии Баку о гибели группы ходжалинских жителей:

«...Как-то, несколько лет тому назад, я встретился с ходжалинскими беженцами, временно проживающими в Нафталане, которые открыто признались мне... что еще за

¹«Я гуманист. В душе», «Независимая газета», 02.04.1992 г.

²«Новое время», 06.03.2001 г.

несколько дней до наступления армяне непрерывно по громкоговорителям предупреждали население о планируемой операции, предлагали гражданскому населению покинуть поселок и выйти из окружения через гуманитарный коридор, вдоль реки Каркар. По словам самих ходжалинцев, они воспользовались этим коридором, и действительно, находящиеся за коридором армянские солдаты не открыли по ним огонь. Некоторые солдаты из батальонов НФА почему-то вывели часть ходжалинцев к селу Нахичеваник, который в тот период находился под контролем аскеранского батальона армян. А остальная часть была накрыта у подножья Агдамского района артиллерийским залпом.

...Ознакомившись с географической местностью, с полной убежденностью могу сказать, что домыслы об отсутствии армянского коридора лишены оснований. Коридор действительно был, иначе полностью окруженные и изолированные от внешнего мира ходжалинцы никак не смогли бы прорвать кольца и выйти из окружения. Но, преодолев местность за рекой Каркар, вереница беженцев разделилась, и почему-то часть ходжалинцев направилась в сторону Нахичеваника. Похоже, что батальоны НФА стремились не к освобождению ходжалинцев, а к большей крови на пути и свержению А. Муталибова¹.

Через несколько дней после публикации в «Мониторе» первого репортажа Э. Фатуллаева из Нагорного Карабаха, 2 марта 2005 г. в подъезде собственного дома в Баку неизвестным был застрелен редактор журнала Эльмар Гусейнов. «Монитор» слыл самым радикальным оппозиционным журналом и имел самый высокий тираж среди азербайджанских еженедельников. Критика журналом правящих властей АР неоднократно вызвала ответные действия в виде политических и судебных преследований как самого редактора, так и других журналистов, финансовых санкций, временного закрытия журнала. Однако до покушения дело не доходило. Это случилось лишь после публикации в «Мониторе» репортажей Фатуллаева.

Сам Эйнулла Фатуллаев на момент сдачи книги вот уже почти два года как находился в тюрьме, осужденный по целому букету обвинений, в том числе и в государственной измене...

На кадрах хроники, показанной на заседании «Мемориала», среди убитых было видно много детей. Их было едва ли не половина всех убитых, снятых на видеокамеру в поле между армянским Нахичеваником и азербайджанским Агдамом.

В главе «Резня в Сумгаите» мы приводили слова армянского журналиста Самвела Шахмурадяна, который посвятил несколько лет расследованию сумгайтских событий, о том, что при армянских погромах в Сумгаите и Мингечауре не было жертв среди детей: «Хотя попытки были. Останавливали бандитов не только мольбы родителей, но и упоминания других членов банды, что детей мы не убиваем... Я беседовал с тяжело раненной женщиной. Что стало с мужем – она не знает.

В последний раз она видела его лежащим в крови. Но когда она молила бандитов не трогать детей, ей сказали: «Детей мы не трогаем. разве мы армяне? Мы не армяне»².

¹Эти фрагменты из репортажа Фатуллаева, опубликованного на сайте «Реальный Азербайджан». Прежде, чем он был снят, его перепечатал сайт www.sumgait.info

²Сумгаит... Геноцид... Гласность? Ереван. Общ. «Знание» АрмССР. 1990. С. 53–54

Очевидно, замечание погромщиков о том, что детей они не трогают, так как «они – не армяне», означало, в соответствии с логикой организаторов и идеологов погромов, что «армяне убивают азербайджанских детей». Если еще в 1988 г. в азербайджанских массах в ходу были подобные разговоры и слухи (наподобие «вагона детей с отрубленными пальчиками»), то можно представить себе, каким убедительным аргументом «варварства армян» стал для азербайджанского общества факт массовой гибели ходжалинцев, в том числе многих детей.

Сравним отношение официальной азербайджанской пропаганды к двум трагедиям: резне в Сумгаите и гибели жителей Ходжалу на поле близ Агдама.

Сумгаит. В большом городе на глазах десятков тысяч людей на протяжении трех дней происходили сначала митинги с антиармянскими лозунгами и подстрекательскими призывами, а потом армянские погромы. Многие сотни людей дали показания как свидетели, десятки были арестованы, прошел ряд судебных процессов. Официальная азербайджанская пропаганда утверждает: погром организовали «армянские националисты», чтобы дискредитировать азербайджанцев.

Ходжалу. На удалении 11–12 км от этого населенного пункта, в чистом поле, на нейтральной полосе между постами карабахских армян и азербайджанских вооруженных формирований неизвестные расстреливают группу отступающих жителей Ходжалу. Все происшедшее неизвестные расстреливают группу отступающих жителей Ходжалу. Все происшедшее неизвестные расстреливают группу отступающих жителей Ходжалу. Сам доступ ходжалинцев успешно вышли к азербайджанским позициям близ Агдама. Между тем, карабахских армян к месту массового убийства практически невозможен. Между тем, через день кто-то снова возвращается на поле, чтобы осквернить некоторые трупы перед новым посещением места трагедии иностранными журналистами.

Официальная азербайджанская пропаганда и в этом случае однозначно утверждает: убийство – дело рук армян, хотя в эту версию не верят даже многие из бывших азербайджанских руководителей. Выше мы привели мнение экс-президента Муталибова. А экс-министр обороны АР Рагим Газиев сказал, что в Ходжалу «была подготовлена ловушка для Муталибова».

Тем самым устроители массового убийства ходжалинцев достигли сразу двух целей: убрали ставшего ненужным после распада СССР А. Муталибова и получили повод начать шумную кампанию по обвинению армян в бесчеловечных методах ведения войны.

При этом как бы отходила на второй план страшная правда о том, что с 13 февраля азербайджанская армия начала методично разрушать из «Градов» 55-тысячный Степанакерт, жителей которого даже при желании уйти из блокадного Карабаха было трудно.

Все это вполне укладывалось в рамки ряда имевших место как ранее, так и позднее акций турецких спецслужб. Похожие акции имели место не только в Закавказье, но и на Балканах, где вмешательство спецслужб Анкары в войну в Боснии было вполне очевидным. Известно, что на протяжении осады сербами Сараево как минимум трижды некими спецслужбами были организованы крупные теракты, жертвами которых становились боснийцы-мусульмане.

«Каждый раз, когда западные державы готовятся к использованию силовых методов против сербов, сразу же выявляется «таинственное» массовое убийство. И всякий раз потрясающие воображение кадры распространяются по всему миру... средства массовой информации выносят обвинительный приговор, не затрудняя себя расследованием, а возмущенное против сербов общественное мнение одобряет все военные заготовки Запада»¹.

В 1995 г. накануне начала бомбардировок силами НАТО позиций боснийских сербов многие десятки людей в Сараево были убиты при попадании мины в очередь за хлебом на рынке в мусульманской части города. Однако позже выяснилось, что в этом случае, как и в двух других, сербские силы лишь голословно обвинялись: согласно докладом ООН и другим источникам, все три теракта совершили мусульманские националисты Изетбеговичи, чтобы обвинить в кровопролитии противоположную сторону².

После ареста лидера боснийских сербов Радована Караджича во многочисленных репортажах НТВ и других российских программ, вероятно позаимствованных из западных теленовостей, прокрутили ролики времен боснийской войны. Во многих из них автор узнал запись 1995 г., сделанную сразу после взрыва мины на рынке в Сараево. Однажды уже опровергнутое, лживое обвинение вновь было задействовано в нужный момент.

Между тем, лидер НФА Абульфаз Эльчибей (Алиев), вскоре после отставки Аяза Муталибова ставший президентом АР, ранее открыто заявлял: «Чем больше прольется крови, тем лучше будет сцементировано мужество и идеология нации». А патронируемая турецкими спецслужбами организация «Серые волки» имела свой азербайджанский филиал, чей лидер Искандер Гамидов стал при президенте Эльчибее министром внутренних дел АР.

То есть можно вполне уверенно предположить, что убийство ходжалинцев на поле близ Агдама – не что иное, как акция турецких и азербайджанских спецслужб, призванная оправдать в глазах мирового сообщества варварские методы ведения Баку войны с армянами Нагорного Карабаха.

Не случайно, еще в 1918 г. представитель австро-венгерского военного пресс-центра в Османской Турции Стефан Штайгер сказал о методах турецкой пропаганды:

«Перед организацией резни армянского населения Турции гражданские и военные власти, как правило, распространяют ложь о том, что будто «армяне – это самые большие преступники в мире, а турки являются невинными жертвами армянского варварства».

Примерно в таком духе и высказался турецкий премьер Сулейман Демирель на пресс-конференции в Москве 26 мая 1992 г. Автор этой книги тогда задал ему вопрос: отчего Турция заговорила о правах человека только сейчас (то есть после взятия Шуши и прорыва Лачинского коридора), а до этого, когда попирались права народа Нагорного Карабаха, хранила молчание? С. Демирель довольно резким тоном заявил, что не собирается обсуждать этот вопрос, поскольку «после геноцида в Ходжалу» и так все ясно».

А вот другое страшное событие этого же периода войны, многие свидетели которого остались в живых и дали соответствующие показания. Но «свободные СМИ» как на Западе, так и в России практически проигнорировали его.

¹Мишель Коллон. Нефть, PR, война. Крымский мост-9д. Москва. 2002. С. 11

²Там же, стр. 13

В ночь на 10 апреля азербайджанская армия при поддержке бронетехники 23-й (Кировобадской) дивизии атаковала 3-тысячное приграничное село Марага Мардакертского района НКР. Отряд местной самообороны вынужден был отступить, и село на 4 часа перешло в руки азербайджанцев. Это произошло так быстро, что многие жители не успели отойти. Когда объединенные отряды самообороны освободили село, их глазам предстала чудовищная картина: обезображенные, распиленные на части трупы, сожженные тела, десятки угнанных в плен.

Баронесса Керолайн Кокс с группой членов организации «Международная христианская солидарность» находилась в то время в Нагорном Карабахе, и миссия стало известно о произошедшей трагедии. В книге К. Кокс и Джона Эйбнера «Этническая чистка продолжается. Война в Нагорном Карабахе»¹ говорится о посещении Мараги:

«Группа, выехавшая туда для сбора фактов, увидела находившихся в состоянии шока уцелевших жителей деревни, их сожженные и еще тлеющие дома, обугленные трупы и обнаженные человеческие кости, лежавшие там, где людям отрезали головы пиллой, а тела сжигали на глазах членов их семей... Чтобы удостовериться в правдивости рассказанных историй, делегация попросила жителей вскрыть некоторые из свежих могил. Превозмогая боль и страдания, они сделали это, позволив сфотографировать обезглавленные и обуглившиеся тела...»

«На кадрах, сделанных в те дни в Мараге, запечатлены свидетельства произошедшей здесь ужасной резни: обезглавленные и расчлененные тела, останки детей, окровавленная земля и куски тел в тех местах, где азербайджанцы распиливали живых людей... Мы видели острые серпы с запекшейся кровью, которые использовали для расчленения»².

По инициативе карабахской журналистки и руководителя студии «Млечный путь» Наринэ Агабалиян к 15-летию трагедии Мараги был выпущен компакт-диск со страшными кадрами и свидетельствами. Н. Агабалиян рассказала в интервью интернет-изданию «Нав-казский узел»³, что, по материалам имеющихся данных, 10 апреля 1992 г. в Мараге был зверски убит 81 человек, взято в плен 67. Часть заложников была потом обменена, но судьбы многих так до сих пор и остались неизвестными.

Как уже было сказано выше, имелись многие десятки очевидцев резни в Мараге. Человеческие тела, распиленные и разрубленные на части, сожженные, обезглавленные, – все было зафиксировано на пленку. Какой же была реакция западных СМИ на трагедию, произошедшую в Мараге? Да никакой!

Рассказывает баронесса Керолайн Кокс:

«Английская газета «Дейли телеграф» договорилась со мной об эксклюзивном репортаже (о трагедии Мараги – прим. автора) на своих страницах, поэтому я не обратилась в другие газеты. Однако проходило время, но публикации не было. Я позвонила главному редактору, и он сказал, что решил не печатать материал. «Но ведь не сколько недель назад вы опубликовали репортаж о событиях в Ходжалу, почему не»

¹Caroline Cox and John Eibner. «Ethnic Cleansing in Progress: War in Nagorno Karabakh». Полный текст книги размещен на сайте www.sumgait.info

²Из интервью К. Кокс газете «Голос Армении», 07.04.2001 г.

³Опубликовано на сайте 09.04.2007 г.

хотите печатать правду о трагедии в Мараге?» – спросила я. Он ответил: «Я не думаю, что мы должны торговать трагедиями, сохраняя баланс». И повесил трубку»¹.

Почему западные, прежде всего американские и британские, СМИ проявляли столь асимметричный подход в освещении карабахской войны? А позже – в отношении также и послевоенного периода?

Все очень просто: проблема Нагорного Карабаха интересовала их с точки зрения нарушений прав человека лишь тогда, когда ее муссирование шло на пользу дела дезинтеграции СССР. Когда это свершилось, новые независимые государства стали для Запада той опорой, которая позволяла ему не допустить возможной реставрации какого-либо союза на пространстве бывшего СССР. Тем более во главе с Россией, в отношении которой со стороны США и их союзников все постсоветские годы проскальзывали нотки раздражения и неприязни.

Когда на место Советской Армии, обстреливавшей и депортировавшей карабахские села, пришла азербайджанская национальная армия, применяющая «Град» и авиацию против карабахцев, Нагорный Карабах и права его жителей более не интересовали атлантический альянс. Наоборот, страдания «новых демократий» от будто бы поддерживаемых Москвой «сепаратистов» как раз стали отвечать политической линии и Вашингтона, и Лондона.

В августе 1993 г. парижская русскоязычная газета «Русская мысль» метко высказалась по этому поводу:

«Любопытно, как армяне Нагорного Карабаха, в прошлом всегда удостаивавшиеся защиты «Монда», потеряли его симпатию с того момента, когда при помощи русских их положение как будто стало улучшаться. «Монд» теперь симпатизирует скорее Азербайджану, несмотря на то, что там «пришел к власти один из самых тяжеловесных гэбистов», как американская пресса называет Алиева. Действительно, о прошлом Алиева все известно, и будущее его – если он останется у власти – нетрудно предсказать, так же, как очень просто вычислить, в какую сторону будет направлена его политика. Не удивил бы нас и его союз с новоиспеченным демократом Шеварднадзе, который всегда пользовался почетом у западной прессы как «хитрый тайный проводник демократии», и сейчас эта пресса готова стать на его сторону и против Абхазии, о которой она мало что знает...»²

Попытки апеллировать к мировому сообществу, чтобы отвлечь его внимание от проводившихся в АзССР, – Азербайджанской Республике этнических чисток и погромов, осуществлялись официальным Баку и ранее. В главе «Первая кровь» мы уже говорили, что после январских 1990 г. армянских погромов в Баку, превзошедших резню в Сумгаите, азербайджанская пропаганда вернулась к вопросу азербайджанских беженцев из Армянской ССР. При этом были использованы обычные для этой пропаганды ложь и дезинформация.

Подобный «вброс» в «демократические» СМИ, связанные с Западом, был принят уже упоминавшимся Арифом Юнусовым ровно через год после армянских погромов в Баку. Еще в 1991 г. он опубликовал в еженедельной правозащитной газете

¹Из интервью К. Кокс газете «Голос Армении», 07.04.2001 г.

²Цитируется по перепечатке в газете «Армянский вестник», № 9 (56), сентябрь 1993 г., с. 1

«Экспресс-хроника» статью «Погромы в Армении в 1988–1989 гг.»¹. К статье прилагался поименный список из 215 граждан азербайджанской национальности, будто бы погибших в ходе погромов. Ранее было известно о 25 азербайджанцах, погибших в ходе событий в ноябре-декабре 1989 г. в АрмССР.

Эти события носили характер вооруженных столкновений, в ходе которых жертвы были с обеих сторон и после которых последовал массовый исход более 100 тыс. азербайджанского населения Армянской ССР (то есть всех азербайджанцев, за исключением тех, кто выехал ранее, обменяв свои квартиры, дома с бакинскими армянами). Они происходили в основном на севере республики, – 20 из 25 азербайджанцев и большинство из 17 армян погибли именно там, – вскоре после прибытия туда потока армянских беженцев из Кировабада и прилегающих армянских сел. Показательно, что в отличие от Еревана, где практически не было азербайджанского населения, в сельских районах АрмССР вообще не были дислоцированы внутренние войска, – хотя именно в сельской местности проживало более 90 % азербайджанских жителей республики.

К зиме 1991 г., когда появился материал Юнусова, армянский КГБ, как и азербайджанский, фактически вел самостоятельную политику, правда, не в русле, а против линии центра. В частности, весной 1991 г. в Москве разгорелся скандал, когда выяснилось, что ереванские чекисты переправили большую часть неприкосновенного запаса оружия из своего арсенала в Нагорный Карабах.

По поручению шефа армянского КГБ Усика Арутюняна² была проведена тщательная дополнительная проверка по каждому указанному в списке Юнусова человеку. Выяснилось, что, за исключением 25 реально погибших, остальные указанные в списке Юнусова лица не были жертвами столкновений или погромов. Они либо вообще никогда в республике не числились; благополучно выехали из нее (62 человека), и адреса проживания многих из них были известны; либо скончались в АрмССР еще до событий, скончались или погибли на территории АзССР и третьих республик СССР.

Например, один «убитый» выехал на жительство в РСФСР в 1987 г.; другой переехал в Кустанайскую область Казахской ССР в 1984 г. и его адрес прилагался, но не в результате навет, указанных как убитые в ходе погромов, действительно скончались, но не в результате насильственной смерти. Причем один погиб в автокатастрофе еще в 1963 г., а другой, значительной смерти. Причем один погиб в автокатастрофе еще в 1963 г., а другой, значительной смерти. Причем один погиб в автокатастрофе еще в 1963 г., а другой, значительной смерти. Причем один погиб в автокатастрофе еще в 1963 г., а другой, значительной смерти.

По словам У. Арутюняна, «мы документальными доказательствами доказали, что составленный список... преувеличен почти в 10 раз. Неужели составители документа не задумывались над тем, что кощунствуют в отношении своего же народа, причисляя живых к мертвым? Думается, самое главное в этом случае – это добиваться истины для своего же народа. Хватит его озлоблять ложью, делать из него зверя»⁴.

¹У. Арутюнян впоследствии погиб в авиакатастрофе самолета А-320 «Армянских авиалиний» близ Сочи, 3 мая 2006 г.

²«Погромы в Армении: суждения, домыслы и факты», «Экспресс-хроника», № 16, 16.04.1991 г.

³Там же

⁴Там же

Наконец, некоторые приведенные Юнусовым фамилии армянских функционеров были придуманы. Словом г-н А. Юнусов был уличен в преднамеренной лжи, что, впрочем, не мешает тем же западным журналистам и политологам ссылаться в своих работах на его фальсификации. Уже упоминавшийся Томас де Ваал в своей книге «Черный сад», говоря об исходе азербайджанцев из Армянской ССР, базируется именно на «списке Юнусова», опубликованном в «Экспресс-Хронике»¹.

При этом в предисловии к своей книге Т. де Ваал двулично призывает читателя «не заниматься выборочным цитированием отдельных отрывков из книги в угоду собственным политическим интересам»². Воистину, дьявол кроется в деталях!

Циничные и голословные фальсификации и сегодня остаются на вооружении бакинского агитпропа. Давая в своих измышлениях изрядную фору А. Юнусову, кандидат исторических наук Исрафил Мамедов заявил по азербайджанскому телевидению 25 марта 2001 г.: «В целом нигде не встретишь аналога трагедии, учиненной против азербайджанцев на территории нынешней Армении. Совсем недавно, 12 ноября 1988 г., в Спитакском районе за несколько недель до землетрясения 70 азербайджанских детей (заметьте, речь опять-таки идет о детях – прим. автора) загнали в трубу и заварили ее концы. А 25 детей посадили в автобусы и куда-то отправили. В тот день убили 350 человек. Однако мир не знает об этом»³.

ВОЕННЫЕ МИФЫ И БАЙКИ

Рассуждения досужих журналистов и политологов на тему азербайджано-карабахского конфликта и тогда, и сегодня очень напоминают диалог Бальзамина с предполагаемой тещей из фильма «Женитьба Бальзамина», снятого по мотивам произведений Н. Островского:

«Вы читаете газеты?»

– Читайте-с.

– Вот я хотела вас спросить, не читали вы ничего про Наполеона? Говорят, опять на Москву хочет!

– Ну, где же ему теперь-с. Он еще внове у себя не успел устроиться. Пишут, что дворцы да комнаты отделяет.

– Ну, слава Богу. Да вот еще, скажите мне. Говорят, царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском. Покажется и опять уйдет, покажется и опять уйдет! Говорят, это перед самым концом!

– Очень может быть!

– Как жить на свете? Какие страсти! Времена-то какие тяжелые! Да, говорят, белый арап на нас поднимается, 200 миллионов войска ведет за собой!

– А откуда же он, белый арап?

– Из Белой Арапии!

– А! В газетах как-то глухо об этом пишут...»

Примерно в том же духе много лет действует и турко-азербайджанская пропаганда, сознательно искажая и препарируя события времен второй карабахской войны 1991–1994 гг. в угоду целям и интересам пантюркизма.

Важнейший военно-политический миф, особенно часто используемый сегодня азербайджанской и турецкой пропагандой: Армения совершила агрессию против Азербайджана с целью захватить у последнего Нагорный Карабах.

Думается, все предыдущие главы данной книги, о том, что предшествовало событиям 1988 г., как развивались события после 20 февраля того же года вплоть до распада Союза ССР, сами по себе опровергают этот миф. Прибавим к этому и некоторые важные детали периода военных действий.

С конца сентября 1991 г. по 18 мая 1992 г. НКР находилась в полной блокаде. Связь с «материковой» Арменией была возможна лишь вертолетами. Никакую тяжелую боевую технику перебросить вертолетами гражданской авиации Ми-8 невозможно. Невозможно перебросить ее (кроме разве что отдельных видов орудий или установки «Град») и вертолетами Ми-26, которые к тому же были только в распоряжении армии и лишь изредка выделялись для перевозки раненых, больных и эвакуируемых.

В марте 1992 г., кстати, такой вертолет, перевозивший раненых и больных из Шаумянского района Нагорного Карабаха в Ереван, был обстрелян ракетами азербайджанскими боевыми вертолетами Ми-24 над Кельбаджарским районом и совершил аварийную посадку; при этом погибли более 20 человек, а десятки были ранены.

В том же месяце летчик-наемник, управлявший боевым самолетом азербайджанских ВВС, обстрелял Як-40 «Армянских авиалиний», направлявшийся из Степанакертского аэропорта в Ереван с ранеными и больными на борту. Летчики смогли посадить поврежденный самолет на брюхо в аэропорту армянского райцентра Сисиан, в Зангезуре; всех пассажиров удалось спасти.

Из приведенных выше фактов видно, насколько труднопреодолимой была блокада края в первой половине 1992 г. Поэтому реально усилить карабахские силы самообороны могли лишь армянские добровольцы со стрелковым оружием и легкой артиллерией, которые с риском для жизни попадали в НКР на вертолетах гражданской авиации через азербайджанский «санитарный кордон».

18 мая отряды карабахских армян со стороны Шуши достигли Лачина, за которым, в местечке Забух, и соединились с отрядами самообороны из Горисского района Республики Армения. То есть наступление шло из глубины Нагорного Карабаха в направлении Лачина, а не наоборот.

Азербайджанские артиллерия и авиация (отметим, что боевых самолетов тогда у армянской стороны не было вовсе) на протяжении всего 1992 г. и в начале 1993 г. обстреливали и бомбили приграничные районы РА. Особенно пострадал тогда приграничный 50-тысячный армянский город Кафан, административный центр Зангезура, который подвергался авиационным налетам и обстреливался из орудий и минометов. В октябре-ноябре 1992 г. Кафан обстреливали почти ежедневно; в один из обстрелов снаряд разорвался в очереди за хлебом, убив сразу 28 человек.

¹«Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной». Москва, Текст, 2005. С. 97

²Там же, с. 13

³Расшифровка передачи была опубликована в органе управления делами президента АР газете «Бакинский рабочий», в номерах за 27–30.03.2001 г.

Велся интенсивный обстрел восточного побережья озера Севан, особенно города Красносельска, где жило много этнических русских, так называемых молокан. Эти обстрелы особенно усилились, когда азербайджанская армия в августе 1992 г. захватила армянское село Арцашен того же Красносельского района, расположенное анклавом в 46 км² вне основной территории района. В сталинские времена этот большой населенный пункт, занимавший важное стратегическое положение, из части территории Армянской ССР превратился в анклав на территории АзССР.

То есть в 1992 г. независимая Азербайджанская Республика захватила часть территории также независимой Республики Армения, но этот факт не получил никакой оценки со стороны таких международных организаций, как ОБСЕ и ООН!

Прибывший по просьбам местного русского населения в город Красносельск во время обстрелов российский посол Владимир Ступишин заявил в декабре 1992 г.:

«Нет такой идеи, во имя которой можно жертвовать чужие жизни, загонять женщин и детей в подвалы, громить гражданские объекты, оставлять людей без света, без хлеба, без тепла. А если она, такая идея, есть – это преступная идея»¹.

Впрочем, тут надо иметь в виду, что в Баку вовсе не считали и не считают варварские бомбардировки мирного населения в период войны чем-то недопустимым. С точки зрения бакинских правителей, то, где это происходило (включая армянский Зангезур), являло собой «азербайджанские земли», над которым надо было восстановить «ранее утраченный суверенитет». А инородное население было ненужным приложением к этим территориям, с которым «хозяева» могли поступать, как им заблагорассудится.

Не извлекая уроков из прошлого, азербайджанские руководители и сегодня продолжают рассуждать примерно в таком же духе.

Интересные факты относительно истинного вектора агрессии можно почерпнуть и из собственно азербайджанских источников. Так, в 1995 г. азербайджанский Центр стратегических и международных исследований издал книгу Джангира Араслы «Армяно-азербайджанский конфликт. Военный аспект». В книге есть любопытный документ: таблица № 4 «Начало применения современных вооружений и форм ведения боевых действий сторонами конфликта». Из таблицы следует, что «защищающийся от агрессии Армении» Азербайджан первым в ходе войны применил:

- реактивную систему залпового огня БМ-21 «Град» (13 января 1992 г.);
- вертолет огневой поддержки Ми-24 (13 февраля 1992 г.);
- тактический вертолетный десант (5 марта 1992 г.);
- штурмовик Су-25 (8 мая 1992 г.);
- парашютный десант (18 сентября 1992 г.).

По данным того же Джангира Араслы, армянская сторона первой применила лишь переносной зенитно-ракетный комплекс «Игла». Как известно последний – оружие не наступательное, а предназначенное к использованию против авиации противника. 30 января 1992 г. им был сбит вертолет Ми-8, перевозивший подразделение азербайджанских солдат из Агдама в Шушу, вскоре после неудачного нападения на армянское село Каринтак близ Шуши.

Цифры и факты свидетельствуют не об «агрессии Армении против Азербайджана», а об агрессии последнего против Нагорно-Карабахской Республики и Республики Армения.

¹В. Ступишин. Моя миссия в Армению. Москва: Academia, 2001. С. 160–161

Еще об одном мифе. На бытовательском уровне многие в Азербайджанской Республике убеждены, что их страна проиграла войну не карабахским армянам, которых поддерживали армянские добровольцы, и даже не «Армении-агрессору». А, оказывается... России!

Миф этот был порожден нежеланием азербайджанского массового сознания, особенно представителей молодого поколения, смириться с мыслью, что «широко шагающий» Азербайджан проиграл войну армянам, которые, по ложному убеждению, почему-то считались неспособными к войне. Хотя известно, что и в царское, и в советское время они достаточно хорошо проявляли себя в войнах, в то время как «кавказских татар», как и других мусульман Кавказа и Туркестана, при царе в армию не призывали вовсе.

Возможно, здесь сыграла злую шутку советская пропаганда, которая в целях недопущения сепаратизма в Армянской ССР десятилетиями небезуспешно вдалбливала в сознание местного социума мысль о жертвенной природе армянского народа, его неспособности к каким-либо самостоятельным шагам без помощи Кремля. Любопытный факт: в годы советской власти из традиционного армянского костюма напрочь исчезло оружие. Хотя на дореволюционных фотографиях танцевальные и хоровые коллективы из той же Шуши всегда были облачены в традиционный горский костюм с кинжалами.

Миф о «русской руке», хотя и живуч в азербайджанском социуме, разбивается совсем просто. Боевые потери с армянской стороны известны практически поименно. В ходе войны погибли 5856 бойцов, из них 3291 житель НКР (56 % погибших). Остальные 2565 погибших, за исключением чуть более сотни граждан других стран (преимущественно армянского происхождения), были гражданами Республики Армения. Среди погибших были и несколько десятков русской и других «неармянских» национальностей из стран СНГ.

Среди погибших с армянской стороны были также 1264 мирных жителя НКР, – их подавляющее большинство, – и приграничных районов Республики Армения. 596 человек – военных и гражданских (почти исключительно граждане НКР) – пропали без вести.

С азербайджанской стороны, по разным данным, потери только погибшими составили от 25 до 30 тыс. человек. Кстати, в годы войны официальный Баку подчас скрывал истинные размеры своих потерь, объявляя погибших пропавшими без вести и будто бы находящимися в плену в «армянских застенках». Тем самым бедных родственников погибших обнадеживали, а на внешний мир азербайджанская пропаганда распространяла небывлицы про тайные лагеря военнопленных, где у узников изымают внутренние органы для продажи за рубеж.

Если Азербайджанская Республика вела войну не с армянами Карабаха и вообще не с армянами, а «с российской армией», то где списки российских потерь, почему об этом до сих пор ничего не известно?

И если те немногочисленные славяне, что сложили голову, защищая Карабах, и есть потери «русского экспедиционного корпуса», то откуда взялись столь большие потери с азербайджанской стороны? То есть, если верить этому мифу, «русским» азербайджанская армия проиграла, потеряв тысячу погибших своих граждан на одного погибшего «агрессора». Так не логичнее ли Азерагитпропу согласиться с реальными цифрами потерь реального противника – карабахских и «армянских» армян?

Наконец, еще один миф. Распространяя еще с советских времен небывлицы об участии на армянской стороне иностранных наемников, включая «негров», «арабов» и

пресловутых «прибалтийских снайперш», официальный Баку неуклюже пытался отвлечь внимание от массового применения наемников азербайджанской армией.

Последнее обстоятельство было обусловлено непопулярностью войны у большинства азербайджанцев, которых сгоняли в армию силой. Первый посол Российской Федерации в Республике Армения Владимир Ступишин 30 сентября 1992 г., посетив в составе российской делегации во главе с премьер-министром Егором Гайдаром Баку, позднее вспоминал в своих мемуарах:

«Шония (Вальтер Шония, посол РФ в Азербайджанской Республике – прим. автора) познакомил меня с некоторыми азербайджанскими чиновниками, которые с ходу обрушились на армян... вменяя им в вину... использование наемников на войне с бедным, несчастным Азербайджаном. Я, естественно, напомнил им о русских и украинских пилотах, летающих на азербайджанских самолетах и даже попадающих в плен к нехорошим карабахцам¹... Собеседник пытался убедить меня в том, что азербайджанская молодежь чуть ли не с энтузиазмом стремится на карабахский фронт. Да, отреагировал я, наверное, от этого энтузиазма у многих погибших дырки в затылках. Азербайджанец аж поперхнулся. Видно, таких возражений ему слышать не приходилось»².

Вообще, надо сказать, что основным принципом турко-азербайджанской пропаганды был и остается принцип «мартышки». «Мартышкой» на журналистском жаргоне называли раньше (ногда еще не было компьютеров и принтеров) зеркальный отпечаток текста, остававшийся на оборотной стороне машинописного листа при неправильном расположении за ним листа копировальной бумаги.

Так вот «мартышка», перевертыш, в пропаганде – это приписывание врагу собственных проблем, грехов или намерений и собственных тайных желаний, а также их поддельное озвучивание будто бы противной стороной. Среди конкретных примеров здесь и «агрессия против Азербайджана», «устроенный армянами погром в Сумгаите», «зверства армян в Ходжалу», армянские «наемники-арабы» и прочее. При этом методы дезинформации остаются одинаковыми, что двадцать лет назад, что сегодня.

Например, азербайджанское агентство «Тренд» распространяет на сайте *bakililar.az* интервью с бывшим военным комендантом района чрезвычайного положения НКАО и прилегающих районов АзССР генерал-майором Генрихом Малюшкиным. Тем самым, который отличился репрессиями и попытками опровергнуть очевидные факты миссии «Мемориала» летом 1990 г. Этот военный пенсионер – частый гость посольства Азербайджанской Республики в Москве и периодически выдает Азерагитпропу очередную порцию лжи.

Отставной генерал-майор фантазирует на заданную корреспондентом тему:

«Откуда Вам было известно, что на армянской стороне воевали наемники? – Когда нам удавалось их обезвреживать, то мы старались говорить с ними, даже с помощью переводчика на армянском языке. Но они ничего не понимали. Было ясно видно, что это – наемники. В основном, арабы».

Ну, чем не белый арап из «Женитьбы Бальзаминова»?

¹За время войны несколько летчиков-наемников были взяты в плен. Об одном из них, украинце Ю. Биличенко, приговоренном к смерти, но затем помилованном, немало сообщалось в СМИ РФ

²В. Ступишин. Моя миссия в Армению. Москва: Academia, 2001. С. 61–62

Между тем, на азербайджанской стороне воевали совсем не мифические, никем не виденные и не представленные живыми или мертвыми публике «негры», «арабы» и «белокурые бестии – снайперши». А вполне реальные летчики и танкисты из бывшей 4-й армии, турецкие военные советники, чеченские отряды во главе с Шамилем Басаевым и до полутора тысяч афганских моджахедов из племен, подчинявшихся мятежному премьер-министру страны Гульбетдину Хекматияру. Многие из наемников были убиты, захвачены, их документы и свидетельства стали достоянием местных и иностранных СМИ.

Турецкие советники тренировали азербайджанские части и подразделения, стараясь не принимать непосредственного участия в боевых действиях, хотя была информация о ряде диверсионных рейдов, в которых принимали участие турецкие «коммандос». В самой Турции прошли подготовку и переподготовку тысячи азербайджанских солдат, в том числе ветеранов Афганской и других локальных войн советского периода.

Лично Ш. Басаев неоднократно рассказывал в своих многочисленных интервью о своем участии в азербайджано-карабахской войне, а десятки чеченских бойцов были убиты и взяты в плен карабахцами в ходе боевых действий. Многие пленные чеченцы были переданы приехавшим в Степанакерт эмиссарам из Грозного после их заверений о прекращении вмешательства в азербайджано-карабахский конфликт.

В ходе боевых действий в 1993–1994 гг. Армией обороны Нагорного Карабаха были также захвачены документы, в том числе служебная переписка командиров ряда частей азербайджанской армии, где говорилось о численности афганских моджахедов и связанных с ними проблемах. Вот некоторые выдержки из этих документов (с сохранением стиля и орфографии), которые были представлены карабахской стороной посредникам в Минскую группу ОБСЕ по Нагорному Карабаху в качестве доказательства использования официальным Баку иностранных наемников.

Из приказа и.о. заместителя начальника Генерального штаба вооруженных сил АР полковника И. Асламова:

«Призвать из запаса 50 (пятьдесят) военнообязанных-переводчиков со знанием персидского языка¹ и направить в распоряжение командира войсковой части 160 уч. Центра «Герань». 19.08.1993 г.»

Названная воинская часть в советское время была учебным центром, где проходили подготовку и тренировались военнослужащие Кировоградской дивизии ВДВ и расквартированной там же бригады спецназа ГРУ. Приватизированная азербайджанской национальной армией, «Герань» была одной из нескольких воинских частей, где перед направлением на фронт проходили переподготовку наемники-афганцы. Ниже приводится ряд документов с сохранением орфографии оригинала.

Из книги приказов в/ч № 160 за 03.08–09.09. 1993 г.

«На котловом довольствии стоит 691 человек. Из них:

- 1. Войсковой часть 160: офицеры – 25, прапорщики – 3, сержанты – 65, солдаты – 31, прикоман. – 53.*
- 2. Танновый батальон: офицеры – 17, прапорщики – 15, сержанты – 15, солдаты – 80, прикоман. – 3.*

¹Персидский, или фарси, является близкородственным дари – наиболее распространенному языку в Афганистане

3. Муджахеды – 453».

«Приказ № 129 05 сентября 1993 г. Учебный центр Герань. По строевой части.

...Полагать убывшими в военный госпитал в гор. Гянджа в/ч 230 с 05.09.1993 г. 27 (двадцать семь) муджахедов на стационарное лечение».

Командир в/ч 160 полковник Д. Ляtifов в рапорте на имя начальника Генштаба вооруженных сил АР от 2 октября 1993 г. жалуется на афганский «спецконтингент» (орфография сохранена):

«Требуют: дополнительно по одному одеялу; сигареты с фильтром (от «Астры» категорически отказываются); обувь и обмундирование; туалетное мыло и мочалки; зубную пасту и крем для обуви; легковые машины (такси); специи для приготовления плова; имеющийся на складе чай их не устраивает; птицу и молочные изделия, яйца... Улучшения качества медицинского обслуживания, но полное отсутствие мед. обслуживания в санчасти не позволяет. Посещаемость санчасти 1350 человек за период пребывания и 41 человек госпитализировано. Складывается впечатление, что приехали к нам лечиться, а не воевать. Из-за малочисленности л/с части (всего 37 солдат, сержантов) затруднено несение службы... Приходится убирать за ними мусор, посуду, которая бросается где попало.

...Геранбойская исполнительная власть в виде гуманитарной помощи раздал 80 афтафа¹ и 30 чайников».

Криком отчаяния звучала заявка полковника Д. Ляtifова начальнику тыла в/ч 200 за № 236 от сентября 1993 г.:

«Для обеспечения дополнительных требований командования спецконтингента прошу Вас немедленно выделить следующие наименования: молоко, гатых, куры (живые), все необходимое для плова, электрическая мясорубка, зелень, болгарский перец, фрукты (разные), мед на завтрак, фасол свежая стручковая, баклажан, шомпла для приготовления шашлыка, друшляк. Вышеуказанные наименования выделить из расчета 460 (четыреста шестьдесят) человек».

Как уже отмечалось выше, всего в рядах азербайджанской армии в 1993–1994 гг. находилось до полутора тысяч афганских моджахедов. Власти Афганистана отмежевались от этих людей, ибо, как уже говорилось, они представляли оппозиционные официальному Кабулу силы мятежного премьера Хекматияра, поддерживаемого правительством Пакистана. Последний, кстати, оказывал Баку помощь в подготовке собственных летчиков, которых изначально у азербайджанской армии не было, за единичными исключениями, а также активно выступал с поддержкой позиций Баку на международной арене.

Моджахеды особенно активно использовались азербайджанской стороной при борьбе с танками и бронетехникой Армии обороны НКР, особенно при контрнаступлениях последней. Многие моджахеды погибли на поле боя. Несмотря на то, что сдаваться в плен было не в правилах «борцов за веру», один из них – некий Бахтияр из Мазари Шарифа – был-таки захвачен живым и наглядно, так сказать, продемонстрирован мировому сообществу (впоследствии он был отпущен). Интервью с пленным моджахедом были опубликованы тогда в ряде российских и зарубежных СМИ.

¹Афтафа – специальный сосуд с удлиненным узким горлом, используемый на исламском Востоке в целях личной гигиены

Ремонт трофейного танка на степанакертском заводе сельхозтехники. На танке видна надпись на азербайджанском «кала» – крепость. Фото Руслана Саркисяна

Письма на дари и фотографии, изъятые у афганского моджахеда, взятого в плен карабахскими солдатами

Азербайджанской же стороне так и не удалось предъявить международному сообществу доказательств участия наемников с армянской стороны. Считать же таковыми сражавшихся на карабахской стороне немногочисленных добровольцев-славян было проблематично, так как они практически не получали вознаграждения за свое участие в боевых действиях. Да и какие такие вознаграждения и особые условия (вспомним запросы моджахедов и беспрекословное стремление азербайджанских «отцов-командиров» их удовлетворить) могли быть в блокадном, голодном, воюющем Карабахе?

Люди эти, за исключением отдельных откровенных авантюристов, оказались в Карабахе исходя из собственных взглядов и убеждений. Отдельные «убежденные люди» встречались и на азербайджанской стороне, но они были в ничтожном меньшинстве на фоне многочисленных и хорошо оплачиваемых наемных специалистов: летчиков, танкистов, артиллеристов.

Еще менее подходили на роль наемников немногочисленные армяне-добровольцы из других стран, как, например, прославившийся и погибший на карабахской войне уроженец США Монте Мелконян (Аво). Все они, так или иначе, были потомками жертв геноцида армян в Османской Турции и пришли в Карабах защитить своих соотечественников от угрожавшей уже им подобной участи. Навивно ведь полагать, что случись нечто подобное Сумгаиту и операции «Кольцо» с русским населением какой-либо страны СНГ, среди местных комбатантов не нашлось бы российских и русских добровольцев, не правда ли?

Наверное, совсем не случайно в годы карабахской войны с армянской стороны воевало немало женщин, а также ветеранов Великой Отечественной войны. В числе последних были и почти двадцать ветеранов прославившейся в годы той войны 89-й армянской Таманской дивизии – единственной из национальных дивизий, участвовавшей в штурме Берлина.

Удивительной кажется судьба генерал-лейтенанта Христофора Иваняна. Уроженец Тбилиси, Иванян закончил Вторую мировую в Праге 25-летним полковником, начальником артиллерии 128-й стрелковой дивизии. Затем были самые разные должности и места службы, звание генерал-майора. Был уволен в 1978 г. в отставку «по возрасту» с должности командира ракетно-артиллерийских войск Забайкальского военного округа. На деле Иваняна уволили за отказ подписать свидетельство о важной роли Л. И. Брежнева в операции по освобождению Керчи в 1944 г., за которую сам Иванян получил орден Суворова 3-й степени. Собирали подписи генералов-ветеранов Великой Отечественной для награждения Брежнева в 1978 г. орденом Победы, которым наградили всего несколько человек, включая Сталина и Жукова.

К началу карабахской войны пенсионер Иванян проживал в Ленинграде. В 1992 г. 72-летний генерал-майор отправился в Нагорный Карабах, где лично принимал участие в боевых операциях, создал артиллерийский учебный центр, через который пошли тысячи солдат и офицеров. После карабахской войны Иванян еще какое-то время командовал одной из бригад армянской армии, будучи старейшим офицером и выйдя в отставку уже под 80 лет. После кончины в 2000 г. его именем был назван населенный пункт и военно-спортивный лицей в Нагорном Карабахе.

Это одна из многих реальных историй, в которую трудно поверить. Куда до ней рукотворным мифам? Между тем, чем больше лет проходит со времени окончания азербайджано-карабахской войны 1991–1994 гг., тем больше мифов и небывлиц плетется задним числом силами, поистине с дьявольским неистовством отвергающими реалии, которые сложились волей и силой духа народа, сбросившего с себя цепи колониального рабства.

Глава 15

УРЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЗ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

«Если Россия хочет сохранить свое присутствие в Закавказье, она должна обязательно обеспечить неприкосновенность Армении и Карабаха и ясно обозначить таную позицию перед Азербайджаном, Турцией, США, ОБСЕ, ООН и так далее»

Владимир Ступишин, первый посол РФ в РА
«Моя миссия в Армению»

«История неоднократно доказывала, что уступка несправедливому требованию ради нескольких лет мира всегда была первым шагом по наклонной плоскости, принятием весьма порочного принципа «сфер интересов»

Пол Андерсон, американский писатель,
«Звездный лис»

Переговоры по урегулированию нагорно-карабахского конфликта тянутся вот уже почти полтора десятилетия практически безрезультатно. Причиной тому – неконструктивная позиция Азербайджанской Республики, проигравшей ею же навязанную Нагорному Карабаху войну. Официальный Баку пытается посредством спекуляций на нефтяных интересах ведущих стран мира и воинственных заявлений получить политическим путем то, что ему не удалось получить военным в начале 1990-х гг.

Азербайджанское руководство вопреки реалиям требует урегулировать азербайджано-карабахский, нагорно-карабахский конфликт исключительно в рамках позиции официального Баку, заключающейся в предоставлении Нагорному Карабаху автономии в составе Азербайджанской Республики, в противном случае угрожая возобновлением боевых действий. При этом в Баку практически не скрывают, что конечной целью такого урегулирования должно стать изменение этно-демографического баланса в Нагорном Карабахе путем бесконтрольного наводнения края так называемыми азербайджанскими «беженцами», число которых завышается в разы.

Такая позиция неприемлема для Нагорного Карабаха и отвергается официальными Степанакертом и Ереваном, призывающими считать сложившимися в результате провала агрессии Азербайджана реалиями и настаивающими на том, что независимость Нагорно-Карабахской Республики необратима.

Азербайджанское руководство многократно и официально заявляло о своем намерении добиться абсолютного военно-политического превосходства над Республикой Арменией и НКР и таким образом разрешить вопрос с позиций силы. По мере повышения цен на нефть на мировых рынках все более усиливалась воинственная риторика руководства Азербайджанской Республики. Периодически звучали заявления о необходимости проведения своего рода блицкрига против Нагорного Карабаха; была развернута гонка вооружений, что вызывало ответную реакцию с армянской стороны.

В азербайджанском обществе на самом высоком уровне развернута кампания ненависти к армянскому народу, порой доходящая до абсурда. Эту кампанию очернительства и дезинформации руководство АР пытается распространить и на международную арену.

Провал агрессии Грузии в Южной Осетии в августе 2008 г. несколько снизил внешнюю агрессивность официального Баку, но ничуть не изменил сути его политики и подходов.

Все это отдаляет достижение прочного и долговременного мира в регионе, который может базироваться прежде всего на соблюдении права народа Нагорного Карабаха свободно определять свой статус.

СЦЕНАРИЙ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Попробуем рассмотреть под неожиданным углом некоторые скрытые под флером политической шелухи и расхожих клише основополагающие вопросы, приведшие к нынешней тупиковой ситуации в регионе Южного Кавказа. Для этого нам понадобится опрокинутый в прошлое фантастический сценарий, который не был реализован в ходе исторического процесса. Не был реализован, хотя вполне мог и состояться.

Автор заранее просит прощения за возможные некорректные параллели у представителей всех упомянутых ниже стран и народов. Вся нижеприведенная фантазия – лишь теоретическая конструкция, искусственная историческая модель, призванная сыграть роль некоего наглядного пособия по изучению реальной ситуации совершенно в другом регионе.

Итак, начнем.

...После арабского завоевания большей части Испании все попытки испанцев сбросить иго иноверцев оказались неудачными. К концу XVIII в., когда ослабление Марокканской империи позволило Франции завоевать весь Иберийский полуостров, большая часть его территории была населена исповедовавшими ислам народами. То были потомки арабских и берберских колонистов и исламизированные испанцы, португальцы, баски, цыгане. Чересполосицей в этих областях жили и испанцы-христиане. Явное большинство они составляли лишь в сумевших сохранить относительную самостоятельность полунезависимых княжествах, прилегающих к Бискайскому заливу и Пиренейскому хребту: Басконии, Астурии, Наварре и Горной Каталонии.

В ходе общеевропейской войны начала XX в. Франция временно теряет контроль над полуостровом. Марокканская империя, выступавшая в этой войне противником Франции, направляет в Европу свои войска. Марокканские силы и местные националисты проводят повсеместную резню христианского населения, занимают страну и провозглашают на большей части Иберийского полуострова марионеточную Магрибскую (от североафриканского Магриба) республику со столицей в Мадриде. Лишь вышеназванные испанские области путем самообороны избежали поголовной резни и провозгласили независимость Республики Испании.

Однако по окончании Общеевропейской войны Марокко уходит из Европы, а Франция вновь возвращается хозяином на Иберийский полуостров, но вследствие привнесенной

в Западную Европу из России революции возвращается уже социалистической державой. Провозглашая идеи скорой революции в Северной Африке, Париж не только сохраняет иберийскую «Магрибскую республику», но и щедро одаривает ее за счет обескровленной резней и войной Республики Испании в надежде на победу социалистической революции в Магрибе настоящим, где пала империя и образовалась Марокканская республика.

Магрибской Социалистической Республике были переданы все побережье Каталонии, а также большая часть Астурии и прибрежная Баскония. На части территории последних двух испанских земель было создано автономное образование в составе Магрибской СР. Новая Испанская Социалистическая Республика теряет выход к морям и превращается в небольшую сухопутную республику, за спиной которой – Пиренейский хребет, а за ним – основная территория французской метрополии.

Однако дружбы народов не случилось: испанцы вытесняются из прибрежной Каталонии, идет их активное выдавливание из Астуро-Басконской автономной области (АБАО). Под этот процесс подведена и научная база. Магрибские ученые вопреки здравому смыслу выдвинули теорию о том, что испанцы суть пришлые на Иберийском полуострове. Их якобы завезли туда при Наполеоне Бонапарте из Латинской Америки: французские империалисты тем самым хотели-де расколоть единый арабский Магриб на севере Африки и юге Европы. Хотя любому школьнику было известно, что именно открытие Америки совместным флотом испано-португальских княжеств стало началом массовой иммиграции от иноверного ига за океан, в новые земли. Впоследствии именно в Америке португальцам удалось сохраниться в качестве «христианской» нации. Через пару сотен лет их соотечественники на исторической родине были полностью исламизированы, как это произошло на Балканах с большей частью албанцев и сербов-босняков под властью Османской империи.

Испанцы из Магрибской СР вследствие дискриминации вынужденно переселяются в Испанскую СР, что повышает однородность этнического состава населения последней. В период обострения европейских отношений и либерализации власти в Париже, испанцы АБАО заявляют о желании выйти из Магрибской СР и присоединиться к Испанской СР.

В ответ фанатичные толпы устраивают испанские погромы в Мадриде, Гранаде и Малаге, а введенные метрополией войска деморализованы и бездействуют. Окончательный развал Французской метрополии (чему не в малой степени поспособствовал и заокеанский Вашингтон) совпал с попыткой властей объявившей независимость Магрибской Республики уничтожить и депортировать испанцев Астуро-Басконской автономии. Военные действия развернуты и вдоль всей границы Испанской Республики.

Вмешаться в войну Марокканской республике напрямую (она помогает Магрибу советниками, оружием и внешнеполитической поддержкой) не позволяют раздраженные угрозы из Парижа, все еще обладающего ядерным оружием. Но в результате войны испанцы – к удивлению равнодушных европейских наблюдателей – побеждают и объявляют о независимости не только недавней Испанской Социалистической Республики, но и бывшей АБАО, к западу и северу от которой им даже удается создать «пояс безопасности» из ряда захваченных в ходе боевых действий районов бывшей Магрибской СР.

В ходе войны сотни тысяч испанцев покинули Магрибскую республику, а сотни тысяч «магрибцев» – Асторию и Басконию. Испанцы назвали произошедшее «борьбой за выживание» и «малой реконкистой». Магрибцы – «гнусной внешней агрессией».

Еще в ходе войны Марокко, владеющее Гибралтаром, полностью закрывает пролив для испанских судов. Учитывая, что автономная равнинная Каталония давно стала протекторатом Магрибской РБ и была исламизирована (все испанцы из нее «выдавлены» в период развития французского социализма), все побережье Средиземного моря также оказалось закрытым для горной Республики Испания. Остается морской путь по Атлантике, – благодаря освобожденной Астурии-Баскской автономии (АБАО). И автомобильные дороги через Пиренеи в дружественную французскую Басконию и далее в центральную Францию.

Другой дороги в Европу, на северо-восток нет: отколовшаяся вследствие развала Франции от Парижа Республика Лангедок со столицей в Гренобле сама столкнулась с проблемой сепаратизма. Ее юго-западные районы, провозгласившие мусульманскую Южно-Французскую республику (ЮФР) со столицей в Марселе, после конфликта с отколовшейся французской окраиной солидаризировались со ставшей независимой от метрополии Магрибской Республикой и также блокируют Испанию. Местные националисты, будучи в конфликте с Лангедоком, к тому же блокируют проходящую по их территории железнодорожную дорогу, а на демарши из Гренобля отвечают плохо скрытыми угрозами в адрес местного христианского населения. К тому же ЮФР активно поддерживает влиятельный в средиземноморском регионе Сицилийский Эмират.

Так что, если бы не французский флот, в свое время угрозой силы прекративший совместную Магрибско-Марокканскую морскую блокаду Бискайского залива, Испания имела бы лишь сухопутный транспортный коридор в Европу – через Пиренейский хребет и французскую Басконию...

Несмотря на многолетние попытки урегулирования, участие ООН и европейских структур, ситуация остается неразрешимой. Руководство Магрибской Республики, поддерживаемое на международной арене рядом исламских стран, на самом высоком уровне многократно заявляет о том, что не только бывшая АБАО, но и все земли, являющиеся частью Республики Испания, принадлежат народу Магриба и должны быть «возвращены» последнему.

Наследный президент Магрибской Республики Эль-Хам-Али угрожает Испании войной. Он публично заявляет, что благодаря марокканским братьям, с которыми являет «одну нацию – два государства», Магриб очень скоро усилится и раздавит «маленькую агрессивную» Испанию, которой «нет места на карте мира».

Вследствие региональной гонки вооружений Испания вынуждена вооружаться и заключила военный союз с Парижем. Это крайне не нравится администрации США, которая в своей европейской политике играет на усиление исламских государств и центробежных сил в Европе. И если бы не мощное испанское лобби в Вашингтоне, вряд ли бы удалось предотвратить антииспанские санкции со стороны не только Штатов, но и, возможно, ООН.

Европейские либералы, представители «зеленых» и «голубых» партий Парламентской ассоциации европейских государств (ПАЕГ) вяло пытаются примирить непримиримые интересы сторон, пропуская мимо ушей угрозы Магриба «стереть Испанию с лица земли» и поругивая Испанию за нежелание вернуть «миллион» беженцев на прилегающие к АБАО территории «пояса безопасности». А фактор блокады Испании даже выгоден: им попрекают охватывающую весь североафриканский Магриб стомиллионную Марокканскую республику, рвущуюся при протекции США вступить в единую Европу.

Да и внутренние проблемы настоятельно диктуют такой стиль поведения. Например, в столице Норвегии Осло, – бывшей Христиании, – иностранных выходцев давно уже больше, чем норвежцев, и кто знает, как они поведут себя завтра, если уже сегодня полицейские не рискуют патрулировать мусульманские кварталы этой скандинавской столицы.

О Балканах и говорить нечего. Великой Албании уже тесно в новых границах, включивших в себя Косово и Метохию, пол-Македонии, северную Грецию. Вместе с Боснийским исламским государством, переварившим Герцеговину и оторвавшим от соседней Сербии Санджак (так что Сербия, ставшая сухопутной после выхода из Югославии Черногорией, получила непреодолимую преграду на пути к Адриатике в лице новоявленной враждебной территории), она лишь ждет возможности дальнейшего расширения за счет наполовину уже исламских по населению Швейцарии и Болгарии...

Можно продолжать в том же духе и далее, но в этом нет необходимости.

Абсурд, бред, – скажет читатель. Да, абсурд, историческая фантазия. Но разве некоторые аспекты вышеприведенного «учебного пособия» не имеют параллелей с весьма реальными событиями в регионе Южного Кавказа, где они являются не бредом, а современной реальностью? И кто может дать гарантию, что отдельные элементы сего построения не станут реальностью в Европе, если на наших глазах за какие-то полтора десятилетия на Балканах уже произошли процессы, два десятка лет назад казавшиеся нам фантастическими?

Устали от исторической мистики? Что ж, добро пожаловать в реальный процесс урегулирования азербайджано-карабахского конфликта!

ПЕРЕГОВОРЫ И НЕФТЯНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Как уже отмечалось в предыдущей главе, первой попыткой посредничества в нагорно-карабахском конфликте стала миссия президентов России и Казахстана Бориса Ельцина и Нурсултана Назарбаева. В сентябре 1991 г. они провели переговоры с руководством АР, НКР и РА. Однако данная посредническая миссия закончилась практически безрезультатно, так как вскоре начались массированные обстрелы столицы Нагорно-Карабахской Республики Степанакерта и непосредственные боевые действия как на территории, так и вдоль всего периметра границ НКР.

В январе-феврале 1992 г. урегулирование азербайджано-карабахского конфликта взяло в свои руки СБСЕ – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (с 1 января 1995 г. – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, ОБСЕ).

30–31 января 1992 г. на Пражской встрече Совета министров иностранных дел СБСЕ в связи с принятием Азербайджанской Республики и Республики Армения в состав организации было решено направить докладчика СБСЕ в регион конфликта. Вскоре после завершения этой миссии, 13 марта, на заседании КСДЛ (Комитета старших должностных лиц СБСЕ) было принято решение о созыве чрезвычайной встречи Совета СБСЕ по Нагорному Карабаху.

24 марта 1992 г. на Хельсинкской встрече Совета СБСЕ было принято решение о созыве конференции по Нагорному Карабаху с участием 12 стран СБСЕ, включая

Азербайджанскую Республику и Республику Армения, а также «избранных и других представителей Нагорного Карабаха». Конференция, которую изначально предполагалось провести под эгидой СБСЕ в Минске, получила название «Минской». Она была призвана обеспечить «постоянно действующий форум для переговоров с целью мирного урегулирования кризиса на основе принципов, обязательств и положений СБСЕ».

В качестве рабочего органа по урегулированию нагорно-карабахского конфликта в рамках ОБСЕ была создана так называемая Минская группа по Нагорному Карабаху, призванная заниматься урегулированием в преддверии созыва Минской конференции. Состав группы из 12 стран, за годы ее существования периодически менялся за счет ротации некоторых ее членов; однако наряду с Арменией и Азербайджаном де-факто постоянными ее членами стали Россия, США, Франция, Турция и Германия.

Первоначальный формат переговоров предусматривал участие в них двух сторон конфликта – Армении и Азербайджана, а также двух «заинтересованных сторон», коими были названы «избранные и иные представители Нагорного Карабаха» и «азербайджанская община Нагорного Карабаха».

Реальная ситуация, однако, диктовала необходимость непосредственного участия в переговорах Нагорного Карабаха, как одной из двух главных сторон конфликта.

Именно такую позицию, т.е. необходимость переговоров между Азербайджаном, Нагорным Карабахом и Арменией, Россия отстаивала на встречах СБСЕ–ОБСЕ, начиная с сентября 1992 г. Велика была и роль Российской Федерации и в организации контактов и переговоров, – как на военном, так и на политическом уровнях, – в трехстороннем формате, который и позволил поднять процесс урегулирования азербайджано-карабахского конфликта на качественно новый уровень и привести к прекращению боевых действий.

Тем более, что уже летом 1993 г., после взятия Армией обороны Нагорного Карабаха азербайджанского города Агдам, руководство Азербайджанской Республики само предложило начать прямые азербайджано-карабахские переговоры. Первая такая встреча состоялась 28 июля 1993 г. прямо на линии фронта, в чистом поле между позициями карабахской и азербайджанской армий в Мардакертском районе НКР. Автор этой книги был одним из пяти ее участников с карабахской стороны и может подтвердить, что настрой на прямые переговоры у азербайджанской стороны был тогда весьма серьезным.

Впоследствии, благодаря посреднической деятельности Российской Федерации была установлена прямая связь между высшими руководителями НКР и Азербайджанской Республики, проведен ряд встреч и переговоров в Москве. В том числе встречи министра иностранных дел НКР Аркадия Гукасяна и вице-спикера азербайджанского парламента Афиятдина Джалилова; а затем – председателя ГКО НКР Роберта Кочаряна и президента АР Гейдара Алиева.

Однако все эти шаги были лишь отвлекающим маневром со стороны официального Баку, который рассчитывал таким образом получить временную передышку, накопить силы и начать новое решительное наступление, одержимый иллюзией военного реванша.

Настроение президента АР Гейдара Алиева в этот период наглядно характеризует свидетельство российского посредника, посла Владимира Казиминова:

«В Баку непозволительно быстро забыли горький опыт 1992–1994 годов. Много говоря об оккупации своих земель, азербайджанцы так и не желают разобраться, как

она возникла? Более того, это запретная тема, табу. А суть в том, что руководители Азербайджана годами пытались решить конфликт силой, уходя от прекращения военных действий, несколько раз срывая его. Помню нашу беседу с Гейдаром Алиевым в Баку 20 июля 1993 г., его срывающийся крик: «Задавим армяя!» Отказ внять голову разуму и остановиться привел к потере семи районов. А теперь снова говорят: все отвоюем, мол, «любой ценой»¹.

Напомним, что описанный разговор происходил за три дня до взятия Агдама и прилегающих территорий Армией обороны Нагорного Карабаха.

Удивительным образом, многие успехи в переговорном процессе в 1992–1993 гг. были достигнуты российской посреднической миссией, не благодаря, а вопреки руководству МИД РФ. Тогдашний министр Андрей Козырев был, как известно, человеком весьма своеобразным. Так, в частности, он требовал от карабахцев неприемлемых односторонних уступок, то ли пугая их, то ли искренне веря, что в противном случае конфликт приобретет... глобальный характер противостояния между христианским и исламским миром. Автор этой книги в январе 1994 г. сопровождал министра в Баку на встрече и ланче, устроенных А. Козыревым в связи с визитом в Москву министра Республики Армения. За столом российский министр заявил А. Гукасяну, что «мы не можем из-за вас ссориться со всем исламским миром». Было удивительно слышать от человека, занимающего такой пост, столь удивительную смесь невежества и мракобесия.

Кстати, посол В. Казимиров в своих воспоминаниях также приводит пример подобной дремучести А. Козырева в ходе телефонного разговора последнего с председателем ГКО НКР Р. Кочаряном 9 ноября 1993 г.:

«Кочарян... связал последние события с прибытием в Азербайджан целого полка афганских моджахедов, который теперь «драпанул» в Иран. Он считает, что Баку договоренностями прекратить огонь в последние месяцы выигрывал время для подтягивания и задействования моджахедов. Козырев отвечал ему, что продолжение конфликта неизбежно ведет к включению третьих сил, экстремистов из Ирана и Турции. Тут будет представлен весь исламский мир, и никаких сил не хватит, чтобы противостоять ему. Или вы получите гарантии и мир в обмен на военные успехи и отойдете с занятых территорий, или поведете к третьей мировой войне – опасному столкновению христианского мира с исламским»².

...Между тем, зимой 1994 г. азербайджанское наступление фактически закончилось провалом. Понесла большие потери – до пяти тысяч одними лишь убитыми – азербайджанская армия фактически была отброшена на исходные позиции. Перед угрозой военного краха Баку вновь согласился пойти на переговоры.

18 февраля 1994 г. при посредничестве министра обороны РФ Павла Грачева министрами обороны Азербайджанской Республики, Республики Армения и представителем Армении обороны Нагорного Карабаха в Москве был подписан военно-технический протокол по вопросам урегулирования конфликта.

5 мая в Бишкеке (столица Киргизии, ранее город Фрунзе) был выработан и согласован так называемый Бишкекский протокол, подписанный представителями всех трех

¹«Карабах: почему пока невозможен прорыв к миру?», «Время новостей», 04.05.2006 г.

²<http://www.vn.kazimirov.ru/x012.htm>

сторон конфликта. Бишкекский протокол стал основой для заключения соглашения о всеобщем прекращении огня в зоне конфликта, договоренность о чем 9–11 мая была документально оформлена российским посредником послом Владимиром Казимировым со всеми сторонами конфликта. Документ был подписан главами оборонных ведомств Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха. Соглашение о прекращении огня вступило в силу 12 мая 1994 г. и в целом, за исключением отдельных инцидентов на линии соприкосновения сторон, соблюдалось все последующие годы.

Факты установления прямых контактов и проведения переговоров между Нагорным Карабахом и Азербайджаном, подписания тремя сторонами конфликта Московского протокола 18 февраля, Бишкекского протокола 5 мая и Соглашения о прекращении огня от 12 мая 1994 г. не могли не отразиться на формате переговоров на международном уровне.

6 декабря 1994 г., в ходе Будапештской встречи глав государств-членов СБСЕ был принят документ под названием «Активизация действий СБСЕ в отношении конфликта в Нагорном Карабахе». В нем однозначно признавалось, что конфликтующими сторонами являются стороны, подписавшие 12 мая 1994 г. договоренность о прекращении огня, то есть Азербайджан, Армения и Нагорный Карабах.

Между тем, еще одним документом, подписанным всеми тремя сторонами конфликта, то есть, Азербайджаном, Арменией и Нагорным Карабахом, стали обязательства сторон по укреплению режима прекращения огня, подписанные военными руководителями трех сторон конфликта 6 февраля 1995 г. при посредничестве сопредседателей Минской группы ОБСЕ – России и Швеции.

А в сделанном в Праге 31 марта 1995 г. заявлении действующий Председатель ОБСЕ подтвердил «ранее принятые ОБСЕ решения о статусе сторон, т.е. об участии двух вовлеченных в конфликт государств-участников, а также третьей стороны (Нагорного Карабаха) во всем процессе переговоров, включая Минскую конференцию»¹.

С марта 1994 по апрель 1997 г. регулярно (с частотой примерно раз в полтора месяца) проводились трехсторонние переговоры по политическому урегулированию нагорно-карабахского конфликта под эгидой ОБСЕ. Переговоры проходили при посредничестве сопредседателей Минской группы ОБСЕ сначала от России и Швеции, затем – России и Финляндии; при участии наблюдателей от секретариата СНГ и межпарламентской ассамблеи СНГ. Раунды проводились, как правило, попеременно в Москве и столицах других стран-сопредседателей (Швеция, Финляндия).

Однако такое положение дел не устраивало азербайджанскую сторону, которая, вопреки действительности и документам ОБСЕ, трактовала и ныне трактует нагорно-карабахский конфликт как «агрессию Армении против Азербайджана с целью оккупации Нагорного Карабаха».

В результате настойчивых усилий официального Баку изменить или по-своему трактовать существующий формат переговоров и фактического потворствования этой позиции со стороны некоторых стран-участниц Минской группы ОБСЕ, переговорный процесс был поставлен под угрозу срыва.

¹Этот и многие другие документы, касающиеся урегулирования, см. на сайте <http://www.vn.kazimirov.ru>

Целям шантажа послужили и заключенные руководством АР, начиная с 1994 г., контракты с рядом зарубежных государств и нефтяных корпораций на добычу и разработку новых углеводородных месторождений на Каспии. Собственно в азербайджанском секторе Каспия запасы нефти и газа отнюдь не столь велики, как о том трубила азербайджанская и англо-американская пропаганда. Однако с начала 1990-х гг. была очевидна позиция США и Великобритании закрепиться в регионе, который мог бы стать мостом для перекачки на Запад, минуя территорию России, действительно богатых запасов нефти и газа из Среднеазиатского (Центральноазиатского) региона.

Первоначально подписание так называемого «контракта века» (название опять-таки было позаимствовано: так в свое время СМИ назвали советско-французский контракт о сооружении газопровода «Тюмень–Париж», подписанный в январе 1982 г.) планировалось летом 1993 г. президентом АР Абульфазом Эльчибеем (Алиевым). Однако после триумфального возвращения в Баку и прихода к власти в июне 1993 г. Гейдара Алиева, последний отменил назначенное предшественником подписание контракта и заявил о возвращении Азербайджанской Республики в лоно СНГ.

После этого реверанса в адрес ельцинского Кремля со стороны последнего последовали поставки вооружений азербайджанской армии в преддверии ее зимнего наступления 1993–1994 гг. Карабахцы в ходе этой кампании захватили в качестве трофеев новейшие противотанковые системы «Корнет» и автоматическое стрелковое оружие, маркированное 1993 г. А бакинские эмиссары осенью 1993 г., в ходе подготовки наступления с удивительной свободой вербовали наемников в ряде российских областей, иной раз при содействии местных военных комиссариатов!

Однако когда азербайджанское наступление провалилось, и в мае 1994 г. было подписано соглашение о прекращении огня, Гейдар Алиев вновь повернулся лицом к Западу, и нефтяной контракт был быстро подписан.

Администрация США на протяжении последних полутора десятилетий не скрывала своих нефтяных интересов и вытекающих из них намерений в отношении политического переустройства в регионе. Приведем всего лишь несколько фактов, свидетельствующих о подчинении американо-английской политики в регионе интересам нефтяных корпораций.

Практически все представители администрации и Госдепа США, участвовавшие в процессе урегулирования нагорно-карабахского конфликта, были ставленниками нефтяного бизнеса. Например, первый представитель США (в 1992–1993 гг.) в Минской группе ОБСЕ по Нагорному Карабаху Джон Дж. Мареска стал вице-президентом американской нефтяной компании UNOCAL, а в 1997 г. назначен послом США в Афганистане¹.

Эти карьерные культбиты были следствием претворения в жизнь глобалистского проекта США по контролю над нефтегазовыми месторождениями и трубопроводами от Средиземноморья до Китая.

А последователь Мареска на посту американского представителя в процессе карабахского урегулирования в 1994–1997 гг. Джозеф Прессел был позже назначен послом США в Узбекистане. При его содействии туда активно внедрялись организации и институты, финансируемые Дж. Соросом. Как известно, в мае 2005 г. в узбекском городе Андижан вспыхнул кровавый мятеж, жестоко подавленный властями Узбекистана.

¹Тьерри Мейсан. 11 сентября 2001 г. Чудовищная машинация. Изд. Carnot. С. 149

В США пытались представить эти события в качестве очередной «народной революции». В Конгресс США был даже внесен проект резолюции о возбуждении дела против президента Узбекистана Ислама Каримова в Международном уголовном суде; администрация Буша настаивала на проведении международного расследования трагедии в Андижане.

Непосредственно связан с нефтяными интересами США был американский сопредседатель Минской группы ОБСЕ Стивен Манн, параллельно с миссией по карабахскому урегулированию занимавшийся в Госдепе Каспийскими нефтепроектами США.

Последний американский посредник, заместитель помощника госсекретаря США по вопросам Европы и Евразии Мэтью Брайза также из этой плеяды. С одной стороны, он являлся сопредседателем от США Минской группы ОБСЕ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта, а с другой – оказывал непосредственную помощь госсекретарю США по проблематике в сфере энергетики.

«Такое причудливое совмещение обязанностей позволяет Мэтью Брайзе высказать свое мнение по разным широким проблемам, волнующим страны Закавказья»¹.

Характерная деталь: в преддверии начала Грузией войны против Южной Осетии, по свидетельству пожелавшего остаться неизвестным осведомленного грузинского политика, «все детали операции были согласованы с Мэтью Брайзой»².

Добавим, что Брайза женат на известном, можно сказать главном лоббисте интересов Анкары в США, американке турецкого происхождения Зейно Баран.

Надо ли удивляться этим «случайностям» в вопросе нагорно-карабахского урегулирования, когда вся внешняя политика Буша-младшего и его команды была подчинена интересам нефтяной сферы? Ведь экс-глава Госдепа США Кондолиза Райс – бывшая руководительница фирмы Chevron-Техасо, вице-президент Дик Чейни – президент компании Halliburton, крупнейшей в мире по поставкам нефтедобывающего оборудования, и так далее...

Наконец, в начале августа 2008 г. послом США в Республике Армения была назначена Мария Йованович – одна из «выдающихся» дипломатов-специалистов по проведению «цветных революций» на постсоветском пространстве. До того она занимала пост посла США в Кыргызстане, где эта самая «оранжевая революция», или скорее «восстание желтых повязок», завершилась бегством ставшего негодным Вашингтону президента Аскара Акаева, ранее справедливо считавшегося тем же западным сообществом наиболее демократичным из среднеазиатских правителей.

«Младший брат» Вашингтона – Лондон – выступает застрельщиком нефтяных интересов в США в самых разных Европейских структурах, прежде всего в парламентских ассамблеях ОБСЕ и Совета Европы. Поразительно большое количество британцев в различных комиссиях и комитетах этих организаций проявляют рвение в карабахском вопросе, рьяно защищая интересы «Бритиш Петролеум» (BP), британской короны и нефтяной дипломатии старшего союзника – США.

В Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) докладчиками по Нагорному Карабаху, вопрос о котором неоднократно поднимался в ПАСЕ после одновременного принятия в члены этой организации Азербайджанской Республики и Республики Армения, выступали британцы Терри Девис и сменивший его после назначения Генсеком ПАСЕ Дэвид Аткинсон.

¹Виктор Гаджиев. «Мэтью Брайза: почти «хромая утка», «Российские вести», № 32, 19.09.2008 г.

²Марина Первозкина. «Войной удар», «Московский комсомолец», 06.11.2008 г.

Поразительные метаморфозы претерпели высказывания видных европейских парламентариев, сделанные ими в ходе конфликта и после подписания в 1994 г. нефтяного контракта между правительством Азербайджанской Республики и международным картелем по добыче и транспортировке каспийской нефти, в котором превагирует британская BP. Тот же Дэвид Аткинсон, побывавший в НКР осенью 1993 г., заявил в интервью местному телевидению:

«То, что я увидел, выше моих представлений. Здесь настоящая война, которая каждый день отнимает многочисленные человеческие жизни. Очевидно, что развязал эту войну Азербайджан, и пока не будет она прекращена, Совет Европы не примет его в свой состав... Я считаю, что карабахцы имеют право самостоятельно распоряжаться своей судьбой, прокладывая себе будущее. Наша организация и я лично сделаем все, чтобы карабахские армяне жили на своей земле свободно, полноценной жизнью»¹.

По возвращении из НКР Д. Аткинсон подготовил для ПАСЕ документ, в котором сообщал о гуманитарной катастрофе в Нагорном Карабахе, вызванной агрессией Азербайджана.

В июне 1994 г. автор этой книги в составе делегации Нагорно-Карабахской Республики был в Страсбурге, где участвовал в слушаниях по карабахской проблеме, организованных ПАСЕ с участием азербайджанской и карабахской делегаций. Мне пришлось переводить с английского и обратно беседу Дэвида Аткинсона с исполняющим обязанности председателя Президиума Верховного Совета НКР Кареном Бабуряном. В ходе беседы Д. Аткинсон высказывал те же мысли, что и при посещении предыдущей осенью воюющего Карабаха.

Однако совсем другие слова говорил Аткинсон после его назначения докладчиком ПАСЕ по Нагорному Карабаху. Вскоре после принятия ПАСЕ антикарабахской резолюции 25 января 2005 г., этот бывший лейборист говорил в интервью британской же BBC:

«Совет Европы признал территориальную целостность Азербайджана... Совет Европы не может признать независимость Нагорного Карабаха. Поэтому принцип «права наций на самоопределение» в случае с Карабахом не может быть применен»².

Естественно, что в случае Косова он, как и другие агенты британского Форин офиса в ПАСЕ, говорили совсем другие вещи, основываясь на том же принципе права наций на самоопределение. Хотя, в отличие от Нагорного Карабаха, в Косово не было и нет никакого урегулирования между собственно Косовом и Сербией, а есть лишь силовой диктат извне, явно идущий вразрез с резолюцией № 1244 Совета Безопасности ООН по этому вопросу.

При постановке в повестку дня ПАСЕ проекта антикарабахской резолюции члены делегации России в ПАСЕ воздержались от выступлений. А при голосовании против выступления лишь депутат ГД РФ Наталия Нарочницкая. По возвращении в Москву она отметила: *«Азербайджанцев открыто и очень яростно поддерживали турки, а за ними, как и при лорде Пальмерстоне 150 лет назад, стоят англичане. Старый расклад в «восточном вопросе»! Отнюдь не считая вопрос о Нагорном Карабахе легким, должна сказать все же, что в Совете Европы всегда двойные стандарты, продиктованные исключительно извечными геополитическими устремлениями: Нагорному Карабаху нельзя самоопределяться, а Косово – можно; Чечне – можно, а Ольстеру, конечно же, нельзя...»³*

¹Ежеквартальный бюллетень Постоянного Представительства НКР в Москве «Карабахский курьер», № 1(12), 2005 г., с. 4

²Там же

³Там же

В сентябре 1993 г. в Нагорном Карабахе побывала делегация палаты лордов Великобритании во главе с лордом Ричардом Шенноном. На пресс-конференции по итогам визита, данной членами делегации в Ереване, Шеннон, в частности, сказал:

«Очень жаль, что западные СМИ дают крайне необъективную информацию о происходящих в этом регионе событиях»¹.

А его коллега Типпинг заметил, что «требования, выдвинутые карабахцами, не противостоят принципам мирового сообщества, и это главное»².

Отвечая на вопрос относительно выхода карабахской армии за пределы границ НКР, лорд Шеннон сказал:

«Оборона не может быть статичной. Солдат не может сидеть и ждать, пока его убьют. И те точки, откуда по тебе стреляют, должны быть обезврежены»³.

Напомним, что все эти правильные вещи говорились после того, как Гейдар Алиев на время отложил подписание нефтяного контракта с консорциумом западных компаний, в котором ведущую роль играла британская BP. После подписания этого контракта годом позже содержание высказываний британских миротворцев резко изменилось.

Но вернемся к переговорному процессу.

С января 1997 г. сопредседателями Минской группы стали сразу три страны: Россия, США и Франция. При этом изначально предполагалось сохранить двойное сопредседательство, но когда место ушедшей Финляндии заняла Франция, а не США, последние развернули такую нездоровую и далеко не дипломатическую активность, что членам Минской группы не оставалось ничего иного, как согласиться кооптировать США третьим сопредседателем.

После апреля 1997 г. основным способом общения сопредседателей со сторонами конфликта стали периодические челночные поездки в регион с посещением Баку, Еревана, Степанакерта и переговорами на местах с руководством сторон конфликта.

В последние годы основными элементами переговорного процесса, наряду с «челночными» поездками сопредседателей МГ ОБСЕ в регион, являлись периодические встречи президентов Республики Армения Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна, с одной стороны, и Азербайджанской Республики Гейдара Алиева и Ильхама Алиева, с другой.

Имеющий место де-факто формат переговоров позволил официальному Баку и их американским покровителям представить дело так, будто бы переговорный процесс ведется между Баку и Ереваном. Тем самым фактически получила зримую поддержку пропагандистская позиция Баку о том, что конфликт имел и имеет место быть между Арменией и Азербайджаном, что позволяет последнему односторонне и голословно, вопреки имеющимся документам ОБСЕ, ООН утверждать, что Нагорный Карабах – не субъект, а объект переговоров. То есть попытка перевести проблему в плоскость еще советских тезисов Азерагитпропа об «агрессии Армении против Азербайджан».

Особенно следует отметить, что в нарушение собственных документов ОБСЕ сопредседатели в своих многочисленных интервью, заявлениях и отчетах нарочито акцентировали внимание лишь на двух сторонах конфликта, часто и помногу повторяя такие словосочетания, как «Армения и Азербайджан», «обе стороны» и т.п.

¹ «Республика Армения», 23.09.1993 г.

² Там же

³ Там же

Так, например, на заседании Совета глав правительств ОБСЕ в ноябре 2007 г. представители стран-посредников выразили свое намерение «продолжать переговоры по Основным принципам в 2008 г. и достичь их скорейшего принятия обоими президентами»¹.

Как видим, путем дипломатических ухищрений (дескать, поскольку НКР не признала, речь не может официально идти о ее властях) Нагорный Карабах «вымывается» из числа официально подтвержденных документами же самой ОБСЕ трех сторон нагорно-карабахского конфликта.

Все последние годы переговорный процесс носил вялотекущий характер, несмотря на периодические бодрые рапорты сопредседателей МГ ОБСЕ о скором достижении успеха в переговорах, открывающихся «окна возможностей» и т.п.

На фоне не прекращающихся милитаристских, воинственных заявлений официально-Баку дежурной формальностью выглядят и призывы сопредседателей Минской группы ОБСЕ от России, США и Франции к сторонам конфликта придерживаться своих обязательств по урегулированию нагорно-карабахского конфликта исключительно мирным путем, обеспечить поступательный прогресс процесса урегулирования конфликта.

Со стороны официального Баку также многократно предпринимались попытки перенести вопрос урегулирования конфликта в ООН, Совет Европы и иные европейские структуры; официальный Баку регулярно обращается в Организацию Исламская конференция (ОИК), ПАСЕ и др. с призывом признать Армению «агрессором».

Так, в феврале 2008 г. Азербайджанской Республикой был внесен на рассмотрение 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции «О положении на оккупированных территориях Азербайджана». 14 марта эта резолюция была принята голосами 39 государств. Семь стран, среди которых Россия, США и Франция, то есть сопредседатели МГ ОБСЕ по Нагорному Карабаху, голосовали против; сто государств воздержались, а остальные не голосовали вовсе.

По сути дела, произошел раскол в стане стран-членов Организации Исламская конференция по этому вопросу. Ведь до того представляемые Баку на саммитах ОИК резолюции по карабахской проблеме принимались практически единогласно, в общем пакете с проектами других документов. В марте 2008 г. азербайджанскую позицию не поддержали такие авторитетные исламские страны, как Иран, Египет, Алжир, Тунис, Сирия, Ливан...

Напомним, что в отличие от резолюций Совета Безопасности ООН, принятые Генассамблеей резолюции носят рекомендательный характер. Однако Баку поспешил расценить это голосование как большой успех, хотя оно выявило несогласие подавляющего большинства членов ООН с односторонней позицией азербайджанской стороны. Позицию АР поддержали лишь 38 стран, то есть 20 % от общего числа стран-членов ООН.

25 сентября 2008 г., выступая с трибуны 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, президент Армении Серж Саргсян подчеркнул, что мартовская резолюция была принята в результате простой ангажированности стран, поддержавших одну из сторон конфликта, и последствия голосования были предсказуемыми – «новая волна воинственной риторики в Азербайджане, ложные лавры в политических спекуляциях и так далее»².

¹ Информационное агентство «Regnum», 18.04.2008; <http://www.regnum.ru/news/988905.html>
² ИА «Regnum», 25.09.2008; <http://www.regnum.ru/news/1060349.html>

«Но не стало ли это решение медвежьей услугой, оказанной самому Азербайджану? – продолжил армянский президент. – Я надеюсь, что реальная выгода Азербайджана заключается не во всевозможных международных формулировках и трактовках отдельных частей проблемы, а в мирном и всеобъемлющем разрешении, точно так же, как и для Нагорно-Карабахской Республики и Республики Армения. Именно на это направлен известный процесс при посредничестве сопредседателей Минской группы, и, я думаю, что именно с этим осознанием около 4/5 государств-членов ООН не поддержали резолюцию. Смотрите, как проголосовали США, Франция и Россия, практически самые информированные страны в карабахской проблеме. Неужели снова должна пролиться кровь для того, чтобы понять, что замороженные конфликты требуют профессионального и информированного подхода и что они не могут разрешиться голосованием в различных международных организациях?»

Тем не менее очевидно, что сам факт растаскивания, «размельчения» переговорного процесса входит в планы официального Баку.

Это стало особенно очевидно после кризиса на Южном Кавказе, войны в Южной Осетии и Грузии в августе 2008 г. Уже в сентябре из Баку стали раздаваться более смелые голоса о необходимости смены формата урегулирования в рамках Минской группы ОБСЕ, соответствующие завуалированные апелляции к России. Так, в ходе визита в Москву министра иностранных дел АР Э. Мамедъярова азербайджанское информагентство «1news.az» распространило следующую информацию:

«Вместе с тем, российские СМИ со ссылкой на свои источники в Кремле сообщают, что одной из тем встречи, возможно, стала организация переговоров глав Армении и Азербайджана – но уже не под эгидой Минской группы ОБСЕ, до сих пор курировавшей нагорно-карабахское урегулирование, а при посредничестве президента Медведева»¹.

В этой маленькой информации находим две ссылки на некие российские источники и непереносимое «возможно», что выдает ее истинное происхождение.

Последовавшие за событиями августа 2008 г. в Южной Осетии и Грузии изменения в раскладе политических векторов в регионе лишь подтвердили очевидную истину: а именно, что позиция Анкары и Баку тождественна и на данный момент заключается в том, чтобы сломать имеющийся формат переговоров и придать в них больший вес Турции.

Так, президент Турции Абдулла Гюль, выступая 24 сентября на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, рассказал о предлагаемой Анкарой Платформе безопасности и стабильности на Кавказе, коснувшись и возможностей урегулирования карабахского конфликта.

«Гюль отметил результативность переговоров в Азербайджане и Армении, заявив, что карабахский конфликт может быть разрешен только в рамках территориальной целостности Азербайджана»².

Буквально в тот же день из Баку последовало сообщение о том, что официальный Баку хочет, чтобы Турция как посредник более близко участвовала в решении нагорно-карабахского конфликта.

¹<http://www.1news.az>. 08.09.2008 г.

²<http://Bakililar.az>. 24.09.2008 г.

«Азербайджан хотел бы, чтобы Турция стала сопредседателем Минской группы ОБСЕ», –

сказал Бакинскому информагентству «Trend News» заведующий отделом международных отношений Исполнительного аппарата президента Азербайджана Новруз Мамедов¹.

29 сентября 2008 г. после трехсторонней встречи глав министерств иностранных дел Армении, Турции и Азербайджана, состоявшейся в Нью-Йорке в рамках работы Генассамблеи ООН, президент Республики Армения Серж Саргсян откровенно заявил:

«Особенно сильных ожиданий от этой встречи не было. Было проведено несколько подобных встреч, но какого-то конкретного результата нет»².

Очевидно, что подобная «чехарда» и метания официального Баку и его турецкой метрополию отнюдь не способствуют успешному продолжению переговорного процесса.

Позволим себе привести большую цитату из статьи уже многократно цитировавшегося нами журналиста и политолога, бывшего начальника главного информационного управления при президенте НКР Александра Григоряна. Говоря о намерении Баку торпедировать реальные переговоры, чтобы возложить вину за их срыв на армянскую сторону, А. Григорян выделял следующие меры, предпринимаемые Баку в этом направлении.

«Создание по возможности максимального количества организаций и структур, в которых Армения была бы представлена в качестве «виновницы» конфликта, а Азербайджан – его «жертвы»; – демонстрация атмосферы всеазербайджанского неприятия Армении и даже армянского народа как якобы прямого следствия «оккупации» азербайджанских территорий, в том числе Нагорного Карабаха;

– нагнетание антиармянской истерии в азербайджанских СМИ;

– усиление властями АР реваншистской риторики как якобы следствия нежелания международного сообщества оказать военно-политическое и экономическое давление на Армению в карабахском вопросе;

– продолжение политики по международной изоляции Армении при помощи активного манипулирования нефтяным, а в будущем и газовым факторами;

– организация разного рода политических провокаций, преследующих цель демонстрировать международному сообществу якобы невозможность существования региона при наличии в нем так называемого армянского фактора;

– принятие ряда других ситуационных мер по международной дискредитации Армении и Нагорного Карабаха.

Таким образом, весь арсенал внешнеполитических средств азербайджанского руководства в настоящее время направлен не на урегулирование нагорно-карабахского конфликта на основе разумных и взаимоприемлемых компромиссов, а на достижение нереальной по своей сути цели – неприятия Армении (и даже армянского народа) со стороны всего международного сообщества как якобы фактора, препятствующего реализации интересов мировых и региональных держав на Южном Кавказе.

¹«Официальный Баку хочет видеть Турцию сопредседателем Минской группы ОБСЕ». «Trend News» 25.09.2008

²«Коммерсантъ», 01.10.2008 г.

... Такое отношение к вопросу о решении проблемы Нагорного Карабаха предполагает торпедирование официальным Баку любого позитива, способного хоть как-то очертить контуры будущего взаимоприемлемого урегулирования»¹.

Наконец, можно согласиться с теми, кто полагает, что не в интересах альянса Анкара–Баку вообще какое-либо урегулирование азербайджано-карабахского конфликта. Ибо он являет собой уникальную возможность двум государствам, о которых Гейдар Алиев многократно повторял, что они «одна нация – два государства», продолжать оказывать военно-политическое и экономическое давление на армянское государство, чтобы не дать последнему нормально развиваться и, тем паче, «качать» какие-либо политические права. В том числе и по вопросу геноцида армян 1915–1923 гг. в Османской и кемалистской Турции.

Не случайно, еще в 1988 г. турецкая газета «Джумхуриет» писала, что если Нагорный Карабах будет присоединен к Армянской ССР, то «в качестве следующего шага армяне выдвинут территориальные требования к Турции»².

В мнимую же самостоятельность официального Баку в своей внешней политике может верить только наивный, не знающий политическую историю региона. Азербайджанская пропаганда, действуя по упомянутому принципу «мартышки», муссирует вопрос о несамостоятельности Республики Армения, являющейся, дескать, «колонией России». Азерагитпроп с удовольствием подхватил слово «форпост России», употребленный кем-то из российских политиков в отношении Армении.

Но если Республика Армения действительно является форпостом России, без которой последняя рискует откатиться не только с Южного, но и с Северного Кавказа, то это вовсе не свидетельствует о ее внешнеполитической несостоятельности. Подтверждением чему – хотя бы ведомая Ереваном на протяжении последних десяти лет, и без какой-либо помощи со стороны Москвы, успешная политика внешнеполитического давления на Анкару в вопросе геноцида армян в Турции в 1915–1923 гг.

В то же время Баку является не просто аванпостом, но прямым сателлитом Анкары, без указания которой ни Алиев-старший, ни Алиев-младший не делали и не делают ни одного шага.

Тем самым в несколько завуалированной форме сохраняются традиции начала XX в., когда марионеточная АДР выступала как придаток переживавшей кризис после поражения в Первой мировой войне Османской.

Так, 29 октября 1919 г. бакинские власти заключили военный союз с Турцией, одна из статей которого гласила, что «Азербайджанское правительство обязуется не заключать какое бы то ни было соглашение с внешними государствами без ведома и одобрения Оттоманского правительства».

С тех пор утекло много воды, но мало что изменилось в политическом менталитете и традициях правящей элиты Турции. Разве что не признанный Лигой Наций в 1919–1920 гг. Азербайджан ныне является членом ООН, и координация Анкарой внешнеполитической линии Баку не требует и не приемлет столь прямолинейных методов столетней давности...

¹ А. Григорян. «Реалии и перспективы», «Карабахский курьер», № 1(12), 1995 г. С. 8–9

² «Джумхуриет», 18.07.1988 г.

Последним (на момент сдачи в печать этой книги) сколько-нибудь значащим событием в процессе урегулирования стала подписанная 2 ноября 2008 г. в Подмоскowie президентами Российской Федерации, Азербайджанской Республики и Республики Армения так называемая Майендорфская декларация о состоянии и перспективах урегулирования нагорно-карабахского конфликта. В ней, в частности, содержалось подтверждение готовности всех заинтересованных сторон продолжать переговоры по урегулированию¹.

Однако данная декларация страдает прежним недостатком: она по-прежнему игнорирует Нагорный Карабах как субъект переговорного процесса. Точно так, если бы третьи страны, говоря о конфликте между Грузией и Южной Осетией, в который была втянута и Россия, именовали бы его «российско-грузинским конфликтом», что, собственно говоря, многие и делают.

Так что современный Кремль поступил в отношении Нагорного Карабаха так же, как некоторые страны Запада поступили в отношении Южной Осетии и Абхазии: в полном соответствии с двойными политическими стандартами.

«Процесс урегулирования прошлых лет доказал, что для эффективности переговоров не хватает самого заинтересованного звена, а именно – Нагорно-Карабахской Республики, являющейся состоявшимся в полном соответствии с международным правом государством. Если бы Азербайджан был действительно заинтересован в урегулировании конфликта, то давно бы сел за стол переговоров с Нагорным Карабахом, а не пытался посредством различных международных инстанций и стран оказывать давление на НКР и вводить в заблуждение мировое сообщество», – так прокомментировал декларацию от 2 ноября министр иностранных дел НКР Георгий Петросян².

Заявления же некоторых высокопоставленных кремлевских чиновников после подписания данной декларации грешат преувеличениями, вроде того, что этот документ – первый, подписанный сторонами конфликта после 1994 г., когда в мае того года три стороны конфликта подписали сначала Бишкекский протокол, а еще через несколько дней – соглашение о прекращении огня.

«Стоит напомнить, что 6 февраля 1995 г. официально вступило в силу соглашение между Азербайджаном, Нагорным Карабахом и Арменией об укреплении режима прекращения огня, подписанное также тремя сторонами. В рамках российской американской Дартмутской конференции по Нагорному Карабаху, проходившей с 2001 г. в трехстороннем формате Нагорный Карабах–Азербайджан–Армения, в 2005 г. был согласован проект «Рамочного соглашения о мирном процессе» – Дартмутское соглашение», – отметил советник мининдел НКР Рубен Заргарян³.

¹ Полный текст документа см: <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/11/208670.shtml>

² www.nkr.am, 07.11.2008

³ www.politcom.ru, 06.11.2008

МАДРИДСКИЕ СЕКРЕТЫ ПОЛИШИНЕЛА

Основным принципам, на которых посредники предлагают свои схемы и планы урегулирования, периодически присваивают какие-то названия. Как правило, по названиям городов, где проходили встречи, на которых и были озвучены некие варианты урегулирования. Были принципы «парижские», были «пражские»... Ныне посредники присвоили им название «мадридские» (как будто специально к нашему «испанскому сценарию»).

Именно в этом городе, в рамках заседания Совета глав государств ОБСЕ в ноябре 2007 г. министры иностранных дел стран-посредников Бернар Кушнер, Сергей Лавров и представитель Госдепа Николас Бернс официально представили набор основных принципов урегулирования главам МИД Азербайджанской Республики и Республики Армения. Как было сказано, для дальнейшей передачи президентам и потребовали принять предложения и продолжать на их основе подготовку проекта мирного договора. Посредники выразили свое намерение «продолжать переговоры по основным принципам в 2008 г. и достичь их скорейшего принятия обоими президентами»¹.

Впрочем, как ни называй в очередной раз предлагаемые посредникам и принципы урегулирования, содержание их от этого не слишком меняется.

В последнее время стало очевидным, что посредники по урегулированию азербайджано-карабахского, – нагорно-карабахского по терминологии ОБСЕ, – конфликта, склоняют армянские стороны конфликта к следующему варианту урегулирования.

Во-первых, армянская сторона сразу освобождает 5 из 7 контролируемых ею районов бывшей АзССР за пределами границ бывшей НКАО (в последнее время все увереннее говорится о 7 районах), куда возвращаются беженцы-азербайджанцы.

Во-вторых, в зону конфликта вводятся миротворческие силы, точнее силы по поддержанию мира.

В-третьих, азербайджанские беженцы возвращаются на территорию НКР, контролируемую правительством НКР (то есть фактически на территорию бывшей НКАО).

В-четвертых, объявляется о проведении референдума на территории НКР (фактически бывшей НКАО, так как нигде и ничего не говорится о Шаумянском районе и Геташене, оккупированных в 1991–1992 гг.) лет этак через 10–15. Референдум должен окончательно решить и закрепить будущий статус НКР. Предполагается, что решение референдума будет окончательным и бесповоротным.

Отметим, что согласие на проведение нового референдума в НКР автоматически означало бы согласие армянской стороны на отказ от признания легитимными результатов всенародного референдума, уже состоявшегося в НКР 10 декабря 1991 г. Равно как и от результатов референдума по Конституции НКР 10 декабря 2006 г.: ведь голосование по вопросу принятия Конституции, по сути, и есть очередное подтверждение независимости НКР.

Желательность этого практически не скрывают ни в евроструктурах, ни в Баку.

¹ИА «Regnum», 18.04.2008; <http://www.regnum.ru/news/988905.html>

Небезызвестная Международная кризисная группа (МКГ), чьи неуклюжие попытки отказать в легитимности референдуму 10 декабря 1991 г. мы рассматривали в предыдущей главе, в своих докладах и заявлениях рисует мировому, равно как и армянскому общественному мнению примерно следующую схему:

- Мир в регионе карабахского конфликта находится под угрозой, Азербайджан увеличивает свой военный бюджет и укрепляет армию, война возможна в любой момент;
- Армения и НКР должны пойти на компромиссы и согласиться с уходом из так называемого «пояса безопасности», а также на отложенный статус Нагорного Карабаха;
- статус НК должен определиться на референдуме, который пройдет через 10–15 лет после начала процесса урегулирования и вывода армянских сил с «оккупированных территорий» Азербайджана;

- сам референдум оговаривается целым рядом условий, среди которых возвращение азербайджанских беженцев, создание условий для их полной интеграции в карабахское общество, создание в НК демократического гражданского общества и проч.

Подобными же идеями пронизана и упоминавшаяся нами ранее книга Томаса де Ваала «Черный сад»; поэтому логично рассматривать усилия Би-Би-си, спонсировавшего проект де Ваала, и МКГ как звенья одной и той же идеологической цепи, за которой откровенно просматриваются евроатлантические структуры во главе с британским Форин-офисом – младшим братом Госдепа США.

Остановимся на возможных последствиях для НКР задуманного посредниками референдума.

Если он, конечно, вообще состоится, ибо прекрасно известно, что заявленный референдум вполне может быть отложен или вообще отменен по какой-либо надуманной причине. Например, из-за «недостаточной демократичности» карабахского общества или «отсутствия надлежащих условий для реинтеграции в общество азербайджанских беженцев» и т.п. Кстати, насчет возвращения и реинтеграции. В азербайджанских СМИ часто звучат плохо скрываемые мотивы реваншизма, вложенные в уста беженцев, которые еще вчера представлялись теми же СМИ как несчастные, живущие в палатках.

Корреспондент информагентства «Trend News» задает вопрос беженке из Кельбаджара С. Мирзоевой: «Вы можете себе представить, что азербайджанцы и армяне будут жить вместе?» Беженка, ныне живущая в Баку (вероятнее всего в квартире изгнанных или ставших жертвами погрома армян), отвечает:

«Совместное проживание азербайджанцев с армянами невозможно. Оно не протянется слишком долго... Двое моих сыновей – ветераны нагорно-карабахской войны, и они в любое время готовы к бою... А мои внуки, служащие в армии, всем своим сердцем ненавидят армян...»¹

Вполне понятно, насколько вредят самой гипотетической идее возвращения даже малой части беженцев подобные широко тиражируемые заявления. А значит, они имеют совсем другую цель: разжечь неприязнь, поддерживать дух противостояния.

Руководитель оппозиционной Минской группы ОБСЕ азербайджанских политических сил, ныне отставной советник и политолог Вафа Гулузаде, как правило, озвучивает те идеи, которые вскоре становятся официальной позицией властей.

¹www.news.trendaz.com; 20.06.2008

Вот какотреагировал Гулузаде на робкое упоминание о референдуме в НКР американским сопредседателем МГ ОБСЕ М. Брайзой, сделанное последним в интервью агентству «Интерфакс» 2 августа 2008 г.

«Ни о каком референдуме не может идти речи, потому что данный шаг приведет к потере Карабаха... В Конституции отмечено, что Азербайджан – унитарное государство, а изменение основного закона возможно лишь путем проведения референдума в стране. Мирные переговоры – это обман азербайджанской общественности, а статус Нагорного Карабаха может быть только один – неотъемлемая часть Азербайджана», – сказал Гулузаде в интервью бакинскому информационному агентству «1news.az».

Но, допустим, референдум все же состоится. В каких условиях он пройдет, какие изменения произойдут в НКР в случае реализации предлагаемого посредниками плана за 10–15 лет, предшествующих новому референдуму?

Международная кризисная группа, выполняя функцию рупора ранее названных евроатлантических структур, почти что по Фрейду, проговаривается об определенных деталях предлагаемого референдума. Так, в частности, в высказываниях представителей МКГ содержались мнения, что после урегулирования уже не будет столь остро стоять вопрос о численном преобладании «той или иной общины» в Нагорном Карабахе; что в референдуме должны участвовать лишь те жители Карабаха, кто жили там на момент начала конфликта. А таковых, по мнению МКГ, лишь половина из проживающих сегодня в НКР, по официальным данным, примерно 140 тыс. армян.

Судите сами. В докладе МКГ от 14 сентября 2005 г. «Нагорный Карабах: взгляд на конфликт с места событий», в разделе II «Жизнь в Нагорном Карабахе» пункт «А» носит название «Современное население»¹. Можно лишь восхититься ловкостью рук составителей, которые по ходу одного (!) абзаца сумели как минимум вдвое уменьшить численность проживающих в Карабахе карабахцев, манипулируя полуправдой и откровенной ложью.

Вначале сказано, что численность армян в НКР сравнима с численностью армян в НКАО по переписи населения СССР 1989 г.:

«По утверждениям властей НК, количество армян остается прежним». Однако тут же, в ссылке к тексту, говорится, что анонимные «официальные лица допускают, что цифра в 135 000 ближе к реальности, принимая во внимание значительную миграцию между Нагорным Карабахом и Арменией».

В следующей фразе текста говорится:

«Однако считается, что 70 000 армян, которые проживали здесь до войны, находятся в третьих странах», –

и тут же дается ссылка на интервью МКГ с опять-таки анонимными и какими-то расплывчатыми «сотрудниками представительства НК в Ереване, февраль 2005 г.»

Далее сказано:

«Тут практически нет азербайджанцев».

Абзац завершается весьма показательной фразой:

«Около двух третей довоенного населения – армяне и азербайджанцы – уже не живут в Нагорном Карабахе».

¹С текстом данного доклада можно ознакомиться на сайте МКГ: http://www.crisisgroup.org/library/documents/europe/caucasus/166_nagorno_karabakh_rus.pdf

И опять следует ссылка к тексту:

«По оценкам азербайджанских властей, в НК проживает 120 000 человек».

Таким образом, в одном абзаце, состоящем всего из 6 предложений и 4 ссылок к нему, авторы доклада МКГ пытаются убедить читателя, что:

– во-первых, в НКР якобы живет не более 120 тыс. (по данным АР) человек, максимум, по данным карабахских «официальных лиц» – 135 тыс. человек;

– во-вторых, якобы из этого числа «прежние» карабахцы составляют никак не более 70 тыс. человек: по официальным данным переписи населения СССР 1989 г., армянское население НКАО официально насчитывало 145 тыс., из коих, как считают опять-таки анонимные «сотрудники представительства НКР в Ереване», 70 тыс. «находятся в третьих странах» (а как минимум 4 тыс. человек погибли в ходе войны).

– в-третьих, что азербайджанское население НКР якобы составляло треть населения республики («около двух третей довоенного населения – армяне и азербайджанцы – уже не живут в Нагорном Карабахе»).

К тому же, жители Шаумянского района, беженцы из других регионов Нагорного Карабаха вне НКАО, беженцы из Баку, Сумагита и т.д., многие из которых родились в Нагорном Карабахе, но не жили в крае на начало 1988 г., по мнению МКГ, карабахцами не являются.

Для чего нужны все эти выкладки?

На этот вопрос легко ответить, зная, что те же представители МКГ как в докладе, так и в выступлениях в прессе не перестают подчеркивать, что, во-первых, в НК живут две общины – «армянская» (что является таким же нонсенсом, как «армянская община» Республики Армения или «азербайджанская община» Азербайджанской Республики) и «азербайджанская»; во-вторых, в новом референдуме о статусе НК должны участвовать лишь те жители НК, которые жили там на момент начала конфликта в 1988 г.

С этой точки зрения получается, что:

– в НК живет не более 70 тыс. коренных армян-карабахцев, остальные являются «переселенцами», т.е. «окупантами»;

– за 10–15 лет до повторного референдума о статусе НК туда должны вернуться прежние жители-азербайджанцы, лишь после чего возможно голосование по статусу.

При этом в первом случае полностью игнорируется:

– что в 1991 г. армян в НКР даже на основании официальных данных переписи населения СССР 1989 г., то есть без учета более чем двух десятков тысяч беженцев из Сумгаита, Баку, было как минимум 165 тыс. (считая жителей Шаумяна, Геташена);

– что в ходе войны, по официальным данным, более 60 тыс. из них стали беженцами и перемещенными лицами, и что после войны многие из них еще не вернулись в родные края;

– что «вновь прибывшие» в НКР, скажем из Республики Армения или Туркменистана, являются уроженцами Нагорного Карабаха или детьми уроженцев края. Многие карабахцы в свое время вынужденно подались на чужбину (хотя в те годы страна и была единой), на комсомольские стройки, а в 1990-е гг. естественным образом репатрировались на родину и имеют на то полное право вне зависимости от того, находились они в Карабахе в 1988 г. или нет.

Если в докладе МКГ нет и намек на возвращение армян в Шаумянский район или Геташен, в Северный Нагорный Карабах, а тем более в Нахичевань, то в отношении беженцев-азеров авторы доклада оперируют термином «крупное возвращение».

Давно очевидно, что в Азербайджанской Республике проживает не более 3,5–3,7 млн жителей, ибо сами власти АР косвенно признают факт эмиграции более чем 3 млн своих граждан в Россию, Украину, Турцию, Польшу, Германию и т.д. Опустели многие деревни и села в провинции, захвачены не только квартиры армян в столице Баку и крупных городах, но целенаправленно выделяются средства на заселение армянских сел в приграничье зоны соприкосновения, например, в Шаумянском районе. Тем самым азербайджанские власти «столбят» карабахскую территорию в расчете на будущие поколения своих граждан.

Можно не сомневаться, что при создании подобающих условий (введение международных миротворческих сил, отвод войск, складирование тяжелой техники и, фактически, низведение Армии обороны Нагорного Карабаха до роли национальной гвардии), «вернуться» в Карабах изъявили бы желание не 40,5 тыс. (по состоянию на 1989 г.) и даже не 47,5 (по первоначальной версии МКГ) азербайджанцев. В случае «крупного возвращения» в НКР под охраной иностранных войск потянулись бы целые таборы азербайджанских «беженцев». Общей численностью тысяч, этак, минимум в 70–80.

И у каждой азербайджанской семьи был бы «правильный» паспорт с отметкой о рождении в НКАО или государственное свидетельство органов власти о том, что данные люди действительно являются беженцами из НКАО, ибо реальные беженцы давно проживают где-либо в России или Турции. И у каждой из этих семейных пар «беженцев из НКАО», якобы покинувших край в молодости или даже отрочестве, будет по 5–8 больших и малых детей. И в паспорте или свидетельстве о рождении каждого из них будет указано, что он действительно является ребенком тех самых выросших беженцев, рожденным в беженстве. А на счета «добровольцев-комсомольцев», едущих покорять карабахскую целину под охраной миротворцев, равно как и на их действительных или мнимых детей, будут открыты целевые счета в отделениях госбанка в их родных Али-Байрамлах, Геокчаях или Маштагах...

Уже при таком раскладе, через 10–15 лет, предусмотренных до следующего референдума, численность армян и азербайджанцев в НКР, как минимум, сравняется. Учитывая, что в референдуме, по логике посредников, должны принять участие лишь те карабахцы, кто жил в крае на 1988 г., а та же МКГ «постановила», что таковых на сегодня среди армян не более 70 тыс., то исход подобного «референдума» нетрудно предугадать.

Некоторые международные инстанции имеют богатый опыт демагогического оболванивания общественности и сумеют здраво объяснить, как и почему так случилось.

Учитывая, что согласие армянских сторон на новый референдум автоматически означало бы отказ от признания легитимности референдума 10 декабря 1991 г., результаты предлагаемого нового референдума будут иметь окончательный и необратимый характер.

При этом, как уже отмечалось выше, сама вероятность референдума далеко не стопроцентна, ибо даже глава Закавказского офиса МКГ Сабина Фрейзер в интервью агентству «Регнум» от 6 октября 2005 г. сказала:

«Когда мы говорим о референдуме, то должны быть уверены, что Баку признает его результаты, если же такой уверенности нет, то повторится та же ситуация, что с референдумом 1991 г.»

В бакинской газете «Эхо» от 30 апреля 2005 г. была опубликована весьма любопытная статья с характерным названием «Армяне разучились считать?»

В статье говорилось:

«Что касается «армянского референдума», то, по словам главы общины (азербайджанской общины Карабаха) Низами Бахманова – прим. автора), подобная процедура не предусмотрена Конституцией Азербайджана. Кроме этого, согласно статистическим данным, в 1988 г. в Карабахе было 55 пунктов, населенных азербайджанцами. Там проживало более 65 тысяч азербайджанцев.

За время конфликта численность азербайджанцев Карабаха значительно увеличилась и сейчас приближается к 84 тысячам. «То есть сейчас количество азербайджанцев Карабаха не меньше численности армянской общины», – подчеркивает представитель общины. Бахманов отмечает, что армяне специально занижают цифры. Этот вопрос, по его словам, будет иметь весьма важное значение, когда будет определяться статус Нагорного Карабаха.

«Армяне пытаются показать, что их в Карабахе много, соответственно, и статус им нужен, особенный», – объясняет представитель азербайджанской общины»¹.

Не правда ли, яснее некуда?

Наконец, буквально накануне сдачи этой книги в печать, азербайджанские власти, видимо, взяв на вооружение методы грузинского президента М. Саакашвили, решили создать «альтернативное правительство Нагорного Карабаха».

Агентство «Регнум» сообщило 6 августа 2008 г. из Баку, что в степной зоне близ Нагорного Карабаха, в 2–3 км от линии соприкосновения Армии обороны НК и азербайджанской армии власти АР будто бы стали строить поселок для азербайджанских беженцев из Нагорного Карабаха. «В интервью «Зеркалу» (газете – прим. автора) Бахманов также уточнил, что на сегодня численность азербайджанской общины Нагорного Карабаха составляет 72 тыс. человек. По его словам, до начала конфликта численность азербайджанцев в Карабахе составляла 60 тыс.

«У нас все под контролем. Все лица находятся на учете. Условия проживания вынужденных переселенцев и беженцев улучшились, раньше они жили под открытым небом. Более того, если завтра встанет вопрос о возвращении вынужденных переселенцев в Нагорный Карабах, то думаю, там могут заселиться все желающие азербайджанцы. Вполне возможно, что и вы сможете поехать и устроиться там. А по чему бы и нет?!», – ответил он. По его словам, «по нашим сведениям, на сегодня число проживающих там (в НКР – прим. автора) людей составляет порядка 70 тысяч. Как видите, не так уж много их осталось»².

Как видим, что планы, что цифры у азербайджанского агитпропа и «независимой» организации Международная кризисная группа подозрительным образом совпадают.

А учитывая непосредственную связь кризисной группы с европейскими структурами и НАТО, – бывшими сотрудниками которых буквально переполнена МКГ, – нетрудно понять, что почву для нынешних и будущих фальсификаций расчищают под «мадридские планы» ОБСЕ.

¹«Эхо», 30.04.2005 г.

²ИА «Regnum», <http://www.regnum.ru/news/1037387.html>

2 сентября 1997 г. постоянная миссия Республики Армения при ООН в Нью-Йорке распространила письмо исполняющего обязанности президента НКР Леонарда Петросяна Генсеку ООН Кофи Аннана от 17 августа 1997 г. К нему прилагался документ «Данные о беженцах, перемещенных лицах и занятых в ходе военных действий территориях в Нагорном Карабахе и Азербайджане». В этом документе, подготовленном МИД НКР, подробно, на основании официальных данных, в том числе и азербайджанских, рассматривалась реальная ситуация с беженцами и занятыми территориями в регионе нагорно-карабахского конфликта.

Вот некоторые выдержки из этого, сегодня более чем актуального документа.

«По официальным данным переписи населения СССР 1989 г., население НКАО составляло 189 тыс. человек, из них армяны – 145,5 тыс. (76,9%), азербайджанцев – 40,6 тыс. (21,5%). В Шаумянском районе, по данным на тот же год, проживало свыше 17 тыс. армяны (примерно 80% населения района) и около 3 тыс. азербайджанцев.

В ходе переписи неучтенными в качестве резидентов НКАО остались примерно 23 тыс. и армянских беженцев из Баку, Сумгаита, ряда других городов, которые к моменту проведения переписи в январе 1989 г. фактически проживали в бывшей НКАО, не имея местной прописки, а потому, согласно имевшейся в их паспортах старой отметки о прописке, были отнесены к местам своего прежнего проживания в АзССР.

Таким образом, армянское население НКАО и Шаумянского района, взятое вместе, насчитывало 185 тыс. человек, азербайджанское – 44 тыс., еще 3,5 тыс. человек приходилось на долю русских, греков, украинцев, татар и других.

В 1918 г. численность армян Нагорного Карабаха достигала 300 тыс. человек. При нормальном развитии края общая численность армянского населения НК должна была к 1988 г. составить 600–700 тысяч человек. В 1918–1920 гг. в результате турецко-азербайджанской агрессии, имевшей целью геноцид армян Нагорного Карабаха, погибло 20% жителей края.

При создании в 1923 г. Автономной области Нагорного Карабаха (АОНК) армяне составляли 95% населения автономии, а азербайджанцы – лишь 3%. За 75 лет советско-азербайджанского господства численность армянского населения как в Нагорном Карабахе в целом, так и в НКАО осталась в абсолютноном значении на прежнем уровне из-за дискриминационной политики властей, вынудившей армян к эмиграции (ныне в Армении и странах СНГ проживает не менее 600 тыс. армян карабахского происхождения или с карабахскими корнями). Вследствие этого численность армян в НКАО снизилась в относительном выражении до 77%, в то время как абсолютная численность азербайджанцев выросла в несколько раз в результате механического прироста за счет переселенцев из Азербайджана.

...При общей численности армянского населения НКР на 1991 г. в 185 тыс. человек, беженцев и перемещенных лиц непосредственно из самой НКР по состоянию на сегодня насчитывается 61 тыс. человек, что составляет 33% армянского населения Нагорно-Карабахской Республики. То есть треть населения НКР является ныне беженцами или вынужденными переселенцами.

С учетом беженцев из северной части Нагорного Карабаха (83 тыс. чел.) общее количество беженцев и перемещенных лиц-армян в целом по Нагорному Карабаху

достигает 144 тыс. человек, что составляет 54% от общей численности армянского населения Нагорного Карабаха (НКР и Северного Нагорного Карабаха).

Таким образом, с 1988 г. каждый второй карабахский армянин, из числа живших на тот момент на своей Родине, стал беженцем или перемещенным лицом.

Несмотря на тот факт, что большинство армян, живших в Баку, Сумгаите, ряде других городов и районов Азербайджана и ставших беженцами в результате конфликта, являются выходцами из Нагорного Карабаха, мы намеренно ограничиваемся географическими и демографическими рамками Нагорного Карабаха и не ведем речь об этой самой многочисленной, категории армянских беженцев, которая должна стать предметом обсуждения между Арменией и Азербайджаном».

Таковы реалии, которые сегодня сознательно замалчиваются посредниками в целях создания видимости того, что пострадавшей в ходе конфликта стороной является именно азербайджанская, только азербайджанская. А армянская сторона, причем в лице не карабахцев, а руководства Республики Армения, «должна покаяться и уступить».

Исходя из всего вышеизложенного, следует признать следующее.

Воля народа НКР была четко и ясно выражена в ходе референдума 10 декабря 1991 г., проведенного в полном соответствии с нормами международного права и действовавшим тогда законодательством СССР. Азербайджанскому меньшинству НКР были представлены все возможности для свободного волеизъявления, однако под давлением официально-народным референдумом по Конституции НКР, прошедшим 10 декабря 2006 г.

Новый, отложенный референдум означает для армянской стороны отказ от признания легитимности результатов референдумов 10 декабря 1991 г. и 10 декабря 2006 г. За 10–15 лет, предшествующих новому (в теории) референдуму, ситуация может измениться настолько, что само проведение этого референдума станет невозможным в силу самых разных причин. Среди них могут быть как злая воля евроатлантических структур, так и элементарный отказ с азербайджанской стороны. Мотивы этого могут быть самые разные, и, прежде всего силовое давление со стороны Баку.

Если референдум даже и состоится, то за предшествующий ему период демографическая ситуация в НКР изменится в пользу Азербайджана и результаты голосования будут однозначно в пользу «территориальной целостности» последнего.

Если армянская сторона согласится на Ереван, ни Степанакерт не смогут помешать Баку под прикрытием «миротворцев» и после возвращения «беженцев» изменять демографическую ситуацию в НКР, устраивать диверсии, провокации и межнациональные столкновения с целью еще большего нагнетания ситуации и давления на армянское население НКР. Все это уже «проходили» в 1988–1991 гг.

Таковы реалии, о которых, конечно же, осведомлены нынешние сопредседатели Минской группы ОБСЕ. В том числе и сопредседатель МГ ОБСЕ от Российской Федерации, который сегодня фактически дует в американскую дудку. В то время как американская игра направлена на вытеснение России из Закавказья, со всеми вытекающими из этого для РФ «северокавказскими последствиями». А именно такому вытеснению способствовало бы поглощение армянского Нагорного Карабаха расистским азербайджанским режимом.

Планы нагорно-карабахского урегулирования по рецепту от «мадридского двора» представляют собой не что иное, как отложенное удушение под прикрытием пустых разговоров о якобы справедливом сочетании принципов территориальной целостности и самоопределения народов.

Остается надеяться, что и на этот раз мужество и непреклонность карабахцев сорвут плохо закамуфлированные планы заокеанских любителей нефтепроводов и опекаемых ими авторитарных режимов. И мадридские и прочие принципы уступят арену естественному праву каждого народа на свободное и безопасное существование.

ИСТЕРИЯ И УГРОЗЫ РЕВАНША В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Когда мы говорили о мадридских и иных принципах урегулирования, о референдуме и прочем, мы не упомянули важной детали. А именно: что произойдет, если вдруг Армия обороны Нагорного Карабаха уйдет из «пояса безопасности», оставив прекрасно укрепленные за полтора десятилетия позиции?

А будет ли вообще какое-либо продолжение после такого вывода? Ведь Баку потеряет всякий интерес к переговорам, получит территории и выгодные позиции, с которых в 1991 г. начал войну на истребление карабахцев. Так что же может помешать Баку начать новую войну с этих выгодных позиций? Неужели боязнь каких-либо санкций, пусть даже (что весьма сомнительно) инициированных в случае начала новой агрессии?

Мы совсем недавно видели, как руководство Грузии подготовило и начало в августе 2008 г. этническую чистку в Южной Осетии, а после вмешательства России осуждению Запада подвергся не Тбилиси, а Москва, чьи войска прекратили геноцид осетин.

А ведь именно о подготовке руководством Азербайджанской Республики своего общества к новой войне говорит антиармянская риторика и истерия, которая все эти годы царит в АР, а в предшествовавшие войне в Южной Осетии месяцы еще более усилилась. При этом эта истерия имеет тотальный размах и все признаки государственной политики.

Послушаем, что говорили и говорят азербайджанские политические и общественные деятели, представители интеллигенции и «народных масс», СМИ и так далее.

Тон, естественно, задавали первые лица АР, которые всегда привлекали лиц, отличившихся на ниве антиармянских выступлений. Один из лидеров азербайджанской оппозиции, сопредседатель Социал-демократической партии Азербайджана (СДПА) Зардушт Ализаде описывает в своей книге «Конец второй республики»¹ любопытный эпизод о посещении Гейдаром Алиевым, вскоре после его возвращения к власти, Сумгаита. Ализаде упоминает некоего директора сумгаитской средней школы Хыдыра Алоева (поэтический псевдоним «Аловлу», что означает «пламенный»), курда – выходца из Армянской ССР, который последним выступал на митинге в Сумгаите перед началом резни и погромов. Свою речь он закончил тогда призывом: «Смерть армянам!»

¹Книга размещена на сайте <http://www.azeribook.com>

Далее З. Ализаде пишет:

«После возвращения к власти, в свой первый приезд в Сумгаит, Гейдар Алиев неожиданно спросил: «А где наш Хыдыр»? Из толпы вышел сияющий от счастья погромщик, и вождь тепло поздоровался с «нашим Хыдыром». Видимо, в награду, президент Алиев включил Хыдыра Алоева в список депутатов парламента Азербайджана в 2000 г.»

А вот многократно упомянутый по ходу повествования бывший советник азербайджанских президентов Аяза Муталибова, Абульфазы Эльчибея (Алиева) и Гейдара Алиева Вафа Гулузаде.

В советское время В. Гулузаде, – тогда еще В. Гулиев, – работал в ЦК КП Азербайджана и был обыкновенным советским пропагандистом-демагогом. В 1987 г. В. Гулиев был направлен на работу в советское посольство в Алжирской Народно-Демократической Республике (АНДР). Работая советником посольства СССР в Алжире Гулузаде-Гулиев одновременно являлся представителем ЦК КПСС, а это в то время приравнялось к послу.

По свидетельству самого Гулузаде,

«когда в апреле 1989 г. Советская Армия учинила жестокую расправу над мирными демонстрантами в Тбилиси, он понял, что подобная трагедия ждет и Азербайджан. Тогда-то он впервые изменил своему служебному долгу».

В. Гулузаде негласно встретился с послом Турции в Алжире и предложил тому тайное сотрудничество. Сам В. Гулузаде позже сказал, что «считает этот свой шаг должностной изменой в силу своего тогдашнего статуса»¹.

Вторично В. Гулузаде посетил посольство Турции после 20 января 1990 г., тоже скрытно, и изъявил желание работать против Советов. Однако его надежды и на сей раз следствии, во время президентства Абульфазы Эльчибея, Гулузаде, прибыв в Турцию в составе азербайджанской делегации, встретился с Эрсуном и напомнил ему о той встрече. Турецкий дипломат сказал, что счел тогда его визит провокацией КГБ². В том же 1990 г. В. Гулузаде вернулся в СССР, спокойно доработав свой срок пребывания в Алжире и пользуясь всеми привилегиями высокопоставленного цзковского работника.

Под внешним лоском дипломата и интеллигента Вафа Гулузаде обнаруживалось удивительное человеконенавистничество по отношению к армянскому народу. Вот, например, что говорил этот многоликий господин об урегулировании азербайджано-карабахского конфликта на заседании милли-меджлиса АР в феврале 2001 г. Вафа Гулузаде:

«Представьте, что армяне, предположим, согласились с тем, что мы дали им статус автономной области... Давайте подумаем вместе, посмотрим, какова будущность этого. Точно так же, как Татарстан делает все, что хочет в составе такого крупного государства как Россия, Шаймиев ведет себя как президент, они не предоставляют России прибыли от нефти, сами строят свою экономику. Точно так же в условиях открытых границ, демократии Нагорный Карабах будет такой же независимой структурой в составе Азербайджана. И поэтому неправильно предоставлять статус Нагорно-Карабаху в составе Азербайджана. Я говорю об этом и прошу, чтобы все хорошо запомнили это. Было бы большим преступлением предоставлять армянам гражданство

¹«Профессия – дипломат», «Панорама», 28.06.1997 г.

²Там же

в Азербайджане... Если они получат статус гражданства, юридический статус, то они не будут сидеть в Нагорном Карабахе. Они голодными, раздетыми переберутся через Нагорный Карабах из Армении в Баку. Они приобретут здесь имущество, акции. И когда мы будем ущемлять их права, то они будут бороться за свои права»¹.

Не слишком придираясь к логике Гулузаде (как «голодные, раздетые» приобретут в Баку имущество и акции?), находим в его словах патологическую неприязнь к армянам как таковым и делаем однозначный вывод о его позиции: Карабах нужен, но без армян.

На пресс-конференции в августе 2006 г. в Баку духовный лидер Азербайджана, глава Управления мусульман Кавказа шейх-уль-ислам хаджи Аллахшукюр Пашазаде сделал знаковое предупреждение Армении:

«Я готов объявить джихад для освобождения оккупированных территорий Азербайджана»².

Правда, при этом он уточнил, что сделает это, «когда настанет время», поскольку, мол, потенциал мирных переговоров еще не исчерпан.

22 июля 2008 г., в ходе беседы с находившимся тогда в Баку известным иудейским духовным деятелем раввином Абрахамом Купером, возглавляющим действующий в США «Центр религиозной толерантности», «духовный лидер» Пашазаде сказал:

«Ложь и предательство в крови у армян. Они могут сидеть за вашим столом, есть ваш хлеб, а выйдя на улицу, сразу предадут вас»³...

Даже в Третьем рейхе идеологи фашизма не заставляли немецких духовных лидеров говорить о евреях ничего подобного.

«В том же духе высказывается и заместитель председателя Государственного комитета по работе с религиозными образованиями Эльчин Аскеров. Он говорит, что «политически корректнее было бы обвинить во лжи и предательстве конкретных высокопоставленных лиц Армении, а не всех армян», но тут же при этом заключает: «В целом Аллахшукюр Пашазаде правильно оценил ситуацию. Я могу понять резкость этих обвинений». Откровение государственного чиновника, ответственного за работу с религиозными организациями, позволяет заметить, откуда именно исходят настроения, озвученные предводителем управления мусульман Кавказа. Лидер мусульман Азербайджана, забыв о своем статусе, всего лишь высказал вслух то, что звучит в Баку на каждом шагу»⁴.

Лидер «Гуманистической партии Азербайджана» Октай Атахан хоть и называет высказывания шейх-уль-ислама недипломатическими и чреватými определенными проблемами, тем не менее заявляет:

«Безусловно, подобная модель поведения шейха мусульман единственно правильная и достойная. Она должна свидетельствовать о том, что мы духовно сильнее и чище, чем наши недруги»⁵.

¹Стенограмма заседания млли-меджлиса, посвященного обсуждению вопроса о процессе урегулирования НК-конфликта, «Бакинский рабочий», 28.02.2001 г.

²«Независимая газета» 29.08.2006 г.

³Газета «Новое время» (Ереван), 24.07.2008 г.

⁴Там же

⁵Там же

В феврале 2004 г. в Будапеште, в общежитии венгерского Университета национальной обороны, азербайджанский лейтенант Рамиль Сафаров ночью вскрыл дверь в комнату и ударами заранее купленного топора обезглавил спящего офицера Вооруженных сил Армении, 26-летнего лейтенанта Гургена Маркаряна. Оба офицера проходили обучение английскому языку в рамках программы НАТО «Партнерство во имя мира». В годы карабахской войны оба офицера были еще детьми и даже с натяжкой не могли быть отнесены к участникам противостояния тех лет.

Этот варварский акт, потрясший всю Венгрию, не был освещен в российских СМИ. Приговоренный венгерским судом к пожизненному заключению, на родине Сафаров был объявлен народным героем.

Национал-демократическая партия Азербайджана (бывшая «Боз гурд» – «Серые волки») объявила Сафарова «человеком 2005 г.». Как заявил председатель партии Искендер Гамидов (бывший министр внутренних дел у президента АР Алиева-Эльчибея), дипломом «За заслуги в области защиты интересов государства и национальных интересов» будет представлен семье Сафарова.

«Мне все равно, как Рамиль Сафаров убил армянского офицера. Главное, что на одного Гургена стало меньше, и чем больше азербайджанцев будут убивать армян, тем меньше их станет», –

отметил лидер «Серых волков»¹. «В ближайшие 25–30 лет на Южном Кавказе не будет существовать государство Армения. Нынешняя Армения построена на исторических азербайджанских землях. Думаю, что через 25–30 лет эти территории вновь перейдут под юрисдикцию Азербайджана»², –

чревоуещал в августе 2004 г. руководитель пресс-службы Министерства обороны АР Рамиз Меликов.

«Довольно терпеть. Пришла пора стереть Армению как государство с лица земли»³, – заявила в феврале 2006 г. депутат млли-меджлиса АР Хавва Мамедова.

А что пишут азербайджанские интеллигалы об армянах и Армении на страницах ведущих азербайджанских газет? Несколько примеров.

В бакинской газете «Зеркало», считающейся наиболее «продвинутой» из всех русскоязычных печатных газет Баку, некто Исмаил Аббас периодически публикует рассказы из цикла «История по-армянски» под лозунгом: «Говорить правду об армянах – это очень процикла». В соответствии с этим сто, но когда армянин говорит правду об армянах – это героизм». В соответствии с этим лозунгом и уже упомянутым ранее пропагандистским принципом «мартышки» герои сочинений Исмаила Аббаса правдоподобно, так сказать, «критикуют» свой народ собственными устами.

Вот, например, «сермяжная правда» выдуманного бредовым воображением автора сварщика Ашота, который «был неплохой сварщик, но самое главное был хорошим человеком», героя одноименного рассказа г-на Аббаса.

¹«Карабахский курьер» (бюллетень Постпредства НКР в Москве), № 1(16), 2006. С. 17

²ИА «Regnum», 04.08.2004 г.

³«Зеркало», 14.02.2006 г.; см. также: Александр Андреасян, «Хавва-ханум хочет хавать», «Новое ковчег», № 4 (99), 16–31.03.2006 г.

«Как-то после полудня мы корпели над очередной работой. Рядом стояли двое молодых людей армянской национальности. У них было какое-то дело к дяде Ашоту. Разговор шел о величии армянской нации, естественно, там, где армяне, о других темах не может быть и речи... Первым не выдержал дядя Ашот: «Ара, заткнитесь и дайте работать. Тоже мне великие люди нашлись, отбросы фарсов». Воцарилась пауза, немного прожда, я все-таки решился спросить у дяди Ашота: «А что это значит – отбросы фарсов?» На что мне дядя Ашот ответил: «Знаешь ли, молодой человек, армяне – это помесь индийских цыган с фарсами (персами – прим. автора). И фамилии наши взяты у фарсов, зананчиваются на «ан». И родины то у нас никогда нормальной не было. Где хорошо, там и родина. А такие вот идиоты, как эти малолетки, сделают всех врагами». Честно говоря, я удивился простым, спокойным и логичным размышлениям дяди Ашота... В дальнейшем я узнал, что дядя Ашот переехал в Россию. Но, не выдержав переезда и проблем на новом месте, скончался...»¹

Антигерой другого столь же «правдивого» рассказа, некий армянин Альберт, сослуживец автора по очередному заводу однажды

«принес напечатанный на машинке список и протянул нам, сопроводив небольшой речью: «Это список ста великих армян! Прочитайте и узнайте». Мы начали читать список, чем дальше углублялись в него, тем больше нас обуревали раздражение, непонимание и бог знает еще что... В списке из ста человек единственным армянином был композитор Арам Хачатурян. На наш вопрос: «А почему в списках нет Александра Сергеевича Пушкина?» Альберт ответил: «Он – сукин сын».

Третий «герой» – «школьный преподаватель математики» И. Аббаса рассказал ему «интересные факты о своей неудачной поездке в Ереван». Желая купить армянские сигареты, уже в ереванском аэропорту бедный учитель-армянин из Баку нарвался-де на матерого продавца-националиста, который прочитал ему целую лекцию:

«Знаем мы вас, вы отбросы турок. Это рейс из Баку. И вы нечистокровные армяне. И сигарет я тебе не продам». Эти слова очень сильно заделали учителя, он тут же взял билет обратно в Баку». Рассказ заканчивается традиционным заходом агитпроповца Аббаса: «Прошли годы, учитель из-за оккупации азербайджанских земель Арменией после был вынужден уехать (между прочим, пресловутая «оккупация» свершилась годами позже изгнания всех армян из Баку, – прим. автора) в Ростов-на-Дону, там проживали его родственники. Не знаю, жив он или нет, но образ этого человека я запомню навсегда».

Ну, и так далее и в том же духе. Вся эта бредятина, повторим, регулярно печатается в общественно-политической газете, которая считается одной из самых, если не самой «продвинутой» в Баку.

Аббасу вторят азербайджанские интеллектуалы.

Кямран Рагимов, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки:

«Кто же такие эти армяне, наши, к сожалению, соседи и бывший братский народ? Величко отвечает на этот вопрос просто и лаконично: их происхождение малоизвестно. Посетивший Переднюю Азию французский путешественник Граф де Шале писал, что «сколь противна хитрость армян, столь назойливей их подлость и предательство».

¹«Зеркало», 08.09.2007 г.

О них с нескрываемым чувством брезгливости – «Ты трус, ты раб, ты армянин» – говорил А. С. Пушкин (здесь неграмотное прочтение поэта: в своей поэме «Тавит» А. С. Пушкин вложил эти слова в уста старого чеченца, который таким образом ругал своего сына, не убившего встреченного им в пути обессиленного «кровника», – прим. автора). Ну, скажем, поэт не узрел в загадочной натуре армянина что-то положительного... скажем так, был недостаточно мудрым... А вот мудрость грузинского народа: «Армянин пришел – беда пришла». Правда об армянах, к сожалению, неизвестна народам большинства стран мира. Армяне при каждом удобном случае клеветают на нас, а мы молчим...»¹

Максуд Ибрагимбеков, депутат, народный писатель Азербайджана:

«...Армяне еще долго будут нас ненавидеть... Они никогда не забудут и не могут забыть о том, как без предупреждения, воспользовавшись тем, что в Советском Союзе воцарилось безвластие, напали на своих соседей и друзей, которые никогда ничего плохого им не делали, и стали убивать и грабить... Вот этого ножа, воткнутого в спину задремавшего друга, они не забудут и не простят нам никогда»².

Сабир Азери, писатель:

«Мы столетиями идем на уступки армянам... А сколько армян живут в Карабахе на оккупированных территориях! Разве это не уступка? Этнические меньшинства есть во всех странах. Если Франция так нежно любит армян, пусть потрудится ответить для создания армянского государства часть собственной территории. То же самое Россия, Америка... Все, у кого есть хоть немного патриотизма, чести и достоинства, должны подняться на ноги... Могу вас заверить, что, будь на нашем месте чеченцы, они давно бы сбросили армян в воды Гейчи»³.

Сейран Мирзоев, зампред Социал-Демократической партии Азербайджана (СДПА), в 1990–1991 гг. член республиканского Оргкомитета по НКАО:

«...Полянничко и еще несколько человек более полутора лет делали все возможное и невозможное, чтобы освободить Нагорный Карабах от армянской скверны, от воинствующих сепаратистов и националистов... Мы им в Карабахе хвосты прижали. Судите сами, 65 населенных пунктов Нагорного Карабаха в то время были очищены от бандформирований... Честь, совесть и гордость азербайджанского народа – Нагорный Карабах»⁴.

А вот обширные выдержки из телепередачи, прошедшей 25 марта 2001 г. по первому каналу Азербайджанского телевидения. Это уже как бы «глас снизу», якобы глас народа, который отнюдь не безмолвствует. Опять-таки, без комментариев.

«Юсиф Тагиев: Армяне – как трава. А траву следует полоть. Когда наши армяне достигают определенного количества, приходит время их выкорчевывать. Если не сделать этого, они не могут спокойно жить. Они сами признают это свойство своей нации. Где бы они ни жили, эта нация всегда оказывается предателем, подлой. Они любят кровь, но трусливы».

¹«Зеркало», 10.02.2001 г.

²«Бакинский рабочий», 16.02.2001 г.

³«Гюнай», 17.02.2001 г.

⁴«Ежедневные новости», 23.02.2001 г.

...Приехали вчера, а сегодня говорят, что живут здесь тысячами. Нет, тысячами здесь проживало население Гейчи. Не так? Почему же не предоставить им автономии? Ведь Гейча – их родина. И Иреван (так в Баку именуют столицу Республики Армения город Ереван – прим. автора) наш. Разве город Иреван не наш? Разве армяне не потом заселили его? Нельзя терпеть их нахальства. Хватит! Карабах – наш. Шуша, Ханкенди должны быть нашими. Довольно! Нравится – живи и принимай законы Азербайджана. Не нравится – убирайся. Не рой себе яму в чужой земле.

Аллахверди Самедов (житель Шамкирского района): Мы всегда были с ними мягкосердечными, считали их близкими. Но они всегда топтали хлеб, который ели... Но армянин показал себя армянином. Сейчас вы видите, что они сделали с нами. А мы всегда были с ними мягкими, добросердечными. Везде уступали им. Но они были не такими, как казались, всегда хитрили, все делали исподтишка.

...Сейчас Президент видит, что на войне умирают и молодые, и пожилые, и люди среднего возраста. Поэтому хочет решить этот конфликт мирным путем. Поэтому, извините за выражение, но свинью не выманить просто криками. Не выходит и все. Армяне ставят такие условия, что гордость азербайджанцев не позволит принять их. Если не получится так, то их можно будет выманить другим путем, военным. Сейчас я обращаю внимание на наших солдат, они очень хороши. Не сравнить с прежней армией, очень хорошие. Справятся с задачей.

Водущий: С душой.

Аллахверди Самедов: Конечно. Знаете, не надо обращать внимания на слова армян. Азербайджанцы намного боеспособнее армян. Я сам все видел. Если на них немного нажать, они не выдерживают, а наши не такие. наших не остановить, если они разойдутся... Конечно, сейчас у армян есть спина. Если бы не эта спина, каждый из нас бросил бы по одному камню, и армян – как не бывало.

Водущий: В Гянджабасарских краях все знают Пири-киши. Хотя бы потому, что он – свидетель трех веков. Пири-киши, который живет в Шамкире (Шамхор – город, центр одноименного района бывшей АзССР – прим. автора), в 1989 г. исполнилось сто лет. Сейчас ему 112-й год. У него 110 внуков, правнуков и праправнуков. По его словам, он никогда не употреблял табана и спиртного. На этом долгом жизненном пути Пири-киши неоднократно сталкивался с предательством армян.

Пири-киши: Знаете, и до, и после 1905 г. армяне пытались завладеть Азербайджаном. Другой цели здесь нет. Они не могут найти общего языка с Азербайджаном, они – предатели, у нас же предательства быть не может. Я думаю, что этому способствуют христиане, они помогают. Если это дело не закончится мирно, то мы перейдем к войне, что еще остается? Ничего. Разве я постарел, если, не приведи Аллах, начнется война, я тоже с оружием сяду на коня. Нет, нет, землю категорически нельзя отдавать. Категорически, категорически нельзя.

Юсиф Тагиров: Армяне учиняли геноцид, так как с тех пор они задумали полностью арменизировать Азербайджан. Отец рассказывал, что они вели тайные раскопки на холмах, в различных местах, закапывали камни. Мы не понимали, зачем они делают это. Оказывается, на эти камни наносились надписи, чтобы, когда придет время, выдать их за исторические свидетельства проживания здесь армян. Их замыслы мы

распознали позже. Поэтому раскопали эти камни и выкинули в Куру, чтобы при раскопках ничего не нашли. Еще тогда мы видели их подлое лицо, то, чем они занимаются, несмотря на дружбу, хлеб-соль. Все это я запомнил из рассказов об армянах¹.

А вот образчик из школьного учебника истории «Отечество» для 5-го класса русско-го сектора школ АР. В учебном материале о генерале-танкисте, талыше по национальности Ази Асланове, служившем под командованием будущего маршала Ивана Баграмяна, говорится:

«В январе на побережье Балтики в районе города Митава шли ожесточенные бои. Как и прежде, бригада генерала А. Асланова шла в авангарде. Победа над врагом приближалась с каждым днем, казалось, что танкисты отважного генерала первыми войдут в логово фашизма – Берлин. В такой обстановке 24 января 1945 г. героический сын нашего народа, прошедший сквозь ужасы Сталинграда, через ад Курской битвы, генерал Ази Асланов погиб при невыясненных обстоятельствах. Кто знает, может при раскрытии обстоятельств этой гибели обнаружится еще один случай подлого армянского коварства и предательства?»²

Даже грузинский президент М. Саакашвили не кормил подобными байками и передачами свой народ в преддверии акта геноцида против народа Южной Осетии в августе 2008 г.

При этом любой азербайджанский же журналист, выступающий против засилья в стране подобного мракобесия, сам подвергается преследованию, становится «внутренним армянином». Мы уже упоминали о печальной судьбе журналистов независимого издания «Монитор», редактор которого Э. Гусейнов был убит, а обозреватель Э. Фатуллаев посажен в тюрьму за то, что поставили под сомнение «карабахские сказки» Азерагитпропа. Вот пример более свежий.

7 августа 2008 г. в газете «Бакинский рабочий» (№ 147) был опубликован материал «Осторожно, в Интернете мусор!». Автор этой публикации Вагиф Абдуллаев в пух и прах разнес журналиста азербайджанского происхождения, корреспондента газеты «Московская правда» Олега Султанова и его сайт в Интернете, обзвав газетчика пасквилянтом и «прислужником грязной политики армянских националистов». О. Султанов пишет об этом в «Московской правде»:

«Полагаю, что свидетельством применения официальным Баку таких недостойных методов является «разоблачение» меня, этнического азербайджанца, «Бакинским рабочим» как наймита внешней разведки Армении. Автор так лихо навешивает на меня, гражданина РФ, ярлыки опытного армянского шпиона, что впору обращаться в Ереван и требовать установления высокого денежного содержания за свою принадлежность к когорте тайных агентов службы национальной безопасности Армении...

«Бакинский рабочий» вместе со своим автором Абдуллаевым считает, что следующие мои фразы являются ахинея: «Официальный Баку пугает Ереван активизацией боевых действий, народы же обеих республик, судя по моим же личным наблюдениям, хотят жить в мире. О какой войне и ее достаточном материальном обеспечении может

¹Расшифровка телепередачи опубликована в азербайджанском офицозе, органе управления делами Президента Азербайджана, газете «Бакинский рабочий», в номерах за 27–30.03.2001 г.

²<http://komelij.livejournal.com/381044.html>

идти речь, если в жилые дома некоторых районов столицы Азербайджана водопроводная вода подается два раза в день?! Централизованное отопление практически отсутствует, ибо котельные не действуют, часто отключается подача электроэнергии... Бытовые неурядицы стали частью жизни азербайджанского общества...» Не знаю, где проживает Абдуллаев, но любой житель Баку подтвердит, что мои слова являются правдой. Неприятно меня поражает и завершающая часть публикации «Осторожно, в Интернете мусор!».

Абдуллаев пишет: «Статья Султанова заканчивается такими словами: «Заканчивайте свой кровавый «базар», земляки! Лучше наполните бокалы старым вином и помяните недобрым словом вражду!» Эти слова ничего, кроме смеха, вызвать не могут. Ничего себе, автор «Московской правды» призывает армян и азербайджанцев быстрее прекратить распри, а у «Бакинского рабочего» это вызывает смех!

А мне совсем не смешно. Представляю, где бы я сейчас находился, если бы являлся гражданином Азербайджана; вероятно, уже начал бы отсиживать солидный срок»¹. Наконец, еще об одной стороне политики Азерагитпропа. На протяжении всего противостояния азербайджанская пропаганда старается втянуть в свою маниакальную деятельность и граждан зарубежных стран, пытаясь возбудить в этих странах антиармянские настроения.

Еще в годы военных действий в Нагорном Карабахе в городах Краснодарского края несколько раз и большими тиражами распространялись листовки, написанные от имени мифических армянских организаций. В них утверждалось:

«На протяжении веков Северный Кавказ входил в состав Великой Армении, а потом был захвачен Россией»².

А местных жителей призывали «осознать историческую реальность и отдать свои голоса за присоединение Кубани, Дона и Ставрополя к Армении»³. Листовки, распространявшиеся азербайджанской агентурой, были подписаны «Секретной армией освобождения армян в России»⁴.

Очевидно, что целью этих акций было вызвать неприязнь местных русских жителей к своим согражданам армянской национальности в условиях весьма непростых тогда межнациональных отношений в регионе. Такие попытки предпринимались настойчиво и достаточно регулярно. Так, газета «Северный Кавказ» сообщала уже в октябре 2007 г. о том, что в шести районах Ставропольского края

«появились листовки провокационного характера, стравливающие русских и армян... рекомендующих славянскому населению покинуть край – это, мол, не ваша земля»⁵. Правоохранительные органы так и не сумели выявить заказчика этой акции.

Примерно в это же время одно из азербайджанских информагентств вбросило в Интернет дезинформацию о якобы имевшей место петиции армянской общины украинского города Львов.

¹ «Московская правда», 27.08.2008 г.

² Погромы на экспорт, «Московские новости», 01.11.1992 г.

³ «Кубанский курьер», 09.10.1992 г.

⁴ Там же

⁵ В. Хопров. «Провокаторам нейдет». «Северный Кавказ», 02.10.2007 г.

В этом городе армяне жили еще в средневековье и имели свой квартал, где до сих пор прекрасно сохранился армянский монастырь конца XIV в. Они будто бы просили переименовать город... на армянский лад, с использованием армянского же слова «лев»!

В последнее же время азербайджанские СМИ пестрят сообщениями о «недавно открытых подтверждениях» якобы имевшего место в 1918–1920 гг. истребления армянами горских евреев (то есть татов-иудаистов) в ряде районов так называемой Азербайджанской Демократической Республики. Что перекликается с аналогичными утверждениями относительно событий 1915–1923 гг. в Османской империи и Кемалистской Турции, уже многие десятилетия распространяемыми официальной турецкой пропагандой.

Много лет живущий и работающий в США уроженец Стамбула Вагн Дадрян является известным исследователем геноцида армян и автором значительного количества монографий и исследований на эту тему. Одна из его работ, посвященная турецким фальсификациям и методам отрицания геноцида армян в 1915–1923 гг. в Турции, называется «Ключевые элементы турецкого отрицания геноцида армян: целевое исследование искажений и фальсификаций»¹.

Говоря об интересующей нас теме, В. Дадрян рассматривает тезис официальной Анкары: «Неполярные армяне убили 1,1 миллиона мусульман и 100 тысяч евреев», *имеется в виду в ходе Первой мировой войны и после нее. Автор исследования пишет: «Попытка турецкой пропаганды сыграть на чувствительности евреев к теме Холокоста с целью привлечь их к далеко идущей игре по отрицанию геноцида армян сколь очевидно привлекать их и далеко идущей игре по отрицанию геноцида армян столь очевидно видно, столь и мрачно... Тем не менее если речь заходит об официальной Османской статистике, то во всех регионах, где, по турецким утверждениям, армяне якобы совершили жестокости в ходе «межнациональных столкновений» (так официально именуют в Турции не вызывающий сомнения в международном сообществе геноцид армян, – прим. автора), количество еврейских жителей не превышало 4 тысячи человек. Вопрос напрашивается сам собой: откуда и как появились эти обвинения и сопутствующие им ложные цифры?»²*

Как видим, и в этой фальсификации азербайджанский агитпроп не придумал ничего нового, а действует по анкарской кальке. Известно, что турецко-израильские отношения на протяжении десятилетий носили характер стратегического партнерства, что было совсем не случайно. Ведь до Кемп-дэвидских соглашений по Ближнему Востоку Турция была единственной из мусульманских стран, имевших не просто дипломатические, но тесные военно-политические отношения с Израилем. Известно также, что ряд международных еврейских организаций, в том числе и наиболее серьезные сионистские организации США, открыто поддерживали политику Анкары по отрицанию геноцида армян, многократно выступали адептами Турции в Конгрессе США и других организациях при обсуждении этого вопроса.

Естественно, что в Израиле есть силы, поддерживающие политику и пропаганду официального Баку как сателлита Анкары. 30 сентября 2008 г. бакинское информагентство «Day.Az» опубликовало интервью с израильянином, выходцем из Баку Львом Спиваком,

¹ Dadrian Vahagn N. The key elements in the Turkish denial of the Armenian genocide: a case study of distortion and falsification. The Zorian Institute. Cambridge–Toronto. 1999

² Указ. соч., стр. 18. Перевод с английского автора.

возглавляющим некий институт «JC public relations research». При помощи последнего в Иерусалиме на иврите и английском была издана книга «Марш смерти» азербайджанского автора Ровшана Мустафаева. Последний известен своими доходящими до откровенного бреда поисками «армянского заговора»: в одной из своих статей он утверждал о... прорытии армянами туннеля под пограничной рекой Аракс для трафика наркотиков в Азербайджан. Теперь Мустафаев подвизался и на ниве «вновь открытых преступлений армянских националистов против азербайджанского и еврейского народов».

На кого именно рассчитана кампания по поиску несуществующего армянского следа в еврейском Холокосте, вовсе и не скрывается. Так, в статье азербайджанского автора Кямала Али, опубликованной в августе 2008 г. в газете «Северный Кавказ», говорится:

«В Баку была проведена успешная и интересная во всех отношениях конференция азербайджанских и американских журналистов, политологов и общественных деятелей, названная весьма символично – «Азербайджанцы и американцы: как мы видим друг друга». Зарубежные участники конференции провели встречи с высокопоставленными представителями азербайджанского правительства и бизнес-структур. Они были в бакинской мечети Биби-Эйбат, православной церкви и еврейском поселении в Губе, где видели массовое захоронение жертв убийства армянами поселковых евреев в 1920 г., а также посетили лагеря беженцев. Так что гости из США уедут из нашей страны полными нужных им, а больше нам, впечатлений»¹.

Подобная дезинформация также являлась и является частью той информационно-психологической войны против армянского народа, которую официальный Баку открыто ведет на протяжении вот уже двадцати лет.

БЛЕФ НА ФОНЕ ОПАСНОЙ МИЛИТАРИЗАЦИИ

Раскручивая воинственную истерию в республике, азербайджанское руководство одновременно шантажирует мировое сообщество возможностью военного разрешения конфликта, если международные организации не поддержат его урегулирование с выгодных Баку позиций.

С этой же целью был задействован и миф об «экономически сильном, быстро развивающемся Азербайджане», который-де является ключевой страной Южного Кавказа и вскоре сможет сам решить все вопросы силой. В противовес этому мифу азербайджанская пропаганда и союзные ей силы раскручивали другой миф: о «слабой экономически, день ото дня хиреющей» Армении и «голодном и холодном» Нагорном Карабахе.

Данные мифы преследовали цель убедить мировое сообщество, явно нежелающее военной конфронтации в регионе Южного Кавказа, в том, что оказание политического давления на армянскую сторону с целью склонения ее к принятию плана урегулирования на условиях Баку является единственным способом предотвращения «маленькой победоносной войны усиливающегося Азербайджана против экономически слабой Армении».

«Наше терпение безгранично. Сегодня Азербайджан – быстроразвивающаяся страна. Армения не может с нами конкурировать ни с экономической, ни с политической, ни с военной точки зрения. Пусть в Армении подумают, где будет Азербайджан и где Армения, через один, три, пять лет»¹, –

такие заявления президент АР Ильхам Алиев регулярно делал все последние годы. В российских и зарубежных СМИ Азерагитпроп раскручивал соответствующие информационные мифы и страшилки, которые потом брались на вооружение посредниками и политиками «третьих стран».

В частности, до сих пор широко муссируется тема «небывалого экономического усиления» Азербайджанской Республики, что на практике является более чем преувеличением. Лейтмотивом многих информации из региона является пресловутый рост ВВП.

«Резко увеличивая добычу нефти на морских месторождениях Азери-Чираг-Гюнешли, Азербайджан стал демонстрировать высокие темпы экономического развития. Поистине рекордным для азербайджанской экономики стал 2006 г., когда ВВП республики скакнул сразу на 34,5 %. В 2007 г. рост замедлился, но по-прежнему остался самым высоким не только в СНГ, но и в секторе развивающихся стран – 25 %. За январь-август 2008 г. ВВП Азербайджана вырос на 13,2 % (для сравнения – в России – на 7,4 %, в Армении – на 10,3 %, в Белоруссии – на 10,6 %).

Рост промышленности в Азербайджане в 2006 г. составил 37 %, в 2007 г. – 24 %, за период января-август 2008 г. – 9,6 %. В течение последних пяти лет валютные резервы страны увеличились более чем в 10 раз и достигли 15 млрд долларов США... Это позволило Ильхаму Алиеву заявить в своей предвыборной программе, что Азербайджан превратился в лидирующее государство региона. Он пообещал, что к 2010 г. ежегодный объем добычи нефти в Азербайджане будет доведен до 65 млн т»².

Однако между строк этой информации следовало бы также читать следующее.

Во-первых, ВВП АР в 2006 «скакнул» за счет начавшегося во всем мире лавинообразного роста цен на нефть.

Во-вторых, львиную долю этого «скачка» следует отнести к заслугам не правительства АР, а международного нефтяного консорциума АМОК во главе британской ВР, который как раз в это время резко увеличил добычу нефти на трех упомянутых месторождениях.

В-третьих, формально включаемая в азербайджанский ВВП стоимость добытой консорциумом нефти на деле в преобладающей своей части идет не в бюджет АР, а в бюджеты зарубежных компаний и частично – в бюджеты представляемых ими стран. Иная картина была бы, если бы каспийскую нефть добывала государственная азербайджанская компания, на долю которой реально приходится менее четверти от общего объема нефтедобычи в азербайджанском секторе Каспия.

Поэтому и гипотетическое обещание довести к 2010 г. ежегодный объем добычи нефти в Азербайджане до 65 млн т скорее следовало бы вкладывать в уста руководителей ВР и АМОК, а не Ильхама Алиева.

¹ИА «Regnum», 23.06.2006 г.; <http://www.regnum.ru/news/662139.html>

²Аждар Куртов. Что может быть скрыто под новой президентской мантией Ильхама Алиева. <http://www.fondsk.ru/article.php?id=1668> 09.10.2008

¹Али Н. «Три мифа, разоблаченных на конференции», Северный Кавказ (Нальчик), № 30, 19.08.2008

Подтверждением парадоксов роста азербайджанского ВВП являются и следующие официальные данные о размерах ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности по расчетам ЦРУ США) Азербайджанской Республики и Республики Армения на 2005 и 2006 гг.

Так, в 2005 г. эти цифры составили 4600 долларов по Азербайджанской Республике и 5100 долларов по Республике Армения¹.

То есть 11 лет спустя подписания «контракта века» ВВП на душу населения в реально подвергаемой Баку и Анкарой транспортно-экономической блокаде Армении был выше, чем в виртуально «экономически мощном» Азербайджане.

И лишь после нефтяного ценового скачка 2006 г. результаты эти изменились, и в следующем, 2007 г. были опубликованы следующие данные по вышеуказанным показателям в АР и РА за 2006 год: 7300 долларов и 5400 долларов соответственно².

Отметим также, что Республика Армения на протяжении последних лет опережала всех своих соседей по региону по одному из важнейших показателей ООН – индексу развития человеческого потенциала. Индекс оценивает уровень средних достижений той или иной страны по трем основным критериям: продолжительность жизни, уровень образования, уровень жизни. Например, в «Докладе о развитии человека 2007/2008» места стран региона в мировом рейтинге ИРЧП распределялись следующим образом: Армения – 83-е место, Турция – 84-е, Иран – 94-е, Грузия – 96-е, Азербайджан – 98-е³.

А вот еще несколько фактов, отнюдь не свидетельствующих в пользу мифа о «широко шагающем Азербайджане».

В 2005 г. американский фонд «Heritage Foundation» и влиятельная газета «The Wall Street Journal» опубликовали очередной рейтинг стран по степени свободы экономики. Из стран СНГ только Республике Армения удалось попасть в список стран с «частично свободной экономикой» – она заняла в рейтинге 42-е место. Азербайджанская Республика разделила с Чадом и Египтом 103–105-е места⁴.

В соответствии с ежегодным отчетом об Индексе восприятия коррупции (ИВК), проводимым международной организацией «Transparency International», в 2006 г. Азербайджанская Республика занимала 125-е место в списке из 133 стран⁵.

В 2008 г. в том же рейтинге уровня коррупции АР заняла 158-е место среди 180 стран⁶.

По уровню смертности населения (9,86 на 1000 человек в 2006 г.)⁷ и уровню детской смертности (88 смертей детей до 5 лет на каждую тысячу родившихся) Азербайджанская Республика находится на первом месте среди стран СНГ, опережая по этим показателям представляемые нам как отсталые, по сравнению с АР, страны Средней Азии.

¹Газета «География», № 7, 2006 г. стр. 16–17

²Газета «География», № 7, 2007 г. стр. 13

³«Где на планете жить хорошо», Парламентская газета, 29 ноября 2007 г.

⁴«Голос Армении», 28 июля 2005 г.

⁵«Голос Армении», 20 июня 2006 г.

⁶ИА «Regnum», 07.11.2008 г.; <http://www.regnum.ru/news/1080510.html>

⁷CIA World Factbook 2006. В. Медведь, «Проект ЕвразЭС – все в наших руках», «Дуэль», № 7, 13.02.2007 г.

В 2007 г. фонд народонаселения ООН опубликовал ежегодный доклад о продолжительности жизни в странах мира.

«На постсоветском пространстве лидирует по продолжительности жизни Армения, где продолжительность жизни мужчин составляет почти 68,5 лет, а женщин – более 75 лет. В Грузии мужчины в среднем живут по 67 лет, женщины – 74 года с лишним, а Азербайджан значительно отстает от своих соседей»¹.

Международные рейтинги признали Баку самой грязной из столиц, а Сумгаит – из промышленных городов мира. И так далее...

Не случайно рекламный образ «закавказского Кувейта» не совпадает с увиденным в стране сторонними наблюдателями.

Вот каким увидел «реальный Азербайджан» фотокорреспондент журнала «Коммерсант-Власть» Константин Куццлло, в сентябре 2008 г. совершивший путешествие на автомобиле из Москвы в Тбилиси через Баку.

«Дальше – на азербайджанской стороне – асфальт закончился. Оставшиеся пару сотен километров до Баку я ехал пять с половиной часов по грейдеру, а местами просто по склонам гор, объезжая крупные камни и глубокие ямы, вырытые бужущими на подъемах самосвалами. Иногда вдоль дороги попадались куски строящейся автострады, но они были редки, и техника стояла не на всех. От Баку в сторону Тбилиси есть отрезок – около 150 км – более или менее приличного шоссе, но потом на сотни километров, оставшиеся до границы с Грузией, все то же самое: объездной грейдер вокруг как бы строящейся дороги, грязь, пыль, тряска по камням. Поэтому когда около Гянджи меня остановил дорожный полицейский и высказал претензию, что у меня грязная машина, я ему прямо сказал, что никакой штраф платить не буду, пусть сначала построят дороги, а то у вас тут не дороги, а просто позор азербайджанской нации.

Денег в Азербайджане у меня просили все. Но кроме \$15 сбора «за порчу дорог», вытребованных у меня на границе, я не дал ни копейки всем тем придорожным попрошайкам, которые хотели магарыч за просмотр моих документов, за регистрацию в приграничной зоне, просто за то, что со мной поздоровались: «Слушай, уважение сделай, да? Дай денег – ты русский, у тебя есть».

В Баку у меня попытались взять деньги просто за то, что я спросил дорогу. И даже тощие и какие-то грязноватенькие солдатики у последнего азербайджанского шлагбаума шепотом, одними губами просили: «Деньги дай, а?»²

Возвращаясь к азербайджанскому ВВП, напомним, что в него включается стоимость нефти, вывезенной иностранными компаниями-операторами – около двух третей всей ее добычи. Доля добытой АМОК нефти еще выше – до трех четвертей всего объема.

Разница между объемами добытой международным операционным концерном и вывозимой им за пределы АР нефти объясняется тем, что часть добываемой АМОК нефти передается азербайджанской нефтяной компании; этот процент отдельно оговорен в контракте по каждому месторождению.

¹«Вечерняя Казань», № 102, 29.06.2007

²К. Куццлло. От Москвы до самых до развалин-2. Коммерсант-Власть, № 36, 15.09.2008

Но и при этом цифры ВВП на душу населения в Азербайджанской Республике являются не окончательными и не соответствующими реальной действительности.

И вот почему: по итогам 2006 г. эти цифры рассчитывались, исходя из населения страны в 7,96 млн человек. На самом же деле в Азербайджанской Республике сегодня максимально насчитывается от 3,5 до 3,7 млн жителей.

Социолог Александр Арсеньев опубликовал в российских и зарубежных СМИ ряд материалов-исследований по процессам миграции и демографии Южного Кавказа. Вот что он писал по этому поводу в том самом году «нефтяного скачка»:

«Вновь пошел в ход и миф о «многомиллионном Азербайджане» и «маленькой, теряющей население» Армении. Несомненно, что в значительной мере эти угрозы косвенно предназначаются вниманию международного сообщества с тем, чтобы заставить его «надавить» на Армению, заставить ее уступить политическим путем то, чего Азербайджану не удалось добиться военным путем в ходе карабахской войны 1991–1994 гг.

Официально приводимые азербайджанской статистикой данные о 8–8,5 млн населения в Азербайджане являются ни чем иным, как автоматическим «приплюсовыванием» усредненного десятилетнего прироста населения АзССР за 1970–1979 и 1979–1989 гг. к официально декларированной в ходе последней переписи населения СССР численности населения АзССР.

При декларируемом властями АР естественном приросте населения в 11 человек на тысячу населения в год, за годы, прошедшие после первой волны массовой миграции из Азербайджана – по этническому признаку, оставшееся за выездом «инородцев» население в 5,8 млн человек никак не превысило бы 6,7–6,75 млн человек.

Однако при этом не учитывается тот широко известный факт, что в последние десятилетия от 3 до 3,5 млн граждан уже независимого Азербайджана покинули страну в поисках лучшей доли, направляясь в основном в Россию, Турцию, Украину, страны СНГ и Европы, и реально в Азербайджане сегодня едва ли насчитывается более 3,5 млн населения»¹.

Действительно, не могут ведь оставшиеся на родине граждане АР размножаться почкованием? Ведь после достижения независимости АР лишь в РФ переселилось свыше 2 млн азербайджанцев. Так, по полуофициальным данным ГУВД Москвы, уже несколько лет назад только в Москве и Московской области имели регистрацию 800 тыс. азербайджанцев, а их общее число в регионе (то есть с учетом не имеющих регистрации) доходило до 1,2 млн человек. Напомним, что, по переписи 1989 г., в Москве проживали (то есть были прописаны – тогда с этим было строго) 21 тыс. азербайджанцев.

В Санкт-Петербурге, по данным той же переписи 1989 г., было 12 тыс. азербайджанцев, а уже в начале 2000-х гг. их численность в городе и области превысила 200 тыс.

На Украине, где в 1989 г. постоянно проживали 37 тыс. азербайджанцев, численность азербайджанской диаспоры уже к 2000 г. превысила 500 тыс. человек, что означает (даже с учетом естественного прироста ранее проживавших на Украине азербайджанцев), что только в 1992–2000 гг. в эту страну из АР переселилось до 450 тыс. азербайджанцев.

¹А. Арсеньев. «Есть ли у Азербайджана демографическое оружие?», www.fondsk.ru, 01.08.2006 г.

Многие граждане АР подались в дальнее зарубежье, ФРГ, страны Восточной Европы. Но прежде всего – в Турцию, где, по имеющимся сведениям, находится и почти половина населения Нахичеванской АР.

Бакинская газета «Зеркало» в номере от 14.04.2001 в заметке «Эмиграция в Азербайджане», оценивала количество выехавших из Азербайджана за годы независимости в 3,5 млн человек.

Кирилл Столяров, автор книги «Распад. От Нагорного Карабаха до Беловежской пуши», ссылаясь на экс-президента Азербайджана Аяза Муталибова, пишет:

«Больше половины населения покинуло страну в поисках куска хлеба. За последние семь лет уехали четыре с лишним миллиона жителей, что составляет примерно 60 % от общего числа граждан»¹.

Правда, в это число адепт Муталибова включил и более миллиона насильственно изгнанных из бывшей АзССР, вынужденно, а отнюдь не в «поисках куска хлеба» покинувших ее армяны, русские, евреи, этнически смешанных семей.

«При этом в силу преимущественно мужского характера миграции в Азербайджанской Республике серьезно нарушен половозрастной баланс, т.е. непропорционально много женщин и детей»².

В Республике Армения и НКР проживает сегодня примерно 3,3 млн человек, и нет таких перекосов в половозрастном составе, как в АР. То есть даже при гипотетической массовой мобилизации у азербайджанской стороны не будет никакого серьезного перевеса в личном составе, как это было в 1991–1994 гг.

«Около половины населения покинуло страну. По нашим данным, даже для охраны линии соприкосновения они испытывают трудности, так как не хватает живой силы»³, – эти слова И. Алиева, сказанные им об армянской стороне, на самом деле можно отнести именно к современному Азербайджану, чьи лидеры настроены так воинственно.

Но огромные приписки к реальному населению, практикуемые Баку – отнюдь не дань практике приписок застойных времен, хотя и имеют те же самые корни. И не только желание припугнуть мировое сообщество «широко шагающим Азербайджаном».

Сознательное искажение численности населения АР в официальных данных и, соответственно, занижение ВВП на душу населения, которое было бы выше при указании реальной численности граждан страны, преследует вполне практическую цель. А именно, «выводить» в тень миллиарды долларов, которые идут как в карманы правящего клана, так и на прямые и тайные закупки вооружений, финансирование зарубежных проектов и подкуп политиков посредством международных пиар-агентств, информационную войну, пропаганду и т.п.

Ведь потоки нефтедолларов не бесконечны, а конъюнктура цен на нефть капризна, что и показал мировой экономический кризис, во многом искусственно спровоцированный заинтересованными силами после вторжения Грузии в Южную Осетию и российско-грузинского военного конфликта в августе 2008 г.

¹Кирилл Столяров. «Распад. От Нагорного Карабаха до Беловежской пуши». М.: «Олма-пресс», 2001, с. 309.

²А. Арсеньев. «Есть ли у Азербайджана демографическое оружие?», www.fondsk.ru, 01.08.2006 г.

³Из интервью И. Алиева радиостанции «Эхо Москвы» 23.12.2006 г.

Вот некоторые цифры. По данным отчета, подготовленного компанией «Бритиш Петролеум» (BP), доказанные запасы нефти в Азербайджане на конец 2004 г. составили 1 млрд т, или 7 млрд баррелей, что составляет 0,6 % от доказанных мировых запасов. Газа – 1,37 трлн м³, или 0,8 % от всех мировых запасов¹. Это отнюдь не много.

Те же отчеты «Бритиш Петролеум» показывают: с 1994 по 2004 гг. потребление нефти в Азербайджане снизилось почти на 44 %; если в 1994 г. ежедневная потребность нефти в АР составляла 163 тыс. баррелей, то в 2004 – 91 тыс. баррелей².

ИТАР-ТАСС сообщал в январе 2008 г., что американский банк «Lehman Brothers» понизил рейтинг акций второй по размеру нефтяной компании Европейского союза – британской «British Petroleum»... По оценкам аналитиков, BP не сможет получить ожидаемых объемов нефти со своего главного нефтяного поля в азербайджанском секторе Каспия «Азери-Чираг-Гюнешли». В результате в нынешнем году доходы BP от продажи каспийской нефти будут на 1,2 млрд долларов меньше, чем это планировало руководство компании. Эта новость уже привела к сильному падению курса акций нефтеконцерна³.

Как уже говорилось ранее, азербайджанский плацдарм нужен США не для добычи из его недр углеводородов, а для перекачки через него и Грузию углеводородов Средней Азии. Августовские события 2008 г. поставили под сомнение не только планы на будущее, но и уже ранее построенные и проектируемые нефте- и газопроводы: БДТ и «Набукко».

Те же события и мировой кризис повлекли за собой падение цен на нефть.

Президент Института энергетики и финансов Леонид Григорьев и завсектором экономических исследований Института Марсель Салихов резюмируют:

«В течение 2006–2007 гг. мировые цены на нефть практически непрерывно шли вверх на фоне высоких темпов роста мировой экономики и растущего спроса в первую очередь со стороны развивающихся стран. К июлю 2008 г. практически был достигнут рубеж в 150 долларов за баррель – величина немыслимая для аналитиков еще год назад. Опасения по поводу будущего американской экономики, замедления спроса и мировой финансовой системы вместе с проблемами ведущих финансовых организаций за три месяца неожиданно обрушили цены практически на 50 долларов (со 145 до 95 долларов за баррель).

В краткосрочной перспективе (2–3 года) мировой нефтяной рынок сохранится в напряженном состоянии в ситуации с ограниченными возможностями по наращиванию добычи... В среднесрочной перспективе (до 2020 г.) после окончания очередной инвестиционной стадии ОПЕК и расширения добычи у ряда новых стран-экспортеров – Бразилия, Азербайджан, Казахстан и др. – не исключено понижение цен до уровня, соответствующего долгосрочным предельным издержкам новых производств. Они, по оценкам, достигают в настоящее время 70–80 долларов за баррель в текущих ценах (90–100 долларов в ценах 2020 г.)»⁴

Именно поэтому период роста цен на нефть в 2005–2008 гг. ознаменовался небывалым ростом военного бюджета АР и массовыми закупками вооружений, в том числе и в России.

¹А. Арсеньев. «Широко шагает Азербайджан?»; www.novopol.ru, 30.08.2005 г.

²Там же

³«British Petroleum переоценила запасы азербайджанской нефти». ИТАР-ТАСС. 16 января 2008 г.

⁴«Независимая газета», 14.10.2008 г.

В 2003–2008 гг. на военные цели были израсходованы средства на сумму 4,5 млрд долларов США. Если в 2003 г. общие военные расходы Азербайджана составляли 163 млн долларов, то в 2008 г. эта цифра составила 1,85 млрд долларов¹.

Азербайджанская Республика на протяжении всего периода после окончания азербайджано-карабахской войны 1991–1994 гг. превышала свои квоты по обычным вооружениям, установленные Договором об ограничении вооруженных сил в Европе (ОВСЕ, ДОВСЕ).

В частности, вместо предусмотренных 220 танков у АР их 579, что превышает квоту в 2,63 раза; вместо 220 боевых бронированных машин (ББМ) их у нее 1174, что выше предусмотренной квоты в 5,34 раза; вместо 285 артиллерийских установок калибром 100 и более мм – 788 и вместо предусмотренных квотой 100 военных самолетов – 128².

В конце сентября 2008 г. израильская газета «Гаарец» сообщила о подписании Министерством обороны Израиля с правительством Азербайджанской Республики ряда военных контрактов на несколько сотен миллионов долларов и перечислила номенклатуру уже ранее поставленного в Баку вооружения.

Речь идет о новейших автоматах TAR-21 «Тавор» и боеприпасах к ним, гаубицах и боеприпасах производства компании «Солтам», ракетных артиллерийских системах производства концерна «Оборонная промышленность» (ТААС) и системах связи компании «Тадиран». В числе поставок Баку значится и оружие совместного израильско-казахстанского производства: самоходная гаубица «Семсер», установленная на КамАЗе, и самоходный 120-миллиметровый миномет «Айбат». Концерн ТААС также создал автономную многоцелевую ракетную установку «Найза», модификацию системы Lynx («Рысь»). «Солтам» и компания «Зльбит» разработали также интегрированную автоматическую систему управления и контроля, объединяющую все три артиллерийские системы³.

Кроме того, стало известно о приобретении Баку израильских реактивных систем залпового огня «GradLAR» (в том числе и вариант калибра 300 мм). Также в июне 2008 г. сообщалось о приобретении Азербайджаном в Израиле у компании «Silver Arrow» 10 беспилотных летальных аппаратов «Hermes 450».

Согласно сведениям Регистра обычных вооружений ООН, в 2007 г. Украина поставила Азербайджану 9 истребителей МиГ-29 (5 самолетов этого типа были переданы в 2006 г.) Киев передал также Баку 43 ракеты средней дальности класса «воздух-воздух» Р-27, входящих в комплекс вооружения данного истребителя. В классе артиллерийских систем у Украины было закуплено 55 буксируемых гаубиц Д-30А калибра 122 мм⁴.

На Украине же в 2008 г. был закуплен высокоточный оперативно-тактический ракетный комплекс 9К79 «Точка-У» с дальностью действия 120 км, – он демонстрировался в ходе военного парада в Баку в конце мая 2008 г. После поставок из Украины 12 реактивных систем залпового огня «Смерч» калибра 300 мм на вооружении азербайджанской армии это уже второй комплекс, обладающий значительными поражающими возможностями и дальностью действия. Радиус действия ракетного комплекса «Точка-У» позволяет азербайджанской армии «достать» и до Еревана.

¹PanARMENIAN.Net, 18.10.2008 г.

²«Новости-Армения», 11.10.2008 г.

³«Пушки с Мертвого моря», Российские вести, № 34, 03.10.2008 г.

⁴«Продолжает вооружаться», «Голос Армении», 11.10.2008 г.

Список поставщиков оружия Азербайджанской Республики примерно соответствует аналогичному списку по Грузии. С одним важным отличием – среди вооружавших Тбилиси не было России, которая в 2007 г. продала бакинскому режиму 62 танка Т-72 и 4 БММ¹.

Поставки такого рода вооружений уже вызвали серьезные вопросы у общественности Республики Армения, официально являющейся союзником России по Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ) – военно-политического блока, объединяющего Армению, Белоруссию, Казахстан, Кыргызстан, Россию, Таджикистан и Узбекистан.

Похоже, в Кремле вновь наступают на те же грабли, что и в 1993 г., когда временный отказ Гейдара Алиева от подписания нефтяного контракта с Западом принес ему дивиденды в виде новых поставок российского оружия, которое вскоре он и использовал в ходе зимнего 1993–1994 гг. азербайджанского наступления на НКР.

В целом же, только по официальным данным Регистра обычных вооружений ООН о поставках оружия в Азербайджан, в период 2002–2007 гг. Баку приобрел 168 танков, 260 артиллерийских систем и 27 боевых самолетов².

Закупки новых вооружений сопровождаются частыми заявлениями Ильхама Алиева о том, что военный бюджет АР будет расти опережающими темпами и даже надеждами, что со временем он достигнет размера всего армянского бюджета. Хотя последние фантазии несут сугубо пропагандистский характер страшилок Азергаитпропа: «Нас много, мы сильные, шапками закидаем» и проч. На деле после падения цен на нефть, по официальным данным, прогноз по объему финансовых средств на сектор обороны и безопасности в азербайджанском госбюджете на 2009 г. снижен относительно утвержденного прогноза на 2008 г. на 10,3 %³.

Естественно, что в Нагорно-Карабахской Республике и Республике Армения также ищут и находят способы не дать Баку нарушить существующий военно-стратегический баланс сил, что ведет к дальнейшей эскалации гонки вооружений.

Как заявил министр обороны республики Армения Сейран Оганян (в 1991 г. он был командиром батальона в дислоцированном в Степанакерте 366 мотострелковом полку, прошел всю войну, возглавлял Армию обороны НК), боеспособность армянской армии высокая, а впереди еще целый комплекс мероприятий, направленных на ее реорганизацию.

«Рост военного бюджета тоже не имеет решающего значения, так как и во время карабахской войны количество техники, полученной Азербайджаном от СССР, многократно превышало число техники, имевшейся на вооружении армянских ВС. Сейчас разница значительно меньше и удерживает от начала военных действий именно сложившийся паритет»⁴.

События августа 2008 г. показали, что накопление в регионе Южного Кавказа такого количества вооружений при наличии шовинистических и агрессивных режимов рано или поздно приводит к эскалации насилия. Агрессивность же расистского азербайджанского режима налицо, хотя после известных событий в Южной Осетии он и несколько сбавил тон, но ненадолго.

¹http://disarmament.un.org/UN_REGISTER.NSF

²Там же

³«Азербайджан сокращает расходы на оборону», ИА «АрмИнфо», 20.10.2008 г.

⁴ИА «Regnum», 14.10.2008 г.; <http://www.regnum.ru/news/11069297.html>

Уже в своей инаугурационной речи Ильхам Алиев, повторно избранный президентом АР в октябре 2008 г., отверг даже теоретическую возможность разумного компромисса с армянской стороной относительно не только вопроса контролируемых карабахской стороной территорий бывшей АзССР, но и будущего статуса Нагорного Карабаха.

«В принципе, армянская сторона имеет дело не с чем иным, как с требованием полной и безоговорочной капитуляции. Такая бескомпромиссность Азербайджана полностью дискредитирует нынешний переговорный процесс, превращая его в обыкновенный фарс с будущей развязкой на полномасштабную войну»¹, – так охарактеризовал заявления Алиева уже упоминавшийся нами ранее армянский ученый и эксперт Армен Айвазян.

Учитывая, что де-факто решения о тех или иных действиях Баку формируются в Анкаре, вполне реально предположить, что развязывание войны было бы вполне в интересах последней, особенно учитывая возродившиеся в Турции надежды на укрепление своей роли в регионе. И, – кто знает, – может быть с надеждой на перспективу ввода турецких «миротворцев» в регион вооруженного конфликта. Ведь по имеющимся данным, турецкие части, пока что переодетые в форму азербайджанских вооруженных сил, уже дислоцированы как в зоне соприкосновения карабахских и азербайджанских сил, так и в Нахичеванской провинции.

Последствия новой войны в регионе многократно превзошли бы те, что были в начале 1990-х гг., они отбросили бы народы региона на десятки лет назад. Но те в Анкаре, кто заготавливает азербайджанское «пушечное мясо», мечтают, – пусть и за счет обескровливания и уничтожения инфраструктур Азербайджанской Республики, – задавить Нагорный Карабах и ликвидировать «проклятый армянский клин».

ОТ НЕЗАВИСИМОСТИ НЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ

На месте, однако, все представляется несколько по-иному. И послевоенная Нагорно-Карабахская Республика уже давно не ассоциируется ни у местных жителей, ни у туристов и заезжих командировочных с «горячей точкой».

Автор этой книги в последние полтора десятилетия многократно сопровождал в Нагорный Карабах журналистов, группы международных наблюдателей на президентских и парламентских выборах, различные делегации и отдельных зарубежных визитеров. Все они, побывав в Арцахе, в один голос высказывают удивление: они увидели совсем не то, что ожидали. Не застывший в ожидании своей дальнейшей судьбы или грядущей войны регион, но достаточно быстро и динамично развивающуюся страну с вполне приличными автодорогами, активным строительством, отстраивающимися и вновь растущими селами и поселками, промышленными предприятиями.

Особенно поражает гостей оживленный, чистый и аккуратный Степанакерт, где практически невозможно найти следов былой войны и полугодовой осады 55-тысячного города, расстреливаемого прямой наводкой из установок «Град» и артиллерийских орудий.

¹ИА «Regnum», 27.10.2008 г.; <http://www.regnum.ru/news/1075220.html>

Когда в глазах некоторых из гостей появлялось сомнение, – да было ли все это так, как о том рассказывают карабахцы? – приходилось пригласить их посмотреть видеозаписи и фотоматериалы тех времен. И после просмотра на их лицах прочитывались другие чувства: задумчивость и удивление...

И еще что замечают гости и туристы (число последних растет год от года; среди них французы и немцы, американцы и аргентинцы, японцы и корейцы, а отнюдь не только этнические армяне с «запада»), так это спокойный и уверенный оптимизм карабахцев, которые, кажется, не ощущают угрозы войны. Хотя она есть, реально существует, и об этом знает каждый, но люди уверены в своем будущем и знают, что они вовсе не одиноки и при помощи Республики Армения всем народом смогут отразить любую агрессию. Потому и готовы они вновь встать на защиту своих детей и стариков, домов, городов, сел и неповторимой природы.

Среди карабахских мужчин непропорционально много офицеров, контрактников, гражданских служащих Армии обороны Нагорного Карабаха. Служит в ней и немало женщин, что представляется россиянину или европейцу несколько непривычным для Южного Кавказа. Сегодня в Армии обороны служат юноши, рожденные в 1988–1990 гг., то есть в самом начале карабахского освободительного движения. Они не знали над собой иноземной власти и не желают отдавать свою страну чужому государству под названием Азербайджан, которое претендует на феодальное господство над ними.

Позиция властей НКР по вопросу независимости однозначна и неоднократно выражалась президентом республики. Вот одно из последних заявлений такого рода, сделанных президентом НКР Бако Саакяном по итогам состоявшихся в конце октября 2008 г. тактических учений Армии обороны Нагорного Карабаха.

На вопрос журналиста о том, могут ли, согласно распространяемым в последнее время слухам, подвергнуться опасности независимость и территориальная целостность Нагорно-Карабахской Республики в нынешних границах, Бако Саакян ответил:

«В течение последних лет мы неоднократно заявляли о том, что независимость и безопасность НКР не подлежат спекуляциям и торгам. Мы всегда являлись сторонниками мирного решения карабахской проблемы, но не за счет нашей независимости и свободы. Мы заплатили очень дорогую цену за независимость и свободу и не вправе ставить их под угрозу»¹.

Президент НКР также отметил, что Нагорно-Карабахская Республика готова начать прямые переговоры с Азербайджаном без каких-либо предварительных условий и обсуждать любые вопросы, связанные с урегулированием азербайджано-карабахского конфликта, но не за счет своей независимости и безопасности.

Что касается оценки степени боеготовности Армии обороны Нагорного Карабаха, то, по словам Бако Саакяна, военная подготовка вооруженных сил Нагорно-Карабахской Республики, как в очередной раз показали эти военные учения, находится на высоком уровне. Глава НКР отметил, что Армия обороны Нагорного Карабаха в состоянии предотвратить любое посягательство на независимость и безопасность НКР и в случае агрессии с азербайджанской стороны перевести боевые действия в глубь территории противника.

Социально-экономическое развитие Нагорного Карабаха за последние полтора десятилетия также позволяет говорить о том, что НКР состоялось как независимое государство.

Следует иметь в виду, что в годы войны было уничтожена подавляющая часть экономического потенциала края. На оккупированных территориях НКР (а в 1992 г. они составляли до 45 % всей территории республики) азербайджанские войска применяли тактику выжженной земли. Это хорошо видно на сделанных из космоса фотоснимках продолжающих оставаться под азербайджанской оккупацией территорий Мардакертского района НКР, размещенных в Интернете на ряде сайтов корпорации «Google». Позднее карабахцы ответили противнику тем же, разрушив до основания райцентры Агдам, Физули, Джебраил, многие десятки сел. Однако остается фактом то, что печальное первенство в этом вопросе принадлежало именно Баку: ведь пресловутой оккупации азербайджанских районов в 1993 г. предшествовали операция «Кольцо» и оккупация азербайджанскими войсками Шаумянского и большей части Мардакертского районов НКР в июне-июле 1992 г.

В послевоенные годы не хватало средств для восстановления экономики края. Не было международных кредитов и инвестиций: страна ведь непризнанная. Так, например, живущие в НКР беженцы из бывшей АзССР не получали никакой международной помощи. В то же время азербайджанские власти получали для своих беженцев, – которых вопреки Азерагитпропу было отнюдь не миллион, а несколько более 400 тысяч, – щедрую международную помощь. При этом, имея квартиры и дома изгнанных армян, в которых можно было с запасом расселить всех азербайджанских беженцев, селили их в скотских условиях в палаточных городках, расположенных в экологически неблагополучных районах АР.

Не обошлось в НКР во второй половине 1990-х гг. и без послевоенного синдрома с наполеоновским комплексом некоторых действительно прославивших себя на войне командиров и военных вождей. Но и так называемый «поствоенный синдром» был преодолен.

Пошли и инвестиции. Сначала – частных предпринимателей из диаспоры, потом все больше частных же капиталовложений, но уже не только от бизнеса армянского происхождения, но российских, стран СНГ. Уже сегодня ВВП на душу населения в НКР выше, чем в ряде вполне признанных стран СНГ. Экономисты утверждают, что темпы роста могли быть значительно выше, если бы не целый ряд объективных, внешних, и субъективных, внутренних проблем.

Как отмечали побывавшие в НКР азербайджанские журналисты, здесь нет вверных отключений электроэнергии, как это повсеместно принято в соседней Азербайджанской Республике, регулярно поступает в дома и природный газ. Кстати, по уровню газификации Нагорный Карабах разделяет с Республикой Армения первое-второе места среди признанных и непризнанных стран СНГ: в НКР газифицировано 90 % населенных пунктов (в 1988 г. лишь 8 из более чем 210 сельских населенных пунктов НКАО имели магистральное газоснабжение).

...Прекрасно осознавая, что в рамках последней главы этой книги просто невозможно рассказать о послевоенном политико-экономическом развитии и сегодняшнем дне НКР, мы завершим эту тему. Потому что книга эта писалась о том, как создавалась и развивалась карабахская проблема на протяжении XX в., как развивался нагорно-карабахский конфликт, чей образ намеренно искажался и продолжает искажаться пропагандой противников естественного права народа Арцаха свободно жить на земле предков.

¹Агентство «Регнум», 25.10.2008 г.; <http://www.regnum.ru/news/1074585.html>

Не исключено, что к теме урегулирования нагорно-карабахского конфликта и послевоенной жизни НКР мы еще вернемся. Но это будет уже в другой книге.

Тем временем Нагорный Карабах живет, строится, проводит у себя фестивали с участием зарубежных гостей и весьма представительные шахматные турниры. И даже необычные торжества. Так, 16 октября 2008 г. по инициативе и на средства известного благотворителя, уроженца карабахского села Ванк Левона Айрапетяна в шушинском храме Сурб Аменаприкч (Христа-Спасителя) и монастыре Гандзасар в один день были обвенчаны... 687 молодых пар. После венчания в Шуше 550 пар сыграли массовую свадьбу на футбольном стадионе в Степанакерте. Все молодожены получили приличные «подъемные»; им также были установлены солидные премии за каждого будущего ребенка.

«У каждой страны, у каждой нации есть свои заветные твердыни. Когда история народа складывается счастливо, она становится центром культурной и политической жизни. Когда судьба преследует нацию, она бывает оплотом национальной жизни, островом надежд, залогом возрождения. Именно последнюю роль играла и играет для армянского народа горная область Карабах», – писал в 1919 г. видный русский публицист Сергей Городецкий в статье «Карабах», опубликованной в тифлисской газете «Кавказское слово»¹.

Слова Сергея Городецкого не устарели и сегодня. Ведь по-прежнему актуален и следующий пассаж из той же статьи: «Будучи единым этнографически, хозяйственно и по языку, Карабах сделался цитаделью Армении, восточным ее флангом. Таким он был в прошлом, таков он сейчас, таким он будет и всегда, ибо сердце Армении, долину Арарата, нельзя защищать, не владея Карабахом».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Данный документ и приложение к нему были распространены в Организации объединенных наций 2 сентября 1997 года постоянной Миссией Республики Армения при ООН в Нью-Йорке (ниже помещен неофициальный перевод).

17 августа 1997 г.

Ваше Превосходительство,

в течение последних нескольких лет правительство Азербайджана активно распространяет сфабрикованную и фальшивую информацию о Нагорном Карабахе и о последних событиях нагорно-карабахского конфликта. Предоставленная Азербайджаном информация об оккупированных территориях, беженцах и перемещенных лицах не соответствует существующей действительности.

Мы уверены, что предоставление неточной и недостоверной информации о Нагорном Карабахе и нагорно-карабахском конфликте посредникам и международной общественности приводит к неправильным решениям и заключениям.

Приложенный документ, который подготовлен на основе беспристрастного анализа официальных источников, уточняет целый ряд вопросов и, таким образом, содействует лучшему пониманию существующей действительности, фактов и общей обстановки вокруг нагорно-карабахского конфликта.

Я в Вашем распоряжении для предоставления любой дополнительной информации.

Искренне Ваш,

*Леонард Петросян,
исполняющий обязанности Президента
Нагорно-Карабахской Республики*

Его Превосходительству г-ну Кофи Аннуну,
Генеральному Секретарю ООН,
Нью-Йорк.

Копии письма:

Верховному Комиссару ООН по беженцам,
Верховному Комиссару ООН по правам человека,
Международной организации миграций,
Межпарламентскому союзу,
Парламентской ассамблее СНГ,
Парламентской ассамблее ОБСЕ,
Парламентской ассамблее Совета Европы,
Министрам иностранных дел государств-членов Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху.

¹«Кавказское слово», 29 марта 1919 г.

Таким образом, к концу 1988 г. армянское население Нагорного Карабаха в целом (НКАО, Шаумянский район и Северный НК) составляло 268 тыс. человек.

Армянское население Северной части НК было насильственно депортировано в 1988–1991 гг. Депортации начались осенью 1988 г. и были завершены уже после начала открытой вооруженной фазы конфликта. Последние армянские населенные пункты этой зоны Геташен и Мартунашен были опустошены в апреле-мае 1991 г. во время совместной операции «Кольцо» МВД Азербайджана и внутренних войск СССР, в ходе которой были полностью депортированы и захвачены Азербайджаном 24 населенных пункта в Нагорном Карабахе. Ныне подавляющее большинство беженцев из Северного НК находится в Армении, частично в России и лишь малая часть – в НКР.

В ходе боевых действий летом-осенью 1992 г. азербайджанская армия заняла полностью Шаумянский район, около двух третей Мардакертского района, части Мартунинского, Аскеранского и Гадрутского районов НКР. В результате этого 66 тыс. армян стали беженцами и перемещенными лицами. После освобождения Армией обороны НК большей части оккупированных территорий (кроме Шаумянского и частей Мардакертского и Мартунинского районов НКР) 35 тыс. беженцев вернулись на территорию НКР. Однако вследствие того, что их села были либо полностью разрушены, либо продолжают оставаться под азербайджанской оккупацией, большую часть этих людей следует отнести к категории перемещенных лиц.

Таким образом, общее количество армянских беженцев из Нагорного Карабаха – 114 тыс. человек, в том числе 83 тыс. из Северного НК и 31 тыс. – преимущественно из Шаумянского и Мардакертского районов НКР.

В настоящее время перемещенных лиц в НКР – примерно 30 тыс. человек.

При общей численности армянского населения НКР на 1991 г.¹ в 185 тыс. человек, беженцев и перемещенных лиц непосредственно из самой НКР по состоянию на сегодня насчитывается 61 тыс. человек, что составляет 33 % армянского населения Нагорно-Карабахской Республики. То есть треть населения НКР является ныне беженцами или вынужденными переселенцами.

С учетом беженцев из северной части Нагорного Карабаха (см. выше) общее количество беженцев и перемещенных лиц-армян в целом по Нагорному Карабаху достигает, по данным на 1988 г., 144 тыс. человек, что составляет 54 % от общей численности армянского населения Нагорного Карабаха (НКР и Северного НК).

Таким образом, с 1988 г. каждый второй карабахский армянин, из числа живших на тот момент на своей Родине, стал беженцем или перемещенным лицом.

Несмотря на тот факт, что большинство армян, живших в Баку, Сумгаите, ряде других городов и районов Азербайджана и ставших беженцами в результате конфликта², являются выходцами из Нагорного Карабаха, мы намеренно ограничиваемся географическими

¹Источники информации:

перепись населения СССР 1989 г.;
отдел статистики Облсовета НКАО;
райисполком Шаумянского района;
комитет по делам беженцев НКАО.

²Азербайджан покинуло свыше 350 тысяч армян, которые находятся в Армении, России, странах СНГ и дальнего зарубежья.

и демографическими рамками Нагорного Карабаха и не ведем речь об этой, самой многочисленной, категории армянских беженцев, которая должна стать предметом обсуждения между Арменией и Азербайджаном.

Вышеприведенные цифры наглядно показывают, что из двух основных сторон конфликта – Нагорного Карабаха и Азербайджана (*данные по АР будут приведены ниже*) – у первого несравненно более тяжелое положение с беженцами и перемещенными лицами. К этому следует добавить, что в отличие от Азербайджана НКР практически не получает помощи для своих беженцев и перемещенных лиц по линии международных организаций. Во то же время азербайджанские беженцы из Нагорного Карабаха получают гуманитарную помощь от международных организаций. Таким образом, налицо к тому же и фактическая дискриминация беженцев по национальному признаку со стороны международных организаций.

ОККУПИРОВАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ НАГОРНОГО КАРАБАХА

Говоря об оккупированных территориях Нагорного Карабаха, власти НКР ведут речь об оккупированных Азербайджаном территориях Нагорно-Карабахской Республики, которые, как уже говорилось ранее, охватывают не весь армянский Нагорный Карабах в его географическом, историческом и этническом единстве, а только территории бывшей НКАО и Шаумянского района (*см. выше*), на которые в начале открытых боевых действий в полной мере распространялась власть руководства НКР.

В результате боевых действий между Азербайджаном и НКР азербайджанские войска заняли в 1992 г. и оккупируют на сегодня около 750 км² территории НКР, что составляет 15 % ее площади. Речь идет о всем Шаумянском (600 км²), а также частях Мардакертского и Мартунинского районов.

АЗЕРБАЙДЖАН

Согласно пропагандистским утверждениям азербайджанских властей и официальных представителей, на настоящий момент будто бы оккупировано 20 % территории Азербайджана, а в стране, якобы имеется свыше 1 млн беженцев и перемещенных лиц. Утверждается также, что такая ситуация возникла вследствие «агрессии Армении против Азербайджана и захвата Арменией как Нагорного Карабаха, так и прилегающих к нему районов».

Отметим, что ни в одной из резолюций Совета Безопасности ООН, принятых в связи с нагорно-карабахским конфликтом, нет каких-либо выражений об «агрессии» Армении и, как следствие, требований о выводе ее войск с территории Азербайджана и Нагорного Карабаха (*см. резолюции 822, 853, 874, 884 /все от 1993 г./ СБ ООН*).

ВПРОС ЗАНЯТЫХ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Согласно картам, которые демонстрируют представители АР, общая площадь занятых Армией обороны НК территорий составляет якобы 8780 км² при общей площади Азербайджанской Республики 86 600 км². Простое арифметическое действие показывает, что площадь семи прилегающих к НКР районов АР составляет лишь 10 % от указанной территории. Даже если считать, как об этом официально заявляют руководители АР, что сама Нагорно-Карабахская Республика также является «оккупированной территорией», то и тогда эти территории составят не 20, а 13 %¹.

Как уже говорилось выше, ни в одной резолюции ООН или в документах ОБСЕ, нигде, никогда и ничего не говорилось об «оккупации Арменией территорий Азербайджана». Само это утверждение является плодом фальсификаторских усилий азербайджанской пропаганды. Поскольку же Нагорный Карабах никак не может оккупировать сам себя, следовательно территория НКР, находящаяся под контролем властей НКР (около 4300 км²) не может, естественно, ни при каких условиях считаться «оккупированной территорией АР».

Следует особо отметить, что представляемые азербайджанской стороной карты-схемы, во-первых, часто имеют преднамеренно искаженный масштаб, при котором НК и окружающие его районы изображены крупнее, чем они есть на самом деле по отношению к соседним регионам; во-вторых, линия карабахско-азербайджанского военного соприкосновения проведена на них много восточнее подлинных границ противостояния, что легко заметить, если сравнить азербайджанские карты-схемы с военными и иными картами, используемыми в работе Минской группы ОБСЕ по НК.

Между тем, и после всего вышесказанного приводимая АР площадь занятых территорий является завышенной.

Известно, что Армия обороны НК в ходе боевых действий заняла полностью 5 районов АР (Лачинский, Кельбаджарский, Кубатлинский, Зангеланский и Джебраильский). Агдамский и Физулинский районы заняты частично, в целом примерно на 30 %.

По азербайджанским же данным², площадь и население указанных районов составляют:

Район	Площадь, км ²	Население, тыс. человек
Кельбаджар	1936	50,6
Лачин	1835	59,9
Кубатлы	802	30,3
Джебраил	1050	51,6
Зангелан	707	33,9
Агдам	1094	158
Физули	1386	100

¹С учетом реальной площади занятых друг у друга Азербайджаном и НКР территорий

²Данные МО АР, распространенные Посольством АР в РФ осенью 1994 г., данные переписей населения, книга «Азербайджанская ССР – Административно-территориальное деление, Азгосиздат, Баку, 1979 г., азербайджанская газета «Мухалифат» от 03.04.1996 г. и т.д.

Общая площадь первых 5 районов – 6330 км². Общая площадь Агдамского и Физулинского – 2480 км², но из них под контролем Армии обороны НК находится 35 % территории Агдамского и 25 % Физулинского районов, т.е. соответственно 383 и 347 км². Таким образом, приводимые в азербайджанских данных цифры о площади занятых территорий – в 8780 км² – также являются фальсификацией.

Общая площадь территории АР, находящейся под контролем НКР, равняется не 8780 км², а 7059 км², что составляет 8 % от территории бывшей АзССР, то есть в два с половиной раза меньше 20 %, о которых постоянно твердят руководители и представители АР, намеренно вводя в заблуждение международное сообщество и мировое общественное мнение.

Напомним, что Азербайджан со своей стороны оккупирует 15 % территории НКР.

БЕЖЕНЦЫ И ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Из Армении в 1988–1989 гг. выехало 168 тыс. азербайджанцев¹. Эти 168 тыс. человек, покинувших Армению через 8–10 месяцев после погромов армян в Сумгаите и насильственного изгнания более 350 тыс. армян из АзССР, в большинстве своем обменяли или продали свои дома. Остальные получили от правительства Армении денежную компенсацию, в то время как беженцы-армяне из Азербайджана не получили до сих пор никакой компенсации. Бывшую НКАО в 1991–1992 гг. в ходе военных действий покинуло практически все азербайджанское население – 40,6 тыс. человек, или 21,5 % ее населения (по данным переписи 1989 г.). Отметим, что Азербайджан намеренно завышает численность азербайджанского населения бывшей НКАО, говоря о «60 тысячах» азербайджанцев, или о «трети населения НКАО».

Азербайджанское население Шаумянского района осталось в своих домах во всех 4-х азербайджанских селах, расположенных по периметру границ района в его северной и восточной частях (там же в 1991–1992 гг. проходила линия карабахско-азербайджанского фронта). Не пострадало азербайджанское население и на территориях, прилегающих к северной части НК, а также непосредственно в населенных пунктах Северного НК, откуда в 1988–1991 гг. было депортировано 83 тыс. карабахских армян. Более того, в дома и квартиры армян, изгнанных из северной части НК было заселено более ста тысяч беженцев-азербайджанцев².

Согласно вышеуказанным азербайджанским же данным, численность населения 7 районов, полностью или частично занятых Армией обороны НК, составляла в 1989 г. 483,9 тыс. человек. С учетом того факта, что Агдамский и Физулинский районы заняты частично, общее число перемещенных лиц, покинувших указанные районы, составило

¹Именно такова была их численность в Армении, по официальным данным на начало 1988 г.; в Баку произвольно называют цифру в 200 и даже 250 тыс. человек.

²В соответствии с данными переписи населения СССР 1989 г. средний размер азербайджанской семьи в АзССР составлял 5,6 чел., армянской – 3,85 чел.; кроме того, вследствие 70-летней политики дискриминации армян в АзССР и их выдавливания из республики, в армянских селах сохранилось множество пустовавших домов, хозяева которых в предшествующие годы уезжали в Армению, Россию и другие республики бывшего СССР.

примерно 420 тыс. человек, из которых 45 тыс., по азербайджанским данным, вернулись в 1997 г. в свои дома. Таким образом, из общего числа жителей указанных семи районов лишь 375 тыс. человек являются перемещенными лицами и беженцами¹.

Общее количество азербайджанских беженцев и перемещенных лиц в АР, таким образом, складывается из вышеназванного числа, к которому следует приплюсовать количество беженцев из Армении (168 тыс. человек, которые, как отмечалось выше, обменяли дома или получили компенсацию и поэтому лишь с натяжкой могут считаться беженцами) и Нагорного Карабаха (40 тыс. человек).

Таким образом, в Азербайджане вследствие нагорно-карабахского конфликта насчитывается 583 тыс. беженцев и перемещенных лиц, что составляет 7,9 % декларируемой Азербайджаном официальной численности населения Азербайджанской Республики. Заявления о «миллионе беженцев в Азербайджане» является таким же плодом пропагандистских фальсификаций, как и заявления о «20 % оккупированных территорий Азербайджана».

Напомним, что в Нагорно-Карабахской Республике треть населения составляют беженцы и перемещенные лица. По данным Республики Армения, беженцами в Армении являются 12 % населения. Кроме того, 300 тыс. человек в Армении лишились жилья в результате землетрясения 1988 г., а сама страна продолжает находиться в блокаде, осуществляемой Азербайджаном и одним из членов Минской группы ОБСЕ по НК – Турцией.

ОСНОВНЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ В ПРОЦЕНТАХ

Территория НКР, оккупированная Азербайджаном	Территория Азербайджана, находящаяся под контролем Армии обороны НК
15 %	8 %
Беженцы и перемещенные лица в Азербайджане (в % к численности населения)	Беженцы и перемещенные лица в НКР (в % к численности населения)
33 %	7,9 %

¹Из которых 40 тыс. выехали в Россию, где, по данным МВД РФ, уже находится в настоящее время около полутора миллионов азербайджанцев – граждан АР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Благодарности от автора.....	6

Пролог

ВОЙНА И МИР ПО-ЗАКАВКАЗСКИ

Где он, этот Карабах?.....	11
----------------------------	----

Глава 1

ПРОБУЖДЕНИЕ

Анонимные автономии.....	21
Армянское Косово.....	26
Кто на новенького?.....	32
Несмирившиеся.....	34
Так где же он, этот Карабах?.....	40

Глава 2

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА ЗАКАВКАЗЬЯ

Географическая подмена.....	48
Могучая «горстка».....	57
Перекройки до перестройки.....	64
Тюркизация Шуши и района.....	67
Мобилизации и пустующие села.....	80
Апартеид по-бакински.....	87

Глава 3

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПАРАЛИЧ

Миражи и реалии карабахской экономики.....	93
Народное хозяйство в загоне.....	99
Овцы в законе.....	105
Диспропорции бытия и забытые дороги.....	112

Глава 4

ВОЙНА С ХРАМАМИ

Область развитого атеизма.....	118
«Албанское наследство».....	123
Расстрелянные святыни.....	128
Спасены и возрождаются.....	134

Глава 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ И РЕАЛИИ

Азербайджан как он есть.....	138
Подмена, опрокинутая в прошлое.....	143
Кто куда и откуда переселялся?.....	147
Турецкий след: указующая рука Анкары.....	155
Каждой сестре по серьге.....	161

Глава 6

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Дела минувших дней?.....	168
Экссессы советского периода.....	170
Чардахлу: превентивный погром.....	172
«Нафанский миф».....	175
Аскеранский инцидент.....	181

Глава 7

РЕЗНЯ В СУМГАИТЕ: ФАКТЫ И ИХ ИСКАЖЕНИЕ

Картина резни глазами очевидцев.....	187
Погромы были подготовлены и хорошо организованы.....	191
Почему именно Сумгаит?.....	199
Бездействие центральных властей.....	202
«Массовые беспорядки» и «хулиганы».....	207
Гримасы интернационализма.....	210
Азербайджан: в поисках «армянского следа».....	213
Развал следствия и суда над погромщиками.....	219

Глава 8

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ ЛЖИ

Что же там произошло?.....	225
«Послушные» и «непослушные» парни.....	229
В кривом зеркале советской прессы.....	232
Крупницы правды: только не в «Правде».....	240
Пропагандистские пляски на костях.....	245

Глава 9

УДУШЕНИЕ С УСКОРЕНИЕМ

«Ускорение» по рецепту Баку.....	253
Есть контакт?.....	260
Комитет особого управления.....	263
Дымовая завеса демагогии.....	275

Глава 10
БЛОКАДА И НАБЕГИ

НФА: материализация духов.....	280
Железнодорожная блокада.....	283
Внешняя блокада автодорог.....	288
Агропромышленный комплекс под ударом.....	293
Скотокрады перестроечного периода.....	295
Разбои и набеги.....	298

Глава 11

КРОВАВЫЙ ЯНВАРЬ 1990 г.

На границе тучи ходят хмуро.....	308
Репетиция карабахской войны.....	311
Баку: когда-то и накануне.....	315
Погромы в Баку.....	319
Ввод войск в Баку.....	327
После января: погромы на экспорт.....	331

Глава 12

ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНА

Война постановлений.....	336
Вся власть – военным.....	340
Репрессии и террор.....	344
Политика фактической ликвидации НКАО.....	355
Информационная блокада.....	363
Формирование образа врага.....	374

Глава 13

ГНЕВ И ПЕПЕЛ: ОПЕРАЦИЯ «КОЛЬЦО»

Неожиданный поворот в войне законов.....	384
Горы и оружие.....	387
Операция «Кольцо»: как это было.....	394
Эскалация насилия и сопротивление.....	403
Камуфляж депортации.....	413
КРИК протеста в море безмолвия.....	417
«Герои» и последствия операции «Кольцо».....	422

Глава 14

ВОЙНА И МИФЫ

Развод по-советски.....	427
Вооружайся, кто может!.....	435
Война.....	440

Асимметрия в освещении событий.....	447
Военные мифы и байки.....	458

Глава 15

УРЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЗ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Сценарий, которого не было.....	468
Переговоры и нефтяные интересы.....	471
Мадридские секреты Полишинеля.....	484
Истерия и угрозы реванша в Азербайджанской Республике.....	492
Блеф на фоне опасной милитаризации.....	502
От независимости не отказываются.....	511

ПРИЛОЖЕНИЯ	515
ДАННЫЕ О БЕЖЕНЦАХ, ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦАХ И ЗАНЯТЫХ В ХОДЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ТЕРРИТОРИЯХ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ	516

Научно-популярное издание

Мелик-Шахназаров Арсен

**НАГОРНЫЙ КАРАБАХ
ХРОНИКИ НЕНАВИСТИ**

Ответственный за выпуск *В. В. Иалева*

Редактор *О. Ю. Соловей*
Технический редактор *О. В. Федькова*

Подписано в печать 21.03.2011. Формат 60x84 1/16.
Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,69. Уч.-изд. л. 42,24. Тираж 2050 экз. Заказ 709.

ООО «Современная школа».
ЛИ № 02330/0494010 от 08.01.2009. Ул. П. Глебки, 11, 220104, г. Минск.

РУП «Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009. Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск.